Saratov State University
Department History and International Relations
Chair of Ancient History

ANCIENT WORLD AND ARCHAEOLOGY

Collection of papers

Founded in 1972

Volume 13

Saratov 2009

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Исторический факультет
Кафедра истории древнего мира

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 г.

Выпуск 13

Саратов 2009

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43
А72

Редакционная коллегия :
доктор ист. наук В.Г. Борухович, канд. ист. наук В.И. Кац,
доктор ист. наук В.И. Кащеев, канд. ист. наук Ю.Н. Кузьмин,
доктор ист. наук Е.А. Молев, доктор ист. наук С.Ю. Монахов (зам. отв. редактора),
канд. ист. наук А.В. Мосолкин (отв. секретарь),
доктор ист. наук В.Н. Парфенов (отв. редактор),
канд. ист. наук А.А. Синицын, канд. ист. наук Е.В. Смыков,
доктор ист. наук И.Е. Суриков, доктор ист. наук Э.Д. Фролов

The Editorial Board :
Prof. V.G. Boruchovich, Prof. E.D. Frolov, Prof. V.I. Kashsheyev, Dr. V.I. Katz,
Dr. Yu.N. Kuzmin, Prof. E.A. Molev, Prof. S.Yu. Monachov (Vice-Editor-in-Chief),
Dr. A.V. Mosolkin (Secretary), Prof. V.N. Parfenov (Editor-in-Chief),
Dr. A.A. Sinitsyn, Dr. Ev.V. Smykov, Prof. I.Ev. Surikov

А72 **Античный мир и археология**: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, изд-во «Научная книга», 2009. Вып. 13. 438+14 с. Илл.
ISSN 0320-961X

Тринадцатый выпуск альманаха «Античный мир и археология» включает материалы, освещающие различные аспекты истории древнего мира. Первые два раздела содержат статьи по истории Греции в классическую и эллинистическую эпохи; здесь разрабатываются проблемы взаимоотношений греческого мира со странами и народами Востока, обсуждаются вопросы военно-политической истории и культуры древней Эллады. Значительное место в сборнике занимают исследования по истории Рима от Ранней республики до Поздней империи (разделы III–IV). В трудах по римской тематике актуализируются проблемы экономики, политической пропаганды, религии, римского права и военной истории. Новый взгляд на проблемы истории и археологии античного Причерноморья отражен в работах, представленных в пятом разделе. В заключительной части помещены статьи по античной историографии и источниковедению. В этом выпуске АМА публикуются античные нарративные памятники – фрагменты Ликофрона и Дионисия Периэгета с переводами и комментариями к текстам.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, специалистов по античной истории, археологии и классической филологии, на всех, кто интересуется историей древнего мира.

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43

ISSN 0320-961X

© Саратовский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... X

I. Эллада и ее соседи

Рунг Э.В. (Казань)
Афины и Персия: первые контакты.....3
Суриков И.Е. (Москва)
Образы времени в историческом труде Геродота 10
Синицын А.А. (Саратов)
В августе 424-го.
Ускоренным маршем от Истма до Македонии
(историко-географический аспект
фракийского похода Брасида). Часть I 36
Химин М.Н. (Санкт-Петербург)
Игра Ахилла и Аякса в кости.
Проблема определения сильнейшего героя..... 70

II. Эллинизм

Сивкина Н.Ю. (Нижний Новгород)
«Морская программа» Филиппа V
в 220–214 гг. до н.э. 85
Габелко О.Л. (Казань)
К династической истории
эллинистической Каппадокии:
царский дом Ариаратидов.....92
Ладынин И.А. (Москва),
Габелко О.Л. (Казань),
Кузьмин Ю.Н. (Самара)
Новая концепция династической
истории эллинизма?
Размышления по поводу монографии Д. Огдена.....120

III. Республиканский Рим

Сидорович О.В. (Москва)
Авгурии и ауспиции: содержание понятий.....151
Сморчков А.М. (Москва)
Политическая и сакральная власть
в римской цивитас:
механизмы взаимодействия.....159
Коптев А.В. (Хельсинки, Финляндия)
История добродетельной Лукреции:
между литературой, правом и ритуалом.....176

Дементьева В.В. (Ярославль)
Римская идентичность:
формирований традиций гражданского коллектива……..203
Короленков А.В. (Москва)
Марий и Катул:
история взаимоотношений
homo novus и *vir nobilissimus*……214
Циркин Ю.Б. (Новгород Великий)
Восстание Лепида……225
Ахиев С.Н. (Саратов)
Птолемей Цезарь в пропаганде триумвиров……242

IV. Императорский Рим

Ляпустин Б.С. (Москва)
Хозяйственная жизнь
знатных фамилий в Помпеях……251
Сергеева Е.В. (Новгород Великий)
Тертуллиан и семья:
к внутренней христианской полемике
эпохи Северов……262
Банников А.В. (Санкт-Петербург)
К вопросу об изменениях
в римской военной тактике и вооружении
в эпоху Поздней империи……271
Козленко А.В. (Минск, Беларусь)
Плюмбата в римской армии IV–VI вв……290
Копылов И.А. (Москва)
Этнический облик арианской церкви
в вандальской Африке (V–VI вв.)……301

V. История и археология античного Причерноморья

Скржинская М.В. (Киев, Украина)
Монументальная скульптура в изображениях
на памятниках прикладного искусства
из античных государств Северного Причерноморья……323
Чурекова Н.Б. (Саратов)
Гераклея и Херсонес:
к проблеме взаимоотношений……332
Ломтадзе Г.А. (Москва)
Об одной группе эллинистических сосудов
из некрополя Ольвии……342
Парфёнов В.Н. (Саратов)
Боспорская миссия Марка Ульпия Прима……350

VI. Античная историография и современное источниковедение

Ладынин И.А. (Москва)
Античная традиция о царе Амасисе
и египетские литературные прототипы……..357
Коссаифи К. (Севр, Франция)
Буколические «Идиллии» Феокрита: поэтика счастья……373
Кюссэ К. (Лион, Франция)
Вариации образа собаки в «Александре» Ликофрона……389
Мосолкин А.В. (Саратов)
Исторический комментарий
к поэме «Александра» Ликофрона (стт. 1226–1280)……398
Илюшечкина Е.В. (Москва)
Италия в описании Дионисия Периэгета (стт. 339–383):
опыт комментария ……420

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……435

CONTENTS

ABBREVIATIONS X

I. Hellas and the Neighbours

EDUARD V. RUNG (Kazan)
Athens and Persia: The First Contacts 3
IGOR E. SURIKOV (Moscow)
Images of Time
in Herodotus' Historical Work 10
ALEXANDER A. SINITSYN (Saratow)
Im August 424 v. Chr.
Der Gewaltmarsch von Isthmos bis Makedonien
(historisch-geographischer Aspekt
des thrakischen Feldzuges des Brasidas). Teil I 36
MIKHAIL N. KHIMIN (Sanct-Petersburg)
Achilles and Ajax Playing a Game:
The Problem of Identifying the Strongest Hero 70

II. Hellenistic World

NATALIA YU. SIVKINA (Nizhnij Novgorod)
"The Sea Program" of Philip V in 220–214 B.C. 85
OLEG L. GABELKO (Kazan)
Some Problems of Hellenistic Cappadocia's
Dynastic History 92
IVAN A. LADYNIN (Moscow),
OLEG L. GABELKO (Kazan),
YURIY N. KUZMIN (Samara)
A New Concept of the Hellenistic Dynastic History?
Thoughts about the Book of D. Ogden 120

III. The Republican Rome

OLGA V. SIDOROVICH (Moscow)
Some Notes on *auguria* and *auspicium* 151
ANDREY M. SMORCHKOV (Moskau)
Die politische und sacrale Macht
in der römischen *civitas*:
Weise und Wege der Wechselwirkung..... 159
ALEXANDR V. KOPTEV (Helsinki, Finnland)
The Story of the Virtuous Lucretia
in the Context of Literature, Law and Ritual 176
VERA V. DEMENTIEVA (Yaroslavl)
Römische Identität:
die Formierung der Bürgerschaftstraditionen..... 203

ANTONII KOROLENKOV VICTORIS F. (Moscoviensis)
De C. Mario deque Q. Lutatio Catulo
quaeque necessitudo inter hunc virum nobilissimum
et illum hominem novum interceserit 214
JULIY B. TSIRKIN (Velikij Novgorod)
Lepidus's Rebellion 225
SERGEY N. AKHIEV (Saratov)
Ptolemy Caesar in Propaganda of Triumviri 242

IV. The Imperial Rome

BORIS S. LJAPUSTIN (Moscow)
Economic Life of Nobility in Pompeii 251
ELENA V. SERGEEVA (Velikij Novgorod)
Tertullian and a Family:
to the Inner Christian Polemics of the Severs' Epoch 262
ANDREY V. BANNIKOV (Sanct-Petersburg)
On the Problem of Changes
in the Roman Military Tactics and Arms
in the Epoch of the Later Empire..... 271
ALEXEY V. KOZLENKO (Minsk, Belarus)
Plumbata in Roman Army IV–VI A.D. 290
IVAN A. KOPYLOV (Moscow)
Arian Church in Vandal Africa:
Ethnical Character and Structure 301

V. History and Archaeology of Ancient Northern Black Sea Region

MARIA V. SKRZHINSKAJA (Kiev, Ukraine)
Monumental Sculpture in Depictions on the Monuments
of Decorative Art from the Ancient Polis
of Northern Black Sea Region 323
NATALIA B. CHUREKOVA (Saratov)
Model of Relation between Mother-city and Colony:
Heracleia and Chersonesos..... 332
GEORGY A. LOMTADZE (Moscow)
One Group of the Hellenistic Vessels
from the Necropolis of Olbia..... 342
VICTOR N. PARFENOV (Saratow)
Die bosporanische Mission des Marcus Ulpius Primus..... 350

VI. The Ancient and the Modern Historiography

IVAN A. LADYNIN (Moscow)
The Classical Tradition on Amasis
and its Egyptian Literary Prototypes..... 357

CHRISTINE KOSSAIFI (Sèvres, France)
Les *Idylles* bucoliques de Theocrite:
une poetique du bonheur..... ..373
CHRISTOPHE CUSSET (Lyon, France)
Variations sur l'image du chien
dans *l'Alexandra* de Lycophron..... 389
ALEXEY V. MOSOLKIN (Saratow)
A Historical Commentary
on Lycophron's *Alexandra* (vv. 1226–1280).....398
EKATERINA V. ILYUSHECHKINA (Moskau)
Beschreibung Italiens in der Periegese
des Dionysios von Alexandria (vv. 339–383)..... .420

ABOUT THE AUTHORS 435

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	– Античные города Северного Причерноморья
АМА	– Античный мир и археология
БЧ	– Боспорские чтения
ВДИ	– Вестник древней истории
ДБ	– Древности Боспора
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского
ДГ	– Древнейшие государства на территории СССР/Восточной Европы
ЖМНП	– Журнал Министерства Народного просвещения
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	– Известия императорской археологической комиссии
Изв. РАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИЯКФ	– Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского
КБН	– Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИНА	– Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МОДА	– Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс. Отв. ред. *О.Л. Габелко*. Ч. 1–2. Казань, 2000–2002
НО	– Надписи Ольвии. Л., 1968
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
НЯДМАКАСП	– Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987
ОАК	– Отчет императорской археологической комиссии
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. М., Магнитогорск
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
СЭ	– Советская этнография
Тр ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
AA	– Antike und Abendland: Beiträge zum Verständnis der Griechen und Römer und ihre Nachlebens
AAe	– Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал

ABFH	– Athenian Black Figure Vases. A Handbook. L., 1991
ABSA	– Annual of the British School at Athens
ABV	– Development of Attic Black-Figure Vase-painters. Berkeley; Los Angeles; London, 1986
AchHist III	– Achaemenid History. Vol. 3. Method and Theory / Ed. by *H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt*. Leiden, 1988
AHB	– Ancient History Bulletin
AC	– L'Antiquité classique
AD	– Archailogikon Deltion
AJA	– American Journal of Archaeology
AJPh	– American Journal of Philology
AMS	– Asia Minor Studien
AncSoc	– Ancient Society
ANRW	– Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
ANSMusN	– American Numismatic Society Museum Notes
Antiquity	– Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology
APSR	– American Political Science Review
ArchCl	– Archeologia classica
BABesch	– Bulletin Antieke Beschaving
BCH	– Bulletin de correspondance hellénique
BerlMus	– Berliner Museen. Berichte aus den preussischen Kunstsammlungen
BICS	– Bulletin of the Institute of Classical Studies
BIFAO	– Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale
BJ	– Bonner Jahrbücher
BMFA	– Bulletin of the Museum of Fine arts. Boston
CAH	– Cambridge Ancient History
CIL	– Corpus inscriptionum Latinarum
ClAnt	– Classical Antiquity
CPh	– Classical Philology
CQ	– Classical Quarterly
CR	– Classical Review
CRAI	– Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
CSCA	– California Studies in Classical Antiquity.
CVA	– Corpus vasorum antiquorum
CW	– Classical World
EIr	– Encyclopedia Iranica. L.
FGrH	– Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von *F. Jacoby et al.* Berlin; Leiden, 1923–1958
FHG	– Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. *C. et Th. Mülleri*. Vol. 1–5. P., 1841–1884
FPL	– Fragmenta poetarum Latinorum: epicorum et lyricorum. Praeter Ennium et Lucilium / Ed. *W. Morel* et *C. Buechner*. Lipsiae, 1982
FR	– *Furtwängler A., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei. Bd. 1–3. München, 1900–1932
GDH	– *Pape W.* Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. 3. Aufl. Braunschweig, 1911
GGM 1, Müller	– Geographi Graeci minores / Ed. *C. Müller*. Vol. 1. P., 1855 (repr. Hildesheim, 1965)
GR	– Greece and Rome
GRBS	– Greek, Roman and Byzantine Studies
HallWPr	– Hallisches Winckelmannsprogram

HSCPh	– Harvard Studies in Classical Philology
HThR	– Harvard Theological Review
IA	– Iranica Antiqua, Leiden
IACP	– An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by *M.H. Hansen* and *Th.H. Nielsen* (An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation). Oxf., 2004
IDélos	– *Durrbach F.* Inscriptions de Délos. T. 1–2. P., 1926–1928
IG	– Inscriptiones Graecae
IOSPE	– Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. *B. Latyschev*. Petropoli
IvPriene	– Die Inschriften von Priene / Hrsg. von *F.F. Hiller von Gaertringen*. B., 1906
JA	– Journal Asiatique
JdI	– Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JEA	– Journal of Egyptian Archaeology
JHS	– Journal of Hellenic Studies
JÖAI	– Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts in Wien
JRS	– Journal of Roman Studies
JSSEA	– Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities
KP	– Der kleine Pauly. Lexikon der Antike / Hrsg. von *K. Ziegler*, *W. Sontheimer*. Bd. 1–5. München, 1979
LIMC	– Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Vol. 1–8. Zurich; München, 1981–1997
LSJ	– A Greek-English Lexicon / Ed. by *H.G. Liddell* and *R. Scott*; rev. by *H.S. Jones*. Suppl. by *E.A. Barber et al.* Oxf., 1996
Manetho, ed. W.G. Waddell	– *Manetho*. With an English Translation by W.G. Waddell. Cambridge (Mass.) L., 1980
MDAIK	– Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Abt. Kairo
MEFRA	– Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome, Antiquité
NC	– Numismatic Chronicle
NP	– Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsg. von *H. Cancik*, *H. Schneider*. Bd. 1–16. Stuttgart; Weimar, 1996–2002
NS	– Notizie degli scavi di antichità
OCD^2	– Oxford Classical Dictionary / Ed. by *N.G.L. Hammond* and *H.H. Scullard*. 2nd ed. Oxf., (1970) 1976
OCD^3	– Oxford Classical Dictionary / Ed. by *S. Hornblower* and *A. Spawforth*. 3rd ed. Oxf., 1996
OGIS	– *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. 1–2. Lipsiae, 1903–1905
OLD	– Oxford Latin Dictionary / Ed. by *P.G.W. Glare*. Oxf., 1968
P. Bibl. Nat. 215 verso	– *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig, 1914 (Demotische Studien, 7)
P. dem. BM 604	– *Griffith F.* Stories of the High Priests of Memphis. Oxf., 1900

P. Sall. 1	– *Gardiner A.H.* Late Egyptian Stories. Bruxelles, 1932 (Bibliotheca Aegyptiaca, 1)
P. Westc.	– *Blackman A.M.* The Story of King Kheops and the Magicans. Transcribed from Papyrus Westcar (Berlin Papyrus 3033)
PIR	– Prosopographia Imperii Romani
PMG	– Poetae melici Graeci / Ed. *D.L. Page*. Oxonii, 1962
PP	– La parola del passato
QUCC	– Quaderni urbinati di cultura classica
RA	– Revue archéologique
RBPh	– Revue belge de philologie et d'histoire
RC	– *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
RdÉ	– Revue d'égyptologie
RE	– Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*. Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1980
REA	– Revue des études anciennes
REG	– Revue des études grecques
REL	– Revue des études latines
RHA	– Revue hittite et asiatique
RHDFE	– Revue historique de droit français et étranger
RhM	– Rheinisches Museum für Philologie
RHR	– Revue de l'histoire des religions
RN	– Revue numismatique
RPh	– Revue de philologie
RFIC	– Rivista di filologia e di instruzione classica.
RSA	– Rivista storica dell' antichità
SBMünch	– Sitzungsberichte, Bayerische Akademie der Wissenschaften [München], Philosophisch-historische Klasse
SH	– Studia historica
SVA II (Bengtson)	– Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 2: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. / Bearb. von *H. Bengtson*. 2., durchgesh. und ergänzte Aufl. München, 1975
TAPhA	– Transactions of the American Philological Association
TGF (Radt)	– Tragicorum Graecorum fragmenta. Vol. 4: Sophocles / Ed. *S. Radt*. Göttingen, 1977
TGF (Snell)	– Tragicorum Graecorum fragmenta. Vol. 1 / Ed. *B. Snell*. Göttingen, 1971
Urk. II.	– *Sethe K.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig
Urk. IV	– *Sethe K., Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig
WS	– Wiener Studien
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
ZRG	– Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ

Э.В. Рунг

АФИНЫ И ПЕРСИЯ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

Как известно, афиняне почти на протяжении всего VI в. до н.э. переживали период напряженной социально-политической борьбы, выразившейся в реформах Солона и тирании Писистратидов. Эта внутриполитическая нестабильность в афинском обществе VI в. до н.э. способствовала снижению роли Афин на международной арене. Так, например, остается неизвестным, как афиняне отреагировали на политику Кира Великого в отношении ионийских греческих городов, которые считали Афины своей метрополией. В труде Геродота фиксируются несколько ключевых событий в истории отношений с Персией до начала Греко-персидских войн: бегство бывшего тирана Гиппия в Персию (V.65.3; 91; 94.1); переговоры афинян с сатрапом Артафреном в отношении союза с Персией (V.73); переговоры афинян с сатрапом Артафреном в отношении пребывания Гиппия в Персии (V.96); посещение Афин Аристагором Милетским и решение афинян поддержать Ионийское восстание (V.97); казнь персидских глашатаев Дария I (VII.133); призыв к спартанцам о помощи накануне сражения при Марафоне (VI.105–106). В данной работе рассматриваются сведения Геродота (V.73) первой официальной афинской дипломатической миссии в Азию.

> Ἀθηναῖοι δὲ μετὰ ταῦτα Κλεισθένεα καὶ τὰ ἑπτακόσια ἐπίστια τὰ διωχθέντα ὑπὸ Κλεομένεος μεταπεμψάμενοι πέμπουσι ἀγγέλους ἐς Σάρδις, συμμαχίην βουλόμενοι ποιήσασθαι πρὸς Πέρσας· ἠπιστέατο γὰρ σφίσι [πρὸς] Λακεδαιμονίους τε καὶ Κλεομένεα ἐκπεπολεμῶσθαι. Ἀπικομένων δὲ τῶν ἀγγέλων ἐς τὰς Σάρδις καὶ λεγόντων τὰ ἐντεταλμένα Ἀρταφρένης ὁ Ὑστάσπεος Σαρδίων ὕπαρχος ἐπειρώτα τίνες ἐόντες ἄνθρωποι καὶ κῇ γῆς οἰκημένοι δεοίατο Περσέων σύμμαχοι γενέσθαι· πυθόμενος δὲ πρὸς τῶν ἀγγέλων ἀπεκορύφου σφι τάδε· εἰ μὲν διδοῦσι βασιλέϊ Δαρείῳ Ἀθηναῖοι γῆν τε καὶ ὕδωρ, ὁ δὲ συμμαχίην σφι συνεθίθετο, εἰ δὲ μὴ διδοῦσι, ἀπαλλάσσεσθαι αὐτοὺς ἐκέλευε. Οἱ δὲ ἄγγελοι ἐπὶ σφέων αὐτῶν βαλόμενοι διδόναι ἔφασαν, βουλόμενοι τὴν συμμαχίην ποιήσασθαι. Οὗτοι μὲν δὴ ἀπελθόντες ἐς τὴν ἑωυτῶν αἰτίας μεγάλας εἶχον.
>
> «После этого афиняне, возвратив Клисфена и 700 семей, выселенных Клеоменом, отправили вестников в Сарды, желая заключить союз с персами: ведь они полагали, что им предстоит воевать и с лакедемонянами, и с Клеоменом. После того как послы прибыли в Сарды и сказали о своем поручении, Артафрен, сын Гистаспа, наместник Сард, спросил их, что это за люди такие и какую землю населяют и почему хотят стать союзниками персов. Когда же он узнал об этом от послов, то кратко им так ответил: если афиняне дают царю Дарию землю и воду, то он заключит с ними союз, если же не дают, то он просит их отправляться обратно. Послы же по своему собственному усмотрению сказали, что дают, желая заключить этот союз. После того как они возвратились к себе домой (т.е. в Афины – *Э. Р.*), они были сурово осуждены».

В историографии наблюдаются различные подходы к общей оценке этой афинской миссии в Сарды. По мнению У. Хау и Дж. Уэллса, поражает то, что главные защитники Греции против мидянина первыми

предложили союз с ним[1]. Э. Уолкер замечал, что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма[2]. Дж. Холлэдэй предположил, что миссия афинских послов в 508/7 г. до н.э. – это первый признак мидизма при демократии[3]. И.Е. Суриков придерживается иного мнения. В частности, он пишет, что «еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или “предательского”, во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору лидийских царей…»[4]. Наконец, недавно Р. Бертольд также подчеркивал, что обвинение афинян в мидизме в год первого посольства совершенно несправедливо, так как только после Ионийского восстания, битвы при Марафоне и особенно после вторжения Ксеркса в отношениях с Персией начинает витать облако измены, и предательство начинают ассоциировать с мидизмом[5]. Действительно, мидизм, и особенно его восприятие греками как государственной измены характерны в большей степени для эпохи Греко-персидских войн, и можно согласиться с тем, что первое афинское посольство в Сарды не было предательством. Однако афиняне не виновны в мидизме не по этой причине; дело в том, как увидим далее, что афино-персидский союз так и не был заключен.

Геродот отмечает, что решение о направлении послов в Сарды было принято ввиду угрозы нового спартанского вторжения в Аттику во главе с Клеоменом I, царем Спарты, направленного на поддержку сторонников Исагора, которые противостояли Клисфену и Алкмеонидам. Однако остается неясным, почему афинский демос искал помощи против Спарты в далекой Азии, а не попытался найти поддержку где-нибудь по соседству в самой Греции[6]. В историографии стало почти традиционным то предположение, что за афинской миссией в Персию стоял сам знаменитый реформатор Клисфен. Об этом непосредственно заявляли еще Дж. Манро и Эд. Мейер[7]. Однако аргументировал эту точку зрения Э. Уолкер, по мнению которого, семья Клисфена поддерживала разносторонние контакты с Востоком еще в период существования Лидийского царства Мермнадов. Как стремился доказать исследователь, Клисфен предвидел пелопоннесское вторжение в Аттику, и потому решил обратиться к Персии. Э. Уолкер утверждал, что Клисфен должен нести полную ответственность за посольство в Сарды и за инструкции, данные послам[8]. На наш взгляд, исследователь переоценивал роль Клисфена в событии. Так, например, он даже заявил, что Клисфен сознательно допускал подчинение Персии ради сохранения демократии в Афинах (Клисфен, по мнению исследователя, должен был знать о том, что союз с

---

[1] *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1912. Vol. 1. P. 40.

[2] *Walker E.M.* Athens: The Reforms of Cleisthenes // CAH. 1930. Vol. 4. P. 158.

[3] *Holladay A.J.* Medism in Athens 508–480 B.C. // GR. 1978. Vol. 25. № 2. P. 178.

[4] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 71; *он же.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 328–329.

[5] *Berthold R.M.* The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. Bd. 51. Hft. 3. P. 266.

[6] По мнению Дж. Холлэдэя, у афинян в то время просто не было союзников в Греции (*Holladay A.J.* Op. cit. P. 178–179).

[7] *Munro J.A.R.* Some Observations on the Persian Wars // JHS. 1899. Vol. 19. P. 191; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Stuttgart, 1937. Bd. 3. S. 741.

[8] *Walker E.M.* Athens: The Reforms of Cleisthenes. P. 157–158, 167.

Персией возможен только при условии предоставления «земли и воды» персидскому царю и дал соответствующие инструкции афинским послам в Сарды)[9]. Мнение об участии Клисфена в организации посольства в Сарды встретило существенную поддержку в историографии[10]. Дж. Холлэдэй допускал возможность, что в отправке посольства могли принимать участие как сам Клисфен, так и афинский демос[11]. И.Е. Суриков также утвердительно говорит о Клисфене как об организаторе посольства афинян[12]. Но еще М. МакГрегор приводил аргументы против указанного мнения, доказывая, что афиняне направили послов в Сарды до возвращения Клисфена в Афины после его изгнания Писистратидами[13]. Действительно, если вчитываться в текст Геродота, то представленное исследователем развитие событий выглядит наиболее вероятным. Сообщение «отца истории» (V.73) ясно предполагает, что решения народа о возвращении Клисфена и афинских аристократических семейств из изгнания и об отправке миссии в Персию были взаимосвязанными (они, вероятно, были приняты, как замечает М. МакГрегор, «на одном народном собрании»), что должно исключать участие политика в организации посольства[14]. Тогда возникает закономерный вопрос: чем же могло быть вызвано обращение афинского демоса к Персии, если не восточными связями Алкмеонидов и лично Клисфена? Ответ, скорее всего, достаточно прост. Во-первых, афиняне наверняка слышали о могуществе восточного соседа греков – Персидской империи Ахеменидов, а, во-вторых, также могли быть осведомлены о достаточно напряженных персидско-спартанских взаимоотношениях, сложившихся еще со времени Кира Великого. Требование же «земли и воды», которое в Сардах предъявил

---

[9] Ср.: *Holladay A.J.* Op. cit. P. 179.

[10] См.: *Gomme A.W.* Athenian Notes. 1. Athenian Politics, 510–483 B.C. // AJPh. 1944. Vol. 65. № 4. P. 321–322; *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. Vol. 30. № 4. P. 398; *Gillis D.* Marathon and Alcmaeonids // GRBS. 1969. Vol. 10. № 2. P. 136; *idem.* Collaboration with the Persians / Historia. Einzelschriften, 34. Wiesbaden, 1979. P. 48; *Schachermeyer F.* Athen als Stadt des Grosskönigs // GB. 1973. Bd. 1. S. 211–220; *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Hft. 2. S. 48; *Orlin L.L.* Athens and Persia ca. 507 B.C.: A Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in honor of G.G. Cameron. Ann Arbor, 1976. P. 264; *Horsley G.H.R.* Kleisthenes and the Abortive Athenian Embassy to Sardis // Museum Philologum Londoniense. 1986. Vol. 7. P. 99–105; *Ostwald M.* The Reform of the Athenian State by Cleisthenes // CAH^2. 1988. Vol. 4. P. 308, 338; *Arnush M.F.* The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. Vol. 64. P. 141; *Berthold R.M.* Op. cit. P. 259 f.; *Cawkwell G.L.* The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf., 2005. P. 53.

[11] *Holladay A.J.* Op. cit. P. 179.

[12] *Суриков И.Е.* Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // МОДА. 2000. Ч. 1. С. 103; *он же.* Из истории греческой аристократии... С. 71; *он же.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 256. Исследователь предполагает, что организация Клисфеном посольства в Сарды могла быть причиной его опалы в конце жизни или по крайней мере потери его политического влияния (Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи. Дисс. докт. ист. наук. ИВИ РАН. М., 2004. С. 127; *он же.* Остракизм в Афинах. С. 179).

[13] *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson / HSCPh. 1940. Suppl. 1. P. 78.

[14] По крайней мере, именно так следует буквально понимать тот пассаж Геродота (V.73), в котором говорится об афинском посольстве в Персию. Вообще, мнение о причастности Клисфена к посольству – предположение, не следующее из текста «отца истории». Конечно, можно приводить общие соображения о политической ситуации в Афинах накануне вторжения Клеомена, о заинтересованности именно Клисфена в отношениях с Персией, однако исследователям следует прежде всего опровергать заявление Геродота, который приписывает организацию миссии именно «афинянам». Почему Геродот относит организацию посольства в Сарды в целом к афинскому демосу, а не лично Клисфену, Л. Орлин объясняет проалкмеонидовскими симпатиями «отца истории» (*Orlin L.L.* Op. cit. P. 256).

Артафрен афинским послам, очевидно, было для них полной неожиданностью и даже могло вызвать их опрометчивые действия.

П. Бикнелл предположил, что в состав афинского посольства в Сарды в 508/7 г. до н.э. входил некий Каллий, сын Кратия из Алопеки, связанный по происхождению как с родом Алкмеонидов, так и Кериков, который был изгнан остракизмом предположительно в 486/5 г. до н.э. Основанием для этой гипотезы исследователя было то, что на некоторых из поданных против него остракa он был назван «мидянином»[15], а на одном – имелась его карикатура в персидском одеянии в виде лучника[16]. И.Е. Суриков поддержал эту гипотезу П. Бикнелла, полагая, что Каллий , сын Кратия, возможно, даже возглавил афинское посольство к персам в Сарды[17]. Гипотеза вполне правдоподобная, хотя и не находит прямых подтверждений в источниках. С другой стороны, в ее пользу иногда принимается инвектива на остраконе, поданном против Каллия, что он «ходил к мидянам», т.е. в Персию – hoς ἐμ Μῆδον hῆκει[18]. Но, кроме неудачного посольства, конечно, вполне могли быть другие случаи, по которым Каллий, сын Кратия, мог совершить поездки в Азию к Дарию и его сатрапам.

В работах большинства исследователей принимается точка зрения (на наш взгляд, ошибочная), что *договор Афин и Персии действительно был заключен* в 508/7 г. до н.э., причем чаще всего современные историки оценивают ситуацию с позиции афинян. Так, например, Дж. Холлэдэй полагает, что послы заранее имели полномочия предложить «землю и воду», если таково будет требование персов. Последующее же отклонение союза афинянами было вызвано тем, что отпала необходимость в нем ввиду неудачи экспедиции Клеомена против Афин[19]. М.А. Дандамаев также считает, что союз был заключен и этим объясняет, что прибытие Аристагора Милетского в Афины накануне ионийского восстания было враждебно встречено многими жителями города (sic!)[20]. По мнению И.Е. Сурикова, договор был заключен, но не был ратифицирован экклесией[21]. В недавних работах исследователь идет еще дальше, полагая, что афинские послы дали сатрапу Артафрену «землю и воду» и этот символический акт означал формальное признание своего подчинения, что оказало значительное влияние не только на дальнейшее развитие отношений между Афинами и Персией, но и на весь ход Греко-персидских войн[22]. Здесь И.Е. Суриков солидарен с мнением, которое высказал в свое время еще Ф. Шахермейер, назвавший Афины после 508/7 г. до н.э.

---

[15] Инвективы на острака Каллия, сына Кратия, отличаются известным разнообразием. На одних он называется Μῆδος / Μῆδον, на других – ἐ(μ) Μῆδον, ἐγ Μῆδον, ἐκ Μῆδον, и на одном – hoς ἐμ Μῆδον hῆκει (*Brenne S.* Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testemonien (T. 1.) // Ostrakismos – Testemonien / Hrsg. von *P. Siewert* / Historia. Einzelschriften, 155. Stuttgart, 2002. S. 87–89). О Каллии, сыне Кратия, см.: *Shapiro H.A.* Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. Vol. 51. № 1. P. 71.

[16] *Bicknell P.J.* Op. cit. P. 48. Существует мнение, что Каллий, сын Кратия, подвергся остракизму в 471 г. до н.э. (*Brenne S.* Op. cit. S. 56), которое, однако, приводится без аргументации.

[17] *Суриков И.Е.* Два очерка о внешней политике Афин... С. 103–104.

[18] *Он же.* Остракизм в Афинах. С. 75.

[19] *Holladay A.J.* Op. cit. P. 179.

[20] *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 117.

[21] *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 71.

[22] *Он же.* Античная Греция. С. 256, 285–286; *он же.* Остракизм в Афинах. С. 329.

«городом Великих царей»[23]. Эту точку зрения развивают также Л. Орлин и Э. Курт, которые, однако, рассматривают события с позиции персов. В частности, Л. Орлин замечает: «Важнейшей причиной военных действий персов против Афин было нарушение последними своего статуса вассала по договору (*treaty-vassal*), как нарушителя соглашения (*contract-breaker*); помощь, которую Афины предоставили восставшим ионийским городам, являлась действием вышедшего из повиновения вассала (*a disobedient vassal*), решившего вступить в сговор с другими неповинующимися вассалами...»[24]. Э. Курт полагает, что договор был заключен и был все еще в силе, когда афиняне побуждали персов не помогать Гиппию в его попытках вновь утвердиться в Афинах; и только персидское требование принять назад Гиппия побудило Афины нарушить договор и присоединиться к ионийскому восстанию. Далее, как считает Э. Курт, Дарий в 491 г. до н.э. направлением требования «земли и воды» дал Афинам шанс восстановить свои отношения с Персией, и когда это не удалось, он уже отправил экспедицию, целью которой было приведение к покорности Афин и признания ими персидского царя своим повелителем. Поражение же при Марафоне послужило одним из предлогов для кампании Ксеркса в 480–479 гг. до н.э.[25]

Приведенную интерпретацию событий поддержал Дж. Балсер в своем труде, посвященном Греко-персидским войнам[26]. Она особенно привлекает внимание исследователей тем, что предполагает существование *кратковременного периода зависимости Афин от Персии*, и если это соответствует действительности, то вносит свои коррективы в мотивацию персидских походов против Греции, которая представлена в античной исторической традиции. Однако исследователи далеко не единодушны в принятии мнения, что афиняне заключили договор с Персией и тем самым стали подданными Дария I. Основные аргументы против такой позиции в историографии сформулировал недавно Н. Крамер[27].

Со своей стороны отметим, что парадокс ситуации в отношении результатов афинского посольства в Сарды заключался в том, что действия афинских послов могли быть различно истолкованы в Персии и в Афинах. Для персов согласие на предоставление «земли и воды» без всяких дополнительных условий само по себе было согласием на подчинение. Но для афинян те же самые действия ничего подобного не означали. Во-первых, как это замечает ряд исследователей, афиняне могли и не знать точного значения обычая преподнесения «земли и воды»[28]. Во-вторых, как правильно заметил И.Е. Суриков, заключение союзного договора не могло быть полностью в компетенции послов и требовало ратификации властных структур греческого полиса (в данном случае экклесии, которая и направила посольство в Сарды). Однако Геродот говорит, что ратификации не последовало. Послы согласились на пер-

---

[23] *Schachermeyer F.* Op. cit. S. 211–220.
[24] *Orlin L.L.* Op. cit. P. 265.
[25] *Kuhrt A.* Op. cit. P. 91–92.
[26] *Balcer J.M.* The Persian Conquest of the Greeks. Konstanz, 1995. P. 159.
[27] *Kramer N.* Athen – keine Stadt des Grosskönigs! // Hermes. 2004. Bd. 32. S. 257–270.
[28] *Kelly T.* Persian Propaganda – A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. 2003. Vol. 38. P. 177; *Wiesehöfer J.* 'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / Ed. by *V. Karageorgis* and *I. Taifacos*. Nicosia, 2004. P. 212.

сидские условия от своего имени (ἐπὶ σφέων αὐτῶν), а по возвращению на родину им были предъявлены суровые обвинения – αἰτίας μεγάλας εἶχον (V.73). В-третьих, насколько можно понять из текста «отца истории» (V.73), афинские послы в Сардах только выразили согласие предоставить «землю и воду» – οἱ δὲ ἄγγελοι... βαλόμενοι διδόναι ἔφασαν. Однако для реального подчинения одного согласия для Персии, очевидно, было недостаточно: требовалось символическое преподнесение «земли и воды», что, собственно, афиняне едва ли когда-нибудь исполнили[29]. Таким образом, действия послов не означали подчинения афинян персидскому царю ни с юридической, ни с фактической стороны.

***

Первое афинское посольство в Персию в 508/7 г. до н.э. наверняка отразилось на состоянии афино-персидских взаимоотношении. Поскольку договор так и не был заключен, то афиняне не имели какой-либо определенности в отношениях с Персией. Напротив, персидский царь и сатрапы могли уже видеть афинян в числе своих новых подданных со всеми вытекающими отсюда последствиями и ожидали только формального закрепления отношений подданства в результате преподнесения «земли и воды». Не получив таковых, Дарий I позднее, в 491 г. до н.э., направил других своих глашатаев в Афины, чтобы вновь потребовать «землю и воду» как знаки подданства.

Другие переговоры, которые состоялись в Сардах около 500 г. до н.э. (они проходили после 507 г. до н.э., но еще до 499 г. до н.э. – начала собственно ионийского восстания), впрочем, окончательно определили враждебное отношение афинского демоса к Персии. На этот раз афинские послы вели переговоры с Артафреном уже конкретно по поводу пребывания в стане персов Гиппия, сына Писистрата, который, по словам Геродота, предпринимал антиафинскую пропаганду и стремился подчинить город Афины себе и Дарию.

В отношении хода этих переговоров можно привести следующее замечание Геродота (V.96): «Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия»[30]. Таким образом, «отец истории» дает понять, что сатрап занял довольно жесткую позицию на переговорах. Потребовав возвращения Гиппия в Афины, он тем самым способствовал возникновению антиперсидских настроений афинского демоса, который, разумеется, не желал «реставрации» тирании Писистратидов, тем более под персидским протекторатом.

---

[29] *Kramer N.* Op. cit. S. 260. О процедуре предоставления «земли и воды» свидетельствуют схолии к «Персам» Эсхила, по данным которых, Дарий I в 491 г. до н.э. «послал афинянам корзину, чтобы принять от них землю и воду, и быть повелителем земли и моря» (ἔπεμψεν Ἀθηναίοις σπυρίδα, γῆν καὶ ὕδωρ αὐτῶν ὡς δῆθεν ἐντεῦθεν δόξαι γῆς καὶ θαλάττης εἶναι κύριος. – *Schol. in Aesch. Pers.* hyp., 15–17).

[30] По мнению Б. Меритта, значение этого пассажа никогда не было полностью понято в историографии (к 1939 г.). Он подразумевает, что афиняне находились в хороших отношениях с Персией и что они были заинтересованы в поддержании дружественных отношений. Ответ же Артафрена, по мнению исследователя, был ответом не равному партнеру, но своему вассалу (*Meritt B.D.* Greek Inscriptions (14–27) // Hesperia. 1939. Vol. 8. № 1. P. 63).

Несомненно, рассмотренные мною переговоры во многом предрешили дальнейшие действия афинян, направленные на вооруженную поддержку ионийского восстания, ибо, по сведениям Геродота (V.97), Аристагор Милетский прибыл в Афины как раз в тот момент, когда афинский демос был враждебно настроен по отношению к Персии. В итоге милетскому тирану очевидно не стоило больших трудов убедить большинство афинян оказать военную помощь восставшим[31]. Результат дипломатической миссии Аристагора хорошо известен: афинское народное собрание проголосовало отправить на помощь восставшим 20 кораблей во главе со стратегом Меланфием (Hdt. V.97; Charon. FGrH. 262 F. 10 = Plut. *De Her. malign.* 861c). Тем самым было положено начало первому кризису в афино-персидских отношениях.

EDUARD V. RUNG (KAZAN)

ATHENS AND PERSIA: THE FIRST CONTACTS

The article is devoted to the consideration of Herodotus V.73 about first Athenian Embassy to the Persians on the eve of the democratic reforms of Cleisthenes in Athens of 508/7 B.C. Some popular historiography's "mythes" relating to this event are dismissed in this article. The first "myth" concerns the decisive role of Cleisthenes in the organizing this Embassy. The second "myth" is that the Athenian-Persian treaty actually has been concluded on the condition of giving "the earth and the water" as the signs of subjugation to Darius I. It may be concluded that the Athenian diplomatic mission to Asia of 508/7 B.C. had not resulted nor in the subjugation of Athenians to the Persians nor the establishment of alliance with them, but led to the state of uncertainty which was finished only with the next Athenian mission to Asia of ca. 500 B.C. The Artaphernes' demand to restore Hippius son of Peisistratus as the Persian vassal-tyrant in Athens prompted the Athenians' decision to give the military support to the Ionian Revolt of 500–494 B.C. and resulted in the first crisis in the Athenian-Persian foreign relations.

[31] Если верить Геродоту, милетский тиран говорил также о богатствах Азии, о персидской военной тактике, подчеркивая военное превосходство греков над персами, и, наконец, указал на родство афинян и ионийцев. Об идее родства между афинянами и ионийцами как факторе, предопределившим решение афинян направить помощь восставшим, см.: *Quinn T.J.* Athens and Samos, Lesbos and Chios, 478–404 B.C. Manchester, 1981. P. 1–2.

И.Е. Суриков

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ ГЕРОДОТА*

«Историк и время» – такая постановка вопроса выглядит вполне естественной. И действительно, ведь именно история является той научной дисциплиной, которая изучает события и процессы, развертывающиеся во времени. Но как понималось само время в различные периоды существования и развития историографии? И, в частности, как понималось оно в древнегреческой исторической науке? Последний вопрос представляется особенно важным. Во-первых, потому, что именно в античной Элладе, как известно, историческая наука родилась. Во-вторых, потому, что мы, сегодняшние историки, считаем себя (во многом справедливо) преемниками и продолжателями великих мастеров древнегреческого историописания, но в то же время прекрасно осознаем, как сильно мы от них отличаемся по целому ряду ключевых параметров. Так ли мы «видим» время, как «видели» его первые служители Клио?

При этом в антиковедении не столь уж и часто поднимается эта серьезная проблема – восприятие времени представителями античной историографии. А если ее и поднимают, и пытаются решить, то зачастую это происходит в довольно эссеистичной форме[1]: высказываются те или иные суждения и выводы, порой весьма интересные и яркие, но при этом в достаточной мере произвольные, умозрительные и не имеющие обязательной силы. Многие тезисы такого рода просто недоказуемы, но, кстати, именно поэтому их точно так же практически невозможно и опровергнуть.

Некая ущербность практикуемых подходов к интересующей нас здесь тематике проистекает, насколько можно судить, из того факта, что не предпринимается скрупулезный терминологический анализ рассматриваемых текстов. А ведь, по большому счету, полноценно понять, как воспринимал время тот или иной античный историк (да и не только историк, а вообще тот или иной античный автор), можно лишь после того, как будут с исчерпывающей полнотой, то есть репрезентативно (а не выборочно) выявлены и исследованы случаи употребления данным автором терминологии, связанной со временем. Необходимо изучить контексты этой терминологии, ее частотность (в различных аспектах: частоту появления различных терминов по отношению друг к другу, в различных типах и элементах нарратива) и т. д.

Предлагаемая здесь задача представляется перспективным проектом, но в полной своей совокупности, применительно ко всем хотя бы древнегреческим историкам такой проект, разумеется, настолько грандиозен, что его выполнение потребовало бы многолетних усилий и, очевидно, целого коллектива ученых. Мы же в рамках настоящей статьи лишь попытаемся – весьма кратко, в чем-то даже конспективно – наметить в самом первом приближении способы работы, предполагаемые

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект 07-01-00050а).

[1] Как, например, в классических статьях А. Момильяно «Время в античной историографии» (*Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 178–204) и П. Видаль-Накэ «Время богов и время людей» (*Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 69–90).

этим подходом, обозначить его специфику, – одним словом, если так можно выразиться, заложить несколько «пробных кирпичиков» в фундамент будущего здания. Рассмотрению подвергнется временна́я терминология у «отца истории» – Геродота. Подобный выбор кажется вполне оправданным и закономерным: уж если заниматься восприятием времени историками Древней Греции, то с кого же начать, как не с первого из этих историков, труд которого дошел полностью? У Геродота, разумеется, были предшественники – Гекатей и ряд других авторов (будем по сложившейся традиции называть их логографами, хотя у нас нет полной уверенности в том, что это название корректно[2]), – но от их сочинений дошли лишь очень незначительные фрагменты, к тому же часто представляющие собой не дословные цитаты, а пересказы более поздних писателей, и все это вместе взятое чрезвычайно затрудняет изучение аутентичной терминологии времени в этих текстах, а строго говоря – делает такое изучение почти невозможным.

Совсем другое дело – Геродот. Перед нами его «История», именно в том виде, в каком она была оставлена автором[3], – обширный труд, очень подходящее поле для проведения задуманного нами терминологического анализа, причем, кажется, такой анализ еще не предпринимался[4].

«Три лика времени». Прежде всего, о каких терминах пойдет речь? Всем, кто хотя бы элементарно знаком с древнегреческим языком (и даже многим из тех, кто с ним вообще не знаком) прекрасно известно, что основным термином для обозначения времени является χρόνος. Основным, но не единственным! Наряду с ним существовали еще два: καιρός и αἰών, как совершенно справедливо указывается в лучших этимологических словарях – у Фриска[5] и Шантрена[6].

---

[2] Подробнее об этом см. наши работы: *Суриков И.Е.* «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151; *он же.* ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.

[3] Незначительные искажения в текст, несомненно, все-таки попадали в ходе эволюции рукописной традиции. Так, считается, что кем-то из переписчиков были переставлены местами несколько глав в «египетском логосе» (книга II). Но эти искажения, повторим, очень незначительны, для наших целей иррелевантны и не могут породить превратную картину в плане терминологического анализа. Что же касается «ассирийского логоса», несколько раз упоминаемого Геродотом (I.184; ср.: I.106), но отсутствующего в тексте «Истории», мы придерживаемся мнения, что этот «логос» вообще не существовал: историк планировал написать его, но не захотел или не смог воплотить в жизнь это намерение. Ведь труд Геродота остался незавершенным: см. очень убедительную аргументацию в статье М.Л. Гаспарова «Неполнота и симметрия в “Истории” Геродота» (в кн.: *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 483–489). Этот последний факт для нас, безусловно, прискорбен, но тут уже поделать ничего нельзя, и отталкиваться придется от того, что́ Геродот успел написать.

[4] Мы надеялись найти что-то подобное в фундаментальной, весьма претенциозной монографии: *Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982. Но книга оказалась посвящена совсем другим вопросам. Специально подчеркнем, что мы не будем здесь заниматься изучением геродотовской хронологии (см. последнюю работу по этому сюжету: *Rhodes P.J.* Herodotean Chronology Revisited // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 58–72). Нас интересуют предметы более общего порядка.

[5] *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. 2. S. 1122, s.v. χρόνος: “Andere Wörter für ‘Zeit’ sind das ebenfalls unklare καιρός und das altererbte αἰών”. Цитаты из словарей здесь и далее приводим на языках оригинала, поскольку нам необходима полная терминологическая точность.

[6] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968. P. 1277, s.v. χρόνος: “s’oppose à καιρός qui est l’instant précis et marque une limite, et à αἰών qui est l’éternité”.

Полными синонимами три указанных слова не являются; у каждого из них есть достаточно четко очерченное и ограниченное семантическое поле (в каких-то случаях более, в каких-то менее широкое), и эти семантические поля пересекаются лишь частично. Χρόνος действительно встречается в источниках значительно чаще, чем две остальные лексемы вместе взятые. Χρόνος – это, бесспорно, самый общий и широкий по значению термин для обозначения времени; в наибольшей степени коррелирует он и с соответствующим русским словом «время». Собственно, нередко словари (особенно те, которые дают не слишком уж детализированную информацию) ограничиваются одним-единственным переводом: χρόνος – время. Так, в частности, у Вейсмана[7].

Но так ли все просто? Здесь не помешает задуматься о том, что даже и мы, говоря «время», не всегда имеем в виду одно и то же. Строго говоря, всякий раз мы употребляем это существительное в одном из двух значений: либо в смысле «некий промежуток времени», либо в смысле «момент времени, некая точка во времени». Чтобы пояснить этот тезис, приведем две условные речевые ситуации: *а)* «Сколько времени имярек пробыл на этом месте? – Семь часов»; *б)* «В какое время имярек прибыл на место? – В семь часов». Ясно, что в этих двух случаях речь идет о несколько разных вещах. В русском языке слово «время» вполне уместно в обеих ситуациях. А как обстоит дело в древнегреческом? В частности, что можно сказать в данной связи о пресловутом χρόνος?

Лучший из существующий на сегодняшний день словарей – LSJ – посвящает лексеме χρόνος довольно обширную статью[8]. Начинается она, естественно, с наиболее общих значений слова: *time, time in the abstract*. Но затем следует важное уточнение: в качестве главного из специальных значений существительного χρόνος указывается *a definite time, period*. Иными словами, речь идет именно о промежутке времени. Отсюда – ряд вторичных, конкретизирующих значений: *year, season or portion of the year, lifetime, age*[9] и даже – необходимо это особо подчеркнуть – *delay, linger*. Χρόνος, таким образом, может выражать идею отсрочки, задержки, промедления; здесь ясно видна семантика некой длительности, протяженности, равно как и в важнейших дериватах от χρόνος – глаголе χρονίζω «медлить, мешкать, задерживаться», прилагательном χρόνιος «долгий, долго существующий, долговременный».

Абсолютно те же характеристики лексемы χρόνος встречаем в словарях Фриска и Шантрена. Для Фриска χρόνος – это прежде всего *(bestimmte) Zeitdauer, Zeitverlauf, Zeit*, т.е. перед нами опять та же идея длительности, протяженности, «линейности». Правда, далее Фриск дает еще и такие значения для χρόνος: *Lebenszeit, Zeitgrenze*. Первое из этих двух значений, как мы увидим ниже, коррелирует скорее с αἰών, второе – скорее с καιρός. Но тут дело, думается, еще и в том, что χρόνος, как самый

---

[7] *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. М., 1991. Ст. 1354, s.v. χρόνος: иных переводов, кроме «время», не дается, далее в словарной статье объясняется только ряд идиом, включающих слово χρόνος.

[8] LSJ. P. 2008–2009.

[9] В этом значении χρόνος более всего приближается к αἰών. О соотношении χρόνος и αἰών, χρόνος и καιρός подробнее см. ниже.

широкий и распространенный термин для обозначения времени, вбирал в себя элементы значений своих ближайших (но неполных) синонимов[10].

Для Шантрена, как мы уже отмечали выше, χρόνος'у противостоит καιρός, понимаемый этим исследователем как точный момент, маркирующий некий предел, рубеж. Χρόνος же, как отмечает Шантрен, *est en outre divisible, donc mesurable. Χρόνος désigne usuellement le temps qui s'écoule, une durée définie, tout laps de temps, le temps historique.* Отсюда употребление термина χρόνος в грамматических и музыкально-ритмических контекстах. Главный вывод, таким образом, остается прежним и может быть повторен: χρόνος – это не просто «время» или, во всяком случае, не только «время» в абстрактном, недифференцированном значении. Это нечто текущее, длящееся, протяженное. Это – промежуток времени, «линейное время».

Обратимся теперь к термину καιρός. Здесь нас подстерегает больше сложностей. И прежде всего потому, что данная лексема употребляется не только во временно́м смысле. И даже, если верить составителям словарей, преимущественно не во временно́м. Ибо словарные статьи, посвященные существительному καιρός, открываются обычно такими определениями, как «надлежащая мера»[11], *due measure, proportion, fitness, the distinction, the point*[12], *rechtes Maß*[13], *le point juste qui touche au but, l'à propos, la convenance, l'avantage, ce qui est opportun*[14]. Однако в словарях всегда отмечаются (пусть на втором или даже на третьем месте) также и те аспекты значения καιρός, которые связаны со временем. Может быть, эти аспекты и вторичны с точки зрения исторического развития семантики слова (этот вопрос сам по себе отнюдь нельзя считать однозначно решенным, но нас он здесь совершенно не касается), но вот по частоте употребления именно они, пожалуй, стоят на первом месте[15]. Во всяком случае, они и только они будут нас интересовать в рамках данной статьи.

Какие же «темпоральные» значения даются для καιρός? Типично в данном случае указание Вейсмана: «надлежащее, удобное время, удобный случай», и только после этого – «вооб[ще] время, обстоятельство». Не иначе у Шантрена: *l'occasion favorable, bon moment, bonne saison*, и только в качестве более позднего значения – просто *saison, temps*[16]. Шире и нейтральнее взят круг значений у Фриска: *(rechter, entscheidender) Zeitpunkt, (günstige) Gelegenheit, Jahreszeit, Zeit.* Наиболее подробно и точно, как всегда, в LSJ: *exact or critical time, season, opportunity, critical times, periodic states, generally, time, period, the times, i. e. the state of affairs*[17].

---

[10] Именно поэтому мы и в LSJ встречаем для χρόνος, помимо прочих, и такие значения, как *date, term*. Они имеются, но мы сказали бы, что для χρόνος они не вполне специфичны, возможно, даже вторичны.

[11] *Вейсман А.Д.* Указ. соч. Ст. 650, s.v. καιρός.

[12] LSJ. P. 859, s.v. καιρός.

[13] *Frisk H.* Op. cit. Bd. 1. S. 755, s.v. καιρός.

[14] *Chantraine P.* Op. cit. P. 480, s.v. καιρός.

[15] Что и оговаривается в некоторых словарях: временные значения термина καιρός даются с пометками «об[ыкновенно]» (Вейсман), *more freq[uently]* (LSJ).

[16] Здесь обнаруживаем у Шантрена даже противоречие с тем, что он же сам говорит s.v. χρόνος, противопоставляя оттенки значения χρόνος и καιρός более точно и специфично для обоих терминов (см. выше).

[17] LSJ дает еще значение *profit*, но не столь давно было показано, что это неверно и данный термин такого значения в действительности не имел (*Wilson J.R.* Kairos as 'Profit' // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 418–420).

У нас создается впечатление, что во всех перечисленных случаях, во-первых, не вполне верно сделан семантический акцент[18] (почему, собственно, именно «удобное, надлежащее, благоприятное» время?), во-вторых, в недостаточной степени продемонстрирована специфика καιρός по сравнению с χρόνος (там, где мы встречаем такие расплывчатые определения, как «время», *temps*, *Zeit*, *time*). В чем же заключается эта специфика?

Выше мы отметили, что χρόνος – это «линейное время», выражающее идею некой длительности, протяженности. В связи с этим необходимо отметить: в καιρός главное – то, что помечено цитировавшимися авторами как *Zeitpunkt*, *moment*, *exact… time*. Тут уже не идет речь о длительности и протяженности. Перед нами именно точный, конкретный момент. Это не промежуток времени, а «точка во времени» или, если позволить себе, может быть, чрезмерно современное выражение, «квант времени»[19]. Итак, если χρόνος – «линейное время», то καιρός – «точечное время»[20].

Лучше всего различие между χρόνος и καιρός бросается в глаза, когда мы встречаем эти два термина в одном пассаже, где они неизбежно оказываются противопоставлены друг другу. Характерен, в частности, пример в одной из речей, входящих в корпус Демосфена (LIX.35)[21]. Рассказывая о неком событии из жизни обвиняемой (о ее бегстве из Афин в Мегары), автор речи датирует это событие следующим образом: ἦν δὲ ὁ χρόνος οὗτος ᾧ Ἀστεῖος μὲν ἦν ἄρχων Ἀθήνησιν, ὁ καιρὸς δ' ἐν ᾧ ἐπολεμεῖθ' ὑμεῖς πρὸς Λακεδαιμονίοις τὸν ὕστερον πόλεμον. Здесь есть и χρόνος, и καιρός, причем в грамматической конструкции противопоставления (δέ – μέν – δέ).

Обратим внимание на словоупотребление в весьма точном и литературно безупречном переводе В.Г. Боруховича[22]: «Это был *год*, когда архонтом в Афинах был Астий, *как раз то время*, когда вы вели в по-

---

[18] В наибольшей степени у Шантрена, в наименьшей – у Фриска, который осторожно ставит *rechter, entscheidender, günstige* в скобки.

[19] Впрочем, чрезмерно современным тут будет именно разве что выражение, но не суть. Понятие «квант» в античности, разумеется, было неизвестно. Однако возможность или невозможность квантования пространства – одна из самых важных проблем, ставившихся и решавшихся натурфилософами позднеархаической и раннеклассической эпох. Достаточно вспомнить известные парадоксы элеатов и две альтернативные попытки выхода из тупика, порожденного этими апориями (Анаксагор и Демокрит), – выдвижение концепций, имеющих определенное внешнее сходство (поэтому учение Анаксагора иногда считают одной из разновидностей атомизма), но по существу полярно противоположные друг другу: «настоящие» атомисты признают квантование, Анаксагор же его отрицает. (Заметим в скобках, что с появлением квантовой теории нам в целом стала гораздо понятнее проблематика досократовской философии). Речь шла о квантовании пространства; что же касается квантования времени, то оно, насколько можно судить, не становилось предметом специальных дискуссий и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Собственно, Ахилл в апории Зенона Элейского именно потому не может догнать черепаху, что пространство у Зенона не квантуется, а время квантуется.

[20] Необходимо оговорить: сопоставляя χρόνος и καιρός (а позже – χρόνος и αἰών), мы не затрагиваем вопроса об этимологии этих слов. По этому последнему вопросу Фриск и Шантрен находятся в полном согласии между собой: этимология καιρός весьма спорна, допускаются разные варианты его происхождения (от κείρω, κεράννυμι, κύρω или κρίνω), ни в одном из которых нельзя быть вполне уверенным. Этимология χρόνος, судя по всему, вообще не подлежит восстановлению. Совсем иначе с αἰών: тут налицо древний индоевропейский корень, проявляющийся, например, в лат. *aevum* со схожим значением.

[21] Эта речь («Против Неэры»), несомненно, не принадлежит самому Демосфену, но датируется его временем.

[22] В издании: *Демосфен.* Речи. В 3 т. / Отв. ред. *Е.С. Голубовцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов.* М., 1994. Т. 2. С. 284.

следний раз войну против лакедемонян» (курсив наш. – *И. С.*). Переводчик смог чрезвычайно удачно разрешить сложность, возникающую в связи с передачей на русском языке понятий χρόνος и καιρός. Ведь нельзя же было в обоих случаях перевести «время»! Пропала бы ситуация противопоставления. В результате χρόνος здесь понят как «год», и это верно: ведь мы уже отмечали, что χρόνος – временной промежуток, и в данном случае, несомненно, именно годичный, коль скоро указан эпонимный архонт. А καιρός – конкретный момент внутри этого временного промежутка, момент бегства Неэры. И поэтому в переводе совершенно правомерно появляется уточняющее выражение «как раз то время».

Если таково соотношение χρόνος и καιρός, то какое место в данном терминологическом ряду занимает αἰών? Обратимся теперь к рассмотрению этой лексемы, при определении которой в каждом лексиконе более или менее важное место занимают значения «век», «вечность»[23]. Как это понимать? Прежде всего совершенно ясно, что здесь не имеется в виду век в наиболее привычном для нас смысле «столетие». Может быть, вечность как бесконечность, беспредельность во времени? Похоже, именно так воспринимают это авторы современных словарей. Но мы позволим себе усомниться в верности подобных толкований.

Не желая подробно углубляться в данную проблематику (поскольку это увело бы нас слишком далеко от основного предмета статьи), отметим лишь: греческое мироощущение отвергало идею бесконечности, беспредельности как таковую. Это достаточно ясно в отношении пространственном (космос воспринимался ограниченной, определенной и даже симметричной пространственной структурой, что исключает беспредельность), но не иным было и отношение ко времени. Ведь, по справедливому замечанию С.С. Аверинцева[24], «внутри “космоса” даже время дано в модусе пространственности». Иными словами, оно также ограниченно, определенно и симметрично (ср. учение о вечном возвращении).

Строго говоря, понятие бесконечного времени было невозможно уже потому, что подлинная бесконечность предполагает отсутствие пределов, так сказать, с обеих сторон, – отсутствие не только конца, но и начала. А в древнегреческой мысли, как известно, представлялись имеющими начало, возникновение и мир, и боги, которые в остальном определялись как вечные. Если это и бесконечность, то какая-то односторонняя бесконечность. Здесь есть определенная непоследовательность, которая впоследствии не ускользнула от внимания христианских богословов, упрекавших в этой непоследовательности античных мыслителей (что имеет начало, то должно иметь и конец).

Но, может быть, αἰών – это не абсолютная, а относительная вечность, некий неопределенно-долгий промежуток времени? Иными словами, он имеет лишь количественное, а не качественное отличие от χρόνος’а – тоже промежутка времени, но более краткого[25]? Такой аспект

---

[23] Вейсман прямо и начинает со значения «век»: *Вейсман А.Д.* Указ. соч. Ст. 37, s.v. αἰών. В других словарях не столь категорично. Разумеется, и в них присутствуют такие значения, как *eternity, age* (LSJ. P. 45, s.v. αἰών), *Ewigkeit* (*Frisk H.* Op. cit. Bd. 1. S. 49, s.v. αἰών), *éternité* (*Chantraine P.* Op. cit. P. 42–43, s.v. αἰών), но не на первом, а то и на последнем месте.

[24] *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 36.

[25] Такое понимание встречаем у некоторых христианских авторов, например, у Оригена, который различает понятия «относительно-вечный» (αἰώνιος) и «абсолютно-вечный»

семантики лексемы αἰών тоже отмечается в словарях: LSJ – *long space of time*, Фриск – *lange Zeit*, Шантрен – *durée, vie durable et eternelle*. Однако сплошь и рядом αἰών прилагается к не столь уж длительным временным отрезкам, например, к сроку чьей-либо жизни (именно такие словоупотребления мы встретим у Геродота).

Похоже, что не в длительности дело. Процитируем *in extenso* пассаж, в котором наиболее развернуто сопоставлены и противопоставлены αἰών и χρόνος. Это отрывок из платоновского «Тимея» (37d sqq.): «Он (Демиург. – *И. С.*) замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности (αἰῶνος); устрояя небо, он вместе с тем творит для вечности (αἰῶνος), пребывающей в едином, *вечный же* (αἰώνιον) образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем (χρόνον). Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это – части времени (χρόνου), а "было" и "будет" суть виды возникшего времени (χρόνου), и, перенося их на вечную (ἀΐδιον) сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она "была", "есть" и "будет", но, если рассудить правильно, ей подобает одно только "есть", между тем как "было" и "будет" приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени (ἐν χρόνῳ), ибо и то и другое суть движения. Но тому, что вечно (ἀεί) пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем (διὰ χρόνου) старше или моложе, либо стать таким когда-то, теперь или в будущем, либо вообще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило несущиеся и данные в ощущении вещи. Нет, все это – виды времени, подражающего вечности (χρόνου ...αἰῶνα μιμουμένου) и бегущего по кругу согласно законам числа… Итак, время (χρόνος) возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная (διαιωνίας) природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность (πάντα αἰῶνα), между тем как отображение возникло, есть и будет в продолжение целокупного времени (τὸν ἅπαντα χρόνον). Такими были замысел и творение бога относительно рождения времени (χρόνου); и вот, чтобы время (χρόνος) родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени (ἀριθμῶν χρόνου)…» (перевод С.С. Аверинцева, курсив наш. – *И. С.*).

Итак, разница между αἰών и χρόνος заключается отнюдь не в том, что первое более длительно, чем второе. В цитированном месте специально отмечается, что оба они вечны, но только χρόνος подвижен и подвержен делению, в отличие от неподвижного и неделимого αἰών (что, в частности, выражается и в такой тонкости словоупотребления, как соотнесение αἰών с прилагательным πᾶς, а χρόνος – с прилагательным ἅπας). Впрочем, последнее смело можем считать частным философским мнением Платона. Вряд ли в обычном греческом мировоззрении противопоставление именно в этом аспекте имело принципиальное значение.

Так в чем же специфика лексемы αἰών? Возьмем на себя смелость выдвинуть следующий тезис. Интересующая нас специфика кроется в

(ἄΐδιος). Об этом аспекте учения Оригена см.: *Карсавин Л.П.* Святые отцы и учители Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М., 1994. С. 67 слл.

том оттенке значения термина, который словари передают как *period of existence, lifetime, one's life* (LSJ), *Leben(szeit)* (Фриск), *force vitale, vie* (Шантрен)[26]. Иными словами, αἰών – это не просто абстрактное время; оно обязательно соотнесено с какой-то жизнью, с каким-то существованием. Это время, так сказать, наполненное и существующее только в таком качестве.

В связи со сказанным представляется весьма значимым, что уже позже, в эпоху эллинизма, когда греки познакомились с восточным восприятием пространства и времени и когда переводилась с языка оригинала Септуагинта, именно аналогом αἰών был передан 'wlm[27] – древнееврейский термин для обозначения мира, постигаемого во временно́м модусе, мира-времени, «мира как истории»[28]. Такой перевод, представляющийся в общем-то не самым очевидным, породил очень серьезные импликации в духовной культуре последующих эпох. Достаточно вспомнить хотя бы об «эонах» гностиков, которые по сути своей являются одновременно «веками» и мирами.

В какой-то степени αἰών – это время на стыке с пространством. Это некое предвосхищение открытого значительно позже пространственно-временно́го континуума, причем с акцентом скорее на время, чем на пространство[29]. Разовьем и дополним предложенную выше базовую метафору. Καιρός (конкретный момент) – «время-точка» и тем самым время без измерений. Χρόνος (временной промежуток) – «время-линия», одномерное время. Αἰών (временной промежуток, соотнесенное с жизнью и *eo ipso* с пространством) очень удачно вписывается в этот ряд в качестве третьего (и последнего) недостающего звена. Это – «время-плоскость», двухмерное время, в котором в качестве второго измерения выступает соотнесенность с пространственным аспектом бытия.

Χρόνος и производные в труде Геродота. Столь подробный экскурс в общие проблемы древнегреческой терминологии времени показался нам уместным потому, что он может пригодиться не только в данный момент, но и на будущее, послужить методологической основой для анализа соответствующей проблематики на материале не только труда Геродота, но и произведений других авторов, а в перспективе, – возможно, для построения каких-то парадигм общего характера. Но пока перед нами более узкая задача, и теперь нам предстоит обратиться непосредственно к «отцу истории».

Сразу бросается в глаза, что из трех охарактеризованных выше терминов, обозначающих время, в сочинении Геродота решительно преобладает χρόνος. Он просто-таки подавляет два остальных. Достаточно привести данные самого простого подсчета[30]. Χρόνος и производные от

---

[26] Шантрен даже считает, что изначальным значением термина αἰών было именно *force vitale, vie*, откуда произошел переход к *durée d'une vie*, и уже отсюда – просто к *generation, durée*.

[27] *Аверинцев С.С.* Указ. соч. С. 69, прим. 59.

[28] Там же. С. 36.

[29] В связи с идеей континуума обратим внимание, например, на то, что автор одной из последних работ по интересующей нас здесь проблематике (*Cobet J.* The Organization of Time in the *Histories* // Brill's Companion to Herodotus / Ed. by *E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees*. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 387 ff.) часто применяет к времени пространственные категории (*spatium historicum* и т. п.). В этой работе употребляется, кстати, и сам термин «континуум».

[30] Поиск и подсчет производились с помощью поисковой системы TLG.

него на протяжении «Истории» встречаются 298 раз, в то время как καιρός и его производные – 13 раз (да и то не всегда в строго-временно́м смысле), αἰών и производные от него – только 5 раз[31]. Цифры просто несопоставимы!

A priori невозможно сказать, означает ли это какую-то специфику языка Геродота и можно ли на основе этого делать какие-то ответственные выводы о его отношении к времени. Более того, опасаемся, что даже и после исчерпывающего контекстуального анализа соответствующих словоупотреблений окончательное и безусловное суждение такого рода будет крайне затруднено: необходим сравнительный материал.

Во всяком случае, несомненно: дело здесь, помимо всего прочего, еще и в том, что из трех перечисленных понятий только χρόνος и именно он является основным, самым распространенным, а также и самым широким термином, чаще двух других способным принимать наиболее общие значения. Это подчеркивается, в частности, тем, что лексема χρόνος у Геродота весьма часто встречается в составе устойчивых оборотов: τοῦτον τὸν χρόνον **или** τὸν χρόνον τοῦτον **или** τὸν χρόνον ἐκεῖνον **или** τὸν αὐτὸν τοῦτον χρόνον **или** τὸν αὐτὸν χρόνον τοῦτον (Hdt. I.1, 29, 59, 65, 68, 73, 75, 77, 79, 183, 191; II.25, 52, 128; III.57, 104, 148; IV.135, 144, 145, 147, 152, 162, 163; V.30, 44, 58, 83; VI. 22, 27, 51, 86, 89, 127 – 2 раза, 137; VII.59, 151, 208; VIII.65; IX.7, 37), κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον **или** κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον **или** κατ' αὐτὸν τοῦτον τὸν χρόνον **или** κατὰ τὸν αὐτὸν τοῦτον χρόνον **или** κατὰ χρόνον κεῖνον (Hdt. I.12, 82, 171; III.48, 131; V.28, 82), ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ **или** ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ τούτῳ (Hdt. I.36; II.142; III.150; IV.8, 98, 133; V.108; VII.167, 178; VIII.8, 114; IX.8, 56, 61, 112), ἀπὸ τούτου τοῦ χρόνου (Hdt. I.68, 82; II.52, 108; IV.98; VI.117), τοῦ αὐτοῦ χρόνου (Hdt. II.47; V.36), ἐκ τούτου τοῦ χρόνου **или** ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου (Hdt. VI.42; VII.59; IX.26, 107), ὑπ' αὐτὸν τὸν χρόνον τοῦτον (Hdt. VII.165).

В большей части указанных мест χρόνος, несомненно, означает временной промежуток. Впрочем, есть также и случаи, в которых эта лексема может быть понята и как маркирующая точку во времени (а иногда она только так и может быть понята, в частности, с предлогами ἐκ/ἐξ и ἀπό). Но таких примеров – незначительное меньшинство. В любом случае, все это, повторим, устойчивые обороты, то есть не специфические, не характерно геродотовские словоупотребления. Гораздо больше нас будет интересовать появление термина χρόνος в оригинальных авторских конструкциях. Мы с удовольствием подробно разобрали бы здесь все релевантные пассажи, но прекрасно понимаем, что в рамках статьи это невозможно. Придется ограничиться характеристикой нескольких наиболее показательных примеров, а в большинстве случаев привести просто перечни соответствующих мест, пусть они и могут показаться читателю скучноватыми.

Χρόνος встречается уже в самой первой фразе «Истории» (I. prooem.)[32]: «Это – изложение исследования (ἱστορίης)[33] Геродота из Га-

[31] Специально отметим, что мы учитывали не только сами основные лексемы, но и их дериваты (количество последних, впрочем, настолько незначительно, что ими можно было бы и пренебречь без сколько-нибудь существенных последствий для результатов исследования).

[32] О значении этой первой фразы см.: *Bakker E.J.* The Making of History: Herodotus' *historiēs apodexis* // Brill's Companion to Herodotus. P. 3 ff.

ликарнасса[34], чтобы деяния людей не были стерты временем (τῷ χρόνῳ ἐξίτηλα γένηται)»[35]. Как видим, время (χρόνος) представлено здесь в модусе протяженности, выступающей как его главное качество. Причем это «пустая протяженность»: время никак не соотнесено с человеческими деяниями; более того, оно противостоит им, угрожает им. Χρόνος – чуждая, уничтожающая стихия, и задача историка заключается именно в том, чтобы противостоять ему, помешать ему сделать свое дело. История выступает как своего рода средство борьбы со временем[36]. Перед нами – исходная установка Геродота, если угодно, его методологический принцип, который он акцентирует в самом начале своего труда.

Рассказывая о дарах лидийского царя Креза в Дельфы и об ответных почестях со стороны дельфийцев (I.54), Геродот отмечает, что не только лично Крезу, но и всем лидийцам эти почести (промантия, ателия, проэдрия[37] и даже право каждому желающему стать дельфийским гражданином) были предоставлены «на вечные времена» (ἐς τὸν αἰεὶ χρόνον). Данное место лишний раз напоминает аргументированный нами уже выше тезис: различие между χρόνος и αἰών проходит отнюдь не по линии «время – вечность». Время-χρόνος вполне могло быть вечным, во всяком случае, могло так восприниматься (ср. выше, у Платона). Весьма схожую конструкцию имеем в другом месте (IV.201), причем тоже, похоже, восходящем к официальному источнику: персы, заключая договор о перемирии с жителями Барки (греческий полис в Киренаике), обещали «хранить клятву все время (χρόνον μένειν αἰεὶ τὸ ὅρκιον), пока земля сохраняет свой прежний вид». Приведем еще один аналогичный пассаж (VIII.28): Тимоксин, военачальник из Скионы, был уличен в измене, но на военном совете решено было не оглашать этот факт, «чтобы скионян не считали предателями всегда в последующее время (ἐς τὸν μετέπειτα χρόνον αἰεί)». Во всех перечисленных контекстах αἰεί, насколько можно судить, означает именно «всегда, бесконечно во времени», а не «постоянно, беспрерывно».

Геродотовский χρόνος разделяет с платоновским и другую принципиальную черту – делимость: он дробится на отдельные отрезки разной протяженности. Так, встречаем мы у Геродота упоминания о τριέτεα καὶ τετραέτεα ...χρόνον (I.199), о διέτης χρόνος (II.2). Не случайно -χρόνος очень часто сопровождается такими эпитетами, как πολύς или οὐ πολύς (I.8, 24, 60, 171, 199, 214; II.52, 58, 110, 133, 152, 154, 157, 175; III.28, 31, 36, 57,

---

[33] Термин «история», разумеется, употребляется Геродотом еще в своем первичном, «ионийском» смысле – не как «повествование о прошлом», а скорее как «исследование», «расследование», в каком-то смысле даже «следствие». Ср.: *Wees H. van.* Herodotus and the Past // Brill's Companion to Herodotus. P. 322.

[34] Или «из Фурий», если опираться на те рукописи, которыми располагал Аристотель (*Rhet.* 1409a28).

[35] В интересах максимальной терминологической точности мы даем собственный перевод цитируемых пассажей из «Истории» Геродота.

[36] Ср.: *Momigliano A.* Op. cit. P. 191.

[37] Т.е. право внеочередного вопрошения оракула, свободу от податей и почетные места (вероятно, на Пифийских играх). Как неоднократно отмечалось в историографии (например: *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота Л., 1957. С. 28; *Глускина Л.М.* Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 47; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 242; *Суриков И.Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 60), здесь Геродот, несомненно, цитирует официальный документ, к которому он получил доступ в Дельфах. Тем больше значение этой цитаты.

123, 124 – 2 раза, 126, 129; IV.1, 9, 114, 130, 146, 152, 201; V.16, 21, 28, 41, 48, 106, 115, 119; VI.29, 52, 69, 86, 113; VII.15, 33, 49, 119, 137, 154, 170; VIII.68, 114, 129, 142; IX.10, 62, 70, 101, 111), ὀλίγος или οὐκ ὀλίγος (I.132, 160; II.125; III.39, 55, 130, 133, 134; V.46; VI.63; VII.14; VIII.4; IX.16), μακρός (I.32, 81; III.22; V.9), συχνός (I.190; V.94; VI.83; VII.134; VIII.52; IX.67, 102, 119), λοιπός или ἐπίλοιπος (I.47; II.13), ὕστερος (I.130; III.149; IV.166; V.32; VI.66; VII.190; IX.83)[38], πρότερος (V.41), ἴσος (II.30). Таким образом, время может быть «большим» или «небольшим», «малым» или «немалым», «долгим», «протяженным», «оставшимся», «последующим», «предыдущим», «равным». Соответственно, мы встречаем в «Истории» производные от χρόνος прилагательные ὀλιγοχρόνιος (I.38), πολυχρόνιος (I.55).

С другой стороны, есть и отличие: если у Платона с χρόνος соотнесено прилагательное ἅπας, а с αἰών – πᾶς, то у Геродота с χρόνος употребляются как ἅπας, так и πᾶς, причем πᾶς значительно чаще (Hdt. I.85; II.13, 25, 173; III. 75, 150; IV.187; V.108; VI.52, 123; VIII.100, 140 – 2 раза; IX.13, 27, 73, 106; ἅπας – III.65).

Даже без всяких прилагательных, само по себе слово χρόνος у Геродота содержит идею временно́й протяженности. Так, ἐς χρόνον (VII.29; IX.89) следует понимать в данном контексте не столько как «со временем» (и уж точно не как «вовремя»), сколько как «впредь, в будущем». Равным образом χρόνῳ, μετὰ χρόνον или ἀνὰ χρόνον означает «через некоторое время» и, собственно, даже может переводиться просто «потом, впоследствии» (I.68, 80, 173, 176; II.52, 57, 121, 151; III.1, 13; IV.78; V.27, 77; VI.129; VII.6, 10, 153, 170; VIII.53, 107; IX.62); ἐπὶ χρόνον – «в продолжение некоторого времени» (I.116; IX.22), ὑπὸ χρόνου – «от времени», т.е. «под воздействием длительного времени» (II.131; VII.176). Оттенок протяженности во времени, как мы уже отмечали выше, имеет производный глагол χρονίζω (III.61).

Представляет интерес, какие глаголы встречаются у Геродота в сочетании с χρόνος. Что может делать время? Среди этих глаголов – ἐξήκω «проходить, истекать» (II.111; VI.69), διέρχομαι или διεξέρχομαι «проходить» (I.8; II.52, 152; IV.146; V.41; VI.86; IX.16), πρόσειμι «подходить» (II.41), πρόειμι «подвигаться вперед» (III.96; VI.64; VII.197; VIII.105; IX.109), παροίχομαι «проходить, миновать» (II.14), προβαίνω «проходить, идти» (III.53, 140; V.58), γίγνομαι, ἐγγίγνομαι, ἐπιγίγνομαι «происходить, проходить» (I.28, 73, 190; II.175; V.92; VI.113), διαφύομαι «прорастать» (I.61), προαναισιμόομαι «истрачиваться» (II.11), ἐξέρχομαι, ἔξειμι «выходить, истекать» (II.139), συντάμνω «спешить, сокращать» (V.41), ἱκνέομαι «приходить» (VI.86). Особенно характерно употребление с χρόνος глаголов περιέρχομαι, περίειμι, буквально – «обходить, идти вокруг» (II.93, 121; IV.155). Ну как тут не вспомнить о циклическом понимании времени в греческой античности![39]

В целом все перечисленные глаголы имеют самое прямое отношение к движению. Собственно, это главные глаголы, использовавшиеся древнегреческим языком для передачи движения, причем в большинстве своем не абстрактного движения, а прилагавшиеся в первую очередь

---

[38] Следует отличать от выражения χρόνῳ ὕστερον, тоже часто встречающегося у Геродота и выражающего, в общем-то, ту же идею.

[39] Циклизм не исключает историзма; это обычно не принимается во внимание, но недавно на данное обстоятельство справедливо указал В. М. Строгецкий: *Строгецкий В.М.* Проблемы становления истории как науки в античности // АМА. 2006. Вып. 12. С. 351–362.

к живым существам. Можем ли мы из этого сделать вывод о том, что за временем признавались некоторые атрибуты живого существа? Кажется, можем (хотя, конечно, в самой осторожной форме), особенно если учитывать общий антропоморфизм мировосприятия греков. При этом, что характерно, мы, кажется, не встречаем с существительным χρόνος глаголов, имеющих значение «течь» *stricto sensu*, столь характерных для русского словоупотребления (ср. такие всем знакомые имплицитные метафоры, как «течение времени» или, скажем, державинская «река времен»; похоже, Геродоту подобные образы чужды). Геродотовское время не «течет»; оно скорее именно «идет», то есть движется менее плавно и, пожалуй, более дискретно.

С другой стороны, геродотовский χρόνος, кажется, имеет и некоторые характеристики, сближающие его с пространством. Так, афиняне говорят спартанским послам (VIII.144): «Ведь, как мы предполагаем, не в далеком времени (οὐκ ἐκὰς χρόνου) прибудет варвар, вторгнувшись в нашу землю». Употребленное здесь наречие ἐκὰς «далеко» обычно имеет именно пространственный смысл. Здесь возникает даже определенная коллизия с тем, что было сказано ранее о постоянном движении времени. Ведь пространство, как известно, не движется, – это в нем происходит движение. В принципе, нельзя считать невозможным и восприятие времени в том же духе, – как некую неподвижную среду, в котором движутся (изменяются) живые существа и даже предметы. В какой-то степени такое восприятие представляется даже более естественным: ведь непосредственно ощущалось именно движение *во времени*, а не движение *времени*, особенно в те эпохи, когда это последнее не было еще воплощено в таких зримых символах, как, например, перемещение секундной стрелки.

Как бы то ни было, сближение пространства и времени подводит нас к цитированному выше наблюдению С.С. Аверинцева о том, что в греческом полисе время было дано в пространственном модусе, а также заставляет вспомнить об упоминавшейся категории пространственно-временного континуума, которая, по нашему предположению, наиболее адекватно передавалась термином αἰών. К последнему мы уже очень скоро перейдем, а пока, завершая эту часть статьи, еще раз сделаем акцент на основных характеристиках χρόνος у Геродота.

Χρόνος – весьма частый гость на страницах труда «отца истории». Время-χρόνος – это «линейное время», которое в принципе бесконечно (во всяком случае, в направлении будущего). Его главные качества – протяженность, делимость и движение. Таким образом, перед нами уже достаточно разработанная (пусть и имплицитно) концепция понятия χρόνος, причем имеющая черты значительного сходства с тем, что мы позднее находим у Платона.

Καιρός и αἰών у Геродота. Перейдем теперь к двум другим терминам для обозначения времени. Как уже говорилось, по частоте своего употребления они не идут ни в какое сравнение с χρόνος и встречаются в десятки раз реже. Это, кстати, дает возможность более детально разобрать все соответствующие пассажи.

Обращаясь к термину καιρός, сразу же необходимо оговорить, что не все случаи его употребления Геродотом вообще связаны со временем. Так, первый случай использования историком этого слова (Hdt. I.30) на-

ходим уже в начале его труда – в «лидийском логосе», а еще точнее – в рассказе о встрече Креза и Солона[40]. Когда афинский мудрец прибыл к сардскому владыке, тот показывал гостю свои сокровища. Наконец, Солон осмотрел «все, что ему подобало», – именно так мы считаем наиболее уместным перевести оригинальную конструкцию πάντα... ὡς οἱ κατὰ καιρὸν ἦν. Здесь καιρός вряд ли имеет временно́е значение; скорее уж можно говорить о значении статусном.

То же можно сказать и о втором пассаже с καιρός (I.125), содержащемся в «мидийско-персидском логосе». Строго говоря, мы встречаем здесь не само существительное καιρός, а его дериват – прилагательное καίριος: Кир размышляет о том, как склонить персов к восстанию против мидийского владычества и в конце концов решает, «что наиболее подходящим (καιριώτατα) является следующее...». В том же «логосе» (I.206) правительница массагетов Томирида через глашатая предлагает Киру, вторгшемуся в ее земли, отказаться от своего намерения: «Ибо ты не можешь знать, пойдет ли тебе на пользу (ἐς καιρόν) то, что ты совершаешь». Уже во «втором персидском логосе», повествующем о деяниях преемников Кира, вновь встречаем прилагательное καίριος (III.64): Камбис случайно ранил себя мечом (в бедро, то есть именно в то место, в которое он сам незадолго до того поразил египетского священного быка Аписа) и «решил, что удар был смертельным (οἱ καιρίην ἔδοξε τετύφθαι)».

Перед нами прошли четыре случая, когда καιρός у Геродота употреблен, кажется, не во временно́м смысле. Впрочем, мы не исключаем, что цитированные места (пожалуй, кроме последнего) могут быть при желании поняты и с временным оттенком. Так, пассаж в I.30 считаем возможным перевести «все, что у него (sc. Креза) к тому моменту было», пассаж в I.125 – «что наиболее своевременным является следующее», пассаж в I.206 – «ибо ты не можешь знать, будет ли для тебя своевременным то, что ты совершаешь».

А далее начинаются примеры использования термина καιρός в собственно временно́м значении. Сразу два таких случая находим мы в «скифском логосе», причем оба – в пределах одной небольшой главы (IV.139), в речи милетского тирана Гистиея к скифам (последние предложили грекам разрушить мост через Дунай, по которому Дарий с войском перешел в Скифию). Данное обстоятельство уже само по себе привлекает к себе внимание, если учитывать большую редкость рассматриваемой нами лексемы в труде Геродота.

Гистией говорит: «О мужи-скифы, вы пришли, неся дельный совет, и успеваете вовремя (ἐς καιρόν)». И чуть ниже: «Пока мы разрушаем его (мост. – *И. С.*), вам самое время (καιρός ἐστι) искать их (персов. – *И. С.*) и, найдя, отомстить им за нас и за вас». Для лучшего понимания этих двух тесно взаимосвязанных пассажей необходимо учитывать следующее. Гистией лжет: разрушать мост он вовсе не намерен и только что убедил

[40] Как мы уже предположили в другом месте (*Суриков И.Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79), источником Геродота для этого рассказа послужило какое-то недошедшее стихотворение самого Солона. Образ времени в произведениях Солона как крупного и характерного представителя архаической лирической поэзии, – отдельная и важная тема, которой интересно было бы заняться в будущем. См. некоторые предварительные наметки к анализу данной проблематики в работе: *Blaise F.* Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006. P. 114–133.

других греческих военачальников не делать этого. А теперь ему нужно ввести скифов в заблуждение и сделать так, чтобы они убрались. Потому-то он и поторапливает их, убеждает спешить, напоминает о καιρός. Здесь предельно четко выступает сущность этого самого καιρός как «точки во времени», краткого момента, который легко можно упустить.

Во второй части «Истории», посвященной всецело Греко-персидским войнам, καιρός тоже встречается несколько раз. Повествуется о посольстве восставших ионийцев в Балканскую Грецию, в частности, в Афины. В последних как раз сформировались враждебные настроения по отношению к персам, и «в это самое время (ἐν τούτῳ δὴ τῷ καιρῷ) в Афины прибыл милетянин Аристагор, изгнанный из Спарты Клеоменом-лакедемонянином» (V.97). В принципе, в подобном контексте с тем же успехом могло стоять ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ. Однако употреблено все-таки слово καιρός, и, очевидно, не случайно. Как мы предполагаем, таким образом подчеркивается точность и одновременно важность *момента*, что мы и постарались передать в переводе посредством выражения «в это *самое* время» (находя для подобного акцента основание в усилительной частице δή).

Очень похожую конструкцию встречаем ближе к концу труда, в рассказе о Саламинском сражении (VIII.87): «Ибо, когда дела царя пришли в расстройство, как раз в это время (ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ) корабль Артемисии подвергался преследованию со стороны аттического корабля». И далее рассказывается о военной хитрости, с помощью которой Артемисии удалось уйти от погони. Здесь, как видим, подчеркивается то же самое – точность и важность *момента*.

Повествуется об афино-эгинском конфликте в конце 490-х гг. до н.э. Эгинец Никодром тайно перешел на сторону афинян и обещал сдать им свой город. Условились о дне, в который к Эгине должен был прибыть афинский флот; но афиняне промедлили и опоздали. «Никодром же, поскольку афиняне не прибыли в срок (ἐς τὸν καιρόν), взойдя на корабль, бежит с Эгины (VI.90)». Здесь καιρός имеет значение условленного срока, заранее назначенного момента.

Эпизод о морской программе Фемистокла: «Еще до этого предложения Фемистокла[41] прославилось его другое, своевременно поданное (ἐς καιρόν) предложение…» (VII.144). Схожие контексты с ἐς καιρόν мы уже встречали выше (I.206; IV.139). Как в них, так и здесь силен оттенок именно своевременности: имеется в виду, что предложение Фемистокла не только само по себе оказалось удачным, но и сделано было в самое подходящее время.

Слова Аристида, обращенные к Фемистоклу (VIII.79): «Нам и в другое время, и особенно в нынешнее (ἔν τε τεῷ ἄλλῳ καιρῷ καὶ δὴ καὶ ἐν τῷδε)[42] надлежит соревноваться в том, кто из нас сделает родине больше добра». Термин καιρός здесь опять же маркирует значимость, ключевое значение момента: разговор происходит в ночь перед Саламинской битвой, и Аристид, еще не знающий о планах Фемистокла, прибыл с важной новостью о перегруппировке персидских сил и об окружении ими греческого флота.

---

[41] Имеется в виду предложение эвакуироваться из Афин, перебраться на Саламин и готовиться там к морской битве (480 г. до н.э.).

[42] Следуем конъектуре Леграна: в рукописной традиции явная порча текста – εἰ ἐν τεῷ ἄλλῳ καιρῷ ктл.

Слова афинян спартанским послам в период переговоров об общем выступлении против персов, приведшем в конечном счете к сражению при Платеях: «Прежде чем он (враг. – *И. С.*) придет в Аттику, вам самое время (καιρός ἐστι; ср.: IV.139) выступить на помощь в Беотию» (VIII.144). И вновь абсолютно аналогичная ситуация: акцентируется некий ответственный, важный, ключевой момент.

И, наконец, последний случай употребления καιρός в труде Геродота (IX.87) – опять, как неоднократно ранее, в конструкции ἐς καιρόν «своевременно, вовремя». Союзное эллинское войско осаждает Фивы, ранее выступавшие на стороне Ксеркса. Тимегенид, один из лидеров фиванского полиса, предлагает согражданам купить мир путем выдачи грекам его самого, Тимегенида, и нескольких других влиятельных граждан. Такое самопожертвование, конечно, было воспринято фиванцами с энтузиазмом: «им показалось, что его предложение весьма хорошо и своевременно (ἐς καιρόν)».

Какие возможны выводы о семантике лексемы καιρός у Геродота? Бесспорно, καιρός означает момент, точку во времени. Но нам хотелось бы привлечь внимание еще и к тому, что, как правило, появление данного термина связано не с любыми, а с важными, ответственными, ключевыми моментами. Καιρός менее нейтрален, чем χρόνος; он, если можно так выразиться, несет в себе некий оттенок императива. Это хорошо видно, в частности, в том единственном месте геродотовского труда (VIII.144), где καιρός и χρόνος появляются рядом: первое из этих слов содержится в настоятельной просьбе прийти на помощь, обращенной афинянами к спартанцам, а второе – в констатации возможности вторжения персов в Аттику. Модальность здесь, вне всякого сомнения, совсем неодинаковая.

Καιρός у Геродота часто относится к сложным ситуациям (обычно военного характера), когда возникает необходимость принятия ответственного решения, от которого будет серьезно зависеть дальнейший ход событий. Причем нередко перед субъектом принятия решения стоит альтернатива. Кир может начать войну с массагетами, а может и отказаться от нее, как советует ему Томирида (I.206); он выбирает первое, и это самым фатальным образом сказывается на его судьбе. Греки могут принять предложение скифов, разрушить мост через Дунай и оставить войско Дария погибать в степях Северного Причерноморья, а могут и не делать этого (IV.139); они выбирают второе, что тоже приводит к самым глобальным последствиям – Греко-персидским войнам. Афиняне могут послать военную помощь ионийцу Аристагору, а могут и не посылать (V.97); они выбирают первое, и результаты хорошо известны – удар Ахеменидов с тех пор наносился в первую очередь по Афинам. Те же афиняне могут принять морскую программу Фемистокла, а могут и не принимать (VII.144); они выбирают первое, и в итоге их флот оказывается сильнейшим в Греции, вносит главный вклад в разгром Ксеркса, а впоследствии позволяет им создать морской союз – главную реальность новой эпохи (об этой реальности у Геродота прямо не упоминается, но современники историка, читатели/слушатели его труда, конечно, никогда о ней не забывали). Спартанцы могут выступить на помощь афинянам, а могут и не выступать (VIII.144); они выбирают первое, что оканчивается Платейской битвой и полным изгнанием персов из Балканской Греции. Во всех перечисленных ситуациях у Геродота появляется термин καιρός, и

это, надо полагать, не случайно. Мы даже рискнули бы сказать, что в καιρός есть что-то от «точки бифуркации», но опасаемся, что это будет уже слишком смело.

Всего-навсего 13 раз встречается καιρός (вместе с дериватами) в «Истории», но два из этих случаев приходятся на рассказ о Саламинском сражении. А этот рассказ, как уже было справедливо отмечено[43], представляет собой подлинную кульминацию труда Геродота, «вершину» характерной для него фронтонной композиции. Другое необычное накопление выражений с καιρός (два раза в одной главе), как мы уже отметили выше, имеет место в «скифском логосе», тоже весьма важном как для повествования «отца истории», так и для реального хода событий. В скифском походе персов как бы завязывался узел Греко-персидских войн; в нем вместе появились на сцене главные герои первого этапа этого вооруженного конфликта, люди, чьи пути впоследствии столь радикальным образом разошлись, – Дарий, Гистией и Мильтиад. Упомянем, кстати, что «скифский логос» с его необычной частотой лексемы καιρός при этом чрезвычайно беден на лексему χρόνος (о чем еще будет сказано ниже). Не возьмемся категорично судить, значит ли это что-нибудь и нет ли тут какого-либо скрытого противопоставления.

Переходим, наконец, к термину αἰών, который у Геродота совсем редок – всего пять употреблений. Первое из них обнаруживаем в эпизоде встречи Креза и Солона (этот не очень пространный пассаж вообще чрезвычайно насыщен временно́й терминологией, в нем есть и χρόνος, и καιρός). В беседе о счастье человеческом афинский мудрец говорит своему лидийскому гостеприимцу, что не может назвать его счастливым, «пока я не узнаю, что ты достойно окончил свой век (τὸν αἰῶνα)» (Hdt. I.32).

Следующее место, где встречается αἰών, – письмо египетского фараона Амасиса тирану Самоса Поликрату (Hdt. III.40), которое, естественно, представляет собой литературную фикцию. Амасис насторожен тем, что его корреспонденту во всем сопутствует счастье, считает это дурным предзнаменованием. Он пишет: «А я хочу, чтобы и мне самому, и тем, кто мне небезразличен, как-нибудь было дано в одних делах достигать успеха, в других же – терпеть неудачу, и чтобы таким образом я проводил свой век (τὸν αἰῶνα) в переменах; это лучше, чем во всем преуспевать».

В дальнейшем αἰών начинает появляться только уже ближе к концу труда Геродота. Персидский вельможа Артабан говорит Ксерксу: «…А бог, дав ему (человеку. – *И. С.*) вкусить сладкое время жизни (γλυκὺν... τὸν αἰῶνα), оказывается по отношению к нему завистливым» (Hdt. VII.46). Весь этот очень пессимистический пассаж в высшей степени созвучен и словам Солона перед Крезом, и словам Амасиса перед Поликратом; в нем также звучит идея «зависти богов» – одна из ключевых для религиозного мировоззрения «отца истории».

Два последних упоминания αἰών у Геродота – оба в практически аналогичном контексте – содержатся в рассказе о сухопутной кампании 479 г. до н.э. Военачальник фокидян Гармокид говорит своим воинам: «Ведь лучше окончить свой век (τὸν αἰῶνα), свершив что-нибудь и обороняясь, чем позволить себя погубить позорнейшей гибелью» (IX.17). Чуть

[43] Напр.: *Гаспаров М.Л.* Указ. соч. С. 483 слл.

ниже (IX.27) точно такую же конструкцию встречаем в речи афинян, полной прославления подвигов их предков и в этом отношении чрезвычайно напоминающей т. н. эпитафии (надгробные речи) – жанр, типичный для афинской риторической традиции[44]. В перечне великих дел прошлого говорится, в частности, следующее: «…Мы утверждаем, что, когда аргосцы двинулись с Полиником на Фивы[45] и, окончив свой век (τὸν αἰῶνα), лежали непогребенными, мы пошли войной на кадмейцев, отобрали тела и похоронили их в нашей стране, в Элевсине».

Можно ли на основании столь скудной информации (всего несколько пассажей) делать какие-то ответственные выводы о семантике αἰών в геродотовской «Истории»? Как нам представляется, все-таки можно. И прежде всего сразу бросается в глаза, что, хотя под αἰών во всех разобранных случаях подразумевается определенный промежуток времени, данная лексема нигде не обозначает «абстрактного» и «нейтрального» времени, времени, взятого «само по себе», как χρόνος. Αἰών – это всегда время чьей-либо жизни, время, неразрывно, связанное, слитое с жизнью, с ее событиями. Это – время «наполненное», как мы и отмечали выше в связи с термином αἰών как таковым.

Если χρόνος более или менее равномерно распределен по всему тексту труда «отца истории» (об отклонениях от этого равномерного распределения см. ниже), если καιρός кульминирует в рассказах о скифском походе и о Саламинском сражении, то кульминация αἰών (два случая из пяти), как видим, приходится на повествование о Платейской битве, точнее, о ее преддверии. Похоже, в этом тоже есть определенный скрытый смысл. По мере приближения к делу при Платеях напряженность в труде нарастает, читатель подводится к мысли о ключевом, судьбоносном значении надвигающихся событий. Если Саламин – это некий καιρός, важный момент, который был в высшей степени удачно использован Фемистоклом, то у Платей решается сама судьба, сама жизнь Эллады и эллинов, их αἰών, который может бесславно окончиться, как бесславно окончился αἰών Креза и Поликрата, но может и славно продолжиться. Время именно на данном отрезке «Истории» становится наименее абстрактным, наиболее «наполненным», пересекающимся с пространством, и на этом пересечении происходит столкновение двух миров – эллинского и «варварского».

Возможно, не лишен некоторого значения и тот факт, что из пяти употреблений αἰών в геродотовском труде ни одно не находится в авторской речи. Во всех случаях без исключения лексема вложена в уста кому-либо из действующих лиц: три раза она приписана грекам, два раза – «варварам». Сказанное ни в коем случае не означает, что Геродот, не используя в высказываниях от своего лица термин αἰών, стремится как бы отстраниться от него; напротив, как нам представляется, он хочет таким образом погрузить αἰών в самую глубину конкретных жизненных ситуаций. Кстати, небезынтересно, что все без исключения пассажи, где встречается αἰών у Геродота, являют собой увещевания.

---

[44] Об афинских надгробных речах и излюбленных в них риторических топосах (в числе которых прославление военных подвигов афинян, как легендарных, так и исторических) см. наиболее подробно в фундаментальной работе, уже ставшей классической: *Loraux N.* The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambr. (Mass.), 1986.

[45] Речь идет о знаменитом в героической мифологии походе «Семерых против Фив».

Если еще немного углубиться в этот вопрос и рассмотреть его с точки зрения системы «субъект речевого воздействия – объект речевого воздействия», то картина вырисуется следующая. Из пяти пассажей с αἰών два обращены эллинами к эллинам, один – эллином к варвару (Солоном к Крезу), один – варваром к эллину (Амасисом к Поликрату) и один – варваром к варвару (Артабаном к Ксерксу). Таким образом, αἰών оказывается тесно связан с межцивилизационной коммуникацией, «диалогом культур». Как известно, тенденция к такому диалогу у Геродота и в целом гораздо сильнее, нежели у любого другого древнегреческого автора классической эпохи (впоследствии эту «цивилизационную диалогичность» автора «Истории» часто понимали как пресловутый «филоварваризм» – ср., например, «О злокозненности Геродота» Плутарха). Αἰών в подобном контексте оказывается своего рода пограничным термином, лексической «контактной зоной».

Итак, смело можно утверждать, что у Геродота καιρός, χρόνος и αἰών выстраиваются в целостную систему, взаимодополняют друг друга. Материал интересующего нас здесь автора вполне подтвердил выдвинутую в начале статьи рабочую гипотезу о соотношении трех категорий или «трех ликов» времени – «времени-точки», «времени-линии» и «времени-плоскости», как мы их условно назвали. Перед нами, очевидно, одна из базовых структур древнегреческого сознания. Разумеется, предлагаемый тезис настоятельно нуждается в проверке на материале других авторов. Такая проверка, которая предоставит в наше распоряжение необходимые сравнительные данные, конечно, не может быть осуществлена в рамках данной работы и представляется делом будущего. В качестве первого и наиболее подходящего «кандидата» на сравнение с Геродотом по развернутым здесь параметрам выступает, само собой, Фукидид[46].

Наконец, обратим внимание на уже отмечавшееся выше обстоятельство – решительное преобладание у Геродота «линейного» времени (χρόνος) над «точечным» (καιρός) и «плоскостным» (αἰών). Если это обстоятельство вообще что-нибудь означает (а в этом у нас пока нет полной уверенности), то оно может означать только следующее. Χρόνος, как становится вполне ясным из приводившихся его словоупотреблений, – это, помимо прочего, еще и время движущееся. А интерес «отца истории» очевидным образом прикован именно к движению времени, к происходящим во времени процессам[47].

«Время эллинское» и «время варварское»: некоторые статистические подсчеты. В последней части статьи нам хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, а именно на вопросе частотности временнóй терминологии у Геродота, как в «Истории» в целом, так и в ее отдельных частях. Поскольку эти части имеют существенно различное содержание, то, возможно, немаловажным окажется, в каких из них мы чаще будем сталкиваться со временем.

О каких частях идет речь? Подчеркиваем, что мы не имеем в виду традиционное деление «Истории» на девять книг. Это деление, скорее

---

[46] О различии в восприятии времени между Геродотом и Фукидидом см.: *Bouvier D.* Temps chronique et temps météorologique dans les premiers historiens grecs // Constructions du temps dans le monde grec ancien. P., 2000. P. 140.

[47] В. Хантер считает, что для античных историков в целом был характерен этот интерес к процессу, движению. См.: *Hunter V.* Op. cit. P. 117 ff.

всего, не принадлежит самому автору и было сделано позже, а главное – оно имеет по большей части вполне условный характер. А нам важно членение труда с точки зрения его содержания.

Прежде всего отметим, что все произведение может быть достаточно четко разделено на две большие, примерно равные части (границу между ними уместнее всего провести по главе V.18) – «Предысторию Греко-персидских войн» и «Историю Греко-персидских войн». В первой части речь идет о событиях до 500 г. до н.э., в основном о возникновении и росте державы Ахеменидов, о персидских завоеваниях. Во второй части рассказывается о событиях 500–479/478 гг. до н.э., начиная с Ионийского восстания, знаменовавшего открытие полувекового вооруженного конфликта между греческим миром и Персией. Иными словами, первая часть охватывает весьма значительный хронологический отрезок, вторая – лишь два десятилетия. Уже поэтому время оказывается в ней намного более «спрессованным».

Каково дальнейшее структурирование труда? Первая часть достаточно четко подразделяется на отдельные рассказы – «логосы». Хотя все они связаны друг с другом единой нитью повествования, но в то же время и каждый из них представляет собой определенное целостное единство. Обычно выделяют (помимо введения) «лидийский логос», «мидийско-персидский логос», «египетский логос», «второй персидский логос» («Дариев логос»), «скифский логос», «ливийско-киренский логос» и «фракийский логос», итого восемь «логосов».

Вторая часть структурирована не столь четко, что определяется ее тематикой. Однако и в ней можно выделить (пусть и с несколько большей долей условности) пять «логосов», которые могли бы быть озаглавлены следующим образом: «Ионийское восстание», «Кампания 490 г. до н.э.: Марафон», «Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию», «Кампания 480 г. до н.э.: Фермопилы и Саламин», «Кампания 479 г. до н.э.: Платеи и Микале».

Внутри «логосов» присутствуют наименьшие структурные единицы – экскурсы, многочисленные отступления Геродота от основного сюжета изложения. На этом текстовом уровне труднее всего говорить о каких-то системных принципах. Здесь больше всего хаотичности, в одних «логосах» экскурсов весьма много, в других – практически нет.

Исходя из этих представлений о членении труда «отца истории», мы произвели некоторые статистические подсчеты, связанные с терминологией времени, и попытаемся на основе этих подсчетов сделать определенные обобщения и выводы. Оговорим сразу, что в наших подсчетах мы учитывали только χρόνος (с дериватами), поскольку лишь данная лексема встречается у Геродота с достаточной степенью частотности, чтобы сделать предлагаемые здесь выкладки хотя бы в какой-то степени репрезентативными. Καιρός и αἰών (менее двух десятков употреблений обоих терминов, вместе взятых) такой репрезентативности дать не могут.

Чтобы обобщения стали возможными, потребовалось формализовать полученные данные и с этой целью ввести специальный коэффициент частотности использования интересующей нас лексемы. Назовем его Т-коэффициентом (Т – от *tempus*) и поясним на конкретном примере способ его выведения. Т-коэффициент выражает отношение количества встречаемости термина χρόνος к количеству относительно мини-

мальных отрезков текста; за такие относительно минимальные отрезки мы принимаем главы, на которые принято в современных изданиях делить труд Геродота. В виде формулы: Т = x : y, где x – число употреблений лексемы χρόνος (с дериватами), y – число глав. Например, для всей «Истории» Т-коэффициент определяется так: x = 298, y = 1535[48], следовательно Т = 298 : 1535 = 0,19 (во всех случаях округляем цифру до сотых долей единицы). Теперь нам предстоит вывести значение этого коэффициента для различных по содержанию частей труда.

Подчеркнем, что все нижеследующие цифры будут иметь сугубо приблизительный, даже грубо-приблизительный характер. Их точности не способствует целый ряд обстоятельств. Во-первых, глава сама по себе отнюдь не является эталоном точного отрезка текста: главы в «Истории» Геродота, как и в любом другом античном нарративном памятнике, весьма сильно разнятся друг от друга по размеру, причем различия имеют, в общем-то, случайный характер, закономерность в них не усеживается. Впрочем, здесь нам на помощь приходит закон больших чисел П.Л. Чебышева, согласно которому, как известно, совокупное действие большого числа случайных факторов приводит, при некоторых весьма общих условиях, к результату, почти не зависящему от случая. Иными словами, главы, сильно отклоняющиеся от среднего размера в ту или иную сторону, взаимно нивелируют друг друга, и в результате удается получить среднюю же, достаточно репрезентативную картину.

Второе обстоятельство, препятствующее точности подсчетов, – в известной мере условный характер деления «Истории» на «логосы»: между последними зачастую весьма трудно провести сколько-нибудь строгую границу. Например, рассказ о покорении Камбисом Египта и его пребывании в этой стране обычно включают в состав «второго персидского логоса» (так сделаем и мы), но он ведь с тем же успехом может быть отнесен и к «египетскому логосу». Наконец, в-третьих, единство «логосов», как мы уже отмечали, разбито экскурсами; на этом уровне текста его структура становится особенно дробной, а проследить ее элементы во всех деталях не позволят ограниченные рамки статьи. Поэтому, повторим еще раз, ни на что большее, чем весьма грубые и приблизительные подсчеты, мы не претендуем; но, может быть, уже и это позволит прийти к каким-то результатам.

Начиная конкретный анализ, прежде всего отметим, что Т-коэффициент двух основных частей труда оказывается практически одинаковым и совпадающим с Т-коэффициентом для всего произведения. А именно, для «Предыстории Греко-персидских войн» он равен 0,2, а для «Истории Греко-персидских войн» – 0,19. Это убеждает нас в том, что закон больших чисел в нашей ситуации действительно работает и, следовательно, мы можем рассчитывать на определенную репрезентативность полученных в дальнейшем данных. Хотя цифры по различным структурным элементам «Истории» Геродота, как увидим, будут порой довольно сильно отличаться от усредненного значения, которое мы имеем для памятника в целом (впрочем, «довольно сильно» нужно, конечно, понимать в относительном смысле; так, коэффициент нигде не превзойдет единицу).

---

[48] В число глав включаем также короткое вступление в начале труда, которое в изданиях обычно не нумеруется.

Установим теперь значения Т-коэффициента для отдельных «логосов». Они таковы:

Введение (I. prooem. – I.5) – 0,33;

«Лидийский логос» (I.6–94) – 0,35;

«Мидийско-персидский логос» (I.95–216) – 0,14;

«Египетский логос» (II.1–182) – 0,25;

«Второй персидский логос» (III.1–160) – 0,21;

«Скифский логос» (IV.1–144) – 0,1;

«Ливийско-киренский логос» (IV.145–205) – 0,2;

«Фракийский логос» (V.1–27) – 0,15;

«Ионийское восстание» (V.28–126, VI.1–93) – 0,23;

«Кампания 490 г. до н.э.: Марафон» (VI.94–140) – 0,22;

«Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию» (VII.1–178) – 0,15;

«Кампания 480 г. до н.э.: Фермопилы и Саламин» (VII.179–239, VIII.1–129) – 0,13;

«Кампания 479 г. до н.э.: Платеи и Микале» (VIII.130–144, IX.1–122) – 0,26.

Можем ли мы на основании этих значений позволить себе установить какие-то закономерности? Кажется, да. Так, невозможно не заметить, что полученные цифры для «логосов» первой части труда сильнее отличаются друг от друга и от средней цифры по всей «Истории», чем соответствующие цифры для «логосов» второй части труда. При этом ранее мы уже заметили, что «логосы» первой части и в целом выделены более четко и сильнее разнятся между собой; каждый из них посвящен какой-либо «варварской» стране и народу. Вот тут-то, как нам представляется, имеют право на существование некоторые соображения по поводу соотнесения Геродотом тех или иных «варварских» этносов с течением времени. Исходим из того, что меньшее значение Т-коэффициента соответствует меньшей вовлеченности субъекта повествования во временной, исторический процесс.

Меньше всего цифра Т-коэффициента для «скифского логоса» (0,1). А для той его части, которая повествует собственно о Скифии (IV.2–82) она еще более незначительна – 0,04. Скифы у Геродота – типичный образчик отдаленного «варварского» народа, живущего на окраине ойкумены, отчужденного от цивилизации эллинского типа. А подсчеты показывают, что и время в их жизни играет незначительную роль. Оно как бы не движется, остановлено.

В связи с этим небезынтересно привести соответствующие цифры для других рассказов Геродота о столь же отдаленных, периферийных странах. Это уже не «логосы», а экскурсы. Обнаруживаем, в частности, что для экскурса об Эфиопии (II.17–25) Т-коэффициент составляет 0,11; для экскурса об Индии (III.98–106) – также 0,11; для экскурса о Ливии (IV.166–205), входящего в состав «ливийско-киренского логоса», получаем цифру 0,1 (как и для рассказа о скифах), для экскурса о массагетах (I.201–216) – еще меньшую цифру 0,06. А в экскурсе об Аравии (III.107–113) она вообще равняется нулю: ни одного упоминания χρόνος! Это для Геродота застывшие, «холодные общества», живущие вне линейного, ис-

торического времени[49]. Близок к перечисленным пассажам «фракийский логос», но в нем Т-коэффициент все же несколько больше (0,15). Фракийцы воспринимались античными греками в некоторых отношениях как эталон «варваров». Однако это были «варвары» более близкие (хотя бы в чисто географическом плане), более «знакомые» и тем самым более включенные в эллиноцентричный исторический процесс.

Весьма интересную картину представляют наблюдения с принятой нами точки зрения над теми пассажами Геродота, которые повествуют об иранских народах – мидийцах и персах, которых греки, как правило, воспринимали в неразрывном единстве (ср. обычное обозначение Греко-персидских войн как τὰ Μηδικά). Т-коэффициент для «мидийско-персидского логоса» в первой книге «Истории», как было показано, и в целом невелик (0,14). При этом следует отметить, что на долю самих мидийцев (I.95–130) и персов (I.131–140) приходятся еще меньшие цифры: для первых 0,11, а для вторых 0,1. А более высокий коэффициент для данного «логоса» в целом достигается в первую очередь за счет того, что в него включен экскурс о Вавилоне (I.178–200) с довольно значительной цифрой 0,22. Приведенные соотношения вполне объяснимы: мидийцы и персы до покорения Лидии, выхода к Эгейскому морю и вступления в прямой контакт с эллинским миром оставались для греков столь же отдаленными, периферийными «варварскими» народами, как какие-нибудь скифы или индийцы. Совсем другое дело – Вавилон, эта символическая «столица Востока», о которой греки давно уже были прекрасно наслышаны и включали ее в рамки своего «исторического космоса».

Во «втором персидском логосе» Т-коэффициент для персов возрастает (0,21), что, безусловно, свидетельствует о большей вовлеченности персов на новом этапе в греческие дела и тем самым – в исторический процесс. При этом, чем больше степень такой вовлеченности для того или иного конкретного эпизода, тем чаще появляется χρόνος. Отмеченную закономерность легко продемонстрировать численными данными. В тех частях «логоса», где греки не появляются и речь идет о чисто «варварских» делах, Т-коэффициент по большей части остается по-прежнему малым. Например, для рассказа о покорении Камбисом Египта (III.1–16) он составляет 0,12; для рассказа о перевороте Дария (III.70–88) – 0,11; для перечня сатрапий державы Ахеменидов (III.89–97) – тоже 0,11.

А вот в тех пассажах «второго персидского логоса», где появляются греки, Т-коэффициент сразу существенно возрастает. В рассказе о завоевании Самоса (III.139–149) имеем цифру 0,27; в экскурсе об отношениях Самоса и Спарты (III.39–60) – 0,32; в эпизоде с гибелью самосского тирана Поликрата (III.120–128) – 0,44. Наконец, в истории грека Демокеда, лейб-медика персидского царя (III.129–138) Т-коэффициент достигает весьма высокого уровня: 0,6.

Здесь мы выходим на важную закономерность, которая, несмотря на оговоренную выше предельную грубость подсчетов, кажется, не может быть оспорена. Эта закономерность в упрощенной форме может быть передана так: чем больше в том или ином эпизоде греков – тем больше в нем χρόνος'а. Чем больше в эпизоде «варваров» и чем более они «варвары», чем

[49] При этом «точечное время» в названных обществах вполне может фиксироваться. Достаточно вспомнить, что «скифский логос», столь бедный на термин χρόνος, оказывается в то же время одним из первых в «Истории» по количеству упоминаний καιρός.

дальше они от греков (в географическом и/или цивилизационном смысле) – тем реже встречается χρόνος. Названную закономерность нам еще предстоит верифицировать на дальнейших примерах[50].

«Ливийско-киренский логос» (общий Т-коэффициент 0,2) делится на две части – «киренскую» и «ливийскую». Для последней, чисто «варварской», коэффициент, как упоминалось выше, мал – 0,1. А вот для «киренской» части (IV.145–165) он, напротив, велик, почти в четыре раза больше – 0,38. И не удивительно: ведь здесь речь идет об эллинах, колонизовавших и освоивших Киренаику.

Значение Т-коэффициента, несколько превышающее среднее по «Истории», имеет «египетский логос» (0,25). Это тоже вполне объяснимо. Египтяне для греков, конечно, «варвары», однако отнюдь не «периферийные варвары», подобные скифам или эфиопам, скорее, напротив, «срединные варвары». Геродот сплошь и рядом акцентирует древность египетской цивилизации, ее влияние на становление греческой. Египтяне и греки уже с эпохи архаики самым тесным образом взаимодействовали в единой системе международных контактов в Восточном Средиземноморье[51]. Иными словами, в эллинском восприятии египтяне – «варвары», но в то же время не вполне «чужие», они были включены в греческий «ментальный космос» в качестве одного из важных звеньев.

Сказанное в такой же и даже большей степени относится к лидийцам. «Лидийский логос» во всем труде Геродота дает, пожалуй, самый замечательный материал по интересующей нас тематике. По своему Т-коэффициенту (0,35) он занимает первое место среди всех «логосов», входящих в состав «Истории». Данное обстоятельство связано, несомненно, с тем, что из всех «варварских» стран Лидия, непосредственно граничившая с регионами обитания малоазийских греков, воспринималась как «наименее варварская» и в наибольшей степени включенная в исторический процесс, – отсюда и частота употребления в «лидийском логосе» лексемы χρόνος.

Ситуация становится еще более занимательной, даже захватывающей, если мы учтем, что даже на общем фоне высокого Т-коэффициента в данном «логосе» выделяются несколько экскурсов, для которых этот коэффициент еще выше. И эти экскурсы, как правило, посвящены греческим делам! В экскурсе о Периандре и Арионе (I.20–24) Т-коэффициент составляет 0,4; в экскурсе о приходе Писистрата к власти в Афинах (I.59–64) – 0,5. А в экскурсе о возрастании могущества архаической Спарты (I.65–70) он достигает поразительно высокой цифры 0,83. Таким образом, подтверждается выше подмеченная закономерность: чем больше греков – тем больше χρόνος'а.

Весьма значителен Т-коэффициент (0,5) также во входящем в «лидийский логос» рассказе о покорении Лидии Киром (I.71–92). Объясняем это тем, что данный эпизод вообще занимает ключевое место в композиционной и особенно концептуальной структуре труда Геродота: в нем происходит как бы завязка Греко-персидских войн, с появлением персов

---

[50] Некоторые замечания о проблемах «эллинского времени» и «варварского времени» у Геродота см.: *Payen P.* Comment résister à la conquête: temps, espace et récit chez Hérodote // REG. 1995. Vol. 108. P. 308–338.

[51] *Борухович В.Г.* Египет и греки в VI–V вв. до н.э. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историческая: Средние века и древний мир. Горький, 1965. Вып. 67. С. 74–137.

на берегах Эгеиды событиям дается некий первотолчок, обусловливающий их дальнейшее развитие. Исторический процесс, как его понимает Геродот, на этом этапе находится в одной из своих высших точек, обретает особенный динамизм.

«Логосы», входящие в состав второй части «Истории» и повествующие собственно о военных действиях между эллинами и персами, более трудны и неоднозначны для анализа с помощью используемой нами методики (хотя, тем не менее некоторые закономерности возможно наблюдать и на их материале). Они не демонстрируют такой же чистой и четкой структуры, как «логосы» первой части и почти все имеют «смешанный», «греко-варварский» характер, с некоторым преобладанием греческого элемента. Исключение представляет «логос», который мы обозначаем как «Воцарение Ксеркса и его подготовка к походу на Грецию». Он по своему содержанию чисто «варварский», и значение его Т-коэффициента (0,15) примерно соответствует значению для большинства «варварских» «логосов»; в дальнейшем мы уже не будем его касаться.

Остальные «логосы» второй части в большинстве своем отличаются единообразием Т-коэффициента: «Ионийское восстание» – 0,23, «Кампания 490 г. до н.э.» – 0,22, «Кампания 479 г. до н.э.» – 0,26. Из этого ряда резким диссонансом выбивается «логос», повествующий о кампании 480 г. до н.э., о Фермопилах и Саламине. Его Т-коэффициент – всего лишь 0,13, как в «логосах» о каких-нибудь отдаленных «варварах». На вопрос о причинах такой специфики мы пока не готовы дать однозначный и категоричный ответ. Можем разве что попытаться высказать некоторые соображения гипотетического характера. Как говорилось выше, данный «логос» – кульминация «Истории», вершина ее фронтонной композиции. Можно предположить, что в «вершинном» моменте действие как бы уравновешивается и застывает в горделивом, гармоничном покое, с тем чтобы впоследствии опять начать движение, уже нисходящей линии. События достигают высшего накала; на какой-то период «линейное время» (χρόνος) уступает место «точечному времени» (καιρός). Сказанное в полной мере подтверждается тем, что данный «логос» – действительно один из первых в «Истории» по количеству употреблений термина καιρός (см. выше, где отмечалась параллель со «скифским логосом», в котором картина абсолютно аналогична: меньше χρόνος, больше καιρός).

Напоследок отметим еще некоторые экскурсы второй части с большим значением Т-коэффициента. Среди таких экскурсов, в частности, так называемая «апология Алкмеонидов» (VI.121–131)[52] – аргументированная защита Геродотом этого рода от обвинений в персидской измене. Т-коэффициент в этом пассаже – 0,45.

Но особенно много среди экскурсов с повышенным Т-коэффициентом таких, которые относятся к Спарте. Перечислим их с указанием цифры коэффициента: экскурс о Клеомене и Дориее (V.39–48) – 0,6; обширный экскурс о Клеомене и Демарате с включением информации о статусе спартанских царей (VI.50–86) – 0,38; экскурс об укреплении Клеомбротом Истма в 480 г. до н.э. (VIII.71–74) – 0,5. Следует сказать, что и

[52] Об этом и других пассажах Геродота, посвященных Алкмеонидам, см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 95 слл. (со ссылками на предшествующую литературу).

в первой части «Истории» спартанские экскурсы отличались высоким Т-коэффициентом, как мы могли увидеть выше.

Данное наблюдение даже несколько озадачивает. Мы привыкли считать Спарту жестко-консервативным, «застывшим» обществом, чуждым прогрессу, а стало быть, в нашем понимании – чуждом историческому процессу, движению времени. Но нет ли здесь некой нашей аберрации, порожденной столь привычным нам линейным восприятием хода времени, отождествлением этого хода с прогрессом? Как известно, античным грекам такое восприятие было чуждо. И создается впечатление, что, по крайней мере, Геродот смотрел на Спарту несколько иначе; для него она в большей степени, чем многие другие греческие полисы, вызывала ассоциации с временно́й терминологией.

Да и только ли Геродоту это было свойственно? Процитируем одно место из Платона (*Hipp. M.* 285d, перевод А.В. Болдырева). Спартанцы, говорит софист Гиппий Элидский, больше всего любят слушать «о родословной героев и людей,.. о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, – одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (πάσης τῆς ἀρχαιολογίας)[53], так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить». Итак, спартанцам близки и интересны повествования на исторические темы (а чуть выше сам Гиппий отмечает, что их не привлекают ни астрономия, ни геометрия, ни грамматика…). А последний тезис Гиппия имеет просто-таки исключительное значение. Ведь именно этот софист внес едва ли не самый большой вклад в становление древнегреческой хронологии как научной дисциплины, составив и издав список олимпиоников. Выясняется, что он сделал это если не по прямой инициативе спартанцев, то, во всяком случае, в угоду им!

На этой ноте мы и завершаем эту уже, пожалуй, чрезмерно разросшуюся статью. И пусть заключительный аккорд звучит не точкой, а скорее недоуменным многоточием, – точки расставлять явным образом еще рано, мы в самом начале пути. Как писал еще Шеллинг, «достижения науки – не только в том, что она разрешает трудные вопросы; быть может, еще большая заслуга в том, чтобы создавать и отмечать для будущих исследований новые проблемы или же находить новые стороны в старых вопросах»[54].

IGOR E. SURIKOV (MOSCOW)

IMAGES OF TIME IN HERODOTUS' HISTORICAL WORK

The article deals with some aspects of time perception in Herodotus' *Histories*. The author considers the problem from a terminological perspective. There are three main Greek words for "time": *kairos, chronos* and *aiōn*.

[53] Ср. к этому наблюдение современного ученого, что в V в. до н.э. отдаленное прошлое было в памяти людей более живо, чем события относительно недавнего времени: для грека этой эпохи Эдип, Агамемнон или Тесей имели более реальный облик, нежели почти любой исторический деятель предыдущего столетия (*Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt am Main, 1991).

[54] *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения в 2-х томах. М., 1989. Т. 2. С. 249.

The first designates a moment in time (“point-time”), the second – a period of time (“line-time”), the third – time at the junction with space and life (“plane-time”). In the article, principal contexts of all three time terms’ use by Herodotus are analyzed. The author also tries to trace frequency of time terminology in different parts of the work. He does it through formalizing statistical data and introducing a special frequency coefficient. The results are that Herodotus’ time terminology is more frequent in “Greek” parts and rarer in “Barbarian” parts, especially in those narrating on remote and periphery barbarians: the nearer to Greece – the more historical time.

А.А. Синицын

В АВГУСТЕ 424-го. УСКОРЕННЫМ МАРШЕМ ОТ ИСТМА ДО МАКЕДОНИИ (историко-географический аспект фракийского похода Брасида) * *Часть I*

Ибо кто хорошо ведет, за тем и идут хорошо.
Plut. *Lyc.* XXX.4 [1]

Предварительные замечания. Причины халкидийско-фракийской экспедиции, предпринятой пелопоннесцами в 424 году[2], и проблемы, связанные с организацией Брасидом необычного войска, были рассмотрены нами в статье «О причинах фракийского похода Брасида»[3]. Там же было заявлено, что опубликованная работа является вступлением к дальнейшему исследованию событий, связанных с историей военной кампании 424–422 гг. на севере Греции. Однако с тех пор, как вышла предыдущая статья, несколько лет мы не возвращались к этой теме и к своему герою. Настоящая публикация является продолжением обозначенной ранее темы.

Из-за разросшегося в процессе работы объема этой статьи текст пришлось разделить на две части, по возможности придав каждой из них законченность[4]. Такое разделение может показаться читателю не совсем удобным, но оно сделано вынужденно: и по «техническим причинам», ибо, как говорят в таких случаях, «в рамках одной публикации оказалось невозможным рассмотреть все аспекты проблемы», а также потому, что работа еще не завершена, и пока не сформулированы окончательно общие выводы.

Вступление

В литературном произведении в подобном случае следовало бы начать так. В прошлый раз мы оставили своего героя в заботах о сборе войска для предстоящего похода. Средства, выделенные на организацию спланированной кампании, по-видимому, были ограничены, наличествующие силы для выполнения этого предприятия казались недостаточными, а задачи, которые стояли на сей раз перед спартанским полководцем, представлялись почти не выполнимыми. Но Брасид, уже навсегда покинув Родину, мысленно ступил на землю далекой и пока еще незнакомой ему Фракии. Брасиду и его новому войску предстояло прой-

---

* В основе этого очерка лежит доклад на тему «Фукидид о фракийском походе Брасида», прочитанный в марте 1999 года на одном из заседаний существовавшего при кафедре истории древнего мира Саратовского университета семинара проф. В.И. Кащеева «Античная среда», участником которого долгое время был и автор этих строк. Благодарю к.и.н. А.В. Мосолкина, д.и.н. В.Н. Парфенова, к.и.н. Е.В. Смыкова (Саратов), к.и.н. Ю.Н. Кузьмина (Самара), д.и.н. А.К. Нефёдкина (С.-Петербург) и д.и.н. В.М. Строгецкого (Нижний Новгород) за помощь в подготовке этой статьи, а также к.и.н. М.М. Холода (С.-Петербург), провокационные замечания которого, высказанные еще в 2002 году к моей предыдущей статье на эту тему, побудили проанализировать этапы экспедиции Брасида, увидев проблему в новом – географическом – ракурсе.

[1] Перевод С.П. Маркиша по изданию: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в 3-х тт. / Изд. подгот. *С.П. Маркиш, С.И. Соболевский.* М., 1961. Т. 1. С. 76.

[2] Все даты в статье – до нашей эры.

[3] *Синицын А.А.* О причинах фракийского похода Брасида // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. *Э.Д. Фролова.* СПб., 2002. С. 49–70.

[4] Такое деление оправдано и логикой изображения фракийского похода Фукидидом (пояснения см. далее).

ти долгий и опасный путь через Беотию и фессалийские земли в район Северной Греции, где уже ждали недавних союзников[5].

Мы остановимся на некоторых событиях военного лета 424 г., переломного лета жестокой войны, затянувшейся на многие годы и охватившей почти всю Элладу. Через три года между Спартой и Афинами будет подписан мир, который станет возможным как раз в результате тех успехов, что добьются спартанцы в «северной кампании». А пока скрытые заговоры и прямые военные столкновения потрясали юго-западный Пелопоннес, Мегариду, Беотию, Халкидику, Македонию и Сицилию. Мы рассмотрим события нескольких дней августа 424-го.

***

Цель настоящего исследования – проанализировать этапы похода «брасидовцев» от Истма (исходный пункт экспедиции) до Дия, где Брасид, завершив переход через Фессалию, соединился с силами македонского царя Пердикки II. Нас будут интересовать как детали самого маршрута (путь следования и его возможные варианты, места стоянок и вероятные расстояния дневного перехода), так и те факторы, которые способствовали успешному продвижению пелопоннесского отряда через опасные участки пути (переговоры спартанского полководца с беотийскими союзниками и сторонниками в Фессалии, ксены и проводники Брасида).

Фукидид и Брасид: *автор и его герой в «Истории Пелопоннесской войны»*. Здесь мы располагаем по сути единственным источником[6] – «лаконичным» описанием марша Брасида, данным современником этих событий, летописцем Пелопоннесской войны – Фукидидом[7]. Не подлежит

---

[5] О договоренности лакедемонян с халкидянами и македонянами см. у Фукидида – IV.79 sqq.; избранная литература: *Adcock F.E.* The Archidamian War // CAH. 1927. Vol. 5. P. 243; *Berve H.* Griechische Geschichte. Freiburg im Breisgau, 1933. Bd. 2: Von Perikles bis zur politischen Auflösung. S. 24 ff.; *Geyer F.* Makedonien bis zur Thronbesteigung Philippos II. Munich; Berlin, 1930. S. 50 f.; *idem.* Perdikkas (2) // RE. 1937. Bd. 19.1 (Hbd. 37). Sp. 590–602, здесь – Sp. 598; *Larsen J.A.O.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxf., 1968. P. 65 ff.; *Zahrnt M.* Olynth und die Chalkidier. Untersuchungen zur Staatenbildung auf der Chalkidischen Halbinsel im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. München, 1971. S. 58 f., *Busolt G.* Griechische Staatskunde. 2. Hälfte: Darstellung einzelner Staaten und der zwischenstaatlichen Beziehungen. 3., neugestalt. Aufl. / Bearb. von *H. Swoboda.* München, 1972. S. 1502; *Cole J.W.* Perdiccas and Athens // Phoenix. 1974. Vol. 28. P. 55–72, здесь – p. 67 f.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte: von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 5., durchges. u. erg. Aufl. München, 1977. S. 234; *Errington R.M.* A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London, 1990. P. 21 f.; *Borza E.N.* In the shadow of Olympus: the emergence of Macedon. Princeton; New Jersey, 1990. P. 150 f.; *Lewis D.M.* The Archidamian War // CAH². 1992. Vol. 5. P. 370–432, здесь – p. 424 f.; *Шофман А.С.* Пердикка II как дипломат // Античность: эпоха и люди: Сб. статей. Казань, 2000. С. 153–164, здесь – с. 159 сл.; *Синицын А.А.* О причинах… С. 54 слл.; *Kagan D.* The Peloponnesian War. N.Y., 2003. P. 173 f.; *Хаммонд Н.* История Древней Греции / Пер. Л.А. Игоревского. М., 2003. С. 397 сл.; *Lazenby J.F.* The Peloponnesian War: A military study. London; New York, 2004. P. 91 f.; *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides / Ed. by *A. Rengakos* and *A. Tsakmakis*. Leiden; Boston, 2006. P. 589–614, здесь – p. 593 f. (далее ссылка на этот сборник дается в сокращении – BCTh. 2006); *Welwei K.-W.* Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. 2., durchgeseh. Aufl. Stuttgart, 2007. S. 225.

[6] Диодор Сицилийский в данном случае опирается на Фукидида, но передает его рассказ в сокращении и с искажением фактов (обсуждением см. далее).

[7] Описанию похода у Фукидида отводится одна глава: IV.78–79.1. См. комментарии: [*Poppo E.F.*] Thucydidis De bello Peloponnesiaco libri octo / Expl. *E.F. Poppo.* 2 ed. / Ed. *I.M. Stahl.* Lipsiae, 1875. Vol. 2. Sect. 2. P. 137–141 (далее ссылки на это издание даются в сокращении – *Poppo.* ThBP, с указанием части тома); [*Classen J.*] Thukydides / Erkl. von *J. Classen*; bearb. von *Ju. Steup.* 3. Aufl. B., 1900 (1963⁴). Bd. 4. S. 156–160 (далее – *Classen.*

сомнению, что первый афинский историк с особым пристрастием интересовался личностью спартанского полководца[8]. Возможно, здесь сыграло свою роль одно роковое для историка обстоятельство: в конце 424 г. Брасид захватил Амфиполь, который должен был защитить Фукидид, направленный в качестве военачальника во фракийский регион. В этом смысле нам импонирует суждение И.Е. Сурикова: «Поднимая Брасида на недосягаемую высоту, Фукидид, помимо прочего, косвенно оправдывал тем самым и себя: великому человеку и уступить не зазорно»[9]. Но это не единственное объяснение повышенного внимания автора-историка к своему герою. Х. Уэстлейк, детально исследовавший вопрос о виновности Фукидида за сдачу спартанцам Амфиполя в декабре 424-го и проблему объективности историка-стратега в освещении этих событий, заметил: «С трудом можно представить, что он (Фукидид. – *А. С.*) пытался, таким образом, косвенно оправдать собственную неудачу в попытке спасти Амфиполь от Брасида. Скорее, его основная цель заключалась в том, чтобы показать Брасида в контрасте с другими спартанскими ру-

---

Thukydides, с указанием тома и года издания); *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides. Oxf., 1956. Vol. 3. P. 540–546 (далее – *Gomme.* HCTh, с указанием тома и года издания); *Romilly J. de.* Thucydide, livres IV–V. P., 1967; *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxf., 1996. Vol. 2. P. 256–262 (далее – *Hornblower.* CTh, с указанием тома и года издания); [*Rhodes P.J.*] Thucydides History IV.1–V.24 / Ed. with transl. and comment. by *P.J. Rhodes*. Warminster, 1998. О походе Брасида также см.: *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. 3. Teil 2: Der peloponnesische Krieg. Gotha, 1904. S. 1141 ff.; *Adcock F.E.* Op. cit. P. 242 ff.; *Bodin L.* Thucydide et la campagne de Brasidas en Thrace: remarques sur la composition de l'exposé // Mélanges offerts à Octave Navarre par ses élèves et ses amis. Toulouse, 1935. P. 47–55; *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. Cambridge, 1968. P. 148–165, особ. – p. 149 ff.; *Kagan D.* The Archidamian War. Ithaca; London, 1974 (1996[3]). P. 287 ff.; *Babut D.* Interprétation historique et structure littéraire chez Thucydide: remarques sur la composition du livre IV // Bulletin de l'association Guillaume Budé. 1981, № 40. P. 417–440; *Heitsch E.* Geschichte und Situationen bei Thukydides. Stuttgart; Leipzig, 1996. S. 31 ff.; [*Strassler R.B.*] The Landmark Thucydides: A comprehensive guide to the Peloponnesian War / Ed. by *R.B. Strassler*, introduct. *V.D. Hanson*. New York et al., 1996. P. 266 f. (далее – *Strassler.* LTh); *Boëldieu-Trevet J.* Brasidas: la naissance de l'art du commandement // Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne. Hommage à Yvon Garlan / Éd. *P. Brulé, J. Oulhen*. Rennes, 1997. P. 147–158; *Rood T.* Thucydides: Narrative and explanation. Oxf., 1998. P. 69–77; *Badian E.* The Road to Acanthus // Text and Tradition. Studies in Greek History and Historiography in Honor of M. Chambers / Ed. by *R. Mellor, L. Tritle*. Claremont, 1999. P. 3–35, особ. – p. 8–13; *Pazdernik Ch.* Procopius and Thucydides on the Labors of War: Belisarius and Brasidas in the Field // TAPhA. 2000. Vol. 130. P. 149–187; *Price J.J.* Thucydides and Internal War. Cambridge, 2001. P. 248–254, 295–300; *Синицын А.А.* О причинах… С. 49–70, особ. – с. 58 слл.; *Heilke Th.* Realism, Narrative, and Happenstance: Thucydides' Tale of Brasidas // APSR. 2004. Vol. 98. № 1. P. 121–138; *Howie J.G.* The Aristeia of Brasidas: Thucydides' Presentation of Events at Pylos and Amphipolis // Papers of the Langford Latin Seminar. Cambridge, 2005. Vol. 12. P. 207–284, здесь – p. 231 ff.; *Schulz R.* Athen und Sparta. 2., durchges. Aufl. Darmstadt, 2005. S. 101 f.; *Welwei K.-W.* Sparta. S. 225–226.

[8] Специально об этом в работах Уэстлейка: *Westlake H.D.* Thucydides and the Fall of Amphipolis // Hermes. 1962. Bd. 90. P. 276–287 (= Thukydides / Hrsg. von *H. Herter*. Darmstadt, 1968. [Wege der Forschung, Bd. 98] S. 620–638); *idem.* Individuals in Thucydides. P. 148 ff.; *idem.* Thucydides, Brasidas, and Clearidas // GRBS. 1980. Vol. 21. P. 333–339 (= *idem.* Studies in Thucydides and Greek History. Bristol, 1989. P. 78–83). См. также: *Boegenhold A.L.* Thucydides' Representation of Brasidas before Amphipolis // CPh. 1979. Vol. 74. № 2. P. 148–152; *Connor W.R.* Thucydides. Princeton, 1984. P. 131 ff.; *Rocchi D.* Brasida nella tradizione storiografica. Aspetti del rapporto tra ritratto letterario e figura storica // Acme. 1985. Vol. 38. 2. P. 63–81; *Wylie G.* Brasidas – great commander or whiz-kid? // QUCC. 1992. Vol. 41. P. 77–95; *Wade-Gery H.T.* Thucydides // OCD[3]. P. 1517. Col. 1; *Will W.* Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 10 f.; *Sonnabend H.* Thukydides. Hildesheim; Zürich; New York, 2004. S. 77 f.

[9] *Суриков И.Е.* [Рец.]: W. Will. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003 // ВДИ. 2006. № 3. С. 216. Прим. 10.

ководителями…»[10]. Как кажется, оба эти представления не исключают, но, напротив, дополняют одно другое. Бросающееся в глаза «контрастное» изображение спартанца Брасида в «Истории Пелопоннесской войны» могло являться следствием упомянутого выше субъективного отношения к нему неудачного афинского стратега – историка Фукидида[11].

Вторая, четвертая и начало пятой книги «Истории» показывают, что автор располагал значительными сведениями о военной биографии спартанского полководца. И в науке уже не раз высказывалось мнение, что сам Брасид мог быть одним из его информаторов (будто бы в 423–422 гг. – после того, как Фукидид был изгнан из Афин и находился во Фракии – он встречался с Брасидом и мог лично от него получить информацию)[12]. Однако здесь мы не станем останавливаться на выяснении источника (или источников) значительной (даже удивительной!) осведомленности историка о своем герое, а обсудим это подробно в другом месте.

Должно быть, Брасид, как человек действия, командир нового типа, часто отступавший от обычного порядка ведения войны[13], именно своей инициативностью и был симпатичен писателю Фукидиду, который был новатором в литературе, одним из основоположников нового жанра – истории[14]. Кажется, что афинский историк умышленно акцентирует внимание на пренебрежении «правилами игры» со стороны спартанского полководца[15]. И в первую очередь это касается фракийского похода Брасида, который стал великим военным подвигом войска, покрывшего огромное расстояние всего за несколько дней, а сам спартанский полко-

---

[10] В книге: *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. P. 149 f. (с аргументацией) и см. также его статьи, названные выше в прим. 8.

[11] См.: *Rood T.* Objectivity and Authority: Thucydides' Historical Method // BCTh. 2006. P. 225–249, здесь об изображении историком Брасида – p. 231.

[12] Например: *Adcock F.E.* Op. cit. P. 243 f.; *Grundy G.B.* Thucydides and the History of his Age. 2 ed. Oxf., 1948. Vol. 1. P. 36 f.; *Westlake H.D.* Thucydides and the Fall of Amphipolis. P. 276 ff.; *idem.* Individuals in Thucydides. P. 149 ff.; *Proctor D.* The Experience of Thucydides. Warminster, 1980. P. 15; *Westlake H.D.* Thucydides, Brasidas, and Clearidas. P. 333 f., 339; *Hornblower.* CTh. 1991. Vol. 1. P. 281 (со ссылкой на Уэстлейка).

[13] См.: *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 22; *Welwei K.-W.* Brasidas // NP. 1997. Bd. 2. Sp. 761. Специально на эту тему нам известны три недавних работы: Г. Уайли (1992) о полководческом гении Брасида (*Wylie G.* Op. cit. P. 77–95), Ж. Бёльдьё-Треве (1997) о Брасиде и зарождении искусства командования (*Boëldieu-Trevet J.* Op. cit. P. 147–158) и Л. Пранди (*Prandi L.* Sintonia e distonia fra Brasida e Sparta // Contro le «leggi immutabili». Gli Spartani fra tradizione e innovazione (Contributi di storia antica. Vol. 2) / Ed. *C. Bearzot, F. Landucci Gattinoni.* Milan, 2004. P. 91–113), – последняя оказалась недоступной.

[14] Наиболее подробно: *Dover K.J.* Thucydides as "History" and as "Literature" // History and Theory. 1983. Vol. 22. P. 54–63; *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991 (СПб., 2004[3]). С. 119–141 и в новом исследовании Альдо Коркеллы: *Corcella A.* The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // BCTh. 2006. P. 33–56; см. также в работах И.Е. Сурикова о специфике историзма «отцов истории» – Геродота и Фукидида: 1) «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151; 2) Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 21–39; 3) ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.

[15] *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides (Brasidas); *Rood T.* Thucydides: Narrative and explanation; *Wylie G.* Op. cit.; *Boëldieu-Trevet J.* Op. cit.; *Badian E.* The Road to Acanthus. P. 32 ff.; и *Карпюк С.Г.* Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида // ВДИ. 2006. № 3. С. 14–22, здесь – с. 18 сл. (специально об изображении историком стремительного марш-броска Брасида от Арн через реку Стримон – к Амфиполю в морозную снежную погоду зимой 424/3 года).

водец явился образчиком действия, примером героической (эпической!) дерзости, роднящей его с героями мифического прошлого[16].

Замечания о месте и роли географии в «Истории Пелопоннесской войны». В литературе уже указывалось на то, что в изложении Фукидидом исторических событий определенное место занимают топография и описание ландшафта[17]. При изучении географических представлений первого афинского историка предпринимаются попытки выявить у него некую систему перечисления топографических названий[18]. По-видимому, Фукидид владел достаточными географическими знаниями и, возможно, специально изучал методику описания местности[19].

Имеется много специальных исследований, посвященных описанию афинским историком топографии Платей[20], Амфиполя и Сицилии. Чаще всего в качестве примера ссылаются на информированность Фукидида о топографии Пилоса и Сфактерии при изображении Пилосской кампании (хотя известно, что историк неверно указывает длину острова и допускает ошибки в подробном описании местности вокруг Пилоса)[21].

---

[16] Например, в «Пире» Платона один из симпосиастов сравнивает Брасида с Ахиллесом (Plat. *Symp.* 221c). Специально об эпическом изображении аристеи и славы Брасида см.: *Francis E.D.* Brachylogia Laconica: Spartan Speeches in Thucydides // BICS. 1991–1993. Vol. 38. P. 198–212, здесь – p. 211; *Howie J.G.* Η αριστεία από τον Ομηρο έως τον Ξενοφώντα // Parnassos. 1992. T. 34. P. 425–447 (*non vidi*); *Hornblower S.* Introduction (Thucydides' presentation of Brasidas: IV.11–V.11 as the *aristeia* of Brasidas?) // *Hornblower S.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 38–61; *Boëldieu-Trevet J.* Op. cit. P. 147 ff.; *Rood T.* Thucydides. P. 69 ff.; *Осипова О.В.* Эпические элементы в описаниях сражений у Геродота, Фукидида и Ксенофонта // ИЯКФ. 2003. Вып. 7. С. 81 сл.; *она же.* Принципы изображения персонажей в «Истории» Фукидида. Автореф. дисс… канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003. С. 15 сл.; *Hornblower S.* Thucydides and Pindar. Historical Narrative and the World of Epinikian Poetry. Oxf., 2004. P. 47 f.; *Howie J.G.* The Aristeia of Brasidas…; *Cartledge P., Debnar P.* Sparta and the Spartans in Thucydides // BCTh. 2006. P. 573 f.; *Shanske D.* Thucydides and the Philosophical Origins of History. Cambridge, 2007. P. 55 f. Сравнение фукидидовского Брасида с гомеровским Одиссеем см. у Бэдиана (The Road to Acanthus. P. 33 f.).

[17] Например: *Pearson L.* Thucydides and the Geographical Tradition // CQ. 1939. Vol. 33. № 1. P. 48–54; *Sieveking F.* Die Funktion geographischer Mitteilungen im Geschichtswerk des Thukydides. Diss. Hamburg, 1957 (= Klio. 1964. Bd. 42. S. 73–179); *Furley W.D.* Natur und Gewalt – die Gewalt der Natur. Zur Rolle der Natur und der Landschaft bei Thukydides // Ktema. 1990. Vol. 15. S. 173–182; *Olshausen E.* Einführung in die Historische Geographie der Alten Welt. Darmstadt, 1991. S. 7, 59–60 (с краткой библиографией); *Карпюк С.Г.* Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2. С. 27–41 (в работе обсуждаются политико-географические представления Фукидида в связи с «имперским» отношениям афинян к островным полисам); *Funke P., Haake M.* Theaters of War: Thucydidean Topography // BCTh. 2006. P. 369–384.

[18] См.: *Карпюк С.Г.* «История» с географией: порядок перечисления топонимов Фукидидом // Историческое знание: теоретическое основание и коммуникативные практики: Материалы Всероссийской науч. конф. Казань, 5–7 октября 2006 г. / Отв. ред. *Л.П. Репина.* М., 2006. С. 388–391; *он же.* «История» с географией: порядок перечисления топонимов Фукидидом и Ксенофонтом // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. стат. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. *А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2008. С. 192–198.

[19] Но кажется сомнительным, что труд Фукидида, как и сочинения других «отцов истории» – Геродота и Ксенофонта, Эфора и Полибия, – был снабжен какой-либо элементарной картой. Ср.: *Адлер Б.Ф.* Карты примитивных народов. СПб., 1910. С. 258; *Подосинов А.В.* Из истории античной картографии // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 21 (со ссылкой на мнение Б.Ф. Адлера и с указанием противоположных суждений).

[20] См. ниже прим. 73, где названа литература по топографии Платей.

[21] О Пилосской кампании 425 года и изображении Пилоса и острова Сфактерия у Фукидида – IV.2–41. См. комментарии: *Gomme.* HCTh, 1956. Vol. 3. P. 438 ff., P. 466 ff. и P. 482–489 (топография и карта); *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 149 f. (обзор библиографии), 152 ff. (топография), 184 ff.; *Strassler.* LTh. P. 223–246 (с картами); *Rhodes P.J.* Thucydides. P. 209 ff. Работы только за последние десятилетия: *Pritchett W.K.* Studies in Ancient Greek Topography. Berkeley, 1965. Vol. 1. P. 6–29 (глава 1 «Пилос и Сфактерия»); *Wilson J.B.*,

В целом же Фукидид не вдается специально в проблемы географии и ограничивается скупыми сведениями о местах событий, которые ему самому представлялись имеющими отношение *к делу*, т.е. к той теме, на которой сосредоточено все его внимание, – сугубо к военно-политической истории[22]. Ф. Зивекинг в диссертации, специально посвященной исследованию географических проблем в «Истории Пелопоннесской войны» («Функции географических сведений в историческом произведении Фукидида», 1957), сформулировал категорическое суждение о том, что «в произведении Фукидида топография, география и этнография занимают одинаково равное незначительное место»[23].

В новой работе немецких коллег из Мюнстера П. Функе и М. Хааке «Театры войны: топография Фукидида» (2006) проводится обстоятельный анализ географических реалий, встречающихся в Фукидидовой «Истории», и исследователи приходят к тому же выводу, что и Зивекинг. По их мнению, десятки географических названий, которые упоминает Фукидид, по сути, представляют собой лишь «декорации» и «сценическую площадку», где разворачивается историческая драма великой войны[24].

(Для наглядного представления о маршруте Брасида к статье прилагаются две карты[25], которые составлены по географическим сведениям, содержащимся в античных источниках, и с учетом современных научных знаний о ландшафте древней Греции[26].)

Beardsworth T. Pylos 425 B.C.: the Spartan Plan to Block the Entrances // CQ. New Ser. 1970. Vol. 20. № 1. P. 42–52; *Wilson J.B.*, *Beardsworth T.* Bad weather and the blockade at Pylos // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 112–118; *Westlake H.D.* The Naval Battle at Pylos and its Consequences // CQ. New Ser. 1974. Vol. 24. № 2. P. 211–226 (= *idem.* Studies in Thucydides and Greek History. Bristol. 1989. P. 60–77); *Bauslaugh R.A.* Thucydides IV.8.6 and the south channel at Pylos // JHS. 1979. Vol. 99. P. 1–6; *Wilson J.B.* Pylos 425 B.C. A Historical and Topographical Study of Thucydides' Account of the Campaign. Warminster, 1979 (с подробными картами – P. 139–147); *Lazenby J.F.* The Spartan Army. Warminster, 1985. P. 113–125; *Babut D.* L'épisode de Pylos-Sphactérie chez Thucydide: l'agencement du récit et les intentions de l'historien // RPh. 1986. T. 60. P. 59–79; *Strassler R.B.* The harbor at Pylos: 425 B.C. // JHS. 1988. Vol. 108. P. 198–203; *idem.* The Opening of the Pylos Campaign // JHS. 1990. Vol. 110. P. 110–125; *Furley W.D.* Op. cit. S. 178 ff.; *Pritchett W.K.* Essays in Greek History. Amsterdam, 1994. P. 145–177 (глава 4 «Фукидид и Пилос»); *Rubincam C.* The Topography of Pylos and Sphakteria and Thucydides' Measurements of Distance // JHS. 2001. Vol. 121. P. 77–90; *Lazenby J.F.* The Peloponnesian War. P. 67–82; 270 ff.; *Howie J.G.* The Aristeia of Brasidas... P. 216–230; *Funke P.*, *Haake M.* Op. cit. P. 376–379.

[22] Томсон считает такой подход общим для всей ранней греческой историографии: *Томсон Дж.О.* История древней географии / Пер. Н.И. Скаткина. Под ред. *А.Б. Диттмара, Д.Г. Редера.* М., 1953. С. 155; ср.: там же. С. 540; *Tozer H.F.* A History of Ancient Geography. 2nd ed. Cambridge, 1935. P. 331 f.

[23] *Sieveking F.* Op. cit. 1964. S. 73.

[24] См.: *Funke P.*, *Haake M.* Op. cit. P. 369 ff., 382 ff.; ср. с этим замечание Ольсхаузера: *Olshausen E.* Op. cit. S. 59.

[25] Благодарю Алексея Мосолкина и Владимира Леуса за содействие в технической подготовке карт к публикации. (Карта с обозначением всего маршрута экспедиции будет помещена в приложении ко второй части исследования.)

[26] При реконструкции маршрута Брасида и в работе над составлением карт использован лучший на сегодня атлас древнего мира Бэррингтона: Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. by *R.J.A. Talbert.* Princeton, 2000 (в первую очередь: Map 50: Macedonia / Comp. by *E.N. Borza*, 1994, библиография – p. 770 f.; Map 55: Thessalia–Boeotia / Comp. by *J. Fossey*, *J. Morin*, with the assist. of *G. Reger*, 1995, библиография – p. 837–840; Map 58: Peloponnesus / Comp. by *J. McK. Camp II*, *G. Reger*, 1994, библиография – p. 902 f.). Мы опирались также на следующие атласы, карты и специальные исследования по географии Эллады: *Leake W.M.* Travels in Northern Greece. L., 1835. Vol. 2; *Bursian C.* Geographie von Griechenland. Leipzig, 1862. Bd. 1; 1868. Bd. 2; *Droysen G.* Allgemeiner historischer Handatlas in sechsundneunzig Karten mit erläuterndem Text. Leipzig, 1886. S. 5 (Беотия и Аттика) и 6–7 (Греция); *Reich E.* Atlas antiquus. L., 1908; *Stählin F.* Das hellenische Thessalien: landeskundliche und geschichtliche Beschreibung Thessaliens in der hellenischen und römischen Zeit. Stuttgart, 1924; *Pritchett W.K.* Studies in Ancient Greek Topography. Berkeley; Amsterdam,

***

Сообщения Фукидида и Диодора об экспедиции Брасида кратки и совпадают лишь в указании начального и конечного пунктов передвижения пелопоннесского войска. «Конспективное» изложение Диодором (XII.67.1) нескольких глав из Фукидида (IV.70–73 и 78–79) содержит к тому же целый ряд «погрешностей»[27]. По-видимому, сам поход сицилийского историка не интересовал. Фукидид же повествует о нем сжато, но довольно подробно: со многими именами, топонимами, проблемными эпизодами и прочими деталями. Однако все это касается только второй части похода Брасида (IV.78). Поэтому, ориентируясь на Фукидида, нам показалось уместным разделить поход на два этапа: от Истма до Гераклеи Трахинской[28] и от Гераклеи до Дия в Македонии. О первом этапе историк дает настолько скудную информацию, что, можно сказать, в единственном источнике, которым располагаем, *ничего об этом нет*[29]. Или *почти* ничего. – А это уже меняет дело.

Итак, в предлагаемой первой части работы попытаемся обсудить обстоятельства начального этапа похода Брасида и поразмыслить о причинах умолчания об этом афинского историка.

Первый этап похода: от Истма до Гераклеи Трахинской

В жаркие дни (как, вероятно, в прямом, так и в переносном смысле) первой половины лета 424 года Брасид был занят организацией предстоящей экспедиции. Его «штаб», по-видимому, располагался вблизи Коринфа, у Истмийского перешейка[30]. Дислокация войск в этом месте позволяла одновременно следить за событиями в Мегариде и на северо-западе Аттики, а также в самом Пелопоннесе. К тому же это место было удобно для экстренной связи с беотийскими союзниками на случай поспешных совместных действий. Отсюда вербовщики Брасида отправлялись по Коринфии и в земли соседних с нею областей – Сикионии, Флиасии, Аркадии[31], и сюда же прибывали нанятые ими «солдаты удачи».

1965–1991. Vols. 1–7; *Kirsten E., Kraiker W.* Griechenlandkunde: Ein Führer zu klassischen Stätten. 5. überarb. und durch Nachträge ergänzte Aufl. Hbd. 2: Die griechischen Randlandschaften und die Inseln. Heidelberg, 1967; *Hammond N.G.L.* A History of Macedonia. Vol. 1: Historical Geography and Prehistory. Oxf., 1972; *Sivignon M.* La Thessalie. Analyse géographique d'une province grecque. Lion, 1975; Atlas of classical history / Ed. by *R.J.A. Talbert.* London; New York, 1985; *Fossey J.M.* Topography and Population of Boiotia. Chicago, 1988; *Borza E.N.* Op. cit. P. XVIII, 39. Map. II, P. 106. Map. IV, P. 150 f. (с картами северной Фессалии и Македонии и описанием проходов); Philip of Macedon / Ed. by *M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos.* Athens, 1992. P. 14; *Strassler.* LTh. P. 261 ff. (См. также работы, указанные выше в прим. 5, 7, 17, 21.) Дополнительно были учтены атласы и карты современной Греции, тексты античных источников и комментарии к ним, соответствующие статьи в энциклопедии Паули–Виссова, в «Малом» и «Новом Паули», а также новый капитальный «каталог архаических и классических полисов», подготовленный Копенгагенским Центром по изучению полиса М.Г. Хансена (An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxf., 2004 – IACP).

[27] Сопоставление этой информации историков см. ниже, где дается анализ Мегарской операции Брасида.

[28] Сопоставление сведений Фукидида и Диодора относительно Гераклеи в связи с фракийским походом Брасида см.: *Синицын А.А.* Два источника об основании Гераклеи Трахинской // Жебелевские чтения – 3. СПб., 2001. С. 69–74.

[29] Ср. замечание Функе и Хааке (*Funke P., Haake M.* Op. cit. P. 379 f.).

[30] Thuc. IV.70.1: Βρασίδας δὲ… ἐτύγχανε περὶ Σικυῶνα καὶ Κόρινθον ὤν, κτλ.; и IV.74.1.

[31] По-видимому, отряд наемников был сформирован в основном из жителей северо-восточных областей Пелопоннеса и центральной Аркадии (подробнее об этом: *Синицын А.А.* О причинах… С. 58 слл.; ср.: *Gomme.* HCTh, 1956. Vol. 3. P. 532, *ad loc.* IV.70.1; *Маринович*

В начале августа[32] Брасид завершил все надлежащие мероприятия по подготовке экспедиции во Фракию. Перед долгим походом полководец совершил жертвоприношение и снялся с лагеря[33].

От Коринфа Брасид повел свой отряд через Мегариду по главной магистрали, связывавшей Пелопоннес с Беотией и Аттикой[34]. Пройдя цепь Геранийских гор (на границе Коринфии с Мегаридой)[35], отряд прибыл в Триподиск[36]. Это небольшое селение находилось у восточной подошвы Герании, посредине Истмийского перешейка, недалеко от западной границы Мегарской равнины[37]. В античности оно было важнейшей узловой точкой, местом пересечения военных и торговых путей из Пелопоннеса в Аттику и среднюю Грецию[38]. Страбон сообщает (IX.1.10), что вблизи этого поселения располагалась рыночная площадь мегарян. Триподиск являлся одним из пяти мегарских территориальных округов (ком)

Л.П. Наемники в период Пелопоннесской войны // ВДИ. 1968. № 4. С. 70–90, особ. – с. 72 сл., 75 сл.; *она же.* Греческое наемничество…, здесь – с. 18–22; *Kagan D.* The Archidamian War. P. 275; *Connor W.R.* Op. cit. P. 128; *Heitsch E.* Op. cit. S. 31 f. Anm. 46).

[32] События в Мегарах и Нисее, которыми были прерваны приготовления к Фракийскому походу, произошли, по-видимому, в июле 424-го (*Busolt G.* Griechische Geschichte... Bd. 3.2. S. 1137 ff.; ср.: *Kagan D.* The Archidamian War. P. 270 – со ссылкой на Бузольта), начало экспедиции Г. Бузольт относил к середине августа (ibid. S. 1141 и Anm. 3). См. также комментарии Гомма и Хорнблауэра к соответствующим главам «Истории» Фукидида.

[33] Строгий афинский историк не обращает внимание на «мелочи» такого рода, как принесение жертвы перед выступлением в поход. Но, надо полагать, благочестивый спартанский военачальник не мог пренебречь этим непреложным обычаем; и знамения оказались благоприятными для удачливого полководца (разумеется, должны были быть истолкованы таким образом). (Об обычае жертвоприношения перед походом или сражением см., например: *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 44 сл., 47.)

[34] См.: *Strassler.* LTh. P. 261 f. (с картой – P. 261. Map 4.69).

[35] Γεράνεια (эти горы и ныне сохранили античное название): Thuc. I.105.3; 107.3, 108.2; Scyl. *Peripl.* 39 (GGM. 1, Müller); Diod. XI.80; Herodian. *De prosod. cath.* 275.29 sq. (GGr. 3.1, Lentz); Paus. I.40.1 (миф о происхождении названия «Герания» – «Журавлиная гора»); Steph. Byz. *Eth.* 203,9–12, s.v. Γεράνεια; Etym. magn. 228.20 sq., s.v. Γεράνεια и другие источники; избранная литература: *Bursian C.* Op. cit. Bd. 1. S. 365 ff.; *Philippson A.* Gerania (1) // RE. 1910. Bd. 7.1 (Hbd. 13). Sp. 1236–1239; *Meyer E.* Megara (2) // RE. 1931. Bd. 15.1 (Hbd. 29). Sp. 158, 169 ff.; *idem.* Geraneia (2) // KP. Bd. 2. Sp. 759; *Lienau C.* Geraneia // NP. 1998. Bd. 4. Sp. 948; *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 9 сл.

[36] Τριποδίσκος: Strabo. IX.1.10; Plut. *Mor.* 295b; Paus. I.43.8; Steph. Byz. *Eth.* 637,1–4, s.v. Τριποδίσκος; Phot. *Bibl.* 134a. См.: *Leake W.M.* Op. cit. P. 410 f.; *Bursian C.* Op. cit. Bd. 1. S. 380 f.; *Poppo.* ThBP. Vol. 2.2. P. 124. Col. 2; *Meyer E.* Tripodiskos // RE. 1939. Bd. 7.1 A (Hbd. 13 A). Sp. 201 f.; *idem.* Tripodiskos // KP. Bd. 5. Sp. 963 f.; *Rigsby K.J.* Megara and Tripodiscus // GRBS. 1987. Vol. 28. P. 93–102; *Freitag K.* Tripodiskos // NP. 2002. Bd. 12.1. Sp. 827; *Legon R.P.* Megaris, Corinthia and Sikyonia // IACP. P. 462–471, здесь – p. 464.

[37] Местоположение Триподиска теперь установлено; см.: *Nicopoulou Y.* Reports from the Megarid // AD. 1970. Vol. 25. P. 99–120; *Legon R.P.* Megaris… P. 463, s.v. Megara. Это поселение располагалось на 7–8 км северо-западнее Мегар и в такой же удаленности от Паг, т.е., приблизительно посередине между Саронической и Алкионийским заливами (*Leake W.M.* Op. cit. P. 410 f.; *Bursian C.* Op. cit. Bd. 1. S. 380; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. 3.2. S. 1138; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 239, *ad loc.* IV.70.1; *Freitag K.* Tripodiskos. Sp. 827). О значении местоположения Триподиска: *Meyer E.* Megara (2). Sp. 168 f., 170 f.; *idem.* Tripodiskos // RE. Sp. 202; *Gomme.* HCTh, 1956. Vol. 3. P. 532, *ad loc.* IV.70.1; *Rigsby K.J.* Op. cit.

[38] О древних дорогах через Мегариду: *Leake W.M.* Op. cit. P. 410 f.; *Highbarger E.L.* The history and civilization of ancient Megara. Baltimore, 1927 (1965). P. 7; *Meyer E.* Megara (2). RE. Sp. 169–171 (с обзором источников и исследований); *Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia to the Peloponnese through the Northern Megarid // ABSA. 1954. Vol. 49. P. 103–122; *Meyer E.* Megara (2) // KP. Bd. 3. Sp. 1143–1147, здесь – Sp. 1143 f.; *Rigsby K.J.* Op. cit. P. 93 ff.; *Пальцева Л.А.* Указ. соч. С. 9–13; *Freitag K.* Megara (2) // NP. 1999. Bd. 7. Sp. 1139 (с литературой – Sp. 1142).

(ср.: Thuc. IV.70.1), объединенных путем синойкизма вокруг главного полиса – влиятельных Мегар[39].

И вот, когда Фукидид сообщает о том, что Брасид назначил беотийским союзникам встречу у Триподиска, он называет этот топоним с таким «комментарием» (IV.70.1): … ἐπὶ Τριποδίσκον (ἔστι δὲ κώμη τῆς Μεγαρίδος ὄνομα τοῦτο ἔχουσα ὑπὸ τῷ ὄρει τῇ Γερανείᾳ). В этом примитивном пояснении странным кажется и то, что афинский историк разъясняет совершенно очевидные для его читателей вещи, и то, что он вообще делает это примечание к географическим реалиям (хотя пояснения такого рода встречаются и в других местах «Истории»[40]). Для чего Фукидид вставляет здесь замечание о местонахождении Триподиска? Казалось бы, другого поселения с таким названием в античности не было, а легенда, объясняющая возникновение этого географического названия, была, наверняка, известна[41]; и ладно бы еще ожидать от Фукидида разъяснений о топонимах далекой Фракии или Халкидики, тем паче македонских или сицилийских топонимах (что не вызвало бы у нас недоумения), но здесь то речь идет о названии местечка, находящегося на пересечении важнейших путей из Аттики и Средней Греции в Пелопоннес[42].

Несомненно, что указание на месторасположение Триподиска не было простой «оговоркой» внимательного автора, каким является Фукидид. У нас пока нет определенных соображений, для чего служила (для кого предназначалась) эта вставка с «географической информацией»[43]. Здесь мы только обращаем внимание на сам факт этого элементарного разъяснения афинского историка. Но, надо полагать, и сам автор знал, что всякому читателю «Истории Пелопоннесской войны» должно быть известно это поселение в Мегариде и было понятно, о каком именно топониме идет речь, если рассказывается о военном походе пелопоннесцев из Коринфа в Мегары[44]. Предположим, что Фукидид, делая вставки подобного рода, ориентировался не только (даже не столько) на своих сограждан, но на греков, живущих за пределами южной и центральной Греции и да-

---

[39] *Meyer E.* Megara (2). RE. Sp. 182; *Legon R.P.* Megara and Mytilene // Phoenix. 1968. Vol. 22. P. 200–225, особ. – p. 215 ff.; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 239, *ad loc.* IV.70.1; *Пальцева Л.А.* Указ. соч. С. 80; *Legon R.P.* Megaris… P. 463, 464, s.v. Megara.

[40] См.: *Sieveking F.* Op. cit.

[41] Правда, следует оговориться, что мы встречаем миф о происхождении самого названия «Триподиск(и)» – «Маленькие треножники» – в довольно позднем античном тексте, а именно у Павсания (I.43.8). Но эта история с Дельфийским прорицанием Коребу о священном треножнике несомненно являлась местным сказанием и, по-видимому, была давно и широко известна (во всяком случае, в соседней Аттике).

[42] Местонахождение этого поселения можно определить между современной автодорогой из Спарты (небольшого городка у подножия Герании, который не следует путать со Спартой на Пелопоннесе) в Мегару и другой автодорогой – из Мегары в Като-Алепохорион (на побережье залива Алкионидон). См.: *Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia… P. 112, 116.

[43] Чтобы высказаться определенно, здесь требуются веские доводы, которые могут быть сформулированы, только если проанализировать *все* случаи географических пояснений, имеющие место в «Истории» Фукидида.

[44] Объяснять афинскому читателю, где находится Триподиск, кажется такой же несуразностью, как если бы современному российскому читателю в книге по отечественной истории предлагалось разъяснение, что Санкт-Петербург лежит на Неве, а Саратов и Самара – на Волге, Волга же впадает в Каспийское море. Но даже эти грубые сравнения выглядят более логичными, поскольку – повторим еще раз – в случае с Триподиском речь идет, во-первых, о пункте важнейшей сухопутной артерии из Пелопоннеса в центральную Грецию и, во-вторых, для жителей Аттики – это соседний район, и данное название (как и миф, связанный с ним), надо полагать, было на слуху у афинских читателей, современников Фукидида.

же за пределами Афинской архэ, причем, скорее всего и в первую очередь, на читателей будущей Эллады[45].

Однако возвратимся к нашей главной теме – фракийскому походу пелопоннесцев. Брасид наверняка избрал самый короткий и удобный путь из Коринфа в среднюю Грецию. Оба эти пункта – Геранию и Триподиск – мы можем достоверно определить как начальный маршрут «брасидовцев», поскольку Фукидид упоминает их в рассказе о предшествовавшем походе Брасида в Мегариду (IV.70.1, 2). Эта дорога была хорошо знакома спартанским командирам по опыту предыдущих семи военных лет, в течение которых вторжения лакедемонян и их союзников в аттические земли в районе Элевсинского залива стали, так сказать, «обычным делом»[46].

Ничто не препятствовало этой ответственной экспедиции, поскольку несколько недель назад Брасид с союзными войсками, защищая Мегары, отвоевал у афинян контроль над Мегаридой. Остановимся на этом эпизоде подробнее.

Фукидид о спасении Мегар Брасидом и о его возвращении в коринфскую область[47]. Прежде обратимся к Диодору Сицилийскому. Описывая спасение Мегар и переход Брасида через Фессалию, он ограничивается одним предложением (XII.67.1): «Взяв достаточно сильное войско в Лакедемоне и у других пелопоннесцев, Брасид выступил в поход на Мегары, и, нанеся поражение афинянам, выбил их из Нисеи; освободивши полис мегарян, он вновь сделал его союзником лакедемонян, а сам вместе с войском, совершив переход через Фессалию, прибыл в [городок] Дий, что

---

[45] Поскольку, как помним, сам автор оценивал свой труд именно как «достояние навеки» (κτῆμά τε ἐς αἰεί, I.22.4).

[46] Другой путь от Коринфа к Мегарам и далее в Аттику шел вдоль северо-западного побережья Саронического залива и считался опасным. В районе Скироновых скал дорога пролегала около моря и настолько близко подходила к скалам, что, по наблюдению Страбона, «во многих местах шла по краю обрыва, так как гора, возвышающаяся над ней, непроходима и высока» (Strabo. IX.1.4, пер. Г.А. Стратановского под ред. О.О. Крюгера по изданию: *Страбон.* География в 17 книгах / Под общ. ред. *С.Л. Утченко.* М., 1964 (репр. 1994). С. 372; ср.: idem. VIII.6.21; IX.1.8; Paus. I.44.6). Этот южный путь был практически невозможным для передвижения армии. Поэтому важнейшая торговая и военная магистраль в Аттику в древности проходила через центральную Мегариду: Коринф – Герания – Триподиск – Мегары – Элевсин – Афины (см.: *Meyer E.* Megara (2). RE. Sp. 170, 171; ср.: *Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia… P. 115. Note 33). Ныне чуть выше от античного южного пути (а местами пересекаясь с ним) проходит автодорога, ведущая от Истмии через Айи-Теодори, Кинету, Мегару и Неа-Перамос до Элефсиса и на юго-восток – к Афинам.

[47] О мегарских событиях в июле 424 г. см. источники: Thuc. IV.66–74 и Diod. XII.66–67.1; комментарии к ним: *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 3. P. 528–536, *ad loc.*; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 229–244, *ad loc.*; *Rhodes P.J.* Thucydides. *ad loc.*; [*Will W.*] *Diodorus Siculus.* Griechische Weltgeschichte. Buch XI–XIII / Übersetzt von O. Veh; eingel. und komm. von *W. Will.* Stuttgart, 1998, *ad loc.*; дополнительно см. избранные исследования: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. 3.2. S. 1137 ff.; *Adcock F.E.* Op. cit. P. 239 f.; *Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia… P. 112 ff., 116; *Legon R.P.* Megara and Mytilene. P. 200–225; *Kagan D.* The Archidamian War. P. 270 ff., 275 ff.; SVA II (Bengtson). S. 99 f. № 180 – договор о капитуляции между Нисеей и Афинами (с отсылкой к классическим трудам Бузольта, Белоха, Мэйера); *Wick T.E.* Megara, Athens, and the West in the Archidamian War: a Study in Thucydides // Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 1. P. 1–14; *Legon R.P.* Megara: the Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca; London, 1981; *Gehrke H.-J.* Stasis: Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1985. S. 106–110, 264; *Rigsby K.J.* Op. cit.; *Lewis D.M.* Op. cit. P. 424 f.; *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League 432–371 B.C. Edmonton, 1994. P. 16; *Badian E.* The Road to Acanthus. P. 8 ff.; *Price J.J.* Op. cit. P. 291 f.; *Хаммонд Н.* История Древней Греции. С. 393 сл.; *Kagan D.* The Peloponnesian War. P. 162 ff.; *Legon R.P.* Megaris… P. 464; *Romilly J. de.* L'invention de l'histoire politique chez Thucydide. P., 2005. P. 119 s.; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // BCTh. 2006. P. 279–300, здесь – p. 289 f.; *Ray F.E.* Land Battles in 5th Century B.C. Greece: A History and Analysis of 173 Engagements. L., 2009. P. 181 f.

в Македонии»[48]. Как видим, сицилийский историк не только «урезает» здесь рассказ Фукидида, не обращая внимания на те подробности, которые были важны для «первоисточника», но и, как будто намеренно, искажает его[49]. По Диодору складывается впечатление о легкой победе спартанского полководца: Брасид с войском, состоявшем только из пелопоннесцев (*sic*!), разбил афинян в Мегариде (?!), изгнал врага из Нисеи (*sic*!) и освободил Мегары. После этой весьма успешной операции, проведенной чуть ли не «по пути» в Македонию, Брасид направился на север Греции[50], ибо ничто ему в этом не препятствовало. Так представляет эти события сицилийский историк.

Почему Диодор столь грубо пересказывает источник? Выскажем предположение, что сицилийский историк чрезмерно героизирует спартанского полководца и стремится превознести его подвиги (и все, что связано с Брасидом), он лишает его «права на ошибку». Для Диодора (как, вероятно, и для большинства образованных читателей, на которых он ориентировался при составлении своей «Исторической библиотеки») Брасид – это уже легенда, полумифический герой далекого прошлого[51]; в таких дети должны играть. Все «лишние» подробности сицилийский пересказчик в данном случае исключает. И создается впечатление, будто фракийская экспедиция оказалась для Брасида легкой прогулкой[52].

Фукидид изображает мегарскую операцию развернуто, более проблемно и даже можно сказать драматично. Рассказывая о мегарских событиях (IV.66 sqq.) и участии в них Брасида (IV.70 sqq.), он старается показать, что успех сопутствовал спартанскому герою не во всех его предприятиях. Историк не скрывает и не оправдывает его неудач[53], не списывает все на волю случая, несмотря на явное восхищение отвагой и полководческим талантом Брасида.

В самом начале этого эпизода Фукидид сообщает, что в «защите» Мегар от нападения афинян принимали участие в основном гоплиты из Коринфа, Сикиона и Флиунта (IV.70.1). Значительное войско пелопон-

---

[48] Перевод В.М. Строгецкого с изменениями. (Diod. XII.67.1: Βρασίδας δὲ δύναμιν ἱκανὴν ἀναλαβὼν ἔκ τε Λακεδαίμονος καὶ παρὰ τῶν ἄλλων Πελοποννησίων ἀνέζευξεν ἐπὶ Μέγαρα καταπληξάμενος δὲ τοὺς Ἀθηναίους, τούτους μὲν ἐξέβαλεν ἐκ τῆς Νισαίας, τὴν δὲ πόλιν τῶν Μεγαρέων ἐλευθερώσας ἀποκατέστησεν εἰς τὴν τῶν Λακεδαιμονίων συμμαχίαν. αὐτὸς δὲ μετὰ τῆς δυνάμεως διὰ Θετταλίας τὴν πορείαν ποιησάμενος ἦκεν εἰς Δῖον τῆς Μακεδονίας.)

[49] См.: *Синицын А.А.* О причинах… С. 60–62 и прим. 26.

[50] Причем, надо полагать, с той же δύναμις ἱκανή, состоявшей «из лакедемонян и других пелопоннесцев» (*sic*!) – именно так следует из текста Диодоровой «Библиотеки».

[51] О героях и героических деяниях в «Исторической библиотеке» Диодора см. в новом исследовании: *Трофимов М.П.* Историческая концепция Диодора Сицилийского. Дисс… канд. ист. наук. СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2009. С. 134–153. (Правда, на наш взгляд, автор диссертационной работы, чересчур увлеченный поиском самобытной концепции у Диодора, преувеличивает оригинальность исследовательского «я» сицилийского историка. Это касается и характеристики «харизматических лидеров» – в качестве примера Трофимов рассматривает героев Геракла, Александра Македонского, Цезаря, – которые выступают у Диодора как бы «движущими силами истории».)

[52] Рассказывая о военной кампании 424–422 гг. на Халкидике, Диодор (XII.67 sq.; 72.1, 6–10) вообще не упоминает македонского царя Пердикку II как союзника спартанского полководца и участника этих событий. Он излагает историю этой кампании исключительно с позиции аристейи Брасида. Такое описание сицилийского историка, конечно же, не без влияния «первоисточника» – Фукидида, но в ряде случаев с искажением фактов (смешана последовательность событий, названы иные цифры, проч.), с явной гиперболизацией харизматичности спартанского полководца и легендой о матери Брасида, которая «предпочла славу своего отечества восхвалению родного сына» (см.: Diod. XII.74.3 sq.).

[53] *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. P. 150.

несцев[54] было сформировано настолько быстро, что не возникает сомнения в том, что эти гоплиты были мобилизованы в союзных полисах заранее, на случай экстренных военных действий[55]. Помимо пелопоннесцев в этой операции принимали участие значительные силы беотийцев, которые были обеспокоены событиями в Мегариде (IV.72.1), поскольку, окажись эта область в руках афинян, Беотия была бы отрезана от Пелопоннеса. Пелопоннесцы прибыли к Триподиску первыми, но до появления союзников Брасид пытается действовать не силой, а уговорами, рассчитывая проникнуть в Мегары и привлечь их жителей на свою сторону. Согласно Фукидиду, после того как обе армии союзников соединились, Брасид приводит войско у Мегар в боевую готовность, но бездействует, ожидая как поведут себя афинские стратеги (IV.73.1 sq.); последние отказываются от нападения, и противники расходятся (IV.73.4). Так что никакой победы пелопоннесцы в сражении не одержали, поскольку на этот раз не было и самого сражения. А столкновение афинской конницы с конницей беотийцев (IV.72.2 sq.), пришедшей на помощь мегарянам, окончилось, судя по результатам, победой афинян[56].

Брасиду не удалось ни спасти Нисею от захвата афинянами, ни отвоевать ее[57] – мегарская гавань осталась за противником[58]. Мегары действительно открыли ворота пелопоннесцам, но не сразу, а лишь после того, как афиняне отошли к Нисее, «уступив» полис пелопоннесцам и их союзникам (IV.73.4), первоначальная же попытка Брасида убедить мегарян впустить его в город оказалась неудачной (IV.70.2–71): ораторское

---

[54] Фукидид сообщает о численности гоплитов, поставленных коринфянами, флиунтянами и сикионянами под командование Брасида. Можно спорить об источниках этих сведений у историка – коринфские либо беотийские осведомители, не исключено также, что его информаторами (прямыми или через вторые руки) могли быть те из пелопоннесцев, кто участвовали во фракийском походе Брасида, – но понятно, что эти конкретные сведения (числа, сроки) были важны для самого Фукидида, стремившегося к «документальности» своего изложения; и эти данные согласуются у него с другими фактами, представленными в мегарском и следующих за ним эпизодах.

[55] Ср. комментарии Гомма (Vol. 3. P. 532) и Хорнблауэра (Vol. 2. P. 239) к Thuc. IV.70.1.

[56] Хотя сам историк и резюмирует, что при этом «ни одна сторона не имела решительного перевеса» (IV.72.4), но он сообщает о гибели в этом сражении начальника беотийской конницы и возведении после боя трофея афинянами (ibid.; см.: *Hornblower*. CTh. 1996. Vol. 2. P. 241).

[57] Намерение вернуть Нисею было изначальной целью Брасида, о чем сам полководец заявляет мегарянам (Thuc. IV.70.2).

[58] Thuc. IV.69.4, 70, 73.4. В дальнейшем, в кампании на севере Эллады, спартанский полководец для собственной пропаганды, целью которой было склонить на свою сторону халкидийские полисы, преподносил нерешительность, проявленную у Нисеи афинянами, как опасение последних помериться силами с самим Брасидом (Thuc. IV.85.7; и комментарии: *Gomme*. HCTh, 1956. Vol. 3. P. 553, *ad loc.*; *Hornblower*. CTh. 1996. Vol. 2. P. 277, 280, *ad loc.*). Фукидид характеризует речи Брасида перед халкидянами как *заманчивые небылицы*: «…соблазнительные, хотя и не отвечающие действительности, речи Брасида (τοῦ Βρασίδου ἐφολκὰ καὶ οὐ τὰ ὄντα λέγοντος) о том, будто у Нисеи афиняне не отважились на битву с ним, несмотря на то, что он привел на помощь только свое войско» (IV.108.5). Впрочем, как замечает сам Фукидид, именно такого рода «агитация» во многом содействовала тому, что новые союзники в Халкидике и Фракии готовы были отделиться от Афин и перейти на сторону лакедемонян. Об ἐφολκὰ καὶ οὐ τὰ ὄντα λέγοντος Брасида и их авторской оценке в «Истории» см.: *Classen*. Thukydides. 1900[3] (1963[4]). Bd. 4. S. 296, 304. Anm. *ad loc.* IV.85.7 и IV.108.5; *Gomme*. HCTh, 1956. Vol. 3. P. 583, *ad loc.* IV.108.5; *Hornblower*. CTh. 1996. Vol. 2. P. 344 f., *ad loc.* IV.108.5; *Chambers M.* [Rev.:] A Commentary on Thucydides. Volume II, Books IV–V.24 by Simon Hornblower // AJPh. 1998. Vol. 119. № 3. P. 465–468, здесь – p. 466 f.; *Badian E.* The Road to Acanthus. P. 9; *Rood T.* Thucydides. P. 74; *Price J.* Op. cit. P. 251 ff.; *Debnar P.* Speaking the Same Language: Speech and Audience in Thucydides' Spartan Debates. Ann Arbor, 2001. P. 188 f.; *Cartledge P., Debnar P.* Op. cit. P. 574 f.; *Tsakmakis A.* Leaders, Crowds, and the Power of the Image: Political Communication in Thucydides // BCTh. 2006. P. 161–187, здесь – p. 165.

искусство велеречивого спартанца здесь не подействовало[59]. И – *nota bene*! – после удержания Мегар, Брасид с войском возвратился обратно в Коринф, где продолжил приготовления к фракийской экспедиции (IV.74.1).

Замечание Фукидида о возвращении Брасида с союзным войском к месту дислокации его лагеря вблизи Истма не только структурно замыкает рассказ о «спасении» Мегар и делает его законченным эпизодом в пределах общего повествования о халкидийской экспедиции. Как кажется, сообщение историка о возвращении Брасида в исходный пункт, где он на время бросил дела по подготовке к походу во Фракию, имеет существенное значение для понимания мотивации действий спартанского полководца в Мегариде[60]. Когда Фукидид вновь обращается к истории похода (IV.78 et sqq.), Брасид показан уже не в Коринфе, а на полпути в Халкидику.

Почему историк специально указывает на возвращение Брасида? Мотивы действий спартанского полководца после того, как он, узнав о захвате мегарских укреплений, незамедлительно выступил в Мегариду, наш источник поясняет так. Брасид *опасался* за пелопоннесцев, находившихся в Нисее, и за возможность захвата афинянами Мегар[61]. Но наряду с этим (а, вернее всего, как раз это в первую очередь), причины экстренного похода в Мегариду объясняются тем, что Брасид исполнял главную задачу, которая теперь была перед ним поставлена лакедемонским руководством. По договоренности с новыми союзниками, Спарта должна была переправить отряд в северный район Греции. И ответственность за это лежала на Брасиде[62].

Мегарская операция являлась, по-видимому, не столько дерзким порывом отважного военачальника, в его неуемном стремлении противостоять противнику[63], но в данном случае Брасид исходил из стратегических соображений. Захват афинянами Мегар поставил бы под сомнение возможность фракийской экспедиции Брасида и лишил бы смысла все предыдущие приготовления к ней: долгие переговоры с союзниками на севере Эллады и договоренность с проводниками в Фессалии, подго-

---

[59] Это первый пример в «Истории» Фукидида, когда Брасид пытается навязать правила своей игры: он убеждает мегарян принять его предложение и открыть пелопоннесцам ворота, дав ему возможность «защитить» Мегары и спасти Нисею. Но, как заметил Э. Бэдиан (The Road to Acanthus. P. 9), «мы можем сказать, что его обман был побежден здравым смыслом» мегарян, которые в тот момент объединили усилия против обеих враждующих сторон.

[60] Ср. наблюдение Ренгакоса: *Rengakos A.* Thucydides' Narrative... P. 289.

[61] Thuc. IV.70.1: [Βρασίδας] δείσας περί τε τοῖς ἐν τῇ Νισαίᾳ Πελοποννησίοις καὶ μὴ τὰ Μέγαρα ληφθῇ. Мегары и Нисея до этого были на стороне лакедемонян, что обеспечивало последним свободное передвижении через Коринфию и Мегариду. На протяжении первых лет Архидамовой войны афиняне неоднократно совершали вторжения в мегарскую область (см.: Thuc. II.31.3; IV.66.1).

[62] *Boëldieu-Trevet J.* Op. cit. P. 158.

[63] В предыдущей статье на эту тему мы оговорились, что спасение Мегар было для Брасида «случайным» делом (*Синицын А.А.* О причинах… С. 61 сл.), но *случайным* в том смысле, что именно Брасид вновь оказался в нужном месте и в нужное время (ср.: *Niese B.* Brasidas (1) // RE. 1897. Bd. 3.1 (Hbd. 5). Sp. 815 f.; *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. P. 148 ff.; *Heilke Th.* Op. cit. P. 125 f.). О роли случая (*tyche*) в «Истории» Фукидида см. в наших работах: *Синицын А.А.* Представление о судьбе в Греции классического периода и понятие theie tyche у Фукидида // Духовная сфера деятельности человека. Саратов, 1998. Вып. 3. С. 41–67, здесь – с. 43 слл., 57 слл.; *он же.* Фукидид и понятие судьбы-tyche у греков в V веке до н.э. Дисс… канд. ист. наук. СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1998; *он же.* Фукидид и вопрос о *tyche* в немецкой историографии XX века // Μνῆμα. Сб. науч. трудов, посвящ. памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 469–481 (критический обзор литературы по проблеме).

товку к военному походу илотов и вербовку наемников. Как опытный командир, Брасид должен был четко осознавать, что на этот раз «спасение» Мегар было принципиально важным делом для исполнения плана намеченной фракийской операции. Удержание Мегарского полиса означало для Брасида сохранение контроля над переходом через Мегариду и свободную связь с Беотией[64]. Поэтому он на время оставил приготовления к походу, которые были еще далеко не завершены.

Союзники-«кредиторы» – халкидийские полисы и македонский царь – по договоренности с лакедемонянами, должны были заранее обеспечить Брасида деньгами для подготовки экспедиции (Thuc. IV.80.1). Но, по-видимому, до мегарских событий Брасид не смог полностью укомплектовать свой отряд[65]. Возможно, именно поэтому среди тех нескольких тысяч воинов, которых он привел в Мегариду, было лишь 100 человек[66], нанятых им для предстоящего похода в Халкидику[67]. Вероятно, сам Брасид рассчитывал на бóльшую численность своего отряда, но до мегарского инцидента смог набрать меньше запланированного[68].

---

[64] Ср.: *Lewis D.M.* Op. cit. P. 387; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 240, *ad loc.* IV.72.1. А в рассказе о событиях Малой Пелопоннесской войны Фукидид сообщает (I.107.3), что афиняне в 457 г., заняв Мегары и Паги, держали под контролем переход через Геранию, поэтому войско лакедемонян не могло возвратиться из Беотии в Пелопоннес. Обсуждение этого эпизода см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 120 сл., 123 сл.; *он же.* Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478–431 гг.). СПб., 2008. С. 177, 181 сл.

[65] Что следует из следующей фразы источника: καὶ τοὺς μεθ᾽ αὑτοῦ ὅσοι ἤδη ξυνειλεγμένοι ἦσαν / «и с теми своими воинами, которые уже были собраны (на этот момент. – *А. С.*)». Стратановский понимал это сообщение иначе: «а также с некоторым числом ранее завербованных наемников» (*Фукидид.* История / Пер. Г.А. Стратановского / Изд. подгот. *Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский.* М., 1981 (1993). С. 191; далее ссылка на это издание дается в сокращении – [*Стратановский*]. Фукидид). По-видимому, переводчик полагал, что отряд Брасида к этому времени уже был сформирован, но полководец взял лишь небольшую его часть. Ср. с переводом Ф.Г. Мищенко: «и со всем своим войском, которое он уже собрал» (*Фукидид.* История / Пер. Ф. Мищенко, в перераб., с прим. и вступ. очерком С. Жебелева. М., 1915 (репр.: СПб., 1994). Т. 1. С. 296; далее ссылка на это издание – [*Мищенко–Жебелев*]. Фукидид. История. 1915/1994); *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 239, *ad loc.* IV.70.1 («as well as the troops he had previously collected»); *Strassler.* LTh. P. 261 («and such troops of his own as he had already levied»).

[66] По Фукидиду, 6000 – это общее число гоплитов в войске Брасида после соединения пелопоннесцев с союзниками у Мегар (IV.72.2), из которых 2200 гоплитов были присланы беотийцами (ibid. § 1) и 3700 воинов (2700 коринфских гоплитов, 400 флиунтян и 600 сикионян – IV.70.1) привел из Пелопоннеса сам полководец. Источник указывает, что в Мегариду с Брасидом прибыло «некоторое число ранее завербованных им наемников» (ibid.). Это число можно легко вывести из расчетов при сопоставлении данных в пассажах IV.70.1, 72.1, 2, 78.1: 6000 (количество гоплитов, названное Фукидидом) – 5900 (суммарное количество воинов, помимо завербованных Брасидом) = 100 «брасидовцев». См.: *Classen J.* Thukydides. 1900[3] (1963[4]). Bd. 4. S. 143. Anm.; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. 3.2. S. 1138 и Anm. 3; *Kagan D.* Op. cit. P. 275, 276; *Ray F.E.* Op. cit. P. 181. Ср. комментарий Гомма к Thuc. IV.70.1 (Vol. 3. P. 532: «apparently not more than one hundred *or two* [? – *A. C.*])» и замечание Хорнблауэра к этому пассажу Фукидида (Vol. 2. P. 239). См. подсчеты количества воинов, участвовавших в военных операциях пелопоннесцев и их союзников, представленные в таблице Морпеса: *Morpeth N.* Thucydides' War: Accounting for the Faces of Conflict. Zürich; New York, 2006. P. 285–286. Tabl. IV. Col. IV.

[67] Фукидид ничего не говорит здесь о 700 илотах, подготовленных к предстоящей экспедиции. Это умолчание источника можно объяснить тем, что отряда гоплитов-рабов к этому времени могло еще не быть в коринфской области, и он должен был подойти позже, к началу фракийского похода. В противном случае, надо полагать, Брасид рискнул бы привлечь «новобранцев» к мегарской операции, которая оказалась весьма подходящей «пробой сил» для илотского войска. И афинский историк, безусловно, упомянул бы в этом эпизоде об илотах Брасида, если бы их присутствие имело место.

[68] Экспедиционный корпус Брасида был укомплектован не лучшим образом. Когда Пердикке и халкидянам удалось склонить Спарту к участию в кампании на севере Эллады, поделив между собой расходы на содержание союзного войска даже тогда обнаруживается

О том, что спартанский военачальник находится в области Коринфа было известно в Мегариде, но вряд ли там знали о дальнейших целях Брасида[69]. Не исключено, что в этой совместной с беотийцами мегарской операции Брасид в строгой секретности обсуждал с руководителями фиванского войска детали продвижения своего отряда в ближайший месяц у границ Аттики и через земли Беотии. Беотийские союзники были необходимы, чтобы обеспечить «брасидовцам» прикрытие при продвижении через Беотию. Брасид мог знать изначально о сложном положении в беотийских полисах. О том, что этот переход сопряжен с большим риском и экспедиция могла провалиться на первом же этапе, не трудно было предположить даже не обладая особенной стратегической *prolepsis*.

***

Расстояние от Коринфа до Триподиска составляло примерно 35 км[70], и отряд Брасида мог его покрыть за половину дня[71]. Сложность операции, рассчитанной на секретность и внезапность, и непростая ситуация, сложившаяся летом и осенью 424 г. в разных районах Беотии в связи с проафинскими заговорами в ряде полисов, вынуждали спартанского полководца поторопиться. Вряд ли «брасидовцы» задержались в Триподиске. Вероятно, доверенные лица из мегарян или оставшиеся в полисе пелопоннесцы[72] поддерживали связь с Триподиском, и они свое-

---

равнодушие к фракийскому походу со стороны спартанцев (см.: *Kiechle F.* Brasidas // KP. Bd. 1. Sp. 939; *Errington R.M.* Op. cit. P. 21; *Cartledge P., Debnar P.* Op. cit. P. 567, 573; иной взгляд: *Хаммонд Н.* История Древней Греции. С. 397; *Schulz R.* Op. cit. S. 101). Спарта предоставила своему полководцу 700 гоплитов из рабов-крестьян (таким образом, лакедемоняне, «устрашаемые дерзостью и многочисленностью илотов», пытались в определенной мере сгладить злободневную для них «илотскую проблему», Thuc. IV.80.2 sqq.; см.: *Jordan B.* The Ceremony of the Helots in Thucydides, IV.80 // AC. 1990. Vol. 59. P. 37–69; *Печатнова Л.Г.* Кризис спартанского полиса (конец V–начало IV вв. до н.э.). СПб., 1998. С. 15 слл.; *она же.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 309 сл., 314, 390 сл.; *Jordan B.* Kings and Helots // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. 3. P. 46–68, здесь – p. 56). На дополнительные субсидии спартанского государства Брасиду не приходилось рассчитывать.

[69] Фукидид объясняет причины капитуляции нисейцев тем, что лакедемоняне, находившиеся в городе, сами не ожидали скорой помощи от пелопоннесцев (IV.69.3: τοὺς Πελοποννησίους οὐ νομίζοντες ταχὺ ἐπιβοηθήσειν). О расположении войск Брасида в коринфской области с начала лета они, несомненно, знали, поскольку именно туда прибывает к Брасиду гонец, когда только началась атака афинян на Длинные Стены Нисеи и на Мегары. Другое дело, что осажденные нисейцы не рассчитывали на мгновенную реакцию Брасида и поспешную помощь со стороны пелопоннесцев и беотийцев, поэтому-то они сдались.

[70] Точные расчеты километража невозможны еще и по причине того, что Фукидид неопределенно указывает местонахождение исходного пункта пелопоннесцев: IV.70.1 – ἐτύγχανε περὶ Σικυῶνα καὶ Κόρινθον ὤν, «находился в окрестностях Сикиона и Коринфа»; ср. ibid. 74.1 (ἐς τὴν Κόρινθον).

[71] Как сообщает источник (Thuc. IV.70.1, 2), во время мегарской операции Брасид с более многочисленным войском союзников, выйдя из Коринфа, к ночи того же дня достиг Триподиска (ἔτυχε γὰρ νυκτὸς ἐπὶ τὸν Τριποδίσκον ἐξελθών, ibid. § 2); ср.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. 3.2. S. 1138. Теперь, со своим отрядом, численность которого была меньше более чем в два раза (1700 < 3700), спартанский полководец мог пройти этот путь быстрее. О скорости передвижения войск у греков см. в статье Петера Крентца в новом сборнике по военной истории: *Krentz P.* War // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. by *Ph. Sabin, H. van Wees, M. Whitby.* Vol. 1: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome. Cambridge, 2007. P. 147–185, здесь – p. 160 f. Подробнее о расстояниях дневных переходов войск у греков будет сказано ниже.

[72] Бэдиан предположил (The Road to Acanthus. P. 9–10), что Брасид мог оставить небольшой отряд в Мегарах, который бы содействовал спартанским сторонникам в городе в их расправе над согражданами, замешанными в сношениях с афинянами, и для установле-

временно известили Брасида о благонадежной ситуации в районе Мегарской равнины. После неудавшейся попытки захвата Афинами Мегар (которая, в случае удачи, позволила бы им осуществлять контроль над Истмом) афиняне отступили из Мегариды (Thuc. IV.74.2, 76.1). Оставленный Демосфеном и Гиппократом после отступления гарнизон в Нисее не представлял особой опасности для спартанцев. Внимание афинян уже было переключено на Беотию и другие области (см.: Thuc. IV.76 sq., 89 sqq.), в надежде отыскать наиболее уязвимое место противника.

От Триподиска войско Брасида направилось на север Мегариды – к Киферону, по ту сторону которого простиралась область союзной спартанцам Беотии. Путь здесь пролегал через горный хребет, а затем разветвлялся. Одна из дорог вела на север, к Фивам, а другая – на запад, к Платеям.

Следующим пунктом на пути пелопоннесцев были Платеи. Этот полис имел стратегически важное местоположение: он находился на пересечении магистралей из Центральной Греции в южные земли, в непосредственной близости от границ Мегариды и Аттики[73].

Последние дни Платей. Долгое время Платеи были автономным беотийским полисом, симпатии которого находились на стороне Афин. С конца VI в. (520/519 г.) платейцы присоединились к Афинам, рассчитывая на поддержку сильного союзника-соседа против натиска амбициозных Фив[74]. На протяжении V в. небольшому городу удавалось противостоять экспансии Беотийской лиги, и в этом смысле Платеи оставались помехой для соседей-фиванцев (Thuc. II.2.2–3)[75].

Положение изменилось в первые годы Пелопоннесской войны. Ранней весной 431 г. спровоцированный фиванцами платейский инцидент

ния в Мегарах строжайшей олигархии (об этом – Thuc. IV.74.2–3). На наш взгляд, размещая здесь гарнизон, предусмотрительный спартанский полководец руководствовался целью не только обеспечить контроль за ситуацией в само́м полисе, но рассчитывал, таким образом, сохранить контроль над путями через Мегариду, обеспечив безопасность продвижения своего войска.

[73] О топографии Платей и их геополитическом значении наиболее подробно у Павсания (IX.1 sqq.); см. литературу: *Мандес М.* Рассказ Фукидида о нападении фиванцев на Платеи // Филологическое обозрение. М., 1894. Т. 6. С. 71–79; *Kirsten E.* Plataiai (1) // RE. 1950. Bd. 20.2 (Hbd. 40). Sp. 2255–2332, здесь – Sp. 2255 f., 2259 ff., 2267 f.; *Pritchett W.K.* Op. cit. Vol. 1. P. 103 ff.; *Vanderpool E.* Roads and Forts in Northwestern Attica // CSCA. 1978. Vol. 11. P. 227–245; *Prandi L.* Platea. Padna, 1988; *Badian E.* Plataea between Athens and Sparta: In Search of Lost History // BOIOTIKA: Vorträge vom 5. Internationalen Böotien-Kolloquium zu Ehren von Prof. Dr. S. Lauffer: Institut für Alte Geschichte Ludwig-Maximilians-Universität München, 13.–17. Juni 1986 / Hrsg. von *H. Beister* und *J. Buckler*. München, 1989. P. 95–111 (= *idem.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 109–123); *Конноллли П.* Указ. соч. С. 29 слл.; *Munn M.* Thucydides on Plataea, the Beginning of the Peloponnesian War, and the "Attic Question" // Oikistes: studies in constitutions, colonies, and military power in the ancient world, offered in honour of A.J. Graham / Ed. by *V.B. Gorman, E.W. Robinson*. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 245–269; *Hansen M.H.* Boiotia // IACP. P. 449–451, s.v. Plataiai.

[74] Hdt. VI.108; Paus. IX.6.1 и Фукидид – II.2.1; III.55; 63.2 sq.; 68.5. См. комм.: *Classen.* Thukydides. 1892[3] (1963[4]). Bd. 3. S. 144. Col. 2, *ad loc.* III.68.5; *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 2. P. 358; *Hornblower.* CTh. 1991. Vol. 1. P. 464 ff.; литература: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hälfte 1: Allgemeine Darstellung des griechischen Staates. 3., neugestalt. Aufl. München, 1979. S. 1258; SVA II (Bengtson). S. 15. № 119; *Лурье С.Я.* История Греции. Курс лекций / Под ред. проф. *Э.Д. Фролова*. СПб., 1993. С. 400; *Форрест У.-Дж.-Дж.* Центральная Греция и Фессалия // Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Часть 3: Расширение греческого мира. VIII–VI века до н.э. / Под ред. *Дж. Бордмэна* и *Н.Дж.Л. Хэммонда* / Пер. А.В. Зайкова. М., 2007. С. 348 сл. Датировка афино-платейского соглашения 520/519 годом представляется более достоверной, нежели 509 г. или 499 г.

[75] «Болезненный шип, вонзившийся в бок беотийской свиньи», как выразился Форрест (указ. соч. С. 349). См. на этот счет мнение М.Манна (*Munn M.* Op. cit.).

(см.: Thuc. II.2–6) развязал военные действия между Афинами и Спартой. Платейцы обратились за помощью к союзным Афинам, и в Платеях был размещен афинский гарнизон (ibid. II.6.4). В 429 г. спартанско-фиванские войска начали осаду Платей (ibid. II.71–78). И только поздним летом 427 г. – за три года до рассматриваемых нами событий, – после того, как в городе закончились съестные припасы и осажденные не в силах были продолжать сопротивление, они сдались лакедемонянам[76].

За капитуляцией последовало жестокое наказание платейского полиса: весь оставшийся в живых гарнизон был казнен, женщины обращены в рабство, город был разрушен до основания, а его территория передана Фивам. Вот как описывает Фукидид последние дни Платей. «Самый город лакедемоняне предоставили для жительства приблизительно на год мегарским гражданам, которые были изгнаны из Мегар вследствие междоусобицы, а также всем оставшимся в живых платейцам, которые держали их сторону. Позже они сравняли весь город с землею… Вообще лакедемоняне отнеслись так к платейцам исключительно или почти исключительно в угоду фиванцам, полагая, что те будут полезны им в войне, которая с этого времени была в полном разгаре. Таков был конец Платей на девяносто третьем году с того времени, как они вступили в союз с афинянами»[77].

С захватом Платей была достигнута главная цель, которой давно и настойчиво добивались Фивы[78]. Маленький, но гордый городок у Кифероновых гор попал в зависимость от крупного и коварного города Беотии. Покорение Платей являлось для Беотийского союза одним из самых значительных приобретений в ходе Архидамовой войны. С этих пор важнейший путь из средней Греции в южную Грециию находился под наблюдением союзников Спарты. Взятие Платей означало, с одной стороны, расширение Беотийской лиги и усиление позиции Фив в рамках этой конфедерации, а с другой, ослабление ее ближайшего соседа и основного соперника – Афин. Последние с потерей важного полиса-союзника вблизи северных границ Аттики утратили контроль за одной из главных военных магистралей.

***

Косвенное подтверждение тому, что Платеи были на пути следования нашего героя, мы находим в самом источнике. Фукидид сообщает, что беотийская армия, которая шла на помощь Мегарам, застала вестника

---

[76] Thuc. III.52–68. Об этих событиях подробнее: *Мандес М.* Указ. соч. С. 74 слл.; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. 3.2. S. 1035–1038; *Kirsten E.* Plataiai (1). Sp. 2307; *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 2. P. 336–358; *Kagan D.* The Archidamian War. P. 172 ff.; SVA II (Bengtson). S. 90 f. № 171; *Macleod C.W.* Thucydides' Plataean Debate // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 227–246 (= *idem.* Collected Essays. Oxf., 1983. P. 103–122); *Badian E.* Plataea between Athens and Sparta…; *Лурье С.Я.* История Греции. С. 408, 409; *Hornblower.* CTh. 1991. Vol. 1. P. 442–466, особ. – p. 463 f.; *Коннолли П.* Указ. соч. С. 277 сл.; *Price J.J.* Op. cit. P. 103–126; *Хаммонд Н.* История Древней Греции. С. 383 сл.; *Kagan D.* The Peloponnesian War. P. 113 ff.; *Lazenby J.F.* The Peloponnesian War. P. 55 f.

[77] Thuc. III.68.3–5, пер. Ф.Г. Мищенко ([*Мищенко–Жебелев*]. Фукидид. История. 1915/1994. Т. 1. С. 217–218).

[78] *Кутергин В.Ф.* Античная Беотия. Саранск, 1981. С. 42 сл. *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League. P. 14; *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н.э.) // МОДА. 2000. Ч. 1. С. 75–94, здесь – с. 84; *Munn M.* Op. cit. P. 255, 264 f.

из Коринфа, посланного Брасидом, у Платей[79]. Вероятно, той же дорогой двигались теперь и пелопоннесцы. Брасид мог быть уверен, что путь через платейскую область открыт и находится под контролем фиванцев.

Расстояние от Триподиска до окрестности Платей составляло ≈ 25 км. Ширина дороги на этом участке[80] позволяла войску передвигаться без каких-либо «технических» затруднений[81], поэтому за вторую половину дня отряд Брасида форсированным маршем смог добраться до северного подножия Киферонових гор и расположиться лагерем в южной Беотии, чтобы дать своему войску недолгую передышку. Теперь пелопоннесцы чувствовали себя в большей безопасности. Пройдя в нескольких километрах от афинского гарнизона, расположенного в мегарской гавани Нисее, и прошагав в непосредственной близости от аттической границы (местами дорога пролегала в 1–2 км от северо-западных рубежей Аттики[82]), Брасид понимал, что его войско осталось необнаруженным, и, следовательно, планы спартанцев оставались не раскрытыми.

В целом расстояние от Коринфа до Платей составляло приблизительно 60 км, и переход мог занять один день. Таким образом, мы можем восстановить начальный маршрут «брасидовцев»: Коринф/Коринфская область – Геранийский перевал – Триподиск – северная Мегарида – переход через Киферон – Платеи/Платейская область. Далее Брасид, двигаясь на север Беотии, все больше удалялся от границ Аттики. Несмотря на то, что афиняне «пропустили» его войско, спартанский командир понимал, что марш должен быть стремительным, любая задержка сулила непредвиденные препятствия и могла привести к провалу операции.

Платеи – это последний пункт, который мы можем с большей долей вероятности указать на первом этапе похода Брасида в Македонию. А вот дальше все строится на логических предположениях, основанных на общих знаниях топографии Центральной Греции и догадках, которые, впрочем, не лишены основания, с опорой на главы «Истории», где описываются события, произошедшие одновременно с походом, предшествовавшие ему или последовавшие за ним (Thuc. 76–77, 79–101)[83].

---

[79] Thuc. IV.72.1. Здесь, узнав о намерениях спартанского военачальника, войско союзников разделилось, и часть беотийцев поспешила к Триподиску для соединения с Брасидом, а большинство воинов возвратилось обратно в Беотию.

[80] См. подробное описание этого участка пути: *Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia…

[81] Скорость передвижения войск в значительной степени зависела от состояния дорог. Как считает Крентц, «дороги (в античности. – *А. С.*), вероятно, были лучше, чем обычно предполагают ученые», по мнению же исследователя «одной из составляющих успеха спартанских войск была эффективная система дорог» (*Krentz P.* Op. cit. P. 160, 161).

[82] Обозначение античного пути из Мегариды в Беотию см. у Хэммонда (*Hammond N.G.L.* The Main Road from Boeotia… P. 106. Fig. 1 и p. 115 ff. – о топографии Северной Мегариды), описание северо-западного района Аттики с маршрутами и географическими пунктами см. у Вандерпула (*Vanderpool E.* Op. cit. P. 227 ff.).

[83] На карте военных действий 424–416 гг., помещенной в русских изданиях фукидидовой «Истории» в переводе Мищенко и Жебелева, линия маршрута Брасида начинается в Коринфской области, затем прерывается в Мегарах и продолжается от самой южной границы Беотии и Фокиды (*Мищенко–Жебелев.* Фукидид. 1915/1994; *Фукидид.* История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева; под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. Как сказано в пояснении к картам, составленным Жебелевым (1915/1994. Т. 1. С. 395 и 1999. С. 530), за основу были взяты карты из «Атласа древнего мира» Райха (*Reich E.* Op. cit.). Маршруты армий или движения флота в ряде случаев здесь исполнены неточно (в частности, это касается карты II «Пелопоннесская война в 424–416 гг.»: маршрут Брасида через Центральную Грецию, походы войск в Македонии, Халкидике и Фракии, *etc.*). Маршрут фракийской экспедиции через Беотию здесь не обозначен, но, надо полагать, по мнению автора этой карты, пелопоннесцы шли по северо-восточному побережью Коринфского залива через Геликонский хребет в фокидские земли (?). Однако мало вероятно, что из платейской области Брасид отправился

Спарта, Фивы и stasis в беотийских полисах. Присутствие войска пелопоннесцев в Беотии не было чем-то необычным. Фукидид называет беотийцев в числе спартанских союзников с самого начала Архидамовой войны (II.10). На протяжении первых семи лет войны лакедемоняне использовали силы Беотийского союза в военных операциях против Афин и сами предпринимали походы в Беотию[84]. Фивы занимали особое положение среди сторонников лакедемонян, требовавших покорности от своих союзников по Пелопоннесской коалиции[85]. Многие годы Спарта, насколько могла, пыталась содействовать усилению Фив в рамках Беотийской лиги, ставшей самым сильным политическим объединением в Центральной Греции[86]. И хотя Фивы неоднократно проявляли свою самостоятельность, действуя порой без оглядки на могущественного союзника, и их независимость в решительных действия против Афин все больше возрастала[87], они продолжали сотрудничать со спартанцами, сделав однажды свой выбор между двумя силами в этой войне.

южной дорогой Беотии вдоль Крисейского залива. Во-первых, этот маршрут увеличил бы расстояние и занял лишнее время, чтобы обогнуть Геликонские горы и пройти между кряжами Геликона и Парнаса на север Фокиды. Во-вторых, в рассказе о беотийских событиях, произошедших в августе 424-го, Фукидид говорит о заговоре в Сифах и присутствии в этой области афинского стратега Демосфена (см.: Thuc. IV.76.3, 77.1–2, ср.: ibid. 89–90.1; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 250 f., *ad loc.* IV.76.3). А через своих передовых-разведчиков или возможных осведомителей из союзников в Беотии Брасид наверняка знал о мятежных настроениях большинства беотийских полисов.

[84] См.: *Лурье С.Я.* Беотийский союз. СПб., 1914; *Bonner R.J.* The Boeotian Federal Constitution // CPh. 1915. Vol. 5. № 4. P. 405–417; *Salmon P.* Étude sur la Confédération béotienne (447/6–386). Brusselles, 1976; *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, 1979. P. 151 ff.; *idem.* Boiotians in the Peloponnesian War // Essays in the Topography, History and Culture of Boiotia / Ed. by A. Schachter. 1990. P. 4–55; *Кутергин В.Ф.* Античная Беотия. С. 40 слл., 44–55; *он же.* Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. Саранск, 1991. С. 3–27; *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League. P. 13 f., 16 f.; *Баклер Дж.* Указ. соч.; *Hansen M.H.* Boiotia. P. 432; *Строгецкий В.М.* Афины и Спарта. С. 185 сл.

[85] О Спарте и ее союзниках по Пелопоннесской лиге см. исследование Викерта: *Wickert K.* Der Peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende des Archidamischen Krieges. Erlangen, 1961. Из последних работ: *Строгецкий В.М.* Полис и империя… С. 65–77; *Loomis W.T.* The Spartan War Fund. IG V.1,1 and a New Fragment. Stuttgart, 1992; *Bleckmann B.* Sparta und seine Freunde im Dekeleischen Krieg. Zur Datierung IG V.1.1 // ZPE. 1993. Bd. 96. S. 297–308; *Баклер Дж.* Указ. соч. С. 76 сл., 86 слл.; *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 121–166; *Cartledge P.* The Origins and Organisation of the Peloponnesian League // Sparta / Ed. by *M. Whitby.* Edinburgh, 2002. P. 233 ff.; *Старкова Н.Ю.* Пелопоннесский союз в оценке современной зарубежной историографии // Μνῆμα. Сб. науч. трудов, посвящ. памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 482–490; *она же.* Лисандр и процесс трансформации Пелопоннесского союза // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского, 25–26 февраля 2005 г. Н. Новгород, 2005. Ч. 1. С. 14 слл.; *Курилов М.Э.* Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005. С. 49 слл; *Cartledge P., Debnar P.* Op. cit. P. 559–587; *Hornblower S.* Thucydides and the Argives // BCTh. 2006. P. 615–628; *Строгецкий В.М.* Афины и Спарта. С. 93–110, 233 сл.; *Жестоканов С.М.* Коринф и Спарта: старые союзники на грани войны // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. стат. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. *А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2008. С. 143–151.

[86] Об этом подробнее у Баклера (указ. соч. С. 77 слл.).

[87] Это показало самостоятельное (без предварительного согласования с Лакедемоном) нападение на Платеи весной 431 г., когда без объявления войны фиванцы попытались решить свою проблему собственными силами. И еще в большей мере осенью 424 г., когда фиванская армия при поддержке сил городов-союзников, входивших в Беотийскую лигу, одержала при Делии победу над Афинами без помощи Спарты, которая в предыдущие два года была ослаблена в результате многочисленных потерь. Диалектика отношений Спарты и Фив прекрасно показана в уже упоминавшейся работе Баклера (здесь – с. 84 слл.).

На волне афинских побед 426–424 гг. усилились беспорядки в полисах Беотии[88]. Как свидетельствует Фукидид (IV.76.2 sq.; 89.2; 101.3), летом 424-го продемократические группировки, опираясь на поддержку со стороны Афин, сеяли смуту среди граждан беотийских полисов. Историк говорит здесь о стасисах во *многих полисах* Беотии[89], но называет, по-видимому, только те города, на которые Афины делали ставку в своей политической игре – это Сифы, Делий, Херонея, Орхомен, а также Фивы и Феспии, где внутриполитическая ситуация тоже была неспокойной. Складывается впечатление, что во второй половине 424 г. большинство государств Беотии находились на грани гражданской войны.

Фукидид (IV.76.2) называет имя одного из «политических диссидентов» в Беотии – некоего Птойодора, который был изгнан из родного полиса – то ли Фив, то ли Феспий (?)[90], но сразу возглавил проафинское движение в других городах Беотии и разработал план политических переворотов в Сифах, Херонее и план по захвату Делия (ibid. § 3, 4). Имена прочих «провокаторов» источник не упоминает, но сообщает, что были и граждане других беотийских городов (ibid. § 2).

Фукидид даже специально акцентирует внимание читателя на том, что был разработан единый план общебеотийского заговора, и был заранее определен день одновременного восстания в государствах Беотии (IV.76.4; 77.1, 2). Согласно этому плану, при содействии афинян, Сифы, расположенные на юге Беотии, Херонея и Орхомен – полисы на северо-западе этой области, и город Делий, находившийся на юго-востоке области, должны были разом совершить государственные перевороты. В тогдашней ситуации стремление к изменению государственного устройства означало не просто политический «саботаж», касающийся внутренних дел того или иного полиса, но было открытым предательством, переходом на сторону противника, показателем развала единства Беотийской лиги[91]. Для Афин же это был удобный и долгожданный случай, чтобы осуществить «блокаду» Беотии. В случае исполнения этого замысла афиняне смогли бы вывести из войны и удерживать под контролем свою северную соседку[92].

Источник дает понять, что план этот был детально разработан, согласован между сторонниками Афин из разных беотийских полисов. На-

---

[88] См.: *Gehrke H.-J.* Stasis. S. 172; *Hansen M.H.* Boiotian Poleis. A Test Case // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre 2. Copenhagen, 1995. P. 21–24.

[89] Thuc. IV.76.2: τὰ Βοιώτια πράγματα ἀπό τινων ἀνδρῶν ἐν ταῖς πόλεσιν ἐπράσσετο... По поводу указания здесь мн. числа – *poleis* см.: *Hansen M.H.* Boiotian Poleis. P. 21 ff.; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 249, *ad loc.* IV.76.2.

[90] Рукописные варианты предлагают разное прочтение названия места, откуда этот Птойодор был изгнан: ἐκ Θηβῶν / ἐκ Θεσπιῶν. Хорнблауэр (CTh. 1996. Vol. 2. P. 249–250, *ad loc.* IV.76.2) поддержал Гомма (HCTh, 1956. Vol. 3. P. 537, *ad loc.* IV.76.2), и оба комментатора предпочли общепринятой версии ἐκ Θηβῶν иной вариант ἐκ Θεσπιῶν. О Птойодоре: *Ziegler K.* Ptoiodoros (2) // RE. 1959. Bd. 23.1 (Hbd. 46). Sp. 1505; *idem.* Ptoiodoros (1) // KP. Bd. 4. Sp. 1215 (в обеих статьях Циглера он назван фиванцем).

[91] Thuc. IV.76.5–77.1: «...Заговорщики надеялись, что, коль скоро эти пункты будут в их власти, поля опустошены и каждый из них будет иметь помощь вблизи, положение дел не останется неизменным; хотя бы на этот раз и не удалось произвести какой-либо переворот в государственном строе отдельных государств Беотии, все-таки со временем, когда афиняне придут на помощь восставшим, силы же беотян будут раздроблены, все оборудуется надлежащим образом. Таков был подготовлявшийся план заговора».

[92] Как полагает Р. Бак, цель Афин заключалась в том, чтобы не присоединить беотийские полисы к Афинскому союзу, а вывести Беотию из войны путем проведения демократических преобразований (*Buck R.J.* Boiotians in the Peloponnesian War. P. 55; *idem.* Boiotia and the Boiotian League. P. 16; ср.: *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 248).

верняка и попытка захвата Мегар афинскими стратегами Демосфеном и Гиппократом была частью этого общего «блокады» Беотии, поскольку именно с ними – Демосфеном и Гиппократом – «беотийцы в городах вели переговоры о беотийских делах, желая изменить государственное устройство и обратить его в демократию» (Thuc. IV.76.2).

Фукидид сообщает, что велась предварительная подготовка к осуществлению плана переворота в беотийских городах. Граждане Орхомена, например, изгнанные из своего полиса, нанимали воинов в Пелопоннесе для участия в вооруженном выступлении против олигархических группировок внутри беотийских городов (IV.76.3)[93]. Интересно заметить, что вербовка орхоменскими аристократами пелопоннесских наемников происходила, по-видимому, в то же самое время и, скорее всего, в тех же областях, где набирал людей для фракийского похода спартанец Брасид. Скорее всего, орхоменяне вербовали воинов в Аркадии, которая в ту пору «славилась» наемниками-гоплитами[94]. Так что летом 424 г. у тех аркадян, что занимались этим рискованным ремеслом, была альтернатива. Аркадские гоплиты, которых нанимали в одно и то же время Брасид и орхоменские изгнанники, должны были знать о замыслах обеих сторон, готовых заплатить наемникам за их услуги и суливших выгоды своего предприятия. Предложение Брасида, набиравшего отряд для борьбы с союзниками Афинской архэ в северной Элладе, казалось выгодным, поскольку было долгосрочным и при удобном раскладе событий гарантировало длительную работу и заработок. Орхоменяне же соблазняли пелопоннесских наемников близостью расстояния и менее рисованным (как это могло показаться) делом.

Таким образом, уже в июле, готовясь к походу в Халкидику, Брасид через своих вербовщиков и аркадских наемников мог знать о готовящихся заговорах в Беотии. Теперь же, оказавшись вблизи Платей и располагая сведениями, полученными от беотийских информаторов, он мог судить о колоссальных масштабах этих заговоров. Все это заставляло спартанского военачальника торопиться.

Фукидид хорошо осведомлен о плане беотийского заговора. Не исключено, что он мог лично участвовать и в разработке этого плана, поскольку в 424 г. занимал должность афинского стратега и до своей отправки на «северный фронт» в конце осени этого года вместе с другим стратегом Евклом (как раз для защиты Амфиполя от Брасида) занимался текущими военными делами в Афинах, а значит *ex officio* был посвящен в план беотийского восстания, подготовку к которому он детально описывает в этих главах, с многочисленными подробностями и видением перспектив, в том случае, если бы этот замысел удался.

Замечания о «технике переплетения» у Фукидида. В IV книге Фукидидовой «Истории» описание халкидийско-фракийского похода (главы 70–74, 78–88, 102 sqq.) сменяется описанием проафинских заговоров в беотийских городах и военных операций афинян в Беотии (гл. 76–77, 89–101). Единый повествовательный раздел об экспедиции Брасида и о военной кампании на севере Эллады в 424–422 гг. состоит из нескольких неравных по объему пассажей, прерывающихся изображением других событий[95]. Повествование здесь строится по принципу возрастания ин-

---

[93] См.: *Hornblower*. CTh. 1996. Vol. 2. P. 253, *ad loc*.

[94] Литература об этом названа выше в прим. 31.

[95] Главным образом, это два значительных эпизода о делах в Беотии и поражении афинян при Делии. Но здесь же историк помещает эпизоды о победе афинян (стратеги Демодок и Аристид) в Эолиде над митиленцами и захвате горока Антандра (IV.75.1); о не-

формативности и постепенного увеличения точности сведений: от упоминания некоторых деталей в начале «халкидийского логоса» к все более развернутому и обстоятельному изложению фактического материала об экспедиции Брасида и действиях спартанского военачальника на Халкидике[96].

Такая форма прерывного и связанного чередования рассказов служит тому, чтобы создать у читателя впечатление параллельного следования этих исторических эпизодов и представить целостную «схему» войны, как бы, в едином времени и пространстве[97]. Этот способ повествовательного изображения Фукидида в современной науке получил название «техника переплетения» (*the interlace technique*)[98].

Применительно к Гомеровой «Илиаде» Ф.Ф. Зелинский назвал подобную манеру изображения «законом хронологической несовместимости»[99]. Суть его заключается в следующей основной «формуле»: «У Гомера никогда рассказ не возвращается к точке своего отправления»[100]. Зелинский указал на пять способов реализации этого «закона хронологической несовместимости» при описании событий в «Илиаде»[101]. Этот наиболее древний прием изображения у «отца европейской литературы» важен не только для суждения о композиции «Илиады» *in toto*, но, как установил А.Ф. Лосев, «Гомер, как оказывается, почти не способен изображать событие так, чтобы оно было видно сразу со всех сторон. Если в данный промежуток вре-

---

удаче Ламаха в Черном море, где афинский стратег в результате разыгравшейся природной стихии потерял 10 кораблей (ibid. § 2); о провальном десанте Демосфена в Сикионии, когда афиняне и их союзники были обращены в бегство (IV.101.3 sq.); и, наконец, замечание о гибели фракийского царя Ситалка (ibid. § 4), который был дружески настроен к афинянам и являлся их союзником с самого начала Архидамовой войны. Вся эта информация о военных событиях в разных частях Эллады и за ее пределами, которая «вклинивается» краткими пассажами в повествовательный раздел о фракийском походе пелопоннесцев, на первый взгляд кажется не относящейся к делу (т.е., собственно, к рассказу о «северной кампании» Брасида), но эти сведения в целом создают общую картину неудач, постигших Афины после их успеха при Пилосе и Сфактерии.

[96] Рассуждение об этой манере Фукидида см.: *Dewald C.J.* Thucydides' War Narrative. A Structural Study. Berkeley; Los Angeles; London, 2005. P. 88, 157; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative… P. 295.

[97] Устойчивый у Фукидида временно́й оборот во вступлении к каждому новому эпизоду: «в ту же пору летней/зимней кампании» (здесь: IV.66.1/70.1, 75.1, 76.1, 78.1, 84.1; 89.1/101.3, 4, 102.1, 109.1). Однако при этом роль хронологии – определение точной последовательности самих событий, – как кажется, вторична; афинский историк только стремится показать, что такие-то события произошли синхронно.

[98] См.: *Gomme A.W.* The Greek Attitude to Poetry and History. Berckeley, 1954. P. 127 ff.; *Romilly J. de.* Histoire et raison chez Thucydide. P., 1956. P. 56 ff.; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative… P. 289, 290. Note 36, 38 (дополнительно со ссылками на: *Kitto H.D.F.* Poiesis: Structure and Thought. Berckeley, 1966. P. 284 и *Schwinge E.-R.* Zu Thukydides' historischer Erzählung // Poetica. 1996. Bd. 28. S. 300 ff.; но, к сожалению, эти работы нам не удалось посмотреть); ср.: *Rengakos A.* Homer and the Historians: The Influence of Epic Narrative Technique on Herodotus and Thucydides // La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire / Ed. by *A. Rengakos*, *F. Montanari*. Vandoeuvres; Geneva, 2006. P. 183–214.

[99] *Зелинский Ф.Ф.* Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады» // Χαριστήρια. Сб. стат. по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. М., 1896. С. 101–121; ср.: *Zieliński Th.* Die Behandlung gleichzeitiger Ereignisse im antiken Epos // Philologus. 1901. Suppl. 8. S. 419 ff. Обсуждение положений Зелинского: *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 2006 (1-е изд. – 1960). С. 154 слл.; *Janko R.* The Iliad: A Commentary. Vol. 4. Books 13–16. Cambridge, 1992. P. 150. О «теореме Зелинского» применительно к манере подачи изображения Фукидидом: *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 256 f., *ad loc.* IV.78.1 и P. 403, *ad loc.* IV.129.1; см. так же: *Rengakos A.* Thucydides' Narrative... P. 289.

[100] *Зелинский Ф.Ф.* Указ. соч. С. 106.

[101] Там же. См. также реферативное изложение этой теории Лосевым (указ. соч. С. 154–158), с дополнительными выводами ученого из установленного Зелинским гомеровского способа изображения.

мени происходит сразу несколько событий, то все эти события изображаются у Гомера совершенно независимо одно от другого, так, как будто бы они происходят совершенно в разное время»[102]. Похожий прием используется и в историческом сочинении Фукидида[103].

***

Готовящиеся заговоры в беотийских полисах описываются параллельно с фракийским походом пелопоннесцев. И эта «техника переплетения» представляет не только синхроническое, но и *контрастное* изображение общей панорамы событий войны[104]. Она служит тому, чтобы читатель сам мог интерпретировать изложенные историком факты[105]. С одной стороны, смута в Беотии должна была вызвать у Брасида (и у читателя «Истории», следящего за перипетиями экспедиции) опасение за судьбу предприятия. С другой стороны, этот повествовательный раздел, прерывающийся пространными вставками о стасисе в беотийских полисах, создает эффект молниеносности передвижения «брасидовцев»[106].

Чередуя рассказ о фракийском походе Брасида с описанием событий в Беотии, художник Фукидид мастерски создает напряженность событий: четкий план, по которому в конкретный день предполагалось, что беотийцы при поддержке афинских стратегов поднимут восстание в своих полисах, и ожидалось, что многие города поддержат восставших. Казалось бы, Спарта легко может потерять одну из своих сильных союзниц в борьбе с Афинами. Таким образом, возможность перехода через Беотию для Брасида представляется почти невероятной.

Но все расчеты афинян лопнули как мыльный пузырь. Им следовало сконцентрировать свои усилия, скорее, на северном фронте, нежели в Беотии. Они, несомненно, знали про план Брасида[107], но не посчитали

---

[102] *Лосев А.Ф.* Указ. соч. С. 157.

[103] О влиянии в самых разных аспектах творчества «первого поэта» античности на раннегреческое историописание говорилось уже неоднократно; например: *Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Los Angeles; Berkeley, 1959; *Лосев А.Ф.* Указ. соч. С. 96 слл.; *Strassburger H.* Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972; *Кузнецова Т. И., Миллер Т.В.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий / Отв. ред. *М.Л. Гаспаров.* М., 1984; *Немировский А.И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 18 слл.; *Williams R.A.G.* The Literary Affinities of Thucydides. L., 1992; *Mackie C.J.* Homer and Thucydides: Corcyra and Sicily // CQ. 1996. Vol. 46. № 1. P. 103–113; *Гаспаров М.Л.* Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 483–489, здесь – с. 489; *Allison Ju.W.* Homeric Allusions at the Close of Thucydides' Sicilian Narrative // AJPh. 1997. Vol. 118. № 4. P. 499–516; *Осипова О.В.* Эпические элементы…; *Hornblower S.* Thucydides and Pindar. P. 39, 292, 356 f.; *Sonnabend H.* Op. cit. S. 62 f., 67 f.; *Pallantza E.* Der Troische Krieg in der nachhomerischen Literatur bis zum 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 2005. S. 124–174 (Геродот), 175–200 (Фукидид); *Corcella A.* Op. cit.; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative...; *idem.* Homer and the Historians… (с обзором литературы вопроса); *Суриков И.Е.* «Несвоевременный» Геродот… С. 147 слл.; *он же.* ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида…; *Строгецкий В.М.* Эпическая поэзия и раннегреческое историописание // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. стат. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. *А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2008. С. 58–66.

[104] Что так же неоднократно обсуждалось в современной историографии: *Gomme A.W.* The Greek Attitude… P. 134 ff.; *Babut D.* Interprétation historique et structure littéraire chez Thucydide… P. 434 ss.; *Connor W.R.* Op. cit. P. 126 ff.; *Hornblower S.* Introduction // *Hornblower S.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 107 ff., *Rood T.* Thucydides… P. 69 f.; *Dewald C.J.* Thucydides' War Narrative. P. 88 f., 157; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative... P. 288 ff., 298.

[105] Ср.: *Rengakos A.* Thucydides' Narrative… P. 289.

[106] *Babut D.* Interprétation historique et structure littéraire chez Thucydide… P. 434 s.; *Dewald C.J.* Thucydides' War Narrative. P. 88.

[107] Обычно исследователи приводят сообщение Фукидида (пассаж IV.82) о том, что афиняне узнали о фракийской экспедиции, когда Брасид уже преодолел весь путь до Хал-

необходимым затрачивать силы и время на эту «мелкую неприятность». Вероятно, афиняне понадеялись на фессалийцев, союзнические отношения с которыми должны были гарантировать защиту северных территорий, и на македонского царя Пердикку II, с которым уже давно они были связаны дружественным договором[108].

Роковой просчет заключался еще и в том, что афинское руководство[109] не успело (или не смогло?) перенаправить внешнюю политику Афин с экспансии на Сицилии на отвоевание контроля на Халкидике[110]. Понимая безысходность «ближней» войны с самой Спартой, Афины, как и их противник[111], искали новые решения, предпринимая экспедиции в дальние области, чтобы подорвать мощь Пелопоннесского союза, действуя через его сторонников[112]. За несколько лет до этого они организовали так называемую первую Сицилийскую экспедицию, но и она окончилась для них неудачно.

Рассказывая о стасисах в Беотии, Фукидид дает понять, что Брасид, оценив ситуацию, видя, что силы афинян в этот момент оттянуты для других мероприятий, и понимая, что он должен использовать этот шанс, успевает за один день «проскочить» через мятежную область.

***

От Платей Брасид направился на северо-запад по дороге к Феспиям. Делать крюк, чтобы зайти в Фивы, было не в интересах полководца. Его главным «козырем» в этом походе была скорость. Если бы полководец избрал дорогу на Фивы, а затем уже на запад к Копаидскому озеру, войско прошло бы лишние 20 км[113] и потеряло бы при этом не менее

кидики и соединился с силами Пердикки на севере. Нам это кажется маловероятным. Мы согласны с Бэдианом (*Badian E.* The Road to Acanthus. P. 10), который считает, что замысел фракийского похода был известен противнику изначально. Другое дело, что афиняне не придали ему по началу должного значения. Доводы Бэдиана мы попытались усилить дополнительными аргументами.

[108] См.: *Cole J.W.* Op. cit. P. 55–72; Hoffman R.J. Perdikkas and the Outbreak of the Peloponnesian War // GRBS. 1975. Vol. 16. P. 359–377; *Zahrnt M.* Macedonia and Thrace in Thucydides. P. 593 f.

[109] Не исключено, что и сам Фукидид, исполнявший в этот год обязанности стратега.

[110] Это предположение было высказано Тимом Рудом (*Rood T.* Thucydides. P. 69).

[111] См. об этом подробнее: *Синицын А.А.* О причинах…

[112] Здесь мы не можем не оговорится о том, что весьма странно звучит суждение Дэриен Шанске, будто афиняне в первый период войны были не готовы к значительным военно-морским акциям вдали от своего полиса (*Shanske D.* Thucydides and the Philosophical Origins of History. Cambridge, 2007. P. 56: «Афинская империя постоянно жаждала экспансий, но все-таки, следует полагать, что афиняне никогда не послали бы большую экспедицию в такую даль, как Сицилия в середине войны со Спартой»). Но ничего подобного и предполагать не следует, поскольку, как известно, Афины в 427 г., в самый разгар Архидамовой войны, предприняли первый поход в Великую Грецию, а два года спустя, в 425 г., на Сицилию было отправлено значительное подкрепление. См. комм. к рассказу Фукидида (III.86) о начале первой Сицилийской экспедиции: *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 2. P. 386 ff., *ad loc.*; *Hornblower.* CTh. 1991. Vol. 1. P. 491 ff., *ad loc.* Исследования: *Westlake H.D.* Athenian Aims in Sicily, 427–424 B.C. A Study in Thucydidean Motivation // Historia. 1960. Bd. 9. Hft. 4. S. 385–402; *Самойлова М.П.* Первая Сицилийская экспедиция 427–424 гг. до н.э. в западной политике Афин V в. до н.э. // Homo belli – человек войны. Н. Новгород, 2000. С. 185–188; *она же.* Западная политика Афин во второй половине V века до н.э. и первая сицилийская экспедиция афинян 427–424 гг. до н.э. Дисс… канд. ист. наук. СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2001; *Суриков И.Е.* Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // ААе. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. 2007. С. 30–39, здесь – С. 32 сл.

[113] В начале второй книги, рассказывая о нападении фиванцев на Платеи, Фукидид сообщает (II.5.2), что Фивы находились от Платей на расстоянии 70 стадий, т.е ≈ 12,5 км. Гомм (*Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 2. P. 5–6, *ad loc.*), а следом за ним Стратановский (*Страта-*

половины дня. А в этой рискованной экспедиции был важен каждый день, каждый час. Любое промедление было смерти подобно.

«Брасидовцы» прошагали через феспийскую область невдалеке от юго-западного побережья Копаидского озера на северо-запад Беотии[114]. Пройдя путь до Фанотиды, войско остановилось в южной части Фокиды. Таким образом, двигаясь ускоренным маршем, пелопоннесцы за второй день могли пройти через Беотию. Расстояние от Платей до Фанотиды равно приблизительно 70 км. И поскольку Фукидид ничего не говорит о сложностях на этом участке пути, мы предполагаем, что этот переход был молниеносным и без каких-либо задержек.

Вероятно то же мы можем сказать и о прохождении через северо-восточную Фокиду. Политическая ситуация в городах этой области была неспокойной. Источник сообщает, что «Некоторые фокидяне также участвовали в заговоре» (IV.76.3)[115].

Безопасность продвижение пелопоннесского войска могли гарантировать проводники, нанятые Брасидом на один день из местного населения. Во всяком случае, как представляется, все было рассчитано и обговорено заранее. Впереди, в Фессалии, проводники уже ждали его отряд (ibid. 78). Несмотря на то, что Брасид знал о готовящихся восстаниях в Беотии, он не отклонился от своего курса. И без лишних остановок отряд в кратчайшие сроки пересек территорию Средней Греции.

Замечания о скорости передвижения войск у греков[116]. Мы уже указывали на расстояния, которые могло пройти войско Брасида за один день или за половину дня. Пожалуй, пришла пора сделать еще одно отступление и оговорить важный вопрос: какое расстояние было способно пройти за сутки греческое войско, состоявшее из тяжеловооруженных пеших воинов. Приведем несколько примеров из античных источников с указанием скорости движения армии на марше и расстояний дневного перехода (данные приводим, так сказать, «по возрастанию»).

новский Г.А. Примечания // *Стратановский.* Фукидид. С. 456. Прим. 1 к Thuc. II.5.), полагали, что расстояние до реки Асоп составляло 58 стадий, т.е. более 10 км; однако с этим не согласуются обозначения в Бэррингтоне (см.: Thessalia–Boeotia / Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. by *R.J.A. Talbert.* Princeton, 2000. Map 55, 4 E). Фоссей, Морин и Риджер – авторы соответствующей карты в этом атласе – помещают реку Асоп посредине между Платеями и Фивами. Как указывают источники, верховье Асопа являлось границей фиванской и платейской областей (например: Hdt. VI.108; Paus. II.6.1; IX.4.4; см. также: *Leake W.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 357 ff.; *Bursian C.* Op. cit. Bd. 1. S. 244).

[114] См.: *Strassler.* LTh. P. 264 ff. (с картой – p. 265. Map 4.77).

[115] См. комментарии: *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 3. P. 538, *ad loc.*; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 253, *ad loc.*

[116] Об этом см. в фундаментальном труде Притчетта: *Pritchett W.K.* The Greek State at War. Berkeley; Los Angeles, 1971–1991. Vol. 1–5. О передвижении войск с обозом в классическую эпоху: *Hammond N.G.L.* Army transport in the fifth and fourth centuries // GRBS. 1982. Vol. 24. P. 27–31. О скорости греческих войск (в первую очередь, бегом) и в сравнении с движением армий нового времени см. в классическом исследовании Дельбрюка: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1: Античный мир. СПб., 2001. С. 75 слл. Об организации и тактике спартанской армии на марше см. раздел в книге Коннолли (указ. соч. С. 44–47), а также подборку свидетельств источников у Крентца (op. cit. P. 159 ff. – глава «Передвижение войск по суше и морем») и расчеты скорости перемещения войск по Ксенофонту в новой монографии Дж. Ли: *Lee J.W.I.* A Greek Army on the march. Soldiers and Survival in Xenophon's Anabasis. Cambridge, 2007. P. 140 ff. – глава «Походное передвижение», особ. – p. 148 f., 154.

За консультации по этому вопросу и отсылки к новой литературе благодарю Александра Нефёдкина и Евгения Смыкова, а также специалиста по военной истории XX века, зав. кафедрой отечественной истории в новейшее время Саратовского госуниверситета, проф. А.А. Германа.

Принято считать, что греческие гоплиты проходили за один день сравнительно небольшие расстояния – около 20 км[117]. Крентц полагает, что в классическую эпоху гоплитское войско с обозом проходило в среднем 26 км в сутки (исследователь называет такую скорость войска «a reasonable maximum»)[118]. Заключает он это на основании сведений, которые приводят Геродот и Ксенофонт. Но представленные в обобщенном виде расчеты Петера Крентца, на наш взгляд, нуждаются в некоторой корректировке.

В пятой книге «отец истории» подробно рассказывает о том, как Аристагор Милетский убеждал спартанского царя Клеомена I отправить армию в поход против персов. Аристагор полагал, что путь от Сард до Суз спартанское войско способно пройти за три месяца[119]. Историк со знанием дела одобрил расчеты милетского тирана и представил точную калькуляцию этого расстояния в парасангах и стадиях (V.52–54). Он упоминает встречающиеся на пути горные проходы, судоходные реки, постоялые дворы, сторожевые посты, границы государств, проч. и всякий раз указывает точный «километраж». Но, как считают исследователи, сам Геродот никогда не путешествовал этим маршрутом. Скорее всего, сведения он заимствовал из какого-то персидского источника, сообщавшего о «Царском пути». Историк резюмирует (ibid. 53): «Если этот царский путь правильно измерен парасангами и если 1 парасанг равен 30 стадиям (что так и есть на самом деле), то из Сард до царского дворца в Сузах (по имени Мемнония) 13 500 стадий, так как путь составляет 450 парасангов. Если считать на каждый день по 150 стадий, то на весь путь придется как раз 90 дней»[120]. Источник, которым пользовался Геродот, указывал расстояние в парасангах, сам же историк перевел эти персидские обозначения в знакомые его греческим читателям стадии и, исходя из собственных соображений времени, которое может быть затрачено на дневной переход, подсчитал общее количество дней пути. Таким образом, по расчетам Аристагора Милетского (Геродота), среднее расстояние дневного перехода войска могло составить 150 ст. Крентц полагает, что это соответствует 26 км. Однако величину стадия у Геродота исследователи определяют по-разному: от 177,6 м (аттический ст) до 210 м (ионический ст)[121]. Таким образом, расстояние дневного перехода, на которое указывает Геродот в рассказе о «Царском пути», равно 26/7 или 31,5 км. Но уже в следующем параграфе «отец истории» дает иные сведения, несколько «завышая» возможную скорость движения войска. «…Всё расстояние от берегов Эллинского моря до Суз… – 14 040 стадий. Ведь от Эфеса до Сард 540 стадий, и поэтому трехмесячный путь удлиняется на три дня» (ibid. 54). Как видим, Геродот называет раз-

---

[117] Здесь и далее используются следующие сокращения: км – километр; ст – стадий (аттический, = 177,6 м); прс – парасанг (мера длины или времени движения у персов; соответствует 30 стадиям или ≈ 5,3 км).

[118] *Krentz P.* Op. cit. P. 161.

[119] Hdt. V.50; ср. ibid. 53, 54; см. комментарии: *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1928 (1912). Vol. 2. P. 21–24, *ad loc.* V.52 sqq. (с расчетами протяженности «Царского пути»).

[120] Текст Геродота приводится в переводе Г.А. Стратановского по изданию: *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского / Под общ. ред. *С.Л. Утченко.* М., 1972 (репр.: 1993).

[121] См.: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 326. Прим. 510 (здесь же даны ссылки на литературу, в которой представлены различные точки зрения по этому вопросу); ср. там же. С. 178. Прим. 22, с. 236. Прим. 212, с. 342. Прим. 596.

ные дистанции: 150 ст в сутки и 180 ст в сутки (= 540 ст за 3 дня), т.о. 26–31,5 или 32–38 км, которые способна пройти армия за сутки [122].

Мы не станем вдаваться в тонкости этих Геродотовых расчетов и «неувязок», отметим лишь, что историк, ориентируясь на общие знания о расстояниях дневного пути, определяет среднюю величину около 30 (35) км (что не вызывает сомнений ни у него самого – первоклассного путешественника, объехавшего и исходившего пешком «полмира», ни у его читателей). Отметим еще раз особо, что герой «Истории» Аристагор и сам автор Геродот приводят расчеты скорости передвижения, подразумевая многочисленную армию, обремененную значительным обозом (ведь поход планировался заранее на весьма продолжительное время), чтобы спартанские гоплиты шли каждый день одинаковым темпом, да к тому же по неизвестной для них территории.

Примеры несколько бóльших расстояний дневного перехода армии встречаются у другого автора классической эпохи, историка и полководца, знатока военного искусства Ксенофонта. Например, в «Анабасисе» он часто указывает расстояния, пройденные многотысячной армией эллинских наемников, состоявших на службе у Кира Младшего: I.2.5, 7, 10 (bis), 11, 13, 14, 19 (bis), 20, 25; 4.1 (tres), 4, 6, 9, 10, 11, 19 et al. loci. Обыкновенно современные исследователи считают, что в среднем величина дневного пути по Ксенофонту равна 30 км[123]. Устойчивые «временны*е*» обороты, встречающиеся в этом сочинении историка[124], показывают различные расстояния дневного перехода армии: от 22 до 41 км. Но в нескольких случаях Ксенофонт указывает 10 прс в сутки, что составляет приблизительно 53 км[125].

В рассказе о халкидийско-фракийском походе Брасида Фукидид указывает расстояние дневного пути пелопоннесцев. «В тот же день, как он (Брасид. – *А. С.*) вышел из Мелитеи, он прибыл в Фарсал и расположился лагерем подле реки Апидан…» (IV.78.5). Расстояние от ахейского

---

[122] В другом месте Геродот считает однодневный переход по 200 ст (IV.101.2–3), что составляет 35/6 или 42 км. Обсуждение см.: *Шишова И.А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 25 слл.; а также комментарии: [*Stein H.*] Herodotos / Erkl. von *H. Stein*. 5. Aufl. B., 1963 (1896[4]). Bd. 2. S. 98, *ad loc.* IV.101; *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1928 (1912). Vol. 1. P. 338, *ad loc.* IV.101.2; *Доватур А. И.*, *Каллистов Д. П.*, *Шишова И. А.* Указ. соч. С. 342–343. Прим. 596, 597; *Corcella A.* [Comm. on Hdt.] Book IV // Asheri D. et al. A Commentary on Herodotus Books I–IV / Ed. by *O. Murray* and *A. Moreno*. Oxf., 2007. P. 652, *ad loc.* Hdt. IV.100.2–101.3 (4000 ст = 700–800 км за 20 дней). Разные исчисления дневного пути, названные «отцом истории» в пассажах V.53 (150 ст или 180 ст) и IV.101.3 (200 ст) легко можно объяснить. Все упомянутые комментаторы сравнивают эти пассажи, отмечая, что в первом случае (V.53) Геродот говорит о дневном переходе многочисленной армии, зная, к тому же, что «Царский путь» пролегает по гористой местности, поэтому историк учитывает, что оба эти фактора должны снизить скорость движения войска. А в рассказе о размерах Скифии (IV.101) речь идет об одиночном путешественнике, странствующем налегке по ровной местности (см.: [*Stein H.*] Op. cit. S. 98; *Доватур А. И.*, *Каллистов Д. П.*, *Шишова И. А.* Указ. соч. С. 236. Прим. 212).

[123] Эту же цифру указывает и Крентц (op. cit. P. 161).

[124] Например: «Кир проходит в два перехода 10/12/15 парасангов», «в три перехода он (Кир. – *А. С.*) прошел 20/22/30 парасангов», «в четыре перехода – 20/25 парасангов», «в пять переходов – 30/35 парасангов» и другие варианты. Ксенофонт называет и более общие расстояния, к примеру, *Anab.* II.2.6, где указана длина пути 535 прс (16 050 ст или ≈ 2900 км), пройденных армией за 93 дневных перехода, что составляет по 31 км в сутки.

[125] Об этом: *Lendle O.* Kommentar zu Xenophons Ananbasis (Bücher 1–7). Darmstadt, 1995; *Максимова М.И.* Ксенофонт и его «Анабасис» // *Ксенофонт.* Анабасис. М., 2003 (М.; Л., 1951). С. 203–212; *Карпюк С.Г.* Снежные парасанги: зима и зимние холода в сочинениях Ксенофонта Афинского // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 145–162, здесь – с. 153 сл.; *Lee J.W.I.* Op. cit. P. 140, 141, 144, 148, 154.

городка Мелитеи до Фарсала составляло ≈ 40 км. Учитывая, что в этот же день произошло «стояние у Энипея», которое задержало продвижение «брасидовцев» (ibid. § 3 sqq.), историк дает понять, что войско преодолело эти сорок километров ускоренным маршем за вторую половину дня[126].

Афинский оратор Демосфен полагал, что войско македонян сможет пройти за 3 дня 700 ст (≈ 125 км) от Херонеи до Афин, что составляет примерно по 42 км в сутки[127]. И еще один классический пример из Геродота о преодолении армией греков «марафонской дистанции» (VI.116). Одержав победу над персами при Марафоне, афинское войско во главе с Мильтиадом, стремясь опередить персидский флот, шедший к Афинам, «со всех ног (ὡς ποδῶν εἶχον τάχιστα, ibid.)[128] спешило на защиту родного города и успело прибыть туда раньше варваров». Греческие гоплиты возвратились в Афины, преодолев пресловутые 42 км без остановок за один переход.

Согласно Фукидиду (VI.65, 66), в 415 г. войско сиракузян и их союзников за один день прошло путь от Сиракуз до реки Симеф, где они разбили лагерь для ночлега. А на следующий день, узнав, что афинский флот оставил Катану и подошел к Сиракузам, армия поспешила назад, чтобы защитить свой город. Достоверно нельзя определить пройденное расстояние из-за отсутствия точных показаний источника[129], но за эти два дня сиракузская армия преодолела более 90 км (≈ 45 км в день[130]), причем Фукидид дает понять, что на второй день этот длинный путь был пройден *форсированным маршем*.

Известный коллекционер многочисленных образчиков военного искусства Полиэн полагал, что феномен македонской «науки побеждать» не в последнюю очередь заключался в том, что Филипп II приучал македонских гоплитов проходить по 300 ст в день (≈ 53/4 км), неся на себе полное воинское снаряжение (шлемы, пельты, поножи, сариссы), а также продовольствие и утварь (Polyaen. IV.2.10)[131].

В эпоху эллинизма форсированные марши стали главной особенностью ведения войны, зачастую именно с помощью них полководцы

---

[126] Ср.: *Busolt G.* Griechische Geschichte… Bd. 3.2. S. 1142. Anm. 2. (Подробное обсуждение пассажа Thuc. IV.78.5 будет представлено во второй части работы.)

[127] Dem. XVIII.195 («…бой [при Херонее. – *А. С.*] произошел в трех днях пути от Аттики»); ср. ibid. § 230 (битва при Херонее произошла «в 700 стадиях от города [т.е. от Афин. – *А. С.*] в пределах беотийцев»); см. также: *Радциг С.И.* Примечания // *Демосфен.* Речи. В 3-х т. / Отв. ред. *Е.С. Голубцова*, *Л.П. Маринович*, *Э.Д. Фролов*. Т. 3 / Пер. С.И. Радцига. М., 1995. С. 569. Прим. 264 и с. 572. Прим. 310 (Радциг называет приблизительное расстояние в 130 км); *Krentz P.* Op. cit. P. 161.

[128] *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. 2. P. 113, *ad loc.* VI.116; *How W.W.* On the Meaning of ΒΛΔΗΝ and ΔΡΟΜΩΙ in Greek Historians of the Fifth Century // CQ. 1919. Vol. 13. № 1. P. 40–42, здесь – p. 41.

[129] Протяженность дороги от Сиракуз до реки Симеф в Леонтинской области составляла приблизительно 42–45 км (опираемся в данном случае, опять же, на атлас Бэррингтона: Sicilia / Comp. by *R.J.A. Wilson*, 1997 // Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. by *R.J.A. Talbert*. Princeton, 2000. Map 47, 4 G). Но, не исключено, что наутро, после ночной стоянки, войско сиракузян продвинулось еще несколько выше Симефа по пути к Катане (текст Фукидида дает возможность для такого допущения) до того, как сиракузская конница, уже успевшая дойти до Катаны и узнать о хитром маневре афинян, возвратилась обратно и известила об этом пехоту (см. Thuc. VI.65.3).

[130] Крентц (op. cit. P. 161) считает, что 50 км в день.

[131] Дополнительно: Diod. XVI.3.1; Front. *Strat.* IV.1.6; *Lloyd A.B.* Philip II and Alexander the Great: the moulding of Macedon's army // Battle in Antiquity / Ed. by *A.B. Lloyd*. L., 1996. P. 169–198; *Нефёдкин А.К.* [Примечание] // *Полиэн.* Стратегемы / Под общ. ред. *А.К. Нёфедкина*. СПб., 2002. С. 422–423. Прим. 20; *Roth J.P.* War // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. by *Ph. Sabin*, *H. van Wees*, *M. Whitby*. Vol. 1: Greece, the Hellenistic World and the Rise of Rome. Cambridge, 2007. P. 392.

добивались стратегического и тактического преимущества; да и римская республиканская армия, несмотря на то, что она уступала в скорости армии эллинистической (главным образом, из-за установившегося у римлян порядка каждый день возводить укрепленные военные лагеря), при необходимости тоже была способна передвигаться очень быстро[132].

Если принять среднюю скорость греческого тяжеловооруженного войска на марше около 4 км/ч (а именно так обычно и считают специалисты по истории античного военного искусства), то в таком случае, мы рассчитываем, что, двигаясь одинаковым темпом, оно могло пройти за 12 часов 48–50 км. Впрочем, гоплиты были способны двигаться и с более высокой скоростью – 5–6 км/ч или даже 6,5 км/ч. Тогда за те же 12 часов марша с максимальной скоростью они при необходимости могли пройти до 75 км. Конечно, принимая во внимание топографические особенности маршрута (подъемы и спуски, узкие ущелья и лесные тропинки, переправы и проч.), воины должны были идти с естественными задержками; но если они находились на марше по 14–16 часов (отводя остальное время на еду и умеренный сон), то способны были преодолеть за один день те же 75 км. И хотя это исключительные скорости, все же в источниках встречаются примеры такого рода.

Так, Геродот сообщает, что в 490 г. спартанская армия совершила быстрый переход, преодолев за 3 (или 3,5) дня около 220 км. «После полнолуния прибыло в Афины 2000 лакедемонян. Они двигались так быстро, стараясь прийти вовремя, что были *уже на третий день* (курсив наш. – *А. С.*) по выступлении из Спарты на Аттической земле»[133] (Hdt. VI.120.1; ср.: Isocr. IV.87; см. также: Plat. *Menex.* 240 c; idem. *Leg.* 698 e). «Отец истории» акцентирует внимание на том, что спартанские гоплиты шли ускоренным маршем (σπουδὴν πολλήν) и поэтому за три дня[134] и две ночи прошли более 1200 стадий[135], что составляет в среднем по 70–75 км в сутки[136].

---

[132] Подробнее на эту тему см. названный в предыдущем примечании очерк Джонатана Рота, в котором представлены хорошая подборка источников и расчеты дневного перехода эллинистических и римских армий на марше (*Roth J.P.* War. P. 368–398, здесь – p. 391–393).

[133] Обсуждение этой информации источника: [*Macan R.W.*] Herodotus. The fourth, fifth, and sixth Books with introduction, notes, appendices, indices, maps / Ed. by *R.W. Macan.* L., 1895. Vol. 1. P. 375–376, *ad loc.* VI.120.1; *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary on Herodotus. Vol. 2. P. 115, *ad loc.* VI.120.1; *Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005. P. 404–405, *ad loc.* VI.120 (здесь же у Скотта в приложении к комментариям см. о расстоянии дневного пути по Геродоту – Appendix 4 «Travel Times», p. 488 ff.).

[134] Быть может, даже за три *неполных* дня (?!), поскольку в источнике сказано τριταῖοι, что следует понимать как «на третий день». Для сравнения: ранее Геродот (VI.106) рассказывает о том, что афинянин Фидиппид, оправленный с поручением к лакедемонянам, уже «на другой день прибыл в Спарту» (δευτεραῖος… ἦν ἐν Σπάρτῃ), преодолев, таким образом, за два неполных дня расстояние от Афин до города лакедемонян, приблизительно равное 250–270 км.

[135] В «Панегирике» Исократа сказано, что это расстояние было пройдено за 3 дня и 3 ночи (Isocr. IV.87).

[136] Ср.: *Scott L.* Op. cit. P. 404 (Скотт указывает 75 км в день и считает такое расстояние дневного пути «*above average*»); *Krentz P.* Op. cit. P. 161 (по Крентцу – 70 км в день). Большинство исследователей соглашаются с этими показаниями Геродота и Исократа, полагая, что 3 дня – это реальный срок, чтобы пройти путь от Спарты до северо-западной границы Аттики (о чем, собственно, и говорит Геродот), но не до самих Афин (+ 35 км) (к примеру: [*Macan R.W.*] Herodotus. P. 376 и *Scott L.* Op. cit. P. 404 f.). Скептическое отношение к этому сообщению источников см. в недавней работе: *Holoka J.P.* Marathon and the Myth of the Same-Day March // GRBS. 1997. Vol. 38. P. 329–353, здесь – p. 350 f. (автор полагает, что двухтысячному гоплитскому войску, обремененному рабами-оруженосцами и значительным обозом, невозможно было преодолеть такое расстояние всего за 3 дня; по его мнению, это возможно было сделать не менее, чем за 4–5 дней).

***

Если допустить, что Брасид изначально задал отряду максимальный темп марша (что оправданно опасным характером самого́ предприятия и согласуется с напористым нравом спартанского командира), тогда 70 км в сутки кажутся вполне реальной дистанцией. На наш взгляд, такой «километраж» составляет *разумный максимум* для однодневного перехода армии[137]. Двигаясь таким темпом, небольшое и хорошо подготовленное войско, несомненно, смогло пройти за неполных 4 дня расстояние от Истма до юго-восточной границы Фессалии, покрыв свыше 200 км.[138] Это мы заключаем, принимая во внимание приведенные выше показания других античных источников, а также следующие обстоятельства, касающиеся организации войска Брасида.

Во-первых, сравнительно небольшая численность отряда (около 1700 воинов)[139]. Несомненно, чем войско меньше, тем полководцу удобнее совершать быстрые передвижения. Во-вторых, величина обоза, скорее всего, была незначительной (продовольствие, утварь, обслуга и проч.). О последнем мы можем судить на основании того, что *1)* спартанский полководец рассчитывал на содержание войска «на месте», т.е. в Македонии и Халкидике, поскольку об этом имелась предварительная договоренность с Пердиккой и халкидийскими полисами (Thuc. IV.80.1; ср. ibid. 83.5–6); *2)* отряд гоплитов состоял не из свободных граждан-воинов (которым в качестве обозных работников дополнительно потребовались бы прислужники-рабы), а из наемников и илотов, которые сами были обременены своим снаряжением[140]; *3)* Брасид делал ставку на

---

[137] Сохранились многочисленные свидетельства античных авторов о быстром передвижении эллинистических армий и о значительных расстояниях дневного перехода. Здесь мы полагаемся в основном на калькуляцию Рота (*Roth J.P.* Op. cit. P. 392 f.), в некоторых случаях корректируя его расчеты показаний источников. Так, Антигон I за 7 дней и ночей прошел со своим войском 2500 ст (≈ 450 км), что составляет в среднем по 360 ст (≈ 64 км) в сутки. Следующий пример, который приводит Дж. Рот, демонстрирует более «высокий результат». За 72 часа (трое суток) непрерывного марша войско Александра Македонского прошло 215 км (около 72 км в день). Однако здесь требуются уточнения. Дело в том, что в источнике мы встречаем иные факты. Арриан говорит, будто Александр «за три дня преодолел 1500 стадий и на рассвете четвертого дня подошел к городу (Маракандам, нынешнему Самарканду. – *А. С.*)» (Arr. *Anab.* IV.6.4). Таким образом, его войско проходило по 500 ст (≈ 90 км) в день, и за 3 дня и 3 ночи оно преодолело приблизительно 270 км (получается, что Рот на 20% «занижает показатели» быстрого марша Александра). Другой же источник, Курций Руф, возможно, допускает ошибку, упоминая об этом походе. Он пишет (VII.9.21), что войско Александра дошло до Мараканд за 4 дня (без указания расстояния, акцентируя внимание читателя на других деталях этого похода, ibid. § 20 sqq.). Со ссылкой на Diod. XIX.80.2 Рот указывает еще один исключительный случай, когда за 6 дней армия Деметрия преодолела 660 км (по 110 км в сутки – *nota bene*!). Показатель скорости войска здесь необычайно высок, но надо учесть, что в данном случае речь идет о кавалерийском походе. Диодор рассказывает, что этот дерзкий марш дорого стоил Деметрию: большинство лошадей пало, не выдержав подобной нагрузки (ibid.).

[138] Увы, точный километраж первого этапа пути определить невозможно. Во-первых, Фукидид не сообщает о том, каким маршрутом двигалось войско через Беотию и Фокиду. Во-вторых, мы пытались рассчитать разные варианты, но недостаток конкретных сведений о дорогах Средней Греции пока не позволяет говорить более определенно.

[139] Диодор ошибочно (а быть может и умышленно?) «завышает» число воинов Брасида, «округляя» его до 2000 (см.: Diod. XII.67.3, 5).

[140] Обычно считается, что во время похода на каждого гоплита приходилось по одному или более невооруженным рабам. Последние сопровождали своих хозяев в качестве ординарцев или использовались как обозные работники, выполняли функции оруженосцев, поваров, фуражиров, а при ранении гоплита они могли быть «медбратьями», подбирали раненых и оказывали им первую помощь (см.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. 2. Hälfte.

стремительное передвижение, поэтому (из опасения привлечь внимание противника к своему войску), он должен был урезать размер обоза до минимального. В-третьих, учитывая инициативность полководца и его несомненный контроль над войском, что позволило Брасиду, несмотря на необычный состав экспедиции, добиться надлежащей дисциплины войска (об этом мы можем говорить вполне уверенно, располагая многочисленными показаниями Фукидида о полководческом даровании Брасида)[141]. В-четвертых, есть и прямое указание источника на то, что пелопоннесцы двигались *ускоренным маршем*[142]. Наконец, в-пятых, поскольку историк ничего не сообщает о первом этапе пути «брасидовцев», это также свидетельствует о том, что от Коринфа до Гераклеи Трахинской они прошли быстро и без каких-либо накладок.

Люди, набранные Брасидом для фракийского похода, несомненно, были подготовленными воинами. О пелопоннесцах, которых спартанский военачальник взял за жалование из северо-восточных областей Пелопоннеса, говорить не приходится. Но это же уверенно можно сказать и об илотах, которые наверняка были специально отобраны Брасидом для рискованного предприятия. Этих последних Фукидид неоднократно называет не иначе как ὁπλῖται. И историк дает понять, что они не только были экипированы как *гоплиты*, но и были обучены воинскому искусству[143], и были подготовлены физически (это были рабы, которые имели опыт в сражениях и прежде участвовали в военных походах спартанцев, сопровождая их в качестве слуг).

Военачальник понимал, что, двигаясь на пределе сил, войско может выдерживать темп по 60–70 км в сутки в течение нескольких дней[144]. На четвертый день Брасид ненадолго остановился в Гераклее Трахинской, где воины должны были отдохнуть (на что косвенно указывает источник), а спартанский полководец отправил из Гераклеи вестника в Фарсал, чтобы заручиться поддержкой фессалийских проводников (Thuc. IV.78.1).

***

Фукидид ровным счетом ничего не говорит о начальном маршруте. Это умолчание источника можно объяснить не только тем, что и сам путь из Пелопоннеса в Среднюю Грецию, и поход Брасида были хорошо известны его публике; но, в первую очередь, тем, что, сосредотачивая

S. 668; *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 55 сл.; *Печатнова Л.Г.* История Спарты. С. 239 и прим. 84). Наличие в армии обозного люда в несколько раз увеличивало ее численность, что, конечно же, сильно замедляло скорость передвижения войска.

[141] Примерами тому служат умело организованное Брасидом отступление его отряда из Линка, о чем рассказывает Фукидид, явно восхищаясь своим героем (IV.124–128), нападение Брасида на Амфиполь в декабре 424 г. и блокада полиса (IV.103–106), сражение при Амфиполе в 422-ом году (V.6–11) и др.

[142] Правда, историк сообщает об этом в другом месте, рассказывая о перипетиях войска Брасида в Фессалии: Thuc. IV.78.5 (δρόμῳ), ср. IV.79.1 (διέδραμε). См.: *How W.W.* On the Meaning of ΒΑΔΗΝ and ΔΡΟΜΩΙ … P. 41; *Gomme.* HCTh. 1956. Vol. 3. P. 544–545, *ad loc.* IV.78.5; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 261, *ad loc.* IV.78.5; *Funke P., Haake M.* Op. cit. P. 380.

[143] Ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. 2. Hälfte. S. 667 f.; *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 117; *Hornblower.* CTh. 1996. Vol. 2. P. 267–268, *ad loc.* IV.80.5; *Печатнова Л.Г.* История Спарты. С. 239 сл., 307 слл.

[144] Для армий классической эпохи пример этому мы встречаем в уже упомянутом пассаже Hdt. VI.120: о трех днях ускоренного марша спартанских гоплитов. Известны также длительные переходы армий с одинаково высокой скоростью в течение 6–7 дней – NB. (см. выше прим. 137).

внимание лишь на значимых фактах на различных «фронтах» военных действий, Фукидид, возможно, не усмотрел в этом эпизоде ничего значительного. Нам представляется, что источник молчит о деталях экспедиции, потому что на пути через Беотию и Фокиду, до самой Гераклеи Трахинской не произошло ничего такого, что заслуживало бы внимания.

На пределе сил «брасидовцы» ускоренным маршем прошли через Мегариду, Беотию и Фокиду. Позади осталась половина сложного и рискованного пути. Но вторая половина только казалась менее опасной, ведь дальнейший путь Брасида лежал через земли Фессалии – давней союзницы Афин.

ALEXANDER A. SINITSYN (SARATOW)

IM AUGUST 424 v. Chr. DER GEWALTMARSCH VON ISTHMOS BIS MAKEDONIEN (HISTORISCH-GEOGRAPHISCHER ASPEKT DES THRAKISCHEN FELDZUGES DES BRASIDAS) Teil I.

Der Aufsatz ist die Fortführung eines Themas, das vom Autor schon früher behandelt wurde (A. Sinitsyn, *Über die Ursachen der Expeditionen des Brasidas nach Thrakien*, St. Petersburg, 2002). Es werden die Etappen des Gewaltmarschs Brasidas von Isthmos, dem Ausgangspunkt der Expedition, bis Dion untersucht, wo Brasidas nach der Durchquerung Thessaliens sich den Truppen Perdikkas II. von Makedonien anschloss. Diese Kriegsoperation von August 424 v. Chr. stellt für sich betrachtet eine gewaltige kriegerische Herausforderung für die Truppe dar, die innerhalb von ein paar Tagen eine große Entfernung zurücklegte. Gestützt auf die einzige Quelle – die „lakonische" Beschreibung des Marschs in der „Geschichte des Peloponnesischen Krieges" von Thukydides (4.78–79) – und die Ergebnisse früherer Forschungen, wird ein neuer Versuch unternommen, sowohl Details des Marschs (die Strecke und eventuelle Varianten; Lagerplätze der Truppen u.s.w.), als auch die Faktoren zu analysieren, die ein erfolgreiches Vorwärtskommen der peloponnesischen Abteilung auf gefährlichen Strecken ermöglichte (Verhandlungen des spartanischen Feldherrn mit den Boiotern und Thessalern; die *xenoi* und Führer Brasidas). Für die Analyse des Textes von Thukydides wird die Methode der Narratologie benutzt. Der Autor rekonstruiert den Ablauf der thrakischen Expedition Brasidas und kommt zu dem Ergebnis, dass sich im Zentrum der Erzählung Thukydides nur der kriegerisch-politische Aspekt des Geschehens befindet, wogegen der topografische Kontext ungenau bleibt und in den Hintergrund der thematischen Struktur des Textes verschwindet.

Die erste Etappe des Feldzuges: von Isthmos bis Herakleia Trachinia. Hier wird eine ausführliche Analyse der Erzählung Thukydides über die „Rettung" der Stadt Megara durch Brasidas und über seine Rückkehr ins korinthische Gebiet durchgeführt (4.70–74). Es wird die vom Historiker erwähnten Toponyme am Anfang des Feldzuges (Gebirge Geraneia – Tripodiskos – Plataiai) besprochen. Eine besondere Aufmerksamkeit wird der Mitteilung Thukydides über *stasis* in den Poleisen Boiotiens geschenkt (4.76–77). Brasidas hatte vor, unbemerkt und möglichst schnell diese gefährliche Strecke zu passieren. Zum Schluss werden die Beispiele der Gewaltmärsche der griechischen Hopliten (etwa 60–70 km pro Tag), insbesondere die Mitteilung Herodots über die Höchstleistung der Spartaner in Truppenbewegung 490 v. Chr., angeführt (Hdt. 6.120.1). Der Autor zieht in Betracht die spezifische Organisation des kleinen und „leichter gemachten" Heeres, die Initiative des spartanischen Kommandeurs und das Begreifen der Gewagtheit des Unternehmens, und spricht die Vermutung aus, dass Peloponnesier, wenn sie sich mit höchstmöglicher Geschwindigkeit bewegten, konnten die Entfernung von Isthmos bis Herakleia in nur 3–4 Tagen zurücklegen. Das Schweigen Thukydides über die Einzelheiten der ersten Etappe des Feldzuges von Brasidas kann dadurch erklärt werden, dass der Historiker, der sich nur auf besonders wichtige Ereignisse der Militärgeschichte konzentrierte, darin nichts Bedeutendes fand. Bei höchster Anstrengung seiner Kräfte passierten "Brasidians" un-

bemerkt Megaris, Boiotien und Phokis. Hinter sich ließen sie die Hälfte der schwierigen Strecke. Die zweite Hälfte war aber nicht weniger gefährlich, da die Route dann durch den Boden Thessaliens, des alten Verbündeten Athens, führte.

Карта Южной и Средней Греции (к статье А.А. Синицына)

М.Н. Химин

ИГРА АХИЛЛА И АЯКСА: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИЛЬНЕЙШЕГО ГЕРОЯ

Игра Ахилла и Аякса – сюжет известный в основном только по иконографическому материалу – немногим менее, чем по 200 памятникам, в подавляющем большинстве представленным афинской вазописью[1].

Два героя сидят друг напротив друга, склонившись над игральной доской[2]. Безошибочно определить персонажей и результат игры позволяют подписи с именами героев и числом очков, сопровождающие некоторые сцены: 4 – 3[3] или 4 – 2[4] в пользу Ахилла. В большинстве случаев между Ахиллом и Аяксом изображена стоящая Афина или дерево – пальма. Ряд сцен по сторонам фланкируется изображениями военной стычки – несколько воинов убегают от преследующего их врага. По надписи на чаше Эвергида один из нападающих идентифицируется с Гектором[5].

Первым к проблеме интерпретации этих изображений обратился выдающийся немецкий ученый К. Роберт. Он высказал мнение, что сюжет игры героев был заимствован вазописцами из потерянной поэмы «Паламедия» и предложил следующую его трактовку. Ахилл и Аякс находятся в карауле (о чем, по его замечанию, свидетельствует их полное вооружение) и, потеряв бдительность за игрой, не замечают, как подошедшие троянцы начинают теснить ахейских воинов, поэтому появившаяся Афина призывает героев к сражению[6]. Гипотезу К. Роберта в дальнейшем разделили Ф. Хаузер, Б. Швейцер, К. Шефолд, Дж.Д. Бизли, М. Мур, А. Коссатц-Дайссман и многие другие исследователи[7].

---

[1] Наиболее полный список памятников, на которых представлен этот сюжет, см.: *Buchholz H.-G.* Brettspielende Helden // Sport und Spiel / *S. Laser.* Archaeologia Homerica. Kapitel T. Göttingen, 1987. S. 127–184. № 1–187; также: *Woodford S.* Ajax and Achilles Playing a Game on an Olpe in Oxford // JHS. 1982. Vol. 102. P. 181–184; *Kossatz-Deissmann A.* Achilleus // LIMC. 1981. Bd. 1. S. 96–103. № 391–427.

[2] Вазописные изображения не позволяют определить, в какую именно игру Ахилл и Аякс играют: в одних случаях герои представлены бросающими кости, в других – передвигающими игральные фишки. С. Вудфорд не исключает возможности, что художники не имели в виду какую-то одну определенную игру (op. cit. P. 184–185). О древнегреческих настольных играх см.: *Lamer H.* Lusoria tabula // RE. 1927. Bd. 13.2. Sp. 1900–2029; *Austin R.G.* Greek Board-Games // Antiquity. 1940. Vol. 14. P. 257–171; *Murray H.J.R.* A History of Board Games Other than Chess. Oxf., 1957. P. 24–29; *Brumbaugh R.* The Knossos Game Board // AJA. 1975. Vol. 79. № 1. P. 135–136; *Kurke L.* Ancient Greek Board Games and How to Play Them // CPh. 1999. Vol. 94. P. 247–265.

[3] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. S. 97. № 397 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 144–145. № 21. Taf. V a–b.

[4] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. S. 98. № 403 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 169–170. № 146. На фрагменте чаши из Парижа также указано число «2»; на чаше Эпиктета – число «4» (*Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. S. 102, 100–101. № 427, 418 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 176–177. № 184, 182).

[5] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. S. 101–102. № 424 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 155. № 72.

[6] *Robert C.* Die Neckya des Polygnot // Hallisches Winckelmannsprogramm. 1892. Bd. 16. S. 57; *idem.* Die griechische Heldensage. B., 1923. Bd. 2. S. 1126–1127.

[7] *Hauser F.* Griechische Vasenmalerei. München, 1910. Bd. 3. S. 66–67; *Schweitzer B.* Die Entwicklung der Bildform in der attischen Kunst von 540 bis 490 // JdI. 1929. Bd. 44. S. 116–117; *Schefold K.* Statuen auf Vasenbildern // JdI. 1937. Bd. 52. S. 30–33; *idem* (with the assistance of *L. Giuliani*). Gods and Heroes in Late Archaic Greek Art. Cambr., 1992. P. 273; *Chase G.H.* Two Sixth Century Attic Vase // BMFA. 1946. Vol. 44. P. 49; *Diel E.E.* Eine attische

Несколько иную позицию в осмыслении сюжета занял Х. Ламер. Не подвергая сомнению правильность интерпретации К. Роберта, он предположил, что вазописец мог создать оригинальную композицию, не опираясь на какое-либо литературное свидетельство[8]. В последующем Х. Ламера поддержали Х. Моммзен[9], Л. Кёрке[10] и особенно С. Вудфорд, выступившая с категоричным утверждением, что изображения игры Ахилла и Аякса не восходят не только к какому-либо эпическому источнику, но даже и к устной традиции. По мнению исследовательницы, своему возникновению этот сюжет обязан афинскому вазописцу Эксекию. На амфоре из Ватикана (540–530 гг. до н.э.)[11] Эксекий создал жанровую сцену, повествующую о том, как два героя во время долгой осады Трои развлекали себя занятной игрой (илл. 1)[12]. В дальнейшем, предполагает С. Вудфорд, тема игры была осмыслена по-новому. Вазописцы могли полагать, что «Ахилла, избранника Афины, необходимо изображать рядом с божественной патронессой даже в ходе игры» или могли считать, что в силу иконографической идентичности двух героев, следовало както подчеркнуть различие между ними, в результате чего в композицию было введено изображение Афины, обращенной к Ахиллу. Кроме того, как замечает исследовательница, при перенесении сцены игры с киликов на амфоры перед художниками возникла проблема заполнения широкого поля, не занятого фигурами играющих героев. Многие малодаровитые мастера чернофигурного стиля решали эту задачу традиционно – путем размещения по сторонам второстепенных персонажей: воинов, мужчин, юношей, женщин, менад и т.д. Однако вазописцы краснофигурного стиля нашли более органичное решение: они обогатили повествовательную линию сюжета, добавив к теме игры еще и тему военного конфликта, представленного по сторонам от сидящих героев (чаша Эпиктета, ок. 510 г. до н.э. (илл. 2)[13]; чаша Эвергида, также ок. 510 г. до н.э. (илл. 3)[14]; чаша Макрона, 490–480 гг. до н.э.[15]). В результате изме-

---

Amphora mit brettspielenden Helden // BerlMus. 1962. Bd. 12. S. 34–36; *Caskey L.D., Beazley J.D.* Attic Vase Paintings in the Museum of Fine Arts, Boston. Oxf., 1961. Vol. 3. P. 1–7; *Kemp-Lindemann D.* Darstelungen des Achilleus in griechischer und römischer Kunst. Berlin; Frankfurt, 1975. S. 85; *Thompson D.L.* Exekias and the Brettspieler // ArchCl. 1976. Bd. 27. P. 30–32; *Moore M.* Exekias and Telamonian Ajax // AJA. 1980. Vol. 4. № 4. P. 418; *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. S. 96, 103; *Lowenstam S.* The Arming of Achilleus on Early Greek Vases // ClAnt. 1993. Vol. 12. № 2. P. 215; *Small J.P.* The Parallel worlds of Classical Art and Text. Cambr., 2003. P. 26 (Й. Смолл не исключает возможности, что сказание существовало только в устной традиции). С тем, что изображения игры должны восходить к нарративному источнику, выразили согласие Э. Кунце, Х. Буххольц и С. Вест (*Kunze E.* Archaische Schildbänder. B., 1950. S. 144; *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 126; *West S.* A Commentary on Homer's Odyssey / Ed. by *A. Heubeck, S. West, J.B. Hainsworth.* Vol. 1. Books I–IV. Oxf., 1988. P. 88). Т. Карпентер и Г. Хедрин, принимая интерпретацию К. Роберта, воздерживаются от суждения по вопросу происхождения сюжета (*Carpenter T.H.* Art and Myth in Ancient Greece. L., 1996. P. 200; *Hedreen G.* Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Classical Greek Art. Ann Arbor, 2001. P. 91–104).

[8] *Lamer H.* Op. cit. Sp. 1994.

[9] *Mommsen H.* Achill und Aias plichtvergessen? // Tainia: Festschrift R. Hampe / Hrsg. von *H.A. Cahn, A. Simon.* Mainz am Rhein, 1980. S. 151–152.

[10] *Kurke L.* Op. cit. P. 261–263.

[11] См. выше прим. 3.

[12] Более ранняя работа Эксекия на этот сюжет известна по ряду фрагментов. См.: *Moore M.* Op. cit. P. 419–421.

[13] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. P. 101. № 418; *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 176. № 182; *Hedreen G.* Op. cit. P. 93. Fig. 22 a–b.

[14] См. выше прим 5.

нилась роль Афины: теперь она выступала не в качестве покровительницы Ахилла, а как вестник, призывающий героев к оружию[16].

Гипотеза С. Вудфорд вызывает ряд серьезных возражений. Во-первых, нельзя согласиться с ее предположением (равно как и мнениями Х. Ламера, Х. Моммзен и Л. Кёрке) о художественном происхождении этого сюжета. Вазописцы никогда не создавали сцены, посвященные деяниям мифологических героев, не обращаясь при этом к источнику – нарративному или устному. Если художник и чувствовал определенную долю «творческой свободы», так только в интерпретации мифа, который он мог изменять только в деталях, и реже на повествовательном уровне. К тому же изображения игры Ахилла и Аякса, судя по числу дошедших до нас памятников, пользовались большой популярностью. На тему игры двух героев в Афинах в конце VI в. до н.э. была создана даже монументальная скульптурная группа, поставленная на Акрополе[17]. Принимая это во внимание, невозможно представить, чтобы рассматриваемый сюжет получил такое широкое распространение с легкой руки одного вазописца, даже такого крупного, как Эксекий[18]. Также вызывает сомнение и правомерность утверждения С. Вудфорд, что изображение нападения троянцев на ахейский лагерь появилось в результате поиска нового композиционного решения. В этом случае мотив военного конфликта, хотя и оказывался сюжетно связанным с центральной сценой посредством фигуры Афины, призывающей героев к оружию, все же имел бы только второстепенное значение. Однако на чаше из Британского музея изображение игры Ахилла и Аякса помещено под ручкой, в то время как сцены атаки троянцев помещены в центр композиции. И здесь невольно возникает вопрос, каким образом могла произойти подобная инверсия, то есть, как второстепенный мотив стал главным и наоборот? Нам представляется, что такая трактовка могла возникнуть только при том условии, что нападение троянцев являлось одной из сюжетообразующих частей сказания об игре Ахилла и Аякса. Это предположение находит прямое подтверждение при обращении к сцене игры, представленной на амфоре из коллекции Андре Эммериха, где играющих героев атакует гоплит с поднятым в их сторону копьем[19]. Включение в композицию фигуры нападающего воина нельзя объяснить иначе, как желанием художника в рамках одной компактной сцены отобразить миф в наиболее полной форме[20].

---

[15] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. P. 101. № 423 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 176. № 183.

[16] *Woodford S.* Op. cit. P. 178–181; *eadem.* The Trojan War in Ancient Art. L., 1993. P. 64.

[17] Помимо ряда фрагментов эта скульптура известна по изображению на вазе из Берлина (*Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. P. 100. № 417 (с илл.), 420 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 178–179. № 187).

[18] О творчестве Эксекия см.: *Technau W.* Exekias. Leipzig, 1936; *Beazley J.D.* ABV. P. 69–80; *Neutsch W.* Ein Meister der griechischen Vasenmalerei. Marburg, 1949/1950; *Moore M.* Horses by Exekias // AJA. 1968. Vol. 72. № 4. P. 357–368; *Boardman J.* Exekias // AJA. 1978. Vol. 82. № 1. P. 11–25.

[19] *Kunze-Götte E.* CVA. 1982. № 9. S. 42.

[20] Изображение военного конфликта включено в сцену игры Ахилла и Аякса на чернофигурной амфоре из Мюнхена. На стороне *А* справа по направлению к Ахиллу и Аяксу быстрым шагом направляются два гоплита, еще один гоплит стоит слева; Афина жестом поднятой левой руки призывает героев к оружию, в то время как само сражение разворачивается на стороне *Б*. При этом композиция заключена в единое окружающее тулово вазы

Что же касается мнения С. Вудфорд о причине появления в сценах Афины, то оно в целом согласуется с мнением Х. Моммзен, полагающей, что вазописцы использовали изображение богини с поднятой рукой вверх, с целью подчеркнуть победу Ахилла[21]. Ряд памятников, однако, дает серьезные основания полагать, что Афина фигурировала в мифе, и это, в свою очередь, объясняет ее частое появление в сценах игры: из 168 памятников она присутствует на 98. Требование композиции вынуждало художника изображать Афину фронтально, но разворот ее головы влево подразумевал, что она стоит лицом к Ахиллу. Не случайно на вазе из Мюнхена[22] на присутствие богини обращает внимание только Ахилл, в то время как Аяксу, продолжающему смотреть на игральную доску, она остается невидимой (илл. 2). О том, что взаимосвязь героя с богиней подчеркивали подобным образом и другие вазописцы, свидетельствует изображение Ахилла, смотрящего на Афину, что мы наблюдаем на сохранившейся части вазы мастера Макрона[23]. Учитывая, что появление Афины, как и других олимпийских богов, видимых только избранному герою, является общим местом в эпической поэзии, то такая трактовка, следует полагать, сложилась под влиянием нарративного источника. При этом в действиях Афины, изображенной либо дарующей Ахиллу победу, либо призывающей героя к оружию, нет противоречия, поскольку эти действия могли развиваться последовательно.

Иконографические вариации, понятые С. Вудфорд как результат художественной эволюции сюжета, имеют весьма простое объяснение: вазописцы изображали различные моменты одного сказания, заимствованного из эпической традиции[24]. Мастера, которые представляли Ахилла и Аякса наедине, акцентировали внимание на само́й игре, те же художники, которые изображали в композиции фигуру Афины, подчеркивали победу Ахилла над Аяксом, и, наконец, те вазописцы, которые дополняли сцену темой военного конфликта, сообщали зрителю о событиях, разворачивающихся одновременно игре двух героев.

Также нельзя согласиться с мнением С. Вудфорд, что вазописцы подразумевали различные места действия сюжета: не только под Троей, но и в Авлиде, где Паламед изобрел игру в кости, и в Аиде. И все же для большей ясности рассмотрим этот тезис отдельно.

В пользу локализации игры в Авлиде английская исследовательница приводит следующие доводы: пальма, представленная во многих сценах, являлась культовым деревом Артемиды, священный участок которой располагался в Авлиде; изображенные на ряде памятников птицы являются аллюзией на знамение, явившееся ахейцам в Авлиде – девять воробьев были съедены на глазах войска внезапно напавшим на птичье

изобразительное пространство. Э. Кунце-Гёте датирует амфору 510–500 гг. до н.э. и считает, что она является более ранним памятником, чем чаши Эпиктета и Эвергида (*Kunze-Götte E.* Op. cit. S. 41–43. Taf. 35, 1–2).

[21] *Mommsen H.* Op. cit. S. 140–146.

[22] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. P. 98–99. № 404 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 164. № 118.

[23] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. P. 101. № 423 (с илл.); *Buchholz H.-G.* Op. cit. P. 176. № 183.

[24] Приведенная Аристофаном строка из потерянной трагедии Еврипида – «Ахилл кинул кости – дважды по три очка» (Aristoph. *Ran.* 1400) является прямым свидетельством существования нарративной традиции об игре Ахилла в кости.

гнездо змеем (Hom. *Il.* II.309–319). Ни один из этих аргументов не выдерживает критики. Пальма в древнегреческой вазописи не изображалась исключительно в качестве священного дерева Артемиды, но ее можно было увидеть в различных сценах в качестве коннотации экзотического места[25]. Что же касается изображения птиц, то они символизировали победу Ахилла и никакой семантической связи с Авлидой не имели. Так, на чаше из Ватикана на стороне *А* изображен бросок Аякса, а на стороне *Б* – Ахилла. Соответственно, пока исход игры не решен, вазописец изображает птиц по сторонам от обоих героев, но, когда Ахилл становится победителем, – только над его головой[26]. В поддержку другого возможного места действия игры – в Аиде, С. Вудфорд приводит указание Павсания на то, что Полигнот в одной из картин дельфийской Лесхи изобразил Аякса Саламинского, Паламеда и Терсита, играющих в кости (Paus. X.31.1)[27]. Даже если упустить из виду тот факт, что сюжет этой картины не имеет никакого отношения к игре Ахилла и Аякса и поэтому ровным счетом ничего не доказывает, трудно принять предложенную С. Вудфорд локализацию места действия еще и по той причине, что, если изображение игры не опиралось на источник, то художник должен был бы как-то идентифицировать Аид. Иначе, спрашивается, как афинянин мог понять, что на том или ином памятнике Ахилл и Аякс играют в загробном мире, а не под Троей? Однако подобной идентификации ни в одном изображении не встречается, и это является прямым свидетельством того, что вазописцы никогда не подразумевали Аид как место игры двух героев.

Основной причиной, по которой вышеуказанные исследователи пришли к мнению о художественном происхождении сюжета, должно быть, является несоответствие, заключающееся в том, что при большой популярности вазописных изображений нарративные источники по этому сюжет отсутствуют. Однако никакого противоречия здесь может и не быть, если учесть, что популярность сцен, вероятно, определялась политико-идеологическими коннотациями, а не успехом какого-то литературного произведения, в котором этот сюжет фигурировал.

Так, по мнению Д. Бордмана, обращение Эксекия и последующих мастеров к этому сюжету было связано с политическими событиями в Афинах в третей четверти VI в. до н.э., а именно – с утверждением Писистратом тирании. Исследователь указал на тесную связь изображений играющих ахейских героев, которые подверглись нападению, и сообщения Геродота (I.63), что Писистрат, высадившись на побережье около Марафона, нашел афинян, намеривавшихся оказать ему сопротивление, играющими в кости и спящими после завтрака, и, таким образом, застав их врасплох, одержал легкую победу при Пеллене в 546 г. до н.э. С приходом Писистрата к власти, как замечает Д. Бордман, гордость афинян, долгое время живших без тирании, была ущемлена, и лучшим способом сохранить достоинство для них могла служить какая-нибудь сход-

[25] См.: *Hedreen. G.* Op. cit. P. 102.

[26] В нескольких других сценах в композицию включена только одна птица. См.: *Buchholz H.-G.* Op. cit. S. 149–150, 152. № 34 (Taf. 55c), 37, 49.

[27] По сообщению Пиндара, на Острове Блаженных герои, наряду с верховой ездой и игрой на лире, занимали себя игрой в кости (Pind. Frag. 129.6).

ная ситуация, в которой оказались бы легендарные герои. В этой связи пример Ахилла и Аякса, полагает исследователь, с одной стороны выступал в качестве своеобразного утешения для афинян, что не только они проявили неосмотрительность, а с другой являлся напоминанием, что перед лицом угрозы необходимо соблюдать бдительность[28].

Гипотеза Д. Бордмана, несмотря на свою привлекательность, вызывает ряд возражений. Во-первых, как считают исследователи, приведенный рассказ Геродота о битве при Пелене возник среди расположенного к Писистрату сельского населения Аттики[29]. Простой народ с иронией высмеивал изнеженных горожан, неспособных отказаться от привычного образа жизни даже в минуты опасности. Если это так, тогда вазописные изображения скорее должны были выражать не отношение побежденных к событиям битвы при Пеллене, а, наоборот, насмешливое отношение победителей к побежденным. Во-вторых, если появление в вазописи рассматриваемого сюжета было вызвано событиями, связанными с военным конфликтом, то почему тогда вазописцы так редко изображали нападение троянцев на ахейцев в качестве прямой аналогии нападения Писистрата на афинян, предпочитая вместо этого акцентировать внимание непосредственно на самой игре мифических героев? Из немногим менее, чем 200 известных на сегодняшний день афинских вазописных изображений, только на пяти памятниках представлены сцены атаки. Однако, высказывая скептическое отношение к предложенной Д. Бордманом интерпретации[30], нельзя не согласиться с главным тезисом ученого – о связи игры Ахилла и Аякса с политическими событиями в Афинах второй половины VI в. до н.э. Иначе как объяснить тот факт, что появление сюжета в афинской вазописи и его широкая разработка приходится именно на период правления Писистрата и его сыновей? Должно быть, сюжет игры Ахилла и Аякса, уже существовавший ко времени Эксекия в нарративных источниках, в силу каких-то политико-идеологических установок, остающихся неясными, актуализировался и был перенесен в вазопись. Примером использования вазописи в политико-идеологических целях может служить целый ряд изображений на сюжеты из жизни Геракла, которые, по убедительному мнению Д. Бордмана, были ассоциативно связанны с образом Писистрата[31]. Следует также отметить, что сам Д. Бордман высказал сомнения, являлся ли Эксекий создателем сюжета игры двух героев, хотя и не исключил этой возможности в том случае, если содержание сцены не зависело от текста[32].

---

[28] *Boardman J.* Exekias… P. 24.

[29] *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 74; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 315–316.

[30] Дополнительные критические замечания по этому вопросу см.: *Kurke L.* Op. cit. P. 261.

[31] *Boardman J.* Herakles, Peisistratos and Sons // RA. 1972. Fasc. 1. P. 57–72; *idem.* Herakles, Peisistratos and Eleusis // JHS. 1975. Vol. 95. P. 1–12; *idem.* Herakles, Peisistratos and Unconvinced // JHS. 1989. Vol. 109. P. 158. Об этом также см.: *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12–45; *он же.* Рождение Афины… С. 322–331 (с обширной дополнительной литературой).

[32] *Boardman J.* Exekias… P. 21.

Итак, в свете высказанной критики, предложенную К. Робертом трактовку сюжета относительно художественного происхождения темы игры Ахилла и Аякса следует считать верной. Правда один из его тезисов нуждается в дополнительной аргументации. Немецкий ученый полагал, что полную паноплию Ахилла и Аякса можно рассматривать в качестве надежного критерия локализации места игры – за пределами лагеря. Это утверждение было развито Г. Хедрином, указавшим, что во всех сценах, происходящих в лагере, вооружение героев ограничивается только копьем или мечом, а вместо доспехов они носят хитоны[33]. Однако подобный аргумент является весьма спорным для решения вопроса об определении местоположения героев, так как мастера черно-фигурного стиля не изображали воинов в хитонах[34]. Для иконографии троянских героев единственное исключение составляют сцены посольства к Ахиллу, где Пелид в знак отказа от участия в войне сидит в палатке, закутавшись в гиматий. Поэтому ахейские герои в черно-фигурной вазописи, если не предстают в героической наготе[35], всегда носят в лагере доспехи (примеры: жертвоприношение Поликсены[36]; Аякс в сцене посольства к Ахиллу[37]; Ахилл, везущий тело Гектора вокруг могилы Патрокла[38]). В хитонах герои начинают изображаться только в вазописи красно-фигурного стиля, к которому и относятся все приводимые Г. Хедрином памятники. Однако другое свидетельство, к которому взывает американский исследователь, является существенным аргументом в пользу определения К. Робертом места действия игры, а именно – изображение на многих памятниках пальмы – дерева, которое предполагает, что герои находились за стенами лагеря[39].

Разделяя интерпретацию К. Роберта и его тезис о существовании рассматриваемого сюжета в эпической поэзии, мы должны ответить на вопрос о значении самой игры. О чем же шла речь в этом мифе? Задавая этот вопрос, необходимо признаться, что без нарративных источников ответить на него со всей определенностью не представляется возможным. И все же, вазописные свидетельства, дающие общее представление о фабуле сказания, позволяют высказать некоторые суждения.

Ахилл и Аякс стоят на карауле, но за игрой не замечают нападения на ахейский лагерь троянцев. Из такого развития сюжета можно сделать вывод, что игра для героев являлась не просто приятным развлечением; она должна была иметь для них важное значение, иначе их поведение не находило бы должного объяснения. Речь должна была идти о каком-то споре, в который не преминула вступить сама Афина. Как представляется, единственным, что могло волновать двух сильнейших ахейских героев, являлся вопрос о первенстве. В качестве догадки эта мысль уже была высказана Г. Хедрином в опубликованной в 2001 г. монографии «Взятие

---

[33] *Hedreen G.* Op. cit. P. 98–100.

[34] Благодарность за обсуждение этого вопроса приношу А.М. Бутягину.

[35] О наготе как героическом «костюме» (обнаженное тело воина, шлем и щит) см.: *Hallet C.* The Roman Nude. Oxf., 2005. P. 14, 18; также: *Hurwit J.M.* The Problem with Dexileos: Heroic and Other Nudities in Greek Art // AJA. 2007. Vol. 111. № 1. P. 51.

[36] *Boardman J.* ABFH. P. 37. Il. 57.

[37] *Kossatz-Deissmann A.* Op. cit. № 438 (с илл.).

[38] Ibid. № 586 (с илл.).

[39] *Hedreen G.* Op. cit. P. 101–102.

Трои»[40]. В этом случае появление Афины становится обоснованным. Богиня отдает пальму первенства своему избраннику – Ахиллу, а затем, в споре за доспехи Ахилла, дарует ее Одиссею.

Однако такое понимание сказания сопряжено с важным вопросом: каким образом или в какой связи могла возникнуть проблема сюжетного обоснования первенства Ахилла над Аяксом? Гомер прямо называет Ахилла первым, а Аякса вторым героем в войске Агамемнона (*Il.* II.768–769; XVII.279–280; *Od.* XI.550–551). Правда из этого еще не следует, что лидерство Ахилла не могло оспариваться. В «Одиссее» феакский аэд Демодок поет песню о том, как между Ахиллом и Одиссеем «…однажды на жертвенном пире великом / Распря в ужасных словах загорелась…» (перев. В.А. Жуковского – VIII.76–77). В схолии к поэме сообщается, что этот спор произошел после смерти Гектора и что в его основе лежал вопрос: какая должна быть дальнейшая стратегия войны против Трои: может ли город быть взят силой, носителем которой является Ахилл, или хитростью, которой наделен Одиссей (*Schol. ad Hom. Od.* VIII.75, 77)[41]? В дальнейшем, после смерти Ахилла, та же самая проблема решалась в споре за его доспехи. Только на этот раз соперником Одиссея выступил Аякс. Победа Одиссея сделала его новым вождем, что, в свою очередь, привело к созданию Троянского коня и, в итоге, – ко взятию города[42]. Но если Одиссей мог претендовать на главную роль среди ахейцев, предлагая свою стратегию ведения войны, то Аякс не имел оснований оспаривать первенство перед Ахиллом, так как был более слабым героем. Кажется, что подобный вывод сам собой опровергает правомерность предложенной интерпретации сюжета. Однако если взглянуть на игру двух героев не под углом развития событий Троянской войны, а с точки зрения пересечения двух традиций об Ахилле и Аяксе, то тогда спор за лидерство между двумя героями получает обоснование.

Еще в начале прошлого века выдающийся немецкий ученый Э. Бете высказал мнение, что, по древнейшей традиции, убийцей Гек-

---

[40] Разделяя позицию Г. Хедрина относительно понимания этого сюжета (*Hedreen G.* Op. cit. P. 97), следует также отметить мнение Э. Вермеуль, которая, указывая на заимствование игры в шашки из Египта в VII в. до н.э. (о существовании к этому времени в Греции настольных игр свидетельствует указание Гомера: *Od.* I.105) и на синхронное появление практики положения игральных досок и игральных костей в могилы, выступила с утверждением, что этот новый вид игры, также как и в Египте, имел эсхатологическое значение (*Vermeule E.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley; Los Angeles, 1979. P. 80–82). Правда, с само́й интерпретацией сцен игры Ахилла и Аякса, предложенной Э. Вермеуль, трудно согласиться. Исследовательница высказала гипотезу, что эти сцены могли являться метафорой психостасии – взвешивания душ. Такая трактовка сюжета входит в противоречие с мифом: Ахилл умирает раньше Аякса, в то время как игра, с тем значением, которое вкладывает в нее исследовательница, должна была подразумевать противоположное, если учесть, что Ахилл побеждает Аякса. И все же, учитывая археологические свидетельства, нет оснований отрицать возможность того, что при появлении в Греции новой игры с эсхатологическим значением, в художественной традиции сказание об игре двух ахейских героев могло приобрести семантику смерти. Вопрос, кому быть первым героем – Ахиллу или Аяксу – неразрывно связан с идеей героической смерти. Каждый из двух героев погибает под Троей, но с той существенной разницей, что Ахилл, будучи сильнейшим героем, умер, совершив великий подвиг – убийство Гектора, приобретя тем самым неувядаемую славу, в то время как Аяксу, являющемуся только вторым воином после Ахилла, уготовлена была бесславная смерть.

[41] Подробное обсуждение этого вопроса см.: *Nagy G.* The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. L., 1981. P. 42–58; также: *Hedreen G.* Op. cit. P. 173–175.

[42] *Hedreen G.* Op. cit. P. 176–181.

тора был Аякс. Эта гипотеза была поддержана целым рядом исследователей[43].

В седьмой песне «Илиады» Гомер рассказывает о поединке Аякса с Гектором (VII.206–305). Описывая сражение, поэт говорит, что Аякс жерновым камнем проломил насквозь щит Гектора, ранил его колена (βλάψε δέ οἱ φίλα γούναθ' – ibid. 271), и тот упал на спину, придавленный под тяжестью камня щитом, но Аполлон тотчас поставил его на ноги (ibid. 270 sqq.). Противоречие здесь очевидно: с одной стороны, указывается на удар камня в щит, а с другой – на ранение коленей. Выражение «ослабить колени» (или «сокрушить колени») у Гомера является устойчивой формулой и означает убийство противника[44]. Так, например, о Диомеде поэт говорит, что «и многих и сильных ослабил он колени» (πολλῶν τε καὶ ἐσθλῶν γούνατ' ἔλυσεν – *Il.* V.176). Подобное определение встречается еще восемь раз в «Илиаде» (XI.579; XIII.360, 412; XV.291; XVI.425; XVII.349; XXII.335; XXIV.498) и три раза в «Одиссее» (XIV.69, 236; XXIV.381). На этом основании надо полагать, что в исходном варианте сказания Гектор был убит Аяксом[45]; но в дальнейшем при создании нового мифа – о гибели троянского героя от руки Ахилла – оно было изменено путем подмены формулировки «ослабить колени» на «повредить колени» и введением в сюжет Аполлона, спасшего Гектора[46].

Правда, можно было бы предположить, что выражение «повредить колени» у Гомера используется в переносном значении, как и выражение «ослабить колени». Тогда все встало бы на свои места. Аякс кидает в Гектора огромный камень, пробивает им щит и «повреждает» колени Приамида, то есть обессиливает противника могучим ударом, так что тот падает наземь и оказывается придавленным щитом. Тут же Аякс нанес бы ему последний, смертельный удар, если бы не своевременная помощь Аполлона.

Однако против такого прочтения этих строк свидетельствует отсутствие формульного характера выражения «повредить колени», которое у Гомера, равно как и в других эпических источниках, больше ни разу не встречается и поэтому выглядит искусственным. Подобная искусственность становится особенно заметной, если обратить внимание, что применительно к тем ситуациям, когда герои находятся на краю гибели, поэт использует аналогичные формульные выражения, что и при описании смерти: «черная ночь затмила взор» Энея (ἀμφὶ δὲ ὄσσε κελαινὴ νὺξ ἐκάλυψεν – *Il.* V.310; эта же формула: XI.356), «глаза [Сарпедона] покрыла тьма» (κατὰ δ' ὀφθαλμῶν κέχυτ' ἀχλύς – V.696; эта же формула: XVI.344; XX.421; *Od.* XXII.88). Другой пример: описывая в четырнадцатой песне «Илиады» поединок Гектора с Аяксом, Гомер говорит, что в результате удара камня «черная

---

[43] *Bethe E.* Die trojanische Ausgrabungen und die Homerkritik // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1904. Bd. 13. S. 1–11; *Wecklein N.* Epikritische zur Homerischen Frage // SBMünch. 1923. Bd. 6. S. 23; *Cauer P.* Grundfragen der Homerkritik. Leipzig, 1921. Hft. 1. S. 263–264; *Клейн Л.С.* Анатомия Илиады. СПб., 1998. С. 179.

[44] По мнению Р. Онианса, колени у древних греков считались одним из вместилищ жизненной силы (*Онианс Р.* На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М., 1999. С. 187–191).

[45] Ср.: *Bethe E.* Op. cit. S. 10.

[46] *Клейн Л.С.* Указ. соч.

ночь затмила взор» Приамида (οἱ ὄσσε νὺξ ἐκάλυψε μέλαινα – *Il.* XIV.438 sq.). При этом поэт сравнивает падение Гектора с падением дерева (с тополем, ясенем, сосной, дубом и оливковым деревом), то есть использует устойчивую метафору гибели героя (*Il.* IV.482; XIII.178; 389–390; XVI.483–485; XVII.53). Во всех указанных случаях герои, однако, выживают. Энея спасает Афродита, чудесным образом возвращается жизнь к Сарпедону, Гектора наделяет огромной силой Аполлон.

Иными словами, для того, чтобы подчеркнуть, что удар Аякса не был смертельным, Гомеру вовсе не требовалось видоизменять устойчивую формулу[47]; он мог использовать выражение «ослабить колени», говоря всего лишь о близкой гибели героя, и помощь Аполлона (если допустить, что его участие в этой сцене было изначальным) была бы достаточным объяснением тому, каким образом Гектор избежал смерти. Но если поэт хотел отмежеваться от первоначальной традиции, то ему неизбежно следовало перефразировать формулу. В этом случае в исходном варианте Аякс нанес Гектору удар камнем в грудь, проломив щит, и тем самым «ослабил колени»[48]. В дальнейшем, по-видимому, Гомер видоизменил выражение и в итоге наделил его буквальным значением, в результате чего возникла видимая несогласованность в указании места удара камня: с одной стороны, он приходится на щит, о чем прямо сообщает поэт, а с другой – в колени, что имплицитно подразумевается содержанием фразы[49].

Однако если исследователи признали существование первоначального мифа, согласно которому Гектор был убит Аяксом, то по вопросу определения места столкновения двух героев их мнения разошлись.

---

[47] О поэтических формулах в эпической поэзии см.: *Parry M.* The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry / Ed. by *A. Parry*. Oxf., 1971; *Лорд А.Б.* Сказитель. М., 1994. С. 42–83; *Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959. P. 220–230; *Kirk G.S.* The Songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 59–68; *idem.* The Iliad: Commentary / Ed. by *G.S. Kirk*. Vol. 1: Books 1–4. Cambridge, 2004. P. 24–30; *Hoekstra A.* Homeric modifications of Formulaic Prototypes. Studies in the Development of Greek Epic Diction. Amsterdam, 1965; *Hainsworth J.B.* The Flexibility of Homeric Formula. Oxf., 1968; *Bowra C. M.* Homer. L., 1972. P. 10–37; *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 138–150; *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 243–254; *Sacks R.* The Traditional Phrase in Homer. Two Studies in Form, Meaning and Interpretation. Leiden; New York; København; Köln, 1987; *Nagy G.* Greek Mythology and Poetics. Ithaca; London, 1996. P. 18–35 (русский перевод: *Надьод Г.* Греческая мифология и поэтика / Пер. Н.П. Гринцера. М., 2002. С. 37–58).

[48] В этой связи трудно согласиться с утверждением Л.С. Клейна, что по первоначальному варианту сказания удар камня пришелся на колено Гектора (*Клейн Л.С.* Указ. соч.).

[49] Следует, конечно, признать, что изменение формулы теоретически могло произойти в результате оговорки сказителя или могло быть вызвано требованиями метрики. Однако это менее вероятно. Иначе невольно возникает вопрос, почему изменение формулы из тринадцати указанных случаев ее использования у Гомера приходится именно на противоборство Аякса и Гектора, являющееся, по мнению П. Кауэра, древней и часто варьирующейся эпическими сказителями темой (*Cauer P.* Op. cit. S. 263). Так, помимо единоборства, описанного в седьмой песне, в «Илиаде» Аякс и Гектор еще семь раз сталкиваются на поле боя (XIII.190–193, 809–832; XIV.402–419; XV.415–418; XVI.415–418, 458–459; XVII.304). Поединок, описанный в четырнадцатой песне, дублирует сражение, разворачивающееся в седьмой песне: Аякс кидает огромный камень в щит Гектора, ранит его грудь; в следующий момент Приамид падает наземь и только своевременная помощь троянцев (вместо помощи Аполлона), вынесших его с поля боя, спасает героя от неминуемой гибели. Само падение Гектора сравнивается с дубом, валящимся с корнем под сокрушительным ударом Зевса (XIV.414–416). По вопросу интерпретации этой метафоры см.: *Janco. R.* The Iliad: Commentary / Ed. by *G.S. Kirk*. Vol. 4. Books 13–16. Cambr., 2004. P. 214–215. № 414–417.

Э. Бете отнес сказание о поединке Гектора и Аякса к древнейшей традиции о Троянской войне[50]. Это мнение разделил Н. Веклейн[51]. Против такой гипотезы выступил П. Кауэр, считавший, что в этом случае вся композиция «Илиады» потребовала бы перестройки. Исследователь высказался в пользу фиванского происхождения сказания, что подтверждается, по его замечанию, фиванским происхождением Гектора[52]. Такую позицию по этому вопросу занял Л.С. Клейн[53].

Как представляется, предположение Э. Бете не выглядит невероятным. Сказания о Троянской войне, судя по всему, появились уже в микенскую эпоху[54]. Соответственно, эпическая традиция по мере развития могла претерпеть самые серьезные изменения. И все же более правдоподобной является гипотеза П. Кауера в виду следующих свидетельств. Индивидуальным атрибутом Аякса является башнеобразный щит, имевший распространение в раннемикенскую эпоху (1600–1400 гг. до н.э.). Принимая во внимание этот факт, Д. Пейдж высказал мнение, что Аякс являлся самостоятельным героем еще до возникновения сказания о Троянской войне. С другой стороны, в каталоге кораблей об Аяксе упоминает всего лишь один стих, где сообщается о приведенных героем под Трою двенадцати кораблях с острова Саламина (*Il.* II.557). По замечанию Д. Пейджа, это свидетельствует о том, что первоначально Аякс отсутствовал в каталоге и упоминание о нем было добавлено позднее[55].

В этой связи игра двух героев как спор за первенство могла являться своеобразным средством размежевания Аякса и Гектора: троянского героя может убить только первый герой, которым Аяксу не суждено было стать, так как Афина даровала победу Ахиллу.

---

[50] *Bethe E.* Op. cit.

[51] *Wecklein N.* Op. cit. S. 23.

[52] *Cauer P.* Op. cit. S. 263–264. Фиванское происхождение Гектора еще до Р. Кауера отстаивал Э. Бете. Несмотря на поддержку гипотезы о фиванском происхождении Гектора со стороны ученых (*Клейн Л.С.* Указ. соч. С. 184 со списком литературы), в ее адрес были высказаны и критические замечания. Так, М. Нильссон, пытаясь опровергнуть одно из главных свидетельств фиванских корней Гектора – существование культа и могилы этого героя в Фивах, ссылается на античную традицию, уточняющую, что останки Гектора были перенесены в Фивы по повелению дельфийского оракула и должны были явиться залогом процветания города (Paus. IX.18.5; *Schol. in Lycophr.* 1204), что, по его мнению, доказывает позднее происхождение культа Гектора в Фивах (*Nilsson M.P.* Homer and Mycenae. L., 1933. P. 48). В действительности же приведенный М. Нильссоном аргумент свидетельствует скорее об обратном. Практика перенесения костей, имеющих апотропеическое значение, всегда осуществлялась только со стороны родного герою города: например, перенесение останков Ореста из Тегеи в Спарту по указанию дельфийского оракула или костей Тезея со Скироса в Афины. Поэтому появление оракула относительно захоронения останков Гектора в Фивах можно объяснить только в том случае, если исходить из предпосылки, что культ Гектора уже существовал в этом городе.

[53] *Клейн Л.С.* Указ. соч. С. 179–211.

[54] См.: *Nilsson M.P.* The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley; Los Angeles; London, 1972. P. 20–28; *idem.* Homer… P. 256–266; *Page D.L.* Op. cit. P. 218–261; *Kirk G.S.* The Songs… P. 105–125; *idem.* The Iliad… P. 11; *Wood M.* In Search of the Trojan War. L., 1985. P. 130–138; *West M.L.* The Rise of the Greek Epic // JHS. 1988. Vol. 58. P. 162; *Burgess J.* The Tradition of the Trojan War in Homer and the Epic Cycle. Baltimore; London, 2001. P. 2, 33–34; *Зайцев А.И.* Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // *Зайцев А.И.* Избранные статьи. Т. 2 / Под ред. *Н.А. Алмазовой, Л.Я. Жмудя.* СПб., 2003. С. 225.

[55] Гипотеза П. Кауэра согласуется и с мнением К. Роберта, согласно которому, до включения в сказание о Троянской войне Ахилла главным ахейским героем был Диомед (*Robert C.* Studien zur Ilias. B., 1901. S. 267–274).

Подобная фабула – игра двух героев во время несения караула – может показаться малозначительной для решения столь важного вопроса, как определение сильнейшего воина. Однако с точки зрения возможных последствий для Аякса именно такой сюжет являлся наиболее приемлемым. Это видно при обращении к мифу о споре Одиссея и Аякса за доспехи Ахилла. Согласно Гомеру, Фетида повелела отдать доспехи Ахилла лучшему герою, выбор которого осуществили троянцы по тайному наставлению Афины (*Od.* XI.547–548). В то же время присуждение доспехов одному герою вследствие признания его более высоких воинских заслуг неизбежно уязвляло другого. В результате между оскорбленным Аяксом и ахейскими вождями, хотя они и не выступали в качестве судей[56], возникла непреодолимая преграда, приведшая к самоубийству героя. Но если в конце войны помощь Аякса оказалась невостребованной ввиду того, что взятие Трои мог обеспечить только Одиссей, то в предыдущий этап войны, наоборот, участие Аякса являлось необходимым. Поэтому решение вопроса о первенстве в пользу Ахилла никоим образом не должно было уязвить Аякса. Мотив игры, в которой победу герою дарует сама Афина, позволял найти выход из сложившейся ситуации: с одной стороны, обосновать появление в ахейском стане нового вождя – Ахилла, и объяснить, почему Аякс не может быть таковым при его включении в новое сказание – о Троянской войне, а с другой – сохранить честь Аякса.

M.N. KHIMIN (SANCT-PETERSBURG)

ACHILLES AND AJAX PLAYING A GAME: THE PROBLEM OF IDENTIFYING THE STRONGEST HERO

Achilles and Ajax playing dice is a subject known only through a vase-painting, thus some scholars speculate that this story did not originate through epic tradition, but, rather, was created by visual artists. This interpretation, however, is unlikely for the following reason. In the earlier myths, it was Ajax who killed Hector, but later the epic was changed to have Achilles being the hero to bring Hector's downfall. Thus comes about the problem of identifying Achilles as the "first/foremost" hero in epics relating to Hector's death and explaining why Ajax could no longer be the hero to kill Hector. In order to explain that, it had to be shown that the stronger of the two heroes was Achilles and not Ajax. Thus, it is likely that the story about the game (which Achilles won) of two heroes in a Greek epic contained the abovementioned competition between Ajax and Achilles. Hence, the result of the game gave the answer to the question as to who is the best: because Ajax didn't become the "first" hero, he couldn't be the one to kill Hector.

[56] Согласно Гомеру, в качестве судей выступали троянцы, которые, по внушению Афины, отдали в споре предпочтение Одиссею (*Od.* XI.547–548).

Иллюстрации к статье М.Н. Химина

Рис. 1. Чернофигурная амфора (540–530 гг. до н.э.). Экзекий. Рим. Ватикан.

Рис. 2. Краснофигурная чаша (ок. 510 г. до н.э.).
Эпиктет. Флоренция. Археологический музей.

Рис. 3. Краснофигурная чаша (ок. 510 г. до н.э.).
Эвергид. Лондон. Британский музей.

II. ЭЛЛИНИЗМ

Н.Ю. Сивкина

«МОРСКАЯ ПРОГРАММА» ФИЛИППА V В 220–214 ГГ. ДО Н.Э.[1]

Флот Македонии никогда не был столь же сильным, как сухопутные войска, если не считать периода правления Антигона Гоната. В III в. Македония использовала тяжелые корабли, рассчитанные на абордаж и бортовой бой, во II в. крупные суда уже выходили из употребления, что объясняется скорее слишком большими материальными и людскими затратами, чем непригодностью их для боевых действий[2]. У Антигона Досона (229–221 гг.) были корабли[3], на которых он собирался отправиться в карийский поход в 227 г. Однако, как представляется, большого опыта в управлении флотом у македонян все-таки не было. Об этом говорит курьезный инцидент, произошедший в начале похода. По пути в Азию флот Антигона сел на мель около Ларимны в Опунтской Локриде. Ситуация была весьма деликатная, так как Антигон находился во враждебных отношениях с Беотией, а недалеко от места катастрофы находился отряд беотийской конницы под командованием Неона. К счастью для македонян, Неон не воспользовался их бедственным положением[4].

Македония, таким образом, располагала некоторым числом транспортных и военных судов, но их численность и опыт управления ими были недостаточными для развертывания широкомасштабных операций на море. Морская программа вообще была заброшена царем после 227 г.[5] Дело в том, что для казны содержание большого сухопутного войска, а также соразмерного с ним флота было слишком тяжелым бременем[6]. Помимо денег недоставало также квалифицированных кадров. Лишь в период Союзнической войны 220–217 гг. Филипп V начал воплощать в жизнь морскую программу и занялся строительством судов, однако не вполне успешно[7]. Македонский флот появится лишь в 201 г., но к этому времени изменятся сами цели проведения морских операций.

---

[1] Далее все даты указаны до н.э.

[2] См.: *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация / Перевод С.А. Ясковского. М., 1949. С. 72.

[3] *Errington R.M.* Geschichte Makedoniens: von den Anfängen bis zum Untergang des Königsreiches. München, 1986. S. 221. Подробнее см.: *Walbank F.W.* Macedonia and the Greek Leagues // CAH². 1984. Vol. 7. P. 460.

[4] *Walbank F.W.* Op. cit. P. 461.

[5] *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. 3. P. 364.

[6] Финансирование, направленное на строительство и содержание кораблей, было значительным, поскольку оно включало расходы не только на древесину, металлы, парусину и смолу, но и на укомплектование судов. Одно из свидетельств (ок. 200 г.) сообщает, что ежедневная стоимость содержания триремы была 330 драхм, что соответствовало годовой зарплате наемного воина: *Chaniotis A.* War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Oxf., 2005. P. 118.

[7] *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 167–173; *Errington R.M.* Op. cit. S. 221. К весне 216 г. было построено 100 лемб (Just. 29.4.1). Это были небольшие суда с одним рядом весел и без тарана; максимальное число воинов, которых могли принять 100 лемб – 6 000 человек. В открытом море несколько римских трирем без труда потопили бы всю сотню лемб. См.: *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 63–64.

В ходе Союзнической войны Филипп попытался осуществить морские операции. Полибий говорит, что для этого «суда были собраны, а македоняне научились обращаться с веслами» (V.2.11). Как верно подметил В.И. Кащеев, флот был именно «собран», а не построен[8]. А согласно Ливию, Филипп не построил ни единого судна (XXVIII.8.14). М. Олло показал, что к концу войны царь набрал всего около дюжины катафракт и около сорока легких судов[9]. Но последние – это легкие лембы, которые не могли меряться силами с боевыми кораблями. Для совместных же действий привлекались корабли союзников, в частности ахейские и иллирийские. Союзник Эллинской лиги иллирийский династ Скердилаид в начале войны предоставил Филиппу тридцать лодок (Polyb. IV.29.7).

После первого года войны молодой македонский царь окреп и как полководец, и как правитель. Под его контролем оказались земли в Пелопоннесе, он оценил преимущества мобильной переброски сил. Определенно, он должен был придти к мысли, что флот – не только в западных водах, а флот вообще – необходим для успешного ведения и мирных, и военных дел. Вероятно, справедливо мнение Ф. Уолбэнка, что «морская программа Филиппа могла зародиться в ходе кампании 219 г. Царь был поражен потенциальными возможностями Эниад, которые он укрепил»[10]. Эта кампания открывала западный путь на Пелопоннес через Амбракию и Акарнанию, но нужны были лишь удобная база и флот. В ходе боевых действий Филипп получил Эниады и тем самым первая задача была решена. Можно также добавить, что подобный путь стал бы удачной альтернативой традиционной дороге через Фермопилы, которая могла быть блокирована врагами македонян, как это было с войсками Антигона Досона[11].

Тот факт, что македонские корабли оказались бы в Адриатике, вовсе не говорит об иллирийских и тем более италийских планах царя[12], хотя появление нового флота не осталось незамеченным римлянами. Целью македонского царя был разгром Этолии и пресечение действий этолийских пиратов, рейды которых вызвали эту войну. Только военный флот мог гарантировать свободу мореплавания в регионе и создать угрозу коммуникациям врага в Элиде и Этолии. С помощью флота Филипп мог высадиться на территории любого члена вражеской коалиции и разбить противника по одиночке. Поэтому, как гегемон лиги, в задачу которого входило обеспечение безопасности союзников, Филипп начал осваивать морское пространство. Правда новых кораблей, видимо, построено не было. Царь собрал старые македонские суда и флот союзников. Полибий говорит о его обращении к мессенцам, эпиротам, акарнанцам и Скердилаиду. Последний, в частности, предоставил 15 судов (Polyb. V.3.3; 4.3).

Обучив войско, Филипп, согласно Полибию, своей целью избрал Кефаллению (V.3.3–10). Выбор направления удара был не случаен. Исто-

---

[8] *Кащеев В.И.* Указ. соч. С. 168.

[9] *Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. (273–205). P., 1921. P. 158.

[10] *Walbank F.W.* Op. cit. P. 478.

[11] Этолийцы не позволили Досону пройти через Фермопилы в 224 г.; см.: Polyb. II.52.

[12] *Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 51; *idem.* Macedonia and the Greek Leagues. P. 478.

рик вполне обоснованно приводит мотивы царя. Кефалления была опорой этолийцев, на кефалленских кораблях они переправлялись на Пелопоннес. Кроме того, остров имел стратегическое положение, так как «лежал напротив Коринфского залива и господствовал... над Элидой, Этолией, Акарнанией и Эпиром» (V.3.7–10). Н. Хэммонд считает, что целью Филиппа было расколоть врагов[13]. По мнению Г. Бенгтсона, в ходе войны Филипп пытался покончить с морским разбоем, которым занимались жители Кефаллении[14]. На наш взгляд, допустимо предположение, что царь планировал создать на острове еще один опорный пункт, который вместе с Коринфом, Деметриадой и Халкидой стал бы «цепями Эллады», как их называли впоследствии (Polyb. XVIII.11.4–14). Ведь до сих пор западное побережье не было охвачено этими «оковами».

Осматривая Кефаллению, царь не сразу выбрал место для нападения. Он планировал высадиться под Проннами, которые располагались на юго-востоке острова. Кажется, первоначальное место высадки также свидетельствует о стремлении Филиппа захватить крепость и о его желании контролировать западное греческое побережье. Однако местность не благоприятствовала штурму, поэтому Филипп разбил лагерь у города Палы на западном берегу острова, начав его осаду (Polyb. V.3.3–10). Пала была крупным городом. Павсаний говорит, что жители его составляли четвертую часть населения Кефаллении (VI.15.7). Этим объясняется большое количество осадных машин, использованных Филиппом. Косвенным подтверждением размеров Палы является тот общий для всех мероприятий Филиппа факт, что он в каждой кампании стремился нанести удар по наиболее значимому центру (ср.: Polyb. IV.70–74; 78–80). Поэтому едва ли можно согласиться с Полибием, который представил выбор места осады на острове как случайный. Видимо, сопротивление жителей было довольно сильным. Характерно, что царь предлагал осажденным сдаться, продемонстрировав всю доставленную на остров боевую технику. Осаду он вел по всем правилам. Сюда привезли катапульты и камнеметы, воины рыли подкопы, вызвавшие впоследствии обрушение стены. Мирный исход осады был бы наиболее благоприятен для македонского вождя, прежде всего в плане моральном, а также в политическом. В глазах врагов Филипп устрашающе быстро мог бы превратиться из неопытного царя в победоносного полководца, а сделав Палы своей базой, он мог бы угрожать самой Этолии. Однако македонян ждала неудача: несмотря на три атаки, город взять не удалось.

Причина отступления македонян объясняется стремлением Филиппа воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами. Пока царь находился на острове[15], этолийский стратег Доримах с «половиной этолийцев» напал на Фессалию (Polyb. V.5.1). Дождавшись ухода основных сил противника, македонский царь переправил свои войска и вторгся в Этолию. Сокрушительный разгром Ферма и затем победоносный рейд по землям Лаконии вынудили Филиппа временно отложить план создания морских баз на западном побережье Греции.

---

[13] *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* Op. cit. P. 379.

[14] *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма / Пер. Э.Д. Фролова. М., 1980. С. 253.

[15] По мнению Н. Хэммонда (*Hammond N.G.L., Walbank F.W.* Op. cit. P. 379), Филипп высадился на Кефаллении в мае–июне.

К этому плану царь вернулся год спустя, когда война уже близилась к завершению. Пока собирался синедрион союзников, которому предстояло обсудить условия мирного договора, Филипп успел совершить плавание к Закинфу и «устроить дела острова» (Polyb. V.102.8–10). Хотя Полибий не сообщает подробностей этой операции македонского царя, однако можно предположить, что остров был ему подчинен и должен был в будущем стать морской базой для македонского флота. Известно, что в первую Македонскую войну Марк Валерий Левин взял приступом остров, но не его крепость (Liv. XXVI.24.15). Возможно, там находился македонский гарнизон, оставленный Филиппом в 217 г. на Закинфе.

Известно, что после завершения Союзнической войны в Греции в 217 г. и до битвы при Каннах, произошедшей летом 216 г., Филипп всю зиму строил и оснащал флот (Polyb. V.109.1–4). Летом 215 г. Филипп заключил союз с Ганнибалом (Liv. XXIII.39). Ливий сообщает, что в этот год Филипп не успел ничего предпринять против римлян; военные действия начались только следующим летом, т.е. в 214 г. (XXIII.39; XXIV.40). Выйдя в море летом 214 г., македонский царь направился к иллирийскому городу Аполлонии. Согласно Ливию (XXIV.40), он осадил город, но вмешательство римлян побудило его к отступлению, в результате которого Филипп потерял весь флот и вынужден был по суше вернуться в Македонию. Плутарх не сообщает подробностей уничтожения македонского флота. Он отмечает, что Филипп выступил против римлян, но лишился флота и потерпел полную неудачу (*Arat.* 51). Есть лишь указание, что после этого царь совершил еще одно насилие над мессенцами, разорив их страну. Вторжение в мессенские земли, подтверждаемое Полибием (VIII.10.1), произошло в конце 214 – начале 213 г.[16] Таким образом, данные Плутарха и Ливия, на первый взгляд, вполне можно совместить.

Существует, однако, и другая версия потери Филиппом флота. Излагает ее Полибий, который утверждает, что еще накануне битвы при Каннах Филипп, построив суда, двинулся к Аполлонии (V.109.4–6), но затем, испугавшись слуха о приближении римского флота, отступил (V.110.1–6). Это «позорное» событие сам Филипп объяснял необходимостью «устроения дел на Пелопоннесе» (V.110.6). Данный пассаж хронологически не соответствует версиям Ливия и Плутарха. Помимо расхождения в хронологии событий, данные свидетельства не совпадают и в некоторых частных фактах.

Ливий сообщает об осаде Аполлонии и о римской помощи городу (XXIV.40). Полибий, напротив, указывает, что Филипп до города не доплыл, повернув на полпути назад (V.110.1–4). Согласно Ливию, после неудачи под Аполлонией Филипп сжег остатки флота и направился в Македонию по суше (XXIV.40). Полибий же утверждает, что Филипп отступал по морю и плыл без остановки до Кефаллении (V.110.5). Кроме того, ни Ливий, ни Плутарх не упоминают объяснения Филиппа по поводу гибели флота. Полибий же намекает на какие-то события в Пелопоннесе (V.110.6). Таким образом, логичнее предположить, что источники сообщают о двух разных событиях, произошедших в 216 г. после битвы при Каннах и в 214 г. во время осады Аполлонии.

---

[16] См.: *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Gotha, 1899. Tl. 2. S. 471; *Roebuck C.* A History of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 83.

Столь явное стремление македонского царя к захвату Аполлонии не следует объяснять намерением Филиппа вытеснить римлян из Иллирии и установить собственный протекторат над ней. Обычно считается, что подобные планы мог внушить молодому царю иллирийский правитель Деметрий Фарский. Филипп V действительно мог прислушиваться к советам Деметрия, которые касались морского дела, но не тогда, когда речь шла о политическом курсе Македонии. До бегства в Македонию иллирийский авантюрист не один год занимался пиратством. Естественно, Деметрий знал иллирийское и греческое побережье, особенности кораблей, приемы ведения морского боя. Можно предположить, что Филипп принял его столь радушно и возвысил именно потому, что Деметрий был опытен в мореплавании. Стоит вспомнить, что морское дело после Антигона Гоната было фактически заброшено в Македонии. Молодой царь Филипп, создавая новую систему контроля над Грецией, нуждался в сильном флоте. Поэтому советы Деметрия, видимо, были ценными. Можно привести еще один аргумент в пользу последнего утверждения: когда македонский правитель в 216 г. занялся строительством кораблей для переброски сил к Аполлонии, он построил 100 лемб (Polyb. V.109.3–4). Иными словами, за образец был принят иллирийский тип кораблей.

Контроль над западным побережьем был задуман, прежде всего, для защиты греческого населения от иллирийских пиратов. Дело в том, что в конце Союзнической войны союзник Филиппа Скердилаид посчитал, что македонский царь не доплатил ему и напал на корабли бывших союзников. Позднее иллирийцы совершили вторжение в земли западной Македонии. Ближайшей заботой царя становилась война со Скердилаидом – нарушителем Общего Мира. Конечно, иллирийцы имели гораздо больший опыт в морском деле, чем македоняне. Неудивительно, что Филипп построил 100 лемб. Он намеревался блокировать пиратские рейды, делая ставку не на качество своего флота, а, скорее, на его количество. Перехват иллирийских судов должен был осуществляться вдали от греческого побережья. Единственным удобным местом для базирования македонских кораблей на севере могли быть лишь Аполлония или Эпидамн. Два похода Филиппа на Аполлонию, вероятно, следует объяснять тем, что он стремился закрепиться в стратегически важных пунктах Греции и на морском побережье. Это дало бы ему возможность быстрого реагирования как на социальные смуты, так и на враждебные акции противника. Такая система безопасности, если бы она приняла законченный вид, могла стать эффективным инструментом в руках Филиппа для сплочения греков под эгидой Македонии.

Таким образом, «морская программа» Македонии в начале правления Филиппа V охватывала, прежде всего, западную акваторию Греции. При этом мероприятия Филиппа заняли довольно значительный отрезок времени: Эниады были взяты и укреплены в 219 г., Закинф – в 217 г., флот строился в 216 г., походы на Аполлонию имели место в 216 и 214 гг. Столь длительный период реализации замыслов царя можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, македонский царь мог сосредоточиться лишь на восстановлении морской мощи Македонии. В 220–217 гг. шла Союзническая война, которая требовала его присутствия на театрах военных дей-

ствий. По завершении войны Филиппу пришлось защищать границы своего царства, затем улаживать конфликт на Пелопоннесе, который отвлек его во время первого похода на Аполлонию. К 214 г. международная ситуация уже была иной, и сложилась она не в пользу Македонии: с одной стороны, обострились отношения Филиппа с союзниками по Эллинской лиге[17], с другой стороны, римляне успели несколько оправиться от разгрома при Каннах, чтобы отправить помощь в Иллирию.

Во-вторых, военные действия, строительство кораблей и морских баз требовали значительных материальных затрат. Как известно, бюджет Македонии был гораздо скромнее, чем у других эллинистических государств. Заботу о безопасности Греции Филиппу приходилось возлагать на македонских налогоплательщиков, поскольку казны Эллинского союза не существовало.

Следует также вспомнить и тот факт, что основная цель морских столкновений в период эллинизма состояла не в том, чтобы установить господство на море одной державы (таких сил не имел ни один эллинистический правитель), а в том, чтобы предотвращать нападения вражеских и пиратских кораблей на торговые суда и прибрежные области[18]. Столь ограниченный масштаб действий обязывал города поддерживать гавани в хорошем состоянии и развивать необходимую инфраструктуру в тылу, то есть налаживать поставку материалов, продовольствия и оплачивать специалистов. Однако финансы греческих городов в условиях практически непрекращавшихся военных действий находились в довольно бедственном положении[19]. Естественно, ни один полис не мог обеспечить оборону всего побережья. Македонский бюджет тоже не мог выдержать такой нагрузки, поэтому создание морских баз требовало много времени.

Примечательно, что контроль за прибрежными городами можно было получить либо посредством союза и размещения в городе гарнизона, либо с помощью захвата. Филипп предпочитал последнее. В ходе Союзнической войны выбор царя был оправдан. В случае с Аполлонией Филипп не избрал другого пути, поскольку силовой метод решения проблемы казался ему наиболее эффективным. Дело, вероятно, в том, что этот полис был изначально ориентирован на Рим, и в случае кризисной ситуации надеялся получить помощь от римлян, а не от македонян. Филипп V воспринимался как агрессор, поэтому возможность заключения с Македонией равноправного союза, видимо, считалась нереальной.

Со своей стороны, македонский царь допустил значительный просчет: он делал ставку на внезапность нападения. Но в 216 г. его замысел провалился. Вторая попытка захвата Аполлонии вызвала вмешательство римлян. Филиппу следовало между 216–214 гг. провести основательную пропагандистскую работу, чтобы не только подчеркнуть те преимущества, которые греки могли извлечь из союза с Македонией и из создания

---

[17] На союзников имел огромное влияние ахейский стратег Арат. Отношения между ним и македонским царем испортились после попытки Филиппа разместить в Мессене гарнизон (Plut. *Arat.* 49). Кроме того, царь нанес оскорбление семье Арата, похитив жену Арата Младшего (ibid).

[18] *Chaniotis A.* Op. cit. P. 118.

[19] Подробнее об экономических аспектах войны в эллинистический период см.: *Chaniotis A.* Op. cit. P. 120–129.

Филиппом морских баз, но и для того, чтобы продемонстрировать свою «систему контроля» в действии. Однако война со Скердилаидом не принесла царю желаемых результатов. Никаких успешных операций по поимке пиратов проведено не было. А в 214 г. римская помощь Аполлонии положила конец «морской программе» Филиппа в западных водах.

NATALIA YU. SIVKINA (NIZHNIJ NOVGOROD)

"THE SEA PROGRAM" OF PHILIP V IN 220–214 B.C.

The fleet of Macedonia never was so strong, as land forces, except for a short period of the reign of Antigonus Gonatus. During the Social War Philip attempted to carry out sea operations, the purpose of which was creation of sea bases on the western coast of Greece. However, realization of the marine goals has occupied a long period of time as it required considerable financing. Besides, the king of Macedonia had no opportunity to be engaged only with restoration of the sea forces of Macedonia. In 214 B.C. the international situation changed, Roman help to Apollonia put an end to Philip's "sea program" in the western waters.

О.Л. Габелко

К ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КАППАДОКИИ: ЦАРСКИЙ ДОМ АРИАРАТИДОВ*

При наличии крайне ограниченного количества источников по истории эллинистической Каппадокии[1] изучение династической истории этого государства приобретает особо важное значение. Именно при обращении к данному предмету удается естественным путем свести воедино данные письменной традиции, эпиграфики и нумизматики, что помогает создать своего рода «каркас» остающейся во многом неясной политической истории страны. Разумеется, вполне самостоятельную ценность имеет и выяснение особенностей монархической формы правления в этом государстве, благодаря чему можно надеяться получить хотя бы приблизительное представление о синтезе и взаимодействии в каппадокийской государственности греко-македонских, иранских, местных анатолийских традиций. Такая работа отчасти уже проделана в содержательном исследовании канадского ученого Р. Салливана[2], но в нем анализируется только период I в. до н.э. – нач. I в. н.э., когда власть в Каппадокии перешла к представителям новой династии Ариобарзанидов. Представляется поэтому вполне логичным начать, что называется, *ab ovo*, обратившись к более раннему времени, когда власть в Каппадокии принадлежала царскому роду Ариаратидов. Отсюда вытекает главная задача данного исследования: синтезировать уже имеющиеся результаты, свести их воедино и создать целостную картину династической истории Каппадокии в IV–I вв. до н.э.[3] При этом основное внимание будет уделяться институциональному, а не чисто событийному аспекту (который, несомненно, заслуживает отдельного внимания).

О ранней истории Каппадокии сведений крайне мало. Практически ничего неизвестно о существовавшем здесь до персидского завоева-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05–01–01225а «Институты монархии в эллинском мире (V–I вв. до н.э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика». В основу данной статьи лег доклад, представленный автором на XV Сергеевских чтениях в МГУ в феврале 2007 г. Приношу глубокую благодарность моим друзьям и коллегам к.и.н. И.А. Ладынину, к.и.н. Э.В. Рунгу и к.и.н. Ю.Н. Кузьмину, сообщившим мне ценную информацию, которая была использована в работе над темой. Разумеется, все возможные ошибки и неточности в работе должны быть отнесены исключительно на мой счет.

[1] Основные письменные источники по исторической географии и этнической истории страны собраны и прокомментированы в весьма полезной работе: *Franck L.* Sources classiques concernant la Cappadoce // RHA. P., 1966. T. 78.

[2] *Sullivan R.D.* The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 1980. T. 2. Bd. 7. Tl. 2. P. 1125–1168.

[3] Отдельные аспекты этой темы рассмотрены в более ранних работах: *Panitschek P.* Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // RSA. 1987–1988. Vol. 17–18. S. 73–95; *Breglia Pulci Doria L.* Diodoro e Ariarate V. Confliti dinastici, tradizione e propaganda politica nella Cappadocia del II secolo A.C. // PP. 1978. Vol. 33. P. 104–129; *Günther L.-M.* Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I // AMS. Bd. 16. Studien zum antiken Kleinasien III. Bonn, 1995. S. 47–61; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 17–38; а также в некоторых исследованиях общего характера и работах по каппадокийской нумизматике (ссылки на них даются далее). В данной статье акцент будет делаться лишь на тех сторонах проблемы, которые не получили достаточной разработки. В частности, лишь беглое освещение получат вопрос о реальности притязаний Ариаратидов на родство с «семью персами», а также межгосударственный контекст династической истории Каппадокии.

ния государстве. Лишь недавно была высказана и, как кажется, довольно убедительно обоснована гипотеза об этнической принадлежности каппадокийцев – «левкосирийцев» греческих источников, которых, видимо, следует считать народом, родственным фригийцам и армянам[4] (что в принципе могло бы объяснить присутствие в государственной организации эллинистической Каппадокии каких-либо элементов, не связанных ни с греко-македонской, ни с иранско-ахеменидской политическими традициями). Отмечается также, что и само название *Katpatuka*, зафиксированное в персидских документах, не может быть причислено к собственно иранским (как об этом говорит, например, Полибий – F. 90)[5]. Иноплеменное по отношению к коренному населению Каппадокии происхождение Ариаратидов, как представителей персидского аристократического рода, должно постоянно учитываться при анализе внутренней и внешней политики каппадокийских царей и используемых ими пропагандистских установок[6].

Генеалогия Ариаратидов в том виде, как она изложена античными авторами (и Диодором прежде всего), несет на себе явные черты пропагандистской обработки. Когда же создана эта версия? Ранее исследователи нечасто задавались этим вопросом. Скорее всего, она была произведена при Ариарате V Филопаторе после переворота Ороферна[7]. Политическая ангажированность этой информации, разумеется, затрудняет работу с источниками и требует критического к ним отношения, но в то же время может дать представление о том, каковы были механизмы «конструирования» генеалогических связей, образов тех или иных представителей династии и трактовки критических событий в истории правящего дома этого государства. Обращает на себя внимание, в частности, что в развернутом рассказе Диодора речь нигде не идет о *campanax* Каппадокии: создается впечатление, будто местные правители обладали царским статусом едва ли не с самого начала своего появления на исторической арене, притом что они возводили свое родословие как к «семи персам», так и к Ахеменидам. Эти неясные моменты необходимо учитывать при попытках состыковать конкретную информацию Диодора с «выжимкой» из недошедшей до нас части его труда, сделанной византийским хронистом Георгием Синкеллом: Καππαδόκων βασιλεῖς ζ χρόνους ρξ

---

[4] *Немировский А.А.* Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // Oriens. 1999. № 6. С. 5–15.

[5] *Franck L.* Op. cit. P. 9. Note. 1 – с литературой.

[6] То же самое правомерно отмечено и для понтийской династии: *Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 1998. № 3. С. 106 (в данном отношении ирландский ученый оспаривает некоторые позиции П. Паничека, недооценивающего этот момент).

[7] Ариарат V зарекомендовал себя последовательным филэллином, и поэтому логично предположить, что именно по его заказу придворные (= греческие) историки занимались изысканиями в области родословия его династии (ср. отчасти близкую ситуацию с историей Вифинии, где, вероятно, основы династической пропаганды закладывались в правление филэллина Никомеда I: *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 217, 481). Начавшееся в правление Ариарата IV обострение отношений с Понтом (Понтийская война 182–179 гг. до н.э.) требовало разработки пропагандистской программы, которую можно было бы противопоставить агрессивным притязаниям понтийских царей и которая была окончательно оформлена при его сыне. К тому же рассказ Диодора, как будет показано далее, явно необъективен по отношению к Ариарату Филопатору, чей образ описывается исключительно светлыми красками, а подробное повествование сицилийца о династии Ариаратидов, судя по всему, оканчивается как раз на правлении Ариарата V (XXXI.21.1; 22.1; 19a.1).

διαρκέσαντες κατὰ τούτους ἤρξαντο τοὺς χρόνους, ὡς Διόδωρος (XXXI.19.9) γράφει – «Семь царей Каппадокии, <чье правление> длилось 160 лет, начали царствовать в это время, как пишет Диодор» (Sync. P. 322.6–7 Mosshammer).

Пожалуй, самый ранний по времени формирования фрагмент истории династии изложен Полибием, причем, поскольку он содержит очевидные расхождения с «официальной» версией Диодора, можно считать, что он еще не был включен в оформившуюся позднее пропагандистскую схему. Полибий сообщает, что некий перс (имя его в рукописях не сохранилось) получил во владение Каппадокию за доблесть, проявленную им на охоте, когда он спас ото льва царя Артаксеркса (или кого-то другого из персидских царей) (F. 90). Эта информация вполне выдержана в духе иранской «героической» традиции[8], но, тем не менее, она возводит начало династии к не столь уж раннему времени, максимум к V в. до н.э., что вряд ли могло устроить стремившихся повысить свой престиж Ариаратидов[9].

Этим обстоятельством, вероятно, и следует объяснить появление детализированной версии происхождения каппадокийского правящего дома, переданной Диодором. Сицилийский историк пишет: «Цари Каппадокии говорят, что они возводят свой род к Киру, <царствовавшему> у персов; утверждается также, что они – потомки одного из семи персов, убивших мага. Что до родства с Киром, то оно отсчитывается так. У Камбиза, отца Кира, была родная сестра по имени Атосса. У нее и царя Каппадокии Фарнака родился сын Галл[10], у него – сын Смердис, у Смердиса – Артамн[11], а у того – Анафас, человек выдающегося мужества и смелости; он-то и был одним из семи персов[12]. Таким образом они прослеживают родство с Киром и Анафасом, которому, как говорят, была за его мужество уступлена власть над Каппадокией, причем на условиях, что он не будет платить подати персам[13]. После его смерти ему наследовал его сын, носивший то же имя» (XXXI.19.1–2). Этот пассаж, несмотря на его очевидную пропагандистскую направленность, требует внимательного разбора[14]. Помимо того, Диодор, видимо, пользовался источни-

---

[8] П. Бриан отмечает другие сходные примеры (*Briant P.* Histoire de l'empire Perse de Cyros à Alexandre. P., 1996. P. 146). Аналогичные мотивы характерны для изложения биографии Митридата Ктиста и Митридата Евпатора (*McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 43–44; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 123).

[9] Предположение П. Паничека, согласно которому несохранившееся имя «некоего перса» следует восстанавливать как «Камисар» – имя отца Датама (*Panitschek P.* Op. cit. P. 88) – довольно сомнительно, поскольку Датам все-таки является фигурой, включенной в родовое древо Ариаратидов искусственно (о чем см. далее).

[10] Это имя остается непонятным; связь его с культом богини Ма, отождествлявшейся с Кибелой (жрецы ее святилища в Пессинунте именовались γάλλοι) (*Breglia Pulci Doria L.* P. 114–115. Note 34), представляется проблематичной.

[11] Не исключено, что это лицо может быть отождествлено с Ариарамном – сатрапом Каппадокии при Дарии I (по Ктесию) (*Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 113).

[12] О «семи персах» см.: *Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 114. Note. 30; *Briant P.* Op. cit. P. 119–121; 145–147 (причем французский ученый считает возможность отождествления Отана с Анафасом «в высшей степени гипотетичной», тогда как С.Ю. Сапрыкин сомнений в этом не выражает – *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 29–30).

[13] Возможно, здесь подразумевается тот же эпизод, о котором рассказывает Полибий (*Briant P.* Op. cit. P. 146).

[14] С.Ю. Сапрыкин, видимо, полностью принимает на веру версию Диодора, поскольку включает ее в генеалогическое древо понтийских и каппадокийских царей без каких-либо конкретных уточнений, хотя и не в том виде, как это должно следовать из источника; в частности, Атосса оказывается дочерью Кира Великого, а не его теткой, Смердис,

ком, в котором были допущены серьезные неточности (переписчиком?), которые невозможно объяснить пропагандистским характером данного родословия (это будет отмечено далее).

Прежде всего, разумеется, бросается в глаза «привязка» каппадокийских царей к Ахеменидам, однако выполнена она весьма небрежно. Отмечалось, что Ариаратиды оказываются с персидским царским родом во вторичном родстве – только через тетку Кира Атоссу, на которой женился «царь Каппадокии» Фарнак[15]. Личность последнего весьма загадочна: происхождение его не объясняется, но, видимо, он является «автохтонным» правителем, поскольку его царствование приходится на время *до* установления персидского господства над Каппадокией. При этом он носит имя из иранско-ахеменидского царского ономастикона. Пожалуй, дать сколько-нибудь убедительное объяснение этому пассажу не удается[16].

Далее, кажется совершенно непонятным, каким образом возможно «растянуть» правление Анафаса-младшего в период от начала господства в Каппадокии его отца (кон. V в. до н.э.) и до гипотетического прихода к власти здесь Датама: ведь это более ста лет! Возможное разрешение этого противоречия будет предложено далее.

Диодор продолжает: «Когда после его (Анафаса – сына Анафаса, «одного из семи персов». – *О. Г.*) смерти осталось двое сыновей, Датам и Аримней, власть унаследовал Датам, муж, прославленный и в войне, и во всем остальном, что приличествует царю. Он вступил в борьбу с персами и пал в битве, блестяще сражаясь[17]. Царство унаследовал его сын Ариамн, у которого родились сыновья Ариарат и Голоферн; он умер после пятидесяти лет царствования, не совершив ничего достойного упоминания. Власть наследовал старший из его сыновей, Ариарат; о нем сообщается, что он отличался нежной любовью к брату и возвысил его до самых выдающихся постов. Он отправился на помощь к персам, когда те воевали с египтянами, и возвратился с великими почестями, пожалованными ему за доблесть персидским царем Охом. Умер он в своей отеческой земле, оставив сыновей Ариарата и Ариса. Брат же его, властвующий в Каппадокии, не имея законных наследников, усыновляет Ариарата, старшего сына своего брата» (XXXI.19.2–4).

Важная проблема, связанная с эти отрывком, касается места и роли Датама в истории Каппадокии. Включение его в генеалогическое древо каппадокийской династии обычно считается фиктивным[18], однако как цель, так и средства этой манипуляции необходимо уточнить. Пожалуй, можно согласиться с Дж. Хорнблауэр, полагающей, что «компилятор

судя по схеме, состоял в браке с Артамном (?? – *О. Г.*), а существование Анафаса-младшего проигнорировано без каких-либо оговорок: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 37. При этом исследователь хотя и говорит о «полумифологическом» характере этой генеалогии (С. 38), все же полемизирует с мнением П. Паничека и Б. Макгинга, которые выражают сомнение в аутентичности сведений древних авторов о происхождении понтийской и каппадокийской династий от «семи персов» (С. 23–24). Наиболее подробно этот вопрос разобран в работе: *Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 110–117.

[15] *Panitschek P.* Op. cit. S. 81.

[16] В самых общих чертах можно согласиться с П. Паничеком, полагающим, что Фарнак появился в генеалогии Ариаратидов для подчеркивания «национальной каппадокийской» политической традиции (ibid. S. 88).

[17] Это сообщение приукрашивает образ Датама: как известно, он не погиб в битве, а был убит в результате покушения (Nep. *Dat.* 11; Polyaen. VII.29.1).

[18] *Fogazza G.* Datame di Cappadocia // PP. 1972. Vol. 27. P. 130–131.

попытался связать Ариарата, реального основателя династии каппадокийских царей, со знаменитым историческим лицом Датамом посредством прямого родства»[19]. Однако эту попытку трудно признать удачной. «Сын» Датама Ариамн – явно фиктивный персонаж[20]: его пятидесятилетнее правление никак не укладывается в период между смертью Датама (ок. 360 г. до н.э.) и гибелью Ариарата (I) в 322 г. до н.э. (в возрасте 82 лет!). Имя его, однако, выбрано не случайно: оно находит соответствие в приводимом Ктесием имени сатрапа Каппадокии при Дарии I – Ариарамн[21] (Ctes. FGrH. 688. Frag. 13), причем этот пассаж в последнее время оценивается как несущий в себе значительную долю историчности[22]. Связь Датама с собственно Каппадокией вообще довольно проблематична: как показал детально исследовавший его карьеру Д. Бинг, он был скорее сатрапом Киликии, а не Каппадокии, а последняя область могла быть дана ему Артаксерксом II в награду за активные действия по подавлению восстания[23]. В дальнейшем Датам, судя по всему, в основном действовал в северных районах Малой Азии (т.е. в Понтийской, а не Великой Каппадокии), и едва ли есть достаточные основания полагать, что он сам или тем более его сын Сисин действительно мог считаться каппадокийским правителем, как это полагает Дж. Хорнблауэр[24]. Что же касается «сына» Датама Ариамна, то он, скорее всего, по ошибке был перемещен переписчиком из того отрезка каппадокийской истории, который предшествует появлению на ее сцене Датама. В пользу этого свидетельствует, во-первых, близость имен Аримней и Ариамн[25], и, во-вторых, то, что Ариамн – «сын Ариарата» – умер, «не совершив ничего достойного упоминания» (μηδὲν ἔργον ἄξιος μνήμης πράξας): фраза, явно не вполне уместная в официальной генеалогии. Очевидно, автор – источник Диодора сам пребывал в некотором затруднении, пытаясь понять, почему о правлении этого персонажа ничего достоверного не известно.

Довольно неясная ситуация складывается и с Ариаратом, который обозначен в источнике как сын вышеупомянутого Ариамна и отец Ариарата (I). Из сообщения источника получается, что он действовал на стороне персидских властей, подавляя восстание египтян в кон. 340-х гг. до н.э. Разумеется, такой ход событий невероятен. Скорее всего, источник Диодора здесь вновь допускает ошибку, вводя в продолжительный период пребывания у власти в Каппадокии Ариарата I еще одного персонажа с таким же именем (что вполне возможно, если учесть длительность жизни и политической деятельности Ариарата I – Luc. *Macrob.* 13). Пожалуй, мы не ошибемся, если предположим, что в войне против египетских повстанцев участвовал уже сам Ариарат I: исходя из данных Лукиана, он должен был родиться в 404 г. до н.э., так что к указанному времени

---

[19] *Hornblower J.* Hieronymos of Cardia. Oxf., 1981. P. 241.

[20] Ср.: *Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 116.

[21] Диодор и в дальнейшем называет каппадокийского правителя III в. до н.э. Ариарамна Ариамном (XXXI.19.5).

[22] *Кошеленко Г.А.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГ. 1996–1997. М., 1999. С. 139–140.

[23] *Bing J.D.* Datames and Mazaeus: The Iconography of Revolt and Restoration in Cilicia // Historia. 1998. Bd. 47. Hft. 1. P. 49.

[24] *Hornblower J.* Op. cit. P. 241–242. Помимо того, что крайне сомнительной выглядит идентичность сына Датама с персом Сисином, упоминаемым Аррианом (*Anab.* I.25.3) и Курцием (III.7.11–15), остается неясным, для чего Ариаратидам могло понадобиться подчеркивать свое родство с правителем, сына которого они лишили власти.

[25] Что было отмечено Дж. Хорнблауэр: Op. cit. P. 241.

он уже миновал период своего акме. Под сомнение, таким образом, следует поставить и предполагаемый период правления Голоферна (Ороферна): для него просто не остается места[26].

Так почему же каппадокийские правители причислили Датама к своим предкам? Очевидно, им было выгодно ориентироваться на эту харизматическую фигуру для подчеркивания своих притязаний на власть в стране в противовес амбициям других представителей персидской знати, имевших определенные властные позиции в Каппадокии. К последним, в частности, может быть причислен сатрап Каппадокии и Ликаонии Митридат, занимавший этот пост во время похода десяти тысяч (Xen. *Anab.* VII.8.25). Его происхождение не вполне ясно, однако С.Ю. Сапрыкин полагает, что он был одним из родоначальников династии понтийских царей[27]. Сходное мнение высказано Н. Секундой, полагающим, что персидские правители Киоса из рода Ариобарзанидов были «младшей ветвью каппадокийской династии Митридатидов, представители которой направились в новые земли на запад»[28]. Если считать, что Митридат – сын Ариобарзана, убийца Датама (Nep. *Dat.* 10–11), действительно был связан родством с домом будущих царей Понта, то становится понятным, на каком основании этот род мог предъявлять притязания на Каппадокию: устранив Датама, Митридат наверняка получил от Артаксеркса II вознаграждение (как это и было оговорено заранее – *Dat.* 10), каковое могло проявиться в даровании Митридату Каппадокии, оказавшейся после смерти Датама «вакантным местом». Если это было так, то детали каппадокийской генеалогической схемы оказываются вполне понятными: Ариаратиды подчеркивали законность своих прав на господство в сатрапии, апеллируя к родству (видимо, мнимому) с Датамом и одновременно полностью отказывая в таких правах конкурирующему роду Митридатидов/Ариобарзанидов (потомкам убийцы Датама), противостояние с которым сохраняло свою актуальность и в ахеменидское время, и в III–II вв. до н.э. Этот вывод довольно близок к построениям С.Ю. Сапрыкина, однако здесь он получен совсем иным путем.

Кроме того, нельзя упускать из вида сообщение Страбона, что «македоняне захватили Каппадокию уже разделенной персами на две сатрапии» (τὴν δὲ Καππαδοκὶαν εἰς δύο σατραπείαν μερισθεῖσαν ὑπὸ τῶν Περσῶν παραλαβόντες Μακεδόνες – XII.1.4). Когда именно это разделение произошло, остается неясным[29], но сама такая мера открывала возможности для реализации властных притязаний различных персидских аристократических родов, и здесь было на что рассчитывать как Ариаратидам, так и Митридатидам. Не исключено, что к последним принадлежал и Митробузан, сатрап Каппадокии, погибший при Гранике (Arr. *Anab.* I.16.3).

Можно быть уверенными в том, что относительно достоверная история династии начинается с Ариарата I. Неясно, был ли он «узурпатором» власти в Каппадокии, как это полагает Дж. Хорнблауэр[30]. Однако явно не случайным выглядит упоминание Диодора о «великих почестях»,

---

[26] Ср.: *Reinach Th.* Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. P., 1888. P. 9, где говорится об удвоении персонажа с таким именем – также брата Ариарата (так звали сыновей Ариарата IV).

[27] *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 30–34.

[28] *Sekunda N.* Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // AchHist. III. P. 181.

[29] См., например: *Reinach Th.* Op. cit. P. 9; 57; *Baumbach A.* Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911. S. 58–59.

[30] *Hornblower J.* Op. cit. P. 242.

дарованных Ариарату за доблесть в борьбе против египтян. Возможно, именно с этой информацией следует связывать реальное утверждение в Каппадокии рода Ариаратидов: сатрапский пост мог быть пожалован Ариарату I за его верную службу царю (ср. с высказанным выше предположением о сути вознаграждения Артаксерксом II Митридата – убийцы Датама).

Во время похода Александра македонянам удалось достичь контроля только над южной частью страны[31], Ариарат же, удалившись в Понтийскую Каппадокию, пребывал в положении независимого правителя вплоть до своей гибели в 322 г. до н.э.

О правлении Ариарата I не известно больше ничего кроме того, что он чеканил монету с легендой на арамейском языке. Его монетным двором была Газиура в Понтийской Каппадокии (и, возможно, Синопа)[32]: южная часть страны пока что оставалась вне его контроля. И легенда, и сама стилистика монет[33] со всей очевидностью демонстрируют, что Ариарат воспринимал себя как представителя иранско-ахеменидской политической традиции, которую он намеревался отстаивать с оружием в руках. Не исключена его причастность к исчезновению из каппадокийской истории наместников Александра Сабикта (Arr. *Anab.* II.4.2) и Абистамена (Curt. III.4.1). Возможно, названные лица сменили друг друга на этом посту в течение 333–331 гг. до н.э., хотя не исключено, что античные авторы говорят об одном и том же человеке[34]. Арриан сообщает, что каппадокийцы под началом некоего Ариака вошли в войско Дария III в битве при Гавгамелах (*Anab.* III.8.5); вероятно, их предводитель приходился родственником Ариарату I или даже его родным братом, если допустить возможность путаницы в источниках между именами Ариак и Арис.

О гибели Ариарата I довольно подробно рассказывает Диодор, ориентирующийся в данном случае на Гиеронима Кардийского. «…Пердикка вместе с царем Филиппом и царским войском выступил походом на Ариарата, правителя Каппадокии (Καππαδοκίας δυνάστην). Ведь тот, поскольку македоняне на него не обращали внимания, так как Александр пренебрег им из-за борьбы с Дарием и <из-за других> дел, получил достаточно времени, управляя Каппадокией. Поэтому он, собрав значительные денежные средства благодаря доходам[35], создал большое войско – частью местное, частью наемное. Вследствие этого, домогаясь царской власти, он был готов противостоять Пердикке, имея тридцать тысяч пехоты и пятнадцать тысяч конницы. Пердикка же, вступив с ним в сражение, победил его в битве и до четырех тысяч убил, а свыше пяти тысяч захватил в плен, и в том числе самого Ариарата. И его вместе со

---

[31] О географическом аспекте событий см.: *Hornblower J.* Op. cit. P. 240; 242–243.

[32] О возможном чекане Ариарата в Синопе см.: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 30. Прим. 42 (с литературой).

[33] См. наиболее подробно: *Simonetta B.* Rafronto tra alcuni stateri di Mazaeus a Tarsus e le dramme di Ariarathes I di Cappadocia // Schweizer Münzblätter. 1975. Hft. 100. P. 91–95. На реверсе монет Мазея, сатрапа Киликии (ок. 361 – ок. 333 гг. до н.э.), изображен лев, терзающий лань, а на драхмах Ариарата – нападающий на лань грифон.

[34] *Berve H.* Das Alexanderreich auf der prosopographischen Grundlage. München, 1926. Bd. 1. S. 276. А. Босворт считает Сабикта каппадокийцем и предполагает, что он мог погибнуть в ходе персидского контрнаступления в Анатолии перед битвой при Иссе (*Bosworth A.B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 231).

[35] Быть может, этот пассаж означает, что Ариарат создал в подвластных ему землях какую-то фискальную систему?

всеми его родственниками он после истязаний распял» (XVIII.16.1–3). Несколько иначе сицилийский историк рассказывает об этих событиях в рамках «официальной» истории династии: «В это время Александр Македонский победил персов, а затем умер; и Пердикка, бывший тогда верховным военачальником, отправляет Эвмена наместником Каппадокии. Ариарат был разбит и пал в битве, а сама Каппадокия перешла к македонянам». Здесь вновь, как и в случае с Датамом, не акцентировано внимание на не вполне героических обстоятельствах гибели основателя династии. В то же время первая версия, восходящая к Гиерониму, нашла отражение и во многих других источниках (Arr. FGrH. 156. Frag. 1[36]; Hist. succ. Alex. I.11; Luc. *Macrob.* 13; App. *Mithr.* 8; Plut. *Eum.* 3; Just. XIII.6.1–3)

Вопрос о формальном статусе Ариарата I во время его независимости, к сожалению, пока не может быть разрешен с достаточной надежностью. Античные авторы определяют его по-разному. Диодор говорит о нем то как о царе Каппадокии (Diod. XVIII. Praef. 1.25–26; ср.: Just. XIII.6.1; Plut. *Eum.* 3.2; Luc. *Macrob.* 13 – со ссылкой на Гиеронима), то как о династе, правящем в Каппадокии и стремящемся к царской власти (Καππαδοκίας δυνάστην... κυριεύων τῆς Καππαδοκίας... βασιλείας ἀντιποιούμενος), Аппиан с опорой на Гиеронима – как о правителе (Καππαδοκίας ἡγούμενον – *Mithr.* 8). Очевидно, каких-либо определенных выводов здесь сделать невозможно: как и во многих других случаях[37], словоупотребление древних историков здесь слишком расплывчато. Поэтому нет надежных оснований считать, будто Ариарат действительно мог провозгласить себя царем, опередив в этом отношении диадохов, хотя О. Мюллер весьма обоснованно замечает, что он действовал в общих чертах так же, как и они: его власть носила харизматический характер, строилась на богатстве и значительной военной силе[38] (и, можно добавить, складывалась она в пределах его наследственных владений).

После Ариарата I Каппадокией управлял сначала Эвмен (до своей гибели в 316 г. до н.э.), затем – Никанор, назначенный Антигоном Монофтальмом (App. *Mithr.* 8), а после гибели последнего страна перешла под контроль Селевка I: Аппиан перечисляет Каппадокию в числе подчиненных Сотером областей (Καππαδοκίας τῆς Σελευκίδος λεγομένης – *Syr.* 55). К сожалению, о характере и продолжительности селевкидского контроля над Каппадокией практически ничего неизвестно.

Завершив рассказ о гибели Ариарата I, Диодор продолжает: «Ариарат, сын прежнего царя, потеряв в этом положении надежду, вместе с немногими <приближенными> удалился в Армению. Спустя немного времени, когда Эвмен и Пердикка погибли, а Антигон и Селевк были отвлечены <другими делами>, он, взяв войско у царя армян Ардоата, убил македонского стратега Аминту, а македонян быстро изгнал из страны и вновь приобрел отеческую державу» (XXXI.19.4).

Поскольку сообщаемая сицилийским историком информация довольно противоречива, существуют различные версии относительно времени победоносного возвращения Ариарата II в Каппадокию. Одна

---

[36] Здесь говорится о двух победах, одержанных Пердиккой.

[37] См. анализ употребления понятий δυνάστης и βασιλεύς Диодором: *Kobes J.* "Kleine Könige". Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr). St. Katharinen, 1996. S. 7–24.

[38] *Müller O.* Antigonos Monophthalmos und "Das Jahr der Könige". Bonn, 1973. S. 112–113.

из них относит это событие примерно к 266 г. до н.э., что связывается и с принятием представителями каппадокийской династии царского титула, исходя из данных Синкелла (при этом следует учитывать, что дата окончания правления Ариаратидов тогда еще была совершенно не выяснена)[39]. В этом случае, однако, возникают трудноразрешимые проблемы с количеством царей – представителей каппадокийской династии: к семи, упоминаемым Синкеллом (причем и это число должно быть получено, как будет показано далее, в результате «вычитания» кого-то одного из ряда каппадокийских монархов, пребывавших на престоле в кон. III – нач. I в. до н.э.), будет необходимо прибавить еще двух: Ариарата II и его преемника Ариармна. Кроме того, несмотря на всю расплывчатость информации Диодора, в этом случае остается совершенно непонятным, к чему он упоминал в контексте возвращения Ариарата не только Эвмена, но даже и Антигона с Селевком, со времени смерти которых прошло уже несколько десятилетий. Наконец, как было показано в основательном исследовании немецкого антиковеда М. Шоттки, армянский царь Ардоат (Оронт) никак не мог находиться у власти в 260-х гг. до н.э.[40], что заставляет отказаться от этой версии.

Противоположное мнение основано как раз на упоминании Антигона Монофтальма в связи с возвращением Ариарата в Каппадокию. Если считать, что Антигон еще был на тот момент жив, то следует полагать, что Аминта был именно его наместником в Каппадокии, а Ариарат одержал победу над ним до 301 г. до н.э.[41] Эта точка зрения выглядит вполне логичной, но и у нее есть слабые места. В частности, остается неясным, когда Селевк смог бы установить контроль над Каппадокией, если Ариарат вернул себе отеческую державу уже к концу IV в. до н.э. (хотя, разумеется, нельзя исключать вероятность того, что «Каппадокией Селевкидой» называлась только часть – вероятно, южная – территории страны, подвластная Селевку Никатору)[42]. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Ариарат II остается единственным из правителей каппадокийской династии, чьи монеты до сих пор не обнаружены[43]; веро-

---

[39] *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Leipzig, 1925. Bd. 4. S. 671; *Bengtson H.* Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1943. Bd. 2. S. 77; см. также возврат к этой точке зрения в новой работе: *Grainger J.D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 76.

[40] *Schottky M.* Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 93–94; 99–100.

[41] *Дройзен И.Г.* История эллинизма. М., 1890–1893. Т. 3. С. 57; Cappadocia / Ed. by *M. Sözen*. Istanbul, 1998. P. 199: здесь говорится о том, что Аминта, наместник Антигона, был разбит Ариаратом в долине Кызыл-Ирмака (Галиса), а позже армия Селевка потерпела поражение в южной Каппадокии, но Ариарат, несмотря на это, оставался в зависимости от Селевкидов; разумеется, в этом пассаже слишком много недоказуемых допущений. См. также: *Simonetta B.* The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg, 1977. P. 16; *Strobel K.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. B., 1996. S. 210. Anm. 226. А. Мель полагает, что часть Каппадокии под управлением Ариарата II могла сохранять независимость по результатам раздела владений Антигона в 301 г. до н.э. (*Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 213. Anm. 77).

[42] По мнению А. Меля, Селевк мог получить восточную и юго-восточную части Каппадокии после раздела владений Антигона в 301 г. до н.э. (op. cit. S. 212–214). В течение некоторого времени в конце правления Селевка в Каппадокии чеканились его монеты (*Newell E.* The Coinage of the Western Seleucid Mints. N. Y., 1941. P. 239).

[43] Атрибуция ему бронзовой монеты с арамейской легендой Т. Рейнаком оспорена Б. Симонеттой (The Coins... P. 16).

ятно, он правил относительно недолго и поэтому не успел организовать собственный монетный чекан, а это заставляет усомниться в возможности его пребывания у власти уже с 301 г. до н.э.

Остается последняя возможность: возвращение Ариарата II в Каппадокию состоялось еще при жизни Селевка I (скорее всего, в самом конце ее), чья смерть и представляет собой *terminus ante quem* прихода Ариарата к власти[44]. Вероятно, Ариарат умер приблизительно на рубеже 280-х – 270-х гг. до н.э. Согласно Диодору, «Из трех его сыновей унаследовал власть старший, Ариамн. Он, заключив брачный союз с Антиохом, прозванным Теосом, устроил брак его дочери Стратоники со своим старшим сыном Ариаратом. Будучи чрезвычайно чадолюбивым, он возложил диадему на своего сына и правил совместно с ним, разделив на равных все преимущества царской власти. По смерти отца Ариарат правит самостоятельно…» (XXXI.19.5–6). Ариарамн, судя по всему, пребывал у власти в течение довольно продолжительного времени. До нас дошли его бронзовые монеты, на которых приведена именно эта верная форма его имени[45]. Начало правления Ариарамна с точностью определить невозможно; вероятно, он пришел к власти спустя какое-то время после гибели Селевка, поскольку при его отце, как было показано выше, последний диадох был еще жив[46].

Именно в правление Ариарамна произошло чрезвычайно важное событие, позволившее правителям Каппадокии добиться формально равного статуса с великими эллинистическими державами и прежде всего с Селевкидами. О. Мюллер справедливо замечает, что основанием для признания Ариаратидов царями послужило предшествующее усиление их государства[47], а случилось это в результате установления брачно-династических связей с сирийским царским домом (первый случай, когда нам оказывается известным имя супруги каппадокийского правителя!). Кроме Диодора, о данном событии сообщает также Евсевий (*Chron.* I. 251 Schoene): *Filios habuit (habebat) II: Seleukum cognomento Kalinikum, et Antigonum; filias II: ex Laodike Akhaei filia, quarum (e quibus) unam Mithridates, alteram vero Arathes uxores duxerunt*[48].

Вообще, вопрос о том, от какого события и даты ведется отсчет лет правления каппадокийской *царской* династии, представляет значительный интерес как с чисто фактологической точки зрения, так и в плане выяснения и реконструкции тех политико-правовых норм, которые использовались Ариаратидами для выравнивания своего статуса с македонскими владыками и могли быть восприняты другими представителями правящей элиты малоазийских государств. Прежде всего, недавно

---

[44] См.: *Schottky M.* Op. cit. P. 93–94.

[45] На аверсе монет изображен портрет Ариарамна в кожаном шлеме, на реверсе – всадник или конь, обращенные вправо; имя приведено без царского титула. На некоторых монетах указано место их чеканки – Тиана (*Mørkholm O.* The Classification of Cappadocian Coins // NC. 1969. 7-th ser. Vol. 9. P. 21–23; *Simonetta B.* The Coins… P. 16–17. Pl. I. 3–8).

[46] Не исключено, что Ариарат II или Ариарамн одержал победу над стратегом Селевка Диодором (Trog. *Proleg.* 17); см. обоснование: *Габелко О.Л.* Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. 2005. № 3. С. 135. Прим. 28.

[47] *Müller O.* Op. cit. P. 127.

[48] «Сыновей имел (Антиох II) двух: Селевка, прозванного Калиником, и Антигона (под Антигоном подразумевается Антиох Гиеракс. – *О. Г.*); дочерей двух от Лаодики, дочери Ахея, из которых одну взял в жены Митридат, другую Арат (т.е. Ариарат III Каппадокийский. – *О. Г.*)».

была предпринята попытка показать, что в информацию Диодора и Евсевия вкралась ошибка: замуж за Ариарата была выдана не *дочь* Антиоха Стратоника, а его одноименная *сестра*; дочь же царя была выдана замуж за сына Антигона Гоната – будущего царя Деметрия II Македонского (в сер. 250-х гг. до н.э.)[49]. При таком допущении удается легко устранить целый ряд остававшихся неразрешимыми до сих пор противоречий, связанных с брачно-династической политикой эллинистических государств.

В прежних работах считалось, что поводом к началу отсчета правления каппадокийских царей Георгием Синкеллом должно считаться возвращение Ариарата II в Каппадокию и изгнание им македонян из страны, что относилось к 260-м – 250-м гг. до н.э. (критика этого взгляда была дана выше). К. Прео отмечает, что Ариарат III провозгласил себя царем ок. 255 г. до н.э., после чего женился на сестре Селевка II[50], хотя причина и следствие здесь, видимо, перепутаны. Р. Биллоуз полагает, что Ариарат III одержал победу над галатами, что и дало ему повод провозгласить себя царем ок. 255 г. до н.э.[51] (тем самым он мог явить прецедент к аналогичной акции Аттала I Пергамского). Развивает эту точку зрения М. Сартр, считающий, что Ариарат III мог одержать какую-то значимую военную победу, после чего Антиох II согласился выдать за него дочь и уступить ему Катаонию[52]. Наконец, А.С. Балахванцев совсем недавно высказал сходное предположение о том, что для Ариарата брак с представительницей царского дома Селевкидов не должен считаться предлогом для принятия царского титула после прихода к власти (прецедентов чему в истории эллинизма вроде бы не имеется); по его мнению, Ариарат III мог быть провозглашен царем в результате присоединения им Катаонии, как об этом говорит Страбон (XII.1.2) (причем военным путем), что соответствует как чисто иранским, так и общеэллинистическим представлениям о монархе – победоносном воине[53]. Едва ли эти мнения убедительны, чему можно привести целый ряд доказательств.

Прежде всего, в источниках не существует никаких подтверждений тому, чтобы кто-то из правителей Каппадокии в 60-х – 50-х гг. III в. до н.э. одержал какую бы то ни было значительную военную победу (помимо изгнания македонян из страны, которое, однако, произошло значительно раньше). Еще более существенно другое: в Каппадокии в это время еще продолжал править Ариарамн, а его сын оставался лишь наследником престола. Данные Диодора, приведенные выше, однозначно свидетельствуют, что к моменту заключения своего брака Ариарат III ни в коей мере не мог считаться самостоятельной политической фигурой – скорее всего, по той простой причине, что он был еще довольно юным; тем более невероятно, чтобы он мог одержать какую-то важную военную победу (царский титул, как будет показано далее, фигурирует не на всех

---

[49] *Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н.* О некоторых загадках династической истории эллинистических государств // SH. 2005. Вып. 5. С. 52–67.

[50] *Preaux C.* Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romain de la Grèce (323–146 av. J.-C.). P., 1978. T. 1. P. 144.

[51] *Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 107.

[52] *Sartre M.* L'Anatolie hellénistique de l'Égée au Caucase (334–31 av. J.-C.). P., 2003. P. 73.

[53] *Балахванцев А.С.* Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных / Тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.

его монетах). Следует, вероятно, все же учитывать работу автора этих строк, в которой обосновывался тезис о том, что установление родства с Селевкидами было поводом для повышения статуса не только каппадокийских, но также понтийских и вифинских правителей[54], а поэтому сообщение Синкелла о продолжительности правления малоазийских династий следует воспринимать только в комплексе и никак иначе. Кроме того, используемая Страбоном терминология также свидетельствует в пользу традиционного предположения об особой роли брачно-династического союза между Каппадокией и Селевкидами. По словам географа, Ариарат III πρώτος προσαγορευθεῖς ὁ Καππαδοκῶν βασιλεύς (XII.1.2), а глагол προσαγορεύω, как было показано в специальном исследовании[55], чаще всего употребляется большинством античных авторов именно в тех случаях, когда речь идет о провозглашении царем лица, признанного некоей внешней силой или правовой инстанцией, чаще всего – Римом или другим более сильным государством[56]. Кроме того, тот же Страбон указывает, что «македоняне… допустили, частью добровольно, частью против воли, превращение сатрапий (Великой и Понтийской Каппадокий. – *О. Г.*) в царства» (XII.1.1): видимо, под добровольным признанием царской власти подразумевается именно заключение брачно-династического альянса между Антиохом II и Ариарамном.

Тем не менее, в предположении М. Сартра имеется вполне рациональное зерно: нельзя исключать вероятности того, что Катаония отнюдь не была присоединена Ариаратом III к Каппадокии с помощью военной силы, а была дана в приданое, причитавшееся наследнику каппадокийского престола согласно договору о заключении брака с сестрой Антиоха Теоса Стратоникой[57]. Следует обратить внимание на информацию о том, что заключение брака между сестрой Селевка II Каллиника и Митридатом II Понтийским сопровождалось передачей последнему в

---

[54] *Габелко О.Л.* Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 86–106.

[55] *Габелко О.Л.* Акция воцарения в эллинистическом мире: анализ терминологии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы Всероссийской науч. конф., Казань, 5–7 октября 2006 г. / Отв. ред. *Л.П. Репина*. М., 2006. С. 398–401.

[56] См. наиболее показательные примеры: Strabo. XI.14.15 – о «повышении статуса» правителей Артаксия и Зариадра в Армении: προσθέμενοι Ῥωμαίοις καθ' αὑτοὺς ἐτάττοντο βασιλεῖς προσαγορευθέντες (думается, связь между переходом их на сторону Рима и провозглашением царями однозначна); с некоторой долей условности сюда же можно отнести Diod. XIX.90.5 – пророчество, данное Селевку Никатору: τὸν θεὸν προσαγορεῦσαι Σέλευκον βασιλέα; XXXIII.28a.1 = Poseid. Frag. 124 о стремлении селевкидского узурпатора Трифона добиться признания у римского сената: προσαγορευθῆναι βασιλέα; Polyb. I.9.8 – о воцарении Гиерона в Сиракузах в 268 г. до н.э.: βασιλεὺς ὑπὸ πάντων προσαγορεύθη συμμάχων; XI.15.8 – о воцарении Агафокла в Сиракузах: βασιλεὺς προσαγορευόμενος. Диодор (XX.54.1; см. выше) и Плутарх (*Reg. et imper. apophthegm.* 22.1) применяют к Агафоклу глагол ἀναγορεύω, но Полибий может подразумевать здесь важную юридическую деталь – особую роль сиракузян в воцарении Агафокла (причем он мог и не считаться *de jure* царем самих Сиракуз; см. о сути проблемы: *Попов А.И.* Царская власть Агафокла Сиракузского // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Межвуз. сб. Уфа, 1990. С. 12–21); XXXI.33.4 – о поддержке римлянами Деметрия, претендовавшего на селевкидский престол в 161 г. до н.э.: ἐξειργάσατο βασιλεὺς ὑπ' αὐτῶν προσαγορευθῆναι; Plut. *De frat. amor.* 478a – о событиях в царстве Атталидов, где особо показательно сочетание глаголов ἀνεγορεύθη в сообщении о воцарении Аттала после слухов об убийстве его брата Эвмена и προσηγόρευσεν для обозначения возведения им на престол Аттала III.

[57] Ср.: *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). Nancy, 1982. T. 1. P. 292; *Grainger J.D.* Op. cit. P. 67.

качестве приданого Великой Фригии (или ее части) (Just. XXXVIII.5.3)[58]. Не исключено, что детали этого брачного договора в общих чертах повторяли схему более раннего соглашения между Сирийским царством и Каппадокией (коль скоро понтийским царем была воспринята система «отсчета лет царского статуса»), и потому допустимо предполагать, что Ариарат III получил Катаонию от Антиоха II при заключении брака с его сестрой. Судя по всему, Катаония пребывала в составе державы Селевка I в 286/285 г. до н.э., когда там расположилось войско Деметрия Полиоркета (Plut. *Dem.* 48), поэтому предположение о передаче этой области Антиохом Теосом четверть века спустя каппадокийским правителям не лишено вероятности. Разумеется, нельзя исключать возможность утери Катаонии Селевкидами во время кризиса после смерти Селевка Никатора или в период смут 230-х – 220-х гг. до н.э., когда в Каппадокии правил Ариарат III, но это никак не могло стать для него поводом к принятию царского титула: как тогда быть с данными Синкелла, который исчисляет продолжительность правления Каппадокийской династии в 160 лет? Даже если отсчитывать эти годы от 230 г. до н.э., когда, как обычно считается, Ариарат III начал править самостоятельно, то окончание правления династии придется на 70 г. до н.э., когда в Каппадокии уже заканчивался период длительного и неоднократно прерываемого правления Ариобарзана I Филоромея – родоначальника новой династии, с Ариаратидами никак не связанной.

По всем этим причинам следует безоговорочно присоединиться к мнению тех исследователей, которые убеждены, что именно установление брачно-династических связей между Селевкидами и Ариаратидами знаменовало признание последних македонскими династиями и привело к принятию царского титула Ариаратом (III)[59]. Однако многие детали этого события остаются неясными. Видимо, брак между наследником каппадокийского престола и сестрой Антиоха II Теоса представлял собой достаточно сложную в юридическом отношении акцию, действительно не имевшую прецедентов в политической практике эллинистических государств. Это был первый пример брачного альянса между женщиной македонской царской крови (причем «основной», а не побочной ветви рода Селевкидов) и представителем «варварской» элиты, возглавлявшей уже реально независимое и сильное государство (в чем можно увидеть отличие от брака между Атталом – усыновленным племянником Филетера Пергамского, и Антиохидой[60]). Тем самым был достигнут эффективный и, судя по всему, взаимовыгодный компромисс между правящими династиями «великого» и «малого» эллинистических государств. Что же касается формальной стороны заключения этого союза, то здесь нужно отметить следующее.

1. В основе его, вероятно, лежали македонского происхождения представления о сакросанктном характере царской власти, который мог

---

[58] См. об этом: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 60–61 и прим. 66 (с литературой).

[59] Эту идею высказал еще Т. Рейнак: *Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Cappadoce // RN. 1887. 3 (4). P. 317–318; см. также: *Niese B.* Ariarathes (3) // RE. 1895. Bd. 2. Sp. 816; *Seibert J.* Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 56; 114; *Müller O.* Op. cit. S. 127; *Simonetta B.* The Coins... P. 16; *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1979. T. 1. P. 292; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 41–42.

[60] См. об этом альянсе: *Габелко О.Л.* Династическая история… С. 99–104.

быть унаследован посредством заключения брака с женщиной, принадлежащей к македонскому царскому роду[61].

2. В соглашении между Антиохом II и Ариарамном, видимо, было недвусмысленно оговорено, что наследник каппадокийского престола, придя к власти, сразу принимает царский титул, хотя «отсчет лет царского статуса» начался непосредственно от момента его женитьбы на Стратонике.

3. Возможно, непосредственно по заключении этого альянса было достигнуто соглашение, что Ариарамн назначит Ариарата III своим соправителем, как об этом и сообщает Диодор. Разумеется, «детолюбие» Ариарата не может восприниматься в качестве реальной причины этой акции. Более того, мотивы, которыми мог руководствоваться Ариарамн, сицилийский историк трактует прямо противоположным образом. Ариарамн не был царем Каппадокии: его не причисляет к царям Синкелл, на монетах он изображен без диадемы и указания какого-либо титула. Поэтому «разделение на равных всех преимуществ царской власти» между Ариарамном и его сыном скорее следует понимать как стремление каппадокийского правителя «приобщиться» к новому, более высокому статусу, обретенному его наследником после женитьбы на Стратонике.

Известны серебряные тетрадрахмы Ариарата III с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ, а также бронзовые номиналы, на части из которых его имя помещено без царского титула[62]. Означает ли это, что он стал именоваться βασιλεύς только в последней части своего правления, как это полагает Б. Симонетта?[63] Такой вывод совсем не обязателен. Скорее, в этом следует видеть как раз результат соправительства Ариарата с его отцом. Первоначально (видимо, вплоть до смерти Ариарамна) оба правителя чеканили монету без царского титула, причем, очевидно, на разных монетных дворах[64]. С началом единоличного же правления Ариарат III уже неизменно указывает свой титул, причем немногочисленность таких монет может свидетельствовать об относительно недолгом времени его царствования; обычно его указывают как 230–220 гг. до н.э., хотя нижняя граница с точностью определена быть не может[65].

4. «Повышение статуса» каппадокийской династии нашло свое отражение в исторической традиции – вероятнее всего, в придворной ис-

---

[61] *Miron D.* Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // AncSoc. 2000. Vol. 30. P. 49–51; *Ладынин И.А.* Сюжет о рождении Александра Великого от змея: к вопросу о времени и исторических условиях его возникновения // ААе. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 37.

[62] *Simonetta B.* The Coins... P. 19–20.

[63] Ibid. P. 20.

[64] Последнее предположение может быть подтверждено тем, что на многих монетах обоих правителей указано место их чекана – Тиана, а на одной из монет Ариарата помещена надпись ΜΟΡΙΜΛ – возможно, это название центра одной из стратегий Каппадокии, Моримены (Strabo. XII.1.4; 2.5; 9) (*Simonetta B.* The Coins… P. 20. Note 1). Указание монетных дворов в последующем на каппадокийских монетах не появляется. Попутно можно согласиться с Б. Симонеттой, полагающим, что буквы ΔΣ на монетах обоих правителей не могут трактоваться как сокращение титула «династ», т.к. на некоторых экземплярах они стоят в обратном порядке (ibid. P. 19. Note 1).

[65] Ариарамн упоминается Юстином (под именем Ариамена) как тесть Антиоха Гиеракса (XXVII. 3. 7–8) относительно незадолго до смерти последнего в 229/228 г. до н.э.; ср.: Trog. *Proleg.* 27. Брак Гиеракса с дочерью Ариарамна должен был состояться после 235 г. до н.э., когда Антиох женился на дочери Зиэла Вифинского (*Габелко О.Л.* История Вифинского царства. С. 222). Впрочем, поскольку Ариамен назван Юстином царем, можно теоретически допустить, что здесь подразумевается уже Ариарат III.

ториографии, данные которой каким-то образом сохранились в источниках Георгия Синкелла. При этом нужно отметить, что указанная система летоисчисления отнюдь не являлась династической эрой в полном смысле этого слова, подобной эрам Селевкидов, вифинских или понтийских царей; представляется адекватной характеристика ее как «отсчета лет царского статуса». Тем не менее, сам принцип ее утверждения оказался весьма актуальным для правителей других государств анатолийских царств, и она, не имея широкого распространения, продолжала функционировать вплоть до конца I в. до н.э., сосуществуя как с «нормальными» царскими эрами (Вифиния и Понт), так и с практикой датировки событий по годам правления того или иного царя. В целом же «повышение статуса» Ариаратидов представляет собой хороший пример осознания восточными правителями того факта, что одних только форм легитимации власти, восходящих к персидскому времени, было уже явно недостаточно[66]: требовалось искать новые средства.

Необходимо подчеркнуть еще один момент, в котором проявилось значение брака Ариарата III и Стратоники. Их сын Ариарат IV принял почетное имя Евсевий (судя по монетам, сразу же по воцарении)[67], тогда как другие анатолийские монархи отстали в этом отношении более чем на полвека. Наконец, этот брак имел и четко выраженный внешнеполитический аспект, ознаменовав длительный период проселевкидской ориентации Каппадокии.

Согласно Диодору, Ариарат III, «уходя из жизни, оставил царство сыну, Ариарату, который был еще маленьким ребенком» (XXXI.19.6). Юстин сообщает, что «в Каппадокии царь сам передал власть своему сыну Ариарату, который был еще мальчиком» (XXIX.1.4). Здесь представляет интерес сама процедура передачи царской власти, о чем подробнее будет сказано далее. Благодаря Полибию известна дата воцарения Ариарата IV Евсевия – 220 г. до н.э. (IV.2.8). Можно высказать осторожное предположение, что Евсевий был не первым сыном Ариарата III и Стратоники, если он еще не вышел из детского возраста спустя примерно 40 лет после их брака[68].

Длительное правление Ариарата IV (220–163 гг. до н.э.) относительно неплохо документировано, помимо сообщений античных авторов, также эпиграфическими и нумизматическими материалами. Этот царь стал указывать на своих драхмах и тетрадрахмах годы своего правления. В своей внешнеполитической деятельности он строго придерживался курса, выгодного сирийским царям. Вполне закономерно, что в период его царствования при каппадокийском дворе начинают происходить смуты, вызванные стремлением проселевкидской группировки еще более усилить свое влияние. В этом проявилась оборотная сторона

---

[66] *Panitschek P.* Op. cit. S. 78.

[67] Почетное имя «Сотер» уже носил к тому времени Аттал I Пергамский, и в этом можно видеть проявление все той же тенденции, согласно которой родственные связи того или иного правителя с Селевкидами имели определяющее значение для его официального государственного статуса, подчеркивавшегося в том числе и посредством тронных эпитетов.

[68] *Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н.* Указ. соч. С. 60–61. Прим. 33. Впрочем, самые ранние монеты Ариарата IV (если они верно атрибутированы Б. Симонеттой, в чем нет полной уверенности – см., например: *Mørkholm O.* Some Cappadocian Problems // NC. 7-th ser. 1962. Vol. 2. P. 407–408), датированные 5-м годом его правления, несут на себе портрет молодого человека, но не подростка (*Simonetta B.* The Coins... P. 21–23. Pl. II.1). Так что античные авторы, возможно, несколько преуменьшили возраст Ариарата IV.

выгод, приобретенных в результате установления брачно-династических связей с одним из сильнейших государств тогдашнего мира[69].

Женой Ариарата Евсевия стала Антиохида – дочь Антиоха III (App. *Syr.* 5; Zon. IX.18.7); этот брак состоялся около 195 г. до н.э., когда сирийский царь начал вести подготовку к войне против Рима и стремился привлечь на свою сторону соседние государства в качестве союзников[70]. Наиболее подробную информацию о заключении этого альянса опять же сообщает Диодор: «(Ариарат IV) женился на дочери Антиоха, прозванного Великим, по имени Антиохида – женщине чрезвычайно коварной. Она, не имея детей, выдала за своих сыновей двух мальчиков, Ариарата и Голоферна, тогда как муж ее об этом не знал. Спустя некоторое время природа позволила ей неожиданно родить двух дочерей и одного сына, названного Митридатом. После этого, объявив мужу, что <Ариарат и Голоферн> являются подставными, она устроила так, что старший сын был отправлен с соответствующим содержанием в Рим[71], а младший – в Ионию[72], чтобы они не оспаривали царство и родного <ее сына>. Он, возмужав, как говорят, переменил свое имя на Ариарат, получил греческое воспитание и в остальном был удостаиваем похвалы за свои достоинства» (XXXI.19.7).

Это сообщение, несмотря на свою обстоятельность, в последнее время считается фальсифицированным: переданная здесь ситуация (существование двух «подставных» сыновей царя при полном его неведении о том) выглядит слишком маловероятной и к тому же идеально соответствующей интересам Митридата – Ариарата (V), самого младшего из братьев, получившего, несмотря на это, право на престол[73]. Скорее всего, Ариарат V, вернув себе власть в 159 г. до н.э., после узурпации Ороферна, позаботился о том, чтобы представить своего конкурента незаконнорожденным и закрепить это в династической традиции[74]. Вероятно, вражда между братьями возникла оттого, что старшие пользовались поддержкой

---

[69] Многие аспекты этой проблемы рассмотрены в основательной статье: *Günther L.-M.* Op. cit.

[70] *Seibert J.* Op. cit. S. 54–55; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 48–50.

[71] О его прибытии в Рим вместе с посольством отца в 172 г. до н.э. упоминает Ливий (XLII.19.3–6), причем царевич назван здесь «мальчиком» (*puer*).

[72] Вероятно, в Приену, как показывают дальнейшие отношения Ороферна с этим полисом. Придя к власти, он поместил на хранение в приенский храм Афины 400 талантов, которые приенцы отказались выдать его брату (Polyb. XXXIII.6.1–2; 9; Diod. XXXI.32). Сохранилось письмо Ороферна приенцам (RC. 63) и еще один очень фрагментарно сохранившийся декрет, возможно, в честь его послов в этот город (IvPriene 90); именно в Приене были обнаружены все известные на сегодняшний день шесть тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΟΡΟΦΕΡΝΟΥ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ (*Simonetta B.* The Coins… P. 28–29. Pl. III.10). См. более подробно: *Габелко О.Л.* Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // МОДА. 2002. Ч. 2. С. 162–163.

[73] *Müller H.* Königin Stratonike, Tochter des Königs Ariarathes // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 408; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 52. Д. Огден не выносит определенного суждения по данному вопросу (*Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999. P. 140) – очевидно, потому, что признание этого сообщения плодом пропаганды Ариарата V плохо вписывается в его концепцию «амфиметрических кризисов», согласно которой жестокие раздоры из-за царской власти между родными братьями в эпоху эллинизма были крайне редкими.

[74] Показательно, что во время кратковременного царствования Ороферна в Каппадокии население страны могло выражать недовольство тем, что он был распутен и внес в страну чуждые ионийские нравы (Polyb. XXXII.25.1), а также его поборами с населения страны (Diod. XXXI.32.1), но обвинений в незаконнорожденности против него вроде бы не выдвигалось

матери, а младший – отца[75]. Не сумев добиться реализации своих планов, Антиохида вернулась в Сирию, а Митридат, поскольку его старшие братья покинули Каппадокию (и, вероятно, в соответствии с желанием Ариарата Евсевия), сменив имя, занял каппадокийский престол[76].

Необходимо попытаться определить возраст детей Ариарата Евсевия. Здесь может оказаться полезным лишь одно свидетельство: декрет совета и народа Коса в честь каппадокийской царской четы[77]. В этой надписи бесспорно читается имя царицы Антиохиды (сткк. 17, 20), что позволяет восстановить в связи с ним и имя ее супруга, царя Ариарата (сткк. 16, 19). Упоминание в едином контексте καὶ τοῖς τ[έκνοις αὐτῶν καὶ τοῖς] | φίλοις καὶ ταῖς δυνάμεσιν (сткк. 20–21) позволяет заключить, что, во-первых, у каппадокийских монархов к моменту выполнения надписи уже были дети и, во-вторых, что поводом для вынесения постановления послужили военные успехи Ариарата в каком-то конфликте. С ним, скорее всего, можно отождествить Понтийскую войну 182–179 гг. до н.э., в которой Ариарат Евсевий совместно с Эвменом II Пергамским и Прусием II Вифинским выступил против Фарнака I[78]. Кто же из детей каппадокийской царской четы мог подразумеваться в надписи? Видимо, сюда могли входить все сыновья и дочери Ариарата и Антиохиды, причем все они считались легитимными[79]. Если это так, то можно высказать осторожное предположение, почему младший из сыновей, родившихся в этом браке, был назван нетипичным для Ариаратидов именем Митридат. Нам, разумеется, остаются неясными военно-стратегические планы обеих сторон в ходе войны, но не подлежит сомнению, что борьба между Понтом и Каппадокией сопровождалась противостоянием в пропагандисткой сфере[80]. Если же в ходе войны Ариаратидами и Митридатидами действительно могли предъявляться притязания на престол соседнего государства, то в таком контексте появление имени Митридат в каппадокийском царском доме выглядит вполне закономерным: Ариарат IV, нарекая своего сына династическим именем «конкурирующего» рода, демонстрировал возможность заявить свои права на контроль над Понтом в случае успешного завершения войны.

После смерти Ариарата IV в 163 г. до н.э. царем, очевидно, в соответствии с его желанием, стал Митридат, сменивший имя на Ариарат и принявший тронное имя Филопатор (Diod. XXXI.21.1; Polyb. XXXI.14.1–

---

[75] *Günther L.-M.* Op. cit. S. 55. Ср. выразительную характеристику Антиохиды в пассаже Диодора: πανοῦργος μάλιστα (XXXI.19.7).

[76] Возможно, после того, как умер его старший брат, «первичный» Ариарат, отправленный в Рим, либо же просто получив право на престол и придя к власти (*Günther L.-M.* Op. cit. S. 52. Anm. 26).

[77] *Pugliese-Caratelli G.* La regina Antiochide di Cappadocia // PP. 1972. Vol. 27. P. 182–185; *Piejko F.* A Decree of Cos in Honor of the Cappadocian Royal Couple // PP. 1983. Vol. 38. P. 200–207.

[78] *Piejko F.* Op. cit. P. 202; *Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 108–109.

[79] *Breglia Pulci Doria L.* Op. cit. P. 109: если Митридат-Ариарат V был самым младшим из детей Ариарата Евсевия и Антиохиды, то он должен был родиться не позднее 182–179 гг., т.к. к моменту своего воцарения в 163 г. до н.э. и перемены имени он уже был «возмужавшим» (ἀνδρωθείς) (Diod. XXXI.19.7). Антиохида, по расчетам Х. Шмитта, родилась в 210-х гг. до н.э. (*Schmitt H.* Untersuchungen… S. 26–27), и, следовательно, к моменту замужества она была уже достаточно взрослой, а к кон. 180-х гг. до н.э. вполне могла родить пятерых детей.

[80] См. рассуждения об этом С.Ю. Сапрыкина (Понтийское царство. С. 70–73), который, впрочем, исходит из недоказуемых предположений о стремлении Фарнака восстановить «наследие Отанидов».

5). Однако вскоре он был свергнут Ороферном, вернувшимся из Ионии и захватившим престол при помощи сирийского царя Деметрия Сотера. В 159 г. до н.э. Ариарат Филопатор был восстановлен на троне усилиями Аттала II Пергамского[81]. Династическая распря между Ариаратом V и Ороферном – один из наиболее интересных эпизодов внутриполитической истории Каппадокии, имевший к тому же значительные отклики на международной арене и при этом относительно неплохо освещенный источниками. Она, вместе с тем, открыла в истории Каппадокии период практически непрестанных династических смут, заговоров и узурпаций власти.

Следует отметить ту роль, которую сыграли в династической истории эллинизма дочери Ариарата Евсевия и Антиохиды. Одна из них, Стратоника, была выдана замуж в 189/188 г. до н.э.[82] за Эвмена II Пергамского и в дальнейшем была немаловажной фигурой в политике Атталидов II[83]. О судьбе другой дочери известно гораздо меньше; неясным остается даже ее имя. Полибий сообщает, что спустя несколько месяцев после воцарения Ариарата V в 163 г. до н.э. она была убита в Антиохии вместе с матерью (вероятно, из-за происков Лисия – опекуна тогдашнего наследника сирийского престола Антиоха V), и останки ее и Антиохиды были вывезены в Мазаку и торжественно похоронены там Ариаратом (XXXI.17.1)[84].

Наконец, имеются основания считать, что у Ариарата IV был еще один сын – от другой жены или наложницы[85]. Полибий, рассказывая о вифинско-пергамской войне 156–154 гг., сообщает, что зимой 155/154 г. до н.э. на помощь Атталу II прибыло войско Понта и Каппадокии, возглавляемое неким Деметрием, сыном царя Ариарата (XXXIII.12.1). Мог ли это быть сын тогдашнего монарха, Ариарата Филопатора? Это исключительно маловероятно: последний, как было показано выше, родился в кон. 180-х – нач. 170-х гг. до н.э., так что его сын, даже если он был рожден в очень раннем браке[86], еще никак не достиг бы возраста, в котором он был способен командовать войском[87]. Интересно, однако, что в этом выявляется примечательная деталь в порядке имянаречения сыновей Ариарата IV: помимо имен, традиционных для дома Ариаратидов (Ариарат и Ороферн), они получили имена, появляющиеся примерно в эти же десятилетия у Селевкидов: Митридат[88] и Де-

---

[81] Событийная сторона переворота Ороферна и его внешнеполитические отклики должны стать предметом специального исследования, ныне подготавливаемого к печати.

[82] На тот момент, исходя из времени брака ее родителей, ей было не более 4 лет! Это обстоятельство вносит дополнительные сомнения в правильности того порядка, в котором перечисляется рождение детей Ариарата и Антиохиды: судя по всему, Стратоника была самой старшей из них.

[83] О ее браке с Эвменом см.: *Günther L.-M.* Op. cit. S. 50–51; о ее жизни в целом см.: *Müller H.* Op. cit.

[84] Л.-М. Гюнтер считает, что она не покинула Каппадокию вместе с матерью, а уже находилась в Антиохии до того, возможно, будучи женой Антиоха IV (*Günther L.-M.* Op. cit. S. 53–55). Это интересное предположение все же требует дополнительного обоснования.

[85] Необходимо, впрочем, отметить, что у нас нет сведений ни о полигамии, ни о конкубинате в истории Ариаратидов.

[86] Так полагает Л.-М. Гюнтер: *Günther L.-M.* Op. cit. S. 59.

[87] *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. P. 77. Anm. 102.

[88] Митридатом, вероятно, первоначально звали Антиоха IV; см.: *Mehl A.* Zwischen West und Ost / Jenseits von West und Ost. Das Reich der Seleukiden // Zwischen West und Ost. Studien zur Geschichte des Seleukidenreichs / Hrsg. von *K. Brodersen.* Hamburg, 1999.

метрий[89], редкие для обеих династий. Возможно, этим Ариарат Евсевий стремился подчеркнуть свою лояльность сирийским царям. Что же до его предполагаемого второго брака, если правы Я. Зайберт и Л.-М. Ханс, предполагающие, что Ариарат в какой-то момент развелся с Антиохидой, после чего она уехала обратно в Сирию[90], то остается достаточно времени и для второй женитьбы царя, и для рождения его сына Деметрия, который был бы достаточно взрослым к сер. 150-х гг. до н.э.

События, связанные с узурпацией Ороферна, ознаменовали окончание политического влияния Селевкидов в Каппадокии, поддерживаемого при помощи брачно-династических связей. Вопрос о происхождении супруги Ариарата V, к сожалению, остается открытым: в надписи OGIS. 352 сохранилось только ее имя – Ниса, тогда как патронимик восстановить не удается. Л.-М. Гюнтер предположила, будто бы Ариарат Филопатор был женат на дочери Селевка IV, сестре Деметрия (в браке с которой у него родился упоминаемый Полибием сын). Информацию Диодора о том, что в 161/160 г. до н.э. послы Ариарата сообщили в Риме об отказе их царя от брачного союза и дружбы с Деметрием (ἀπορρήσις τοῦ γάμου καὶ φιλίας – XXXI.28) исследовательница предлагает понимать как демонстративный разрыв брака каппадокийского царя с этой женщиной[91], что совершенно не выдерживает критики: Юстин недвусмысленно сообщает, что Деметрий враждебно относился к Ариарату за то, что «тот отверг брак с сестрой Деметрия» (XXXV.1.2)[92]. Очевидно, и в дальнейшем Ариарат вряд ли женился бы на представительнице сирийского царского рода, опасаясь вызвать неудовольствие сената; это заставляет предположить, что его брак обозначил переориентацию внешнеполитического курса Каппадокии. Не будет, вероятно, слишком смелым предположение о понтийском происхождении его жены. Это имя не было новым в понтийской династии: Нисой звали супругу Фарнака I (OGIS. 771), происходившей из рода Селевкидов, так что кто-то из ее потомков вполне мог носить такое же имя. Сближение Понта и Каппадокии проявилось, в частности, в отправке совместного войска на подмогу Атталу II в 155/154 г. до н.э. под общим командованием представителя каппадокийского царского дома Деметрия, а также в многозначительной фразе Аппиана, что Митридат V совершил вторжение в Каппадокию как в чужую страну (ὡς ἀλλοτρίαν τὴν Καππαδοκίαν ἐπέδραμεν – *Mithr.* 10): очевидно, предыдущий характер отношений между двумя царствами позволял считать их дружественными государствами (нужно отметить, что близость Великой и Понтийской Каппадокий чаще всего прослеживается античными авторами только на географическом уровне).

Ситуация, сложившаяся в Каппадокии после смерти Ариарата Филопатора ок. 130 г. до н.э. во время подавления восстания Аристоника не только вышла из-под контроля, но и создает впечатление явной «сре-

---

S. 20–26; *Ogden D.* Op. cit. P. 138–139. Кроме того, на выбор этого имени для сына Митридатом Евсевием могла повлиять ситуация Понтийской войны, о чем см. выше.

[89] Возможно, это имя было дано ему, поскольку его мать была связана с Антигонидами (*Helliesen J.M.* Demetrius I Soter: a Seleucid King with an Antigonid Name // Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 219–228).

[90] *Seibert J.* Op. cit. S. 115. Anm. 15; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 51 (во второй половине 170-х гг. до н.э.).

[91] *Günther L.-M.* Op. cit. S. 59.

[92] Следовательно, в это время Ариарат еще не был женат, что сводит вероятность его отцовства по отношению к Деметрию, упоминаемого Полибием, практически к нулю.

жиссированности» очередного витка династического кризиса. Здесь и далее основным источником является Помпей Трог в сокращении Юстина. Он сообщает: «Лаодика[93] из шести сыновей, которых она родила от Ариарата, пятерых отравила из опасения, что ей, Лаодике, недолго придется управлять государством, так как несколько ее сыновей уже были подростками. Одного лишь мальчика бдительность родственников охранила [от козней преступной матери]. Впоследствии, после убийства Лаодики (ибо народ убил ее за жестокость), ему одному [и] осталось все царство» (Just. XXXVII.1.4–5). Имеется уникальная монета, выпущенная от лица молодого царевича и его матери-регентши: на ней помещен их портрет с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΝΥΣΗΣ ΚΑΙ | ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ | ΕΠΦΑΝΟΥΣ ΤΟΥ ΥΙΟΥ[94]. Продолжительность регентства Нисы, вероятно, охватывала несколько лет – ок. 130–125 гг., а Ариарат VI родился ок. 140 г. до н.э.[95]

Воспользовавшись кризисом при каппадокийском дворе, в Каппадокию вторгся понтийский царь Митридат V Эвергет (2-я пол. 120-х гг. до н.э.?) (App. *Mithr.* 10). Хотя высказывалось предположение, что эта акция была предпринята для восстановления порядка в стране и предотвращения возможных смут в будущем[96], трудно избавиться от впечатления, что Эвергет с успехом воспользовался ситуацией в соседнем царстве, которая им же самим и была создана. Устранение всех возможных претендентов на престол, за исключением Ариарата VI, замуж за которого была выдана дочь Митридата V Лаодика (App. *Mithr.* 10), было чрезвычайно выгодным понтийскому царю, получившему возможность установить контроль над Каппадокией, не прибегая к прямому ее захвату[97]. Разумеется, нет достаточно надежных оснований утверждать, что Ниса, которая могла происходить из понтийского царского дома, убила своих сыновей в соответствии с замыслом Митридата Эвергета, однако, если принять во внимание замечание Б. Макгинга, что Митридат VI в своей каппадокийской политике следовал примеру отца[98], то такое предположение не лишено вероятности.

Ариарат VI Эпифан Филопатор правил, судя по его монетам, до 116 г. до н.э.[99], когда он был убит неким Гордием – каппадокийским аристократом, «агентом влияния» Митридата Евпатора в стране (Just. XXXVIII.1.1; 6). Престол занял старший из его сыновей, Ариарат VII, ввиду своего еще детского возраста правивший сначала под ре-

---

[93] Юстин, как это нередко бывает у него, путает имена исторических лиц: жену Ариарата Филопатора звали Нисой, как об этом свидетельствуют и нумизматические, и эпиграфические материалы.

[94] *Simonetta B.* The Coins… P. 29. Pl. III. *11*; *Mørkholm O.* The Coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1978. Bd. 57. P. 144; 146. Pl. 40,1.

[95] *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 90, 476; *Mørkholm O.* The Coinages of Ariarathes VI… P. 158–159. В источнике, кстати, не сказано прямо, что оставшийся в живых сын Нисы был самым младшим, как считают Б. Симонетта (The Coins… P. 30) и С.Ю. Сапрыкин (указ. соч. С. 100).

[96] *Glew D.* Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. 1977. Vol. 55. P. 388–390; *idem.* The Cappadocian Expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // ANSMusN. 1987. Vol. 32. P. 27–28.

[97] *McGing B.C.* Op. cit. P. 38; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 101.

[98] *McGing B.C.* Op. cit. P. 38, 75, 82.

[99] *Simonetta B.* The Coins… P. 30–34; *Callataÿ F. de.* L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 190–192.

гентством своей матери Лаодики – сестры Митридата (что отражено в его тронном эпитете Филометор)[100]. Понтийский царь продолжал строить козни против своих племянников (у Ариарата Филометора были братья – Just. XXXVIII.1.1), хотя, по крайней мере в 102/101 г. до н.э., между ними не было открытой вражды (IDélos. 1576). В конце концов Митридат лично убил Ариарата во время переговоров (100 г. до н.э.) и возвел на каппадокийский престол своего восьмилетнего сына под именем Ариарата Евсевия Филопатора, регентом при котором был поставлен все тот же Гордий (Just. XXXVIII.1.7–10). Однако недовольные установлением фактически чужеземного господства и притеснениями, чинимыми наместниками (*praefectorum*) Митридата, каппадокийцы изгнали понтийских ставленников из страны и вызвали на царство из римской провинции Азии последнего представителя династии Ариаратидов – Ариарата VIII[101]. Он правил совсем недолго, был лишен трона Митридатом и вскоре умер (XXXVIII.2.2). Первоначально считалось, что на деле он вообще не сумел утвердиться на престоле и не чеканил собственной монеты, однако исследованиями Ф. де Каллатай[102] было показано, что именно ему следует атрибутировать некоторые из монет, чеканенные от имени царя Ариарата Евсевия Филопатора (ок. 100 – ок. 98 г. до н.э.). Именно последнюю дату следует считать временем окончания правления Ариаратидов (тем самым отсчет лет их царского статуса приходится на 258 г. до н.э.). После смерти Ариарата VIII к власти в Каппадокии вновь вернулся Ариарат IX, а в 96 г. до н.э. царем был избран римский ставленник Ариобарзан I (Strabo. XII.2.11; Just. XXXVIII.2.8). В дальнейшем «наследие» Ариаратидов стало одним из элементов системы «династического управления» Рима в Малой Азии, хотя и довольно малозначительным; пожалуй, можно вспомнить претензии жреца Команы Ликомеда на происхождение от этого царского рода[103].

Итак, с воцарением Ариобарзана I история династии Ариаратидов завершилась. Однако целый ряд связанных с эти правящим домом проблем остается.

Прежде всего, начиная с принявшего царский титул Ариарата III и до прихода к власти Ариобарзана I, каппадокийский престол занимало не 7, как сообщает Синкелл, а 8 царей: Ариарат III (ок. 230–220 гг. до н.э.), Ариарат IV Евсевий (220–163 гг. до н.э.), Ариарат V Евсевий Филопатор (163–130 гг. до н.э.), Ороферн (161–159 гг. до н.э.), Ариарат VI Эпифан Филопатор (ок. 130 – ок. 116 гг. до н.э.), Ариарат VII Филометор (ок. 116–101 гг. до н.э.); Ариарат IX Евсевий Филопатор (ок. 100 – ок. 85 гг. до н.э., с перерывами), Ариарат VIII (ок. 100 – ок. 98 гг. до н.э.). К ним следовало бы добавить и царицу Нису (Лаодику по Юстину –

---

[100] О монетах Ариарата VII см.: *Simonetta B.* The Coins… P. 34–36; *Callataÿ F. de.* L'Histoire des guerres Mithridatiques… P. 192–195.

[101] Можно не сомневаться, что при рождении он был назван иначе, но принял династическое имя при воцарении.

[102] *Callataÿ F. de.* Op. cit. P. 195–200.

[103] См.: *Габелко О.Л.* К династической истории… С. 90–93; ср.: *Ballesteros Pastor L.* El santuario de Comana Póntica (apuntes para su historia) // Arys. Antigüedad: Religiones y Sociedades. 2000. Vol. 3. P. 147–149. В более ранней работе (*Syme R.* Lycomedes the Lord of Comana // *Idem.* Anatolica. Studies in Strabo / Ed. by *A. Birley*. Oxf., 1995. P. 166–174) предлагается иная генеалогия этого персонажа: он считается потомком понтийских царей, что выглядит маловероятным.

XXXVIII.1.4), осуществлявшую регентство над малолетним сыном Ариаратом VI, а также, возможно, мать-регентшу Лаодику при Ариарате VII; впрочем, как показывает пример Понта, царицы-регентши, видимо, обычно не учитывались в династических списках[104]. Очевидно, Синкелл вслед за Диодором также не берет в расчет одного из названных выше монархов. Кто бы это мог быть? Приходится выбирать между тремя возможностями: 1) Ороферн, поскольку он узурпировал власть у законного царя, своего брата Ариарата V; 2) Ариарат IX, так как он был сыном Митридата Евпатора и вообще не принадлежал к каппадокийскому царскому дому, хотя его отец и пытался создать видимость этого (Just. XXXVIII.2.5); 3) Ариарат VIII, правивший совсем недолго[105]. Если считать, что официальная версия генеалогии Ариаратидов была сформулирована именно при Ариарате Филопаторе, а при его преемниках продолжена, то, вероятно, следует склониться в пользу первого варианта: этот царь явно не стал бы считать своего брата-соперника законным правителем. Тем самым в этом праве не отказано Ариарату IX – сыну Митридата Евпатора, и этот факт свидетельствует о близости династических традиций Понта и Каппадокии, имевших общие корни изначально и, помимо этого, пришедших в особо тесное соприкосновение во второй половине II в. до н.э. Не исключен, впрочем, и такой вариант, что Ариарат IX все-таки не должен быть внесен в список каппадокийских монархов.

Далее, необходимо остановиться на некоторых специфических чертах каппадокийской государственности, до сих пор не привлекавших должного внимания. Это, во-первых, неоднократно упоминаемая в источниках своеобразная практика разделения и передачи суверенной власти. Ариарат – отец Ариарата I (историчность которого, правда, как было показано выше, сомнительна), практически разделяет власть со своим братом Голоферном (Diod. XXXI.19.3); тот, в свою очередь, усыновляет племянника, не имея наследника (4). Ариарамн и Ариарат III правят совместно (6), что находит подтверждение и в нумизматических данных. Ариарат III оставляет власть своему преемнику (ibid.; Just. XXIX.1.4) – возможно, будучи уже достаточно пожилым. Наконец, не исключено, что и сам Ариарат IV намеревался передать власть младшему из своих сыновей еще при жизни[106].

---

[104] В историографии на основании анализа письменной традиции и тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΛΑΟΔΙΚΗΣ (*Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. 2e éd. P., 1925. P. 13. № 8. Pl. I.14) иногда говорится о двух таких случаях в истории Понта: регентстве Лаодики, сестры Фарнака I и Митридата IV и вдовы последнего, над наследником престола Митридатом V, и регентстве матери Митридата Евпатора (также Лаодики?) над его братом до прихода Евпатора к власти (см., например: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 89–90; 121–122 – с обзором литературы). Реальным, кажется, все же выглядит только второй эпизод; см. аргументы: *Габелко О.Л.* Критические заметки… С. 144–145. Георгий Синкелл, дважды сообщая о продолжительности правления десяти понтийских царей (P. 332.4–5; 378.30–32 Mosshammer), явно не принимает понтийских/ую регентш/у в расчет.

[105] Б. Симонетта полагал, что он вовсе не сумел утвердиться на престоле (*Simonetta B.* The Coins... P. 36); но Ф. де Каллатай приписал именно ему чеканку некоторых монет (Guerres Mithridatiques… P. 195–200).

[106] *Niese B.* Ariarathes (5). Sp. 818; *Müller H.* Op. cit. S. 408; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 51–52. Anm. 22. Не вызывает сомнений и причастность к драматическим событиям при дворе в Мазаке в 160-х гг. до н.э. группировок местной знати, придерживавшихся пропергамских и проселевкидских взглядов (*Günther L.-M.* Op. cit. S. 54), однако в этой ситуации вряд ли

Не исключено, что все эти эпизоды, акцентирующие «истинно родственные» отношения внутри правящего дома, были особо подчеркнуты в пропагандистской программе Ариарата V, с тем, чтобы показать «случайность» первого (из известных нам) жестокого династического кризиса, участником которого стал сам Ариарат Филопатор, и создать благоприятный «имидж» династии[107]. Однако существует и восходящее к независимой традиции свидетельство о подобном же эпизоде, связанном уже с династией Ариобарзанидов. Так, сама процедура отречения от власти царствующего отца в пользу сына (передача диадемы в буквальном смысле слова) довольно подробно описана Валерием Максимом, рассказывающим о переходе власти от Ариобарзана I к Ариобарзану II в 63 г. до н.э. (V.7. ext. 2). Поскольку это происходило в присутствии Помпея, Р. Салливан полагает, что ведущую роль в данном случае сыграл внешнеполитический фактор – стремление римлян заменить старого царя, много раз терявшего престол и, судя по всему, имевшего сильную оппозицию своей власти внутри страны, на более выгодную фигуру[108]. Однако в данном случае, видимо, вновь был пущен в действие определенный правовой механизм, регулирующий отношения внутри правящего дома еще при Ариаратидах.

И генезис, и самый смысл этой практики не вполне понятны. О собственно каппадокийских политических традициях, в которых могли корениться истоки подобных действий, нам ничего не известно. Можно предположить, что все эти действия были направлены на обеспечение нормальной передачи власти в условиях непрочности положения правящего дома (отсутствие прямого наследника у правящего монарха, угроза со стороны «конкурирующего» рода Митридатидов, претендующего на перехват контроля над Каппадокией еще при Ахеменидах, старость или болезнь царя и т.д.). Поэтому допустимо говорить скорее о ситуационном характере применения охарактеризованных выше приемов разделения и передачи власти, условия для применения которых складывались, к сожалению для каппадокийского правящего дома, слишком часто. Не случайным кажется и то обязательство, что наиболее жестокие династические кризисы в стране в конце II – нач. I в. до н.э. разгорались именно тогда, когда эти «защитные механизмы» активизировать не удавалось – вероятно, в результате их целенаправленной нейтрализации внешними противниками (понтийскими царями), опиравшимися в том числе и на «пятую колонну» внутри самого царства[109].

Показательно, что несколько сходный прецедент обнаруживается в политической практике Ахеменидов: Геродот сообщает, что у персов существовал обычай, согласно которому царь, отправляясь в поход, должен был назначить своего преемника, как это и произошло накануне смерти Дария I в 486 г. до н.э., когда полномочия монарха были переданы им Ксерксу (VII.2–4). Смысл этой акции очевиден: гарантировать нормаль-

---

можно думать о наличии у них «официальных» рычагов влияния на династическую политику Ариаратидов.

[107] Ср.: *Müller H.* Op. cit. S. 407.

[108] *Sullivan R.D.* Op. cit. P. 1137. При этом канадский ученый правомерно отмечает, что эта цель, сама по себе вполне логичная, не была достигнута.

[109] Впрочем, роль данной практики могла быть противоречивой. Так, к примеру, если Ариарат IV действительно намеревался передать престол младшему сыну в обход старших, то это стало одной из причин разгоревшегося после его смерти кризиса.

ную передачу власти в государстве в случае гибели царя на войне. Вероятно, Ариаратиды стремились следовать в данном отношении своим ахеменидским предшественникам.

Второй государственный институт неясного происхождения, игравший немаловажную роль в истории Каппадокии, – это наличие определенных властных полномочий у «народа каппадокийцев». Перечислим случаи их реализации в хронологическом порядке.

1) «После победы над Антиохом… римляне,… заключая договоры о дружбе и союзы с народностями и царями (καὶ φιλίαι καὶ συμμαχίαι ἐποιοῦντιο πρός τε τὰ ἔθνη καὶ τοὺς βασιλέας),… всем прочим царям… оказали эту честь только лично, а царю Каппадокии – вместе с народом (τῷ δὲ Καππάδοκι καὶ αυτῷ καὶ δὲ τῷ ἔθνει κοινῇ – Strabo. XII.2.11). Этот пассаж трактовался по-разному. Скорее всего, в нем под «народом» подразумевается именно каппадокийская знать[110], и сложно полагать, что эта акция была проведена римлянами *ad hoc*, скорее, они должны были ориентироваться на уже существовавшие в Каппадокии институты.

2) Уже упоминавшаяся выше драматическая ситуация, сложившаяся в стране после убийства вдовой Ариарата V пятерых из ее сыновей (Just. XXXVII.1.4–5), также могла быть разрешена при вмешательстве каппадокийцев, убивших жестокую царицу и возведших на престол единственного оставшегося в живых из ее детей, будущего Ариарата VI[111].

3) Вслед за смертью последних представителей рода Ариаратидов римский сенат даровал Каппадокии «свободу»[112], от которой каппадокийцы отказались. После этого в стране состоялись выборы царя с помощью голосования, в результате чего страну возглавил Ариобарзан (Strabo. XII.2.11; Just. XXXVIII.2.8).

Вряд ли прав Л. Баллестерос Пастор, считающий, что, в отличие от Понтийского царства, где назначение наследника являлось исключительной прерогативой царя, в Каппадокии кандидатура нового царя *должна была* утверждаться народом[113]. Вышеперечисленные случаи не дают оснований говорить об обычной практике такого рода; скорее, иранско-каппадокийская знать могла вмешиваться в ход династических кри-

---

[110] *Reinach Th.* Mithridate Eupator. P. 149; *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto, 1990. P. 55; *Mastrocinque A.* Studi sulle guerre Mithridatiche. Stuttgart, 1999. P. 29. Nota 63. В пользу этого свидетельствует словоупотребление других источников: Полибий говорит о ἡγεμόνες в Каппадокии, которых созвал на пир Ариарат V (XXXI.17.1), Диодор – о почестях, оказанных им после воцарения «друзьям и тем, кто находился у власти» (τῶν τε φίλων καὶ τῶν ἐφ' ἡγεμονίας τεταγμένων – XXXI.21.1), возможно, речь здесь идет об одних и тех же событиях. При этом Р. Фрай отмечает, что правители областей, сатрапы, представители местной знати, пребывавшие при дворце ахеменидского царя царей, могли быть сотрапезниками монарха, что считалось высочайшей честью (Hdt. V.24) (*Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 2002. С. 139), так что и здесь, возможно, следует видеть проявление персидских традиций на каппадокийской почве. О царских сотрапезниках и советниках см.: *Wiesehöfer J.* Die "Freunde" und "Wohltater" des Grosskönigs // Studio Iranica. 1980. Bd. 9. S. 7–21.

[111] *Ballesteros Pastor L.* El reino del Ponto // ΔΙΑΔΟΧΟΣ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. La figura del sucesor en la realeza helenística / Gerión Anejos. Serie de Monografías. Ed. *V.A. Troncoso*. Anejo IX. Madrid, 2005. P. 127.

[112] Р. Салливан полагал, что под «свободой» для каппадокийцев в данном случае могла подразумеваться автономия довольно немногочисленных греческих общин царства (*Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty… P. 348. Note 33); но это кажется маловероятным.

[113] *Ballesteros Pastor L.* El reino del Ponto. P. 127–128.

зисов лишь в поистине критических ситуациях (что, тем не менее, было каким-то образом формально оговорено), а, кроме того, она имела и некие «представительские права» в межгосударственных делах, никак с утверждением нового монарха не связанных. Допустимой представляется аналогия с полномочиями в управлении государством вифинской аристократии[114], пафлагонцев[115], а также, быть может, с существованием наряду с монархической властью неких органов государственного управления, связанных с традиционными аристократическими институтами в Македонии (в том числе, эллинистической)[116]. Такое положение вещей выглядит вполне объяснимым. Власть царей в Македонии, Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии существенно отличалась по своей сути от власти Птолемеев и Селевкидов, носившей по преимуществу личный характер. Разумеется, и в Сирийском, и в Египетском царствах представители правящей элиты в моменты смут могли оказывать непосредственное влияние на ход событий, выдвигая одних претендентов на престол, устраняя других и т.д. Но это вмешательство не имело никакого правового обоснования[117] и осуществлялось, как правило, силами армии или ближайшего окружения царя – то есть «придворного общества», тогда как в Македонии и названных государствах АЭК такие действия, видимо, являлись прерогативой господствующего «этно-класса» и имели некую легальную основу, восходящую к местным этнополитическим традициям[118].

Не исключено, что и этот институт в структуре каппадокийской монархической власти имел иранско-ахеменидское происхождение. По Диодору, как отмечалось выше, потомок Кира Великого и предок каппадокийских царей Афанас был, якобы, в числе «семи персов», решавших судьбу Ахеменидской державы после устранения Бардии/Гау-

---

[114] *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. С. 446–447.

[115] События конца II в. до н.э., связанные с оккупацией страны Митридатом Евпатором и Никомедом Эвергетом и последующим назначением в качестве царя сына последнего (см. об этом: там же. С. 353–355; 368–369), дают основания предполагать активное участие в них пафлагонской аристократии.

[116] Дискуссия о роли армии и народного собрания в Македонии имеет довольно длительную историю. Хотя ряд видных антиковедов (Р.М. Эррингтон, Ю. Борза и др.) отрицают наличие у них каких бы то ни было формальных прав, противоположные аргументы заслуживают внимания. Так, П. Бриан сформулировал теорию о существовании не только войскового, но и народного собрания македонян в раннеэллинистическую эпоху (*Briant P.* Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée Macédonienne. P., 1973. P. 279–350). Во многих работах Н.Дж.Л. Хэммонда ключевой является идея о том, что с самых ранних времен македоняне были признанной частью Македонского государства. Он предполагает наличие в Македонии только войскового собрания, имевшего широкий набор судебных, финансовых и политических полномочий – вплоть до смещения царя; см., например: *Hammond N.G.L.* The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxf., 1989. Passim (хотя трактовка британским ученым термина Μακεδόνες почти всегда в политическом смысле вызывает возражения). На основании новых эпиграфических и нумизматических материалов идея о важной роли Κοινὸν τῶν Μακεδόνων при Антигонидах развивается в последние годы М. Хадзопулосом: *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens, 1996. P. 261–321.

[117] См. наиболее отчетливо на примере державы Селевкидов: *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 10–12.

[118] Исходя из общих соображений, можно допустить, что приобщение «народа каппадокийцев» к власти персидской династии осуществлялось путем браков представителей правящего рода с представительницами собственно каппадокийской знати, но это предположение, разумеется, сугубо умозрительно. Р. Фрай допускает возможность, что Ахемениды могли практиковать браки с представительницами эламской аристократии или каких-либо иных династий (*Фрай Р.* Указ. соч. С. 138), что могло создать прецедент и для Ариаратидов.

маты/Смердиса. Хорошо известно, что заговор против этого правителя был делом рук персидской элиты, именовавшейся в Бехистунской надписи Дария I термином *kāra* («народ-войско»)[119], и потому позволительно считать, что полумифический основатель каппадокийской династии «персонифицирует» в своем лице изначально персидскую, а затем и иранско-каппадокийскую аристократию, имевшую определенные властные полномочия. Это вполне соответствует традиционной концепции персидской царской власти, согласно которой царь считался практически *primus inter pares*, а его положение во многом зависело от поддержки его собственного рода, его личных сторонников и военной свиты[120]. Как кажется, параллель Бехистунской надписи позволяет уточнить вывод об ахеменидских (причем, скорее даже своего рода «олигархических», нежели собственно монархических) корнях ряда черт политической традиции Каппадокии.

Уместным представляется, подводя итог исследования, еще раз провести сравнение между Каппадокийским и Понтийским царствами. Понтийские монархи тоже делали ставку на различные элементы собственно персидского наследия, поскольку в многоэтничном Понте какая-либо единая политико-правовая система, способная конкурировать с иранско-ахеменидской, попросту не сложилась (что ярче всего проявляется в версии об ахеменидском происхождении понтийских царей, известной уже Полибию)[121]. Однако при сопоставлении государственных традиций Понта и Каппадокии выясняется, что первые, пожалуй, в большей степени соответствовали собственно эллинистическим образцам: влияние ахеменидских традиций и институтов становится особенно ощутимым (или, по крайней мере, заметным для наших источников) только при Митридате Евпаторе, имевшем реальные основания претендовать на роль «царя царей». В Каппадокии сложилась несколько иная ситуация. Создается впечатление, что Ариаратиды, добившись равного статуса с Селевкидами посредством нестандартной политико-правовой акции, в дальнейшем начинают чрезмерно настойчиво подчеркивать свое родство с Ахеменидами, стремясь тем самым доказать свои преимущества перед понтийским царским домом. Цари Каппадокии оказа-

---

[119] См., в частности, именно в рассказе об узурпации Гауматы и заговоре против него (DB. I): «Народ он так обманывал, говоря: “Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиза”. Тогда весь народ взбунтовался…»; «Народ очень боялся, что он перебьет многих, кто прежде знал Бардию…»; «Я вернул народу [его] достояние, скот, домашнюю челядь, фамильные владения, которые Гаумата-маг у него отнял» (перев. В.И. Абаева по изд.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х частях. Часть 2 / Под ред. акад. *М.А. Коростовцева*, д.и.н. *И.С. Кацнельсона*, проф. *В.И. Кузищина*. М., 1980. С. 24–25); ср. несколько иной вариант перевода: *Фрай Р.* Указ. соч. С. 128–129.

[120] См. о роли и официальных полномочиях «народа-войска» в избрании царя: *Фрай Р.* Указ. соч. С. 136 со ссылкой на: *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran // Numen. Leiden, 1959. Suppl. 4. P. 242–257; ср.: *Balcer J.M.* Sparda on the Bitter Sea. Imperial Interaction in Western Anatolia. Chico, 1984. P. 152, где исследователь отмечает, что в число ближайшего окружения царя могли входить собственно персы, мидийцы, а также знать неиранского происхождения. Последнее замечание особо важно, так как позволяет предполагать присутствие в составе «придворного общества» эллинистической Каппадокии не только персов, но и этнических каппадокийцев.

[121] См. последние работы, в которых приведена достаточно полная историография проблемы: *Højte J.M.* The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE. I². 402) and its Implications // Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 B.C. Aarhus, 2003. P. 138–152; *Габелко О.Л.* Критические заметки….

лись, образно говоря, в плену у прошлого: монархические институты, функционировавшие в Персидской державе и воспринятые ими, далеко не всегда становились адекватны условиям эллинистической эпохи, и в этом следует видеть одну из причин неустойчивости и уязвимости каппадокийской династии Ариаратидов, приведших ее к трагическому и кровавому финалу.

Итак, можно подытожить, что в структуре каппадокийской государственности обнаруживаются некоторые институты, связанные с иранско-ахеменидскими, или, с меньшей степенью вероятности, местными малоазийскими традициями. Вместе с тем, в брачно-династической политике Ариаратидов, в системе легализации их властного положения тоже прослеживается немало черт, роднящих Каппадокию с соседними государствами Анатолии. Это царство было также типичным государством «второго ранга» на арене межгосударственных отношений эллинистического мира и даже их малоазийском театре: не имея достаточных военно-политических ресурсов для стабильного проведения самостоятельного курса, Каппадокия оказывалась в зависимости от более сильных соседей, с правящими домами которых Ариаратиды устанавливали матримониальные связи: сначала – от Селевкидов, а затем – от понтийских царей.

OLEG L. GABELKO (KAZAN)

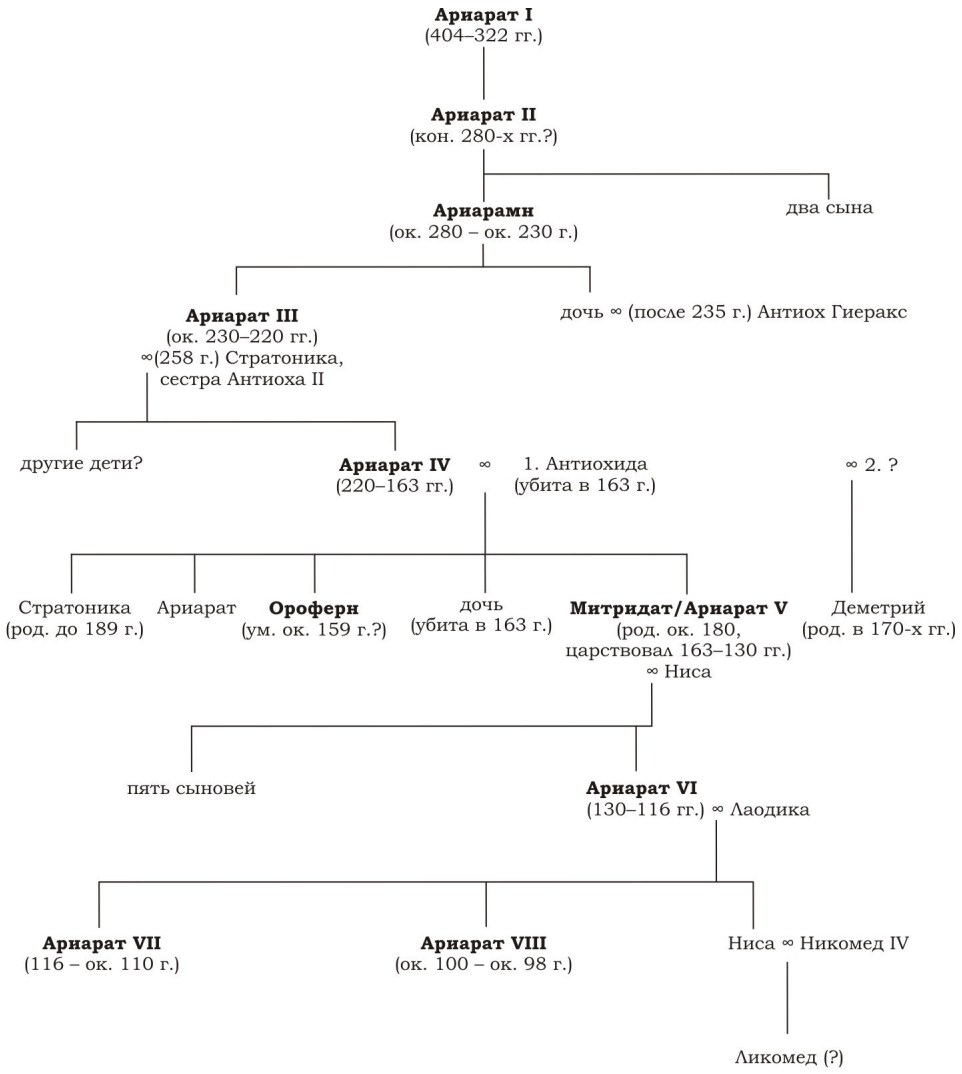
ON DYNASTIC HISTORY OF HELLENISTIC CAPPADOCIA: THE ROYAL HOUSE OF THE ARIARATHIDS

The article analyses the dynastic history of the Cappadocian kingdom of the Ariarathids. On the basis of written sources (works by Diodorus Siculus, Polybius, Pompeius Trogus/Justin, etc), numismatic and epigraphic materials, the author makes the following conclusions:

1. “Official” geneology of Ariarathids, provided in XXXI book of Diodorus, was created under the reign of Ariarathes V Philopator and is partially biased (emphasisses the origin of the Achaemenids and “seven persians”, the version of Ariarathes Philopator’s brothers birth), and is partially distorted due to mistakes in sources, used by Diodorus. However, it contains valuable information related to instruments, by which Ariarathids, Persians by origin, tried to legitimize their power in Cappadocia.

2. Ariarathes III (c. 230–220 B.C.) the first representative of the dynasty who got a royal title was entitled as a result of his marriage with a sister of The Seleucid king Aniochos II Theos (258 B.C.). Thus he launched a legal mechanism, allowing the Cappadocian royal house become equal in status to Syrian rulers and later be accepted by kings of Pontos and Bithynia.

3. Legal norms of Cappadocian royal power are most likely originated from Iranian-Achaemenids: first, a frequency of co-reigning and passing the throne at kings’ life to their previously appointed heirs; and second, an active involvement of local nobility “the people of the Cappadocians” into state affairs. These institutes, created to prevent dynastic crisis, did not always answer this need.



Генеалогическое древо кападокийской династии Ариаратидов
(к статье О.Л. Габелко)

И.А. Ладынин, О.Л. Габелко, Ю.Н. Кузьмин

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА? РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ Д. ОГДЕНА

(*Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea: Duckworth – The Classical Press of Wales, 1999. XXXIV, 317 p.)*

История эллинизма принадлежит к числу тем, пользующихся сейчас особым вниманием в антиковедении; свидетельством этого являются многие десятки и даже сотни работ, непрерывно выходящие в свет на самых разных языках. Казалось бы, в такой ситуации трудно ожидать появления каких-то кардинально новых подходов, материализующихся в публикации обобщающих исследований по проблемам, не получившим до сих пор достаточного освещения в мировой историиографии. Тем не менее, следует констатировать, что книга д-ра Дэниэла Огдена, исследователя работающего сейчас в университете г. Экзетер (Великобритания), представляет собой именно такое явление: солидных работ по династической истории эллинизма в мировом антиковедении совсем не много[1].

Обращение английского исследователя к проблематике, заявленной в заглавии монографии (надо сказать, весьма своеобразном) выглядит вполне логичным в свете его научных интересов. Например, Д. Огден является автором монографии, посвященной представлениям греков о незаконнорожденности[2], а также одним из редакторов (наряду с С. Ле Боэк) солидного коллективного труда по истории эллинизма[3]. Соответственно, тема рецензируемой книги находится как бы на стыке двух из направлений его научной деятельности; оттого можно полагать, что она выдержала некоторую проверку временем, что заставляет отнестись к методам Д. Огдена с особым вниманием.

Поскольку подход автора претендует на известную степень универсальности и представляется очень важным для уяснения сущности мно-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05–01–01225а «Институты монархии в эллинском мире (V–I вв. до н.э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика». Авторы выражают искреннюю признательность к.и.н. Л.Ф. Недашковскому (Казанский государственный университет), благодаря любезности которого они получили возможность познакомиться с рецензируемой книгой Д. Огдена.

[1] Необходимо, конечно, упомянуть монографии Г. Макарди и Я. Зайберта (*Macurdy G.H.* Hellenistic Queens: A Study of Women-power in Macedonia, Seleucid Syria, and Ptolemaic Egypt. Baltimore, 1932; *Seibert J.* Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967; вторая из них представляет, строго говоря, комментированный справочник по известным на тот момент династическим альянсам эпохи эллинизма). Кроме того, в 2000 г. увидела свет книга Э. Кэрни «Женщины и монархия в Македонии» (*Carney E.D.* Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000), многие аспекты династической политики Темендидов/Аргеадов и Антигонидов были рассмотрены поиному, нежели в монографии Д. Огдена. Уже в начале нового столетия были защищены две диссертации по сходной проблематике: *Whiteley R.* Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on *Hetairai.* Univ. of Calgary, 2000; *Nourse K.L.* Women and the Early Development of Royal Power in the Hellenistic East. Univ. of Pennsylvania, 2002 (в обоих исследованиях имеются ссылки на рецензируемую монографию Д. Огдена).

[2] *Ogden D.* Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Periods. Oxf., 1996.

[3] The Hellenistic World: New Perspectives / Ed. by *D. Ogden, S. Le Bohec-Bouhet.* L., 2002.

гих принципиальных событий истории эллинистического мира, то, как мы надеемся, выглядит вполне понятным решение трех исследователей, занимающихся различными проблемами истории эпохи эллинизма, совместно провести детальный разбор основных положений его книги, – даже если он выйдет по объему и тщательности анализа за рамки стандартной рецензии. При этом авторы данной работы не ставят своей целью дать обзор и анализ всего материала, имеющегося в книге: основное внимание будет уделено лишь наиболее важным моментам собственно династической истории эллинистических держав, разбираемых автором в первой части монографии: «Полигамия и смерть при македонском и эллинистических дворах» (она включает семь глав, посвященных соответственно Аргеадам до Филиппа II включительно, Александру, Кассандру и Лисимаху, Птолемеям, Селевкидам, Антигонидам, Атталидам)[4].

Итак, в чем же суть концепции Д. Огдена, которая, с его точки зрения, может объяснить практически все ключевые моменты династической истории эллинистических государств? Она ясно и доходчиво изложена автором в разделе книги, названном (весьма симптоматично, но несколько непривычно для российского читателя) “Argument” (p. IX–XXIV). Здесь Д. Огден и формулирует тезис, от которого он отталкивается в ходе дальнейшего исследования. По наблюдению ряда исследователей, всецело воспринятому автором рецензируемой монографии, характерной чертой династии Аргеадов архаичной, «доалександровой» Македонии была полигамия; соответственно, перманентной проблемой царского дома были раздоры между детьми царя по вопросу о наследовании власти. Максимальная лояльность в рамках этой династии наблюдалась между сыновьями царя и их матерями, стремящимися возвести их на престол; следующая «градация» династической лояльности была представлена отношениями между детьми царя от одной женщины; и, наконец, самой благодатной почвой для династических конфликтов («амфиметрических», по терминологии Огдена – p. X) были естественные противоречия между детьми царя от разных браков. По мнению исследователя, именно такие амфиметрические конфликты были унаследованы от дома Аргеадов эллинистическими династиями; и степень успеха в их преодолении определяла стабильность каждого царского дома. Схема

---

[4] Информация о царских гетерах/куртизанках (методика исследования, освещение их статуса, карьеры и деятельности), собранная во второй части книги (p. 215–273), а также в двух приложениях (размещение куртизанок в царских дворцах – p. 273–277; сводка данных источников о куртизанках, известных в связи с различными эллинистическими монархами – p. 278–281) здесь специально анализироваться не будет. Стоит лишь отметить, что в целом этот материал достаточно оригинален, а анализ его проведен исследователем на высоком уровне, хотя некоторое сомнение вызывает стремление Д. Огдена «повысить» роль и значение гетер при эллинистических царских дворах (примеры чего будут приведены в дальнейшем).

Во второй части книги автор затрагивает и вопрос о значениях имен и прозвищ ряда гетер. Некоторые из них он склонен связывать с практиковавшимися гетерами позициями при половых актах. Например, имя Леэна (Λέαινα – «Львица»), по мнению Огдена: *may have been intended to evoke the sexual position of the same name, perhaps equivalent to our “doggy style”* (p. 260–261). Схожее объяснение Огден предлагает и для имен с основой ἱππ-, связывая их с позицией κέλης (хотя возможным считает и аристократическое происхождение этих имен – с. 250, что, конечно, более правдоподобно). Замечание по поводу имени (или, скорее, прозвища) Λέαινα достаточно интересно (ср.: Aristoph. *Lys.* v. 231–232; Luc. *Dial. meretr.* 5), однако столь узкая «рабочая специализация» гетер, якобы влиявшая даже на их прозвища, все же вызывает определенные сомнения.

довольно стройная и логичная, но выдерживает ли она проверку данными источников?

На наш взгляд, вынесение подобного тезиса едва ли не в заголовок столь обширной по своему замыслу и охвату работы грешит недооценкой сразу нескольких моментов, каждый из которых вполне фундаментален. Прежде всего, само наблюдение о полигамии и «амфиметрических» конфликтах как характерной черте дома Темендов/Аргеадов не стоило бы абсолютизировать. Достаточно взглянуть на сводку таких конфликтов в том же вводном разделе работы Д. Огдена (p. XIII), чтобы заметить, что более половины из них приходятся на эпизоды передачи власти от Аминты III к Филиппу II и от него к Александру, а также на время Александра и эпоху диадохов. Между тем достаточно понятно, что нельзя рассматривать в одном ряду династические конфликты, имевшие место до воцарения Александра Великого, в его эпоху и после нее, по элементарной причине резких различий в политических и идеологических условиях, в которых эти конфликты проходили (об этом мы еще скажем ниже).

Далее, династические конфликты внутри дома Темендов/Аргеадов (особенно в эпоху диадохов) невозможно оторвать от попыток прежних полководцев Александра породниться с этой династией (переговоры Пердикки о браке с сестрой Александра Клеопатрой, брак Кассандра и побочной дочери Филиппа II Фессалоники, наконец, попытки сватовства Птолемея, Лисимаха и Антигона к Клеопатре уже в последнем десятилетии IV в. до н.э.)[5]. Соответственно, удивительно, что Д. Огден игнорирует как эти попытки, так и их «идеологическую основу» – установленное Н. Хэммондом представление о сакросанктном характере власти македонских царей, связанным с их происхождением от Геракла, и о возможности приобщиться к ней, породнившись с их родом[6]. Между тем, это представление было важнейшим фактором династической борьбы в эпоху диадохов; утрата же его актуальности с пресечением дома Темендов/Аргеадов должна была повлечь очень существенную перестройку во всей системе династических отношений в нарождавшемся эллинистическом мире (собственно говоря, привести к подлинному конституированию эллинистических династий, уже не стремящихся «приписаться» к дому Александра).

Однако самым серьезным возражением против намеченного Д. Огденом подхода будет, пожалуй, тот бесспорный факт, что с эпохи Александра династическая история Темендов/Аргеадов в значительной мере выходит далеко за рамки чисто македонской традиции; несомненно, что это справедливо и по отношению к эллинистическим династиям, пришедшим на смену дому Александра. Прежде всего, все браки Александра связывали его с женщинами Востока, и уже по этой причине они едва ли должны рассматриваться исключительно в свете македонской

---

[5] См. очень удобную сводку источников по данным эпизодам в книге Р. Хэдли: *Hadley R.A.* Deified Kingship and Propaganda Coinage in the Early Hellenistic Age. Philadelphia, 1964. P. 22. Note 63–65.

[6] *Hammond N.G.L.* The Macedonian State: The Origins, Institutions and History. Oxf., 1989. P. 16–18 (о божественном происхождении Темендов/Аргеадов), 21–24 (о религиозных функциях македонских царей и их династическом характере).

полигамии, как это пытается сделать Д. Огден (глава II его работы, посвященная времени Александра, – p. 41–52).

Гораздо более важно следующее: по крайней мере с момента решающих побед над персами в 331 г. до н.э. Александр стремился создать беспрецедентное в истории межрегиональное государство с синкретической идеологией, основанной на его культе и адресованной не только македонянам, но, как минимум, еще и грекам (мы сознательно отделяем эту эллинизированную составляющую его идеологии от той, что была адресована его восточным подданным, поскольку последняя не была инновативной и, по сути дела, сводилась к воспроизводству уже сложившейся восточной традиции)[7]. При жизни Александра именно его культ был надежным (похоже, даже закрепившимся в идейном арсенале Аристотеля: *Pol.* III.8.1. 1284 a 4–12; 11.13. 1288 a 26)[8] обоснованием его прав на абсолютную власть как перед македонянами, так и перед эллинами. После смерти Александра его культ был, судя по всему, использован Олимпиадой для властного вмешательства в македонскую династическую традицию и обоснования исключительного права на царскую власть за ветвью Темендов/Аргеадов, порожденной знаменитым соединением Олимпиады и Зевса-Аммона в обличье змея[9]. Между тем, Д. Огден практически не задается вопросом о том, в какой мере эти идеологические факторы воздействовали на расстановку сил в доме Александра в его время и на исходе его существования. Когда же к первым десятилетиям III в. до н.э. система эллинистических государств сформировалась, должно было обнаружиться следующее: тот уклад жизни и адекватное ему мировоззрение, в которых существовала архаическая монархия Темендов/Аргеадов до Александра, сохранились разве что в Македонском царстве III в. до н.э. (хотя и там, бесспорно, *mutatis mutandis*). В царствах эллинистического Востока власть представителей правящих в них династий вышла уже на качественно иной уровень по сравнению с доалександровой Македонией. Вместе с тем определяющими для сознания подданных восточных эллинистических государей – греков и македонян, слившихся в единую, возвышающуюся над коренным населением этих стран, общность, – были не старомакедонские нравы и установления, а скорее полисное сознание (достаточно назвать теперь уже классические работы Г.А. Кошеленко, выявившие роль полиса в эпоху эллинизма на территориях от Западной Малой Азии до Бактрии)[10] и некоторые идеологические новации эллинизма (например, в Египте – династический культ Птолемеев, содействовавший выработке ощущения единства у всех их подданных, принадлежащих к эллинской

---

[7] *Ладынин И.А.* Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 200–225; *Ladynin I.* The Olympic Games of 324 B.C. and the Unification of Lands under Alexander's Sway // Les Jeux Olympiques dans l'antiquité / Sous la direction de *V.I. Kuzishchin*. Athènes, 2004. P. 161–184.

[8] *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984. С. 55; 356. Прим. 12.

[9] *Ладынин И.А.* Сюжет рождения Александра Великого от змея: к вопросу о времени и исторических условиях возникновения // ААе. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 28–41.

[10] *Кошеленко Г.А.* Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 59–78; *он же.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

культуре, как в немногих полисах, так и на хоре, вплоть до возможности «подключения» к этой форме общественного сознания эллинизированных египтян)[11]. В связи с этим важнейшее значение времени Александра видится, конечно, в том, что именно на его протяжении понятие абсолютной власти царя оказалось включено (с принципиальной точки зрения, впервые со времени разложения еще в начале архаики древнейших царских династий в греческом мире!) в сознание людей эллинского круга не как антиценность. Однако между подобной принципиальной переменой в сознании и выработкой реальной, если угодно, обиходной, практики отношений как между царем и подданными, так и между царскими династиями и внутри них не могла не пролегать дистанция весьма внушительного размера. Именно невыработанность подобной политической, в том числе династической, практики эллинистической монархии, то, что ее институты в течение минимум первой половины III в. до н.э. не могли не оставаться на стадии становления, и должно было предопределить многие коллизии внутри царских династий, по крайней мере, не в меньшей степени, чем располагающий к ним, по мнению Д. Огдена, традиционный уклад дома Теменидов/Аргеадов. Кстати, не стоит сбрасывать со счетов и то, что сама рецепция этого уклада династиями, идущими от сподвижников Александра, не могла быть совершенно автоматической, коль скоро обоснование их преемственности от древней македонской династии было возможно в лучшем случае на уровне фикции, а существовали они в совершенно иных исторических условиях, чем архаичная македонская монархия[12].

---

[11] См. об общегосударственном эпонимном культе Александра и обожествленных чет Птолемеев: *Ilsewijn J.* De sacerdotibus sacerdotiisque Alexandri Magni et Lagidarum eponymis. Bruxelles, 1961; *Clarysse W., van der Veken G.* (with the assistance of *S.P. Vleeming*). The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt. Leiden, 1983 и ниже литературу, указанную в прим. 17.

[12] Мы еще скажем по поводу фикции происхождения Птолемея Сотера от Теменидов/Аргеадов; из других идеологических конструктов сходного назначения нужно назвать возникшие применительно к Селевку I Никатору легенды о том, что его первая жена Апама была дочерью Александра и Роксаны (см. ниже), о его рождении от Аполлона, якобы удостоившего близости его мать (Just. XV.4.3), по полной аналогии с рождением Александра от Аммона (см. выше наше прим. 9), а также о том, как незадолго до смерти Александра ему довелось возложить на голову его царскую повязку и приобщиться тем самым к его статусу (App. *Syr.* 56). Похожая легенда – о перевязке царской повязкой Александра кровоточащей раны – возникает применительно к Лисимаху (App. *Syr.* 64); кроме того, он взял к себе на службу Онесикрита, создавшего об Александре произведение, сказочно-апологетический характер которого вызывал порой улыбку у самого его заказчика (Plut. *Alex.* 46; *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 27). Лисимах начал активно пропагандировать идею божественного происхождения Александра в своем характерном монетном чекане с изображениями царя на аверсе в диадеме и с «рогами Аммона» (*Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 1991. P. 81; Pl. 178–179, 181–182). Легко заметить, что уже на протяжении эпохи диадохов легитимирующий их царский статус характер приобретает даже не происхождение от Теменидов/Аргеадов, а преемство непосредственно от Александра, в том числе на уровне элементарной связи вех их собственных биографий с деяниями царя (ср. в идеологии Птолемеев место Александра в системе их династического культа – см. наше предыдущее прим.; а также: Theocr. XVII.18–19; ср., однако: ibid. 20–27: о происхождении как Александра, так и Птолемеев от Геракла, предполагающем сакросанктный характер власти обеих династий; ср. также историю с диадемой Александра и Селевка – Arr. *Anab.* VII.22.5). В этой связи имело бы смысл уделить внимание местным культам Александра в эллинистическую эпоху

Мы уже отчасти затронули вторую главу монографии Д. Огдена, посвященную династическим коллизиям времени Александра Великого. К уже сказанному стоит добавить, что, пожалуй, некоторое недоумение вызывает педантизм, с которым автор включает в перечень связей Александра с женщинами его встречи с эфиопской царицей Кандакой и предводительницей амазонок Фалестридой, «засвидетельствованные» соответственно в «Романе» Псевдо-Каллисфена и в традиции, идущей от Онесекрита (причем, если последний эпизод Огден внятно называет фикцией, то в отношении первого он от этого почему-то воздерживается – p. 42).

Двум «несостоявшимся» династиям – Кассандра и Лисимаха – посвящена третья глава монографии Д. Огдена. Основное внимание исследователя здесь привлекают два сюжета. Первый – конфликт между младшими сыновьями Кассандра Антипатром и Александром IV, являющийся одним из примеров борьбы между неамфиметричными братьями. В связи с этим Д. Огден замечает: было бы заманчиво предположить, будто у Антипатра и Александра были разные матери, однако он признает, что источники однозначно свидетельствуют о том, что сыновья Кассандра были рождены одной женщиной – Фессалоникой, дочерью Филиппа II (p. 56). Второй сюжет посвящен династической борьбе в семье Лисимаха между его последней женой Арсиноей и сыном (от более раннего брака – с Никеей) Агафоклом, закончившейся гибелью последнего (p. 60–62).

В итоге, под влиянием как внутренних, так и в большей степени внешних факторов, оба царских дома не пережили своих основателей: сыновья Кассандра управляли Македонией лишь несколько лет после его смерти (до 294 г. до н.э.), а династия Лисимаха на нем и закончилась в 281 г. до н.э.

Четвертая глава монографии Д. Огдена, посвященная династической истории Птолемеев, начинается с обращения к не очень известной фикции, возводящей рождение Птолемея Сотера к адюльтеру супруги Лага Арсинои и Филиппа II. Оценивая этот топос, отразившийся у Павсания (I.6.2; 1.6.8), отчасти у Курция Руфа (IX.8.22) и в словаре «Суда» (s.v. Λάγος), Огден почему-то называет попытку Птолемеев легитимировать таким образом свой царский статус «парадоксом» (p. 67; на самом деле, учитывая представления о сакросанктной власти Темендов/Аргеадов, она выглядит вполне здраво, хотя, по самой своей специфике, едва ли могла иметь вполне официальный статус) и совершенно напрасно проходит мимо его реплики в «Романе об Александре» (Ps.-Call. *A.* III.32). Между тем именно эта – вероятно, древнейшая, восходящая еще к александрийской традиции III в. до н.э.[13], – реплика данного топоса позволяет должным образом оценить его истоки. На самом деле, гетерогенность традиций, проявившихся разом в этой фикции, трудно охарактеризовать в немногих словах: здесь сошлись вместе и стремление диадохов, памятовавших о сакросанктном характере монархии Темендов/Аргеадов, так или иначе «приписаться» к их дому (см. выше), и чисто египетский прием легитимации власти иноземного правителя

(см. сводку в книге Х. Хабихта: *Habicht Ch.* Gottmenschentum und griechische Städte. 2. Aufl. B., 1970. S. 17–36), однако эта задача заведомо выходит за рамки нашей рецензии.

[13] *Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // GRBS. 1973. Vol. 14. P. 386.

(вспомним, что начинается «Роман» с еще одной очевиднейшей фикции – рождения Александра от последнего фараона XXX династии Нектанеба II[14] – !), и элементы нарождающегося в государстве Птолемеев в начале III в. до н.э. их династического культа, краеугольным камнем которого был как раз культ Александра (см. ниже). На наш взгляд, подобный состав этого пропагандистского топоса – это еще один убедительный довод не в пользу предпринятого Огденом опыта объяснения закономерностей династической истории эллинизма на основе только македонской традиции.

По сути дела, сквозной идеей Д. Огдена при анализе материала по династической истории Птолемеев оказывается тезис об особой роли женщин, принадлежавших к этой династии, в ситуациях передачи власти. По мысли исследователя, столкнувшись с «типично амфиметрическим» конфликтом (между детьми Сотера Птолемеем Керавном и будущим Филадельфом), Птолемеи, с эпохи Филадельфа, попытались ввести практику кровнородственных браков между братьями и сестрами, потомство от которых должно было располагать незыблемыми правами на царский престол. Однако во II в. до н.э. подобная практика приводит к конфликтам внутри «полиандрического» семейства Птолемея VI Филометора, Птолемея VIII Эвергета II/«Фискона» и Клеопатры II (во вводном разделе Огден почему-то причисляет к «полиандрическим семействам» также и Птолемея IX, и Птолемея X, хотя далее эта мысль не получает развития по той понятной причине, что на самом деле эти цари не были связаны браками с одной и той же представительницей своего рода – см. p. XI и далее p. 87–99)[15]. В подобной ситуации принципиальное значение, по мнению Огдена, приобретает положение царицы, остающейся единственным стабильным носителем династической легитимности в условиях борьбы между ее братьями-супругами; и автор не жалеет сил для описания подобного положения, якобы достигнутого Клеопатрой II в условиях борьбы между Филометором и будущим «Фисконом» (середина II в. до н.э. – p. 86 f.). Именно этот прецедент, по мнению Огдена, способствовал укреплению авторитета царицы в династической практике Птолемеев, который ощущался вплоть до конца истории этой династии.

То, в какой мере эти построения Д. Огдена не выдерживают критики, представляется поистине поразительным! Начать хотя бы с того, что авторитет супруги царя был стабильно велик на протяжении всей истории Птолемеев: чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы то место, которое образы Береники I и Арсинои II занимают в знаменитой XVII элегии Феокрита, а образ Береники II – в произведениях Кал-

---

[14] См. только в отечественной литературе: *Струве В.В.* У истоков романа об Александре // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1; *Кинжалов Р.В.* Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир. Сб. стат. в честь акад. В.В. Струве. М., 1962; *Коростовцев М.А.* Египетское происхождение романа об Александре // КСИНА. 1964. Вып. 65. Об аналогичном опыте легитимации власти над Египтом Камбиза см. теперь: *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис (Hdt. III.1–2; Athen. XIII.560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. // АМА. 2006. Вып. 12. С. 33–42.

[15] См. чрезвычайно удобную сводку династической последовательности Птолемеев в монографии Г. Хёльбля: *Hölbl G.* A History of Ptolemaic Empire. London; New York, 2001. Stemmas 1–2. Мы также систематически используем изложение фактографического материала в данном издании, которое считаем лучшим за 1990-е – начало 2000-х обобщением политической истории и религиозно-идеологического развития державы Птолемеев.

лимаха (в том числе в знаменитом «Локоне Береники»). Далее, для того, чтобы убедиться в предпосылках подобного положения женщины в македонских династиях, стоило бы вернуться как раз к столь востребованной в труде Огдена практике дома Теменидов/Аргеадов и вспомнить, сколь активную роль в коллизиях его истории играли его представительницы (причем отнюдь не только знаменитая Олимпиада!)[16]. Наконец, как признает при обращении к фактическому материалу сам исследователь, о реальной практике кровнородственных браков в доме Птолемеев, нацеленной на упорядочение передачи царской власти, говорить не приходится: так, наследником знаменитой четы Птолемея II и Арсинои II, при которой, по мнению Д. Огдена, данная практика была замыслена, стал сын Филадельфа от первого брака – Птолемей III (p. 74–75), а в дальнейшем единственным на всю историю династии наследником престола от кровнородственного брака брата и сестры оказывается сын четы Филопаторов Птолемей V Эпифан. Заметим, что Огден не счел нужным задаться вопросом: какие, собственно говоря, препятствия имелись для конфликта внутри поколения потенциальных наследников престола не от разных, а от одного, хотя бы и кровнородственного брака, при том, что история дома Птолемеев знала примеры поразительной жестокости не только между братьями, но и между родителями и детьми? Что касается якобы особого положения Клеопатры II в будто бы «полиандрических» династических коллизиях середины II в. до н.э., то непредвзятый взгляд на их обстоятельства показывает, что реальное противостояние между ее супругом-братом Филометором и другим их братом, будущим «Фисконом», в течение жизни первого из них (до 145 г. до н.э.) велось по поводам, нимало не связанным с этой женщиной! О том, сколь «необходимым» для легитимации власти Птолемея VIII Эвергета II/«Фискона» оказался брак с нею после смерти Филометора, следует судить, по-видимому, по тому, что в течение нескольких лет после его заключения началась близость этого царя с ее дочерью Клеопатрой III, перешедшая в 141/140 г. до н.э. в законный брак (в конце же правления «Фискона» официальные документы, как известно, исходят от имени его и обеих цариц). Изгнание же царя Клеопатрой II на Кипр и ее попытка установить в Египте собственное полновластие в 132/1 г. до н.э. привели, как известно, к зверскому убийству «Фисконом» единственного сына от этого «легитимирующего» кровнородственного брака (Just. XXXVIII.8.12–13; еще до этого, при вступлении на престол, «Фискон» не остановился перед убийством сына Клеопатры II от Филометора: Just. XXXVIII.8.2–5). Вся совокупность этих фактов наводит на мысль о том, что брак с Клеопатрой II не столько легитимировал царский статус «Фискона» (его права на престол при отсутствии иных наследников не вызывали особых сомнений ввиду его принадлежности к царскому дому), сколько лишал ее подобающего вдовствующей царице относительно независимого положения в династии. Как видно, вывод Д. Огдена, что именно «прецедент Клеопатры II» содействовал укреплению статуса царицы в доме Птолемеев, наталкивается на весьма серьезные возражения.

---

[16] См. на примере отечественной историографии: *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 51–68 (третий параграф первой главы удачно назван «Наследницы»).

Не меньше вопросов вызывает и стремление исследователя объяснить все коллизии династической истории Птолемеев, так сказать, из нее самой, без учета иных воздействовавших на их ход факторов. Пожалуй, самым фундаментальным из этих факторов оказывается институт династического культа Птолемеев, о котором Д. Огден поразительным образом даже не упомянул. Между тем, именно это идеологическое явление задало модель, в рамках которой центральное место в государстве принадлежало не царю, а именно царской чете («богам Сотерам, Адельфам, Эвергетам, Филопаторам» и т. д.; кстати, именно с этим, а не с какимилибо династическими маневрами, как представляется Огдену, связано появление изображений царской четы в чеканке Филадельфа и Эвергета I – p. 75). Культ царской четы в какой-то мере воспроизводил египетский религиозный топос четы богов – брата и сестры (прежде всего, Осириса и Исиды, образы которых подверглись греческой рецепции уже в начале III в. до н.э. в рамках культа Сараписа); собственно говоря, именно этот топос, а не соображения династической практики, служил мотивацией для пресловутых кровнородственных браков внутри династии Птолемеев[17]. Заметим, что, оценивая само явление кровнородственных браков в доме Птолемеев, Д. Огден впадает в ошибку, очень симптоматичную для антиковеда, ориентирующегося, в частности, на хорошо известное сообщение Павсания о египетской, а не македонской основе традиции таких браков (Paus. I.7.1) и не знающего собственно древнеегипетских реалий. Весьма вольно ссылаясь на примеры кровнородственных браков в истории Египта эпохи фараонов (p. 77, 94 – в последнем случае речь идет о прецедентах царствований Эхнатона и Рамсеса II, отделенных от эпохи Птолемеев *не менее чем тысячелетием*), он не знает, что на самом деле такие примеры насчитываются единицами, не включают случаев брака между полными братьями и сестрами, а в отношении остальных у египтологов сплошь и рядом возникают сомнения, идет ли речь о реальном браке или лишь о некоей династической формальности[18]. На самом деле, реальную практику кровнородственных браков в династической истории Египта следует, по сути дела, считать вполне оригинальным «достижением» дома Птолемеев. Подводя некоторый итог попыткам Д. Огдена вывести некие закономерности династической истории Птолемеев, нужно сказать, что им явно стоит предпочесть анализ образующих ее конкретных исторических ситуаций, во всем многообразии воздействующих на них факторов.

Наконец, четвертая глава монографии Д. Огдена несвободна от ряда спорных суждений, фактических ошибок и умолчаний. На наш взгляд, исследователь излишне категоричен в своем отказе допустить возможность того, что супруга мемфисского верховного жреца Пасенптаха II Береника принадлежала к числу младших членов царской династии Птолемеев (p. 92). В данном случае речь идет о невероятно

---

[17] *Koenen L.* The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 81–113; *Ладынин И.А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. СПб., 2004. Вып. 3. С. 145–184 (сводя ссылки на литературу по истории и идеологии державы Птолемеев в настоящей рецензии к необходимому минимуму, мы позволим себе адресовать читателя к библиографическому аппарату этой работы).

[18] См., например: *Černý J.* Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // JEA. 1954. Vol. 40. P. 23–29.

древнем жреческом роде, прослеживавшем свою генеалогию вплоть до легендарного мудреца III тыс. до н.э. Имхотепа. Тот факт, что этот род, по выражению отечественного египтолога О.Д. Берлева, водил с Птолемеями «дружбу домами», несомненен, однако даже он с трудом объясняет то, что в 76 г. до н.э. еще один его представитель, Пасенптах III, возводится в сан верховного жреца, чтобы совершить коронацию Птолемея XII по египетскому обряду, в возрасте 14 лет! Предположение не только о близком знакомстве, но и косвенном родстве этой местной династии, числящей в своей истории такие эпизоды, с Птолемеями напрашивается, кажется, само собой[19]. В египтологической литературе существует целая серия исследований, посвященных надписи из Ахмима, которая, как считалось, упоминала некую «Птолемаиду» – супругу царя XXX династии Нектанеба I (380–363 гг. до н.э.; Urk. II.27). Последние исследования данного текста показали, что речь идет на самом деле об упоминании Арсинои II в любопытной близости от Коптоса – места ссылки первой супруги Птолемея Филадельфа Арсинои I[20]; однако сам факт этой полемики, предполагавшей небывало ранние, еще доэллинистические связи между египетским царским домом и Македонией, так же как и ее конечное разрешение, на наш взгляд, были бы достойны упоминания в исследовании той направленности, которую избрал Д. Огден.

Практически «за кадром» работы Огдена остались экстраординарные культовые почести, оказанные Арсиное II после ее смерти Птолемеем Филадельфом и отражающие ее особенное положение в царском доме (мотивированное, судя по всему, поистине великой страстью к ней ее супруга). Существенной неточностью, допущенной Д. Огденом, можно считать приписывание царского статуса сыну Филометора и Клеопатры II, убитого «Фисконом» при своем вступлении на престол (p. 86–87; 105. Note. 1). На самом деле, как показано в новейших исследованиях, нет оснований считать, что этот ребенок был провозглашен царем; что же касается культового эпитета «Неос Филопатор», который, в соответствии с устаревшим мнением, приписывается ему Огденом вместе с именем Птолемея VII, то источники фиксируют его появление не ранее 118 г. до н.э. и побуждают связывать его скорее с убитым «Фисконом» его сыном от Клеопатры II – так называемым «Мемфисцем»[21]. Таким образом, фактический материал по истории династии Птолемеев, собранный в монографии Д. Огдена, имеет смысл использовать, как минимум,

---

[19] См.: *Hölbl G.* Op. cit. P. 198 + Note 87; P. 218; 223 + Note 9–10, P. 294; 283 + Note 138–140; P. 299–300; *Reymond E.A.E.* From the Records of a Priestly Family from Memphis. Wiesbaden, 1981. P. 116 ff., 138 ff.; *Берлев О.Д., Ходжаш С.И.* Скульптура древнего Египта. М., 2004. С. 384 сл.

[20] *Kuhlmann K.P.* Ptolemais – the Demise of a Spurious Queen (Apropos JE 43610) // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens R. Stadelmann gewidmet / Hrsg. von *H. Guksch*, *D. Polz*. Mainz, 1998. S. 469–472 (с отсылками к предшествующей полемике по данному вопросу).

[21] *Hölbl G.* Op. cit. P. 202 + Note. 114; P. 219 (со ссылкой на: *Chauveau M.* Un été 145 // BIFAO. 1990. T. 90. P. 154–155). Г. Хёльбль условно переносит именование Птолемея VII Неоса Филопатора на «Мемфисца». Автор другого новейшего обобщающего труда по птолемеевскому Египту В. Хусс считает правильным исключить его, как и сына Филометора и Клеопатры II, из династической последовательности и именовать «Фискона» Птолемеем VII Эвергетом II (*Huss W.* Ägypten in der hellenistischer Zeit, 332–30 v. Chr. München, 2001. S. 11).

не в отрыве от других исследований по Египту этого времени, и ни в коей мере не предпочитая его последним.

Приступая в пятой главе к рассмотрению династической истории еще одного эллинистического царского дома «первой величины» – Селевкидов, Д. Огден обрисовывает в общих чертах схему, к которой его подводят наблюдения над данным материалом (p. 117). По его мнению, первые цари этой династии столкнулись с ситуациями пресловутого «амфиметрического» конфликта, первая из которых была разрешена Селевком I с хрестоматийной радикальностью (он попросту отдал свою вторую жену Стратонику, еще не успевшую родить ему наследника, воспылавшему любовью к ней своему сыну от Апамы Антиоху: Plut. *Demetr.* 38; App. *Syr.* 59–61; почему-то Огден не дает отсылки к сообщению Аппиана, вообще-то, более примечательному, чем аналогичная информация Плутарха, так как именно в нем это решение Селевка трактуется как беспрецедентное и оправданное только тем, что царь, в качестве законодателя, не связан никакими законами и обычаями[22]), вторая ситуация якобы вынудила Антиоха I казнить своего сына от Стратоники Селевка за участие в заговоре (ок. 268–266 гг. до н.э.; p. 125; Trog. *Prol.* XXVI; Ioan. Ant. Frag. 55 = FHG. IV. P. 558), а третья, после смерти Антиоха II, привела к острейшему кризису III Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.). Заметим пока, что единственным и очевидно слабым доводом Огдена в пользу «амфиметрического» характера второй из этих коллизий служит замечание, что в других эллинистических домах казни отцом сына и наследника имели именно такую мотивацию (p. 125); к разбору же ситуации кануна III Сирийской войны мы еще вернемся.

Следующий этап династической политики Селевкидов Огден связывает с Антиохом III, который, по его словам, «при организации браков своих сыновей и дочерей экспериментировал с заимствованной у Птолемеев практикой браков между родными братьями и сестрами и сочетал ее с левиратом». С середины II в. до н.э., на последнем этапе истории Селевкидов как хозяев великой державы, их династическая политика связана с союзами с Птолемеями, приобретающими с точки зрения Огдена, легитимирующую силу. Помимо названных династических ухищрений, еще одним приемом Селевкидов, обеспечивавшим преемственность власти, было совместное правление царя с избранным им наследником (в абсолютном большинстве случаев, сыном; единственный эпизод соправления братьев, закончившийся острейшим конфликтом между ними, – это одновременное признание царями Селевка II Каллиника и Антиоха Гиеракса ок. середины 230-х гг. до н.э.; p. 118[23]).

На наш взгляд, некоторые объяснения, «прописанные» Д. Огденом на материале истории Селевкидов, хорошо определяются английским выражением *beating a dead horse*; и в то же время применительно к ряду сюжетов он проходит мимо интерпретаций, которые не только напрашиваются, но и могут оказаться перспективными в контексте не одной лишь династической истории эпохи эллинизма. Так, говоря о практике левирата, кровнородственных браков и многоженства в династии Селевкидов, исследователь ищет их истоки в династической истории Ахе-

[22] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов / Пер. Л.М. Глускиной. М., 1985. С. 13.
[23] Там же. С. 23.

менидов. Что касается многоженства, то, во-первых, подобная практика требовала бы какого-то специального внимания и объяснения лишь применительно к случаям возвышения царем до равновысокого статуса одновременно двух (или более) разных жен. Сколько-нибудь близкая ситуация известна нам в эллинистической истории, кажется, только в случае брака «Фискона» с Клеопатрой II и ее дочерью Клеопатрой III ок. 141/0 г. до н.э. (как мы уже говорили, вскоре он обернулся возвышением второй из них, враждой между ними, а также между Клеопатрой II и «Фисконом» и, в конечном счете, чудовищной по своей жестокости войной, закончившейся весьма насильственным компромиссом (132–124 гг. до н.э.)). Случаи «двоеженства» Селевкидов, во-первых, далеко не бесспорны (не ясно в точности, совпадали ли во времени хотя бы ненадолго браки Селевка I с Апамой и Стратоникой – p. 119–120 – и Антиоха III с Лаодикой V и Эвбеей – p. 191; брак же Антиоха I и Нисы, возможно, сестры женщины, присланной Селевку I в жены Чандрагуптой ок. 303 г. до н.э., не достоверен – p. 120, 124[24]); во-вторых, ни один из них не порождает сомнений относительно того, какая именно из супруг царя имела высший статус (понятно, что не порождающий таких или иных династических проблем конкубинат царей вообще не требует специальных объяснений). В любом случае, основу этих ситуаций следует искать в династической практике не Ахеменидов, а скорее именно в акцентируемой автором в других местах книги традиции Темендов/Аргеадов с ее легким и неформализованным отношением к разводу и заключению нового брака, давшим повод некоторым исследователям говорить едва ли не о полигамии в этом доме[25].

Несомненные кровнородственные браки связывали дочь Антиоха III Лаодику VI с ее родным братом и несостоявшимся (ввиду ранней смерти) наследником престола Антиохом, а затем с реальными наследниками и также ее родными братьями Селевком IV и Антиохом IV (p. 193). Если первый из этих браков можно объяснить восприятием традиции, уже сложившейся в доме Птолемеев (и, как мы уже говорили, не связанной с восточным влиянием), то последующие два нужно отнести, скорее всего, за счет левиратного принципа наследования вместе с престолом жены того, кто его занимал или претендовал на него по праву. По-видимому, этот династический прием нужно, вместе с Огденом (p. 135) и К. Ватэном[26], и в самом деле объяснять стремлением придать неоспоримую легитимность наследованию власти в магистральной линии династии Селевкидов – причем на фоне создания Антиохом III, в условиях непреодолимой дезинтеграции окраин своей державы, целой системы связей с правителями малых государств и автономных образований, получивших в жены его дочерей (p. 132–134).

Меньше оснований имеется для вывода о кровнородственном браке Антиоха II и Лаодики II: о том, что она была сводной по отцу сестрой

---

[24] Брачно-династический союз между Селевком Никатором и Чандрагуптой вообще выглядит сомнительным; см.: *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 174–176 (где аргументируется мнение, что речь шла о договоре относительно возможности заключения браков между подданными Селевка и Чандрагупты, что и передано термином ἐπιγαμία).

[25] *Hammond N.G.L., Griffith G.T.* A History of Macedonia. Oxf., 1979. Vol. 2. P. 677.

[26] *Vatin C.* Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P., 1970. P. 93.

своего мужа, свидетельствует только Полиэн (VIII.50), но наличие к этому времени (ок. середины 260-х гг. до н.э.) яркого примера брака Птолемея II и Арсинои II, пожалуй, говорит в пользу возможности этого[27]. Однако наибольшие затруднения вызывает постулируемый Огденом брак Антиоха I с его родной или сводной сестрой. Отталкиваясь от единичной надписи, упоминающей безымянную «сестру-жену» этого царя (OGIS. I.219. v. 24: …τοὺς βασιλέως καὶ τῆς ἀδελφῆς αὐτοῦ βασιλίσσης…; при этом сам Огден допускает и престижный характер этого именования: p. 124–125), исследователь далее начинает обсуждать вероятные «последствия» (*implications*) данной возможности (оставляя, кстати, в тени немаловажный вопрос, от какого именно брака или связи Селевка I должна была родиться эта «сестра-жена» его сына). «Последствия» эти для Огдена сводятся прежде всего к выявлению вероятной модели для этого брака, коль скоро, по-видимому, он предшествовал самому раннему кровнородственному союзу эпохи эллинизма – браку Арсинои (II) и ее сводного брата (сына Птолемея Сотера от дочери Антипатра Эвридики) Птолемея Керавна (ок. 280 г. до н.э.): подобную модель он обнаруживает в династической истории Ахеменидов, заявляя, что, несмотря на сомнительность сведений о кровнородственных браках в этом доме (прежде всего о браке Камбиза II и сразу двух его сестер: Hdt. III.31), само их наличие свидетельствует о том, что они практиковались (p. 126–127). На фоне этого четко сформулированного, но далеко небесспорного тезиса невольно теряется, на наш взгляд, более значимая отсылка к прецедентам кровнородственных браков у Темендов/Аргеадов, о которых мы уже говорили в связи с династической историей Птолемеев (p. 125).

Гораздо более важным и, похоже, «специфически селевкидским» приемом легитимации оказывается левират, истоки и коннотации которого заслуживали бы более подробного обсуждения, чем в работе Д. Огдена. Похоже, что основополагающим прецедентом такого способа легитимации для Селевкидов оказалась история Селевка, Антиоха и Стратоники, ставшая, как мы уже сказали, хрестоматийной; однако мы отметили и то, что ее хрестоматийность была обусловлена именно ее исключительностью для своего времени. В этой связи автор обращает внимание опять же на ахеменидский прецедент: взятие основателем царской линии «младших Ахеменидов» Дарием I в жены вдов своих предшественников Камбиза II и Бардии (как считает все большее число исследователей, легитимного царя, лишь в пропагандистских целях выданного за самозванца Гаумату: Hdt. III.88; Just. I.10.13–14; p. 123[28]). В этом случае отсылка Огдена к ахеменидской традиции (причем «сработавшей» в принципиально важный момент династического перехода) кажется оправданной, но не исчерпывающей суть дела. Левират (как, кстати, и наследование престола сыном сестры) может быть инвариан-

---

[27] Для Антиоха II женитьба на кровной родственнице могла служить дополнительным средством легитимации своего положения после устранения его старшего брата Селевка (*Габелко О.Л.* Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 98. Прим. 57).

[28] *Briant P.* Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996. P. 144; 118 (о знаменитом фрагменте «Персов» Эсхила, где в перечислении Тенью Дария легитимных царей мидо-персидской династии пятым упоминается «Мардис, опозоривший / престол свой древний и отчизну…»; vv. 773–775).

том династической традиции Элама[29], при том что преемственность от эламских институтов была, судя по всему, необычайно важна для иранской государственности Ахеменидов, по крайней мере, на раннем этапе ее истории (достаточно вспомнить принятие титула «царь Анчана» первыми из них, до Кира включительно, статус Суз среди их царских резиденций и использование эламского языка как одного из государственных)[30]. В связи с этим любопытно и появление в контексте истории о Стратонике в изложении Лукиана и имени Комбабоса, восходящего к ассоциирующемуся именно с эламскими территориями Иранского нагорья месопотамскому мифологическому персонажу Хумбабе (Luc. *De Syr. dea.* 19–27), и сам факт того, что после брака Антиоха и Стратоники эта чета приобретает статус соправителей Селевка – царей «верхних сатрапий», т.е. прежде всего иранских областей его державы. Отвлекаясь непосредственно от «левиратного» аспекта этого эпизода, заметим, что предшествующий брак Селевка с Апамой (p. 119) должен был иметь большое (и совершенно неоцененное Огденом!) значение в плане выстраивания им отношений со своими иранскими подданными. Если в более поздней традиции (не ранее середины III в. до н.э.) Апама предстает дочерью Александра и Роксаны (идеологическое значение этой фикции столь же очевидно, как и ее анахронистичность), то в реальности она была дочерью Спитамена (p. 119)[31], одного из вождей элиты Бактрии, стремившихся сохранить независимую от Александра и при этом также восходящую к традиции иранского «царства стран»[32] государственность в прежних восточных ахеменидских землях. Даже при отсутствии политического расчета при заключении этого брака во время знаменитого массового бракосочетания в Сузах, позднее он не мог не быть полезен Селевку в противостоянии с опорой на иранские земли Антигону Монофтальму, представлявшему значительно более враждебное местной традиции греко-македонское начало. Возможно, легитимация Антиоха I как царя «верхних сатрапий» (и в перспективе наследника всей державы Селевка) при помощи левиратного брака была последним на очень долгую перспективу проявлением рецепции Селевкидами иранской политической традиции. Замечательным образом «рецидив» этой традиции мы видим в эпоху Антиоха III, попытавшегося в ходе похода на Восток вернуть под свою реальную власть «царство стран» и, как было замечено

---

[29] См.: *Юсифов Ю.Б.* Элам: социально-экономическая история. М., 1968. С. 188; *Хинц В.* Государство Элам. М., 1976. С. 86–89 (см., однако, оговорки, которые делаются по вопросу об этом эламском институте).

[30] К недавнему докладу Э.В. Рунга о персидском обычае требовать «землю и воду» в знак покорности и вассалитета (*Рунг Э.В.* Персидские требования земли и воды и позиция греков // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 338–341; ср.: *Рунг Э.В., Холод М.М.* Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н.э. // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 31–32 и в этом сборнике: *Рунг Э.В.* Афины и Персия: первые контакты. АМА. Вып. 13. С. 3–9) наш друг и коллега А.А. Немировский добавил комментарий, согласно которому его истоки следует считать именно эламскими (см. ссылку: *Хинц В.* Указ. соч. С. 122).

[31] *Shahbazi A.Sh.* s.v. Apamau // EIr (www.iranica.com).

[32] См. замечания о традиции «царства стран» («царства Азии» греческих источников) в работе: *Ладынин И.А.* Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова. СПб., 2005. С. 151–160.

больше века назад, официально принявшего адекватный этому и восходящий к греческому преломлению власти Ахеменидов титул βασιλεὺς μέγας[33]. Можно согласиться с Д. Огденом, что именно в линии преемников Антиоха III, как мы уже говорили, последовательно делающих своей женой Лаодику VI, мы видим особенно чистый пример левиратной легитимации прав на престол: может быть, он проявился именно под влиянием «ренессанса» при Антиохе III иранизирующей традиции «царства стран» (заметим, что по меньшей мере три из пяти государств и автономий, которые Антиох III хотел связать своего рода системой вассально-брачных союзов, – Армения, Понт и Каппадокия, p. 132–134 – по происхождению и антуражу власти своих династий могли претендовать на независимое от Селевкидов и специфически иранское продолжение традиции «царства стран»)[34]. Далее повторение этого же приема применительно к Клеопатре Тее (супруге Александра Баласа, Деметрия II и Антиоха VII; p. 147–152) и Клеопатре Селене (супруге Антиоха IX Кизикена и Антиоха X «Благочестивого»; p. 154–157) кажется уже совершенно естественной устоявшейся практикой.

Еще один комплекс проблем, отчасти непонятый, а отчасти запутанный Д. Огденом, – это династические аспекты кануна и времени III Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.). Как известно, само ее обозначение – «война Лаодики» – четко указывает на ее истоки: брак Антиоха II и дочери Птолемея II Филадельфа Береники, заключенный ок. 253–252 гг. до н.э. по итогам II Сирийской войны и отодвинувший от престолонаследия потомство Антиоха от первого брака с Лаодикой II. По поводу этого брака Д. Огден дважды повторяет, что Антиох II был «завлечен» Филадельфом в ситуацию «амфиметрического конфликта» (p. 117: *Antiochus II was undone by Philadelphus' manoeuvring him into an amphimetric situation*) и «вынудил Антиоха II войной (*sic*! – *И. Л.*) жениться на своей дочери Беренике» (p. 128: *he constrained Antiochus II by war to marry his daughter Berenice…*). Эти замечания Д. Огдена невольно заставляют усомниться в элементарном знании им политической истории эллинистического мира и действовавших на ее арене лиц. Практически невозможно представить себе, чтобы Антиох II, бывший незаурядным правителем, позволил бы навязать себе заведомо невыгодное для него решение или не увидел бы кроющейся в нем потенциальной опасности. В свою очередь у Птолемея Филадельфа, ко времени замужества своей дочери проигравшего противоборство в Эгеиде не только Антиоху во II Сирийской войне, но еще ранее и Македонии в Хремонидовой войне, не могло быть для такого демарша реальных рычагов. Сам Огден подробно описывает, каким образом Антиох II компенсировал Лаодике утрату ею прежнего статуса при браке царя с Береникой (p. 129); в то же время он проходит мимо очень показательного момента – сопротивления этому

[33] *Bevan E.R.* Antiochus III and his Title "Great-King" // JHS. 1902. Vol. 22. P. 241–244.

[34] Мы чрезвычайно признательны А.В. Громовой, указавшей на позднее сообщение Иоанна Малалы (глава XI «Хронографии»), в котором права династов Персиды – современников Траянова восточного похода – по существу, на власть над «царством стран» легитимируются их связью с династами Армении, представленными в качестве царей высшего статуса, без какого-либо упоминания в этом качестве парфянских царей и, стало быть, в обход преемственности от них (при этом, правда, игнорируется, что ко II в. н.э. и сама армянская правящая династия была уже ответвлением парфянского дома Аршакидов: *Toumanoff C.* s.v. The Arsacid Dynasty of Armenia // EIr (www.iranica.com)).

браку со стороны сестры Антиоха II и вдовы киренского царя Мага Апамы. Считая, по-видимому, его неизбежным следствием превращение Кирены – ранее опорного пункта Селевкидов – в птолемеевский протекторат, Апама обращается за помощью к македонской династии Антигонидов и предлагает руку своей дочери Береники сводному брату царя Антигона II Гоната Деметрию Красивому (в итоге он был убит в Кирене сторонниками самой Береники: Just. XXVI.3.3–6; Catul. 66.25–28)[35]. Данная ситуация важна тем, что в лице союзника киренской царицы, которого она сама, видимо, считала естественным, обнаруживается более могущественный, чем она, и вероятно, вообще главный противник династического союза Птолемеев и Селевкидов – Македония Антигонидов. Очевидно, приобретя в результате II Сирийской войны опорные пункты в Ионии, Антиох II оказался настолько обеспокоен непрекращающимся усилением позиций Македонии в Эгеиде (уже позднее, в 240-е гг. до н.э., ей выпадает такой крупный успех, как установление после победы при Андросе контроля над Кикладами[36]), что считает необходимым не только прекратить войну с Филадельфом, но и заключить с ним прочный союз, может быть, направленный против Антигона Гоната. Возможно, к прекращению противоборства с Египтом Антиоха II подталкивали и иные факторы (например, осознание системного кризиса его восточных владений); однако в любом случае опасность «амфиметрического» конфликта (фактически большее – допущение потомка Птолемеев к наследованию селевкидского престола) и иные уступки Птолемеям (в частности, тот же переход под их власть Кирены, действительно совершившийся после брака Птолемея III и дочери Мага и Апамы Береники) нужно считать не плодом коварства Филадельфа, а достаточно большой ценой, которую Антиох II по определенным причинам счел необходимым уплатить.

Системный кризис эллинистического мира, проявлением которого стал целый ряд событий, синхронных III Сирийской войне, еще, вероятно, станет предметом целого ряда исследований. Однако в контексте проблем династической истории, о которых мы говорим, стоит обратить внимание на ряд ее эпизодов, на наш взгляд, недооцененных Д. Огденом. Прежде всего, это стремление «партии Птолемеев» при антиохийском дворе во что бы то ни стало, едва ли не ценой забвения естественных человеческих инстинктов, сохранить в доме Селевкидов линию наследования, идущую от брака Антиоха II и Береники, либо ее фикцию: когда сторонники Лаодики убивают сына Береники, она с готовностью выдает за него похожего ребенка; когда еще до прибытия в Антиохию Птолемея III жертвой покушения становится сама Береника, это в течение какого-то времени держится в тайне, и Птолемей действует в державе Селевкидов именем обоих своих убитых родственников (Polyaen. VIII.50; сам Птолемей утверждал, что успел застать ее в живых: P.Gurob. Col. 3–4; p. 130–131). По-видимому, лишь когда это становится нереально, Птолемей III сам рискует принять сопряженный с властью над всеми селевкидскими владениями титул βασιλεὺς μέγας (Monumentum Adulitanum – OGIS. I.55. v. 1)[37]. После победы Египта в войне, с конца 240-х и,

[35] *Hölbl G.* Op. cit. P. 45–46.

[36] *Buraselis K.* Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München, 1982. S. 144–145.

[37] *Bevan E.R.* Op. cit. P. 242.

видимо, до 237–236 гг. до н.э., в державе Селевкидов имеет место беспрецедентное, не предполагающее (по крайней мере, формально) территориального размежевания владений совместное правление родных братьев Селевка II Каллиника и Антиоха Гиеракса как легитимных царей равного статуса. Если первого из них поддерживает партия Лаодики, то за вторым, судя по тому, что в ходе войны с Гиераксом Каллинику приходится осаждать Эфес, контролируемый Птолемеями (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 32.8), очевидно, должна была стоять эта династия (p. 131). На наш взгляд, эти детали имеет смысл рассмотреть в одном ряду с гораздо более поздними эпизодами, относящимися уже к противоборству Селевкидов со вставшей на ноги Парфянской державой.

В 130 г. до н.э., в ходе сравнительно успешной кампании против Парфии, Антиох VII, ставший до этого супругом Клеопатры Теи, возвращает из своего рода почетного плена в Гиркании предшественника в этом качестве Деметрия II (успевшего жениться на дочери Митридата I Родогуне) и его детей от Теи – будущего Селевка V и Лаодику (Porphyr. *Chron.* FGrHist. 260. Frag. 32.19–21). Этот поступок удивляет Д. Огдена, видимо, своим гуманизмом, несвойственным македонским династам, и он спешит сделать на основании этого вывод, что стандартом поведения в доме Селевкидов была верность друг другу между родными братьями, нарушенная лишь однажды Каллиником и Гиераксом (p. 150). На самом деле, в этой ситуации принципиальна цель, которую преследовал захвативший Деметрия II с семьей Митридат, выявившаяся вполне определенно, когда в 125 г. до н.э. его преемник Фраат II попытался сделать своим ставленником в Сирии сына Деметрия Селевка V, вскоре убитого Теей (App. *Syr.* 68–69; Just. XXXIX.1.9; Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 32.22; p. 151).

Как видно, в поведении Птолемея III в ходе III Сирийской войны и парфян в 130–120-е гг. до н.э. проявляется следующая закономерность: имея возможность в условиях своего бесспорного военного превосходства не считаться с политической традицией Селевкидов, они тем не менее предпочитают выступать в качестве их формальных союзников, а то и агентов. Похоже, что это связано с представлениями об определенных «правилах игры», допустимых в рамках геополитической системы эллинистического мира, определившейся к исходу борьбы диадохов. По-видимому, основой этих правил мыслилась политическая и, прежде всего, династическая стабильность трех ведущих царских домов – Птолемеев, Селевкидов и Антигонидов[38]. Шедшее между ними непрерывно военное противоборство не должно было переходить ту грань, за которой следовало полное уничтожение противника; равным образом, эти династии не должны были содействовать в этом внешним по отношению к ним силам, в том числе вновь возникающим в результате дезинтеграции

[38] Что совершенно игнорируется в новой отечественной работе, где политика «равновесия сил» в эллинистическом мире с уверенностью, заслуживающей лучшего применения, объявляется не более чем историографической фикцией: *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 383–384 (см. рецензию на эту книгу: *Габелко О.Л., Лапырёнок Р.В.* [Рец.]: Беликов А.П. Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. ставрополь, 2003 // SH. 2008. Вып. 8. С. 188–210).

их владений[39]. Основателями всех этих трех домов были диадохи, легитимировавшие свою власть родственной или иной преемственностью от Александра и/или связью с божеством[40]. Последним событием, которое не укладывалось в предполагаемую нами схему «соглашения» между этими династиями высшего статуса, была гибель государства Лисимаха вместе с ним самим в битве при Куропедионе, и стало быть, окончательную выработку этого «соглашения» следует приписать уже второму поколению эллинистических царей[41]. В свою очередь, новые эллинистические государства II в. до н.э. должны были на первых порах своей самостоятельности стремиться вписать ее, по крайней мере на уровне фикции, в эту геополитическую систему: лишь полное ее разложение к рубежу II и I вв. до н.э. вывело их на международную арену в качестве самостоятельных сил, претендующих на статус великих держав. Соответственно, в рамках первоначальных «правил игры» Птолемей III во время III Сирийской войны был вынужден сохранять видимость действий «в союзе» с «легитимным» селевкидским государем, пока это было возможно; статус «великого царя» он принял на себя, очевидно, лишь когда смерть Береники и ее сына была надежно засвидетельствована партией Лаодики, и скорее всего без энтузиазма (не случайно позднее он не держался за него, а, видимо, постарался сделать своим легитимным ставленником Антиоха Гиеракса). Позднее Митридат I и Фраат II стремились предъявить эллинистическому миру легитимирующих их власть селевкидских «псевдосюзеренов»; естественно, что в таком случае возвращение Деметрия II и его детей из Гиркании Антиохом VII мотивируется отнюдь не гуманизмом (по крайней мере, не только им), а стремлением лишить парфян такой возможности. Попытки отступить от этого принципа – что показательно, опять же только частичные! – можно обнаружить в событиях VI Сирийской войны, когда в 168 г. до н.э. Антиох IV,

---

[39] Только наличие такого *modus vivendi* может объяснить эпизод 213 г. до н.э., когда, всего через четыре года после победы Египта в IV Сирийской войне (219–217 гг. до н.э.), потерпевший от него поражение Антиох III и заведомо заинтересованный в ослаблении птолемеевского влияния в Эгеиде Филипп V предлагали Птолемею IV помощь в связи с назревающим кризисом внутри Египта (Polyb. XV.20.1; *Huß W.* Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' IV. München, 1976. S. 84).

[40] См. прим. 12. Для Антигонидов, окончательно пришедших к власти в Македонии в 270-х гг. до н.э., легитимирующим фактором было, видимо, их происхождение (неизвестно – подлинное или мнимое) от Темендов/Аргеадов (Polyb. V.10.10), как это убедительно показал еще в 1930-х гг. Ч. Эдсон (*Edson Ch.F.* The Antigonids, Heracles and Beroea // HSCPh. 1934. Vol. 45. P. 214–226). К подробнейшей аргументации Эдсона можно добавить и то, что в районе ворот дворца в Эгах (Вергине) был открыт фундамент небольшого круглого святилища, где была найдена надпись с посвящением сыновей последнего Антигонида Персея (179–168 гг. до н.э.) Филиппа и Александра Гераклу Отчему (v. 3: …Ἡρακλεῖ Πατρώιωι) – мифическому предку македонских царей из дома Темендов/Аргеадов и претендовавших на родство с ними Антигонидов: *Andronicos M.* Vergina. Athens, 1984. P. 38 (только третья строка надписи); *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. Athens, 1996. Vol. 2. Epigraphic Appendix. P. 50 (№ 30; с восстановлением, отсутствовавших в *editio princeps*, первых двух сильно поврежденных строк, в которых М. Хадзопулос достаточно убедительно реконструировал имена Филиппа, Александра и их отца – царя Персея; ср.: IG. X.2.1. 76 = *Hatzopoulos M.B.* Op. cit. P. 51. № 31).

[41] Представление об особом, признанном всем эллинистическим миром статусе этих династий, восходящих к диадохам, хорошо подтверждается недавним наблюдением о легитимирующем характере браков с их представительницами для правителей малых государств, претендовавших на царский статус (Понта, Каппадокии, может быть, Пергама): *Габелко О.Л.* Указ. соч.

по-видимому, коронуется по египетскому обряду в Мемфисе, но сохраняет в качестве формального соправителя своего племянника Птолемея VI (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 49a–b; ср.: P. Tebt. III:1. 698. v. 1: датировка документа из Египта годом правления Антиоха IV), и 140-х гг. до н.э., когда Птолемей VI сходным образом возлагает на себя «две диадемы» Египта и Азии, поддерживая тем не менее в качестве легитимного Селевкида Александра Баласа (Ios. *Ant. Iud.* XIII.113; 1 Macc. II.13; Diod. XXXII.9c).

Заметим, что эти немаловажные политические аспекты пересечения историй двух эллинистических династий странным образом словно бы уходят из поля зрения Д. Огдена, в то же время неоднократно повторяющего свой тезис о «легитимирующем» значении птолемеевских браков для Селевкидов во II в. до н.э. (p. 117, 147, 154–157). Дополнив этот тезис наблюдением, что царицы, вышедшие из дома Птолемеев, становятся более стабильным элементом династии Селевкидов, чем ее мужские представители (p. 147), Огден не замечает, что данное наблюдение несамостоятельно по отношению к другому его выводу о роли левирата в передаче власти в этой династии. В то же время сам тезис о «легитимирующих египетских принцессах» (например, p. 156 – о Клеопатре Селене) звучит у него так, словно браки с ними были важны для Селевкидов прежде всего по престижно-статусным соображениям. В действительности дело обстоит совершенно иначе. Все птолемеевские браки Селевкидов II в. до н.э. приходятся на время, когда государственная территория их державы непрестанно сокращается под давлением Парфии, а сами они сплошь и рядом ведут достаточно ожесточенную династическую борьбу. Соответственно, главным «приданым», которое невеста из дома Птолемеев приносит своему первому супругу-Селевкиду (Клеопатра Тея – Александру Баласу, да и Деметрию II: p. 147–148; Клеопатра Трифэна – Антиоху VIII Грипу, что стало роковым для его матери Теи: p. 153; и даже изгнанная из Египта Клеопатра IV – Антиоху IX Кизикену: p. 155), оказывается войско и связанная с ним политическая поддержка. Статусный фактор не мог играть существенной роли в отношениях между этими двумя династиями по той элементарной причине, что в иерархии эллинистического мира они были изначально равны. Парадоксальным на фоне тезиса Огдена образом скорее уже умершее Селевкидское государство могло оказать «статусную» и моральную поддержку птолемеевскому Египту, когда, после изгнания Птолемея XII в 58 г. до н.э. Береника IV, оказавшаяся у власти вместе со своей матерью Клеопатрой VI Трифэной, стала искать себе супруга и соправителя среди уцелевших селевкидских царевичей (Porphyr. *Chron.* FGrH. 260. Frag. 2.14; Strabo. XVII.1.11; Dio Cass. XXXIX.75.1–2).

В начале шестой главы, посвященной династии Антигонидов, как и в начале всего исследования, Д. Огден цитирует замечание Плутарха (*Demetr.* 3) об удивительной для эллинистических династий внутренней стабильности этого царского дома до конца царствования Филиппа V (221–179 гг. до н.э.), когда произошел конфликт между его сыновьями Персеем и Деметрием, завершившийся гибелью последнего. Однако Огден склонен абсолютизировать мнение Плутарха до того, что у Антигонидов был почти некий семейный «кодекс лояльности»! (p. XII: … *a*

strong code of family loyalty; p. 171: … *a strong internal code of loyalty*; p. 187: … *distinctive Antigonid code of loyalty, etc.*).

Еще одна идея Огдена по поводу династии Антигонидов заключается в якобы особом, в сравнении с другими царскими домами эллинистического мира, статусе сыновей гетер и наложниц ряда Антигонидов (p. 192). Однако примеры, которые приводит Огден, достаточно противоречивы. Алкионей, сын Антигона II Гоната и афинской гетеры Демо (Athen. XIII.578a), долгое время был единственным наследником Антигона (до рождения во второй половине 270-х гг. до н.э. будущего Деметрия II – сына Гоната и селевкидской принцессы Филы). Все это легко объясняет видную роль Алкионея при Антигоне, на что могут указывать сообщения Плутарха и Диогена Лаэртского (Plut. *Pyrrh.* 34.7–10; Diog. Laert. IV.41; VII.36). При этом, вопрос о правах Алкионея на трон[42] остается открытым, т.к. он не пережил своего отца (Plut. *Moral.* 119c–d; Ael. *V.H.* III.5). Происхождение же сына Деметрия II – Филиппа V – все еще вызывает вопросы, но, на наш взгляд, главная из двух «претенденток» на роль его матери – Фтия – была эпирской царевной из династии Эакидов, дочерью царя Александра II и внучкой знаменитого Пирра.

Естественно, что в ситуации, когда царь имел только одного сына, его происхождение не могло влиять на права престолонаследия, так что говорить о какой-то особой роли детей гетер и наложниц у Антигонидов не следует.

В шестой главе Д. Огден довольно подробно разбирает известные из источников аспекты династической политики Антигонидов – от Антигона I Монофтальма до Персея и даже Андриска (Лжефилиппа). Далее мы остановимся лишь на нескольких проблемах династической истории Антигонидов, затронутых Огденом.

Д. Огден бегло замечает, что Антигониды практиковали полигамию (p. 171), хотя с уверенностью об этом можно говорить только в случае с матримониальной политикой Деметрия I Полиоркета (с. 173–177). Другим кандидатом является внук Полиоркета – царь Деметрий II (239–229 гг. до н.э.): из источников известно о трех (или даже четырех) его браках[43]. Однако, кажется, только две женщины могли находиться при дворе Деметрия примерно в одно время (230-е гг. до н.э.) – Фтия и Хрисеида, в случае если именно последняя была матерью его наследника Филиппа V, родившегося в 238 г. до н.э. (при этом остается возможность, что «Хрисеида» – это только прозвище Фтии[44]).

---

[42] Ср.: *Tarn W.W.* Antigonos Gonatas. Oxf., 1913. P. 247–248. Note 92; *Dow S., Edson Ch.F.* Chryseis. A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. 1937. Vol. 48. P. 162 + Note 3; *Carney E.D.* Op. cit. P. 181 (в этих работах используются обозначения: *crown prince*, *heir* и *prince of the blood*).

[43] 1) Селевкидская принцесса Стратоника; 2) вдова Александра, сына Кратера – Никея; 3–4) эпирская принцесса Фтия и Хрисеида. Впрочем, «свадьба» Деметрия и Никеи в середине 240-х гг. до н.э. была лишь уловкой, необходимой отцу Деметрия Антигону Гонату для восстановления контроля над Коринфом, который в это время находился во власти Никеи после смерти ее супруга Александра – мятежного племянника Гоната (Plut. *Arat.* 17.1–7; Polyaen. IV.6.1). Наиболее подробный разбор проблем браков Деметрия II: *Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н.* Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 2008. № 1. С. 141–164.

[44] *Tarn W.W.* Phthia-Chryseis // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1940. P. 483–501.

В связи с изучением матримониальной политики Деметрия II (p. 179–182)[45] Огден, затрагивает проблему установления личности матери его сына – Филиппа V (изучение вопроса имеет уже более чем столетнюю историю; над его разрешением работали К.Ю. Белох, У. Тарн, Дж. Файн, Ч. Эдсон, С. Ле Боэк, Э. Кэрни и некоторые другие исследователи)[46]. Из кандидатур эпирской принцессы Фтии и таинственной Хрисеиды Огден выбирает последнюю, не добавляя, впрочем, новых деталей к аргументам своих предшественников (наиболее подробная аргументация в пользу Хрисеиды была приведена еще в 1937 г. в обстоятельной работе С. Доу и Ч. Эдсона)[47]. При этом весьма странным представляется желание Д. Огдена видеть Хрисеиду непременно гетерой («куртизанкой») (p. 192, 215, 231, 232, 243, 251–252)[48], хотя в источниках имеется только одно указание на статус Хрисеиды: согласно сообщению Порфирия–Евсевия, до брака с Деметрием II она была «пленницей» (Euseb. *Chron.* I.237–238 Schoene: …γήμας δέ τινα τῶν αἰχμαλώτων). Гетеры, конечно, время от времени попадали в плен (можно вспомнить, например, знаменитую Ламию, ставшую после пленения одной из любовниц Деметрия I Полиоркета – Plut. *Demetr.* 16.5–6), но касательно Хрисеиды указаний на то, что она была гетерой – нет.

Изучая матримониальную политику Филиппа V, Огден, естественно, значительное внимание уделяет рассмотрению конфликта между его сыновьями Персеем и Деметрием (p. 184–186) – единственному известному из источников примеру амфиметрического спора в династии Антигонидов[49]. Огден склонен думать, что Персей был сыном Поликратии из Аргоса, которая, по его мнению, стала супругой Филиппа V (до этого она была женой Арата Младшего); кто была мать Деметрия, младшего сына царя – неизвестно, хотя Огден допускает, что ее статус мог быть выше, чем у матери Персея (p. 183–184). Огден совершенно справедливо отмечает и внешнеполитический фактор в конфликте Персея и Деметрия – роль Рима (p. 185–186).

Не заканчивая исследование матримониальной политики Антигонидов на Персее, Д. Огден осторожно допускает в последнем разделе шестой главы, что Андриск (Лжефилипп), попытавшийся захватить власть в Македонии в начале 140-х гг. до н.э., действительно был сыном Персея и его наложницы Калиппы (p. 189–192).

Возвращаясь уже во второй части монографии к своей идее о якобы особом статусе гетер и их сыновей у Антигонидов, Огден склонен думать, что праздник Ἑταιρίδεια, отмечавшийся в Магнесии (согласно Афинею, со времени Ясона и аргонавтов), а также и македонскими царями (Athen. XIII.572d), относился ко времени правления династии Антигони-

---

[45] Э. Кэрни склонна думать, что матримониальная политика Деметрия II в начале 230-х гг. до н.э. была обусловлена тем, что первые супруги – Стратоника и Фтия – не родили ему сына (*Carney E.D.* Op. cit. P. 186, 192–193, 230).

[46] Одна из последних опубликованных работ по теме: *Габелко О.Л.* К генеалогии эллинистических царских династий // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 51–61 (в данной статье развивается теория о том, что матерью Филиппа V была эпирская принцесса Фтия).

[47] *Dow S., Edson Ch.F.* Op. cit.

[48] Д. Огден использует термины «куртизанки» и «гетеры», как синонимы (например – p. 171).

[49] См. также: *Edson Ch.F.* Perseus and Demetrius // HSCPh. 1935. Vol. 46. P. 191–202.

дов и был посвящен, конечно же, гетерам («куртизанкам») (p. 232: … *the Antigonids should have celebrated a festival in honour of courtesans, a Hetairideia*; ср.: p. 263). Однако в Магнесии этот праздник был связан с культом Зевса Гетайрейя (Athen. XIII.572d; ср.: Suda. s.v. Ἑταιρεῖος; Hesych. s.v. Ἑταιρεῖος). При этом у Афинея (цитирующего Гегесандра – автора III–II вв. до н.э.) нет указаний на то, что праздник Ἑταιρίδεια отмечали именно Антигониды, у него говорится просто о «царях македонян» (Athen. XIII.572d: θύουσι δὲ καὶ οἱ Μακεδόνων βασιλεῖς τὰ Ἑταιρίδεια) Кстати, крайне интересным представляется мнение У. Тарна, что под «царями македонян», упоминаемыми Афинеем, следует видеть Антигонидов, но они отмечали праздник Ἑταιρίδεια именно в Магнесии со времени ее захвата Деметрием Полиоркетом в 294 г. до н.э.[50] С гетерами этот праздник явно не был связан.

Следует заметить, что в главе, посвященной династии Антигонидов имеется ряд неточностей и явных опечаток. Вот лишь некоторые из них: соглашение о браке Антигона Гоната с сестрой селевкидского царя Антиоха I Филой (*Vita Arati* IV.19, 20) не могло быть заключено в 281 г. до н.э. (p. 178), т.к. данный династический союз, очевидно, стал следствием урегулирования военного конфликта между Антигоном и Антиохом, который только начался не ранее этого времени[51]; юный сын Гоната Деметрий II в ходе Хремонидовой войны совершил вторжение, конечно же, в Эпир (Just. XXVI.2.11), а не в Эфес (*Ephesus* – p. 178); щедрой рукой Огден «даровал» Л. Эмилию Павлу триумф над Персеем уже в 171 г. до н.э. (p. 188), когда III Македонская война только начиналась, при этом, начиналась с разгрома македонянами римлян при Каллинике в Фессалии. Этот список, увы, можно продолжить.

Последней эллинистической династией, которой Д. Огден уделяет внимание в седьмой главе рецензируемой книги, являются пергамские Атталиды (p. 199–214). Здесь, очевидно, автор не вполне строго следует собственной концепции: правители Пергама по своему происхождению не были чистыми македонянами[52], и, что даже более важно, они не принадлежали изначально к политической элите эллинистического мира, и это не могло не сказаться на практикуемой ими брачно-династической политике. Между тем, конкретные соображения Д. Огдена по ключевым

---

[50] *Tarn W.W.* Antigonos… P. 38, 206–207. Соответственно, если принять достаточно убедительное мнение Тарна, Гетайридейя лишается статуса «традиционного македонского праздника», каковым его считают большинство антиковедов (см., например: *Edson Ch.F.* Early Macedonia // Philip of Macedon. Athens, 1980. P. 11; *Welwei K.-W.* Zum Problem der frühmakedonischen Heeresversammlung (1987) // *idem.* Polis und Archê. Stuttgart, 2000. S. 318; *Hammond N.G.L.* Op. cit. P. 54, 142; *Le Bohec-Bouhet S.* The Kings of Macedon and the Cult of Zeus in the Hellenistic Period // The Hellenistic World: New Perspectives. L., 2002. P. 44).

[51] *Buraselis K.* Op. cit. S. 110–119; *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. 3. P. 250–251.

[52] Мать основателя династии Атталидов Филетера Боа была пафлагонкой, а отец Аттал, судя по имени, македонянином. Остается, однако, совершенно неясным, каким образом он мог оказаться в довольно захолустном уголке Анатолии приблизительно в середине IV в. до н.э. (год рождения Филетера, видимо, младшего из трех сыновей Аттала и Боа – 343 г. до н.э.). Р. Биллоуз, отмечая это обстоятельство, полагает, что Аттал мог быть греком или эллинизированным анатолийцем (*Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 104. Note 67). Пафлагонцем именует Филетера Павсаний (I.8.1). Влияние местных малоазийских политико-правовых институтов на порядок престолонаследия в Пергаме попытался выявить О.Ю. Климов (*Климов О.Ю.* Царство Пергам. Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 56–58).

моментам династической истории Атталидов также нередко вызывают сомнение или возражение. Так, крайне странно, что он ничего не говорит о селевкидском происхождении матери Аттала I, Антиохиды (Strabo. XII.4.2; IG. XI.4. 1108. vv. 1–3[53]), хотя это, по нашему мнению, могло сыграть весьма важную (если вообще не главную) роль в принятии этим правителем царского титула[54].

Основное новшество, привносимое английским историком в трактовку генеалогии пергамского царского дома, состоит в следующем: он пытается доказать происхождение сына Эвмена II, последнего пергамского монарха Аттала III, от наложницы (p. 202–207). В доказательство этого он приводит свидетельства Полибия (XXX.1–2) и Ливия (XLV.19.11) о том, что в 168/167 г. до н.э. Эвмен еще не признал его своим «природным» (κατὰ φύσιν) сыном[55]. При этом автор весьма подробно излагает аргументы немецкого историка конца позапрошлого века Ф. Кеппа, выдвинувшего смелое предположение: Аттал (III) в действительности мог быть сыном Аттала II, который в 172 г. до н.э. поспешил жениться на жене своего брата Стратонике при слухах о смерти Эвмена; в это-то время Аттал и был зачат[56]. Д. Огден, однако, не соглашается с этой идеей, указывая, что в этом случае Аттал (III) не мог считаться «еще мальчиком» к 153 г. до н.э.[57], а также приводя свидетельство Плутарха (*Moral.* 184b) об обязательстве Аттала II передать власть сыну Эвмена, когда тот достигнет надлежащего возраста. Как представляется, дать стопроцентно надежное объяснение происхождению Аттала III источники не позволяют[58], но версия Д. Огдена, согласно которой Эвмен II создал фикцию о происхождении Аттала III исключительно для поддержания имиджа сплоченной, любящей, моногамной фамилии (p. 206), кажется наименее вероятной[59].

Говоря о династии Атталидов, Д. Огден несколько раз употребляет малопонятное, никак им не объясняемое выражение и отдающее явной модернизацией определение *bourgeois marriage* (p. 201–202 – брак Аттала I и Аполлониды; p. 206 – *bourgeois family* – о пергамской династии вообще)[60]. Видимо, он подразумевает под ним нечто вроде «мезальянса» –

---

[53] См. также: *Allen R.A.* The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 183. № 15.

[54] *Габелко О.Л.* Династическая история… С. 100.

[55] Д. Огден оставляет без внимания, как это словоупотребление может сочетаться с его идеей о происхождении Аттала III от наложницы: ведь в этом случае Эвмен все равно был бы его природным отцом?!

[56] *Köpp F.* De Attali III patre // RhM. 1893. Bd. 48. S. 154–157.

[57] Необходимо подчеркнуть, что возрастные характеристики тех или иных исторических лиц в трудах античных авторов часто бывают крайне неопределенны.

[58] Пожалуй, наиболее вероятным все-таки следует считать вариант, согласно которому Эвмен II действительно не мог определить, являлся ли Аттал (III) его сыном или же сыном его брата; отсюда проистекают и его колебания в определении статуса наследника, и все спорные моменты последнего периода существования династии.

[59] Остается загадкой, в чем состояло отличие пергамской государственности от «общеэллинистической», согласно нормам которой сыновья царя от наложниц вполне могли считаться законными претендентами на престол. Кроме того, Атталу III ни в одном источнике не инкриминируется незаконнорожденность или низкое происхождение, хотя античные авторы не скупятся на хулу в его адрес. В чем бы тогда состояла разница в статусе между ним и Аристоником?

[60] Еще раньше автор употребляет это выражение применительно к браку между Антиохом III и Эвбеей (p. 138).

женитьбы царя на женщине нецарского рода; однако при этом из поля его зрения совершенно выпадает тот эллинистический монарх, который в собственной брачно-династической политике именно таким альянсам отдавал несомненный приоритет: речь идет о Митридате VI Евпаторе[61].

Наконец, главной причиной завещания Пергамского царства римлянам исследователь считает амфиметрический спор между Атталом III и Аристоником (видимо, другим сыном Эвмена II от наложницы), который, по его мнению, еще до смерти своего сводного брата поднял восстание против него и даже организовал в Синнаде свою «мини-империю», где чеканил монеты от имени «царя Эвмена» (p. 209). Не говоря о том, что последнее предположение не находит подтверждения в наиболее авторитетных исследованиях по истории восстания Аристоника[62], можно думать, что ситуация на последнем этапе существования Пергамского царства была слишком сложной для того, чтобы было возможно адекватно объяснить действия Аттала III каким-то одним фактором (т.е., следуя Огдену, стремлением любой ценой разрешить амфиметрический кризис).

***

Переходя к общей оценке работы Д. Огдена, остановимся прежде всего на тех моментах, которые вызывают несогласие с авторской позицией. Не может не вызвать удивления то обстоятельство, что Огден полностью и будто бы даже целенаправленно игнорирует богатейший материал источников, связанный с эпирским[63], каппадокийским[64] Понтийским и вифинским царскими домами, причем никак не оговаривая это обстоятельство: таких династий для него словно бы и не существует вовсе. Единичные упоминания отдельных событий из истории этих правящих домов не меняют общей картины.

Между тем, специальная работа может быть посвящена рассмотрению под заявленным Д. Огденом углом зрения деятельности лишь од-

---

[61] См. в этом отношении весьма интересную работу: *Гуленков К.Л.* Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата VI // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 71–83.

[62] См., например: *Mileta Chr.* Eumenes III. und die Sklaven. Neue Überlegungen zum Charakter des Aristonikosaufstandes // Klio. 1998. Bd. 80. Hft. 1. S. 47–65.

[63] По вопросам династической истории Эакидов в эпоху эллинизма можно обратиться, например, к работе Я. Зайберта и фундаментальной монографии П. Кабана: *Seibert J.* Op. cit. S. 100–103; *Cabanes P.* L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272–167 av. J.-C.). P., 1976. P. 39–74. Краткий и достаточно сумбурный очерк матримониальной политики Пирра присутствует в книге С.С. Казарова (*Казаров С.С.* Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004. С. 258–260).

[64] Рассказ Диодора о конфликте между сыновьями Ариарата IV Евсевия Митридатом/Ариаратом V и Ороферном (Diod. XXXI.19.7) исследователь рассматривает только в рамках матримониальной политики Селевкидов и уклоняется от высказывания собственного мнения по вопросу о том, были ли они родными братьями (склоняясь, кажется, к тому, чтобы отнести вражду между ними к категории амфиметрических конфликтов). Между тем, в статье Л.-М. Гюнтер, которую Д. Огден мельком упоминает (*Günther L.-M.* Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I // AMS. Bd. 16. Studien zum antiken Kleinasien–III. Bonn, 1995. S. 47–61), вполне убедительно, как представляется, доказывается, что Ариарат и Ороферн являлись родными братьями. Соответственно, династическая история эллинизма обогащается еще одним «неамфиметрическим» кризисом (причем весьма масштабным, приведшим даже к узурпации власти в Каппадокии и вмешательству в ход конфликта других государств).

ной такой яркой фигуры, как Митридат VI Евпатор Понтийский[65] (здесь, кстати, также имеется пример конфликта между родными братьями, завершившегося смертью одного из них – устранение Евпатором Митридата Хреста[66]).

Аналогичный пример братоубийства (причем даже двойного!) содержит история Вифинии: его совершил второй вифинский царь Никомед I, который, согласно Мемнону, «был для своих братьев не братом, но палачом» (Frag. 12.6)[67]. В Вифинском царстве трижды происходили и типично «амфиметрические» смуты: между детьми Никомеда I от двух браков (завершившаяся победой старшего сына, Зиэла), между Никомедом (будущим Никомедом II Эпифаном) – сыном Прусия II и Апамы, сестры Персея Македонского, и детьми его мачехи – дочери или сестры фракийского царя Диэгила[68], и, наконец, между сыновьями Никомеда III Эвергета – Никомедом IV Филопатором и Сократом Хрестом[69]. Последний случай заслуживал бы особого упоминания и потому, что матерью Сократа, судя по всему, была наложница Никомеда Эвергета (не учтенная в соответствующем досье исследователя, помещенном в той части книги, которая посвящена куртизанкам – p. 278–281). Там же, где Д. Огден волей-неволей затрагивает эти сюжеты, выходящие за рамки, которых он придерживается, он допускает даже довольно грубые фактические ошибки[70].

Анализ всех этих сюжетов мог бы существенно обогатить книгу и либо дать автору дополнительный материал, подтверждающий его взгляды, либо (что более вероятно) заставить его несколько скорректировать последние – если бы он оказался к этому готов. В частности, напрашивается вывод, что, во-первых, причины династических кризисов эллинистического мира нельзя сводить только к амфиметрическим смутам; во-вторых, самые жестокие усобицы в эллинистических державах отнюдь не всегда происходили между единокровными, но не родными братьями – достаточно вспомнить конфликт между Селевком II и Антиохом Гиераксом, поставивший Селевкидское государство на край гибели; наконец, даже и амфиметрические кризисы были присущи отнюдь

---

[65] Что отчасти проделано в упомянутой ранее работе: *Гуленков К.Л.* Указ. соч.

[66] См. об этих событиях, например: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 123–127.

[67] Данная фраза, пожалуй, заставляет воздержаться от предположения (вполне в духе самого Д. Огдена; см. выше его замечание о конфликте сыновей Кассандра) о том, что дети Зипойта происходили от его браков с разными женщинами, хотя теоретически это, разумеется, вполне допустимо.

[68] Никомед вступил в конфликт со своим отцом Прусием, но поводом к этому стало решение последнего «передать власть детям, прижитым им от мачехи Никомеда» (Just. XXXIV.4.1). Можно не сомневаться, что сводные братья Никомеда были им убиты, как и его отец.

[69] См.: *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 376–382.

[70] Так, Д. Огден пишет: «Доказывалось, будто бы Апама, которая стала женой Прусия II Вифинского, была ее (Стратоники – первой жены Деметрия II Македонского. – *О. Г.*) дочерью и матерью Эпифана Никомеда, хотя последнюю лучше считать дочерью Филиппа V» (p. 179). Со второй частью высказывания спорить не приходится, а что касается первой, то таких исследований, где высказывалась бы столь странная мысль, попросту не существует, ибо предполагаемая дочь Стратоники и супруга Прусия II принадлежали к разным поколениям. Стратоника погибла в 230-х гг. до н.э., еще не будучи старой (Ios. *C. Apion.* I.206–207) (считаем, соответственно, сколько лет могло быть ее дочери), а женитьба Прусия II состоялась в 170-х гг. до н.э.

не только македонским державам и потому не могут быть целиком объяснены династическими традициями, сложившимися якобы уже при Темендах/Аргеадах[71].

Будучи увлечен анализом чисто амфиметрических противоречий, английский историк зачастую не принимает во внимание функционирования в различных эллинистических государствах конкретных политико-правовых норм и институтов, существенным образом воздействовавших на возникновение и развитие династических кризисов, но с амфиметрическими конфликтами никак не связанных (или имеющих к ним лишь косвенное отношение; см. частично выше в разделе о династии Лагидов касательно значения династического культа Птолемеев). Таков зафиксированный в Эпире оригинальный механизм разделения власти между враждующими представителями династии[72]. Такова же, видимо, природа всех названных выше кризисов в истории Вифинского царства – в них можно усмотреть как присутствие института, напоминающего фракийскую *парадинастию* и также связанную с ней возможность дробления страны на несколько полу/самостоятельных доменов[73], так и влияние (видимо, институционально оформленное) на ход событий сильной племенной аристократии, порою ограничивающей центральную власть[74]. Сходные же политико-правовые нормы, судя по всему, имели место в структуре монархической государственности Каппадокии[75]. Так что реальная действительность политической жизни эллинистических монархий выглядит, пожалуй, намного более сложной, нежели это представляется английскому исследователю.

Возможно, Д. Огден мог бы возразить на это замечание, что все данные примеры не связаны целиком и непосредственно с собственно македонской политической традицией, анализу которой он отдает несомненный приоритет; однако, на наш взгляд, это указывает на некоторую ограниченность его методического подхода, восходящего, возможно, к концепции Н. Хэммонда[76] (даже с утрированием некоторых ее положений) и не учитывающего того обстоятельства, что, как уже неоднократно было показано выше, эллинистическая государственность не была прямым продолжением македонской, а представляла собой более сложное синтетическое явление даже в тех державах, которые возглавлялись македонскими династиями. Работа Д. Огдена может также считаться наглядным проявлением еще одной тенденции, весьма характерной (но вряд ли плодотворной!) для современных западных исследований по истории эллинизма, в которых приоритетное внимание уделяется великим

---

[71] Кстати, весьма показательно, что во фрагменте сочинения Арриана «Вифиниака» говорится о том, что и «у фракийцев был обычай иметь много жен, чтобы от них иметь многочисленных детей» (Arr. *Bithyn.* Frag. 13 Roos = Eustath. *Comm. ad Dionys.* 322. P. 274, 37); сходным же образом Э. Кэрни объясняет возникновение полигамии у македонских царей (*Carney E.D.* Op. cit. P. 193). Так что «амфиметрические традиции» македонских династий, видимо, отнюдь не уникальны.

[72] См.: *Казаров С.С.* Указ. соч. С. 184–189.

[73] *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. С. 440–445.

[74] Там же. С. 446–447.

[75] См. статью в данном издании: *Габелко О.Л.* К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов. С. 92–119.

[76] *Hammond N.G.L.* Op. cit. P. 281–288; наиболее подробно: *Hammond N.G.L.* The Continuity of Macedonian Institution and Macedonian Kingdoms of the Hellenistic Era // Historia. 2000. Bd. 49. Hft 2. P. 141–160.

эллинистическим державам, тогда как более мелкие «полуварварские» монархии занимают периферийное место в системе научных интересов антиковедов.

Очевидно, монография Дэниэла Огдена вполне наглядно иллюстрирует то обстоятельство, что на сегодняшний день одному исследователю, насколько бы широко он не был образован и эрудирован, сложно на одинаково высоком уровне анализировать материалы, связанные с разными эллинистическими государствами и различными периодами их истории, а тем более претендовать на создание теоретических построений всеобъемлющего характера. Времена универсалов в антиковедении прошли (разве что за исключением действительно выдающихся специалистов, коих во всем мире насчитывается не так много), и на основании проведенного анализа причислить к ним Д. Огдена едва ли возможно. Из этого убеждения и проистекает общая оценка его монографии. Работа английского исследователя производит двойственное впечатление: сформулированная им концепция «амфиметрических» кризисов, безусловно, может объяснить некоторые критические моменты политической и династической истории эллинизма – но только именно «моменты» и лишь «некоторые»; при пользовании же ею как неким универсальным инструментом, применимым к любому эллинистическому государству (как, видимо, это считает возможным и оптимальным сам Д. Огден), представляются неизбежными малообоснованные, а то и попросту ошибочные выводы.

IVAN A. LADYNIN (MOSCOW), OLEG L. GABELKO (KAZAN), YURIY N. KUZMIN (SAMARA)

A NEW CONCEPT OF THE HELLENISTIC DYNASTIC HISTORY? THOUGHTS ABOUT THE BOOK OF D. OGDEN (*OGDEN D.* POLYGAMY, PROSTITUTES AND DEATH. THE HELLENISTIC DYNASTIES. LONDON; SWANSEA: DUCKWORTH – THE CLASSICAL PRESS OF WALES, 1999. XXXIV, 317 P.)

The paper is intended to give a critical analysis (somewhat exceeding the scope and the tasks of a normal review) to the concept of the Hellenistic dynastic history postulated by Dr. Daniel Ogden of the University of Exeter, Great Britain. His book claims to give an exhaustive picture of the subject covering in its first part aspects of the dynastic history of the archaic Argeadai (before Alexander the Great), of Alexander's reign, of Cassander's and Lysimachus' families, of the Ptolemies, the Seleucids, the Antigonids, and the Attalids (the second part of the book dealing with the "Hellenistic royal courtesans", i.e. quite a different subject, is left without special consideration, though it seems that the scholar tends to overestimate the importance of those concubines in the Hellenistic times).

The general thesis of D. Ogden is the importance in the Hellenistic dynastic history of the so-called "amphimetric conflicts", i.e. the claims of kingship by royal sons from different wives of the same king, provided the Macedonian dynastic tradition was originally polygamous. However, the formal character of the Argeadai polygamy is rather doubtful ("an easy attitude to

divorce" might be a much better description of the situation); at the same time a great part of the "amphimetric conflicts" summed by D. Ogden belong to the transitions of power inside the Argeadai family from Amyntas III to the late 4th century B.C., *i.e.* a very limited and specific part of the Argeadai dynasty. As for the situation of Alexander's time, Ogden ignores the Oriental character of Alexander's marriages making it impossible to consider them a part of Macedonian tradition; for the dynastic history of the *diadochoi* time he pays no attention to the sacrosanct character of the Macedonian monarchy (as shown by N.G.L. Hammond), which made it initially a prerogative of the Heraclid dynasty of Temenidai/Argeadai and caused the early Hellenistic claimants of kingship to try to join it through marriages with Alexander's relatives (attempts by Perdiccas, Ptolemy, Lysimachus and Antigonus to marry Alexander's sister Cleopatra, Cassander's marriage to his half sister Thessalonike).

For the Ptolemaic history D. Ogden postulates a theory of consanguineous marriage as a mean to avoid the "amphimetric conflict" (once occurred between Ptolemy Ceraunus and Philadelphus); this theory is deflated by the plain fact that the child of a consanguineous marriage inherited the kingship only once throughout the Ptolemaic dynasty (Ptolemy V Epiphanes of Ptolemy IV and Arsinoe III; another consanguineous royal marriage – of Ptolemy II and Arsinoe II Philadelphoi – gave no offspring). Not unusual for a classicist, D. Ogden claims the Ptolemaic consanguineous marriage (confined to the two examples above and therefore to meager to constitute a real dynastic practice) to be based on native Egyptian antecedents (those dating back to the New Kingdom, *i.e.* about a millennium before the epoch in question and by far not doubtless as for themselves). Ogden's idea about the legitimating marriage to a predecessor's wife, with the case of Cleopatra II (the widow of Ptolemy VI Philometor) and Ptolemy VIII Euergetes II as its sole example, is contradicted by the eventual brutal conflict between those consorts.

For the Seleucid history the worst mistake by D. Ogden is his idea that the outbreak of the Third Syrian War was caused by an "amphimetric conflict" between Seleucus II Callinicus and the Ptolemaic heir of Antiochus II deliberately provoked by Ptolemy II. The very fact that the Ptolemaic marriage and inheritance of Seleucid throne allowed by Antiochus II could be a result of some duress from Ptolemaic side is improbable; this situation was rather a result of some agreement between the two dynasties thought necessary by Antiochus II. The levirate legitimacy of several Seleucid kings shown by Ogden could have been inspired by the Elamite influence borrowed via Achaemenids. The idea of later Seleucids' "legitimating marriages" to Ptolemaic princesses is most improbable: those ladies brought to their husbands not so much the prestige and the status (badly needed sometimes to themselves) but rather real military assistance.

As for the Antigonid history, Ogden's idea on a special (higher than normal) position of royal concubines at that Hellenistic court is doubtful. For the Attalids of Pergamum Ogden's idea of Attalus III being a son of concubine seems improbable.

Summing up the impression of Ogden's study one would say his attempt to delineate a general concept of the Hellenistic dynastic history governed by the "amphimetric conflicts" and their avoidance was no suc-

cess. This idea is contradicted by specific facts; generally, it is not wise to explain all the Hellenistic dynastic tradition as a direct continuation of the archaic Argeadai heritage. The scholar failed to see in a number of collisions (the antecedents, the course and the consequences of the Third Syrian War; the events of Antiochus VII imprisonment by the Parthians) the effects of a very probable agreement on the inviolability of the leading Hellenistic dynasties founded by *diadochoi*. At the same time, he omitted the material of too many minor Hellenistic kingdoms (Epirus, Pontus, Bithynia, Cappadocia), which does not allow to consider his approach really comprehensive.

III. РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РИМ

О.В. Сидорович

АВГУРИИ И АУСПИЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ

В римской исторической традиции – анналистической и антикварной – сохранились два уникальных отрывка, содержащие важные сведения об авгурском понятии *templum*. Первым в хронологической последовательности можно назвать отрывок из сочинения Марка Теренция Варрона «О латинском языке» (VII.8), в котором римский антиквар в виде прямой цитаты из документов авгуров привел формулу, которую эти жрецы произносили при определении границ *templum*[1]. Вторым отрывком является описание инаугурации царя Нумы Помпилия, включенное Титом Ливием (I.18.6–9) в анналистическое по форме сочинение об истории Рима.

Основное отличие, которое можно заметить в рассказе Ливия и в формуле Варрона, сводится к следующему: из слов Варрона (*LL.* VII.8) явствует, что ограниченный авгурской формулой *templum* использовался как для авгурий, так и для ауспиций; у Ливия авгур создает *templum* лишь для проведения ауспиций, которые делали законным введение во власть нового царя.

Выяснение содержания обоих понятий следует начать с обращения к этимологии обозначающих их слов. Этимология *auspicium* прозрачна и подтверждается толкованием античных авторов. Фест (p. 2 L) выводит слово *auspicium* из выражения *ab ave spiciendo* («от наблюдения за птицами») и поясняет, что слово, которое произносится с приставкой – *aspicio*, у древних произносилось без приставки: *spicio*. Судя по Варрону (*LL.* VI.82) в такой же бесприставочной форме этот глагол употреблялся и в языке авгуров – *avem specere*[2].

На различие между *augurium* и *auspicium* указывает этимологический ряд *augur, augurium, augeo,* восходящий к корню *aug-*. Уже в античности не существовало единодушного взгляда на этимологию *augur* и *augurium*[3]. Связь *augurium* с *augeo* является устойчивой в работах современных исследователей[4], но значение *augurium* зависит от того, какой смысл вкладывается в содержание глагола *augeo*. Понимая *augeo* как «увеличивать», А. Эрну и А. Мейе толкуют *augurium* как «данное богом приумножение какого-либо начинания»[5]. Близким по смыслу к такой этимологии является установление связи *augurium* с существительным *augus* (*auges*), означавшим абстрактное «увеличение», «благословение». Сторонники подобной этимологии видят в авгуриях акт *augurare*, то есть подтверждение «увеличения» или «освящения»[6]. Как обряды, способст-

---

[1] Подробнее об этой формуле и о содержании понятия *templum* с учетом историографии по данному вопросу см.: *Сидорович О.В. Templum* в религиозной практике авгуров // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 2005. Вып. 2. С. 27–46.

[2] См. также: Serv. *Ad Aen.* III.374.

[3] Об этом см.: *Neumann G.* Zur Etymologie von lateinisch *augur* // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1976. Bd. 2. S. 219–223.

[4] Иная точка зрения: *Neumann G.* Op. cit. S. 227 f.

[5] *Ernout A., Meillet A.* Dictionaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. P., 1939. s.v. *augeo*.

[6] *Wissowa G.* Augures // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2313; *Dumezil G.* Archaic Roman Religion. Chicago; London, 1970. Vol. 2. P. 596.

вующие «увеличению», авгурии, по теории Г. Вагенвоорта, сопровождались передачей божественной энергии через *contactus*[7]. В этом случае авгурии предстают как магический обряд. Теория Г. Вагенвоорта о магическом начале в авгуриях по-прежнему находит как сторонников[8], так и критиков[9]. Дальнейшим развитием подобных представлений стали взгляды Э. Бенвениста. Ученый считает, что индоевропейский корень *aug-* означает не «увеличение», а «силу», а значит, *augeo* определяет «акт создания», который является привилегией богов или великих сил природы, но не человека[10]. Принимая такое же значение для корня *aug-*, М. Морани смягчает смысл *augeo* и понимает *augurium* как «укрепление» или «подтверждение»[11]. Восприятие авгурий как наблюдения за полетом птиц можно встретить нечасто[12]. В то же время И. Валетон отмечает, что Цицерон употреблял слово *augur* в трех значениях: греческого прорицателя; жреца, сведущего в дивинации по птицам; члена коллегии авгуров[13].

Этимология слова авгур неясна. Ее возводят либо к *augeo*, и тогда в авгуре видят жреца, который спрашивал благословение[14], либо к *avis* («птица») и одному из корней от слов *garrio* («болтать»), *gustus* («вкус») или *gero* («вести себя»)[15]. Интересно, что Плутарх (*QR.* 72) приводит в хронологической последовательности два термина, которые обозначали птицегадателя: сначала ауспик, потом авгур. Эту последовательность появления терминов принял А. Буше-Леклерк и предположил, что изначальной формой дивиниции были ауспиции, а позже появились авгурии[16].

Тем не менее, представление о различном содержании двух терминов не является всеобщим. Так, Т. Моммзен считал, что ауспиции и авгурии являются синонимичными понятиями[17]. Его предшественник Й. Рубино находил различия между ауспициями и авгуриями в функциональной сфере: первые означали акт наблюдения за знаком, вторые – его интерпретацию[18]. Г. Виссова, напротив, видел различия между ауспициями и авгуриями в неодинаковом официальном статусе их исполнителей: ауспиции были закреплены за магистратами, авгурии – за авгурами[19]. Современный исследователь авгурского права П. Каталано рассматривает различие между *augurium* и *auspicium* с правовой точки зрения: *augurium* – акт разрешения, *auspicium* – акт действия[20].

---

[7] *Wagenvoort H.* Roman Dynamism. Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom. Oxf., 1947. P. 38.

[8] *Versnel H.S.* Triumphus. An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Thriumph. Leiden, 1970. P. 336.

[9] *Linderski J.* The Augural Law // ANRW. 1986. Bd. 16. 3. P. 2290.

[10] *Benveniste E.* Indo-european Language and Society. Trans. by E. Palmer. L., 1973. P. 420 ff.

[11] *Morani M.* Augurium augur augustus: una questione di metodo // Glotta. 1984. Bd. 62. P. 68.

[12] *Goar R.J.* Cicero and the State Religion. Amsterdam, 1972. P. 7.

[13] *Valeton I.M.J.* De modis auspicandi // Mnemosyne. 1890. Vol. 18. P. 216. Note 2; см. также: *Pease A.S.* M. Tulli Ciceronis. De divinatione. Liber primus. Urbana, 1920. P. 47.

[14] *Bailey C.* Phases in the Religion of Ancient Rome. Berkeley, 1932. P. 160.

[15] *Pease A.S.* Op. cit. P. 47.

[16] *Bouche-Leclerq A.* Histoire de la divination dans l'antiquite. P., 1882. T. 4. P. 162 ff.

[17] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 2.1. S. 9.

[18] *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Kassel, 1839. S. 45. Anm. 1.

[19] *Wissowa G.* Auspicium // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2581.

[20] *Catalano P.* Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 24, 28.

Таким образом, если оставить в стороне все нюансы объяснений содержания этих терминов, можно констатировать явное этимологическое различие между ауспициями, которые означали наблюдение за птицами, и авгуриями, представлявшими собой аугментативные обряды. С таким пониманием обоих терминов согласуется древний религиозный закон, который предписывал авгурам, в первую очередь, освящение виноградников и молодых побегов[21]. Эти действия, вероятно, предназначались для поддержания и увеличения плодородия почвы, здоровья урожая и сохраняли связь с культом плодородия[22].

Самым ранним литературным памятником, в котором встречаются интересующие нас термины, являются произведения Плавта. Один из персонажей комедии «Ослы» собирается совершить гадания (*impetritum inauguratumst*). Знаки, данные птицами, здесь называются авгуриями[23]. Из контекста следует, что эти знаки запрашивались заранее. В комедии «Стих» знамения связаны уже не с птицами, а с поведением животных (ласка уносит мышонка), но также называются авгуриями. Предзнаменования без уточнения их содержания называются ауспициями[24]. Кроме того, персонаж комедии «Стих» обращается к книгам (*libros inspexi*), откуда он извлекает понравившийся ему пример, который явно не относится к числу заранее ожидаемых предзнаменований.

Младшие современники Плавта Энний и Катон также пользуются терминами *auspicium* и *augurium* как обозначающими самостоятельные действия. Фраза Энния *dant operam simul auspicio augurioque* обычно интерпретируется как указание на наблюдение за птицами, дающими хороший знак[25]. Энний употребляет оба термина в тех же значениях, что и Плавт: предзнаменования вообще называются ауспициями; знаки, получаемые, в данном случае, от полета птиц, – авгуриями. Для Энния Ромул и Рем были не просто наблюдателями за полетом птиц, но искусными авгурами, которые переняли знания от сведущих в авгурской науке людей[26]. Ливий называет коршунов, явившихся Ромулу и Рему, авгуриями[27]. Энний характеризует знамение, полученное Ромулом, как *augustum augurium*[28].

Г. Вагенвоорт считает это выражение Энния тавтологией, но сам знак, который оно обозначает, рассматривает как сверхъестественный, дающий дополнительную силу и власть[29]. В то же время этот знак дан

---

[21] Cic. *De leg.* II.21: *vineta virgetaque ad salutem populi auguranto.*

[22] *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 67.

[23] Plaut. *Asin.* 259–64: *…ego quantum ex augurio eius pici intellego.*

[24] Plaut. *Stich.* 459–63: *auspicio hodie optumo exivi foras… augurium hac facit.*

[25] Enn. *Ann.* 78: «знамений ищут они, указаний по птицам» (перев. В.И. Модестова). *Jocelyne H.D.* Urbs augurio augusto condita: Ennius ap. Cic. *Div.* I.107 (= *Ann.* 77–96 V²) // PCPhS. 1971. Vol. 197. P. 48 (со ссылкой на литературу).

[26] Cic. *Div.* I.107: *Romulus augur, ut apud Ennium est, cum fratre item augure.* Г. Виссова понимает слова *auspicio augurioque* так, что Ромул и Рем одновременно были авгурами (*Wissowa G.* Auspicium. Sp. 2581).

[27] Liv. I.7.1: *priori Remo augurium venisse fertur, sex voltures; iamque nuntiato augurio cum duplex numerus Romulo se ostendisset.* В версии Энния коршуны Рема не упоминаются. Об этом см.: *Skutch O.* The Annals of Quintus Ennius. Oxf., 1985. P. 222. О Ромуле у Ливия см.: *Levene D.S.* Religion in Livy. Leiden; New York; Köln, 1993. P. 130 f.

[28] Enn. ap. Varro *RR.* III.1.2: *augusto augurio… condita Roma est.* См. также: Suet. *Aug.* 7.

[29] *Wagenvoort H.* Op. cit. P. 38.

как результат наблюдения за птицами, причем заранее подготовленного. Г. Джаслин не считает выражение Энния плеоназмом. В его представлении, птицы дали ауспиций в широком смысле слова и указали на то, что место, выбранное для авгурий, которое станет будущим городом, является *augustus* (священным)[30]. Оба историка, в сущности, говорят об одном и том же, только один делает акцент на святости личности будущего царя, а другой – на святости места будущего города.

Известный авгур Атт Навий, совершив *augurium*, доказал Тарквинию Древнему невозможность изменить установленные Ромулом институты[31]. В описании Ливия (I.36.3–4) эти авгурии выглядели как данный птицами ожидаемый знак.

Современник Энния Катон, со слов Цицерона, сетовал на то, что авгурии и ауспиции заброшены[32]. Сам Цицерон (*De nat. deor.* II.9), жалуясь на своих современников, говорил о пренебрежительном отношении к *disciplina augurii* и о неверии в ауспиции. Судя по словоупотреблению, Цицерон, который сам был авгуром, считал именно авгурии предметом авгурской науки, основные положения которой были занесены в священные книги коллегии авгуров. Таким образом, от Плавта до Цицерона римские поэты и прозаики различали авгурии и ауспиции.

Некоторые отступления от традиционного словоупотребления наблюдаются у Ливия. В рассказе о переносе храмов и жертвенников с Тарпейской горы в связи с будущим строительством храма Юпитера Капитолийского Ливий соблюдает давнюю традицию употребления двух терминов[33]. Фактически Ливий описывает случай *exauguratio* применительно к определенному месту и к определенному храму. Это позволяет предположить, что сам эпизод, как и инавгурация в крепости, был заимствован анналистами из жреческой (авгурской) традиции, откуда они переняли и профессиональный язык. Но когда Ливий (или его источник) не был связан авгурской традицией, он употреблял эти термины как взаимозаменяемые[34].

В позднее время большое внимание толкованию этих терминов уделил Сервий. Из его комментариев прежде всего выясняется, что терминологическое различие между ауспициями и авгуриями присутствует в авгуральном праве (*in iure augurali* – Serv. *Ad Aen.* IV.341). Многочисленные обращения Сервия к этому предмету позволяют сделать следующие выводы. Ауспиции – это непрошеные знамения; они относятся ко всем предпринимаемым действиям; их можно наблюдать везде, даже на чужбине (*peregre*)[35]. Еще одно существенное замечание сделал Сервий: ауспиции – это полет птиц, который указывает, начать или отложить

---

[30] *Jocelyn H. D.* Op. cit. P. 49.

[31] Cic. *De nat. deor.* II.9. О статуе Атта Навия в Риме см.: Liv. I.36.5.

[32] Cic. *Div.* I.28: *Cato… queritur, neglegentia collegii amissa plane et deserta sunt.*

[33] Liv. I.55.3: *nam cum omnium sacellum exaugurationes admitterent aves…; …idque omen auguriumque ita acceptum est.*

[34] Ibid. XXVI.41.18: *…iidem (di immortales. – O. C.) auguriis auspiciisque et per nocturnos etiam visus… laeta ac prospera portendunt* («они же предвещают радость и благополучие с помощью авгурий, ауспиций и даже посредством ночных видений»).

[35] Ibid. IV.341: *…auspicium dicitur, quod non petentibus nobis…*; III.20: *auspicia omnium rerum sunt… auspicari enim cuivis, etiam peregre, licet…*

задуманное[36]. С авгуриями дело обстоит иначе. Они представляют собой волю богов, испрошенную заранее и полученную от птиц или других знаков. К авгуриям прибегают только для определенных дел и осуществляются они только на родной территории[37]. И в отношении авгурий у Сервия имеется существенное добавление: авгурии могут происходить случайно, то есть быть *oblativa* (непрошенными) или быть *impetrativa* (заранее выпрошенными)[38].

Один комментарий Сервия, в котором собрана вся авгурская наука об ауспициях и авгуриях, заслуживает подробного изучения: *multi tamen asserunt, cygnos inter augurales aves non inveniri, neque auguralibus commentariis eorum nomen illatum. Sed in libris reconditis lectum esse, posse quamlibet avem auspicium attestari, maxime quia non poscatur. Hoc enim interest inter augurium et auspicium, quod augurium et petitur et certis avibus ostenditur, auspicium qualibet avi demonstratur et non petitur; quod ipsum tamen species augurii est* («Однако многие признают, что лебеди не встречаются среди авгурских птиц[39]; они не внесены в авгурские комментарии. Но в тайных книгах[40] было прочитано, что птица может как угодно подтвердить ауспиций, особенно, если он не запрашивался. Ибо в этом заключается отличие между авгурием и ауспицием, так как авгурий и запрашивается и подается определенными птицами, ауспиций же указывается птицей повсюду и не испрашивается; так как сам он является видом авгурий» – *Ad Aen.* I.398). Этот комментарий Сервия во многом повлиял на восприятие авгурий и ауспиций некоторыми исследователями. Так, во второй половине XIX в. датский ученый И. Валетон сделал вывод о том, что ауспиции относятся к категории *signa oblativa*, а авгурии причисляются к *signa impetrativa*[41].

Сравнение последнего комментария Сервия с примерами более ранней традиции толкования этих терминов (например, у Плавта) обнаруживает как сходство, так и различие в содержании двух специальных терминов языка авгуров. Поздние и ранние авторы рассматривали авгурии как запрошенные заранее знаки, которые подаются птицами (Плавт, Сервий) или животными (Плавт). В последнем случае, как было отмечено, знак относится к разновидности *signa oblativa*. И в этом проявляется разночтение в понимании содержания авгурий. По Сервию, авгурии считаются действительными, если исходят от определенных птиц, причем список этих птиц был занесен в книги авгуров. Что касается ауспиций, то они не запрашиваются заранее, исходят от любой птицы и наблюдать их можно везде. Это представление об ауспиции полностью согласуется с древним постановлением коллегии авгуров, ко-

---

[36] Ibid. III.375: *auspicium autem est volatus avium, qui indicat agendum vel omittendum esse quod quis coeperit.*

[37] Ibid. III.20: *…auguria (rerum. – O. C.) certarum (sunt. – O. C.) …augurium agere nisi in patriis sedibus non licet*; II.703: *augurium, exquisita deorum voluntas, per consultationem avium aut signorum*; III.89: *augurium enim est exquisita dei voluntas, per consultationem avium aut signorum.*

[38] Serv. *Ad Aen.* VI.190: *auguria aut oblativa sunt, quae non poscuntur, sed casu eveniunt, aut impetrativa, quae optata veniunt.*

[39] В представлении о лебеде как пророческой птице смешались греческие, римские и этрусские элементы (*Linderski J.* The Libri reconditi // HSCPh. 1985. Vol. 89. P. 231).

[40] Под «тайными книгами» следует понимать те книги, которые не предназначались для посторонних, а не те, которые содержали оккультные знания (ibid. P. 234).

[41] *Valeton I.M.J.* De modis auspicandi // Mnemosyne. 1889. Vol. 17. P. 419. См. также: *Тихонович П.* Римские авгуры // ЖМНП. 1849. Ч. 63. № 7. С. 44.

торое приводит Цицерон: ауспиций считается законным, если птица могла свободно себя показать[42]. Это значит, что ауспиции относились к разряду *signa oblativa*.

Сравнение сведений Плавта и Сервия выявляет одно существенное различие. Для Плавта ауспициями являются вообще любые предзнаменования, то есть этот термин понимается им широко. Для Сервия ауспиции – лишь один из видов авгурий, то есть в этом случае термин приобретает более узкое значение. Проведение сравнения демонстрирует прежде всего тщетность попыток поздних авторов установить четкие смысловые разграничения между ауспициями и авгуриями. Единственным оправданием в данном случае может являться то, что авгурская доктрина сама допускала противоположные толкования даже в основных вопросах. Формируясь главным образом на основе прецедентов, она не могла быть монолитной теорией[43].

Сервий в действительности описывает не различие между авгурием и ауспицием, но, скорее, между заранее испрошенными знаками (*auspicia impetrativa*) и непрошеными (*auspicia oblativa*). В таком виде это полностью соответствует учению авгуров: для *auspicia impetrativa*, действительно, использовались только некоторые птицы, но в отношении незапланированных знаков авгуры считали, что любая птица может быть вестницей богов[44].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что авгурии и ауспиции в глубокой древности были различными институтами, границы между которыми, однако, стерлись очень рано, еще до того, как в интересах государства была проведена систематизация всех когда-либо случавшихся предзнаменований. По мнению Г. Вагенвоорта, стиранию граней между авгуриями и ауспициями способствовало существование двух видов обрядов. Одни находились в распоряжении самих авгуров, при других авгуры действовали только как интерпретаторы и посредники[45].

О смешении ауспиций и авгурий в одном обряде свидетельствует выражение *nuptiarum auspices* («устроители браков»)[46]. В древние времена перед началом брачной церемонии сначала осуществлялось наблюдение за полетом птиц (Serv. *Ad Aen.* IV.45), потом взывали к богине Земли – Теллус[47], а гром считался *signum oblativum*, который препятствовал заключению брака[48]. Здесь смешивались заранее запрошенные и никем не ожидаемые знаки. В этом, по всей видимости, кроется причина невозможности четко разделить ауспиции и авгурии. Но в одном они различались неоспоримо. Ауспиции были действительны только в течение одного дня и только для принятия определенного решения. Плохие ауспиции, полученные сегодня, могли оказаться хорошими и располагающими к

---

[42] Cic. *Div.* II.73: *tum igitur esset auspicium si modo esset ei liberum se ostendisse.*

[43] По мнению Р. Огильви, у авгуров существовал сборник прецедентов для интерпретации знаков (*Ogilvie R.M.* The Romans and their Gods in the Age of Augustus. L., 1969. P. 110).

[44] Ср. древний авгурский закон, который передает Цицерон (*Div.* II.73): *…decretum collegii vetus habemus omnem avem tripudium facere posse.*

[45] *Wagenvoort H.* Op. cit. P. 39 f.

[46] В данном контексте устроителями браков являлись ауспики, то есть лица, производящие ауспиции. О существовании этого обряда см.: Plaut. *Cas.* 88; Varro ap. Serv. *Ad Aen.* IV.45; Cic. *Pro Cluent.* 14; *Div.* I.28; Val. Max. II.1.1.

[47] Serv. *Ad Aen.* IV.166: *…quidam sane etiam Tellurem praeesse nuptiis tradunt.*

[48] *Wissowa G.* Auspicium. Sp. 2582.

действию на другой день (*alio die*)[49]. Через авгурии божество давало ответ раз и навсегда, как показывает случай с храмом Термина на Капитолии и спор авгура Атта Навия с царем Тарквинием Древним[50]. Но эти же примеры показывают, что практика дивинации по полету птиц имела тенденцию объяснять определенные ауспиции как авгурии. Если все же попытаться разграничить ауспиции и авгурии по их содержанию, то в этом случае, скорее, можно согласиться с точкой зрения Г. Виссова. Авгурии были сакральным действием, которое включало в себя запрашивание божественной воли (то есть *auspicia impetrativa*) и одновременно поддержку какого-либо действия. Ауспиции же были только испрашиванием божественного одобрения для действий магистратов и в историческое время превратились, в сущности, в *auspicia populi Romani*[51], то есть тоже были импетративными знаками.

Что касается содержания деятельности авгуров, то она, согласно Варрону (*LL.* VI.82), сводилась к *augurium agere*, во время которого авгур наблюдает за птицами (*aves specit*). Эта же мысль повторена Фестом, который сообщает, что общественные авгуры совершают ауспиции[52]. Таким образом, если авгуры совершали ауспиции, они делали это для получения от божества разрешения на проведение авгурий. Сделанный вывод не позволяет принять существующую в науке точку зрения о том, что ауспиции были уделом только магистратов, а авгурии – сферой деятельности авгуров.

Вернемся к инаугурации Нумы в крепости и к формуле Варрона, которую произносили авгуры, готовясь к авгуриям или ауспициям. При инаугурации Нумы испрашивание ауспиций начиналось с обращения к божеству, которое, по сути дела, являлось авгурской молитвой. Обращение авгура к Юпитеру в данном случае является, пожалуй, единственным примером авгурской молитвы, сохраненной римской исторической традицией. Ливий передает эту молитву полностью[53]. Он начинает ее после непосредственного обращения к Юпитеру (*invocatio*) словами *si est fas*, которые можно рассматривать как убедительный аргумент в пользу авгурского обращения к божеству. Ф. Хиксон, которая исследовала язык молитв, встречающихся в произведениях Ливия и Вергилия, понимает термин *fas* как определяющий законность избрания Нумы царем[54]. Насколько справедливо это, по сути дела, общепринятое утверждение?

Произнося формулу *si est fas*, авгур совершает правовое действие в одностороннем порядке, которое обязывает Юпитера дать ответ. При этом возможность отказа даже не рассматривалась, так как ответ Юпитера должен быть результатом выполнения им своих обязанностей как

---

[49] Cic. *De leg.* II.31; *Pro domo.* 15; *De resp. har.* 23; *De prov. cons.* 19; *Phil.* II.32; Liv. VIII.32.4. *Linderski J.* Augural Law. P. 2205.

[50] См. также: *Linderski J.* Whatching the Birds: Cicero the Augur and the Augural templa // CPh. 1986. Vol. 81. P. 335; *idem.* Cicero and Roman Divination // PP. 1982. Vol. 37. P. 30.

[51] *Wissowa G.* Auspicium. Sp. 2580 ff.

[52] Paul-Fest. P. 17 L: *auguraculum appellabant antiqui, quam nos arcem dicimus, quod ibi augures publice auspicarentur.*

[53] Liv. I.18.9: *Iuppiter pater, si est fas hunc Numam Pompilium cuius ego caput teneo regem Romae esse, uti tu signa nobis certa adclarassis inter eos fines quos feci.* Плутарх (*Numa.* 7) не приводит слов молитвы, но отмечает, что прорицатель приступил к наблюдению знаков, помолившись.

[54] *Hickson F.V.* Roman Prayer Language: Livy and the Aeneid of Vergil. Stuttgart, 1993. P. 53.

защитника римского народа. Авгур же выступал в этом случае как представитель римского народа, который напоминал богу-защитнику о его обязанности. Поэтому формула *si est fas* в данном случае может иметь только одно значение: «если мое обращение к тебе, отец Юпитер, является законным». То есть с помощью этой формулы авгур узаконивал не избрание Нумы царем, а свое право обратиться к Юпитеру с подобной просьбой. Поскольку его обращение было законным, то и ответ он должен был получить незамедлительно[55], что и было подтверждено посланными ауспициями, в данном случае *signa certa*, то есть такими знаками, интерпретация которых не вызывала сомнения. Произнесение авгуром *fas* свидетельствует о том, что не существовало божественного возражения против выполнения данного обряда, который переводил Нуму в новое, «инаугурированное» состояние. Поэтому едва ли можно согласиться с существующим мнением, что у Ливия в центре внимания находится не получение божественного подтверждения, а сам ритуал[56]. В действительности, одно неотделимо от другого: в данном случае сам ритуал инаугурации получил божественное одобрение.

Что касается формулы авгуров в сочинении Варрона, то с ее помощью авгур подготавливал пространство – *templum*, которое могло использоваться как для авгурий, так и для ауспиций[57]. Кроме того, *templa* были местами культа (храмы) и ведения всех государственных дел[58]. Именно в таких *templa* проходили заседания сената[59]. Там же создавались законы, вершились дела государства, а святость места обеспечивала всем начинаниям людей одобрение со стороны богов и гарантировала их законность[60]. Поэтому любое противоправное действие на их территории квалифицировалось как сакральное преступление (*sacrilegium*)[61].

---

[55] Из убеждения авгура в том, что бог непременно даст ответ, происходит более поздняя форма императивных ауспиций. См.: *Pernice A.* Zum römischen Sacralrechte I // Sitzungsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1885. Hlb. 2. S. 1159. С обращением авгура к Юпитеру можно сравнить обращение Энея к этому же божеству, приведенное Вергилием и прокомментированное Сервием (*Ad Aen.* III.89). Поскольку, как мы уже отметили, с правовой точки зрения обращение к богу было обоснованным, Эней без всяких предисловий взывает к нему: *da pater augurium* («дай, отец, счастливый знак»).

[56] *Levene D.S.* Op. cit. P. 135.

[57] О существовании ауспиций у авгуров см.: *Сморчков А.М.* Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // Ius antiquum. Древнее право. 2003. № 11. С. 25.

[58] О двух видах земных *templa* см.: *Linderski J.* Whatching the Birds. P. 337; *idem.* Augural Law. P. 2272. И. Линдерски считает, что инавгурировались только *templa*, предназначенные для ведения государственных дел. То же отмечает Й. Маркварт (*Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. 2 Aufl. Leipzig, 1885. Bd. 3. S. 155). См. также: *Rüpke J.* Die Religion der Römer. München, 2001. S. 180 ff.

[59] Varro ap. Gell. XIV.7.7. …*in curia Hostilia et in Pompeia et post in Julia, cum profana ea loca fuissent, templa per augures constituta, ut in iis senatus consulta more maiorum iusta fieri possent*; Serv. *Ad Aen.* I.446: …*auspicato et publice res administrarentur et senatus haberi posset.* Римскую традицию ведения всех государственных дел в священных местах возводят к греческой, этрусской и латинской культурам, которые внесли свой вклад в сакральную и политическую системы римлян. Об этом см.: *Ulrich R.B.* The Roman Orator and Sacred Stage: The Roman templum rostratum. Bruxelles, 1994. P. 23.

[60] К таким *templa* относились также *templa rostrata* – святилища с прикрепленной к их фасаду ораторской платформой. Об этом см.: *Ulrich R.B.* Op. cit.

[61] *Watson A.* The State, Law and Religion. Pagan Rome. Athens; London, 1992. P. 56.

А.М. Сморчков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И САКРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РИМСКОЙ ЦИВИТАС: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Согласно распространенной точке зрения, сформулированной еще Т. Моммзеном, установление Республики сопровождалось четким разделением сфер *sacrum* и *publicum*[1]. Но, как верно заметил Дж. Шайд, разделение означало в то же время взаимодействие этих двух областей жизни римской гражданской общины[2]. Также общепризнан, за редким исключением, тезис о подчинении в республиканскую эпоху сакральной сферы сфере политической как основополагающем принципе полисной организации[3]. Однако механизмы этого подчинения или, скорее, соподчинения двух ветвей власти исследованы явно недостаточно. Ведь, с одной стороны, принципы организации цивитас провозглашали приоритет интересов гражданской общины, с другой – одним из важнейших приоритетов являлось поддержание «мира с богами» (*pax deorum*). Естественно, никому и в голову не приходило говорить о превосходстве человеческого коллектива над богами, от которых зависело его существование. Иерархия двух сфер четко отражена в последовательности их перечисления – сначала всегда упоминается сакральная. Именно в такой последовательности излагает «законы» римской гражданской общины в диалоге *De legibus* Цицерон, ясно сформулировав свою позицию: магистратская власть – это, «несомненно, то, что после организации религиозной жизни более всего сохраняет республику»[4]. В такой же последовательности перечисляет части публичного права Ульпиан: *publicum ius in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit* (*D.* I.1.1.2). Именно о сакральных делах прежде других докладывали консулы на первом заседании сената после своего вступления в должность (Varro ap. Gell. XIV.7.9, ср.: Liv. XXII.9.7). О них же позаботились в первую очередь после изгнания галлов (Liv. VI.1.9; Plut. *Camil.* 30; 31). Это был четко осознаваемый римлянами принцип организации жизни их общины и прежде всего политической жизни. Но и боги, можно сказать, зависели от римской цивитас (учреждение культа того или иного бога, строительство храмов, их ремонт, совершение ритуалов, поддержание культа).

---

[1] *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Aufl. 3. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 18–19. См. также: *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912. S. 380, 480; *Bleicken J.* Oberpontifex und Pontificalkollegium // Hermes. 1957. Bd. 85. Heft. 3. S. 361, 366; *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 61; *Scheid J.* Le prêtre et le magistrat // Des ordres á Rome. P., 1984. P. 266–269, 273.

[2] *Scheid J.* Op. cit. P. 269–270, 272–273.

[3] Разница во взглядах исследователей заключается в определении степени этого подчинения, хотя некоторые весьма высоко оценивают роль жрецов в управлении Римом, вплоть до признания их доминирования, по крайней мере, в эпоху Ранней Республики: *Mitchell R.E.* Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca; London, 1990. P. 64–65, 68–76, 170–179 (ср.: p. 114); *Кофанов Л.Л.* *Lex* и *Ius*: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 191–193, 206–208, 218–220, 228 (в целом см.: с. 190–265).

[4] Cic. *Leg.* II.69: *…dicam de magistratibus; id enim est profecto, quod constituta religione rem publicam contineat maxime.*

В этой системе определяющими были отношения между всем гражданским коллективом и его богами, индивид же занимал подчиненное положение. Феноменом, объединяющим обе сферы общественного бытия и в то же время отражающим его сакрально-политическую двойственность, являлось право на общественные ауспиции. Религиозное по своей сути и происхождению, оно превратилось в полноценный синоним политической власти. Ведь всякое важное мероприятие требовало консультации с богами, а потому ауспиции оказались сакральным эквивалентом отдельных функций магистратской власти, их же совокупность стала обозначать магистратскую компетенцию в целом. О двойственности права на общественные ауспиции, т.е. о взаимозависимости и, в определенной степени, взаимопроникновении сакральной и политических сфер, говорит и то, что это право предоставлялось вследствие избрания на политическую должность[5], а не в результате какой-либо религиозной инвеституры. Политическая власть, опиравшаяся на сакральный базис и обладавшая полномочиями в религиозной области, была самодостаточна и независима от религиозных органов.

В положении и полномочиях магистратов и жрецов также прослеживается отмеченная двойственность. Магистраты имели немалые обязанности в сфере почитания богов, особенно магистраты с империем. Эти полномочия можно разделить на две группы – обязательные и эвентуальные, т.е. совершаемые по особым поводам. Наибольшее значение имели религиозные обязанности высших магистратов, прежде всего консулов. Ввиду многочисленности и большого объема светских функций консулов, в первую очередь верховного главнокомандования, которое предполагало длительные отлучки из Рима, вполне объяснимо, что обязательных сакральных действий у консулов было относительно немного, но они являлись ключевыми для сохранения римской общины. Главным образом, речь идет о начале срока их правления, которое сопровождалось различными ритуалами. Особое внимание к моменту вступления в должность вполне понятно, в том числе и в религиозном отношении. В основном в начале своего правления консулы совершали именно сакральные акты. Начинался первый день с совершения традиционных ауспиций для получения одобрения богов действиям консулов в этот день[6]. К сакральным актам, непосредственно сопровождающим вступление в должность, относится посещение храма Юпитера Капитолийского с соответствующими молениями и жертвоприношениями[7]. Консулы по отдельности приносили в жертву быков и по их печени гадали о своем консулате[8]. Часть сакральных действий консулов была связана с положением Рима как главы Латинского союза – они назначали день Латинских торжеств в честь Юпитера Латиариса и сами же совершали

---

[5] На мой взгляд, право на ауспиции предоставлялось посредством процедуры *renuntiatio* («объявления» имени избранного) на электоральном народном собрании. Такое мнение, но без подробного обоснования, высказывалось в историографии: *De Francisci P.* Intorno alla natura e alla storia dell'auspicium imperiumque // Studi in onore di E. Albertario. Milano, 1953. Vol. 1. P. 407, 412; *Linderski J.* The Augural Law // ANRW. B.; N. Y., 1986. 2. Bd. 16. T. 3. P. 2169. Я планирую опубликовать специальное исследование по этому вопросу.

[6] Dion. Hal. *AR.* II.6.1–3; Ovid. *Ep. ex Ponto.* IV.4.37–38. Ср.: Cic. *Div.* II.74.

[7] Liv. XXI.63.7, 8; Ovid. *Ep. ex Ponto.* IV.4.29–32, 9.5, 29–32; *Fasti.* I.79–84; App. *BC.* III.50.

[8] Liv. XLI.14.7, 15.1–4. Ср.: Liv. XLII.28.7, 30.8; Cic. *De leg. agr.* II.93.

ему жертвоприношение на Альбанской горе[9], а также священнодействия Пенатам и Весте в городе Лавинии[10]. Последнее жертвоприношение осуществляли при вступлении в должность также преторы и диктаторы (*rem divinam faciunt*), а в Латинском празднике на Альбанской горе принимали участие все римские должностные лица, включая плебейских трибунов, и сенат[11]. На время их отсутствия назначался специальный городской префект[12]. Все эти сакральные обязанности представляют собой выяснение воли богов и выполнение традиционного долга перед ними.

При вступлении в должность, а также перед выходом в поход или отъездом в провинцию[13] консулы приносили обеты ради благополучия Рима во время своего правления[14]. Обеты от лица государства высшие магистраты принимали и по особым поводам, например, в случае продигий, эпидемии или опасной войны[15]. Они же выполняли принятые обеты и другие религиозные предписания, в частности, Сивиллиных книг и сената. Магистраты неоднократно сами принимали обеты, особенно на поле боя, без приказа и консультаций с сенатом. Их обеты также имели обязательную силу для всего государства, но в первую очередь для самого принявшего обет. Известны случаи, когда именно государство проявляло заботу о выполнении такого рода обетов[16].

Точному выполнению обетов от лица общины придавалось большое значение в деле обеспечения помощи богов и поддержания надлежащих отношений с ними (*pax deorum*). Здесь весьма важна была роль знатоков сакральных формул и предписаний, т.е. понтификов. Ведь нельзя было ошибиться ни в одном слове или допустить возможность иного толкования. Поэтому, если обет принимался в Риме, то его слова магистрату подсказывал верховный понтифик[17], хотя нельзя однозначно сказать, было ли это общеобязательным правилом. Понтифики же выступили консультантами при особо масштабном обете «священной весны» в 217 г. до н.э., согласно которому через пять лет следовало принести в жертву весь приплод скота определенного года (Liv. XXII.9.10–11; 10.1–6). Несомненно, исходя из требования абсолютной точности и определенности в обещаниях богам, в 200 г. до н.э. верховный понтифик потребовал точно указать в обете сумму денег, которую следовало потратить на обещанные Юпитеру дары и игры в случае победы над Македонией, и заранее их отложить как уже посвященные богу. Конфликт был урегулирован обращением консула, по поручению сената, в коллегию понтификов, которая

---

[9] Cic. *Ad Q. fr.* II.4a.2; *Ad fam.* VIII.6.3; Liv. V.17.2, XXI.63.5, 8, XXII.1.6; XXV.12.1–2, XXXVIII.44.8, XLI.16.1–3, 5, 7, XLII.10.15; XLIV.19.4, 21.3, 22.16; Dio Cass. XLVI.33.4, LIV.29.7.

[10] Macr. *Sat.* III.4.11 (ср.: Liv. V.52.8); Val. Max. I.6.7. То же самое при сложении магистратуры: Serv. *Ad Aen.* II.296.

[11] Dion. Hal. *AR.* VIII.87.6; Strabo. V.3.2; Dio Cass. XXXIX.30.4.

[12] *D.* I.2.2.33; Tac. *Ann.* VI.11; Gell. XIV.8.1.

[13] Liv. XXI.63.9, XXXI.14.1, XLI.10.5, 7, 11, 13, XLII.49.1–2, XLV.39.11; Dion. Hal. *AR.* IX.57.1; Fest. P. 176 L, s.v. *vota nuncupata.* То же самое делали пропреторы перед отъездом в провинцию: Cic. *Verr.* V.34.

[14] Liv. XXI.63.7, XXII.1.6, XXXI.9.6–10; Ovid. *Ep. ex Ponto.* IV.4.30.

[15] Liv. XXII.9.10–11, 10.7–8, 10, XXVII.11.6, 33.8, XXX.27.11, XXXI.9.5–10, XXXVI.2.2–5, XL.19.4–5, 37.2, XLII.28.7.

[16] Liv. V.25.7–10, VII.28.4–5, X.37.15–16, XXII.33.7–8.

[17] Liv. IV.27.1, XXXI.9.9, XXXVI.2.2–5, XLII.28.9.

разрешила не назначать сумму заранее (Liv. XXXI.9.6–10). В текстах обетов явно заметно желание заранее обезопаситься от возможных нарушений сакрального права, оговорив такую возможность[18]. Но этими консультациями деятельность понтификов в сфере принятия обетов и ограничивалась.

Большую роль в общественно-политической жизни римской Республики играли продигии, свидетельствовавшие о гневе богов, и, соответственно, искупительные религиозные мероприятия, призванные восстановить нарушенный «мир с богами»[19]. О продигиях докладывали сенату, а тот уже решал, принимать эти сообщения во внимание или нет, самостоятельно обсудить вопрос или обратиться за разъяснениями и советом к жрецам и к каким именно, каким магистратам и жрецам поручить исполнение необходимых религиозных обрядов[20]. По поводу продигий докладывали сенату и сами жрецы, как, например, понтифик Г. Юлий Цезарь Страбон в 99 г. до н.э. по поводу самопроизвольного движения копий Марса в святилище Регии (Gell. IV.6.2), т.е. собственно там, где проживал верховный понтифик[21].

К сакральным обязанностям консулов и преторов относилось также назначение дня для ряда праздников. Один такой праздник, связанный со вступлением консулов в должность, уже назывался – *feriae Latinae*. День Компиталий (праздник в честь Ларов-покровителей перекрестков) определял претор[22]. Это т. н. *feriae conceptivae* («назначаемые»)[23]. Кроме этих регулярных празднеств, высшие магистраты (консулы, преторы, диктаторы) по распоряжению сената организовывали умилостивительные и благодарственные молебствия (*supplicationes*) по разным поводам[24]. Они же назначали *feriae imperativae*, т.е. празднества по особым поводам (Macr. *Sat.* I.16.6), прежде всего Великие игры[25]. Их проведению предшествовали обеты, даваемые магистратами по распоряжению сената. Из таких вотивных празднеств впоследствии появлялись регулярные игры, которыми распоряжались также магистраты, в частности, из Великих игр – Римские игры, находившиеся в ведении курульных эдилов[26]. Другой пример – Аполлоновы игры, которые впервые были устроены по обету в 212 г. до н.э.[27]: они находились в ведении

---

[18] Liv. XXII.10.4–6, XXXVI.2.5.

[19] Liv. XXII.1.14–15, 2.1, 9.10–11, XXIV.11.1, 44.7, 9, XXV.7.9, XXVII.23.1–4, 38.1 (ср.: 37), XXVIII.11.5, XXX.2.9–13, XXXI.12.10, XXXII.1.13, 9.1–4, 29.1, 5, XXXIV.55.1–4, XXXV.21.2, XXXVI.37.5–6, XXXVII.3.1, XXXIX.22.4–5, XL. 19.4–5, XLI.9.7–8, 16.6–7, XLVIII.13.7–8; Gell. IV.6.2.

[20] Подробный анализ см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 114–116. См. также: Liv. XXII.11.14–15, XXVIII.11.5, XXXII.1.13, XL. 19.4, XLI.16.6, XLII.20.1–2, XLV.16.5–6; Gell. IV.6.2.

[21] Serv. *Ad Aen.* VIII.363. Ср.: Varro. *LL.* VI.21; Fest. P. 346/8 L; Plin. *Ep.* IV.11.6.

[22] Gell. X.24.3; Macr. *Sat.* I.4.27, ср.: 16.6.

[23] Varro. *LL.* VI.25, 26, 29; Macr. *Sat.* I.16.6; Fest. P. 55 L, s.v. *conceptivae ferialie*; Ovid. *Fasti.* I.657–662; Lyd. *De mens.* III.6.

[24] Cic. *Ad Q. fr.* II.4a. 2; Liv. XXVII.51.8, XXXI.8.2, XXXVI.2.2, 5, XL.19.5, XLV.3.2.

[25] Liv. IV.12.2, 27.1, V.19.6, 31.2, VI.42.12–14 (ср.: VII.15.12), VII.11.4, XXII.9.10–11, 10.1–8, XXVII.33.8, XXX.2.8, 27.11–12, XXXI.9.6–10, XXXVI.2.2–5, XLII.28.8–9; Dion. Hal. *AR.* V.57.5.

[26] Liv. I.35.10, VI.42.12–14, X.47.3–4, XXIII.30.16, XXV.2.8, XXVII.6.19, 21.9, 36.8, XXVIII.10.7, XXIX.38.8, XXX.39.6, XXXI.4.5, 50.2, XXXII.7.14, XXXIII.25.1, XXXIV.44.5, 54.4 (ср.: 3), XXXIX.7.8–9, XL. 59.6; Dion. Hal. *AR.* VII.71.2, 72.15; Dio Cass. XXXVII.8.1.

[27] Liv. XXV.12; Macr. *Sat.* I.17.27–29.

городского претора[28]. Плебейские эдилы проводили, соответственно, Плебейские игры[29]. Магистраты распоряжались и на других играх – в честь Цереры[30], на Мегалесиях[31], на Флоралиях[32], на Рыбачьих играх[33].

Игры были посвящены тем или иным богам, и сама организация их проведения, несомненно, относилась к сакральным функциям. К сожалению, краткие сообщения источников не позволяют конкретизировать действия магистратов во время этих и других религиозных церемоний. Тем не менее совершенно ясно, что они осуществляли какие-то обряды, в частности, жертвоприношения (*sacrificare, hostiis sacrificare, hostiis procurare, rem divinam facere, sacra facere, sacrificium facere, rebus divinis operam dare*)[34]. Преторы вместе с понтификами, весталками и прочими гражданами, которым это было дозволено, участвовали в ритуале Аргеев в майские иды, когда в Тибр бросали плетеные чучела людей (Dion. Hal. *AR.* I.38.3). Кроме того, городской претор приносил телушку в жертву Геркулесу у *ara maxima*[35]. О религиозном ритуале возлияния вином из особого рода чаши (*scyphus*), которое ежегодно осуществлял претор, говорится в комментариях Сервия (*Ad Aen.* VIII.278). Цицерон упоминает о каких-то действиях курульного эдила с жертвенной чашей (*simpuvium*) на Мегалесиях, причем он произносил сакральные тексты (*Har. Resp.* 23). Там же принимали участие и преторы, совершавшие жертвоприношения и устраивавшие игры в честь Великой Матери богов (Dion. Hal. *AR.* II.19.4). Вместе с понтификами в ежегодном жертвоприношении Энею Индигету участвовали консулы[36]. 13 декабря, когда был посвящен храм Цереры в Каринах, некие священнодействия этой богине осуществляли эдилы[37], что соответствует одной из их функций – надзору за содержанием общественных храмов. Перед началом военных действий полководец посещал святилище Марса, где сдвигал священные щиты (анцилии) и копье Марса со словами: «Марс, бодрствуй»[38]. Смысл его действий достаточно прозрачен – активизировать божественные силы, помогающие на войне.

Полномочия магистратов в религиозной области не были чем-то дополнительным и внешним, но вытекали из самой сути магистратской власти. Согласно сообщению Дионисия Галикарнасского, во время Великих (Римских у Дионисия) игр консул участвовал в торжественном шест-

---

[28] Liv. XXV.12.10, 12, 14, XXVII.11.6, 23.5 (общая формулировка), 7; Plut. *Brut.* 21; Macr. *Sat.* I.17.28, 29; Fest. P. 436 L–438 L, s.v. *salva res* (и многочисленные другие частные примеры).

[29] Liv. XXIII.30.17, XXVII.6.19, 21.9, 36.9, XXVIII.10.7, XXIX.38.8, XXX.26.11, 39.8, XXXI.4.7, 50.3, XXXII.7.13, XXXIII.25.2, XXXIX.7.10.

[30] Плебейские эдилы: Liv. XXX.39.8 (из-за огрешного избрания эдилов игры провели диктатор и начальник конницы); Dio Cass. XLVII.40.6. Ср.: Dion. Hal. *AR.* VI.17.2–4.

[31] Преторы: Dion. Hal. *AR.* II.19.3–4. Курульные эдилы: Cic. *Har. Resp.* 27 (ср.: 22, 23, 24); Liv. XXXIV.54.3 (ср.: Val. Max. II.4.3); Dio Cass. XXXVII.8.1. Плебейские эдилы: Dio Cass. XLIII.48.4.

[32] Плебейские эдилы: Val. Max. II.10.8 (ср.: Ovid. *Fasti.* V.287–292). Консулы: Ovid. *Fasti.* V.327–330.

[33] Городской претор: Fest. P. 274 L, s.v. *piscatori ludi.*

[34] Liv. XXV.7.9, XXXIV.55.2, XXXVI.37.5, XL. 19.4; Gell. IV.6.2; Val. Max. I.6.7; Macr. *Sat.* III.4.11; Serv. *Ad Aen.* II.296.

[35] Varro. *LL.* VI.54; Macr. *Sat.* III.12.2; Serv. *Ad Aen.* VIII.276.

[36] Schol. Veron. *Ad Aen.* I.260.

[37] *Cal. Praen.* Ad 13 Dec. Ср.: Tertul. *De idol.* 10.

[38] Serv. *Ad Aen.* VIII.3, ср.: VII.603.

вии, находясь на священной (ιερόν) колеснице (*AR.* V.57.5), что, несомненно, подчеркивало сакральное значение его функций[39]. Об этом же свидетельствует весьма интересное замечание Ливия после описания неудавшихся умилостивительных обрядов: «Гибельный исход знамений обратился на головы консулов, государство же осталось невредимым» (XXVII.23.4). О признании сакрального характера магистратской власти свидетельствуют также слова Цицерона в третьей речи против Катилины: опровергая чьи-то сомнения в законности наказания претора Публия Лентула, участника заговора, Цицерон утверждает, что тот сам отказался от должности и стал частным лицом, а потому религиозный запрет (*religio*) не помешает наказать его (*Cat.* III.15). Таким образом, лицо, облеченное магистратской властью, находилось и под религиозной защитой. Показательно замечание Тацита о Секулярных играх: отметив, что забота об их проведении издревле возлагалась на Сивиллиных жрецов, он при этом подчеркнул, что религиозные обряды осуществляли преимущественно те из них, кто одновременно был магистратом (*Ann.* XI.11). Все это свидетельствует о признании, в определенной степени, сакрального характера у магистратской власти, что означает несомненную преемственность с концепцией царской власти, согласно которой, на мой взгляд, божественная санкция относилась к самой власти и ее полномочиям, а не к ее носителю[40].

Деятельность магистратов, связанная с религией, не делала их жрецами, хотя эти действия идентичны жреческим (молитвы, жертвоприношения, гадания)[41]. Жрецы также участвовали в сакральных мероприятиях магистратов, но в качестве помощников и консультантов, а не равноправных участников: они подсказывали текст молитв и ритуальных формул, толковали знаки и знамения, помогали при жертвоприношениях и т.д. Почти все эти действия магистрат мог совершать и без жрецов: формальных требований обязательного соучастия жрецов не было, за редким исключением (например, при дедикации храмов). Ситуация регулировалась не законом, а обычаем и традицией, а также естественным желанием привлечь специалистов в сакральной области во избежание возможных ошибок при совершении ритуала, что грозило гневом богов и неудачей всего мероприятия. Главную ответственность за поддержание мира с богами (*pax deorum*) несла именно политическая власть (сенат и консулы).

Когда речь идет о политических полномочиях жрецов, под последними понимаются практически исключительно понтифики и авгуры, чья компетенция позволяла оказывать прямое или косвенное влияние на политическую власть. Но это влияние ограничивалась в основном гражданской властью, т.е. территорией города и его ближайшей округой. Авгуры и понтифики не были обязаны сопровождать полководца в походе, хотя это им не возбранялось. Положение римских жрецов в политической системе римской Республики было двойственным. Как специалисты в своей сфере они лучше понимали волю богов, и ослушаться жрецов

---

[39] Ср. о преторах: *non vetus et bigarum celebratio in iis, qui praetura functi curru vecti essent per circum* (Plin. *NH.* XXXIV.20).

[40] *Сморчков А.М. Regnum et sacrum*: к вопросу о характере царской власти в древнем Риме // Древнее право. 2002. №2 (10). С. 39–40.

[41] *Шайд Дж.* Религия римлян. М., 2006. С. 135–136.

было делом опасным. Но как люди они могли ошибаться, ведь римские жрецы, за исключением весталок и фламина Юпитера, не обладали особой святостью, приближающей их к богам. Нет сведений (за исключением весталок) о каком-либо специальном обучении и подготовке жрецов в Риме, впрочем, как и в Греции. Такое положение давало возможность по-разному относиться к жреческим решениям, относящимся к политической сфере, и по-разному трактовать их, тем самым превращая решение жрецов в мнение компетентных людей, формально не имеющее обязательной силы. Лишь постановление политического органа, главным образом сената, делало жреческое мнение обязательным для исполнения[42]. В собственно религиозные дела политическая власть не вмешивалась, кроме тех случаев, когда жреческие решения затрагивали общину как таковую, а не отдельных ее членов. Нет никаких свидетельств о каком-либо контроле за жреческими сообществами (*sodalitates*), такими как луперки, салии, арвальские братья, занятыми исключительно исполнением религиозных ритуалов и не имевшими ни малейшей возможности и повода влиять на политическую сферу. Однако те религиозные дела и происшествия, которые имели или могли иметь политическое значение, обязательно контролировались политической властью, прежде всего сенатом. Это касается всех жрецов, в том числе понтификов и авгуров, чье влияние на управление римской общины было наибольшим.

Учитывая важное значение ауспиций, следует предположить особую роль авгуров, которые могли влиять на политические события и процессы, толкуя посылаемые богами знаки. Однако и здесь мы видим четко проводимую политику ограничения деятельности жрецов чисто религиозными вопросами и решениями, при всем внешнем уважении к авгурам и их учению как одному из столпов римского государства[43]. Политические решения принимали органы власти, которые при этом, конечно, опирались на предлагаемые авгурами религиозные разъяснения и толкования. В конечном итоге, магистрат сам решал, признавать или нет те или иные предзнаменования, соглашаться или нет с мнением авгуров[44]. Это не означало господство здесь произвола: неподчинение авгурам грозило вмешательством сената, а уже в силу краткосрочности своих полномочий магистрат вынужден был считаться и с сенатом, и с авгурами, чтобы не пострадать за своеволие, став частным человеком. Ни в коем случае нельзя забывать и об истинном религиозном чувстве[45], заставлявшем прислушиваться к мнению жрецов даже вопреки личным интересам, как это имело место в 162 г. до н.э.: консулы этого года добровольно и незамедлительно сложили свои полномочия, как только вы-

---

[42] *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. Leipzig, 1878. Bd. 3. S. 212–213; *Scheid J.* Op. cit. P. 268; *Beardt M.* Priesthood in the Roman Republic // Pagan Priests. Ithaca; New York, 1990. P. 31–34; *Beardt M., North J., Price S.* Religions of Rome. Cambr., 1998. Vol. 1. P. 27; *North J.A.* Roman Religion. Oxf., 2000. P. 37–28; *Бердников И.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Казань, 1881. Т. 1. С. 326–327, 334–337.

[43] Подборку высказываний древних авторов см.: *Сморчков А.М.* Авгурский контроль над ауспициями магистратов: теория и реальность // АМА. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 157–158.

[44] Там же. С. 163–164, 168–169.

[45] Скептический взгляд Цицерона на дивинацию – это всего лишь мнение одного человека эпохи краха традиционных ценностей, которое по определению не могло быть господствующим в умах сограждан. См.: *Jocelyn H.D.* The Roman Nobility and the Religion of the Republican State // The Journal of the Religious History. Vol. 4. № 2. 1966. P. 91, 97, 102–104.

яснилось, что при их избрании была допущена огрешность в ауспициях[46]. С другой стороны, посредничество политических органов не давало простора своеволию жрецов, ставя их под контроль светских органов власти. Ведь если бы численно крайне незначительная коллегия авгуров, члены которой избирались пожизненно путем кооптации, обладала самостоятельностью и инициативой в определении сакральной правомерности политических актов и принимала обязательные для исполнения решения, это представляло бы серьезнейшую опасность для существования республиканской политической системы, ее независимости и относительной секуляризованности.

И действовали жрецы в политической сфере, как правило, по запросу сената или высших магистратов. Для жрецов священнодействий (*sacris faciundis*) – это общепризнанный факт, неоднократно отраженный в источниках[47]. Но то же самое прослеживается для понтификов и авгуров, которые также подчинялись магистратам, если у тех возникала необходимость в жреческой помощи: обрядовые формулы, по которым магистраты приглашали этих жрецов к соучастию в религиозных актах, составлены в повелительном наклонении[48]. Конечно, жрецам не было запрещено проявлять инициативу, тем более в вопросах, затрагивающих религиозную сферу, и, соответственно, общественные интересы. В упомянутых событиях 162 г. до н.э. коллегия авгуров, проинформированная одним из своих членов, – Тиб. Гракхом, который и допустил ошибку в ауспициях, – доложила о вскрывшихся обстоятельствах сенату, а тот уже повелел огрешно избранным консулам отказаться от должности. В 195 г. до н.э. верховный понтифик доложил, что ненадлежащим образом был выполнен обряд священной весны, – доложил сначала коллегии понтификов, а затем, по ее решению, сенату, который и принял решение о повторении обряда[49]. Во всех этих случаях опять же обращает на себя внимание ключевая и определяющая роль сената.

Несомненно, исключительным был авторитет верховного понтифика, не имевший аналогий в других жреческих коллегиях. В историографии дискутируется вопрос о наличии у него даже некоторых магистратских полномочий как наследия царской власти, хотя сам он магистратом не был. Наиболее полно эту концепцию сформулировал Т. Моммзен[50]. Она была подвергнута сомнению в работах Й. Бляйкена и других исследователей[51]. Прежде всего возражения вызвал тезис о наличии у верховного понтифика империя (и соответствующих ауспиций)[52].

---

[46] Cic. *ND.* II.10–11; *Div.* I.33, II.74–75; *Ad Q. fr.* II.2.1; Val. Max. I.1.3 (ср.: IX.3.2); Plut. *Marcel.* 5; Ampel. XIX.11; *De vir. ill.* XLIV.2.

[47] Cic. *Div.* I.97, II.112; Liv. V.13.6, 50.2, VII.27.1, XXII.9.7–8, XXV.12.11, XXXI.12.9, XXXVI.37.4, XL. 19.4, 37.2, XLI.21.10; Dion. Hal. *AR.* IV.62.5; Lact. *Inst.* I.6.13; Macr. *Sat.* I.17.29.

[48] Жреческие коллегии… С. 120; *Сморчков А.М.* Авгурский контроль… С. 164–165.

[49] Liv. XXXIV.44.1–2. Подобный случай см.: Liv. XXXI.9.6–10.

[50] *Mommsen Th.* Op. cit. Bd. 2. S. 18–73. В том же духе признавали магистратские полномочия (но не магистратский статус) Л. Ланге и Г. Виссова: *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. 1. B., 1876. S. 345–346; *Wissowa G.* Op. cit. S. 511–512.

[51] *Rosenberg A.* Imperium // RE. 1916. Bd. 9. Sp. 1207–1208; *Bleicken J.* Op. cit. S. 345–361; *Latte K.* Op. cit. S. 400–401; *Kunkel W.* Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962. S. 22–23; *Szemler G.J.* Pontifex // RE. 1978. Supplbd. 15. Sp. 344–345, 360–362.

[52] *Mommsen Th.* Op. cit. Bd. 2. S. 20–21.

Важнейшим аргументом Т. Моммзена является признание руководящей роли верховного понтифика на т. н. калатных комициях (куриатных или центуриатных), компетенция которых (аррогация, утверждение завещаний и жреческая инавгурация[53]) относится к области сакрального права. С ним согласно большинство ученых, даже А. Магделен и Дж. Шайд, в целом признавшие критику концепции Т. Моммзена[54]. Подробно данного вопроса я коснусь в другой работе, здесь же лишь подчеркну, что в источниках нет ясных и недвусмысленных указаний на то, кто именно созывал калатные комиции и руководил ими. Не являются бесспорными и три цитаты (из Авла Геллия и Тацита), в которых видят прямое подтверждение руководящей роли верховного понтифика. В них упоминается лишь некое участие понтификов в калатных комициях: *comitia arbitris pontificibis praebentur* (Gell. V.19.6); *calata comitia… pro conlegio pontificum habentur* (Labeo ap. Gell. XV.27.1); *lege curiata apud pontifices* (Tac. *Hist.* I.15). Как легко заметить, понтифики лишь присутствуют на комициях, о чем ясно свидетельствуют предлоги *pro* и *apud* – «в присутствии (понтификов)». В том же смысле следует понимать независимый аблативный оборот *arbitris pontificibus*, который можно перевести «при посредничестве понтификов» (или «после решения понтификов»). Перевод «под руководством понтификов»[55], на мой взгляд, совершенно неприемлем. Прежде всего, насколько я могу судить, термин *arbiter* и в собственном своем значении («третейский судья»), и в смысле *iudex* никогда не употреблялся в связи с каким-либо народным собранием, тем более для обозначения его руководителя. Но главное то, что во всех этих цитатах речь идет о понтификах, т.е. коллегии, а не о верховном понтифике. Коллегиальное руководство[56], в т.ч. комициями, в Риме никогда и нигде не имело места.

Конечно, под контролем понтификов, представлявших общественные интересы, формально находился и частный культ[57]. Но полный кон-

---

[53] Общая формулировка: Gell. XV.27.1, 3. Частные случаи: Cic. *Dom.* 39 (ср. 34–40), 77; *Prov. cons.* 45; *Ad Att.* II.7.2; Tac. *Hist.* I.15; Gai. II.101; Gell. V.19.6; App. *BC.* III.94; Dio Cass. XXXVII.51.1–2, XXXIX.11.2, XLV.5.3, XLVI.47.4–5. Ср.: Varro. *LL.* VI.27; Macr. *Sat.* I.15.9–11; Serv. *Ad Aen.* VIII.654.

[54] *Mommsen Th.* Op. cit. Bd. 2. S. 37–38; *Marquardt J.* Op. cit. Bd. 3. S. 293, 300–301; *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Leipzig, 1884. Bd. 1. S. 108; *Kübler B.* Calata comitia // RE. 1897. Bd. 3. Sp. 1330; *Botsford G.W.* The Roman Assemblies from the Origion to the End of the Republic. N. Y., 1909. P. 104, 153–156, 161, 285; *Wissowa G.* Op. cit. S. 511–512; *Rosenberg A.* Op. cit. Sp. 1207; *Jocelyn H.D.* Op. cit. P. 92; *Szemler G.J.* Op. cit. Sp. 361 (но ср.: 344–345); *Scheid J.* Op. cit. P. 268 (особ. n. 72); *Mitchell R.E.* Op. cit. P. 6, 177; *Бердников И.* Указ. соч. Т. 1. С. 309–310; *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1902. Ч. 2. С. 685, 698; *Кофанов Л.Л.* Указ. соч. С. 159. Против: *Rubino J.* Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839. S. 253; *Bleicken J.* Op. cit. S. 351–358; *Latte K.* Op. cit. S. 400.

[55] *Gellius, Aulus.* The Attic Nights. Transl. by J.C. Rolfe. Cambr. (Mass.), 1968. P. 437 (*under the authority of the pontiffs*); *Кофанов Л.Л.* Указ. соч. С. 159 («под руководством судей-понтификов»). Не видел здесь затруднений и Г.У. Ботсфорд, без каких-либо пояснений и аргументации утверждавший: «Выражения *arbitris pontificibus* и *apud pontifices* доказывают руководство со стороны понтификов» (*Botsford G.W.* Op. cit. P. 161. Note 1).

[56] Тезис о руководстве калатными комициями со стороны коллегии понтификов выдвинул А. Магделен и поддержал Дж. Шайд: *Scheid J.* Op. cit. P. 268. Note 72. Впрочем, о руководящей роли понтификов, а не верховного понтифика, говорил еще Б. Кюблер, не акцентируя внимания на этом: *Kübler B.* Op. cit. Sp. 1330.

[57] Liv. I.20.6; Dion. Hal. *AR.* II.73.2; Plut. *Numa.* 9, ср.: Cic. *Leg.* II.20; Fest. P. 113L, s.v. maximus pontifex. Подробнее см.: *Marquardt J.* Op. cit. Bd. 3. S. 290–300; *Szemler G.J.* Op. cit.

троль за частными священнодействиями был невозможен уже на ранних этапах римской истории – в силу значительных размеров гражданского коллектива по сравнению с числом понтификов. Точнее было бы говорить о жреческом влиянии, а не о контроле. Такая ситуация соответствует обособленности и независимости римской *familia* во главе с *pater familias* и в других областях. Нарушения в области религии, допущенные отдельным человеком, грозили гневом богов лишь ему одному, если только каким-либо образом это не касалось общественного культа. Например, согласно учению понтификов, нельзя было работать в праздничные дни, ибо они посвящены службе богам[58]. Соблюдение этого правила предоставлялось совести каждого, но если нарушение оскверняло общественные священнодействия, нарушивший религиозное предписание наказывался штрафом (Macr. *Sat.* I.16.9). Жреческий контроль в силу объективных причин фактически ограничивался лишь интересами общественного культа. Поэтому наибольшее значение имели не прямые контакты римского гражданина (особенно из низших слоев) со жрецами, а разрабатывавшиеся понтификами правила и предписания, регулировавшие порядок частных священнодействий, переход из одного рода в другой, погребальный культ, светский или сакральный характер дней календаря и т. д. Впрочем, конкретных свидетельств осуществления понтификами своих полномочий в сфере частного культа значительно меньше по сравнению с данными из публичной сферы. Эта ситуация объясняется прежде всего характером нарративной традиции, но в какой-то степени – и приоритетами самих жрецов, чьи интересы лежали в области политической деятельности[59] и, соответственно, общественного культа.

Магистраты, как и прочие граждане, были обязаны подчиняться определенным сакральным предписаниям, неисполнение которых грозило серьезными последствиями. В случае неумышленного нарушения следовало принести искупительную жертву[60], а исполненный недолжным образом обряд повторялся. Разница с частным культом заключалась в том, что обязательство повторить ритуал возлагалось на государство[61], от лица которого действовал магистрат, как, например, при проведении Латинских празднеств на Альбанской горе[62]. В случае же сознательного нарушения, т. е. сакрального преступления, санкция была гораздо строже. Такой человек, в том числе и магистрат, объявлялся «нечестивым» (*impius*)[63]. В определенной степени, он оказывался вне человеческого сообщества, прежде всего, в его контактах с миром божественного: Цицерон говорит о запрете нечестивцу умилостивлять богов дарами (*Leg.*

Sp. 360–362; *Beardt M.* Op. cit. P. 39; *Сморчков А.М.* Коллегия понтификов: частно-правовые функции // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 55–65.

[58] Serv. *Ad Georg.* I.268, 270 (ср.: Verg. *Georg.* I.268–272); Macr. *Sat.* I.16.9–12, III.3.10–12.

[59] Итоговый вывод об использовании жреческих должностей для политической карьеры см.: *Szemler G.J.* The Priests of the Roman Republic. Bruxelles, 1972. P. 192 (весьма тщательное исследование этого вопроса). См. также: *Scheid J.* Op. cit. P. 257.

[60] Varro. *LL.* VI.29, 30. Ср.: Macr. *Sat.* I.16.10; Cic. *Leg.* II.22, 37.

[61] Plut. *Coriol.* 25; Arnob. IV.31. Ср.: Cic. *Har. Resp.* 21.

[62] Cic. *Ad Q. fr.* II.4a. 2; Liv. V.17.2–4, 19.1, XXXII.1.9, XXXVII.3.4, XL. 45.2, XLI.16.1–2, 5, 7; Dio Cass. XXXIX.30.4.

[63] Cic. *Leg.* II.22; Varro. *LL.* VI.30, ср.: Macr. *Sat.* I.16.10. О термине *impius* см.: Cic. *Leg.* I.40; Serv. *Ad Aen.* I.378.

II.22). Признание кого-либо *impius* принадлежало понтификам[64], но, видимо, это не влекло каких-либо наказаний. Наказать за святотатство могли только политические органы[65]. Вероятно, светская власть налагала и вышеупомянутый штраф за нарушение запрета работать в праздничные дни (Macr. *Sat.* I.16.9)[66].

Известны случаи, когда именно верховный понтифик налагал штраф на магистратов, являвшихся одновременно жрецами, но исключительно теми, которые ему подчинялись (фламины Марса и Квирина, царь священнодействий)[67]. Кроме того, в эпитомах сочинения Ливия упомянут штраф, наложенный на претора Гн. Тремеллия (159 г. до н.э.) за его неправый (*iniuriosus*) спор с верховным понтификом[68]. Однако краткость сообщения не позволяет уверенно определить, кто именно наложил штраф. Даже если считать таковым верховного понтифика, то в силу фрагментарности наших знаний о персональном составе понтификальной коллегии в этот период нельзя исключить, что претор занимал одну из подчиненных верховному понтифику жреческих должностей (например, был младшим понтификом или фламином)[69]. Во всех случаях оштрафованные верховным понтификом жрецы-магистраты апеллировали к народному собранию, которое принимало окончательное решение[70]. Также в одном плохо сохранившемся месте в словаре Феста (462/4 L, s. v. *Saturno*) идет речь о каком-то конфликте между верховном понтификом и авгуром, который обратился с апелляцией, – возможно, на штраф, наложенный понтификом[71]. Само собой, о сколько-нибудь надежных выводах здесь говорить не приходится, тем более, что согласно восстановлению текста, предложенному Т. Моммзеном, народ отказал верховному понтифику в этом праве. Единственное жречество, над которым верховный понтифик имел реальную и исключительную власть вплоть до права вынесения смертного приговора, – это весталки. Но весталки были уникальным явлением для римской жреческой организации и в других аспектах. Они представляли собой жречество в чистом виде, целиком посвященное божеству и занятое исключительно религиозным служением[72].

Итак, полномочия римского жречества были ограничены чисто религиозными вопросами. В тех случаях, когда жреческие решения оказывали влияние на политическую сферу, они контролировались политиче-

---

[64] Cic. *Leg.* II.37, ср.: Macr. *Sat.* I.16.9–11.

[65] Анализ отдельных случаев см.: *Сморчков А.М.* Правовая защита священного имущества в древнем Риме (sacrilegium в 48-й книге Дигест) // Дигесты Юстиниана. М., 2006. Т. VIII. С. 187–189.

[66] Аргументацию см.: Жреческие коллегии… С. 130–131.

[67] Cic. *Phil.* XI.18; Liv. XXXVII.51.1–6, XL. 42.8–11; *Per.* 19; Val. Max. I.1.2; Tac. *Ann.* III.71. О подчинении фламина Юпитера верховному понтифику в схожих обстоятельствах см.: Tac. *Ann.* III.58, 59, 71.

[68] *Cn. Tremellio praetori multa dicta est, quod cum M. Aemilio Lepido pontifice maximo iniuriose contenderat; sacrorumque quam magistratuum ius potentius fuit* (Liv. *Per.* 47).

[69] Более подробно см.: Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 58.

[70] Анализ этих казусов с итоговым выводом об отсутствии у верховного понтифика судебных полномочий см.: *Bleicken J.* Op. cit. S. 349–350, 356, 359; *idem.* Kollisionen zwischen Sacrum und Publicum // Hermes. Bd. 85. Heft. 4. 1957. S. 449–468; *Kunkel W.* Op. cit. S. 22–23.

[71] См. текст, восстановленный и дополненный Т. Моммзеном: Fest. P. 463 L.

[72] Жреческие коллегии… С. 291–297.

скими органами власти, фактически (но не формально) утверждались ими. Такое положение жречества явилось следствием свержения царской власти и установления аристократической формы правления, а затем было закреплено образованием гражданской общины в ходе сословной борьбы. Собственно говоря, еще римские цари, особенно из этрусской династии, стремились подчинить себе жречество, тесно связанное с родовой аристократией. Победа аристократии над царской властью означала определенный регресс в развитии общества, что укрепило общинные устои, приобретшие «второе дыхание». Однако это не означало возвращения к порядкам первобытного строя. Становление государства в Риме продолжилось, хотя и с более низкой ступени. Но благодаря данному обстоятельству указанный процесс стал протекать в условиях большей значимости общинных начал, что привело к возникновению *civitas*. Определенную роль в укреплении этих начал сыграла сакральная сфера, сохранившая в силу своей консервативности немало из первобытного наследия. Тем не менее произошли крупные изменения в положении общеримского жречества, которое было достаточно тесно связано с царской властью, являясь в то же время частью родоплеменной аристократии. Победа последней ликвидировала условия, при которых жречество, находясь между царской властью и общинной аристократией, имело потенциальные возможности обособления в отдельный самостоятельный слой правящего класса со своими «кастовыми» интересами. Пришедшая к власти патрицианская верхушка, конечно, не была заинтересована в возникновении независимого жреческого сектора в экономической и общественной жизни и в создании параллельного аппарата власти. В итоге римское жречество лишилось всяких элементов корпоративности и никогда не выдвигало каких-либо своих, сугубо жреческих требований[73]. Участие его в общественной жизни и политической борьбе определялось политическими реалиями и интересами, к складыванию которых само жречество никакого отношения не имело. Отмеченное разделение сфер *sacrum* и *publicum* не приводило к их противостоянию и соперничеству, ибо магистратуры и жречества занимали представители одного и того же сословия, преследующие одни и те же общие цели. Происходившие порой конфликты жрецов и магистратов являлись следствием столкновения личных, а не сословных интересов.

Тем не менее, опасность жреческой активности и самостоятельности вполне могла существовать в начале Республики. Во всяком случае, имеются следы определенного недоверия к жречеству со стороны общинной власти. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все республиканское публичное жречество являлось наследием царской (и более древней) эпохи: при Республике были учреждены лишь должность царя священнодействий (в 509 г. до н.э.) для выполнения царских сакральных обязанностей и коллегия эпулонов (в 196 г. до н.э.), взявшая на себя часть обязанностей понтификов. Наиболее важным изменением в жреческой организации в этот период было расши-

[73] *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 181–183; *Jocelyn H.D.* Op. cit. P. 93; *Scheid J.* Op. cit. P. 248, 271, 280; *Porte D.* Les donneurs de sacré. Le prêtre á Rome. P., 1989. P. 22–23; *Beardt M., North J., Price S.* Op. cit. Vol. I. P. 27; *Штаерман Е.М.* От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 140; *она же.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 98.

рение коллегий жрецов священнодействий, понтификов и авгуров за счет допуска в них плебеев. В то же время республиканская эпоха отмечена интенсивным храмовым строительством. Но эти храмы возводились по инициативе и на средства магистратов (изредка – сената), а не жреческих коллегий. Жречество как таковое в храмовом строительстве не участвовало. Соответственно, оно группировалось не вокруг храмов, а по своим функциям, причем жреческие коллегии и сообщества (*sodalitates*) имели четко очерченные области компетенции, не пересекавшиеся друг с другом, что препятствовало возникновению единой жреческой организации с внутренними связями и иерархией.

Созданию собственно жреческого сектора в экономике древнего Рима эффективно препятствовал запрет дарить храмам землю[74]. Священные земли в республиканском Риме имелись, но относились они не к храмам, а к жреческим коллегиям[75], которые получали с них средства на осуществление священнодействий и оплату обслуживающего персонала. Но управляли этими землями, поскольку все они считались частью общественного фонда, цензоры[76]. Даже рабы, имевшиеся у жреческих коллегий, принадлежали не им, а государству (*familia publica*)[77]. Таким образом, римское жречество имело крайне маломощную экономическую базу, к тому же было стеснено в распоряжении ею, что, наряду с другими факторами, препятствовало оформлению жречества в самостоятельную общественную силу[78].

Видимо, осознавалась патрицианскими вождями и опасность сосредоточения в одних руках политических и религиозных функций, как это имело место у царей. В силу подобных опасений было запрещено занимать магистратуры во избежание политических потрясений царю священнодействий (*rex sacrorum*), должность которого была учреждена в начале Республики для исполнения царских сакральных обязанностей[79]. О специальном запрете на совмещение других жречеств и магистратур (собственно говоря, консульства) сведений нет[80]: Плутарх (*QR.* 113) сообщает о таком запрете для жреца Юпитера, но для эпохи Поздней Республики известны случаи совмещения этого фламината и магистратуры (Liv. XXXI.50.7–9; XXXIX.39.1–3; 45.2).

Тем не менее, на мой взгляд, сохранились косвенные свидетельства существовавших прежде для жрецов ограничений на общественную деятельность. Уже из-за своих сакральных обязанностей они испытывали серьезные затруднения в доступе к консульству. Это касается и понтификов, хотя бы в силу запрета видеть мертвое тело[81] или покидать

---

[74] Cic. *Leg.* II.9, 22, 45; Ulp. *Fr.* XXII.6.

[75] Oros. V.18; Fest. P. 204L, s.v. *obscum*; Sicul. Flac. P. 162L; Hygin. *Cond. Agr.* P. 117; *Lib. Colon.* P. 235; *Gromat.* P. 238, 19 L, 283 L; Symmach. *Ep.* I.68; *Relat.* III.1. Ср.: App. *Mithr.* 22; Dio Cass. XLIII.47.4.

[76] Аргументацию см.: *Mommsen Th.* Op. cit. Bd. 2. S. 59–71; *Marquardt J.* Op. cit. Leipzig, 1884. Bd. 2. Aufl. 3. S. 82–83.

[77] *Mommsen Th.* Op. cit. Bd. 1. S. 325; Bd. 2. S. 64; *Marquardt J.* Op. cit. Bd. 2. S. 81; Bd. 3. S. 217–218.

[78] О священном землевладении и специфике его использования см. также: *Сморчков А.М.* Правовой статус и социальная роль храмов республиканского Рима // Древнее право. 2000. № 2(7). С. 51–54, 59.

[79] Dion. Hal. *AR.* IV.74.4, V.1.4; Plut. *QR.* 63; Liv. II.2.1–2, ср.: XL. 42.8.

[80] Подобное предположение см.: *Beardt M., North J., Price S.* Op. cit. Vol. 1. P. 28.

[81] Serv. *Ad Aen.* III.64, VI.176; Dio Cass. LIV.28, 35, LVI.31.

Рим[82]. Подобные сакральные запреты осложняли участие в политической деятельности для трех великих фламинов[83], особенно для Юпитерова[84], который и в императорскую эпоху продолжал оставаться наиболее ущемленным в этом вопросе (Tac. *Ann.* III.58; 71). Не вполне ясные, но, видимо, довольно строгие ограничения имели место у салиев[85]. Следствием их явился обычай выходить из этой коллегии при достижении консульства: в сохранившихся от конца II в. н.э. отрывках фаст палатинских салиев данное обстоятельство (консульская должность) служило одной из причин замещения жреца в коллегии новым лицом (*CIL.* VI.1978.1–2; 15; 1980.8–9). Показательно, что именно салиев, наряду с фламинами, чьи широкие сакральные ограничения хорошо известны, приводит в пример Ливий в качестве образца наиболее далеких от политической деятельности коллегий (IV.54.7). Сказанное позволяет предположить, что религиозные запреты у салиев, хотя мы о них знаем мало, были все же значительны и сопоставимы с таковыми у жреца Юпитера. Думаю, что этот вывод можно распространить и на другие жречества, по крайней мере, для периода ранней Республики, когда еще не начались различные послабления в их религиозных ограничениях.

Другая категория косвенных свидетельств не практиковавшегося на определенном этапе совмещения жреческого и магистратского достоинств связана, на мой взгляд, с так называемым *vacatio munerum publicorum* («освобождение от общественных обязанностей»). В конце Республики это право было льготой, дарованной общественным жрецам[86]. Но, как я пытался показать, анализируя словоупотребление Дионисия Галикарнасского, на раннем этапе освобождение от общественных обязанностей могло являться фактически освобождением от общественных должностей (*vacatio honorum*)[87].

Настороженное отношение к жречеству следует отнести лишь к начальному периоду Республики, пока не укрепились политическое господство аристократии и институты ее власти. Нет оснований считать этот период длительным, видимо, он ограничивался первыми десятилетиями республиканской эпохи. Сам по себе возможный обычай (или запрет), затруднявший соединение жречества и магистратуры в одном лице, не имел принципиального значения для римской общественной системы и потому являлся лишь временной мерой. Но он содействовал становлению действительно принципиальной, сущностной черты организации римской сакральной сферы республиканской эпохи, а именно: отмеченному отделению политической сферы от сакральной. Каково было соотношение сознательных действий и объективных условий в формировании этого феномена римской конституции, сказать сложно, но вызван он был логикой борьбы с царской властью, имевшей не только

---

[82] Liv. XXVIII.38.12, 44.11; *Per.* 59; Dio Cass. *Fr.* LVII.52; Plut. *Tib. Grac.* 21.

[83] Liv. *Per.* 19; XXXI.50.7–9, XXXVII.51.1–7; Cic. *Phil.* XI.18; Val. Max. II.2; Tac. *Ann.* III.58, 71.

[84] Gell. X.15; Plut. *QR.* 44, 112, 113.

[85] Об одном из них см.: Polyb. XXI.13.10–14.

[86] См. устав колонии Юлии Генетивы касательно авгуров и понтификов (*Lex col. Genet.* 66). Ср.: Cic. *Brut.* 117; App. *BC.* II.150; Plut. *Camil.* 41; *Marcel.* 3; *D.* IV.8.32.4. Анализ жреческих привилегий см.: *Scheid J.* Op. cit. P. 258–260.

[87] *Сморчков А.М.* Римское публичное жречество: между царской властью и аристократией // ВДИ. 1997. № 1. С. 43.

сакральные функции, но и сакральный характер. Ведь, собственно говоря, опасным для общественной системы являлось не получение жрецом политических функций в силу избрания его на политическую должность, а получение политических полномочий одновременно с введением в жреческий сан, т.е. когда само жреческое достоинство сочеталось с определенными элементами властвования, что грозило возможностью создания альтернативного аппарата управления. Резкое разделение двух сфер исключало подобную возможность. Исполняя магистратские обязанности, полученные им от общины, римский жрец действовал именно как магистрат[88]. Это означало полную невозможность присвоения жрецами как таковыми каких-либо политических функций. Более того, в важнейших вопросах сама жреческая деятельность контролировалась государством.

Таким образом, римское жречество являлось численно ограниченным, экономически маломощным, организационно раздробленным, в социальном плане неотделимым от правящего сословия, а в политическом – зависимым от светской власти. Но такое положение жречества, отвечавшее интересам патрицианской аристократии, имело, в конечном итоге, негативные последствия для ее монополии на руководство государственными делами. Десакрализация власти, хотя, естественно, неполная, облегчила плебейской верхушке доступ к ней. Показательно относительно редкое и в целом малоэффективное использование патрициями своих сакральных прав и преимуществ в сословной борьбе.

Необходимо подчеркнуть еще один важный момент, на который далеко не всегда обращается внимание. Вмешательство политической власти в сакральные вопросы не было формализовано какими-либо законами, но определялось обычаем и ситуацией, подчиняясь общественным религиозным опасениям и страхам. Последние же возникали и распространялись по собственным законам и далеко не всегда оказывались связанными с крупными («историческими») событиями. Различные соображения могли обратить внимание политической власти на сакральную сферу, но отсутствовал какой-либо формальный механизм контроля за религиозными вопросами, который всегда бы начинал действовать при сходных обстоятельствах и проводил бы к немедленной реализации соответствующих решений. При анализе сакральных обстоятельств, приводивших к междуцарствию, я нашел у Ливия четыре варианта одинаковых ситуаций (консулы-суффекты, досрочное сложение полномочий высшими магистратами, их поражение, болезнь), когда в одном случае возникали религиозные опасения, а в другом – нет, что приводило к противоположным политическим решениям при схожих обстоятельствах[89]. Тот или иной исход являлся результатом ситуативной общественной реакции на события. Могли, конечно, сказаться и социально-политические интересы, нередко имевшие место при внешней апелляции к религии. Также не следует забывать о возможностях отдельной личности, которая имела простор для маневра в рамках законов, не говоря уже о тех рамках, которые устанавливали обычаи и традиции, державшиеся на общественном признании. Известный нарушитель устоявшихся норм и про-

---

[88] Жреческие коллегии… С. 136–137.

[89] *Сморчков А.М.* Сакральные ограничения консульского империя // ВДИ. 2006. № 4. С. 164–165.

тивник сената Гай Фламиний[90], будучи консулом в 223 г. до н.э., отказался немедленно подчиниться решению авгуров о признании его избрания огрешным и соответствующему приказу сената о сложении полномочий. Он довел военную кампанию до победного завершения и даже добился триумфа, несмотря на сопротивление знати[91]. Реальность гораздо сложнее, чем правовые нормы, а в сакрально-политической области закономерности прослеживаются с еще бóльшим трудом, чем в иных сферах жизни общества. Это необходимо учитывать, дабы не поддаваться соблазну, под влиянием позднеримской юридической мысли, рассматривать римскую политическую систему как юридически четко выстроенную.

Таким образом, сосуществование и взаимодействие сакральной и политической сфер в общественной жизни республиканского Рима представляло собой сложную систему, находившуюся в постоянном развитии. Однако проследить ее эволюцию крайне сложно в силу состояния и специфики источниковой базы, поэтому предложенная в данном исследовании картина во многом статична. Главное внимание в нем было уделено устойчивым чертам римской сакрально-политической организации, характерным для всей республиканской истории, которые и определяли специфику этой организации. Особо следует отметить ее единство и непротиворечивость в ключевых аспектах, что, несомненно, явилось одной из важнейших причин стабильности и прочности римской цивитас. Четкая грань между *sacrum* и *publicum* в общественном восприятии и публичном праве не препятствовала глубокому взаимопроникновению этих сфер, что создавало цельную сакрально-политическую систему, где обе ее части немыслимы друг без друга. Религия играла здесь важную роль поддержания общественного гомеостаза[92] уже в силу присущего ей консерватизма, хотя в иных условиях, особенно во время коренных перемен, ее роль может быть и разрушительной для общества. В древнем Риме даже во время патрицианско-плебейского противостояния апелляция к общим богам и общему культу нередко становилась последним препятствием расколу и распаду общества (достаточно вспомнить первую сецессию). Несмотря на свойственные политеизму неизбежные различия между отдельными группами, в том числе между патрициями и плебеями, превалировало все же то, что их объединяло в рамках тесного союза цивитас с ее богами. Последние гарантировали сохранение гражданского коллектива в целом, – при условии соблюдения им определенных религиозных норм и предписаний, призванных обеспечить помощь со стороны богов (*pax deorum*), – но они никогда не были гарантами отдельных элементов политической системы[93]. Изменения в ней относились к земным, профанным делам (*res humanae*). Конечно, консервативные силы пытались апеллировать к богам, чтобы воспрепятствовать нововведениям, но эти попытки оказались

---

[90] *Münzer F.* Flaminius // RE. 1909. Bd. 6. Sp. 2500–2501; *Develin R.* The Political Position of C. Flaminius // RhM. 1979. Bd. 122. Heft. 3–4. P. 268–277.

[91] Liv. XXI.63.12 (ср.: 7); Plut. *Marcel.* 4; Zon. VIII.20.

[92] См. такие же выводы, сделанные при анализе общественной роли дивинации: *North J.* Diviners and Divination at Rome // Pagan Priests. Ithaca; New York, 1990. P. 62–64.

[93] Такой же вывод по поводу социального устройства см.: *Штаерман Е.М.* От религии общины… С. 141; *она же.* Социальные основы… С. 98–99.

малоэффективными, что свидетельствует в пользу вышеназванного представления о роли богов. Такие взгляды на взаимоотношения богов и людей способствовали творческому и динамичному развитию политической сферы республиканского Рима при сохранении ее принципиальных основ. Именно это сочетание рационального прогресса и здорового консерватизма являлось отличительной чертой римской цивитас на разных этапах ее развития.

ANDREY M. SMORCHKOV (MOSKAU)

DIE POLITISCHE UND SACRALE MACHT IN DER RÖMISCHEN *CIVITAS*: WEISE И WEGE DER WECHSELWIRKUNG

Die scharfe Teilung des *sacrum* und *publicum* war charakteristisch für die römische Republik. Der Artikel ist der Erforschung der Wechselwirkung dieser Gesellschaftsbereichen gewidmet. Die Magistrate hatten viele Verpflichtungen im sakralen Bereich, aber es machte sie keine Priester. Die Priester halfen den politischen Behörden, berieten in religiösen Fragen und nahmen an den Gesellschaftsritualien teil, aber hatten keine politische Befugnisse. Eine priesterliche Entscheidung erhielt die obligatorische Gewalt nur durch den Beschluss der politischen Behörden (hauptsächlich, des Senats). Die römische Priesterschaft also stand unter Kontrolle der politischen Behörden. Es kann bei der Erforschung der *vota* und der *prodigia* gut bemerken. In Ergebnis des Sturzes des Königtums und der Stiftung des aristokratischen Regimentes der römischen Priesterschaft wurden alle Elemente der Körperschaft entzogen, und sie wurde keine «Kaste» mit eigenen Interessen. Die Einmischung der politischen Gewalt in die sakralen Fragen wurde nicht von den Gesetzen geregelt, aber war von der öffentlichen Situation abhängig. Solches sacral-politische System war in Hauptaspekten einheitlich und widerspruchsfrei. Es war eine der wichtigsten Ursachen für die Stabilität der römischen *civitas*.

А.В. Коптев

ИСТОРИЯ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЛУКРЕЦИИ: МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ, ПРАВОМ И РИТУАЛОМ

В римской исторической традиции Лукреция представлена среди главных героев свержения династии Тарквиниев и ликвидации монархии в Риме. Жена царского племянника Тарквиния Коллатина покончила жизнь самоубийством, после того как сын царя Секст совершил над ней насилие[1]. В литературе и изобразительном искусстве она навечно осталась символом человеческой доблести, не покоренной тиранией. Во многих версиях и римейках этой истории Лукреция символизирует Рим (или, шире, Родину), а насильник Секст Тарквиний – образ тирана (или врага)[2].

В науке нет единства мнений о подлинности этой истории. Этторе Пайс видел в ней легенду, имевшую отношение к религиозным культам Ардеи и принесенную в Рим только во второй половине IV в. до н.э.[3] Андреас Альфёльди считал ее полностью вымышленной, введенной в III в. до н.э. для того, чтобы скрыть тот неприятный для римлян факт, что последний римский царь был изгнан этруском Порсенной, а не в результате народного восстания[4]. Другие историки склоняются к тому мнению, что если сама героиня и была вымышленной, то какое-то историческое ядро в событиях 509 г. до н.э. все же имеется[5]. Поскольку нет ясности в происхождении этой истории, то многие предпочитают видеть в ней опоэтизированную и романтизированную реальность.

У других исследователей драматизм рассказа Ливия вызывает ассоциацию с наличием театрального источника[6]. Многие черты, выделенные Харальдом Гелднером, характеризуют историю Лукреции как составную часть римского литературного процесса[7]. В античной литературе она являла собой скорее некий архетипный образец женской

---

[1] Основные источники: Liv. I.57–59; Dion. Hal. *AR.* IV.64–67; Diod. Sic. X.20.1–21.5; Ovid. *Fasti.* II.721–844; Cic. *Fin.* II.66, V.64; *Rep.* II.46; *Leg.* II.10; Val. Max. VI.1.1; Plut. *Poplic.* 1.3–5, 12.5; Flor. *Epit.* I.2–3; Dio Cass. II.13–20. Подробнее см.: *Geldner H.* Lucretia und Verginia: Studien zur virtus der Frau in der griechischen und römischen Literatur. Mainz, 1977. S. 85–127.

[2] См.: *Geldner H.* Op. cit. S. 29–30; *Donaldson I.* The Rapes of Lucretia. A Myth and its Transformation. Oxf., 1982; *Pouthier P.* Autour de la mort de Lucrèce: la constitution à Rome d'un thème national // L'Antiquité classique. D'Hippocrate à Alcuin. Limoges, 1997. P. 101–111; *Matthes M.M.* The Rape of Lucretia and the Founding of Republics: Readings in Livy, Machiavelli, and Rousseau. Pennsylvania, 2001.

[3] *Pais E.* Ancient Legends of Roman History. Trad. M.E. Cosenza. L., 1906. P. 185–203.

[4] *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965. P. 72–84.

[5] *Münzer F.* Lucretia // RE. 1927. Bd. 13. Sp. 1695; *Appleton Ch.* Trois episodes de l'histoire ancienne de Rome: les Sabines, Lucrece, Virginie // RHDFE. 4e ser. 1924. Vol. 3. P. 669–670; *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1965. P. 218–229; *Cornell T.J.* The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C.). London; New York, 1995. P. 215–218.

[6] См.: *Heurgon J.* Tite-Live et les Tarquins // L'Information Littéraire. 1955. Vol. 7. P. 56–64; *Donaldson I.* Op. cit. P. 6–7.

[7] *Geldner H.* Op. cit. S. 13–24.

чистоты и доблести, героиню элегической поэзии, нежели исторический персонаж[8].

Родство мужа Лукреции с ее насильником приводит на память древний мифологический сюжет взаимоотношений двух мужчин и женщины. В Восточном Средиземноморье это история про двух братьев, у одного из которых была коварная жена. Греческая версия этого сюжета, – история Иосифа и жены фараона Потифара, – вероятно, восходит к древнеегипетской «Сказке о двух братьев», которая в свою очередь производна от мифа о богах Анубисе и Бата[9]. С точки зрения греческого варианта истории о двух братьях и похотливой жене одного из них, рассказ о Лукреции представляется как конфликт двух двоюродных братьев, Тарквиния Коллатина и Секста Тарквиния, по поводу жены первого из них[10]. По мнению Джоселин Смолл, в этрусской версии этого сюжета, которую исследовательница прочитывает в изображениях на трех погребальных урнах I в. до н.э., Лукреция не выглядела ни жертвой, ни образцом доблести, но скорее женщиной, которую соблазнил Секст Тарквиний, и которая покончила с собой, когда ее бросил любовник[11]. Возможно даже, что, будучи старше своего возлюбленного, Лукреция была вовсе не совращенной невинной жертвой, а соблазнительницей, которая жаждала обладать красивым молодым человеком. Такой образ, примерами которого могут быть Федра, Сфенебея или Дидона, был достаточно распространен в античной литературе. При сравнении история римских Тарквиниев является своеобразной проекцией легендарной семьи Атридов[12]. Мать Агамемнона и Менелая, Аэропа изменила мужу Атрею с его братом Фиестом, за что Атрей бросил ее в море.

С другой стороны, история Лукреции является частью рассказа об изгнании Тарквиниев из Рима, что делает ее похожей на историю о тиране-насильнике, распространенную в греческой литературе[13]. В образе

---

[8] См.: *Voisin J.-L.* Deux archétypes de la mort volontaire: Lucrece et Horatius Cocles? // La Rome des premiers siecles: legende et histoire. Actes de la Table Ronde en l'honneur de Massimo Pallotino (Paris 3–4 Mai 1990). Firenze, 1992. P. 257–266. *Fox M.* Roman Historical Myths, The Regal Period in Augustan Literature. Oxf., 1996. P. 210–217.

[9] См.: *Hart G.* Egyptian Myths. L., 1990. P. 75–78. Другой египетский миф рассказывает о двух божественных братьях, Осирисе и Сете, и жене Осириса Исиде, в этом сюжете особую роль играл их сын Хор. См.: *Griffiths J.G.* The Conflict of Horus and Seth. A Study in Ancient Mythology from Egyptian and Classical Sources. Liverpool, 1960.

[10] Несколько подобных историй, в которых представлена триада, состоящая из двух братьев и женщины, вплетены в историю римской монархии. Это история двух сыновей альбанского царя Проки, Нумитора и Амулия. Дочь Нумитора Рея Сильвия, подвергшись насилию бога Марса, родила Ромула и Рема, отомстивших Амулию за изгнание деда. Уже в античности высказывалось предположение, что насильником был не Марс, а Амулий, который скрывался под маской бога (*Origo gent. Rom.* 19.5). Другая история рассказывает о братьях Лукумоне и Аррунте, сыновьях Демарата, переселившегося в Этрурию из Коринфа. Аррунт умер раньше своего отца, оставив жену с ребенком. Демарат же, не зная о родившемся у невестке внуке, не включил его в свое завещание, оставив все наследство Лукумону. Лукумон женился на Танаквиль, которая затем сделала его римским царем. Вариантом этой истории можно считать рассказ о братьях Луции и Аррунте, сыновьях Тарквиния Древнего. Женщиной здесь выступает царская дочь Туллия, чьим первым мужем был Аррунт, а вторым – Луций. Первому брак с этой женщиной принес гибель, а второму – царский титул.

[11] *Small J.P.* The Death of Lucretia // AJA. 1976. Vol. 80. P. 349–360.

[12] *Briquel D.* Tarquins de Rome et idéologie indo-européenne (II). Les vicissitudes d'une dynastie // RHR. 1998. Vol. 215. P. 435–450: “Familie des Tarquins et familie des Atrides”.

[13] *Soltau W.* Die Anfänge der römischen Geschichtsschreibung. Leipzig, 1909. S. 95–96.

Тарквиния Гордого нашло отражение стереотипное античное представление о тиране[14]. Геродот (III.80) вкладывает в уста перса Отаны определение трех главных отрицательных черт тирана – он нарушает отеческие обычаи и законы, казнит людей без суда и насилует женщин[15]. Плутарх (*Mul. virt.* 20, 22, 24, 26) передает серию историй о греческих женщинах, подвергшихся насилию, которые отомстили своему насильнику[16]. У Павсания (VIII.47.6) мы узнаем о безвестной девушке, подвергшейся насилию тирана Орхомена и покончившей с собой от стыда и позора. Другая история (II.20.2) рассказывает об аргосском военачальнике Брианте, обесчестившем девушку и отмщенным как ею самой, так и поднявшимся на ее защиту народом[17]. Недавно Кэрол Ньюландс рассмотрела историю Лукреции как аллюзию на греческий миф о Прокне, Филомеле и Терее[18]. Поэтому, кажется, логичной выглядит идея, развитая Аттилио Мастрочинкве, что самоубийство Лукреции было воспето поэтом Акцием (последняя треть II в. до н.э.) в трагедии «Брут», написанной по сюжету «Электры» Еврипида[19]. У последнего Акций заимствовал мотив мести тирану, к которой Лукреция призывает родных своей смертью.

Данная статья имеет целью проследить превращение истории Лукреции из литературного сюжета в псевдоисторический рассказ о падении древней римской монархии. При этом постулируется, что наличие в ней специфически римских деталей производно от ритуальной практики и ее осмысления римскими историками от Акция до Ливия.

1. *Греческие аналогии в истории римских Тарквиниев*

Историческая же традиция о низвержении Тарквиниев обнаруживает большое сходство с одновременными событиями в Афинах, на что обращал внимание уже Авл Геллий (XVII.21.6–7). В Риме и в Афинах в одно и то же время произошли революции, приведшие к смене конституционного строя. В Афинах была низвержена семья тиранов Писистратидов, один из сыновей Писистрата был убит, а другой изгнан, после чего последовали реформы Клисфена, вводившие демократическое правление. В то же самое время в Риме осуществляется изгнание цар-

---

[14] См.: *Dunkle J.R.* The Greek Tyrant and Roman Political Invective of the Late Republic // TAPhA. 1967. Vol. 98. P. 151–171; *idem.* The Rhetorical Tyrant in Roman Historiography: Sallust, Livy, and Tacitus // CW. 1971. Vol. 65. P. 12–20.

[15] Насилие над женщинами в качестве причины эпохальных перемен – распространенный сюжет древней литературы, восходящий, видимо, к мифологии. У Геродота (VI.136–138) насилие пеласгов над афинскими девами стало причиной их изгнания из Аттики. У Ливия (I.9.6–16) похищение сабинских девушек римлянами Ромула стало причиной войны, а затем объединения двух народов.

[16] Подробнее см.: *Poucet J.* Les Rois de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles, 2000. P. 274–278.

[17] Плутарх в биографии Кимона (6) рассказывает о насилии спартанского царя Павсания над знатной девушкой по имени Клеоника, родом из Византия, которое связывали с гибелью самого царя.

[18] *Newlands C.E.* Playing with Time. Ovid and the Fasti. Ithaca; London, 1995. P. 146–174.

[19] *Mastrocinque A.* La cacciata di Tarquinio il Superbo. Tradizione e letteratura Greca // Athenaeum. 1983. Vol. 61. P. 457–480; 1984. Vol. 62. P. 210–229; *idem.* Lucio Giunio Bruto. Recherche di storia, religione e diritto sulle origine della republica romana. Este, 1988. P. 21–35. Ср.: *Fauth W.* Der Traum des Tarquinius. Spuren einer etruskisch-mediterranen Widder-Sonnen Symbolik bei Accius (Fr. 212 D.) // Latomus. 1977. Vol. 36. P. 469–503.

ской семьи Тарквиниев, последний представитель которой правил тиранически. За этим последовало основание республиканского правления, которое осуществлял первый консул Луций Юний Брут, действовавший в интересах народа. Падение Писистратидов имело поводом сексуальное преступление – попытку насилия Гиппарха, одного из сыновей тирана, над Гармодием, возлюбленным афинянина Аристогитона. Сходным образом, и поводом к изгнанию Тарквиниев послужила попытка царского сына Секста Тарквиния склонить к измене мужу добродетельную Лукрецию. Оба разгневанных поведением тирана афинянина, Гармодий и Аристогитон, выступили против Писистратидов еще и потому, что после неудачной попытки соблазнить Гармодия Гиппарх причинил обиду его сестре (Thuc. VI.54–59). Вследствие этого заговора Гиппарх был убит, но тирания просуществовала еще четыре года. Лишь деятельность Клисфена оказалась успешной, и после изгнания Гиппия, с 508 г. до н.э., началась эра афинской демократии[20].

Роберт Огилви отметил, что одним из ее первых актов были проскрипции против членов семьи тиранов[21]. Клисфен ввел остракизм, который в первую очередь был направлен против тиранов и первое использование которого коснулось одного из кузенов Писистратидов – Гиппарха, сына Харма. Об этом использовании остракизма рассказывает Аристотель (*Athen. pol.* 22.4): «И первым подвергся остракизму один из его родственников, Гиппарх, сын Харма из Коллита, которого главным образом и имел в виду Клисфен, издавая этот закон, так как хотел его изгнать. Надо сказать, что афиняне со свойственной народу снисходительностью позволяли тем из сторонников тиранов, которые не принимали участия в их преступлениях во время смут, проживать в городе. Вот их-то вождем и простатом был Гиппарх» (перев. С.А. Жебелева).

Фактически невиновный политик был послан в изгнание просто из-за нелюбви к его семейным связям с изгнанными тиранами и потому, что имя Гиппарха вызывало неприятные ассоциации с убитым тираном. Точно также в Риме Луций Тарквиний Коллатин был изгнан по предложению Брута, так как его имя ассоциировалось с именем изгнанного царя, Луция Тарквиния Гордого, племянником которого он был. И это соответствие римского сюжета афинскому не просто совпадение; этот несчастный Коллатин происходил из города Коллации (*Collatia*), а родным демом Гиппарха, сына Харма, был Колит (Κολλυτός). Очевидно, что римская история была сконструирована по афинской модели, в сюжете которой уже имелось готовое место для Лукреции (обиженные Гармодий и его сестра)[22].

Сам же рассказ о Лукреции обнаруживает аналогии с другим греческим источником. Известно, что римские анналисты заимствовали сюжетную основу многих рассказов о царствовании Тарквиниев у Геро-

---

[20] В успехе Клисфена (Hdt. V.63, 66) как и Брута (Liv. I.56) определенную роль сыграл дельфийский оракул. Разница лишь в том, что Клисфен был связан с Дельфами как Алкмеонид в изгнании, а рассказ о поездке туда Брута вряд ли достоверен.

[21] *Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 238–239.

[22] Подобным образом история нападения царя Порсенны на Рим может рассматриваться в качестве реплики с походов царей Дария и Ксеркса против Афин. Как целью Порсенны было возвращение Тарквиниев на римский трон, так и провозглашавшейся целью экспедиции Дария было восстановление Гиппия в качестве тирана Афин, а Ксеркс предполагал вернуть Демарата на царство в Спарте, откуда последний был изгнан.

дота. Так, роль Секста Тарквиния при взятии римлянами Габий (Liv. I.53.4–54.10; Ovid. *Fasti.* II.689 sqq.) подобна роли полководца Зопира при захвате Дарием Вавилона (Hdt. III.153 sqq.); а мудрый совет отца Секста, римского царя Тарквиния Гордого (Liv. I.54.5–8; Ovid. *Fasti.* II.701–706), повторяет совет тирана Милета Фрасибула коринфскому тирану Периандру (Hdt. III.154–158; V.92).

Ливий (I.34.8) и Дионисий Галиканасский (*AR.* III.47.3) передают рассказ о приезде в Рим этрусского Лукумона, который потом стал царем под именем Тарквиния. По пути ехавшие на повозке Лукумон и его жена Танаквиль оказались участниками странного события. Парящий в небе орел неожиданно спикировал и сорвал с головы Лукумона его головной убор. Поднявшись высоко в небо, орел не менее неожиданно возвращается обратно к путникам и водружает головной убор обратно на голову обескураженного Лукумона. Танаквиль, будучи сведущей в этрусском авгуральном искусстве, истолковала случившееся в том смысле, что небесные боги обещали Лукумону высокое положение на новой родине и царскую власть в Риме. Этот рассказ сходен с историей анатолийского крестьянина Гордия, сын которого Мидас стал царем Фригии. Эту историю рассказывает Арриан (*Anab.* II.3.1–6, перев. М.Е. Сергеенко): «Александр вошел в Гордий и поднялся в кремль, где находился дворец Гордия и его сына Мидаса. Ему очень захотелось посмотреть тут повозку Гордия и узел на ярме этой повозки. Об этой повозке местные жители рассказывают знаменитую историю: в древности жил во Фригии бедняк Гордий; был у него клочок земли и пара волов: на одном он пахал, на другом занимался извозом. Однажды, когда он пахал, к нему на ярмо сел орел и сидел, пока он не распряг вола. Перепуганный Гордий пошел рассказать о божественном знамении телмесским прорицателям. Телмесцы умеют истолковывать божественные знамения, и дар прорицания наследуют у них в роду мужчины, женщины и дети. Подходя к какой-то деревне в телмесском округе, он встретил девушку, черпавшую воду, и рассказал ей про свой случай с орлом. Девушка эта была сама из рода прорицателей; она велела ему, вернувшись на то самое место, принести жертву Зевсу-Царю. Гордий же попросил ее пойти вместе с ним и объяснить, как приносить жертву. Он совершил ее так, как она ему указала: сочетался с девушкой браком, и у них родился сын Мидас. Когда этот Мидас был уже красивым, храбрым мужем, во Фригии разразилась междоусобица, от которой страдали все. Получено было предсказание, что к ним на повозке приедет царь, который и прекратит междоусобицу. Пока они еще рассуждали об этом, в народном собрании появился и стал с повозкой Мидас вместе с отцом и матерью. Тут, соображаясь с предсказанием, признали в Мидасе того, о котором божество изрекло, что он приедет на повозке. Мидаса поставили царем. Мидас прекратил междоусобицу, а отцовскую повозку поставил в кремле, как благодарственное подношение Зевсу-Царю за ниспосланного орла. Об этой повозке рассказывают вот еще что; тому, кто развяжет узел на ее ярме, предсказано владеть Азией».

В этой истории право Гордия на царскую власть в Фригии переписано на его сына Мидаса. И тот, и другой являются в столицу сидя на повозке вместе со жрицей (одному она мать, а другому жена), а, согласно прорицанию, власть царя-примирителя получит тот, кто приедет на по-

возке вместе с ней. Вступив в брак с Гордием, девушка-жрица именно его отметила как божественного избранника. На это же указывает и орел, севший на ярмо его волов, и тот факт, что столицу Фригии назвали его именем – Гордий, и то, что именно его повозка была посвящена в храм как символ царской власти.

Лукумон-Тарквиний прибыл в Рим в сопровождении своей способной к прорицанию жены Танаквиль, точно так же, как Гордий приехал в столицу Фригии вместе с женой-жрицей. Обе пары сидели на повозке, которая в фригийской легенде оказывается символом царской власти[23]. Тот факт, что Александр Македонский и его спутники видели в храме эту повозку, хранимую как священный объект, указывает на то, что у этой легенды была какая-то ритуальная основа и повозка действительно играла роль символа царской власти. Сходство же фригийской и римской историй позволяет предполагать, что и в Риме дело обстояло таким же образом – определенный вид колесниц был предназначен только для священных особ[24]. Женщина играла важную роль в этой мифологической сцене, она разгадывает предзнаменование и тем самым приносит царский титул своему спутнику[25]. Во фригийской истории Гордий получил то же прорицание, что и этрусский Лукумон, и также оказался женатым на жрице-прорицательнице, как и Лукумон на Танаквиль. Возможно, брак с девушкой-жрицей (с Танаквиль в римской истории) был связан с получением царского титула[26]. Согласно традиции, Сервий Туллий приобрел царский титул после своей женитьбы на царской дочери Тарквинии, его зять Тарквиний Гордый смог стать царем, только женившись на его дочери Туллии. Холлеман полагает, что в клане Тарквиниев было нечто вроде обычая или даже права для женщины делать своего мужа царем (*muliebri dono* – Liv. I.47.10)[27]. Скорее, однако, как основание, так и функционирование этрусской династии Тарквиниев в Риме было смоделировано на основе греческой мифологии.

Греческий прототип встречается также и в истории смещения Тарквиниев. Исследователи обратили внимание на сходство между римской триадой (Коллатин, его жена Лукреция и Секст Тарквиний) и ли-

---

[23] Ср.: *Borghini A.* La «scena del carro» e la donna divina: Giordio, Pisitrato e Tarquinio Prisco // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici 12. 1984. P. 61–115.

[24] В республиканское время использование повозки в городе было привилегией, предоставлявшейся исключительно *flamines maiores*, *rex sacrorum*, и жрицам Весты, которых Т. Моммзен считал республиканской заменой царских дочерей. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887. Bd. 2. S. 54. Также см.: *Rose H.J.* De Virginibus Vestalibus // Mnemosyne. 1926. 2nd ser. Vol. 54. P. 440–448; *idem.* Iterum de Virginibus Vestalibus // Mnemosyne. 1928. 2nd ser. Vol. 56. P. 79–80; *Reidinger.* Vestales // RE. 1958. Bd. 8. Sp. 1732–1753; *Hommel H.* Vesta und die frührömische Religion // ANRW. 1972. I.2. S. 397–420; *Beard M.* The Sexual Status of Vestal Virgins // JRS. 1980. Vol. 70. P. 12–27; *Martin P.M.* L' idèe de royalité à Rome. De la Rome royale au consensus républicain. Clermont-Ferrand, 1982. P. 100–110.

[25] Туллия Свирепая переехала тело своего убитого отца Сервия Туллия, сидя на колеснице, и фактически этим обеспечила своему мужу Тарквинию царскую власть. См.: *Gagé J.* La mort de Servius Tullius et le char de Tullia // RBPh. 1963. Vol. 41. P. 25–62 = *Gagé J.* Enquêtes sur les structures sociales et religieuses de la Rome primitive. Bruxelles, 1977. P. 36–68; *Bellandi F.* Scelus Tulliae. Storiografia e tipologia tragica in Dionigi, Livio, Ovidio // PP. 1976. Vol. 31. P. 148–168.

[26] *Martin P.-M.* Tanaquil, la «faiseuse» de rois // Latomus. 1985. Vol. 44. P. 5–15.

[27] *Holleman A.W.J.* Lucretia und die Inschriften von Pyrgi // Latomus. 1981. Vol. 40. P. 38.

дийской триадой (Кандавл, его жена и Гигес), описанной Геродотом[28]. Поведение Коллатина, который принял предложение Секста Тарквиния проверить верность их жен в отсутствие мужей, напоминает похвальбу Кандавла красотой его жены, которую он позволил увидеть Гигесу без одежды. Оба случая «тестирования», которому подверглись жены, закончились трагически для их участников. Вернер Шуберт подробно рассмотрел сходство сюжета и деталей обеих версий[29]. Жена Кандавла, посчитав совершенное мужчинами оскорблением, предложила Гигесу выбор между позорной смертью и царским троном. Точно такой же выбор поставил перед Лукрецией проникший к ней ночью Секст Тарквиний – или быть убитой вместе с каким-либо рабом и тем быть опозоренной (не имея возможности оправдаться), или уступить царскому сыну и затем, когда он унаследует трон, стать царицей. Смерть Кандавла открыла Гигесу путь к браку с его женой и к получению царского трона. Судьба Лукреции была иной, но ее смерть также привела к прекращению прежней династии и передала власть тому, кто отомстил за честь женщины.

Аналогичные истории в греческой литературе приводят исследователей к заключению, что причиной самоубийства Лукреции стало ее желание подвигнуть родственников отомстить Тарквиниям за поруганную честь[30]. Аристотель (*Pol.* 1311a-b) указывал, что немало тиранов было свергнуто и рассталось с жизнью от руки мстителей за нанесенное оскорбление.

2. История Лукреции в эпоху Августа

В изложении Ливия (I.57–58) и Дионисия Галикарнасского (*AR.* IV.64-67) рассказ о Лукреции различается деталями, которые помогают понять характер формирования исторической традиции. Дионисий, пересказывая историю, опускает первую встречу Секста с Лукрецией. В его изложении Секст Тарквиний случайно остановился в доме отсутствовавшего Коллатина, будучи послан отцом по делам из Ардеи в Коллацию. Оказавшись под одной крышей с Лукрецией, которая и раньше нравилась ему, царский сын принудил ее ему отдаться. Наутро он вернулся в военный лагерь, а Лукреция в черных одеждах и с приготовленным кинжалом отправляется в дом отца в Рим. Потребовав созвать как можно больше друзей и родственников, она рассказывает им о случившемся и вонзает клинок себе в сердце. Рассказ Дионисия прост и безыскусен. Царский сын опозорил жену своего кузена, она покончила с собой, призывая своей смертью родственников отомстить семье насильника.

Дионисий, со ссылкой на Фабия, рассказывает о происхождении Коллатина. Можно понять, что Коллатин был важной частью первоначальной истории. Приводимую здесь же биографию Брута Дионисий пересказывает отдельно и только потому, что современные ему римляне

---

[28] См.: *Braun M.* Griechischer Roman und hellenistische Geschichtschreibung. Frankfurt am Main, 1934. S. 57–58; *Geldner H.* Op. cit. S. 10, 28–29; *Mastrocinque A.* Lucio Giunio Bruto. P. 32–35; *Schubert W.* Herodot, Livius und die Gestalt des Collatinus in der Lucretia-Geschichte // RhM. 1991. Bd. 134. P. 80–95.

[29] *Schubert W.* Op. cit. P. 80–95.

[30] *Appleton Ch.* Op. cit. P. 193–271; 592–670.

особенно чтили Брута как основателя республики. Не следует ли думать, что к истории Лукреции у Фабия Брут имел косвенное отношение?

Рассказ Ливия более красочен. Скучающие во время осады Ардеи царские сыновья и их сверстники из знатных римских семей затеяли спор о верности своих жен. Спор перешел в нешуточное соперничество, и возникло решение проверить, чем занимаются жены и чья жена ведет себя более достойно в отсутствие мужа. Вскочив на коней, молодые люди поскакали к Риму и обнаружили, что царские невестки проводят время в пирах и забавах, и только целомудренная Лукреция пряла шерсть у окна, поджидая мужа, как и положено было делать настоящей римской матроне[31]. Так Лукреция выиграла это импровизированное «соревнование жен», устроенное их мужьями. Воспылав к ней страстью, Секст Тарквиний тайком пробирается в Коллацию и прибывает в дом Коллатина, который в то время с остальными сверстниками осаждает Ардею. Ночью он является к Лукреции и угрозами принуждает ее удовлетворить его страсть. Наутро Лукреция зовет к себе из Рима отца и из Ардеи мужа, которые прибывают с немногими друзьями, рассказывает им о случившемся и закалывает себя кинжалом. Ту же историю повторяет и Овидий (Ovid. *Fasti.* II.721–834) с той лишь разницей, что спор о женском достоинстве у него велся непосредственно между Секстом Тарквинием и Коллатином[32].

Вставка, отличающая версию Ливия и Овидия от рассказа Дионисия, полностью сконструирована из таких стереотипным компонентов как усталость от длинной осады, скука молодежи из-за безделья, женская тема в разговорах мужской компании, изобретенное соревнование как выражение агонального духа, свобода этрусских женщин в развлечениях, в отличие от патриархальной модели поведения римской матроны. Идея «состязания жен», эллинистическая по духу, неоднократно встречалась в литературе (например, суд Париса или состязание в красоте на Лесбосе)[33]. Лукреция выиграла соревнование в соответствии с правилами игры, которые были определены мужчинами – она доказала, что является самой целомудренной из всех женщин или, другими словами, самой обычной из них. Правила явно вдохновлялись брачной политикой Августа. Когда мы видим, что ординарная матрона Лукреция пробудила страстное желание Секста Тарквиния, кажется очевидным, что Ливий и Овидий стремились подкрепить идеал, на который ориентировало общество законодательство Августа.

---

[31] Жак Эргон полагал, что контраст между царскими невестками и Лукрецией отражал плохо понятое римскими историками эхо реального различия в положении женщины в этрусском и римском обществе. См.: *Heurgon J.* L'Expression muliebris audacia chez Tite-Live I.46.6, Resume // REL. 1960. Vol. 38. P. 38–41. М. Фокс уточняет, что Ливий сохранил это различие, чтобы подчеркнуть тот факт, что Лукреция была римской, а не этрусской женщиной (ср.: Dion. Hal. *AR.* IV.64.4). См.: *Fox M.* Op. cit. P. 132. О разном изображении римских и этрусских женщин в античной литературе, см.: *Bonfante Warren L.* The Women of Etruria // Women in the Ancient World. Ed. by *J. Peradotto* and *J.P. Sullivan.* N. Y., 1984. P. 229–240; *Hall J.F.* Livy's Tanaquil and the Image of Assertive Etruscan Women in Latin Historical Literature of the Early Empire // Augustean Age. 1985. Vol. 4. P. 31–38; *McDougall I.* Livy and Etruscan Women // AHB. 1990. Vol. 4.2. P. 24–30.

[32] Подробнее об отличие версий Ливия и Овидия см.: *Geldner H.* Op. cit. S. 59–70; *Bowen A.* The Story of Lucretia. Selections from Ovid and Livy. Bristol, 1987. *Newlands C.E.* Op. cit. P. 146–174 *Fox M.* Op. cit. P. 210–217, 224.

[33] См.: *Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 221.

Антонио Гуарино отметил психологическую несовместимость женственности и смиренности Лукреции, с помощью которых она победила в «состязании жен» и которые она продемонстрировала, уступив Сексту Тарквинию, и ее упорства и храбрости, проявившихся в героическом самоубийстве на следующий день[34]. Шарль Апльтон полагал, что Лукреция покончила самоубийством, поскольку в результате насилия утратила чистоту и не могла родить мужу детей, в отцовстве которых он мог быть уверен. Своей смертью она сделала Секста Тарквиния виновным в ее бесчестии и призвала свою семью к отмщению за совершенное им насилие[35]. По мнению Апльтона, Лукреция уступила царскому сыну из-за боязни быть убитой вместе с рабом и тем самым оказаться опозоренной связью с ним, так что она не смогла бы уже снять с себя обвинения в прелюбодеянии[36]. Гуарино же, в целом следуя за Апльтоном, полагает, что угроза Секста убить Лукрецию вместе с рабом была невыполнима, так что она могла не бояться бесчестия такого рода. В богатом римском доме всегда были слуги для того, чтобы прийти на помощь подавшей голос хозяйке. Но литературной традиции Лукреция нужна была как героиня и жертва, а вовсе не как персонаж, сохранившая целомудрие даже за счет собственной жизни. Поэтому исследователь полагает, что, вероятно, подлинная в основном история Лукреции была обработана на манер греческой трагедии[37].

Гуарино обратил внимание на правовую оценку ситуации, в которой оказалась Лукреция. Согласно архаичному праву, ее поведение могло бы быть квалифицировано как прелюбодеяние (*adulterium*), и поэтому она должна была умереть. По *lex Julia de adulteriis coercendis*, отец имел право убить ее вместе с прелюбодеем (*Patri datur ius occidendi adulterium cum filia quam in potestate habet* – Dig. XLVIII.5.21(20)). По версии Дионисия (*AR*. IV.66–67), Коллатин отсутствовал в домашнем разбирательстве (*iudicium domesticum*), случившегося с Лукрецией, так что она выглядит подчиненной власти своего отца (*in patri potestate*), а не мужа[38]. Это делает правдоподобным предположение, что брак Лукреции с Коллатином еще не успели оформить, поскольку в столь древнюю эпоху брак *sine manu* вряд ли был возможен. В архаическом праве мужчина, совершавший насилие над чужой женой или дочерью, приговаривался к смерти[39]. Поэтому после смерти Лукреции Секст Тарквиний был вынужден покинуть Рим и через короткое время он был убит в Габиях.

Джоселин Смолл, однако, предполагает, что в ранней, этрусской версии этой истории Секст Тарквиний остался в живых и успешно скрылся из спальни Лукреции с помощью богини Венеры, а разочаро-

---

[34] *Guarino A.* Il “dossier” di Lucretia // Labeo. 1959. Vol. 5. P. 211–217.

[35] *Appleton Ch.* Op. cit. P. 262–271.

[36] Ibid. P. 254–262.

[37] Проблема «молчания» Лукреции в сцене насилия и ее мифологические истоки подробно рассмотрены Кэрол Ньюландс. См.: *Newlands C.E.* Op. cit. P. 146–174.

[38] О домашнем суде см.: *Kunkel W.* Das Konsilium im Hausgericht // ZRG. 1966. Bd. 83. S. 219–251.

[39] Gell. X.23; ср.: Paul. *Sent.* II.26.1–8, 10–12, 14–17; *Dig.* XLVIII.5.21; 22; 23 pr.–2.4; 24 pr.–4; 25 pr.–3; 26 pr.; 27 pr.–1; Diodor. XXI.4. О праве убить прелюбодея см.: *Corbett P.E.* The Roman Law of Marriage. Oxf., 1930. P. 136–140; *Cantarella E.* Adulterio, omicidio legittimo e causa d'honore in diritto romano // Studi in onore di Gaetano Scherillo, coord. por Giuseppe Grosso. Milano, 1972. P. 243–274.

ванная Лукреция покончила с собой[40]. Когда же история Лукреции стала рассматриваться сквозь призму законодательства Августа, Секст Тарквиний должен был умереть. Согласно законам Августа о прелюбодеяниях, если один из участников преступления подвергался наказанию, то и его партнер также должен был получить то же. Так что римская интерпретация оригинального литературного сюжета не могла позволить Сексту Тарквинию остаться в живых. Но грек Дионисий Галикарнасский (*AR*. VI.11.2; 12.5) описывает его сражавшимся в битве у Регильского озера (499 или 496 г. до н.э.).

Ричард Бауман обратил внимание, что не только в архаическую эпоху, но даже в III–II вв. до н.э. восприятие насилия над женщиной греками и римлянами было различным. Для греков было естественным видеть в Лукреции жертву насилия тирана, покончившую с собой из-за нанесенного ей оскорбления. Но в римском обществе еще господствовали иные нравы. Только с начала I в. до н.э. претор стал различать совершенное по доброй воле (*voluntate*) и из-за угрозы применения насилия (*metus causa*) и давать помощь против невыгодных действий, вызванных насилием или принуждением[41]. Следовательно, можно предполагать, что в III–II вв. до н.э. случай Лукреции рассматривался римлянами как обычное прелюбодеяние, и аргументация Ливия – *mentem peccare, non corpus, et unde consilium afuerit, culpam abesse* – принадлежит его собственной эпохе, эпохе законодательства Августа. А еще столетием раньше в глазах римского общества Лукреция выглядела женщиной, запятнанной прелюбодеянием, которая должна умереть. По обычаю предков ее убийцей должен стать либо отец (Лукреций), либо муж (Коллатин). История Вергинии, убитой собственным отцом, является красноречивым вариантом поступка Лукреции[42]. Своим самоубийством Лукреция, с одной стороны, избавляла родных от этой мучительной (и отжившей свой век) обязанности, а с другой, выражала протест против того жестокого обычая, который сохранился с незапамятной архаики. Если эти идеи имели место в трагедии Акция, то она могла бы рассматриваться как предтеча новых веяний в римском семейном праве.

При Августе смерть Лукреции получила новое обоснование. Как известно, при подготовке и после издания законов Августа среди римских юристов, а следовательно и в обществе, обсуждалась проблема соотношения прелюбодеяния (*adulterium*) и насилия (*raptus*) и отношения к ним права. Бауман показал, что случай Лукреции мог рассматриваться как искусственный пример двух различных подходов к этому теоретическому вопросу[43]. Версии Дионисия и Ливия могли быть своего рода иллюстрацией к ним. У Дионисия обесчещенная Лукреция отправляется к отцу фактически обреченной, в черной одежде. Ее просьба собрать как можно больше родственников предполагает не домашний совет для решения ее судьбы, а имеет целью вдохновить всех *gentiles* и их друзей на

---

[40] *Small J.P.* Op. cit. P. 359.

[41] *Bauman R.A.* The Rape of Lucretia. *Quod natus causa* and the Criminal Law // Latomus. 1993. Vol. 52. P. 552–554.

[42] На сходство историй Лукреции и Вергинии не раз обращалось внимание в научной литературе. В частности, см.: *Geldner H.* Op. cit. S. 8–12, 185–232 (Verginia); *Joshel S.R.* The Body Female and the Body Politic: Livy's Lucretia and Verginia // Pornography and Representations on Greece and Rome. Oxf., 1992. P. 112–130.

[43] *Bauman R.A.* Op. cit. P. 550–566.

месть семье насильника. По-иному дело представлено у Ливия. В дом мужа Лукреции прибывают сам Коллатин и ее отец с самыми верными друзьями. Это действительно семейный совет. Выслушав ее рассказ, они начинают убеждать ее в невиновности: «Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль, а не тело, у кого не было умысла, на том нет и вины» (I.58.9). Лукреция и сама это осознает, говоря «тело одно подверглось позору, душа же невинна», но она не видит выхода для женщины, подвергшейся насилию: «Что хорошего остается в женщине с потерею целомудрия?». Поэтому она выбирает смерть: «а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!». Этот вариант выбора был, возможно, обусловлен тем, что Ливий, как автор истории, был связан в своих предпочтениях требованием сюжета, видевшего в Лукреции не просто пострадавшую женщину, а жертву тирана, которая должна быть отомщена его изгнанием из Рима.

В статье Дайаны Мосес также рассматривается проблема: как относилось право конца республики и начала принципата к бесчестию (*stuprum*), которому подверглась женщина[44]. В 28 г. до н.э. Август попытался распространить право на регулирование морали и поведения граждан. Если Ливий писал первую книгу «Истории» между 27 и 25 гг. до н.э., то сюжет с Лукрецией, возможно, отражает эту попытку Августа, в программу которой входило наказание женщины за прелюбодеяние и (добровольное) бесчестие. Имелись в виду женщины, обозначавшиеся как *impudicae*. Лукреция рассматривалась как моральный образец для женщин такого рода. Содержание истории у Ливия показывает, что как в обществе, так и в праве различалось отношение к женщине, обесчещенной силой (*per vim stuprum, raptus*), и той, которая добровольно позволила вовлечь себя в бесчестие (*stuprum*). Ульпиан ссылался на *lex Julia de adulteriis coercendis* от 18 г. до н.э., согласно которому муж имел право покарать жену, оказавшуюся в руках врагов, за прелюбодеяние только тогда, когда она не подвергалась насилию, в противном же случае ее не могли обвинить в прелюбодеянии (*adulterium*) или бесчестии (*stuprum*)[45]. С этой точки зрения смерть Лукреции была излишней, и то, что она прибегла к самоубийству, показывает, насколько трудно в реальности было различить бесчестие в результате насилия от добровольного бесчестия. Убежденность Лукреции в необходимости ее смерти отражает архаическое представление о прелюбодеянии как о грязном пятне, которое ложится на последующее потомство Лукреции и ее мужа, да и всю семью[46].

Рассматривая источники Ливия и Дионисия, Дайана Мосес полагает, что прямо или через посредство Валерия Анциата история Лукреции восходила к Фабию Пиктору и Кальпурнию Пизону. Поэтому моральный оттенок в истории Лукреции у Ливия принадлежал, возможно,

---

[44] *Moses D.C.* Livy´s Lucretia and the Validity of Coerced Consent in Roman Law // Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medieval Societies. Ed. by *A.E. Laiou*. Washington, 1993. P. 41–81.

[45] *D.* XLVIII.5.14(13).7.

[46] *Appleton Ch.* Op. cit. P. 265; *Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 225; *Moses D.C.* Op. cit. P. 72.

к более раннему периоду, чем эпоха конца республики и начала правления Августа[47].

3. *Ритуал обновления царской власти в раннем Риме*

Среди литературных клише, сопровождающих историю испытания жен, обращает на себя внимание описание конной скачки знатной молодежи от Ардеи в Рим, которое не принадлежит к числу отмеченных Харальдом Гельднером литературных мотивов, по которым моделировалась история Лукреции. Однако эта скачка имеет важное значение в сюжете истории, поскольку заканчивается фатальной встречей Лукреции и Секста Тарквиния, результатом которой стала последовательность событий «исторического» значения: безудержное желание Секста, приведшее к самоубийству Лукреции и, как ни странно, изгнанию царя Тарквиния Гордого.

Но этот эпизод не покажется странным, если обратить внимание, вслед за А. Холлеманом, на дату того дня, когда было совершено насилие над Лукрецией. Согласно Овидию (*Fasti.* II.725–852) это произошло 24 февраля, в день, когда по римскому календарю справлялся праздник Регифугия[48]. Римляне верили в происхождение термина *Regifugium*, который переводится как «бегство царя» или «царский бег», от бегства или изгнания царской семьи из Рима во время правления Тарквиния Гордого. Джеймс Фрэзер увидел в Регифугии аналогию с царем-жрецом Дианы Арицийской (*rex Nemorensis*), смена которого происходила путем убийства преемником[49]. Современные исследователи видят в Регифугии древний ритуал календарного цикла[50]. Холлеман указывает на сходство римских февральских праздников с вавилонскими календарными циклами – разница между лунным циклом (354 суток) и солнечным циклом (364/5 суток) составляла 11 суток, которые были новогодним праздником, заканчивавшимся в Вавилоне обрядом Священного Брака[51]. В римском (этрусском, по Холлеману) календаре 11 суток было между ритуалами 13 февраля (Паренталии) и 24 февраля (Регифугий). Влияние вавилонской календарной обрядности было следствием правления в раннем Риме этрусков, которые принесли с собой и ритуал Священного

---

[47] См.: *Moses D.C.* Op. cit. P. 73–74.

[48] Согласно Холлеману, личное имя Секста (*Sextus*) Тарквиния выглядит как персонификация 24 февраля, который по республиканскому календарю у римлян считался (*ante*) *diem sextum* (*Kal. Mart.*): *Holleman A.W.J.* Lucretia und die Inschriften. P. 46.

[49] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986. Также см.: *Porte D.* Op. cit. P. 89–92. Фрэзер исходил из данных римской традиции, согласно которой почти все римские цари уступали место преемнику в результате своей гибели. Тит Таций был убит жертвенными вертелами во время жертвоприношения в Лавинии, Ромул был растерзан сенаторами во время Поплифугия, Тулл Гостилий погиб в огне пожара от гнева Юпитера, Анк Марций, по одной из версий, пал от руки Тарквиния, Тарквиний Древний был зарублен посланцами сыновей Анка Марция, Сервий Туллий, убегая, убит преследователями, посланными Тарквинием Гордым. Фрезеру обычно возражают, что Нума Помпилий умер естественной смертью.

[50] Де Санктис указывал на связь Регифугия с Поплифугием. См.: *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Roma dale origini alla monarchia. Nuova edizione. Firenze, 1980. Vol. 1. P. 404.

[51] *Holleman A.W.J.* Op. cit. P. 43

Брака. Этот ритуал Холлеман и другие исследователи прочитывают в табличках из Пирги, обнаруженных в 1964 г.[52]

В древнейшем римском календаре годовой цикл начинался 1 марта, а одним из его завершений был праздник *Terminalia* 23 февраля[53]. Исполнявшийся на следующий день Регифугий начинал пятидневный переходный период между двумя годовыми циклами (24–28 февраля). Варрон (*LL.* VI.13) называл его *inferiores quinque dies*, видимо, потому, что эти дни были исключены из нормальной повседневной жизни. Поэтому логично предположить, что Терминалии завершали 360-дневный солнечный цикл[54]. Андрэ Магделен обратил внимание, что пять дней, начинавшиеся с Регифугия 24 февраля, напоминают пять дней пребывания у власти интеррекса[55]. В период республики главным ритуалом Регифугия было жертвоприношение на Комиции, совершавшееся «священным царем» (*rex sacrorum*), вслед за которым следовало его бегство в неизвестном направлении. Согласно Ливию (I.7.7–8 и II.2.1–2), должность *rex sacrorum* была учреждена после падения монархии для исполнения ритуальных функций царя, тогда как его властные полномочия перешли к консулам. Следуя этому, исследователи полагают, что в эпоху монархии сам царь убегал из Комиция после совершения жертвоприношения 24 февраля. Магделен предположил, что во время Регифугия римский царь ежегодно слагал с себя полномочия[56], которые возвращались ему интеррексом 1 марта. Таким образом осуществлялось ежегодное обновление царской власти, которая оказывалась связана с календарным циклом – власть царя обновлялась с завершением старого года и началом нового. Идея Магделена принимается ныне большинством исследователей[57].

Фредерик Блэйв обратил внимание на участие в церемонии Регифугия жрецов бога Марса – салиев[58]. Он предположил, что салии выступали в роли свиты интеррекса, охранявшей римское общество в течение пяти опасных дней межвременья. В Марсе он видит лишь божество войны, поэтому Эквиррии (*Equirria*) 27 февраля, которые он рассматривает

---

[52] *Février J.G.* A propos du hieros gamos de Pyrgi // JA. 1965. Vol. 253. P. 11–13; *Heurgon J.* The Inscriptions of Pyrgi // JRS. 1966. Vol. 56. P. 1–15; *Holleman A.W.J.* Op. cit. P.37–47. Против см.: *Werner R.* Die phoinikisch-etruskischen Inschriften von Pyrgoi und die römische Geschichte im 4.Jh. v. Chr. // Grazer Beiträge. 1974. Vol. 2. P. 262–296.

[53] См.: Varro. *LL.* VI.13: *Terminalia, quod is dies anni extremus constitutus: duodecimus enim mensis fuit Februarius et cum intercalatur inferiores quinque dies duodecimo demuntur mense. Ecurria ab equorum cursu: eo die enim ludis currunt in Martio Campo.*

[54] Однако проблема интеркаляции в римском календаре обычно понимается как вставка дополнительного 13-го месяца. Это создает трудность его совмещения с рассматриваемыми пятью днями.

[55] *Magdelain A.* Cinq jours épagomènes à Rome // REL. 1962. Vol. 40. 1962. P. 201–217. Против: *Radke G.* Die letzten drei römischen Feste im Februar // Grazer Beiträge. 1995. Bd. 21. S. 71–83.

[56] Когда Овидий (*Fasti.* II.852) восклицал, что «24 февраля это последний день царей» (*dies regnis illa suprema fuit*), он имел в виду изгнание последнего Тарквиния из Рима. Но за этим объяснением эпохи поздней республики просматривается оригинальная основа древнего ритуала, предполагавшая последний день правления царя, когда он расставался со своим титулом.

[57] Например см.: *Martin P.M.* L' idèe de royalité à Rome. P. 202; *Poucet J.* Les origines de Rome. Tradition et histoire. Bruxelles, 1985. P. 101. Note. 95.

[58] *Blaive Fr.* Du Regifugium aux Equirria. Remarques sur les rituals romains de fin d'année // Hommages à Carl Deroux, ed. *P. Defosse.* Bruxelles, 2003. Vol. 4. Collection Latomus 277. P. 283–290.

в связке с Регифугием, трактуются им как подготовка конницы к началу военного сезона. Однако Марс стал богом войны как следствие того, что был божеством начала года, весенней растительности и инициируемой молодежи, первоначально составлявшей войско. Марс был не только патроном марта, первого месяца, но также и мифологическим предком римской династии. Следовательно, римский царь персонифицировал бога Марса, и эта роль ежегодно обновлялась во время мистического пятидневного периода, предшествовавшего наступлению первого дня марта[59]. Поэтому окончание годового цикла 23 февраля могло иметь отношение к ритуальной конной гонке, которая была центральным актом Эквиррий.

В описании Овидия (*Fasti.* II.857–862) это конное состязание выглядит так, будто оно было скачкой за право стать ритуальной персонификацией бога Марса (перев. Ф.А. Петровского):

«Месяц проходит второй: от него лишь две ночи осталось;
Марс погоняет коней, на колеснице летя.
Правильно назван сей день – Эквирии – конские скачки:
Смотрит на них этот бог нынче на поле своем.
Слава тебе, Градив, своевременно к нам ты приходишь:
Месяц грядущий твоим именем запечатлен».

Ритуал, справлявшийся на Марсовом Поле, мог стать фольклорно-литературной аналогией описания военной осады вражеского города (Ардеи). Центральным актом ритуала, осуществлявшегося в конце годового цикла, было соревнование – конная скачка знатных юношей, призом в которой было звание «Марса». Можно предположить, что обладатель этого звания (по воле богов как победитель) становился носителем божественного начала (персонификация Марса). Вероятно, с началом нового года он становился новым «царем священнодействий».

Как представляется, этот ритуал был облечен в литературную форму в рассказе о скачке знатной молодежи из Ардеи в Рим для того, чтобы проверить поведение оставшихся дома жен. К главным участникам состязания следует отнести царских сыновей, Тита, Аррунта и Секста, царских племянников – Тарквиния Коллатина и Юния Брута и, вероятно, Валерий Попликолу, степень родства которого с Тарквиниями неизвестна. Результатом состязания, как известно, стало изгнание царских сыновей и учреждение республики, первыми консулами которой были Коллатин, Брут, а затем и Валерий. Это позволяет предположить, что конные скачки возглавлялись двумя триадами знатных юношей и победившее трио получило власть в Риме.

Это соперничество триад напоминает сообщение Дионисия Галикарнасского (II.13.3), что при Ромуле древнюю кавалерию возглавлял Целер (*Celerus*) и три центуриона (ἑκατόνταρχοι), возглавлявшие центурии Рамнов, Тициев и Луцеров[60]. После известных дебатов с авгуром Аттом Навием царь Тарквиний Древний удвоил всаднические центурии Ромy-

[59] Римский *rex sacrorum* считался жрецом Януса, что указывает на древнюю связь между последним и Марсом.

[60] О титуле трибуна целеров (*tribunus celerum*) см.: Liv. I.59.7; Serv. *Ad Aen.* VIII.646, XI.603; *D.* I.2.2.15 (Pomp. *De orig. Iur. Dif*); Joh. Lyd. *De magistr.* I.14; I.37; Dion. Hal. *AR.* II.13, 64, III.40.4, 41.4, IV.3.2, 6.4, 71.6, 75.1, VI.13.

ла[61]. Эти же шесть центурий – *Ramnes, Tities, Luceres priores et posteriores* – вероятно, были теми, которые впоследствии занимали особое место в республиканской системе голосования и назывались *sex suffragia*[62]. Таким образом, при Тарквиниях у римлян было шесть центурионов конницы, которые были разделены на две группы по три человека в каждой[63]. Тот из них, который обладал титулом *tribunus celerum*, возможно, рассматривался как наследник царя[64]. В пользу этого предположения говорит свидетельство традиции, что, перед тем как стать царем, Тарквиний Древний был командиром всадников при Анке Марции, а Сервий Туллий занимал ту же должность при царе Тарквинии Древнем[65]. Юний Брут, ставший первым республиканским консулом, был *tribunus celerum* в правление своего дяди Тарквиния Гордого[66].

Однако хотя Брут именуется Ливием трибуном целеров, описание ритуала показывает, что лидером победившей команды был Тарквиний Коллатин[67]. Его положение в качестве мужа Лукреции, центральная роль в сюжете «состязания жен», соперничество с насильником Секстом – все это указывает на Коллатина как на победителя конного состязания. Царский сын Секст Тарквиний выглядит проигравшим соревнование неудачником, который решил захватить ускользнувший приз незаконным путем. Его насилие над Лукрецией кажется попыткой захватить связанную с ней общественную ценность в обход очередности, предписываемой правилами[68]. Следует иметь в виду, однако, что отношения Коллатина, Лукреции и Секста Тарквиния были скорее заданы сюжетом, заимствованным из эллинистической литературы, чем имели отношения к ритуалу. Поэтому вряд ли следует переносить их на историческую действительность.

---

[61] Liv. I.36.2; Dion. Hal. *AR.* III.71.1; Cic. *Rep.* II.20.36; Val. Max. I.4.1, III.4.2; Flor. I.1.5.2; Fest. p. 168 L, s.v. *Navia.*

[62] Fest. p. 452 L.: *sex suffragia appellatur in equitum centuriis, quae sunt adiectae ei numero centuriarum; quas Priscus Tarquinius rex constituit*; ср.: Cic. *Rep.* II.22.39. Подробнее см.: *Momigliano A.* Procum patricium // JRS. 1966. Vol. 56. P. 16–24; *Alföldi A.* (Centuria) procum patricium // Historia. 1968. Vol. 17. P. 444–460; *Magdelain A.* Procum patricium // Studi in onore di Ed. Volterra. 1971. Vol. 2. P. 247–266; *Develin R.* The Voting Position of the Equites after the Centuriate Reform // RhM. 1979. Vol. 122. P. 155–161; *Grieve L.J.* Proci patricii: a question of voting order in the centuriate assembly // Historia. 1987. Vol. 36. P. 302–317.

[63] Ср.: Fest. P. 468 L.: *sex Vestae sacerdotes constitutae sunt, ut populus pro sua quaque parte haberet ministram sacrorum; quia civitas Romana in sex est distributa partis: in primos secundosque Tities, Ramnes, Luceres.*

[64] Помпоний (*D.* I.2.2.15) сообщает, что *tribunus celerum* занимал второе место после царя в архаической иерархии власти подобно тому, как *praefectus praetorio* был вторым лицом после императора в его время. Ср.: *Ilari V.* I celeri e il problema dell' equitatus nell'eta arcaica // Rivista italiana per le scienze giuridiche. 1971. Vol. 15. P. 145; *Martin P.M.* L' idèe de royalité à Rome. P. 65–66.

[65] Dion. Hal. *AR.* III.40.4: τοὺς ἱππεῖς ἄγοντα; III.41.4 и IV.3.2: ὁ τῶν ἱππέων ἡγεμών; IV.6.4: ἱππέων ἡγούμενος.

[66] Dion. Hal. *AR.* IV.71.6 и 75.1: τῶν κελερίων ἄρχων; Liv. I.59.7: *tribunus celerium*; Serv. *Ad Aen.* VIII.646: *tribunus equitum celerum*; *tribunus equitum.* Луций Юний Брут представлен в исторической традиции как младший сын Марка Юния и Тарквинии, одной из сестер царя Тарквиния Гордого. Liv. I.56.7: *L. Iunius Brutus, Tarquinia, sorore regis, natus... Is cum primores civitatis, in quibus fratrem suum, ab avunculo interfectum audisset...*; [Aur.Vict.] *De vir. ill.* 10.1: *Iunius Brutus sorore Tarquinii Superbi genitus.*

[67] Цицерон называет Брута частным лицом, а некоторые авторы видят в нем трибуна. Изгнав царей, Брут становится носителем должности консула (претора).

[68] Диодор (X.20.2) и Дионисий (*AR.* IV.65.2) утверждают, что Секст Тарквиний пытался склонить Лукрецию к прелюбодеянию обещанием сделать ее царицей, когда он унаследует отцовский трон.

Псевдоисторический характер этой истории проявляется в отсутствии связи между ритуалом обновления царской власти во время Регифугия и наследованием царского титула этрусскими царями. Согласно римской традиции, Тарквинии удерживали титул внутри своей семьи посредством матримониальной политики. Сервий Туллий женился на дочери Тарквиния Древнего, а Тарквиний Гордый – на дочери Сервия; с этой точки зрения в качестве следующего римского царя логично было ожидать Октавия Мамилия из Тускула, за которого Тарквиний Гордый выдал свою дочь. Но в традиционной истории эта линия не развита, а в отношении последнего царя Тарквиния содержится ряд намеков на его стремление возвысить своего сына Секста, поведение которого и послужило поводом для ликвидации царской власти в Риме. Предположение о попытке Тарквиния Гордого утвердить в Риме наследование царского титула от отца к сыну рассмотрено в моей предыдущей статье, но сейчас оно не кажется мне убедительным[69].

Римская традиция изображает характер царской власти неизменным от Ромула до Тарквиния Гордого, и вариации в политике царя зависящими только от его личных качеств. Однако в реальности, по-видимому, следует различать правление в Риме этрусских царей и царскую власть доэтрусской эпохи. Отрывочные свидетельства о периодических появлениях в Риме царей из Этрурии наводит на мысль о неоднократных захватах города этрусками. К числу этих данных относятся легенды о поселении Целеса Вибенны на Целии, некоего царя Ола (Авла Вибенны – ?) на Капитолии, приход Лукумона, чтобы стать царем Тарквинием, версия о этрусском командире Мастарне, принявшем имя Сервия Туллия, версия о поселении царя Порсенны из Клузия на Janикуле, откуда он управлял Римом. Все это заставляет сомневаться в существовании в Риме единой этрусской династии, хотя некоторые из неизвестных нам царей вполне могли быть связаны родственными узами[70]. В то же время правление этрусков в Риме стимулировало городское строительство, полностью изменило облик города, его социальную структуру, военную организацию. Очевидно, что потестарная организация Рима и ее ритуальное оформление претерпели не меньшие изменения. В рамках статьи я могу позволить себе лишь высказать некоторые предположения по этому поводу.

Доэтрусский Рим не был урбанизированным поселением, хотя имел на своей территории ряд укреплений. Основой общественной организации были ритуальные объединения мужчин (курии), выдвигавшие своих представителей в сенат. Царь был ритуальным правителем, который приобретал и поддерживал свое право на титул во время ежегодных конных состязаний. Для этой и других ритуальных целей римская община делилась на две половины, каждая из которых выставляла свою команду для состязаний. Предводитель победителей становился царем, а его команда – его священной свитой (целерами). С приходом этрусков эта ритуальная организация не была отменена, но утратила свое прежнее общественное значение. Было установлено точное число курий – 30,

---

[69] См.: *Koptev A.* Lucretia's Story in Literature and the Rites of *Regifugium* and *Equirrii* // Studies in Latin Literature and Roman History. Bruxelles, 2003. Vol. 11. Ed. *C. Deroux* (Collection Latomus 272). P. 5–33.

[70] Подробнее см.: *Migliorati G.* Forme politiche e tipi di governo della Roma etrusca del VI sec. a.C. // Historia. 2003. Vol. 52. P. 39–66.

кратное трем, и все население распределено между ними. Две половины прежней римской общины были преобразованы в трибы, и к ним добавлена третья, населенная этрусками[71]. Ритуальное состязание было упорядочено – каждая половина города выставляла по 300 всадников[72]. Предводители трех победивших в состязании центурий становились предводителями латинской части Рима – преторами. Один из них получал титул «священного царя» (*rex sacrorum*)[73], а два других в ранге преторов возглавляли две трибы. Третью трибу возглавлял этрусский предводитель, которого также титуловали претором. В ритуальной сфере, связанной с латинской календарной традицией, высшими полномочиями обладал «священный царь». Но реальная власть принадлежала не ему, а руководителю этрусской трибы, который поэтому носил титул *praetor maximus*. Иначе говоря, рядом с ритуальным царем (*rex sacrorum*) теперь появился этрусский монарх, державший в своих руках военное предводительство (*magister populi*)[74], Изгнание этрусков из Рима привело к ликвидации только военной должности этрусского монарха, но ритуальный *rex sacrorum* продолжал существовать и при республике. Со временем изменилось лишь соотношение властных полномочий между ним и его двумя преторами, превратившихся в республиканских консулов[75]. Пребывание его в должности стало пожизненным, тогда как его преторы (консулы) сохранили древнюю годичность должности.

4. *Лукреция в роли «царицы»*

Вернемся к героям римской традиции, связанной с переходом от монархии к республике. В ритуальном состязании принимали участие дети и племянники этрусского царя, представлявшие следующее поколение правителей Рима. Победившие в скачке царские племянники получили назначение на должности преторов – Коллатин (*rex sacrorum*), Брут и Валерий (по традиции – консулы). В царскую эпоху ритуал обновления царской власти предположительно означал, что «священный царь» ежегодно защищал обладание титулом в конном состязании. Литературная версия этого ритуала сделала его участниками Тарквиниев и их друзей, поместив его в контекст «истории римских Атридов».

---

[71] Согласно Варрону (*LL.* V.55), названия триб Тициев, Рамнов, Луцеров были этрусскими.

[72] Ритуальный характер этих шести центурий – *Tities, Ramnes, Luceres priores et posteriores* – позволил им сохраниться в неизменном виде и в республиканское время в виде так называемых *sex suffragia*, имевших особое положение в голосовании в центуриатных комициях.

[73] Предположение, что должность *rex sacrorum* была учреждена еще в царскую эпоху, давно существует в науке. См.: *Radke G.* Fasti Romani: Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders. Münster, 1990. S. 48–56.

[74] Такое «двойное» правление «священного царя» и его военного «заместителя» существовало у многих народов древности и средневековья (известными примерами являются король и мажордом у Меровингов, каган и бек в Хазарии, микадо и сегун в Японии). См.: *Cornell T.J.* Op. cit. P. 226. О военных полномочиях римского царя см.: *Liou-Gille B.* Sur le pouvoir militaire à l'époque archaďque: de la dictature albaine aux premičres dictatures romaines (d'après Tite-Live et Denys d'Halicarnasse) // Images d'origines, origines d'une image. Hommages à Jacques Poucet, publiés sous la direction de *P.-A. Deproost* et *A. Meurant*. Louvain-la-Neuve, 2004. P. 175–190.

[75] Консулы первоначально назывались преторами, см.: Cic. *Leg.* III.3.8; Pseudo-Asconius. *Verr.* II.36 p. 234 Stangl.; Liv. III.55.11–12, VII.3.5; Fest. P. 249 L, s.v. *Praetoria porta*; P. 152 L, s.v. *Maximum praetorem*; Plin. *NH.* XVIII.12; Gell. XI.18.6–8.

Лукреция в этом ритуале, очевидно, играла роль жены «священного царя» (*regina*). Некоторые детали в античной традиции указывают на ее «царский» статус. В рассказе Дионисия (IV.66.1) наутро после случившегося ошеломленная Лукреция отправляется из Коллации в Рим на повозке, подобно тому, как передвигались цари и жрецы[76]. Фрагменты колесниц находят в этрусских гробницах, а современные им изображения этрусских колесниц встречаются на рельефах VII – конца VI вв. до н.э., в частности в «Гробнице принцессы» в Кастель ди Дечима[77]. Этот феномен интересен тем, что колесницы являются скорее символом высокого положения (возможно, царского) в большей степени, чем приспособлением для войны[78]. Почитание колесницы у разных народов в качестве символа божества или божественной власти наводит на мысль о его общей индоевропейской основе, уходящей в глубокую древность[79]. Лукреция на повозке, таким образом, является аналогом Танаквиль в сцене приезда в Рим или Туллии в сцене переезда через тело царя Сервия Туллия.

Отец Лукреции, Спурий Лукреций Триципитин, при царе Тарквинии Гордом состоял в должности «префекта города» (*praefectus Urbi*), которая оказывалась альтернативной царской в случае отсутствия царя (*imperium in urbe Lucretio, praefecto urbis iam ante ab rege instituto, relinquit* – Liv. I.59.12)[80]. Поздний источник называет Брута дядей Лукреции по матери (*avunculus*)[81]. Это означает, что Лукреций Триципитин был женат на Юнии, сестре Брута и внучке Тарквиния Древнего. Таким образом, Триципитин имел общественное положение царского зятя, а его дочь Лукреция оказывалась внучкой царя Тарквиния Древнего. После изгнания царской семьи Тарквиниев Лукреций становился интеррексом (*interrex*), который по обычаю вручал царский титул своему преемнику[82]. В этот момент его дочь Лукреция могла рассматриваться как суррогатная «царская дочь»[83].

---

[76] Liv. I.48.7; Ovid. *Fasti.* VI.600–610; [Aur.Vict.] *De vir. ill.* VII.18–19. *Bonfante Warren L.* Roman Triumphs and Etruscan Kings: The Changing Face of the Triumph // JRS. 1980. Vol. 70. P. 58; ср.: *Briquel D.* Les figures féminines dans la tradition sur les trois derniers rois de Rome // Gerión. 1998. Vol. 16. P. 123–124, 139–140.

[77] Ср.: *Quilici L.* Roma primitiva e le origini della civilta laziale. Rome, 1979. P. 303–304; *Cornell T.J.* Op. cit. P. 82.

[78] Ср.: *Bronson R.C.* Chariot in Etruria // Studi in onore di Luisa Banti. Rome, 1965. P. 89–106; *Bartoloni G., Grottanelli C.* I carri a due ruote nelle tombe femminili del Lazio e dell'Etruria // Opus. 1984. Vol. 3. P. 383–396 = La donna in Etruria, a cura di *A. Rallo.* Roma, 1989. P.55–73; *D'Agostino B.* La donna in Etruria // Maschile/Femminile. Genere e ruoli nelle culture antiche, a cura di *M. Bettini.* Roma; Bari, 1993. P. 61–74.

[79] Кроме приведенного выше малоазийского примера Гордия и гомеровских басилеев можно указать на рассказ Корнелия Тацита (*Germ.* 40) о роли священной повозки в культе германской богини Нерты. Хронист Эйнхард рассказывает, что одним из символов царского статуса Меровингов была повозка, в которой они осуществляли периодические объезды подданных.

[80] Должность *praefectus Urbi* якобы была создана Ромулом для замещения царя во время его отсутствия в городе (Dion. Hal. *AR.* II.12.1; Tacit. *Ann.* VI.11; Jon. Lyd. *Mens.* I.21).

[81] Serv. *Aen.* VIII.646; Mythogr.Vat. I.74 (Script. rerum myth. Latini 1. P. 25 *Bode*); ср.: *Mastrocinque A.* Lucio Giunio Bruto. P. 119.

[82] Согласно Дионисию (*AR.* IV.76.1–2), Лукреций, после назначения его *interrex*, избирает Л. Юния Брута и Л. Тарквиния Коллатина осуществлять власть царей (ὑπ' ἐκείνου δὲ τοὺς ἔξοντας τὴν τῶν βασιλέων ἐξουσίαν ὀνομασθῆναι) или (IV.84.5) выполнять функции, которые принадлежали царям (τοὺς πράξοντας ὅσα τοῖς βασιλεῦσιν ἐξῆν).

[83] Отдельным вопросом является статус зятя Лукреция – Тарквиния Коллатина. В исторической традиции он фигурирует в паре первых консулов с Юнием Брутом. Однако

Холлеман обратил внимание на факт прядения Лукрецией шерсти для изготовления плаща своему «господину» Луцию Тарквинию и сравнивает это с другими случаями изготовления женщинами военных плащей своим мужьям или женихам, например Аретузой для Ликоты у Проперция (IV.3.18) и Горацией для Куриация у Ливия (I.26.2)[84]. Он предполагает, что в упомянутом Овидием (*Fasti.* II.746–748) «господине» (*dominus*) можно видеть обоих «господ» (*domini*) Лукреции, мужа и царя, которые носили одно и то же имя – Луций Тарквиний (Коллатин и Гордый) и, таким образом, могли быть одним и тем же лицом, то есть царем. Лукреция, в интерпретации Холлемана, так спешила закончить свою работу потому, что ожидала проверки ее исполнения 24 февраля, и Секст Тарквиний именно в этот день подверг ее насилию. Согласно гипотезе Холлемана, Лукреция ожидала Священного Брака с царем, справлявшегося 24 февраля, в последний день старого года, когда ритуал Регифугия знаменовал наступление весны (*Fasti.* II.851–854). Именно поэтому Лукреция спешила закончить изготовление плаща (*gaunacum*). Но в этот раз, т.е. около 500 г. до н.э., произошло непредвиденное: очередное исполнение ритуала Священного Брака в этрусском Риме было нарушено из-за совершенного насилия, и это нарушение послужило поводом для уничтожения монархии.

Реконструкция Холлемана исходит из представления, что ритуал Регифугия в царскую эпоху исполнялся царем, который совмещал полномочия священного и военного правителя Рима. Он полагает, что в этрусском Риме обязанность ежегодно предоставлять исполнительницу роли богини Уни для участия в ритуале Священного Брака с царем лежала на этрусской семье *Luchre* (в традиции она известна как *gens Lucretia*). Однажды в нарушение обычая царь Тарквиний Гордый выбрал для роли жрицы не девушку, а замужнюю женщину. Это нарушение ритуала вызвало возмущение не только ее семьи, но и всего народа, которое привело к восстанию против царя.

С нашей точки зрения, ритуал Регифугия и связанные с ним обряды перехода к новому годовому циклу справлялись «священным царем». Поэтому ситуация вполне допускала отсутствие в Риме этрусского правителя Тарквиния Гордого, который осаждал Ардею. В его отсутствие обряды проводились под контролем замещавшего царя Лукреция Трицепитина. Его зять Коллатин был ритуальным царем, а «царская» дочь Лукреция, соответственно, «царицей» (*regina*). Конное состязание на празднике Эквирии позволило Коллатину отстоять свой титул «священного царя». Проигравшие царские сыновья в соответствии с обычаем удалились из Рима. Историческая традиция умалчивает лишь о том, что удалялись они на один год, до следующего состязания. Если видеть в представленной картине описание реальных событий конца VI в. до н.э., то получается, что Коллатин, Брут и Валерий решили воспользоваться отсутствием этрусского царя в городе и обратить свои ритуальные полномочия в действительную власть.

наша реконструкция позволяет видеть в нем не консула (претора), а «священного царя». Его изгнание в Лавиний можно трактовать как реформу положения «священного царя», который при республике утратил какие-то прежние полномочия.

[84] *Holleman A.W.J.* Ovid and the Story of Lucretia // Liverpool Classical Monthly. 1981. Vol. 6. P. 243–244; *idem*, Lucretia und die Inschriften. P. 40–46.

К сожалению, Брут и Коллатин не известны из источников, которые появились раньше труда Фабия Пиктора. Отождествление Валерия Попликолы с именем, упомянутым в знаменитой надписи из Сатрика, часто принимается, но оно не безусловно. И, наконец, нет каких-либо определенных данных о ритуале Священного Брака в раннем Риме. Реконструкция Холлемана основана на параллели между образом Лукреции и культом богини Уни (Юноны) в Церэ, где она отождествлялась с Астартой и Левкотеей. Одним из эпитетов Юноны был *Lucina* – светоносная, и Холлеман сближает его с титулом супруги этрусского лукумона – *lauxumna*, и латинским именем *Lucretia*[85]. Культ этой богини в этрусском Церэ имел ближневосточные черты, в том числе и ритуал Священного Брака, справлявшийся весной перед началом нового года. Этрусские правители могли распространить его и в Риме.

Однако вероятнее иное объяснение. Церэ оказывается в особенно близких отношениях с Римом в начале IV в. до н.э. Во время Галльского нашествия многие римляне и римские святыни нашли приют в Церэ. Благодарные римляне даровали гражданам этого города *hospitium publicum*, так что его население стало самыми близкими римлянам *hospes* со статусом *cives sine suffragio*[86]. Традиция умалчивает о позиции Церэ в войне Рима с другим этрусским соседом – Вейями. Вполне вероятно, что именно благодаря поддержке Церэ Рим одержал эту победу. Церэ находился в дружеских отношениях с Карфагеном, и продолжением этих отношений стало заключение с ним договора Римом в 348 г. до н.э. Церэ был важным союзником Рима в войнах с этрусками и галлами в IV в. до н.э. Поэтому вполне вероятно, что в устной традиции этой эпохи какие-то из древних этрусских царей Рима связывались происхождением с церитской знатью. Именно в Церэ засвидетельствованы эпиграфические следы семейства *Tarchna* (CIL. XI.3626; 3627), которые в период формирования исторической традиции о раннем Риме (Тимей, Фабий, Цинций) послужили прообразом римских Тарквиниев. Этрусские новогодние ритуалы, которые можно было наблюдать в IV–III вв. до н.э., в том числе и ритуал Священного Брака, вероятно, рассматривались авторами этой эпохи в качестве тех обычаев, которые этрусские цари ввели в раннем Риме в период своего господства. Автор, использовавший образ Лукреции в качестве «приза» для участников весенней новогодней конной скачки, мог ориентироваться как на этрусскую традицию

---

[85] См.: *Holleman A.W.J.* Lucretia und die Inschriften. P. 39–40. Этрусская *lauxumna* – жена носителя сакрального титула *lauxume* (лат. *lucumo*). Если этрусский *lauxume* (*lucumo*) имел латинское значение rex, то *lauxumna* – соответственно, regina. Примечательно, что этрусская богиня Уни, «переведенная» в Рим после взятия Вей в 396 г. до н.э., называлась *Juno Regina*. С другой стороны, латинизация этрусского термина *lauxumna* привела к превращению его в апеллятив Юноны – *Lucina* (светоносная) или *Lucetia* (Mart. Cap. 2.149). Таким образом, *Lauxumna* > *Lucina* > *Lucetia* > *Lucretia*. Греки отождествляли цэритскую богиню Уни с Левкотеей, что, по мнению Холлемана, связано с происхождением имени Лукреции: лат. *luc-* = греч. *leuk-* , причем этот корень в латинском *lucumo* был связан со значением rex. Поэтому вероятно допущение, что вся история Лукреции была создана греческим автором. В исторической традиции фигурирует еще одна Лукреция – жена царя Нумы Помпилия, который, по другой версии, женился на дочери царя Тита Тация. Сопоставление двух имен супруги Нумы позволяет увидеть в одном – *Tatia* – имя богини *Tacita*, а в другом – *Lucretia* – титул «царица» (*regina* – *lauxumna*).

[86] Подробнее см.: *Sordi M.* I rapporti romano-ceriti e l'origine della ciuitas sine suffragio. Rome, 1960. P. 110–113.

участия жрицы богини в обрядах смены годового цикла, так и на традицию, распространенную в Восточном Средиземноморье[87].

Вряд ли это был сам Ливий, использовавший для этой цели сочинения антикваров с описанием ритуала, исполнявшегося *rex sacrorum*, конных состязаний и этрусского обряда Священного Брака. Теренций в комедии «Самоистязатель» (269–299) разыгрывает сцену, которая может рассматриваться как пародия на историю Лукреции, выигравшей «состязание жен». Участниками диалога в сцене являются Клитифон и Сир, сын и раб старика Хремета; им подыгрывает Клиния, сын другого старика, Менедема. Два первых выглядят пародией на сына и племянника царя Тарквиния, а третий – аналог Брута. Если проверка верности в отсутствии мужа, скромность в поведении и одежде, прядение и намеки на смерть и «отсутствие вины» обыгрывались Теренцием в середине II в. до н.э., то история Лукреции явно была знакома ему и причем в качестве принятого в обществе образца добродетели.

5. *Смерть Лукреции и Юний Брут*

Сцена трагического самоубийства Лукреции заканчивается появлением Юния Брута, с именем которого связано изменение (обновление) общественного строя или переход от монархии к республике. У Дионисия (IV.67.3–4) Брут не присутствовал при самоубийстве Лукреции, так же как и ее муж Коллатин. Они подошли буквально сразу после случившегося, так что начавший было действовать Валерий, бывший в доме отца Лукреции, ничего не успел предпринять. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с совмещением двух версий, героями которых были Валерий и Брут; Дионисий сначала использует версию с Валерием, а затем дополнил ее версией о Бруте, так как тот был особенно популярен у современных ему римлян. Это видно из того, что прямо здесь Дионисий излагает весь собранный им материал о Бруте (IV.68–69) и сухо пересказывает историю организации им заговора против Тарквиниев, скрепленного клятвой у тела Лукреции (IV.70–71).

Более драматическая версия этих последних сцен излагается Ливием (I.59). У него все главные действующие лица, Лукреций с Валерием и Коллатин с Брутом, были свидетелями самоубийства Лукреции. Пока остальные участники домашнего совета предавались скорби, ошеломленные ее поступком, Брут, держа пред собою вытащенный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этой чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь – и вас, боги, беру в свидетели, – что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме».

---

[87] Другой случай насилия в римской исторической традиции – царская дочь Рея Сильвия и бог Марс (или царь Амулий в образе бога) – также напоминает ритуал Священного Брака. Однако эта история, заимствованная Фабием Пиктором у Диокла из Пепаретоса, была смоделирована на основе мифа о Тиро и Посейдоне. Рожденные ею близнецы Нелей и Пелий стали прообразом Ромула и Рема. См.: *Trieber C.* Die Romulussage // RhM. 1888. Bd. 43. S. 569–582; *Forsythe G.* The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition. Lanham, 1994. P. 125; *Meurant A.* La gémellité de Romulus et Rémus. Thème archaïque ou donnée tardive? // RPh. 1997 (1999). Vol. 71. P. 281–290; *idem.* L' idée de gémellité dans la légende des origines de Rome. Bruxelles, 2000.

Затем Брут передает нож Коллатину, Лукрецию и Валерию, которые повторяют слова клятвы, что будут вести беспощадную борьбу против Тарквиниев, и, связав всех обязанностью мести, становится вождем. На эту сцену обращает внимание Эндрю Фельдхер, по мнению которого, и слова, и действия Брута позволяют интерпретировать смерть Лукреции как жертвоприношение[88]. Они идентичны клятве и жертвоприношению первых консулов после изгнания Тарквиниев, описанным Дионисием (V.1.3)[89]. Интерпретация смерти Лукреции как жертвоприношения создает связь между рассказом Ливия и римским ритуалом изгнания царей ежегодно исполнявшимся во время Регифугия. По мнению Фельдхера, Ливий использовал религиозные ритуалы в качестве моделей для создания сцен, подобных смерти Лукреции или Виргинии. Каждая их них описывает не реальное историческое событие, а ритуализированное представление, воспроизводящее бесконечную серию идентичных ритуалов, простирающихся в прошлое сквозь эпохи. Ритуальный царь (*rex sacrorum*), который ежегодно покидал Форум, постоянно воспроизводил изгнание Тарквиниев, по крайней мере для тех, кто знал эту историю[90].

Фигура Брута (как и Валерия), явно чужеродная в сцене трагической гибели Лукреции, служит связующим звеном между «историей двух братьев и жены одного из них» и «историей изгнания царей Тарквиниев». «Шов», связующий две эти «истории», просматривается в том обстоятельстве, что виновником гибели Лукреции был Секст Тарквиний, а главным пострадавшим – царь Тарквиний Гордый[91]. Смерть Брута почти сразу же после изгнания царей показывает, что с точки зрения литературного сюжета его фигура совершенно не была необходимой в этой истории. Она заслонила соперничество двух «братьев» Тарквиниев (Секста и Коллатина) – участников рассматриваемых «событий». Можно предположить, что в другой версии истории Лукреции место Брута – царского племянника, *tribunus celerum*, и наследника трона – занимал ее муж Коллатин. Возвышение Брута превратило Тарквиния Коллатина из главного героя литературной версии в анемичную и вторичную фигуру[92]. Но когда оно произошло?

Высказывалось предположение, что роль Брута получила развитие в римской исторической традиции только с конца II в. до н.э. Возможным источником его возвышения называют трагедию Л. Акция (*Accius, Attius*) «Брут»[93], которая оказала большое влияние на творчество Л. Кальпурния Пизона[94]. Акций был связан с Децимом Брутом Каллаиком, консулом 138 г. до н.э., коллегой Сципиона Назики, который при-

---

[88] *Feldherr A.* Spectacle and Society in Livy's History. Berkeley, 1998. P. 194–203.

[89] *Ibid.* P. 197–198 и прим. 117.

[90] *Ibid.* P. 212.

[91] Joh. Lydus. *De mens.* IV.29 пытался объяснить это обстоятельство тем, что насилие над Лукрецией совершил сам Тарквиний Гордый. Эту версию принял Ф. Шахермайер (s.v. Tarquinius // RE. 1932. Bd. 4 A. Sp. 2388), который, исходя из рассказа Дионисия (*AR.* IV.64.2–3), что Секста в Коллацию послал отец, приводит мнение Пизона об ошибке Фабия на одно поколение при расчете генеалогии Тарквиниев.

[92] Подробнее об изменении образа Коллатина см.: *Schubert W.* Op. cit. P. 84–85, 90–91, 95–96.

[93] См.: *Gabba E.* Il "Brutus" di Accio // Dioniso. 1969. Vol. 43. P. 377–383.

[94] О посредничестве Кальпурния Пизона между Акцием и Ливием см.: *Mastrocinque A.* Lucio Giunio Bruto. P. 25–29.

нимал участие в подавлении движения Гая Гракха и его сторонников. Эти события, возможно, повлияли на образ легендарного первого консула Юния Брута как борца против тирании последнего римского царя. Это имя было известно уже Полибию (III.22.1), который называет консулами первого года республики Л. Юния Брута и М. Горация Пульвилла[95]. Однако знаменитый основатель республики, которого традиция причисляет к патрициям, не оставил потомства, достойного стать высшими магистратами в течение следующих 200 лет. Отсутствие Юниев в консульских списках V – большей части IV вв. до н.э. заставляет считать первого консула фиктивной фигурой. Только с конца IV в. плебейские Юнии Бруты появляются среди магистратов – консул 316, 313, 311, начальник конницы 312, 309, цензор 307, диктатор 302 гг.[96] В свое время А.Ф. Энман показал, что консульские фасты подвергались редактированию в эпоху Гнея Флавия, то есть в конце IV в. до н.э.[97] Вполне вероятно, что именно тогда был впервые введен образ Юния Брута, на родство с которым претендовали носители этого имени, не имевшие права на патрициат, но, наряду с другими подобными им выдающимися семьями, претендовавшие на знатных предков. В этом случае Брут был столь же хорошо известен Фабию Пиктору, как и история семьи Тарквиниев, вместе с Эгерием и Коллатином (см.: Dion. Hal. *AR*. IV.6.1 и 64.3).

Дионисий, использовавший сочинение Фабия (вместе с Пизоном и др.) для истории Тарквиниев, возможно, излагает сцену гибели Лукреции на основе его версии – Лукреция погибает в доме отца, а Брут появляется позднее[98]. В таком случае, у Фабия история Лукреции (с Коллатином и Секстом) и история Брута были самостоятельными рассказами, объединенными лишь общей темой перехода от монархии к республике.

Сам факт помещения истории Лукреции в исторический контекст тиранического правления Тарквиниев превращал ее в жертву негативно изображаемого семейства. Как показал Гельднер, в эллинистической литературе был популярен сюжет, предполагающий смерть героини в результате насилия тирана. Поэтому в контексте истории перехода от монархии к республике изменение прежнего сюжета, в котором женщина выбирала себе партнера – любовника, царя и героя (как, например, в истории Гигеса и Кандавла у Геродота), было осуществлено достаточно естественно. Псевдоисторическая конструкция, описывающая этот переход, нуждалась в смерти Лукреции в качестве символической жертвы тирании Тарквиниев.

Можно принять мнение Энмана, что Юний Брут стал героем основателем республики с легкой руки Гнея Флавия в конце IV в. до н.э. К

---

[95] Ф. Уолбэнк отмечал, что в договоре с Карфагеном фигурировало только имя консула Горация, а Полибий добавил имя Брута, ориентируясь на традицию его собственной эпохи. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 339. Полибий сам не мог выдумать древнего римского персонажа, и это является свидетельством существования сведений о нем уже в III в. до н.э., то есть у Фабия Пиктора.

[96] См.: *Neumann K.* L. Iunius Brutus // Strassburger Festschrift zur 46. Sammlung deutscher Philologier und Schuler. Strassburg, 1901. S. 309–332; *Ranouil P.-Ch.* Recherches sur le patriciat (509–366 avant J.-C.). P., 1980. P. 73.

[97] *Enmann A.* Die alteste Redaktion der römische Konsularfasten // Hettlers Zeitschrift. 1900. Vol. 1. P. 89–101. Ср.: *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. B., 1904. Bd. 3.2. S. 208–209.

[98] В версии Дионисия (Фабия?) Брут является в дом Лукреция Трицепитина вместе с Коллатином, чтобы появление было обоснованным. Версия Ливия, где Брут выступает участником «семейного совета», более отвечала реалиям поздней Республики.

280–275 гг. до н.э. относится сближение Рима с этрусскими городами Тарквинии и Вульчи, и это обстоятельство выглядит удачным объяснением создания версии, выводящей римских Тарквиниев из Тарквиний[99]. В IV в. до н.э. они скорее фигурировали под именем *Tarchna* и были связаны с этрусским городом Церэ. Но греческий автор, создававший историю Тарквиниев (их происхождение от коринфского Демарата представляется свидетельством того, что это был *греческий* автор), смотрел на вещи проще. Этим автором, писавшим в 270–260-х годах, мог быть Тимей из Тавромения. В контексте этого предположения символическое описание насильника – сына этрусского царя – и непорочной римлянки в качестве его жертвы кажется особенно уместным в тот исторический период, когда греческое влияние на Рим начало вытеснять этрусское (конец IV – начало III вв. до н.э.). Греческие авторы были заинтересованы представить Рим как «греческий полис», а не «этрусский город»[100]. Поэтому даже римские цари Тарквинии получили греческое происхождение, возводящее их к коринфским Бакхиадам[101]. Это позволяло связывать урбанизацию Рима при этрусках и реформы Тарквиния Древнего (сына Демарата Бакхиада) и Сервия Туллия с греческим влиянием, тогда как «плохая» политика «тирана» Тарквиния Гордого целиком соотносилась с его этрусским происхождением (сын Танаквиль). Эта же установка, но в обобщенном, лишенном этнической окраски виде была близка и римлянам в эпоху Фабия Пиктора, у которых было живо в сознании длительное присутствие Ганнибала в Италии. Для них Лукреция символизировала оскверненную родину, а Секст Тарквиний выступал в роли чужеземного насильника.

Все же мы не знаем этой ранней подоплеки отношения героев в истории о Лукреции. Если и существовали какие-то ее литературные версии, как предполагает Джоселин Смол, то, видимо, за пределами римской историографии. Складывавшейся исторической традиции Лукреция изначально нужна была как жертва. Вполне допустимо, что прослеживающийся в версии Ливия повышенный драматизм, вносимый сюжетом «состязания жен» и присутствием Брута, был придан истории Лукреции обработкой Л. Акция[102].

---

[99] Название города Тарквинии, видимо, восходит к имени его мифического основателя Тархона (*Tarchon* – Strabo. V.2.1). Он был общеэтрусским персонажем, так как считался основателем также Пизы (Serv. *Ad Aen.* X.179) и Мантуи (ibid. 198). Это имя перекликается с именами скифского предка Таргитая, славянского сказочного старца Тарха Тарховича, малоазийского Тарху. См.: *Alföldi A.* Die Struktur des voretruskischen Römerstaates. Heidelberg, 1984. S. 181–216. Гентилиций цэритских *Tarchna*, по-видимому, имеет то же происхождение. А греческий автор Проматион передавал историю царя города Альбы Тархетия, в доме которого родились Ромул и Рем (См.: Promathion. FGrH. 817. Frag. 1 = Plut. *Rom.* 2.4). Ср.: Plutarco. *Le vite di Teseo e Romulo*, a cura di *C. Ampolo* e *M. Manfredini.* Milan, 1988. P. 272–276; *Wiseman T.P.* Remus: A Roman Myth. L., 1995. P. 57–61; *Capdeville G.* Volcanus. Recherches comparatistes sur les origines du culte de Vulcain. Rome, 1995. P. 62–67; *Meurant A.* L' idée de gémellité. P. 81–82; 161–167. Литературу также см.: *Poucet J.* Les origines de Rome. P. 58. Note. 75.

[100] См.: *Vanotti G.* Roma polis Hellenis, Roma polis Tyrrhenis // MEFRA. 1999. Vol. 111. P. 217–255.

[101] См.: *de Cazanove O.* La chronologie des Bacchiades et celle des rois étrusques de Rome // MEFRA. 1988. Vol. 100. P. 615–648; *Briquel D.* Tarquins de Rome et idéologie indo-européenne (II). P. 419–450.

[102] О Лукреции в претексте Акция «Брут» см.: Varro. *LL.* VI.7: *Inter vesperuginem et iubar dicta nox intempesta, ut in Bruto Cassii quod dicit Lucretia: "Nocte intempesta nostram*

Окровавленный нож в руках Брута и «оцепеневшие» Коллатин, Лукреций и Валерий в сцене смерти Лукреции выглядят так, будто именно Брут был ее убийцей. Ситуация выглядит заимствованной из какой-либо греческой трагедии о жертвоприношении невинной девушки ради политических целей, подобно жертвоприношению Ифигении Агамемноном. Возможно, Акций, написавший трагедию «Брут», вдохновлялся чтением греческих образцов, и поэтому он «передал» нож из рук Лукреция (обязанного совершить убийство дочери по римским обычаям) в руки Брута[103]. У грека Тимея и писавшего по-гречески Фабия Пиктора самоубийство Лукреции было всего лишь развитием мотива эллинистической литературы. Но появление латиноязычной историографии во II в. до н.э., возможно, породило стремление «прочесть» греческие образцы сквозь призму исконно римских обычаев.

Но посмотрим на сцену с точки зрения «клятвы консулов», как предлагает Фельдхер. Она выглядит так, будто перед нами некий римский ритуал, в соответствии с которым жрец осуществлял жертвоприношение и давал клятву подвернуть изгнанию прежнего «царя» и никогда не позволить ему вернуться. В этой сцене, конечно, не было места для Лукреции. В историю Лукреции, эволюцию которой от литературного топоса к псевдоисторическому рассказу мы рассматриваем, сцена жертвоприношения была включена позднее. В ней были объединены два разных сюжета, требующих клятвы (в одном – мести, а в другом – верности народу). Один – это история Лукреции, а другой – это описание ритуала жертвоприношения, связанного с обновлением царских полномочий. В конечной версии «жертвоприношение» оказалось сдвинутым с 24 на 27 февраля, с Регифурия на Эквиррии, так что роль его исполнителя перешла от «священного царя» к трибуну целеров.

Сходный ритуал проявляет себя и в традиционной истории убийства Рема неким Целером (*Celer*). Являющийся здесь главным действующим лицом Целер, по общему мнению, персонифицировал должность *praepositus* или *tribunus celerum*[104]. Согласно Помпонию, он был вторым лицом в архаическом Риме. Эту же должность занимает и Брут в момент гибели Лукреции. По другой версии, Рема убил сам Ромул. Согласно Энию, Рем дерзко перескочил через низкую еще стену строящегося только Рима и был сразу же убит возмущенным Ромулом, который воскликнул: «Пусть никто не совершит подобного безнаказанно, и так же как ты за-

---

devenit domum”. VII.72*: Nunc de temporibus dicam. Quod est apud Cassium: “Nocte intempesta nostram devenit domum”, intempesta nox dicta ab tempestate, tempestas ab tempore; nox intempesta, quo tempore nihil agitur.* Ср.: Cic. *Pro Sest.* 123; *Att.* XVI.5.1 (DCCLXX). *Cassii* в тексте Варрона обычно читается как *Accii*, хотя Огилви (*Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 218) и сомневается в этом. См.: *Dangel J.* Œuvres (fragments) de L. Accius. P., 1995. P. 373, там же и литература по данному вопросу.

[103] Акций был также автором трагедии «Атрей», в центре которой тот же сюжет о двух братьях и жене одного из них, что и в истории римской Лукреции. См.: *Lana I.* L’Atreo di Accio e la leggenda di Atreo e Tieste nel teatro tragico romano // Atti della Accademia delle Scienze Turino. 1958/59. Vol. 43. P. 351–365; *Dangel J.* Op. cit. P. 372–373.

[104] О Целере см.: *Meurant A.* Quelques observations sur Celer, un autre double maudit de Romulus // Hommages à Carl Deroux, ed. *P. Defosse.* Bruxelles, 2003. Vol. 4. Collection Latomus 277. P. 485–494.

платит за преступление своей собственной теплой кровью»[105]. Эти слова напоминают клятву, сопровождающую ритуал[106]. А убийство Рема в таком случае выглядит как жертвоприношение, сопровождающее основание города. Миф об основании Рима с подвигом его главного героя и первого царя Ромула сопровожден здесь ритуалом, в котором роль жертвы играет Рем[107]. Тот же мотив повторяется и при основании республики – первый консул Брут в качестве героя мифа основания и непорочная Лукреция в качестве жертвы. Античные авторы явно воспроизводили один и тот же образец. Ритуальные истоки этого мотива, известного уже Эннию, видимо, были глубже, чем полагает Фельдхер. Римляне, как известно, не практиковали регулярных жертвоприношений со времен основания Города. Но в Лации до эпохи Империи существовал обычай смены царя-жреца Дианы Немейской посредством его убийства, совершаемого преемником[108]. Быть может, Энний использовал этот пример для создания легенды основания Рима, а Акций последовал его модели для легенды об основании Республики[109].

ALEXANDR V. KOPTEV (HELSINKI, FINNLAND)

THE STORY OF THE VIRTUOUS LUCRETIA IN THE CONTEXT OF LITERATURE, LAW AND RITUAL

The author follows the popular belief that the history of Lucretia was a product of Hellenistic literature which in turn borrowed the plot from ancient mythology. The story was included in the Roman historical tradition quite early, possibly before Fabius Pictor, who borrowed it from someone of his Greek predecessors. In different stages of the formation of the historical tradition, the meaning of the story varied. Originally, it possibly was the story of two brothers, one of whom tempted the wife of another (or she seduced him). From Herodotus' narration of the Lydian king Candaulos and Gyges, this plot passed to the history of the regal Rome, where the story was influenced by Roman religious rites, in particular it was included in the context of a New Year ceremony which was accompanied by the rituals of Regifugium and Equirria at the end of February.

At the beginning, the story most likely emphasized an Etruscan origin of the tyrannical king, while Lucretia personified the Latin mother-land which was desecrated by the rapist. However, the Roman annalists brought in the relationship between the heroes of the history customs and rules suit-

---

[105] Enn. *Ann.* I.l.94–95 (99–100) Skutsch: *Nec pol homo quiquam faciet impune animatus / Hoc nec tu: nam mi calido dabis sanguine poenas*. Ср.: *Skutsch O.* The *Annals* of Q. Ennius. Oxf., 1985. P. 240–241.

[106] У Ливия (I.7.3): *Sic deinde, quicumque alius transiliet moenia mea* («Так [да погибнет] всякий, кто перескочит через мои стены»).

[107] Сходным образом у древних египтян смерть фараона переводилась в вечную мифологическую форму: Сет убивал Озириса, а жрецы разыгрывали эту сцену как драматический спектакль. См.: *Frankfort H.* Kingship and the Gods. A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago; London. 1978 [1948]. P. 101–104.

[108] См.: *Bernardi A.* L'interesse di Caligola per la successione del Rex Nemorensis e l'arcaica regalità nel Lazio // Athenaeum. 1953. Vol. 31. P. 273–287; *Alföldi A.* Diana Nemorensis // AJA. 1960. Vol. 64. P. 137–144; *Pascal C.B.* Rex Nemorensis // Numen. 1976. Vol. 23. P. 23–39.

[109] О влиянии Энния на Акция см.: *Dangel J.* Op. cit. P. 375, там же и литература.

able to the Roman family of the second and early first centuries BC. At the same time, the use of the story by Accius, the late-second-century writer of tragedies, provided the Tarquins with the features of the Atrides family and Lucretia with the features of a Roman matron. The story became a useful model for the late-Republican lawyers who discussed the problems of the family law. Under the Augustan epoch, Lucretia's chastity symbolized the ideal of the Roman matron and was considered throughout the context of the marriage legislation.

В.В. Дементьева

РИМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Проблема идентичности (этнической, национальной, гражданской и др.) является в настоящее время одной из активно обсуждаемых применительно к различным периодам мировой истории. Проанализируем – под углом изучения римской идентичности – утверждения антиковедов, содержащиеся в работах, опубликованных в последние годы (посвященных римским обычаям и традициям), которые кажутся нам спорными, и попытаемся, привлекая современные достижения мирового антиковедения, предложить свою схему эволюции *mores maiorum*.

В научной литературе под идентичностью понимается «результат осознания, т.е. рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе», относящийся как к «индивидуальной, так и коллективной жизни»[1]. В соответствии с таким подходом, в простой дихотомии идентичность подразделяется на «Я-идентичность» и «Мы-идентичность», а в тройном членении первая из них («Я-идентичность») имеет различение на индивидуальную и личную. «*Индивидуальная идентичность* – это создавшийся и упрочившийся в сознании индивида образ индивидуальных черт, отличающих его от всех («релевантных») остальных… *Личная идентичность* – это, напротив, воплощение всех ролей, свойств и компетенций, который приобретает отдельный человек через вхождение в конкретную данность общественного устройства»[2]. Под *коллективной идентичностью* понимается «то представление о себе, какое складывается у группы и с каким идентифицируют себя ее члены», «социальную принадлежность, ставшую предметом рефлексии»[3].

«Личная идентичность достигается только через коммуникацию и взаимодействие с другими»[4]. Коллективная идентичность основана «на участии в общем знании и общей памяти… речь идет при этом не только о словах… но также и обрядах и танцах, узорах и орнаменте, костюмах и татуировках, еде и питье, памятниках, картинах, ландшафтах, дорожных указателях и межевых камнях. Все это может стать знаком, кодирующим общность»[5].

Римская идентичность – это самоидентификация граждан Римской *civitas* (прежде всего, коллективная, но выражавшаяся также и как личная) в качестве граждан, в качестве членов определенной общины. Римская идентичность – это, во-первых, в своим исходном пласте – одно из проявлений ментальности в самом широком понимании этого слова, в том смысле, который отражен, например, в работах А.В. Махлаюка (речевые и умственные привычки, неартикулированные установки созна-

---

[1] *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Перев. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 139.

[2] Там же. С. 141.

[3] Там же. С. 141–143.

[4] Там же. С. 145.

[5] Там же. С. 149.

ния)[6]. Во-вторых же, римская идентичность – это вполне четко артикулированные, строго и ясно сформулированные требования к личностным качествам гражданина и его поведению.

Осознание себя гражданами Рима базировалось, в первую очередь, на поддержании традиций и обычаев предков (*mores maiorum*). Знаков, «кодирующих общность» римских граждан было в целом весьма много (и померий, и публичные пространства, и сакральная топография, и многое другое), но *mores* – безусловно, центральный из них. *Moribus antiquis res stat Romana virisque* («Нравами предков сильна и могуча республика римлян» – Ennius. *Ann.* 467, перев. С.А. Ошерова) – в этом выражении Кв. Энния сформулирована квинтэссенция и коллективной, и личной идентичности римских граждан. И очень показательно, что это изречение поэта из-за его «краткости и истинности» Цицерон уподобил оракулу: *Moribus antiquis res stat Romana virisque, quem quidem ille versum vel breviate vel veritate tamquam ex oraculo mihi quodam esse effatus videtur* (*De rep.* V.1).

«*Mores maiorum*, – писал Дженнаро Франчози, – представляли собой древние обычаи, происходящие от предков и окруженные ореолом святости, так как римская религиозность боготворила maiores»[7].

В современной историографии Маурицио Беттини называет такие функции *mos maiorum*, как моделирующая и коммуникативная, а также выделяет «древний» и «новый» обычай предков (латинские *mores* перед прибытием Энея в Лаций и таковые после его прибытия)[8]. Франциско Пина Поло также подчеркивает, что понятие *mos maiorum* было отнюдь не «окаменелым», а динамичным концептом, чье содержание снова и снова интерпретировалось[9]. Ф. Пина Поло выделяет для республиканского времени три фазы образования и развития *mos maiorum*: 1) создание «обычая предков» патрициатом; 2) «расширение» его в конце сословной борьбы; 3) «кодификация» его с формированием историописания в Риме в течение II в. до н.э.

Зададимся вопросом, произошло ли простое «расширение обычая», осуществлялось ли его количественное накопление (как считают названные авторы, по-разному фиксируя «точки количественных изменений») или все-таки образование качественно новых *mores*? Произошла ли «переосмысление ориентиров» нравственности гражданской жизни, обращенных в прошлое? Если произошло, то когда: на стадии формирования римской общины, в результате взаимодействия латинских и греческих традиций? После установления республики? После завершения сословной борьбы?

Есть и другая сторона вопроса, – в какой социальной среде возникло само понятие *mos maiorum*, в какой социальной среде оно бытовало в то или иное время, попадал ли «под его действие» весь римский на-

---

[6] *Махлаюк А.В.* Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. Сб. ст. под ред. *О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева.* М., 2005. С. 88–90.

[7] *Франчози Дж.* Институционный курс римского права. М., 2004. С. 26.

[8] *Bettini M.* Mos, *mores* und *mos maiorum*. Die Einfindung der Sittlichkeit in der römischen Kultur // Moribus antiquis res stat Romana. Römische Werte und römische Literatur im 3. und 2. Jh. v. Chr. / Hrsg. von *M. Braun, A. Haltenhoff, F.-H. Mutschler*. Leipzig, 2000. S. 303–352.

[9] *Pina Polo F.* Die nützlische Erinnerung: Geschichtsschreibung, *mos maiorum* und die römische Identität // Historia. 2004. Bd. 53. S. 147–172.

род – *populus Romanus*? Дать ответ на эти вопросы в историографии последних лет попытался Вольфганг Блёзель[10], который выстроил определенную схему. Эта схема должна быть рассмотрена при поиске ответа на вопрос, как изменялось (количественно или качественно) содержание «обычая предков».

В. Блёзель попытался нарисовать историческую картину словоупотребления *mores maiorum*. Он пишет, что обычно исследователи стремились рассматривать главным понятием в словосочетании *mos maiorum* первый элемент, сопоставляя его с такими категориями как *ius* и *lex*. На его же взгляд, ключ к пониманию лежит во втором слове, собственно, в тех, кто был для римлян творцами и носителями обычаев (т.е., кто такие *maiores*)[11]. При этом В. Блёзель определил *mos maiorum* как «поведенческий канон», имевший нормативную силу. Согласно его взглядам, речь – когда рассматривается обычай предков – должна идти сначала только о патрициях, а позднее о *nobiles*, и ни в коем случае – о плебеях, не имевших предков-магистратов. Для ранней римской истории, согласно В. Блёзелю, было характерно следующее. Понятие *mos maiorum* возникло во время сословной борьбы, сначала у патрицианских *gentes*, а затем и распространилось на инкорпорированные в правящую верхушку плебейские семьи. Отличительной особенностью нобилей было создание унифицированного (единого) нормативного комплекса, именно *mores maiorum*, включившего сословный этос патрицианских *gentes*. Наряду с этим оставалось различие семейных – нормативно-образцовых – историй внутри нобилитета, который был иерархично организован.

Разнообразные указания на *mores maiorum* – по большей части пародийные – В. Блёзель находит у Плавта (в сюжетах, в которых нобили пытаются найти оправдание их многочисленным порокам). Он аргументирует также, что поведенческий канон *mos maiorum* был установлен около 200 г. до н.э. Автор переходит затем к *pompa funebris* как сцене для непосредственного «явления» *mos maiorum*, на которой произносились похвалы (*laudationes*) предкам; сами предки и их дела подавались в воспоминаниях как пример. Поэтому, как считает В. Блёзель, истории родов нередко искажались и приукрашивались. Автор обращается к Цицерону, отмечая, что тот как *homo novus* поставил под сомнение ценность *mos maiorum* и престиж нобилей подорвал. В. Блёзель считает, что когда Цицерон рассматривает отдельные частные случаи, он понимает под *maiores* предков всего римского народа. Во II же в. до н.э. это понятие было сопряжено, по мнению немецкого исследователя, лишь с предками нобилей. У Цицерона же слава и заслуги предков относились не только к их семьям или родам, но ко всему римскому народу. Но, полагает В. Блёзель, и у Цицерона *mos maiorum* – поведенческий канон прежде всего для элиты, а не для простого народа. Центральный тезис работы В. Блёзеля: *mos maiorum* – это именно этос нобилитета.

---

[10] *Blösel W.* Die Geschichte des Begriffes *mos maiorum* von den Anfängen bis Cicero // *Mos maiorum*. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik / Hrsg. von *B. Linke*, *M. Stemmler*. Stuttgart, 2000. S. 25–97.

[11] Ibid. S. 26.

Ограничение бытования *mos maiorum* только нобилями – интересная мысль, пишет в своей рецензии Ханс Вилинг[12], правда ничем не подкрепленная. Если римская литература приводит примеры главным образом нобилей, то удивляться этому не приходится, – подчеркивает он, – так как в центре ее интереса находились именно они, а «не маленькие люди». Пожалуй, мы склонны согласиться с такой оценкой. Если обычай предков – этос только нобилей, то тогда *mos maiorum* не может считаться элементом, цементировавшим римскую идентичность, и надо говорить только о самоидентификации нобилитета. В связи с этим интерес представляют следующие рассуждения Уве Вальтера. Он пишет, что хотя герои и героини нарративной традиции почти сплошь магистраты и жрецы, весталки и достойные матроны, принадлежавшие к знатным семьям, рассматривались они сначала, вероятно, каждый раз в качестве *maiores* только как собственные предки. Но скоро было это понятие «коллективизировано», *maiores* образовали тогда «единый пул» образцов, чьи *exempla* устанавливали рядом с *ius* и *lex* прошлые нормы как образец для современного поведения[13]. Эту «коллективизацию» *maiores* и *exempla* следует, на наш взгляд, понимать как их распространение на весь гражданский коллектив в качестве образцов деятельности и примеров для подражания, даже при условии их возникновения в кругу элиты.

Думается, что представление в историографии об «аристократических корнях» поведенческих норм, требований морали, идеологических установлений излишне «глобализировано». Весьма интересными и аргументированными являются, например, противоречащие такому представлению выводы Курта Раафлауба, что в Риме, как и в Греции, «концепт политической свободы» был вызван к жизни отнюдь не аристократией[14]. Такие аристократические компоненты *libertas* как *auctoritas* сената или *dignitas* нобилей есть, согласно К. Раафлаубу, результат корректировки понятия свободы; они, возникнув в середине II в. до н.э., есть продукт кризиса Республики, являются поздними и вторичными[15]. Может оказаться, что и гражданский поведенческий императив формировался ничуть не менее в среде рядовых граждан, чем в среде «лучших» из них.

Но даже если рассматривать происхождение требований к поведению гражданина и его личностным качествам как возникших в элитарной среде, это не означает, что данной средой их применение и ограничивалось. Ф. Пина Поло не сомневается, что руководящий слой Рима стремился к универсальному признанию и одобрению в общине его системы ценностей[16]. Полагаем, что это верное наблюдение. Но возникает вопрос, принял ли весь гражданский коллектив обычаи предков в таковом качестве (универсальной для всех системы ценностей)? Тенденция в

---

[12] *Wieling H. Mos maiorum.* Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik. Hrsg. *B. Linke, M. Stemmler.* Stuttgart, 2000 // Zeitschrift Savigni-Sttiftung für Rechtsgeschichte. RA. 2002. Bd. 119. S. 635–638.

[13] *Walter U. Memoria* und *res publica.* Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main; München, 2004. S. 55.

[14] *Raaflaub K.* Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom // Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Leibilder und Wertkonzepte im Altertum. Mainz am Rhein, 2003. S. 61.

[15] Ibid. S. 65.

[16] *Pina Polo F.* Die nützlische Erinnerung… S. 170.

историографии трактовать *mores maiorum* как нормы, по которым жило все римское общество, является давней и устойчивой. Еще в 70–80-е гг. XX в. Йохен Бляйкен отмечал это, хотя и подчеркивал, что особенно данных норм придерживался нобилитет[17]. Эрнст Балтруш акцентировал внимание на том, что обычай предков касался прежде всего носителей власти, сенаторов, но он не выводил из-под его действия остальной гражданский коллектив[18]. Карл-Йоахим Хёлькескамп в одной из последних работ также характеризует *mores maiorum* как нравы, правила, практики, «частное» поведение римских граждан, особенно, конечно, сенаторской элиты[19].

Позиция Ф. Пина Поло отличается от названной тенденции. Развивая верный, на наш взгляд, тезис о том, что аристократия стремилась распространить обычай предков на весь гражданский коллектив *civitas*, Ф. Пина Поло приходит к выводам, которые мы поддержать не можем. Сначала он отмечает: если плебс равным образом принимал *mos maiorum*, это обеспечивало и легитимно обосновывало господство аристократии. Данное утверждение еще не вызывает нашего неприятия. Но далее Ф. Пина Поло продолжает: несомненно, не мог весь римский народ *mos maiorum* принять. По его мнению, *mos maiorum* был, с одной стороны, символом для идентификации всех римлян как принадлежности общины. С другой стороны, наблюдалось значительное ограничение *exempla* предков предками аристократии, которые служили коллективным примером для всех; происходил «захват традиции» руководящими слоями с целью оправдания их преимущественного социального положения. Из этого Ф. Пина Поло делает вывод, что *mos maiorum* служил символом идентификации римской аристократии, опорой римской истории и связующим звеном социальной элиты в ее стремлениях сохранить имевшийся порядок[20]. И данным автором формулируется еще более прямолинейный вывод, что *mos maiorum* служил тому, чтобы объяснить социальное подчинение, так же как экономическое неравенство плебса («кто господствует в настоящем, контролирует прошлое, кто контролирует прошлое, овладевает будущим», приводит автор тезис Оруэлла)[21].

Разумеется, не приходится сомневаться, что римская элита извлекала политико-идеологическую выгоду из обычаев и примеров аристократических предков. Но, тем не менее, приведенные выводы Ф. Пина Поло являются, на наш взгляд, довольно огрубленной «социологизацией истории». Не в объяснении «социального подчинения и экономического неравенства плебса» надо усматривать предназначение *mores maiorum*. Думается также, что особая актуальность следовать с необходимостью лучшим римским образцам и традициям именно для нобилитета не исключает вовлеченности в сферу действия нравственных принципов и норм всех римских граждан.

---

[17] *Bleicken J.* Die Verfassung der Römischen Republik. 6. Aufl. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1993. S. 56.

[18] *Baltrusch E. Regimen morum.* Die Reglementierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1988. S. 2 u.a. (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. Bd. 41).

[19] *Hölkeskamp K.-J.* Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 184–185.

[20] *Pina Polo F.* Die nützlische Erinnerung… S. 171.

[21] Ibid. S. 172.

Изложим теперь свой взгляд на эволюцию обычая предков, т.е. остановимся на том, каким образом видятся – в схематичном изображении – изменения, связанные с *mores*.

Обычное право в римской общине возникло, скорее всего, у патрицианских родов на основе взаимодействия латинских и греческих норм. Но реконструкция этого процесса – преимущественно умозрительные рассуждения, хотя источниковую опору они имеют. Так, например, Дионисий Галикарнасский, подчеркивающий общность обычаев греков и римлян, отмечает::ἀλλ' ἐκ παντὸς οὗ συνῳκίσθησαν χρόνου βίον Ἕλληνα ζῶντες («все время с тех пор, как они [римляне] воссоединились здесь для основания города, они ведут жизнь на эллинский манер» – *AR.* I.90, перев. И.Л. Маяк).

Изначально *mores* – именно обычное право. Л.Л. Кофанов называет их «судебным прецедентом»[22]. Первые 60 лет Республики, ее первая фаза, завершились кодификацией и записью норм обычного права. Те из обычаев и традиций, которые не вошли в писаное право (законы XII таблиц) стали рассматриваться как моральные нормы, в противовес законодательным нормам. Как отмечает Д.В. Дождев, «последующее восприятие XII таблиц в качестве кодекса предполагает, что они вобрали в себя древние *mores* (и «царские законы») исчерпывающим образом. Идея определенности права осталась бы нереализованной, если бы все существенные для общества правила не были возведены в ранг законов»[23]. «При этом *mos* как понятие начинает утрачивать значение обычного права и противопоставляется любой форме позитивного права, *ius civile* в целом, как нормативная система другой природы – прежде всего моральная»[24]. Различие морального и правового Д.В. Дождев находит у Цицерона: *…neque more turpe haberi neque aut lege aut iure civili sanciri* («…ни в соответствии с обычаем не считается порочным, ни законом или цивильным правом не запрещается» – *De off.* III.69, перев. Д.В. Дождева). Конечно, вряд ли вообще все нормы обычного права вошли в право писаное, здесь Д.В. Дождев явно, на наш взгляд, преувеличивает. Еще В.М. Хвостов подчеркивал, что «закон не может вытеснить обычая вполне»[25]; «закон всегда более или менее отстает от жизни» и «обычаи дополняют нормы закона»; «законодатель… не может предусмотреть всех индивидуальных оттенков в юридических отношениях, которые встречаются в жизни», обычаи же «восполняют недостатки закона». Но Д.В. Дождев прав, думается, в том, что *mores* после записи законов – главным образом, моральные нормы (хотя на них ориентировались потом довольно долго и в судебной практике).

Нормы *mores maiorum* охватывали – в исходном качестве норм обычного права – публично-правовую, сакрально-правовую и частно-правовую сферы. Они включали в себя регуляторы механизмов должностной власти, избирательной системы, религиозной жизни, семейного, вещного и других частно-правовых отношений. Запись децемвирального законодательства перевела в разряд писаного права в первую очередь

---

[22] *Кофанов Л.Л. Lex* и *Ius*: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. С. 320.

[23] *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1999. С. 92.

[24] Там же. С. 85.

[25] *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 36.

именно частно-правовые нормы. Постепенно шел параллельно и процесс легитимации публично-правовых установлений (например, при регулировании избирательных процедур принятие *lex de ambitu*, вероятно, в 432 г. до н.э., *lex Poetelia* 358 г. до н.э. и т.д.). В религиозной же сфере грань между моралью и правом вообще очень подвижна и в любом случае более условна, она менее всего и может быть прослежена как перевод неписаных норм в писаные. Йорг Рюпке, характеризуя римскую «теологию», отмечал, что римский путь – фиксирование на *mos maiorum*, на традиции, базировавшейся как на прямой философской поддержке, так и на государственно-политической полезности[26]. Этический, сакрализованный компонент с течением времени отнюдь не вымывался из содержания *mores maiorum*, а, вероятно, только усиливался, хотя содержательно и видоизменялся.

Итак – первое качественное изменение на основе количественных изменений (в данном случае – количественного сужения) произошло в середине V в. до н.э. *Mores maiorum* становятся главным образом моральными нормами после 450 г. до н.э., после того как их существенный пласт (особенно затрагивающий сферу частно-правовых взаимоотношений граждан) стал письменно фиксированными законами.

К началу III в. до н.э. (к его 90-м гг.) происходит формирование новой морали – как результат создания к исходу сословной борьбы новой элиты Республики. Создаются новые образцы, разрабатываются новые *exempla maiorum*, устанавливаются новые критерии нравственного поведения. Возникают краеугольные понятия римской этики: *fides, dignitas, virtus, auctoritas, honos*. Формируется *mos Romanum*, система представлений о римских доблестях, которые начинают подробно дефинироваться. Во второй половине II в. до н.э. Г. Луцилий, характеризуя *virtus*, напишет так (1329–30; 1337–38):

> Virtus, scire, homini rectum, utile quid sit, honestum,
> Quae bona, quae mala item, quid inutile, turpe, inhonestum…
> Commoda praeterea patriai prima putare,
> Deinde parentum, tertia iam postremaque nostra[27].

Перечисленные доблести старательно ищутся и находятся в примерах действий предков и их обычаях. Они восхваляются и превозносятся, что в последствии отразит Цицерон (*Pro Sest.*): *qui auctoritate, qui fide, qui constantia, qui magnitudine animi consiliis audacium restiterunt, hi graves, hi principes, hi duces, hi auctores huius dignitatis atque imperi semper habiti sunt*[28].

Появляется триединство понятий: *mos – instituta – exempla*. Уве Вальтер рассматривает *exempla Romana* как важнейшую и самую выра-

---

[26] *Rüpke J.* Die Religion der Römer. München, 2001. S. 136.

[27] «Доблесть – всегда разбирать, где честь, где право, где польза, / Что хорошо и что нет, что гнусно, бесчестно и вредно… Сосредотачивать мысль всегда на пользе отчизны./ После – на пользе родных, а потом уж на собственной пользе» (перев. М.Л. Гаспарова).

[28] «Те, кто своим авторитетом, честностью, непоколебимостью, величием духа противился замыслам наглецов, – они-то всегда и считались людьми строгих правил, первенствующими, руководителями, создателями всего этого великолепия нашей державы» (перев. В.О. Горенштейна и М.Е. Грабарь-Пассек)

женную («плакатную») часть *mos maiorum*[29]. *Exempla*, – отмечает он, – конституировали *mos maiorum* в качестве прецедентов в спорных вопросах права и политической культуры.

В ряде исследований Карла-Йоахима Хёлькескампа[30] аргументируется вывод, что к началу III в. до н.э. формируются новые стандарты для определения способностей политиков к соответствующей деятельности, их качеств и успеха. В свою очередь, критерии доступа к должностям, правила ротации (и прерывания этих правил в исключительных случаях) как и новые стандарты достижений, отражали возникавшую новую коллективную мораль. В течение следующих поколений это проявлялось в развитии комплекса идеологических представлений, которые, впрочем, по его мысли, никогда не носили законченного характера для *res publica*. Но в любом случае, критериями публичной деятельности стали бескомпромиссная персональная самоотверженность и полная концентрация на политике и войне, совете и решении, управлении и предводительстве. Эта новая идеология базировалась на таких опорах, как ранг, репутация, почести, авторитет и влияние. Особенно подробно К.-Й. Хёлькескамп анализирует понятие *fides*[31]. *Mores* как аргумент римской внешней политики рассматривал Рене Пфайльшифтер[32]; как условия внутриполитической деятельности их касается Кэрлин Бартон[33]. Можно видеть действие норм «новой морали», главным образом, на публичном поприще: в политике, на войне, как проявление гражданского долга и гражданских добродетелей.

Возникновение краеугольных понятий римской этики – главное и решающее качественное изменение. Оно проявляется к окончанию сословной конфронтации и связано с формированием новой элиты. Происходит не просто расширение «сферы действия» *mores maiorum* и наблюдается не просто «содержательное расширение» этого понятия. Налицо качественное изменение содержательного наполнения этого понятия. Из утилитарных поведенческих норм (ничтожность дарения между супругами – D. 24.1.1; устранение расточителя от управления имуществом – D. 27.10.1. pr.; передача роли домовладыки постороннему лицу [другу – *amicus*], выступавшему в роли *familia emptor* – *Gai.* II.102; запрет освящать храм магистрату рангом ниже консула – *Liv.* IX.46.6 и др.) *mores* преобразуются в эталон поведения римского гражданина, включавший уже представления о достоинстве, мужественности, честности и

---

[29] *Walter U.* Memoria und res publica... S. 55.

[30] *Hölkeskamp K.-J. Fides – deditio in fidem – dextra data et accepta*: Recht, Religion und Ritual in Rom // The Roman Middle Republic. Politics, Religion and Historiography. C. 400–133 B.C. Ed. by *Christer Bruun*. Rome, 2000. P. 223–249; *idem.* Römische gentes und griechische Genealogien // Rezeption und Identität. Die kulturelle Auseinandersetzung Roms mit Griechenland als europäisches Paradigma. Stuttgart, 1999. S. 3–21; *idem. Senatus populusque Romanus*. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004.

[31] См. о его взглядах по этому поводу: *Дементьева В.В.* Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // Античная история и классическая археология. Серия «Академклуб: Исторические науки». Вып. 2. М., 2006. С. 55–56.

[32] *Pfeilschifter R.* Andere Länder, andere Sitten? *Mores* als Argument in der republikanischen Außenpolitik // *Mos maiorum*. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der römischen Republik / Hrsg. von *B. Linke, M. Stemmler*. Stuttgart, 2000. S. 99–134.

[33] *Barton C.A.* Roman Honor. The Fire in the Bones. Berkeley; Los Angeles; London, 2001.

других возвышенных добродетелях. Став таковыми, *mores* и превратились в главный фактор, определивший римскую идентичность.

Римская идентичность серьезно отличается от национальной идентичности граждан современных государств, подчеркивал Христиан Майер[34]. (Замечу, что все-таки кое-что общее найти можно, например, осознание себя рожденными от граждан данного государства). В этом своем отличии от современного гражданства римская идентичность аналогична идентичности граждан греческих полисов – главной для тех и других была не этническая, а скажем так, «этическая» («поведенческая») общность. Причем, для римлян этническая основа была менее значимой при самоидентификации в качестве граждан, чем для греков: римляне гораздо легче (и значительно масштабнее) предоставляли гражданские права чужакам. Дионисий Галикарнасский пишет: «Сравнивая с этими обычаи эллинов, я не понимаю, как можно восхвалять устои, присущие лакедемонянам, фиванцам и весьма гордящимся мудростью афинянам, которые, ревниво охраняя свое благородство, за редким исключением не давали никому своего гражданства….» (*AR.* II.17.1, перев. И.Л. Маяк).

Но римская идентичность и существенно отличалась от идентичности граждан греческих полисов, в частности, афинского. Это было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, запись в гражданский коллектив у римлян осуществлялась не на местном уровне, не в демах, как в Афинах, а высшим магистратом. Это означало фиксацию принадлежности ко всей общине в целом, а, соответственно, необходимость придерживаться традиций и обычаев всего римского народа. Во-вторых, идентичность греческих граждан – это осознание себя как членов коллектива, в первую очередь, во внутриполитической деятельности. Для римлян – во внешнеполитической. Отсюда превалирующее значение воинских моральных качеств. Интересно, что для римлян даже такой воинский подвиг как спасение отчизны в критический для нее момент – норма, которая не требует особых восхвалений, а для греков – основание для исключительной славы. Об этом писал Катон в «Началах», говоря о военном трибуне, совершившем подвиг подобный спартанцу Леониду у Фермопил: *sed idem benefactum, quo in loco ponas, nimium interest. Leonides Laco quidem simile apud Thermopylas fecit, propter eius uirtutes omnis Graecia gloriam atque gratiam praecipuam claritudinis inclitissimae decorauere monumentis: signis, statuis, elogiis, historiis aliisque rebus gratissimum id eius factum habuere; at tribuno militum parua laus pro factis relicta, qui idem fecerat atque rem seruauerat* (*Orig. ex lib.* IV)[35].

---

[34] *Meier Ch.* Der griechische und der römische Bürger. Gemeisamkeiten und Unterschiede im Ensemble gesellschaftlicher Bedingungen // Griechenland und Rom. Vergleichende Untersuchungen zu Entwicklungstendenzen und –hähepunkten der antiken Geschichte, Kunst und Literatur / Hrsg. von *E.G. Schmidt.* Tbilissi; Erlangen; Jena, 1996. S. 42.

[35] «Но сколь различно ценится один и тот же подвиг: превозносят спартанца Леонида, который то же самое совершил у Фермопил. Его доблестям воздает хвалу вся Греция, исключительная слава его гремит неумолчно, пышные памятники, обелиски, статуи, надписи, исторические сочинения, – и в чем только не выражается благодарность его подвигу. А военному трибуну досталась скромная похвала, хотя он сделал то же самое и спас государство» (перев. М.Л. Гаспарова).

Конечно, можно возразить, что в одном случае речь идет о спартанском царе, а во втором – всего лишь о человеке, занимавшем офицерскую должность; тем не менее, противопоставляя их, Катон, насколько нам кажется, имел ввиду антитезу «греческий гражданин» – «римский гражданин», а не «знатный гражданин» – «рядовой гражданин».

В-третьих, более выраженный ранговый характер гражданского населения, социальная и политическая иерархичность в римской *civitas* по сравнению с греческими полисами, во всяком случае – с афинским. Наличие выраженной элиты приводило к большей «элитарности» моральных норм (но не в смысле узости круга их носителей, а в смысле их «рафинированности», аристократичности, возвышенности самих норм).

В целом, можно, суммируя главное, сделать следующие выводы:

1. Нет оснований отрицать значение *mos maiorum* как системообразующего элемента римской идентичности. Именно на его основе сформировался *mos Romanum*, определивший как коллективную, так и личную идентичность римских граждан.

2. Эволюция *mores* должна пониматься не только как количественные изменения, но на определенных этапах и как изменения качественные. Такими рубежами «перехода количества в качество» была запись законов в середине V в. до н.э. и – особенно – завершение сословной борьбы в начале III в. до н.э., когда создается новая мораль римских граждан. Она должна пониматься, на наш взгляд, не только как мораль новой элиты, но и как эталонная этика для всего гражданского коллектива.

3. *Mores maiorum*, будучи, вероятно, по происхождению во многом обычаями римской аристократии (но вряд ли только ее одной), конечно, подкрепляли ее притязания на руководящее положение, но определять их главную роль как призванных объяснить социальное подчинение и неравенство плебса – это прямолинейно-примитивный подход. Стремление римской элиты сделать нормы аристократической морали универсальными для гражданского коллектива преследовало не только и не столько такие узкопрагматические цели. Безусловно, оно направлено было в первую очередь на поддержание стабильности и жизнеспособности римской общины (конечно, при сохранении доминирующего политического положения правящей элиты) и ее военной силы.

V.V. DEMENTIEVA (Yaroslavl)

RÖMISCHE IDENTITÄT: DIE FORMIERUNG DER BÜRGERSCHAFTSTRADITIONEN

Die Autorin analysiert neue Beiträge zum Forschungsproblem der römischen Identität und beistimmt einiger Standpunkte nicht. V.V. Dementieva glaubt, dass es keine Gründe gibt, um *mores maiorum* als Hauptbestandteil der römischen Identität zu negieren. Meinung der Autorin nach, waren diese Normen nicht nur die Sittlichkeit der Elite, sondern auch das Referenzethos der ganzen Bürgerschaft. Die Entwicklung *mores maiorum* hatte nicht nur quantitative Änderungen, sondern auch qualitative Umgestaltungen. Solche Grenze „der Umschlagen von Quantität in Qualität“ waren

die Kodifikation der Gesetze in der Mitte des. 5. Jh. v. Chr. und besonders die Vollendung des Ständekampfes am Anfang der 3. Jh. v. Chr. Damals wurde neue Moral erschafft, die *fides, dignitas, virtus, auctiritas, honos* umfasste. Anstatt der utilitaristischen Regeln des Verhaltens erscheinen hochgelegene Vorstellungen über die Würde des römischen Bürgers.

V.V. Dementieva verneint die Behauptung, dass die Hauptrolle der *mores maiorum* in der Bekräftigung der elitären Anforderungen auf Leitung, in der Erklärung der Sozialunterordnung der Plebeier bestand. Die Bestrebung der römischen Elite, um die morale Normen als universell Ethos anzuwenden, stützte die Stabilität der römischen Gemeinde.

А.В. Короленков

МАРИЙ И КАТУЛ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ *HOMO NOVUS* И *VIR NOBILISSIMUS*

Как известно, представители незнатных римских семейств, мечтавшие сделать политическую карьеру, искали поддержки знатных патронов. Отношения Г. Мария и Кв. Катула являют пример того, как, напротив, *homo novus* оказал поддержку отпрыску старинного аристократического семейства. Однако конец их взаимоотношений оказался трагическим. Ответу на вопрос о том, почему так произошло, и посвящена предлагаемая статья.

Пути обоих политиков пересеклись в 103 г.[1], когда они выдвинули свои кандидатуры на консульских выборах на 102 г. и достигли успеха. Имя Мария к тому времени уже прославила победа над Югуртой, он добился высшей магистратуры уже в четвертый раз. А какова была предшествующая биография его коллеги?

Кв. Лутаций Катул происходил из весьма знатной семьи[2] – к числу его предков принадлежал консул 242 г. Г. Лутаций Катул, победитель карфагенского флота в сражении при Эгатских островах, завершившем Первую Пуническую войну. Но впоследствии его фамилия по неизвестным нам причинам пришла в упадок: после 221 г.[3] ее представители до конца II в. не упоминаются среди римских магистратов[4]. Правда, определенным весом в глазах нобилей они продолжали пользоваться, коль скоро женой Кв. Катула стала дочь одного из знатнейших римлян, консула 140 г. Гн. Сервилия Цепиона – это произошло примерно в 121 г.[5] Когда Катул начал свое продвижение по *cursus honorum*, мы не знаем; предполагается, что в 109 г. он стал претором вместе со своим шурином Кв. Сервилием Цепионом[6]. Последний, по-видимому, был одним из лидеров группировки Метеллов[7], так что в исходе преторских выборов можно видеть ее серьезный успех.

Что же касается консулата, то здесь судьба долгое время проявляла неблагосклонность по отношению к Кв. Лутацию. Он трижды потерпел поражение, домогаясь высшей магистратуры – в 107, 106 и 105 гг., проиграв соответственно Г. Атилию Серрану, Гн. Маллию Максиму и Г. Флавию Фимбрии, из которых двое последних были «новыми людьми» (Cic. *Pro Planc.* 12). Кстати сказать, консулом 106 г. вместе с Серраном стал шурин Катула Цепион, а сам он так и не добился успеха – по-видимому, Метеллы сочли Катула недостаточно преспективным кандидатом на консульскую должность. Троекратная неудача означала окончательный провал[8]. И вдруг в 103 г. Катулу, которому, казалось, уже не на что надеяться, не-

---

[1] Все даты – до н.э.

[2] *Münzer F.* Lutatius (7) // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 2072.

[3] *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1951. Vol. 1. P. 235.

[4] *Badian E.* Caepio and Norbanus // Historia. 1957. Bd. 6. P. 322. Note 34.

[5] *Münzer F.* Op. cit. Sp. 2073. Ранее Ф. Мюнцер, опираясь на Аскония (71 K.-S), считал, что женой Катула была Домиция (*idem.* Domitia (90) // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 1509).

[6] *Münzer F.* Sp. 2074; *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 545.

[7] *Rijkhoek K.G.* Studien zu Sertorius. Bonn, 1992. S. 70–71.

[8] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2074.

жданно-негаданно улыбнулось счастье – он добился-таки консулата[9], на который в прошлом году и не претендовал[10]. Что же произошло?

В избрании Катула порой видят победу знати, которая, не в силах помешать новому успеху Мария (он добился высшей магистратуры в четвертый раз!), так сказать, в порядке компенсации провела своего человека в консулы[11], а арпинату пришлось согласиться с таким выбором[12]. На это, казалось бы, указывает сообщение Плутарха: рассказав о борьбе Мария за консулат на 102 г., в которой ему помог Сатурнин, греческий писатель добавляет, что в коллеги Марию дали «Лутация Катула, человека, почитаемого среди знати и в то же время угодного народу» (ἄνδρα καὶ τιμώμενον ὑπὸ τῶν ἀρίστων καὶ τοῖς πολλοῖς οὐκ ἐηπαχθῆ – *Mar.* 14.14, перев. С.А. Ошерова).

Если принять такое объяснение, то Катула Марию попросту навязали. Но ведь и в 103 г. коллегой Мария был аристократ, Л. Аврелий Орест[13], потомок двух консулов[14]. Кроме того, возникает вопрос, почему же в предыдущие годы Катулу поддержки не оказали, а теперь вдруг решили сделать его своего рода противовесом арпинату? Более вероятным представляется объяснение случившегося, которое предложил Э. Бэдиан: Катул примкнул к Марию, чья поддержка и обеспечила ему консулат. Дело в том, что мать Катула после смерти его отца стала супругой Луция Цезаря, которому подарила двух сыновей – консула 90 г. Л. Цезаря и знаменитого оратора Г. Цезаря Страбона[15], а Марий, как известно, был женат на представительнице рода Юлиев (Plut. *Caes.* 1.2; 5.2). Юлии Цезари на тот момент так же, как и Лутации Катулы, утратили прежнее влияние и стремились вернуть себе его. Очевидно, Катул оказался ставленником этого альянса[16]. В развитие этой версии можно добавить, что Марий, делая последнего консулом, ослаблял группировку Метеллов[17], более того, унижал их – он даровал Катулу высшую магистратуру, в которой те ему отказали. Если учесть огромное влияние арпината, который вполне мог в тот момент выбирать себе коллег (и делал это)[18], такая реконструкция событий выглядит вполне приемлемой. Что же касается процитированной выше реплики Плутарха об отношении к Катулу знати и народа, то она свидетельствует лишь об отсутствии у Кв. Лутация на тот момент ясно выраженной политической позиции и потому версии Бэдиана не противоречит.

Правда, эта версия вызвала возражения Р. Льюиса. По его мнению, решающую роль в избрании Катула могла сыграть поддержка Домициев, на представительнице рода которых тот был женат. Домиции же имели большую клиентелу в Риме. В свою очередь, «влияние Мария

---

[9] *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 567.

[10] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2074; *Badian E.* Op. cit. P. 322.

[11] *Clerc M.* La bataille d'Aix. P., 1906. P. 52. В целом эту мысль принимает и А.Б. Егоров (см.: *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 48).

[12] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2074.

[13] *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 562.

[14] Сын консула 126 и внук консула 157 гг. (*Klebs E.* Aurelius (179–181) // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2514–2515).

[15] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2072 (с указанием источников).

[16] *Badian E.* Op. cit. P. 323.

[17] *Rijkhoek K.G.* Op. cit. S. 72.

[18] *Luce T.J.* Marius and Mithridatic Command // Historia. 1970. Bd. 19. Hft. 1. P. 179.

на выборы 103 г. было ограниченным, поскольку ему пришлось возвратиться в Рим для их проведения после смерти его коллеги Л. Ореста (предположительно – из числа *boni*) – возможно, в тот момент, когда само голосование уже закончилось и когда Марию, вероятно, трудно было обеспечить собственное переизбрание, не говоря уже о назначении другого человека»[19]. Однако в этих построениях слишком много «возможно» и «вероятно». Равным образом можно утверждать, что Марий появился в Городе еще до проведения голосования. Сомнительно также, что Домиция была женой Катула (см. прим. 4), но главное даже не в этом – автор не дает ответа на вопрос о том, почему Домиции не помогли Кв. Лутацию раньше. Что же до возможностей Мария повлиять на выборы, то они были не так уж малы, ибо для этого не требовалось приезжать в Рим – достаточно было дать соответствующие указания своим друзьям в Городе.

Единственный вопрос, который возникает в связи с этим: почему же консульство не получил кто-либо из Цезарей? Вероятно, по возрасту для его соискания представители этой фамилии подходили еще меньше, чем Катул. Впрочем, пройдет чуть больше десяти лет, и сразу два Цезаря победят на консульских выборах на 91 и 90 гг.

Итак, Кв. Лутаций достиг того, о чем его семья могла лишь мечтать уже больше столетия. Однако он добился высшей магистратуры в то время, когда от ее носителей требовалось не столько искусство политических интриг, сколько дарования полководцев и организаторов – шла война с германцами и галлами. Как известно, Марий проявил свои таланты в полной мере – он превратил новобранцев в настоящих воинов, а затем повел их в бой и осенью 102 г., наголову разгромил тевтонов и амбронов в битве при Аквах Секстиевых. Его коллега сражался куда менее удачно. У нас нет сведений об участии Катула в каких-либо боевых операциях до 102 г. А ведь от него требовался опыт не только солдата, но и военного организатора – без подготовленной армии о победе над такими грозными врагами не приходилось и думать. Очевидно, Катулу требовались знающие помощники. Одним из них стал Л. Корнелий Сулла – также представитель утратившей былой блеск фамилии, который, однако, успел отличиться в войне против Югурты. Сам он утверждал в мемуарах, будто уехал к Катулу потому, что устал от зависти и интриг Мария, который-де противился его дальнейшему возвышению (Plut. *Sulla.* 4.3). Однако поверить в это трудно – в тот момент Сулла был фаворитом Мария[20], никаких конкретных сведений о серьезных трениях между ними в тот момент нет – очевидно, за отсутствием таковых[21]. Надо сказать, что будущий диктатор оказался удачной кандидатурой – как известно, в необходимый момент он позаботился о снабжении продовольствием не только армии Катула, но и Мария (4. 5–6). В мемуарах, правда, Сулла

---

[19] *Lewis R.G.* Catulus and the Cimbri. 102 B.C. // Hermes. 1974. Bd. 102. P. 107. Note. 58.

[20] *Katz B.R.* Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // RhM. 1977. Bd. 120. P. 56.

[21] Тем не менее версия о вражде Мария и Суллы в тот момент как причине ухода последнего к Катулу принимается многими историками (*Инар Ф.* Сулла. Ростов-на-Дону, 1997. С. 53; *Keaveney A.* Sulla: The Last Republican. London; Canberra, 1982. P. 32). Л. Парети пишет, будто в этом случае повторялась история вражды между Марием и Метеллом (*Pareti L.* Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1953. Vol. 3. P. 467).

уверял, будто он сильно озлобил этим последнего (4.6)[22], но всерьез подобные утверждения, высказанные уже задним числом, воспринимать не приходится[23].

Армии Катула предстояло защищать альпийские перевалы от кимвров, которые вернулись из Испании, отброшенные кельтиберами (Liv. *Per.* 67). Узнав о наступлении кимвров по дороге через Бреннер, Катул двинулся вверх по долине Атесиса, чтобы остановить врагов, пока те не вышли на равнины, где им будет трудно противостоять. Под Тридентом римская конница под командованием Эмилия Скавра, сына принцепса сената, столкнулась с кимврами и потерпела поражение. Скавр-старший запретил сыну показываться ему на глаза, и несчастный покончил с собой, не выдержав позора (Liv. *Per.* 68; Front. IV.1.13; Val. Max. V.8.4; *De vir. ill.* 72.10).

Кимвры стремительным броском переправились на другой берег реки, отрезая Катулу пути отхода[24]. Римлянам нужно было отступить на другой берег реки, на котором уже стоял неприятель. Катул велел одному из отрядов имитировать сооружение лагеря на соседнем холме – возможно, по совету легатов. Кимвры наметили место для собственного лагеря и рассеялись по окрестным полям для грабежа, решив, что римляне, оставшись на этом берегу, теперь уже никуда не денутся. Воспользовавшись этой оплошностью, Катул переправился через реку (Front. *Strat.* I.5.3).

На фоне блестящей победы Мария при Аквах Секстиевых действия Катула выглядели особенно проигрышно[25]. Но, несмотря на неудачи, ему продлили командование[26] – не новость в римской истории: достаточно вспомнить о Варроне, которого сделали проконсулом после Канн[27]. Однако, исходя из идеи Бэдиана о покровительстве Мария Катулу, нарисованную им картину можно дополнить – здесь наверняка не обошлось без поддержки Мария или, по крайней мере, «дружественного нейтралитета» с его стороны. Ведь если бы он выступил против продления полномочий некомпетентному коллеге, решение могло бы оказаться не в пользу последнего.

Однако Катул продолжал терпеть неудачи – определенно, военное дело не было его стихией. Он отступил к Атесису, но кимвры начали переправляться через реку, и его воины из опасения попасть в кольцо обратились в бегство. Кв. Лутаций возглавил отступление, оправдываясь впоследствии тем, что хотел принять позор войска на себя (Plut. *Mar.* 23).

---

[22] К. Нойман высказывается более сдержанно – случившееся было лишним поводом для Мария пожалеть о том, что Сулла теперь не служит под его началом (*Neumann C.* Geschichte Roms während der Verfalles der Republik. Breslau, 1881. Bd. 1. S. 378). Думается, это, напротив, был лишний повод для Мария убедиться в правильности выбора.

[23] И уж совсем невероятно утверждение Бэйкера, будто Сулла нарочно разозлил Мария (*Baker G.P.* Sulla the Fortunate: The Great Dictator. N. Y., 1967. P. 122).

[24] *Lewis R.G.* Op. cit. P. 103.

[25] Х. Ласт сравнивает ситуацию под Тридентом с Фермопилами и замечает, что Наполеон воспользовался бы теми возможностями, которые были у Катула (*Last H.* The Wars of the Age of Marius // CAH. 1932. Vol. 9. P. 149). Это, впрочем, звучит скорее как оправдание, ибо Наполеон – личность исключительная. Между тем Катул в силу скромных природных дарований, в чем его вины нет, не мог претендовать на уровень выше посредственного. А. Кивни даже называет его «ничтожеством в военном отношении» (*Keaveney A.* Op. cit. P. 32).

[26] *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 572.

[27] *Rosenstein N.* Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley etc., 1990. P. 32–33.

Лишь один из легионов повел себя иначе – центурион-примипил Гн. Петрей из Атины убил трибуна, не решавшегося идти на прорыв, взял на себя руководство и вывел легион из окружения (Plin. *NH.* XXII.11). По-видимому, именно с Петреем и его помощниками заключили соглашение на медном быке после взятия римского лагеря кимвры, о чем пишет Плутарх (*Mar.* 23.7)[28].

На этом эпизоде следует остановиться особо, тем более что в контексте взаимоотношений Мария и Катула он, насколько мне известно, не рассматривался. Совершенно очевидно, что за убийство командира Петрею грозила смертная казнь. Однако вместо этого центуриона удостоили неслыханных для человека его ранга почестей[29] – он совершил жертвоприношение вместе с Марием и Катулом, одетый в подобавшую лишь магистратам тогу претексту, и получил почетнейший венок за снятие осады, *corona obsidionalis* (Plin. *NH.* XXII.11).

Кто стал инициатором этого награждения? На память сразу приходит эпизод с убийством трибуна Г. Лузия, которого умертвил некий воин, на чью честь тот покусился. Как известно, Марий не наказал, а наградил воина венком, хотя Лузий приходился ему племянником (Plut. *Mar.* 14.5–8; Val. Max. VI.1.12; Quint. *IO.* III.11.14; Cic. *Pro Mil.* 9). Вполне возможно, что и решение о почестях Петрею принял именно он – любопытно, что центурион удостоился их в присутствии *обоих* командующих (*adstantibus Mario et Catulo*) (Plin. *NH.* XXII.11). Кроме того, родной город Петрея, Атина, находился недалеко от Арпина – родины Мария[30]. Это тоже могло сыграть свою роль.

По отношению же к Катулу такой поступок выглядел не слишком дружественно. Ведь Петрей показал, как надо воевать, продемонстрировав решимость, отвагу и лидерские качества, которых его командующему хватило лишь на то, чтобы возглавить отступление. Рассказ Плутарха о событиях у Атесиса явно восходит к воспоминаниям Катула[31], но эпизода с Петреем в нем нет – очевидно, маститый мемуарист не захотел, чтобы читатели проводили невыгодные для него сравнения с безродным центурионом. Да и награждение воина, который убил своего командира, вопиющим образом противоречило римским представлениям о дисциплине, чтобы Катул его одобрил (хотя он не решился и наказать доблестного центуриона). Другое дело, что перед генеральным сражением с кимврами решение Мария о почестях Петрею было наилучшим, и он принимал его явно не из желания уязвить коллегу. Тому, в свою очередь, хватило здравого смысла не возражать и сделать хорошую мину при плохой игре.

Впереди было кульминационное событие всей войны – битва при Верцеллах. Она состоялась 30 июля 101 г. В ней Катул командовал центром римской армии, выдержавшим главный удар кимвров, тогда как Марий обошел их с флангов и осуществил план в духе каннской операции Ганнибала[32]. Плутарх пишет, что после боя между воинами обоих командующих завязался спор – кто сыграл решающую роль в битве? «Третейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов

---

[28] *Lewis R.G.* Op. cit. P. 107.
[29] *Инар Ф.* Указ. соч. С. 56–57.
[30] *Münzer F.* Petreius (4) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 1189.
[31] *Idem.* Lutatius. Sp. 2075.
[32] *Schur W.* Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 80.

из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула» (Plut. *Mar.* 27.7). Насколько жаркой была дискуссия, судить трудно, и какое решение вынесли пармские послы, неизвестно. Сейчас для нас важнее другое – какова роль в этом самого Катула (если эпизод вообще имел место)? Действовали его солдаты по своей инициативе или он подговорил их? Иными словами, проявил он враждебность по отношению к Марию уже тогда или позже? Никаких определенных свидетельств на сей счет нет, но сомнительно, что Кв. Лутаций столь быстро успел сориентироваться и начать интриговать против Мария сразу же после битвы.

В пользу этого говорит и новый дружественный жест арпината по отношению к Катулу. Плутарх пишет, будто «все требовали», чтобы Марий один справил оба триумфа – и над тевтонами, и над кимврами. «Но он сделал это вместе с Катулом, потому что хотел и в счастии казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести» (*Mar.* 27.9–10; см. также: Cic. *Tusc. disp.* V.56).

В рассказе Плутарха явно чувствуется недоброжелательство недругов Мария[33] – он-де хотел лишь *казаться* умеренным, а не *быть* им, может, и вовсе боялся солдат Катула (явный абсурд). Перечисление причин, по которым победитель кимвров решил все-таки отпраздновать триумф вместе с Квинтом Лутацием, наталкивает на мысль о том, как сильно желал этой почести последний – ведь именно его интересовал прежде всего вопрос об причинах такого поведения арпината, и именно он хотел показать, что никак не обязан ему триумфом.

Так или иначе, Марий вновь проявил великодушие по отношению к коллеге[34]. Очевидно, победитель кимвров пока считал его своим союзником – претензии на то, что именно он, Катул, является главным героем верцелльской баталии, прозвучат позднее. Хотя противодействия его воинов триумфу, о чем писал Плутарх, опасаться не приходилось, без нужды злить их тоже было ни к чему. Могла проявить недовольство и часть нобилитета[35]. Да и в конце концов, во время победного торжества вся слава и восторг народа, надо полагать, достались Марию, а Катул выглядел лишь его бледной тенью.

Арпинат еще после триумфа над Югуртой воздвиг монумент, к которому теперь прибавил новый. Кроме того, он за счет взятой у варваров добычи основал храм Чести и Доблести[36]. Катул же построил (также за счет добычи) роскошный особняк на Палатине, а также портик – на месте дома консула 125 г. Марка Фульвия Флакка, разрушенного в 121 г. после гибели хозяина во время гракханской смуты. И дом, и портик Катула были украшены реликвиями кимврской войны – своего рода музей боевой славы[37]. Тогда же, очевидно, он украсил двумя статуями работы Фидия (или даже построил) храм Фортуны Нынешнего Дня, которой

---

[33] По мнению Ф. Мюнцера, Плутарх повторяет мемуары Суллы (*Münzer F.* Lutatius. Sp. 2077). Но равным образом это могли быть и мемуары Катула.

[34] *Badian E.* Op. cit. P. 323.

[35] *Van Ooteghem J.* Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 229.

[36] Cic. *Sest.* 116; *Planc.* 78; *Divin.* I.59; Vitruv. III.2.5; VII. *Praef.* 17; Val. Max. VI.9.14; Suet. *Iul.* 11.

[37] Cic. *Verr.* II.4.126; *Cael.* 78; *De domo.* 102; 114; 116; 137; *Att.* IV.2.3–5; 3.2; *Q. fr.* III.1.14; Plin. *NH.* XVII.2; Val. Max. IV.3.1; Plut. *Mar.* 23.7.

принес обет в начале битвы при Верцеллах (Plin. *NH*. XVII.2; Plut. *Mar*. 26.2). Однако победного памятника, подобного мариеву, он не возвел – это была почесть редкая[38] и его заслугам явно не соответствовавшая.

Однако Катул имел иную возможность заявить о себе – он написал мемуары о недавних событиях, *Liber de consulatu et de rebus gestis* (Cic. *Brut*. 132). Они не сохранились, но оказали немалое влияние на последующую традицию[39] и даже снискали их автору в глазах некоторых современных ученых репутацию одной из интереснейших фигур римской литературы[40]. Однако нас интересуют не художественные особенности мемуаров Катула, а то, как в них отразилось его отношение к Марию. Сказалось это прежде всего на описании кульминационного события войны с кимврами – битвы при Верцеллах.

Кв. Лутаций решил показать, что именно он, а не Марий, сыграл решающую роль в разгроме кимвров. Главным доказательством этого мемуарист считал то, что доспехи, военные значки и трубы германцев были принесены в его лагерь, тогда как люди Мария расхитили невоенное имущество. Как уже говорилось, воины показывали послам из Пармы трупы врагов, пронзенные копьями с выбитым на древке именем Катула (Plut. *Mar*. 27.6–7). Кроме того, его солдаты захватили 31 из 33 германских штандартов (Eutr. V.2.2)[41]. Но это не все – Катул уверял, будто Марий выдвинул фланги, которыми сам и командовал, в надежде, что именно они сыграют решающую роль в битве, а воинам Катула вообще не придется столкнуться с врагом (Plut. *Mar*. 25.7–8)[42].

Подобные рассуждения не красят их автора вдвойне – во-первых, Катул проявлял неблагодарность по отношению к Марию, а во-вторых, изложенные им аргументы были либо ложью, либо ее худшим видом – полуправдой. Кто мог через несколько месяцев (а то и лет) проверить, что именно принесли воины в его лагерь, а что – в мариев? О результатах же «третейского суда» послов из Пармы Плутарх дипломатично умалчивает, но даже если они и признали правоту воинов Катула, то удивляться не приходится – пармских делегатов было нетрудно обмануть[43], показав им тот участок, где солдаты Мария просто не появлялись.

Не должно вводить в заблуждение и число захваченных штандартов. В ходе битвы воины Мария нанесли удар по кимврской пехоте с тыла[44], а когда оба фланга сомкнулись за спиной у германцев и исход битвы стал ясен, они атаковали лагерь врага[45]. Трофеи же, находившиеся на поле боя, достались в основном солдатам Катула. Боевые значки германцы несли либо впереди, либо в глубине строя. Туда легионеры Мария просто не стали прорубаться за отсутствием необходимости, потому-

---

[38] *Itgenshorst T. Tota illa pompa*. Der Triumph in der römischen Republik. Göttingen, 2005. S. 104.

[39] *Van Ooteghem J.* Op. cit. P. 16–17; *Badian E.* Op. cit. P. 324. Note. 49.

[40] *Bardon H.* La littérature latine inconnue. P., 1952. T. 1. P. 115.

[41] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2077.

[42] То же писал и Сулла (Plut. *Mar*. 25.7), который, как предполагается, пользовался мемуарами Катула (*Bardon H.* Op. cit. T. 1. P. 120; *Van Ooteghem J.* Op. cit. P. 15–16), а может, просто повторял разговоры, звучавшие в штабе Катула еще в 101 г.

[43] *Valgiglio E.* Plutarco. Vita di Mario. Firenze, 1956. P. 125.

[44] *Van Ooteghem J.* Op. cit. P. 225; *Keaveney A.* Op. cit. P. 34.

[45] *Weynand R.* Marius // RE. 1935. Splbd. 6. Sp. 1395. К слову сказать, сражение за него было тяжелым – лагерь обороняли даже женщины (см.: Plut. *Mar*. 27.1–4; Oros. V.16.17).

то им и досталось так мало германских штандартов. Но их славы это, естественно, не умаляет[46].

Рассуждения же о том, будто Марий нарочно выдвинул вперед фланги, чтобы легионам Катула не пришлось сразиться с врагом, и вовсе не приходится воспринимать всерьез[47]: его воины были хуже подготовлены, чем ветераны Мария[48], и главнокомандующий предпочел поставить перед ними оборонительную задачу, поскольку наступательные действия требуют большего опыта и выучки. Если бы легионы Катула получили приказ наступать и они потерпели бы неудачу, последний потом утверждал бы, будто его людей нарочно бросили в атаку на слишком сильного врага, чтобы погубить.

Не приходится отрицать, что центр под руководством Катула и Суллы сыграл немалую роль в битве, но, во-первых, отнюдь не вопреки плану главнокомандующего, как уверяли оба этих военачальника, и, во-вторых, без умелого обходного маневра, осуществленного Марием, столь внушительного успеха достичь бы не удалось[49].

Почему же Катул пошел на откровенную ложь и повел себя столь неприглядно по отношению к Марию? Причин тому несколько. Прежде всего, конечно, он завидовал «выскочке»-арпинату[50]. Ему было мучительно сознавать, насколько его слава уступает мариевой[51]. Однако дело не только в этом. Его, очевидно, терзала мысль о том, что он кругом обязан Марию, который сделал его консулом и поделился с ним славой победы и триумфа. А ведь он, Катул, – представитель древнего рода, чей пращур завершил битвой при Эгатских островах Первую Пуническую войну. И ему, потомку выдающихся героев прежних времен, было тяжело чувствовать себя должником *homo novus*, предки которого не достигли даже квестуры.

Но не одного Мария задел Катул. «Жертвой» его пристрастности оказался и будущий смертельный враг арпината – Сулла, много сделавший для успеха легионов Катула при Верцеллах[52]. Однако о его заслугах мемуарист, судя по всему, умолчал[53] – либо всерьез уверовав в то, что при Верцеллах все и впрямь сделано им, Катулом, либо не желая делиться славой с недавним фаворитом Мария[54].

Не вполне понятно, когда Катул опубликовал мемуары. Высказывалось предположение, что он сделал это уже в конце 101 г., чем создал определенные затруднения для Мария при соискательстве консулата на 100 г.[55] Однако такая быстрота представляется маловероятной – бит-

---

[46] В целом я придерживаюсь здесь версии К. Фелькля: *Völkl K.* Zum taktischen Verlauf der Schlacht bei Vercellae 101 v. // Rhm. 1954. Bd. 97. S. 87–88.

[47] *Fröhlich F.* Cornelius (392) // RE. 1901. Bd. 4. Sp. 1526.

[48] *Carney T.F.* Marius' Choice of Battle-Field in the Campaign of 101 // Athenaeum. 1958. Vol. 36. P. 232.

[49] См.: *Weynand R.* Op. cit. Sp. 1395.

[50] *Luce T.J.* Op. cit. P. 180.

[51] *Badian E.* Op. cit. P. 324.

[52] По остроумному замечанию Дж. Бэйкера, на трофеях, выставленных Катулом, можно было написать: «Дар Луция Корнелия Суллы» (*Baker G.P.* Op. cit. P. 129).

[53] *Keaveney A.* Op. cit. P. 35. Остается лишь удивляться рассуждениям Бэйкера о том, что Катул был не более чем марионеткой в руках Суллы (*Baker G.P.* Op. cit. P. 138).

[54] В то же время Сулла отзывается в мемуарах о Катуле лояльно, ибо тот стал мучеником аристократии, а его сын – верным сподвижником самого Суллы (*Katz B.R.* Op. cit. P. 56). Сыграла свою роль, конечно, и ненависть к Марию.

[55] *Weynand R.* Op. cit. Sp. 1399; *Van Ooteghem J.* Op. cit. P. 16.

ва при Верцеллах состоялась 30 июля, а выборы – вряд ли позднее ноября. Сомнительно, чтобы за это время Катул успел написать должным образом отделанное сочинение, да еще и успеть опубликовать его.

В 100 г. Катул в числе других оптиматов выступил против Сатурнина (Cic. *Pro Rab.* 21; 26; *Phil.* VIII.15). Правда, у Цицерона речь идет лишь о последних днях борьбы с Сатурнином, когда против мятежного трибуна был издан *senatusconsultum ultimum*. Но весьма вероятно, что Катул противостоял ему и раньше, когда тот еще не рассорился с Марием, а потому был врагом и самого Мария.

Победитель германцев, таким образом, ошибся, если надеялся на поддержку со стороны Катула, когда оказывал ему поддержку в 103–101 гг. Кв. Лутаций поступил, как и многие другие нобили в то время – перешел на сторону Мария, когда тот был силен, и покинул, когда влияние последнего пошатнулось. А ведь он получил от него гораздо больше других – речь шла не только о консулате, но и восстановлении репутации «захудавшей» фамилии, и именно Катул сделал куда больше других, чтобы подорвать репутацию своего бывшего покровителя. О каких-либо его попытках отомстить неблагодарному коллеге в 90-х годах сведений нет – по-видимому, за отсутствием возможности.

А вот у Кв. Лутация такая возможность по отношению к Марию появилась. В 88 г., как известно, плебейский трибун П. Сульпиций добился принятия серии законов, в том числе и о передаче командования в войне с Митридатом от Суллы Марию. Сулла в ответ взял Рим и провел постановление, объявлявшее врагами Мария, Сульпиция и их приверженцев. Катул активно выступил в поддержку этого постановления, за что Аппиан (*BC.* I.74.341) справедливо обвинил его в неблагодарности по отношению к арпинату (ἀχαρίστῳ δ’ ἐς αὐτὸν).

Но прошло немногим более года, и настала очередь Мария нанести ответный удар. Старый полководец вернулся в Рим вместе с Цинной, и началась расправа с неугодными нобилями. Марий теперь смог отомстить «всей своре аристократов, которая отравляла ему радость побед и подливала горечь к его поражениям. За каждый булавочный укол он мог отплатить ударом кинжала»[56]. Погибли Марк Антоний, отец и сын Крассы, Публий Лентул, Атилий Серран, Луций и Гай Цезари – единоутробные братья Катула. Но сам он, как и консул-суффект Л. Корнелий Мерула, назначенный на эту должность после бегства Цинны, избежали мечей убийц – их вызвали в суд (Diod. XXXVIII.4.2–3; App. *BC.* I.74.341–342). Почему именно им была оказана такая «честь»? В источниках на сей счет сведений нет. Х. Беннет полагает, что они стали жертвой личной вражды – Цинна требовал смерти Мерулы, осмелившегося занять консульскую должность, которой его Цинну, незаконно лишили, а Марий жаждал отомстить неблагодарному Катулу[57]. «Однако в обоих случаях речь шла о личной вражде, и весьма вероятно, что более умеренные лидеры [победившей] группировки, в особенности Серторий, возражали против упрощенной процедуры в отношении столь уважаемых граждан в угоду одной лишь личной ненависти»[58]. Но тогда возникает вопрос, почему

---

[56] *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 228.

[57] К. Нойман ошибается, приписывая расправу над Мерулой Марию (*Neumann C.* Op. cit. Bd. 1. S. 556).

[58] *Bennett H.* Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 B.C. Diss. Menasha, 1923. P. 28. С позицией Сертория связывает

аналогичные соображения не повлияли на «оформление» расправы с Гн. Октавием, Л. Цезарем, П. Крассом, М. Антонием, людьми ничуть не менее уважаемыми в среде нобилитета, занимавшими в разное время консульскую должность, из которых двое последних были к тому же триумфаторами. Марианцы не сочли нужным даже повременить с убийством Октавия до сложения им полномочий консула.

Думается, что этих людей не стали предавать суду по самой простой причине – отсутствовал сколь-либо серьезный материал для обвинения. А вот с Мерулой и Катулом ситуация была иной. Первому, несомненно, могло быть инкриминировано незаконное занятие высшей магистратуры после нелегитимного отрешения Цинны от консульской должности. Обвинения же против второго, как предполагается, носили надуманный характер[59]. Но так ли это на самом деле? Аппиан, упоминая о выступлении Катула в поддержку декрета об изгнании Мария, имел в виду не просто поведать об одном из примеров обоюдной вражды, но и назвать причину обвинения. Соответствующее постановление являлось, в сущности, незаконным[60] и повлекло за собой убийство плебейского трибуна, а потому имелись серьезные основания для вынесения смертного приговора[61]. Обвинение предъявил племянник полководца, плебейский трибун М. Марий Гратидиан[62]. Процесс, очевидно, должен был носить характер *iudicium populi* с троекратным вызовом обвиняемого (*anquisitio*)[63], а обвинение, если таковое выдвигалось, – форму *perduellio*[64]. Цицерон и Плутарх рассказывают, что Мария просили пощадить Катула[65], но в ответ на все уговоры следовал неизменный ответ: «Он должен умереть!» (Cic. *Tusc. disp.* V.56; Plut. *Mar.* 44.8). Произносилась эта фраза в действительности или нет, не столь уж важно – приговор явно был предопределен заранее[66]. Не желая подвергать себя психологической пытке, Катул предпочел ускорить неизбежный конец – заперся у себя в доме, разжег угли в очаге и задохнулся в дыму (Plut. *Mar.* 44.8; App. *BC.* I.74. 342; Diod. XXXVIII.4.3; Vell. II.22.4; Val. Max. IX.12.4).

Подведем итоги. По-видимому, Марий рассчитывал на то, что Катул окажется его верным соратником в благодарность за консулат, триумф и прочие милости. Однако случилось обратное – гордый нобиль проникся неприязнью к облагодетельствовавшему его «новому человеку».

отказ от бессудной расправы с Катулом и Мерулой и Э. Габба – правда, без ссылки на Х. Беннета (*Gabba E.* Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 201).

[59] *Bennett H.* Op. cit. P. 27.

[60] *Seager R.* Sulla // CAH². 1994. Vol. 9. P. 171. [61] Поэтому Габба лишь отчасти прав, считая, что в отношении Катула процесс носил фиктивный характер (*Gabba E.* Op. cit. P. 201).

[62] Schol. Bern. ad Lucan. II. 173, p. 62 U; *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2079; *Gabba E.* Op. cit. P. 201.

[63] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2079; *Gabba E.* Op. cit. P. 201–202.

[64] *Gruen E.S.* Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 233.

[65] Диодор даже пишет, будто Катул явился к Марию сам (XXXVIII.4.3), однако более правдоподобной представляется версия Цицерона и Плутарха (*Bennett H.* Op. cit. P. 27. Note. 15).

[66] *Münzer F.* Lutatius. Sp. 2079.[1] Sources for Roman History 133–70 B.C. / Ed. by *A.H.J. Greenidge, A.M. Clay, E.W. Gray.* Oxf., 1960. P. 233.

По-видимому, он ощутил то, о чем писал Флор, когда говорил о настроениях заговорщиков, готовивших убийство Цезаря: «Милосердие первого в государстве человека было побеждено ненавистью, а сама возможность получать благодеяния была невыносимо тяжела для свободных людей» (II.13.92 (IV.2.92), перев. А.И. Немировского). Катул пытался содействовать гибели Мария, поддержав решение убить его без суда, но не добился успеха. Но когда настал черед Мария нанести ответный удар, он оказался смертельным. Однако Марий, сам того не желая, оказал немалую услугу памяти Катула – его мемуары вскоре почти перестали читать (Cic. *Brut.* 133), а вот ореол мученика в моральном отношении возвысил его над арпинатом. При этом слава победителя кимвров и спасителя Рима, которой добивался тщеславный Кв. Лутаций, навсегда осталась за Марием.

ANTONII KOROLENKOV VICTORIS F. (MOSCOVIENSIS)

DE C. MARIO DEQVE Q. LVTATIO CATULO QVAEQVE NECESSITVDO INTER HVNC VIRVM NOBILISSIMVM ET ILLVM HOMINEM NOVVM INTERCESERIT

Homines noui Romae in cursu honorum perficiendo plerumque a uiris nobilibus adiuuabantur. aliter C. Mario et Q. Lutatio Catulo accidit: nam Ernestus Badian, uir eruditissimus, Arpinatem operam dedisse putat, ut homo ab illo uiro, qui ad Aegates uicit, oriundus, consul fieret, quoniam hic Iuliorum affinis, ipse uero cognatus Iuliorum fuerit. Mario opitulante senatus Catulo imperium proconsulare prorogasse uidetur, tametsi hic cum Germanis in Alpibus gloria permodica pugnauit. simul Marius praemium dedit Petreio tribuno militari, qui meliore Marte, quam Catulus imperator eius, militauit. Arpinas cum Q. Lutatio triumphauit ideoque gloriae Marianae particeps factus est. at Mario inuidebat et in libro “De consulatu et de rebus gestis” uictoriam Vercellensem sibi uindicauit, Marium autem, uictorem uerum, derisit. Roma a Sulla capta Catulus edicto de Mario et Sulpicio aliisque suffragatus est. Sulpicius igitur, tribunus plebis sacrosanctus, periit, qua re causa data erat ad Catulum iudicio populi damnandum et supplicio capitali afficiendum; itaque Catuli accusatio, contra opiniones nonnullorum rerum scriptorum recentiorum, non est omnino falsis rationibus nixa existimanda. Q. Lutatius mortem sibi conscisse maluit.

Ю.Б. Циркин

ВОССТАНИЕ ЛЕПИДА

Среди всех антидемократических мероприятий Суллы наиболее наглядным и вызывающим по отношению к плебсу было резкое ограничение трибунских полномочий и фактическое лишение трибунов их политического значения. Поэтому и вопрос об отмене именно этих мер встал почти сразу же после отставки диктатора. Сулла явно еще был жив, когда, по свидетельству Лициниана (XXXVI.33. Criniti)[1], трибуны обратились к консулам 78 г.[2] М. Эмилию Лепиду и Кв. Лутацию Катулу с призывом восстановить трибунские полномочия. Однако консулы отказались, и Лепид на созванной сходке заявил, что это восстановление не является полезным. Это как будто противоречит известной из других источников позиции Лепида, однако речь может идти о более раннем времени[3]. Хотя Лепид в первый момент решительно выступил против трибунской инициативы, она, может быть, подтолкнула его к переходу на противоположные позиции.

К концу правления Суллы внутри сулланской «партии» возникла фрондирующая группировка. Первые признаки неподчинения диктатору появились уже вскоре после победы. Кв. Лукреций Офелла попытался вопреки его воле выставить свою кандидатуру в консулы. В ответ Сулла приказал его убить (Liv. *Per.* 89; App. *BC.* I.101; Plut. *Sulla.* 33). И Аппиан, и Плутарх отмечают, что сначала Сулла пытался отговорить Офеллу и лишь после его решительного отказа и попытки опереться на народ принял решительные меры. Это говорит о том, что он не хотел «выносить сор из избы» и намеревался решить дело в своем кругу, и лишь вызывающее неповиновение Офеллы заставило его действовать открыто и жестоко. Конечно, определенную роль в занятии диктатором такой жесткой позиции сыграло его нежелание нарушать только недавно восстановленный порядок занятия магистратур, да и обращение Офеллы к народу не могло не испугать его[4], тем более что Офелла, по свидетельству Цицерона (*Brut.* 178), был довольно умелым оратором на сходках, так что он вполне мог вызвать нешуточные волнения в Риме, да к тому же ранее являлся видным марианцем (Vell. II.27.4), что тоже могло вызвать подозрение Суллы. Но, казалось бы, обоснование убийства нарушением закона и желанием не допустить новых волнений было бы гораздо менее циничным и хоть как-то прикрытым маской законности. Однако Сулла предпочел хладнокровно объяснить свой поступок неподчинением ему своего соратника. Аппиан пишет, что подобными поступками и их объяснениями он запугал римлян. Думается, однако, что реальным адресатом Суллы в данном случае был не столько римский народ, уже достаточно запуганный, сколько его собственные сторонники. По Аппиану, Офелла в своих притязаниях опирался на свои заслуги, а именно победу над Марием-младшим, что привело к окончанию гражданской войны в Италии. Но заслуги перед Суллой имели и другие его

---

[2] Все даты – до н.э.

[3] *Scullard H.H.* Storia del mondo romano. Milano, 2002. T. 2. P. 133.

[4] *Münzer F.* Lucretius // RE. 1927. Hbd. 26. Sp. 1687; *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 159, 190.

соратники, и они тоже вполне могли, опираясь на свои деяния, претендовать на особое положение, чего диктатор допустить не мог. Циничным и бессудным убийством Сулла ясно показывал свою решимость не допустить никакого неповиновения себе, невзирая ни на какие заслуги в недавнем прошлом. На какое-то время это, по-видимому, ему удалось. Но через некоторое время разногласия в сулланском лагере все же появились. И можно говорить даже о появлении определенной оппозиционной группировки, хотя даже никак не оформленной.

Наиболее ярким ее представителем являлся Помпей, не только получивший триумф вопреки воле диктатора, но и осмелившийся открыто назвать себя восходящим солнцем в противоположность заходящему солнцу – Сулле (Plut. *Pomp.* 14). Недаром в Риме распространялись слухи об отпадении Помпея с его победоносным войском от Суллы, и основанием для этого была безусловная верность воинов Помпею, которого, как им казалось, Сулла незаслуженно хотел лишить командования (*Pomp.* 13). Сам Помпей в тот момент проявил полную лояльность и с трудом убедил солдат отказаться от неповиновения верховной власти. Но сам этот случай был грозным признаком, и Сулла предпочел воздать всяческие почести Помпею, чтобы взять ситуацию в свои руки. По словам Плутарха (*Pomp.* 15), Сулла был очень недоволен растущей популярностью Помпея, но поделать с этим ничего не мог. Подлинное отношение он выразил лишь в том, что обошел его в своем завещании (Plut. *Sulla.* 38). Уже в это время с Помпеем, возможно, был связан будущий консул и цензор Гн. Корнелий Лентул Клодиан, который (добровольно или нет) покинул Рим во время господства марианцев и вернулся только с прибытием в Италию Суллы (Cic. *Brut.* 308, 311)[5]. В немилость у диктатора попал Красс (Plut. *Crass.* 6). Основанием для этого, если верить Плутарху, было самовольное внесение последним кого-то в проскрипционные списки ради собственно обогащения. Именно самоволие Красса и вызвало неудовольствие Суллы, который отказался от всех его услуг. Здесь интересен еще один момент: и Помпей, и Красс были среди наиболее активных соратников будущего диктатора и, как и Офелла, в огромной степени способствовали его победе[6]. Сулла явно стремился дистанцироваться, по крайней мере, от части тех, кто привел его к власти. К этой группе принадлежал и Лепид.

Лепид принадлежал к самым «сливкам» римской аристократии. Предание возводило род Эмилиев или к дочери Энея Эмилии, или к его внуку (сыну Юла–Аскания) Эмилу[7]. Уже в 484 г. до н.э., т.е. всего приблизительно через четверть века после установления республики, Л. Эмилий Мамерк становится консулом. Из Лепидов, которые являлись одной из ветвей рода Эмилиев, первым достиг консулата М. Эмилий Лепид в 285 г. Другой Марк Лепид дважды был консулом, прославился

---

[5] *Suolahti J.* The Roman Censors. Helsinki, 1963. P. 458.

[6] В гражданской войне огромную помощь Сулле оказал Кв. Цецилий Метелл Пий. Сулла, к тому же являвшийся его родственником, всячески Метелла почтил и сделал его вместе с собой консулом в 80 г. Но после завершения консульского года он предпочел отправить Метелла в далекую Испанию для борьбы с Серторием. Конечно, Серторий уже начал представлять опасность для сулланского режима, но не исключено, что еще одним мотивом посылки Метелла в Испанию явилось и желание отослать как можно дальше еще одного полководца, которому Сулла был обязан своей победой.

[7] *Gundel H.G.* Aemilius // KP. 1979. Bd. 1. Sp. 90.

своими победами, в 178 г. был избран цензором, а затем верховным понтификом и принцепсом сената; с его именем связана постройка Эмилиевой дороги и базилики в самом Риме[8]. Герой настоящей статьи активно участвовал в гражданской войне на стороне Суллы, взяв на ее последнем этапе упорно сопротивлявшуюся Норбу, чем закончил эту войну на италийской почве (App. *BC*. I.94)[9]. Он, несомненно, обогатился во время проскрипций, в чем сам позже признавался, оправдываясь тем, что не был бы в безопасности, если бы поступал честно (*recte* – Sall. *Hist*. Frag. I.55.18[10]). Это не помешало его дальнейшей карьере[11]. В 80 г. Лепид был пропретором Сицилии (Cic. *II Verr*. III.212); следовательно, в предыдущем году он занимал пост претора[12]. Управлял он провинцией столь для себя выгодно, что после возвращения в Рим построил себе самый роскошный в городе дом, который стал первым римским жилищем, украшенным нумидийским мрамором (Plin. *NH*. XXXVI.49; 109). Часть денег Лепид потратил на восстановление построенной его предком Эмилиевой базилики (Plin. *NH*. XXXV.13), на что намекает и денарий того времени[13]. Однако после возвращения из Сицилии его дальнейшая карьера оказалась под угрозой. Братья Кв. Цецилий Метелл Целер и Кв. Цецилий Метелл Непот, только вступавшие на политическое поприще, за грабежи в провинции привлекли Лепида к суду (Ps.-Ascon. P. 206). Но любовь народа к Лепиду была такова, что обвинители сами отказались от своего обвинения под тем предлогом, что Лепида поддерживает их родственник Помпей, а сам обвиняемый слишком популярен[14].

Метеллы принадлежали к самым верным сподвижникам Суллы. Кв. Метелл Пий во время гражданской войны был одним из наиболее активных сулланских полководцев. В 80 г., т.е. во время пропретуры Лепида в Сицилии, он вместе с самим Суллой был консулом, а в следую-

---

[8] *Gundel H.G.* Lepidus // RE. 1896. Bd. 3. Sp. 576–577; *Suolahti J.* Op. cit. P. 358–361.

[9] Существует мнение, что Лепид, взявший Норбу, – это Мамерк Лепид Ливиан, а Марк Лепид никаких услуг Сулле не оказывал (см.: *Badian E.* Waiting for Sulla // JRS. 1962. Vol. 52. P. 53; *Syme R.* Sallust. Berkeley; Los Angeles, 1964. P.184). Но в таком случае совершенно непонятно, за какие заслуги Сулла сделал его претором, а затем и пропретором Сицилии. В условиях уже практически совершившейся победы Суллы взятие Норбы не требовало особых полководческих талантов, и Лепид, как пишет Аппиан, взял город лишь с помощью измены. О военных способностях Ливиана тоже ничего неизвестно. Позже, когда он в 77 г. будет консулом вместе с Д. Юнием Брутом, он, как и его коллега, откажется отправиться в Испанию на войну с Серторием, что и вызовет ироническое замечание Л. Мария Филиппа – Помпей отправляется туда не *pro consule*, а *pro consulibus*. Это может свидетельствовать об отсутствии военных талантов у обоих консулов – и у Брута, и у Ливиана.

[10] Нумерация фрагментов «Истории» Саллюстия дается по изданию: *Maurenbrecher B.* C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae. Lipsiae, 1891–1893. Fasc. 1–2.

[11] Это показывает, что причиной охлаждения Суллы к Крассу было не лихоимство последнего, а именно его своеволие.

[12] Коллегой Лепида по претуре был, вероятно, Л. Фуфидий, бывший центурион и, как считали некоторые авторы, непосредственный инициатор составления проскрипционных списков (Plut. *Sulla*. 31). В следующем году он в качестве пропретора уже сражался в Испании против Сертория (*Münzer F.* Fufidius // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 201; *Гурин И.Г.* Серторианская война. Самара, 2001. С. 58–69). Лепид сохранил навсегда ненависть к своему коллеге, которого он в своей речи, о которой будет говориться позже, чуть ли не единственного из сулланских руководителей относительно высокого ранга назвал прямо по имени, причем для большего презрения обозвал его в женском роде *ancilla*, хотя в момент произнесения речи Фуфидий уже не играл никакой роли.

[13] *Klebs.* Aemilius // RE. 1893. Hbd. 1. Sp. 554.

[14] *Ooteghem J. van.* Les Caecilii Metelli de la république. Bruxelles, 1967. P. 245.

щем году Сулла направил его в Испанию воевать с Серторием. О том, что за спиной Метеллов, несомненно, стоял сам Сулла[15], говорит его отношение к Лепиду. По словам Плутарха (*Pomp.* 15; *Sulla.* 34), диктатор назвал Лепида самым худшим из всех людей (τὸν πάντων κάκιστον). С чем связано такое резкое изменение отношения Суллы к своему верному сподвижнику, сказать точно трудно. Можно лишь предполагать, что Лепид попытался слишком наглядно выразить свои политические амбиции. Само восстановление Эмилиевой базилики явилось довольно вызывающим жестом, долженствующим напомнить римлянам о древности и знатности рода Эмилиев, ничем не уступавших Корнелиям, а чеканка в честь этого события монеты еще более подчеркивала политическую значимость акта: базилику построил предок Лепида, достигший величайшего почета, в то время как предок Суллы был изгнан из сената, а начало жизни самого Суллы было скудным и безвестным, так что впервые он прославился лишь как квестор Мария (Plut. *Sulla.* 1; 3). Такое противопоставление не могло не раздражать всесильного диктатора. Зато Лепида активно поддержал Помпей, который, как отметил Плутарх, и добился для него благосклонности (εὔνοια) народа[16]. Эта благосклонность сыграла на руку Лепиду при его обвинении Метеллами.

Можно говорить, что в 79 г. в ранее едином сулланском лагере образовались две соперничающие группировки. К одной из них принадлежали Катул и Метеллы, и их активно поддерживал сам Сулла. Но уже гораздо большее значение начала приобретать группа, возглавляемая Помпеем, хотя тот и стал к этому времени родственником Метеллов. На сторону Помпея перешел консул этого года П. Сервилий Ватия, добившийся для Помпея триумфа. Его сторонником стал и Лепид. Красс, как кажется, в этом соперничестве не участвовал, но его удаление Суллой от всех дел превращало его в несомненного оппозиционера.

При поддержке Помпея Лепид выдвинул свою кандидатуру в консулы на 78 г. Сулла решительно воспротивился этому выбору, зато всячески поддерживал Катула[17]. Сам Сулла в это время, как кажется, официально уже был частным человеком, сложив с себя власть (Plut. *Sulla.* 34; App. *BC.* I.103; Oros. V.22.1), однако влияние его, несомненно, было еще очень велико, а страх перед ним далеко еще не ушел из душ римлян. Несмотря на это, Лепид не только был избран, но и получил больше голосов, чем Катул (Plut. *Sulla.* 34; *Pomp.* 15). Как уже говорилось, недавно против воли Суллы свою кандидатуру в консулы выдвинул Офелла; взятие им Пренесте, как и Норбы Лепидом, закончило войну в Италии. История с Лепидом, казалось бы, зеркально повторяла ситуацию с выдви-

---

[15] *Hayne L.*M. Lepidus (cos. 78): Re-Apprisal // Historia. 1972. Bd. 31. Hft. 4. P. 662–663.

[16] Известно, что по настоянию Суллы Помпей женился на его падчерице Эмилии (Plut. *Sulla.* 33; *Pomp.* 9). Однако Эмилия к этому времени уже умерла, и Помпей женился на родственнице Метеллов (ср.: *Горбулич И.С.* Династический брак как политическое орудие в карьере Помпея Великого // Мнемон. СПб., 2006. Вып. 5. С. 291). Так что к политическому сближению Помпея и Лепида этот брак отношения не имеет.

[17] Предполагают, что вторым кандидатов в консулы, которого поддерживал Сулла, был Мамерк Эмилий Лепид Ливиан: *Badian E.* Op. cit. P. 61. Note. 17; *Hayne L.* Op. cit. P. 663. Note. 12. Основанием для этого является сообщение Цицерона (*De offic.* II.58), что Мамерк потерпел неудачу при соискании консульства. Т.к. он был консулом в 77 г., то считается, что его неудача относится к консульским выборам предыдущего года. Ливиан был одним из самых верных и преданных сторонников Суллы (Suet. *Iul.* 1.2–3). Избрание Катула и Ливиана, несомненно, гарантировало бы сохранение сулланского режима.

жением Офеллой своей кандидатуры. Правда, Лепид не нарушил закона, который предписывал существование, по крайней мере, двухлетнего перерыва между двумя магистратурами (Cic. *Phil.* XI.5.17)[18]: между его претурой и предполагаемым консульством и должны были пройти два года, из которых один он был пропретором Сицилии, а второй – частным человеком. Но, зная характер Суллы, едва ли можно сомневаться, что в другое время этот закон не стал бы для него препятствием для наказания неугодного кандидата, даже если он формально уже диктатором не был. Однако активная поддержка Лепида суперпопулярным не только в народе, но и в армии Помпеем заставила его смириться[19]. Он лишь ограничился язвительностью по отношению к Помпею, который, по его словам, предпочел худшего лучшему, предсказанием тому будущей враждебности со стороны нынешнего протеже, да исключением Помпея из числа наследников (Plut. *Sulla.* 34; 38; *Pomp.* 15). Избрание Лепида показало, что ужас от сулланского террора в Риме начал проходить[20].

Ставшие в 78 г. консулами Лепид и Катул ненавидели друг друга (ἐχθίστω τε ἀλλήλοιν), и раздоры между ними начались сразу же (εὐθύς) после вступления в должность (App. *BC.* I.105). Аппиан намекает на принципиальные разногласия между ними, говоря, что Катул был из сулланцев, а Лепид из противоположной партии (ἀπὸ τῶν ἐναντίων). Орозий (V.22) называет Лепида защитником марианской партии (*adsertor Marianae partis*). Вероятно, уже сразу после вступления в должность Лепид, хотя и был ранее не менее активным сторонником Суллы, чем Катул, высказался за изменения в установленном Суллой порядке. По-видимому, это вдохновило трибунов, которые, как было сказано, явились к консулам с призывом о восстановлении их власти. Но в тот момент Лепид не решился на такой шаг и даже первым высказался против этого. Вместо этого он выступил с речью, в которой пообещал провести хлебный закон, предусматривающий распределение хлеба по пять модиев, амнистию изгнанникам и возвращение бывшим владельцам земель, на которые Сулла поселил своих ветеранов[21]. Разумеется, программа, предусматривавшая отмену многих действий Суллы (*res gestas a Sulla rescindere*), не могла быть выдвинута во время диктатуры. Но очень вероятно, что какие-то ее элементы были известны и, может быть, даже подспудно использовались в предвыборной агитации. Недаром, как говорилось выше, поддержка народа спасла будущего консула при попытке обвинения. И это могло быть основанием для резкого неприятия Лепида диктатором.

---

[18] *Чеканова Н.В.* Указ. соч. С. 187.

[19] Вполне возможно, что существовал еще один мотив смирения Суллы: если он к этому времени действительно уже отказался от диктатуры, то явно хотел подчеркнуть свое невмешательство в выбор народа и демонстративное повиновение законам. Можно вспомнить рассказанную Аппианом (*BC.* I.104) историю о мальчике, который ругал Суллу, на что тот не реагировал, сказав лишь, что другой на его месте от власти уже не откажется.

[20] P. Сайм предположил, что Сулла разыграл комедию и у него никакого другого кандидата не было, а на деле он против Лепида не выступал, скорее, наоборот, стремился привлечь к себе представителя старинного патрицианского рода, чтобы гарантировать сохранение своей обновленной и в то же время традиционной республики (op. cit. P. 184–185). Однако Плутарх очень ясно говорит о недовольстве Суллы избранием Лепида. А то, что нет ясных упоминаний о другом кандидате, кроме Катула и Лепида, объясняется содержанием рассказа, поскольку Плутарху было важно отношение Суллы к поддержке Помпеем Лепида, а не точное изложение событий 79 г.

[21] Sources for Roman History 133–70 B.C. P. 233.

Во всяком случае, такая четкая программа едва ли была плодом экспромта.

Итак, в программе Лепида выделяются три основных положения, и первое – возобновление хлебных раздач. Такие раздачи начали практиковаться в Риме с конца второй Пунической войны[22], но политическое значение они приобретают со времени Гая Гракха, проведшего специальный закон (Plut. *Gracch.* 5; App. *BC.* I.21; Liv. *Per.* 60). Аппиан в связи с этим отмечал, что проведением этого закона Гай добился расположения народа и своего избрания на следующий год, а позже Орозий (V.12) утверждал, что такими раздачами римский народ часто ввергался в жесточайшие смуты. Сулла эти раздачи решительно отменил[23]. Можно спорить о мотивах этого действия Суллы и видеть в нем лишь экономическую меру[24], но его направленность против городского плебса оспорена быть не может. Лепид предлагал не восстановить продажу хлеба по дешевым ценам, а сделать раздачу вовсе бесплатной[25]. Изгнанниками, которых Лепид обещал вернуть на родину, были уцелевшие жертвы проскрипций. Их число точно неизвестно, но Аппиан (*BC.* I.95–96) говорит о погибших сенаторах и всадниках, а также об италиках, поддерживавших марианцев. Третье положение – возвращение земли. Сулла беспощадно конфисковывал земли и раздавал их своим ветеранам (Cic. *Leg. agr.* I.7.21; II.29.81). По словам Аппиана (*BC.* I.104), в Италии получили от Суллы участки 120 тысяч человек. Можно только вообразить, сколько для этого было изгнано бывших владельцев, в основном из числа италиков. В результате действий Суллы, особенно его репрессий, обезлюдел Самний (Strabo. V.4.11). В это время большое число этрусков покидает Италию и переселяется в Африку[26], и почти исчезает этрусская цивилизация[27]. Смена собственников происходит и во многих других регионах Италии[28]. Таким образом, программа Лепида была направлена на приобретение поддержки городского плебса, италийского крестьянства и пострадавшей части двух высших сословий. Консул явно стремился объединить вокруг своей фигуры всех недовольных Суллой.

Каковы были субъективные мотивы занятия Лепидом столь ясной антисулланской позиции, сказать трудно. Как уже говорилось, он примкнул к фрондирующей группировке внутри сулланского лагеря. Возможно, что на это его подвигли неприятности по поводу его управления Сицилией. В тот период Лепид явно находился в тени Помпея, который и помог ему добиться консульства. Уход Суллы с политической сцены мог вдохновить Лепида и на более смелые мечты. Не имея практически никакого авторитета в армии и не будучи столь популярным, как Помпей, он мог рассчитывать только на демагогию, на привлечение к себе широкого круга оппозиции определенной программой, имея образцом не столько Мария и Суллу, сколько Гая Гракха. Такую программу он и выдвинул вскоре после вступления в должность.

---

[22] *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 127.

[23] Sources for Roman History 133–70 B.C. P. 216.

[24] *Чеканова Н.В.* Указ. соч. С. 198.

[25] *Rostouzew M.I.* Frumentum // RE. 1910. Hbd. 13. Sp. 173–174.

[26] *Heurgon J.* Inscriptions étrusques de Tunisie // CRAI. 1969. P. 547–549.

[27] В это время на юге Этрурии перестали говорить на этрусском языке. См.: *La Penna A.* L'unificazione linguistica dell'Italia // La tarde repubblica e il principate. Milano, 1983. P. 397.

[28] *Levi M.A.* L'Italia antica. Milano, 1991. P. 213–216.

Логика борьбы очень быстро привела к радикализации идей и действий Лепида. Об этом можно судить по речи, которую излагает Саллюстий (*Hist. Frag.* I.55). Известно, что Саллюстий сам сочинял речи и даже письма исторических персонажей, следуя в этом обычной практике древних историков, начиная с Фукидида[29]. Однако он явно стремился передать подлинный смысл речи[30]. Можно быть уверенным, что сохранившаяся во фрагментах саллюстиевой «Истории» речь Лепида воспроизводит подлинные мысли мятежного консула, хотя и не собственным языком, а языком историка. Более того, несколько хаотичная и даже порой бессвязная, она соответствует характеру консула[31]. Более сложный вопрос – время произнесения этой речи. Резкость речи заставляет предполагать, что она была произнесена уже после смерти Суллы или, по крайней мере, после его отставки[32]. Если обратиться к самой речи, как ее передал Саллюстий, то можно видеть, что произнесена она была уже после вступления Лепида в должность, т.е. в 78 г., ибо себя он называет консулом (27). Но, с другой стороны, создается впечатление, что Сулла не только еще жив, но и действует на политической арене. Он осуществляет тиранию (*tyrannidem L. Sullae* – 1), и нельзя надеяться на то, что он сам испытывает отвращение к своей тирании, или что он сам откажется от власти (*dimissurum* – 7); в его власти законы, правосудие, казна, провинции, цари (13); он будет совершать преступления еще более дерзко (*avidius fecerit* – 19); он шествует в сопровождении огромной толпы и уверенно (*tanto agmine atque animis incedit* – 23); его дела идут успешно (*secundae res*), но они скрывают его пороки, и пока что это благополучие не пошатнулось (24). А когда Лепид упоминает об обвинении его Суллой в мятежности, то употребляет глагол «говорит» в настоящем времени – *ait* (16).

Может быть, для решения этой проблемы надо вспомнить обстоятельства отставки Суллы. Плутарх (*Sulla.* 34) говорит, что, сложив власть, Сулла заявил о согласии дать отчет о своих действиях. Аппиан (*BC.* I.104) рассказывает об этом событии гораздо подробнее. По его словам, Сулла, отказавшись от ликторов, сохранил своих телохранителей, на форуме появлялся с друзьями, а толпа и тогда смотрела на него с потрясением и страхом (καταπεπληγότος αὐτὸν καὶ τότε). Не перекликается ли это со словами Лепида о толпе следующих за Суллой и о страхе, который до сих пор испытывают римляне перед ним? Если это так, то речь Лепида можно отнести ко времени между его вступлением в должность консула и отъездом Суллы в свое имение.

В своей речи консул обрушивается на Суллу и его приспешников (*satellites*), называя среди последних потомков славных имен Брутов, Эмилиев[33] (т.е. и членов своего рода), Лутациев, упрекает римлян, что

---

[29] *Albrecht M. von.* Geschichte der römischen Literatur. Bern, 1992. Bd. 1. S. 355.

[30] Ср.: *Anderson W.S.* Pompey, his Friends, and Literature of the First Century B.C. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 59.

[31] *Syme R.* Op. cit. P. 199.

[32] *Гореншmейн В.О.* Примечания // Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 201.

[33] Может быть, говоря об Эмилиях, Лепид имел в виду Мамерка Эмилия Лепида Ливиана, верного соратника Суллы, которого тот как будто поддерживал на выборах в консулы, противопоставляя его самому Лепиду, и который будет консулом следующего года. Под Брутами Лепид мог подразумевать Д. Юния Брута, который будет вместе с Ливианом консулом 77 г. Известно, что активным соратником самого Лепида являлся М. Юний Брут. То,

они, находясь в рабстве, даже не пытаются вернуть себе свободу, заявляет, что сам он спокойному рабству предпочел опасную свободу (*periculosa libertas quieto servituto*). В конце речи Лепид призывает римлян следовать за ним для восстановления свободы (*ad recipiendam libertatem*), а себя называет не только консулом, но и вождем и руководителем (*consulem, ducem et auctorem*). Здесь особенно интересно использованием слова *dux*. В принципе оно обозначает всякого, кто кого-либо куда-либо ведет, в том числе и просто проводника. Но все же особенно часто оно используется в военной терминологии[34]. Не призывая прямо к вооруженному выступлению, Лепид явно дает понять, что он в своей борьбе не ограничится лишь мирными средствами, но готов и к войне. А в этой борьбе он рассчитывает не только на противников Суллы или «молчаливое большинство», которое он призывает к отказу от его молчания, или проскрибированных, которым он обещает даже вернуть, хотя и за плату, их имущество, но и на бывших сулланских солдат, которые, по его словам, приведя к власти тирана, получили лишь ссылку в леса и болота. Одним словом, целью Лепида являлось объединение всех сил, которые, как он считал, могли бы под его руководством свергнуть существующий режим. Видимо, его вдохновило избрание консулом вопреки позиции Суллы, что было им расценено как доказательство не только активной поддержки со стороны граждан, но и своего превосходства над Суллой. Как и Помпей, он мог считать себя восходящим солнцем, которому люди поклоняются больше, чем заходящему, разумеется, не в возрастном плане (он был много старше Помпея), а в политическом.

Первое открытое столкновение, вылившееся уже и на улицы города, произошло после смерти Суллы (App. *BC.* I.105). В городе начались волнения (ἐν ἄστει στάσις). Сторонники Суллы настаивали на торжественных, по существу всеиталийских, похоронах за государственный счет, в то время как Лепид решительно этому воспротивился. У него, по словам Аппиана, были свои сторонники (οἱ ἀμφὶ Λέπιδον). По-видимому, агитация Лепида дала свои плоды, и вокруг него образовалось его «партия». В защиту похоронных торжеств выступили Катул и сулланцы. Из слов Аппиана неясно, были ли οἱ Σύλλειοι лишь сенаторами или частью народа, но использование историком слова στάσις позволяет думать не просто о спорах, но и каких-то беспорядках в Риме. Еще яснее об этих событиях рассказывает Плутарх (*Sulla.* 38; *Pomp.* 15). По его рассказу, вокруг Лепида сплотилось довольно много (πολλοί) сторонников. Плутарх употребляет глагол ὁρμάω – приводить в движение, побуждать, устремляться, нападать, что тоже с несомненностью свидетельствует о каких-то волнениях. Но дело решила позиция Помпея. Волнения, связанные с решением вопроса о похоронах, вероятно, испугали власти, бывшие «фрондеры» соединились с верными сулланцами, и Помпей не только высказался за отдачу Сулле всех мыслимых и немыслимых почестей, но и принял решительные меры для воплощения принятого сенатом решения о торжественных похоронах в жизнь. Он одних уговаривал, а другим угрожал (ἀπειλῆι), и это ясно свидетельствует не о спорах в сенате, а о волнениях

что Эмилии и Бруты (вероятнее всего, Ливиан и Децим) названы как пример позора для их предков, говорит о том, что в политической борьбе члены одного рода противостояли друг другу и ни о каких сплоченных родо-семейных политических группировках не было речи.

[34] *Waldstein W.* Dux // KP. 1979. Bd. 2. Sp. 185.

среди народа. Кроме страха народных волнений, Помпея и его сторонников подвигла на поддержку похорон и трезвая оценка политической ситуации. Противники Суллы не были организованы, а сулланские ветераны в полном вооружении стекались в город для участия в похоронах. Дальнейшее продолжение споров, а тем более отказ в торжественных похоронах, привели бы только к кровопролитному столкновению с заранее известным исходом. И Помпей сам доставил тело Суллы в Рим и обеспечил безопасность (ἀσφάλειαν) и само проведение траурной церемонии. В этой схватке Лепид потерпел поражение[35].

Это поражение, однако, Лепида не остановило. По словам Аппиана (*BC.* I.107), консулы начали снова ссориться между собой, едва лишь отойдя от погребального костра, и вновь горожане разделились на сторонников того и другого. В своей речи (Sall. *Hist.* Frag. I.55.12) Лепид говорил о домашних очагах невинного плебса (*plebis innoxiae patrias sedes*), которые захватили немногие приспешники (*pauci satellites*) диктатора как плату за преступления. Ветеранов, сосланных, по его словам, в болота и леса, в число этих *pauci satellites* он явно не включал. Но торжественные похороны Суллы, в которых решающим стало даже не решение сената, а поведение сулланских ветеранов, показали, что если Лепид питал какие-либо надежды на привлечение хотя бы части их на свою сторону, то они оказались тщетными. И теперь он обратился к италикам, обещая вернуть им землю, которую у них отнял Сулла. Но землю у италиков Сулла отнял прежде всего для поселения своих ветеранов. И обещание Лепида землю вернуть означало только одно: консул рассчитывает не на бывших воинов Суллы, а на обиженных ими италийских крестьян. Такое заявление Лепид уже делал ранее, но, видимо, тогда он сам еще не принял окончательного решения, колеблясь между расчетом на ветеранов и на обезземеленных крестьян. После похорон Суллы выбор был сделан.

Обещание Лепида вернуть землю явно спровоцировало восстание в Этрурии. Началось оно на севере этой области, в Фезулах. Сюда Сулла вывел своих ветеранов (Cic. *III Cat.* 14), в результате чего местные жители лишись земель и всего имущества (Sall. *Cat.* 28.4). В этом районе существовало напряжение между поселенными здесь ветеранами и прежними землевладельцами. Недаром первые жили в укреплениях (*castella veteranorum*). И теперь, воспользовавшись беспорядками в Риме и явно опираясь на обещание одного из консулов, фезуланцы, не дожидаясь какого-либо правительственного акта, напали на эти укрепления и, убив многих из ветеранов, вернули себе отнятые земли. Возможно, восстание не ограничилось Фезулами, а приобрело бóльший масштаб. Во всяком случае сенат был этим очень обеспокоен и решил направить на подавление восстания обоих консулов. То ли размах восстания действительно был столь широк, что возникла реальная угроза самому Риму, то ли сенаторы не могли решить, кого из консулов направить в Этрурию, а кого оставить в Риме, кому дать армию, а кому одному вручить высшую гражданскую

[35] Существует мнение, что Лепид выступил против торжественных похорон Суллы только потому, что побоялся волнений, какие может вызвать то, что тело пронесут по всей Италии, и из-за нарушения при этом закона самого Суллы об ограничении затрат на похороны (*Hayne L.* Op. cit. P. 663). Однако реальные события, как мы видим, решительно опровергают это мнение. Лепид не побоялся вызвать στάσις в самом Риме, а об ограничении расходов вообще не было речи.

власть в столице. Более того, сенат потребовал от консулов, чтобы они как можно скорее (*maturrime*) выступили в поход. Зная, однако, о взаимоотношениях консулов и боясь непредсказуемого поведения Лепида в условиях, когда в распоряжении обоих будут армии, сенат связал обоих консулов клятвой не решать свои споры войной (Sall. *Hist.* Frag. I.66; App. *BC.* I.107).

Неизвестно, что́ конкретно делал в Этрурии Катул. Известно лишь, что действия его были довольно вялыми; возможно, имея под боком армию Лепида, он не решался вступить в открытый бой с повстанцами, дабы не ослабить себя в предвидении почти неизбежного столкновения с коллегой. Лепид же явно не собирался подавлять восстание. Он сконцентрировал свои войска в горах, и к нему стали собираться не только восставшие этруски, но и дети проскрибированных, а может быть, и сами уцелевшие проскрибированные. По словам Филиппа (если его речь правильно передана Саллюстием), к Лепиду примкнули люди из всех сословий, опаляемые нуждой (*homines omnium ordinum... flagrantes inopia*). Оставим на совести Филиппа инвективы по отношению к этим людям, но признание, что на присоединение к Лепиду людей толкнула нужда, показывает всю глубину недовольства существующим положением. Сенат испугался, как бы вся Этрурия не присоединилась к Лепиду, которого восставшие уже считали своим вождем; в нем начались споры по поводу дальнейших действий. Катул, который вернулся в Рим, предложил обратиться к решительным действиям. Его в этом поддержал Л. Марций Филипп, но большинство сената на это не решилось, и Лепиду, по-видимому, была предложена амнистия в обмен на отказ от открытого выступления (Sall. *Hist.* Frag. I.77.5–6). Когда Лепид это предложение отверг, сенат обратился к различным прорицателям (ibid. I.77.3) и, может быть, по их совету обрушился на поднявших оружие с самыми страшными проклятиями. Но это не смутило ни Лепида с его войском, ни восставших. Лепид потребовал каждому возвращение конфискованного имущества, подтверждение гражданских прав тем, у кого их и не отнимали, восстановление трибунской власти и отмены права войны (ibid. I.77.14). При некоторой туманности слов Филиппа, ясно, что требования Лепида сводились к ликвидации сулланского режима и его актов, включая восстановление проскрибированных и их потомков во всех правах и возвращение им конфискованного имущества, ликвидацию ветеранских поселений, чье создание вытекало из права победителя в гражданской войне, восстановление трибунских полномочий во всем объеме. По существу он частично повторил, а частично расширил ту программу, с которой выступил еще находясь в Риме. Но теперь он поддерживал свои требования силой оружия.

Для себя Лепид потребовал второго консульства (*alterum consulatum*), хотя еще не сложил и первое (Sall. *Hist.* Frag. I.77.15). В том, что Лепид требовал для себя не диктатуру, а второе консульство, иногда видят доказательство его умеренности[36]. Однако гораздо вероятнее, что дело было в другом. В своих действиях Лепид рассчитывал на противников Суллы, а у них диктатура еще слишком была связана с личностью Суллы и его террором. Может быть, Лепид надеялся и на значительную

[36] *Hayne L.* Op. cit. P. 666.

часть сенаторов, чья нерешительность могла его вдохновлять, а для них отказ от требования диктатуры означал какую-то гарантию против возможного террора. Однако, по словам Плутарха (*Pomp.* 16), Лепид желал присвоить себе власть Суллы (τὴν ἐκείνου δύναμιν). Это, несомненно, отражение взглядов и пропаганды той «лучшей и здравой» (καθαρὸν καὶ ὑγιαῖον) части сената и народа, которая сплотилась вокруг Катула. Какова была реакция другой части народа, неизвестно. Но, видимо, опасение реакции со стороны этой части и толкнули сенат на относительно мягкое отношение к Лепиду.

Дальнейший ход событий не очень известен. Филипп в своей речи (Sall. *Hist.* Frag. I.77.10), произнесенной уже в 77 г., говорит, что Лепид снова (*rursus*) пытается внести в город огонь и железо, т.е. снова привести свои войска. Из этого можно сделать вывод, что ранее армия Лепида уже подходила к Риму[37]. Но, с другой стороны, Лепид открыто заявлял, что данная им клятва не начинать войну действительна только на год консульства (App. *BC.* I.107). Поэтому можно думать, что явной военной демонстрации в 78 г. Лепид все же не предпринимал. Но само его поведение, несомненно, являлось угрозой существующему порядку. Сенат, может быть, уже раскаявшийся в том, что дал Лепиду армию, попытался вызвать его в Рим, разумеется, без войска, для проведения консульских выборов на следующий год. Однако Лепид решительно отказался. Один Катул провести выборы не мог, и 1 января 77 г. республика осталась без официальной высшей власти. Стали назначать интерексов, одним из которых был Аппий Клавдий Пульхр, сторонник Суллы, бывший консулом в 79 г. В его краткое правление сенат снова вернулся к вопросу о Лепиде.

С горячей речью, решительно, осуждавшей мятежного проконсула, выступил Л. Марций Филипп (Sall. *Hist.* Frag. I.77). Он, вероятно, был старшим консуляром[38] и поэтому первым высказывал свое мнение. В свое время Филипп был одним из лидеров популяров, в качестве консула решительно выступал против Друза, а в 86 г., когда в Риме господствовали марианцы, стал цензором. Это не помешало ему затем перейти на сторону Суллы и стать его активным помощником[39]. Теперь он выступал самым ярым противником Лепида, обвиняя его и в мятеже, и в моральной нечистоплотности. Тот теперь был для него лишь частным человеком, который вместе с самыми худшими людьми и врагами республики ведет войско на Рим, причем само войско он счел набранным бывшим консулом в частном порядке (*privato consilio*). Если Филипп имел в виду армию, которую Лепид возглавил для борьбы с повстанцами в прошлом году, то он был явно не прав. Но, скорее всего, речь шла о тех, кто примкнул к Лепиду; их, судя по речи, объявили врагами республики (*hostes rei publicae*), что ставило их вне закона. Хотя о самом Лепиде Филипп и говорил, что его отвергают и пенаты, и законы, видно, что он вне закона объявлен еще не был, и слова оратора надо было воспринимать как неприкрытую угрозу. В конце своей речи Филипп предложил объявить чрезвычайное положение (*ne quid res publica detrimenti capiat*) и по-

---

[37] *Горенштейн В.О.* Указ. соч. С. 203. Прим. 8.

[38] *Twyman B.* The Metelli, Pompeius and Prosopography // ANRW. 1972. Tl.1. Bd. 1. P. 841.

[39] *Suolahti J.* Op. cit. P. 451–454.

ручить принять все необходимые меры для защиты города интерексу Клавдию, проконсулу Катулу и другим лицам, облеченным империем. Предложение явно было принято. Угроза полной ликвидации существующей системы сплотила различные группировки, заставив их на какое-то время забыть прежние разногласия[40].

Как отмечал Плутарх (*Pomp.* 16), Катул был более сведущ в качестве политического руководителя, чем военного. О военных качествах Клавдия тоже ничего не известно[41]. Поэтому все взоры обратились к Помпею. Он не занимал никакой должности, следовательно, не был в числе лиц, облеченных империем и при этом еще даже не входил в сенат. Но другого способного полководца в Риме не нашлось. И Помпея назначили командующим в этой войне. Точный ранг Помпея неизвестен. Плутарх называет его ἡγεμών. Скорее всего, официально он выступал в качестве легата Катула[42]. Доводом в пользу такого предположения может служить тот факт, что после подавления восстания Катул приказал Помпею распустить свою армию (Plut. *Pomp.* 17). Поэтому-то у Аппиана (*BC.* I.107), отражающего, по-видимому, официальную точку зрения, командующим, сражающимся против Лепида, назван именно Катул, а Помпей и вовсе не упоминается.

Положение было действительно довольно серьезным. По словам Плутарха, Лепид уже подчинил бóльшую часть Италии (πολλὰ τῆς Ἰταλίας). Это, несомненно, преувеличение, но оно отражает страх и, может быть, слухи, ходившие в Риме. Этрурия же практически находилась в руках Лепида. После окончания своего консульства он в качестве проконсула получил в управление Трансальпинскую Галлию (App. *BC.* I.107), но сам туда не отправился, а оставался с набранным им войском в Этрурии. М. Юния Брута с частью войск он направил в Цизальпинскую Галлию[43]. Брут был известным в свое время судебным оратором и считался знатоком государственного и частного права (Cic. *Brut.* 222). Во время гражданских смут он примкнул к марианцам, в 83 г. был трибуном и в этом качестве предложил вывести колонию в Капую[44]. Это вызвало негодование оптиматов, и еще позже Цицерон (*II Agr.* 89) обвинял Брута в намерении сделать из Капуи оплот нового государства, противопоставленного Риму. Несмотря на неблагоприятные, как утверждали противники Брута, знамения и результаты авспиций, он все же настоял на выводе колонии и сам назначил стоявших во главе нее преторов (Cic. *II Agr.* 92–94). После победы Суллы закон о выводе колонии явно был отменен (иначе не

---

[40] *Twyman B.* Op. cit. P. 842.

[41] Только после всех этих событий Клавдий, получив проконсульство в Македонии, воевал со скордисками, но потерпел поражение и умер во время проконсульства (Oros. V.23.17–19). Видимо, и в 77 г. римляне не обольщались насчет его полководческих способностей.

[42] *Twyman B.* Op. cit. P. 821.

[43] Не совсем понятно, входила ли Цизальпинская Галлия в сферу официальной деятельности Лепида. Возможно, что после консульства Лепид получил управление обеими Галлиями (*Syme R.* Op. cit. P. 186). Но не исключено, что Цизальпинскую Галлию он захватил явочным порядком. Что касается Брута, то он едва ли мог быть легальным наместником этой провинции, ибо его предшествующая биография ясно говорит, что ни претором, ни тем более консулом он не был и, следовательно, не мог быть ни проконсулом, ни пропретором и не мог быть послан сулланским правительством в столь важную в стратегическом отношении провинцию.

[44] *Münzer F.* Iunius // RE. 1917. Hbd. 19. Sp. 972.

нужно было в 64–63 гг. Руллу в рамках своего аграрного закона возобновлять предложение о выводе колонии туда же), но сам Брут от проскрипций не пострадал, а теперь стал легатом Лепида и от его имени управлял Цизальпинской Галлией. В Лигурии, официально являвшейся частью этой провинции, войсками, вероятнее всего, командовал М. Перперна Вейентон (Oros. V.24.16), до этого активно сражавшийся с сулланцами и спасшийся при помощи Помпея[45]. К Лепиду примкнул его сын, в свое время усыновленный Л. Корнелием Сципионом Азиатским, будущим консулом 83 г. и одним из неудачливых марианских полководцев[46]. Возможно, именно его имеет в виду Аппиан (*BC.* I.85–86), упоминая сына Сципиона Люция. Цицерон (*Sest.* 7) говорит, что бывший консул влачил свои дни в изгнании в Массилии. Вероятнее всего, и его приемный сын находился там же, а теперь он вернулся в Италию и принял участие в войне[47] Орозий (V.22.16), перечисляя полководцев, ведших войну уже после окончания войны с Суллой, называет Лепида и Сципиона, воевавших в Италии. Из этого можно сделать вывод, что Сципион возглавил отдельную армию, хотя, вероятно, и признавал верховное командование своего родного отца. Таким образом, можно говорить, что под общим командованием Лепида находились четыре армии. Одну возглавлял он сам, тремя другими командовали Брут, Перперна и Сципион[48].

У Лепида явно имелись сторонники и в самом Риме. Когда он еще был консулом и находился в городе, его поддерживали какие-то группы горожан. Беспорядки, возбужденные Лепидом, дали надежду Цезарю, который поспешно вернулся в Рим. Лепид пытался привлечь и его на свою сторону, но неудачно, ибо, вернувшись и ближе узнав Лепида, он разочаровался в нем, поскольку тот был по природе ненадежный и беспокойный (*turbulentus et inquitus* – Suet. *Iul.* 3; Gran. Lic. p. 42). Сообщения Светония и Лициниана очень важны. Они показывают, что, хотя в Риме имелись противники Суллы и его режима, надеявшиеся, как и Цезарь, на новые раздоры (*spe novae dissensionis*), личность главы всего этого мероприятия внушала, по крайней мере, некоторым сомнения в успехе всего предприятия. Многих к тому же пугал и страх новой гражданской войны. Флор (II.11.3–4) пишет, что хотя сулланские конфискации были бесчестны, но сохранение приобретенных таким образом имуществ было все же полезней для больного и израненного государства, чем растревоживание новых ран, даже если это делалось для лечения. Может быть, такое рассуждение является отзвуком тех разговоров, которые ходили в Риме и дошли до столь позднего автора, как Флор. Тем не менее наличие в Риме реальных или потенциальных сторонников Лепида не могло не пугать сенат.

---

[45] *Короленков А.В.* Марк Перперна Вейентон // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 146–148.

[46] *Hayne L.* Op. cit. P. 662.

[47] Ibid. P. 666.

[48] О подчинении Лепиду говорится только в отношении Брута (Plut. *Pomp.* 16). Однако надо иметь в виду, что Лепид не только возглавил восстание в Этрурии, но и обладал самым высоким рангом: он был проконсулом и в качестве такового имел официальные полномочия по командованию войсками. Перперна и Сципион являлись изгнанниками, вернувшимися в Италию, и едва ли имели свои отряды. Поэтому гораздо вероятнее, что они, как и Брут, возглавили отдельные части армии Лепида.

Ход событий во время этой новой гражданской войны не вполне ясен. Из нескольких противоречивых или, по крайней мере, смутных источников выясняется лишь общая картина. Собрав довольно значительные силы, Лепид двинулся на Рим. Командующим в борьбе с ним являлся Катул. Но решающую роль явно играл Помпей. Мятежные силы дошли непосредственно до самого города. Правительственные войска заняли Мульвийский мост и холм Яникул. Ожесточенное сражение произошло у самого Марсова поля, и в нем армия Лепида была разбита (App. *BC.* I.107; Flor. II.11.6–7; Oros. V.22.16). Лепид отступил в Этрурию. Возможно, в это время Сципион захватил Альбу в Лации (Oros. V.22.17), но развить свой успех не сумел. Отступив в Этрурию, Лепид, по-видимому, рассчитывал на активную помощь Брута. Это заставило Помпея двинуться с войсками в Цизальпинскую Галлию. Стратегическое значение этой провинции было чрезвычайно велико. Она не отделялась от Италии никакими природными барьерами, и стоявшие там войска всегда были или могли быть непосредственной угрозой Риму; в ней уже имелось много римских граждан, связанных с жителями самого Рима, и эта связь тоже представляла собой угрозу. И Помпей стал действовать весьма решительно. Плутарх (*Pomp.* 16) пишет, что Помпей везде легко одолел врагов, и только в Мутине Брут оказал ему сопротивление и был осажден. Под врагами, которых Помпей легко одолел, можно подразумевать какие-то части армии самого Брута, но, пожалуй, не менее вероятно, что речь идет о войске Перперны. Орозий (V.24.16), упоминая о Перперне в Лигурии, как и об антисулланских полководцах в других частях государства, говорит о войнах (*bella*). И очень вероятно, что какие-то бои между войсками Помпея и Перперны имели место. Перперна потерпел поражение. Поскольку позже он оказывается в армии Лепида (App. *BC.* I.107), можно думать, что после поражения от Помпея он с остатками своей армии отошел на юг и соединился с основными войсками Лепида.

Помпей сосредоточил свои силы на осаде Мутины. В конце концов, то ли Брут сам сдался при условии сохранения ему жизни, то ли его войско перешло к Помпею. Помпей сначала отпустил Брута живым и здоровым и даже дал ему в сопровождение отряд всадников, но уже на следующий день подослал к нему убийцу (Plut. *Pomp.* 16; Oros. V.22.17). Галльская кампания закончилась полной победой Помпея, и никаких надежд на помощь Брута или на использование Цизальпинской Галлии как возможной базы для продолжения борьбы у Лепида больше не было.

Возможно, в это же время Лепиду был нанесен еще один удар. Какая-то правительственная армия осадила Сципиона в Альбе. Осада была долгой и мучительной, и, наконец, воины Сципиона, измученные голодом, сдались, сам Сципион был убит (Oros. V.22.17). Теперь Лепиду оставалось только надеяться на свои силы и свою решительность. Он еще раз пытался захватить Рим, но снова неудачно (Oros. V.22.16), и снова отошел в Этрурию, которую рассматривал как свою базу. Сюда и двинулся со своей армией Катул. Орозий (V.22.18) пишет о кротости Катула, благодаря которой, как и из-за пресыщения сулланскими жестокостями, война довольно быстро закончилась. Видимо, Катул, будучи прежде всего искусным политиком, действовал не столько силой, сколько дипломатией, и какими-то обещаниями сумел замирить Этрурию. Сулланские ветераны в ней с самого начала активно боролись с Лепидом и его сто-

ронниками, как можно судить по словам Аппиана (*BC.* I.96), говорившего, что и после смерти Суллы они сражались за его дело. Местное же население, в том числе недавние повстанцы, отошло от движения. Может быть, ему был обещан какой-то вид амнистии. Саллюстий (*Hist.* Frag. III.47) упоминает решение сената о прощении (*gratiam*) сдавшимся сторонникам Лепида. Но это решение, если оно принималось действительно в 77 г., не могло относиться к римским воинам Лепида, ибо в таком случае огромное их число после поражения не ушло бы в Испанию. Скорее всего, постановление об амнистии было принято все же много позже, а если амнистия и была применена, то только к местному населению. У Лепида еще было довольно много войска и денег[49]: позже остатки его армии насчитывали 53 когорты (Exup. 6), т.е. не менее 20 тысяч человек[50] И все же без поддержки местного населения и с учетом ликвидации остальных трех корпусов его армии Лепид на дальнейшее сопротивление не решился.

У него, очевидно, возник другой план. Он решил укрепиться на Сардинии. Захват этого острова давал ему возможность если не перерезать пути снабжения Рима продовольствием, то, во всяком случае, шантажировать его этим. Да и сама Сардиния являлась одним из поставщиков зерна в Рим[51]. Однако попытка Лепида поднять Сардинию на войну с сенатом оказалась напрасной (*frustra* – Liv. *Per.* 90). Против него решительно выступил пропретор Сардинии Г. Валерий Триарий. В бою с ним Лепид был ранен и вскоре умер (App. *BC.* I.107; Flor. II.11.7; Ascon. P. 16, 23)[52]. Его тело было сожжено нагим (Plin. *NH.* VII.186). Открытое выступление Лепида началось после окончания им своего консульского года, т.е. не ранее 1 января 77 г., а летом того же года оно уже было подавлено (Eutrop. VI.5.1). О быстроте подавления восстания Лепида говорит и Орозий (V.22.18).

Войско Лепида, разделившись на отдельные отряды, покинуло остров. Наиболее значительную часть бывшего войска Лепида возглавил Перперна. Пятью годами раньше он являлся пропретором Сицилии (Diod. XXXVIII.14) и после смерти Лепида был, вероятно, лицом самого высокого ранга в мятежной армии. Понимая, что удержаться на Сардинии он не сможет, Перперна увел свою часть армии в Испанию (App. *BC.* I.107)[53]. На этом новая гражданская война в Италии завершилась.

Итак, первая попытка ликвидировать сулланский режим закончилась полной неудачей. Значительную долю вины за это несет сам Лепид. По своему неустойчивому и эмоциональному характеру он не подходил к роли лидера политической, а тем более вооруженной борьбы, и это понимали те, кто отказался следовать за ним. Мы знаем только о Цезаре, но

---

[49] Плутарх (*Sert.* 15) пишет не только о μεγάλης δυνάμεως, но и о χρημάτων πολλῶν.

[50] *Короленков А.В.* Указ. соч. С. 149; *Гурин И.Г.* Указ. соч. С. 137. По словам Аппиана (*BC.* I.107), это была еще не вся армия Лепида, но лишь сильнейшая ее часть (τὸ δὲ κράτιστον).

[51] *Brunt P.A.* Schiavi e classi subalterne nella comunità romano-italiana // La tarde repubblica e il principate. Milano, 1983. P. 97.

[52] Позже возникла романтическая версия смерти Лепида: он якобы умер от горя, узнав о неверности своей жены Аппулеи, остававшейся все это время в Риме (Plut. *Pomp.* 16; Plin. *NH.* VII.122). Может быть, подобные слухи действительно ходили в Риме.

[53] Мы не рассматриваем вопрос, ушел ли Перперна сразу в Испанию или сначала попытался укрепиться в Лигурии (*Короленков А.В.* Указ. соч. С. 149), так как это не является темой данной статьи.

едва ли он был единственным. В начале восстания Лепид обладал несомненными преимуществами. У него была довольно большая армия. Уже после, по крайней мере, двух сражений, в которых, по словам Орозия (V.22.16), пало много римских граждан, после потери войска Брута в Цизальпинской Галлии и потерь, понесенных его сыном в Альбе, после ухода части бывших его войск в другие места, под командованием Перперны еще оставалось 53 когорты. Его явно поддерживали повстанцы в Этрурии. Господство в Этрурии и Цизальпинской Галлии давало Лепиду несомненное стратегическое преимущество. И при этом официальный командующий враждебных ему сил Катул полководческими способностями не обладал. Но Лепид ничего из своих преимуществ использовать не сумел. Он, несомненно, имел довольно большие амбиции, называя себя вождем и восстановителем свободы, но эти амбиции не были подкреплены его талантами.

Еще бóльшее значение имели объективные факторы. Суллу ненавидели многие. Само избрание Лепида консулом вопреки мнению Суллы ясно говорило об этом. Уже вскоре после отставки диктатора народные трибуны попытались с помощью новых консулов восстановить свои полномочия. Во время дебатов по поводу похорон Суллы вокруг Лепида собралось довольно много его сторонников. Но открытое выступление и начавшаяся вслед за ним новая гражданская война испугали многих. Рим еще не отошел от ужасов недавней гражданской войны и связанных с ней репрессий. Через 33 года после восстания Лепида республиканец Фавоний откажется примкнуть к заговору Брута и Кассия, заявив, что междоусобная война еще хуже, чем единовластие (Plut. *Brut.* 12). Угроза разрастания войны заставила сплотиться против ее инициатора значительные силы, включая ту часть сулланской «партии», которая еще недавно противопоставляла себя самому диктатору. Именно Помпей, сыгравший огромную роль в избрании Лепида консулом, фактически возглавил борьбу со своим бывшим протеже. Можно сказать, что Рим был не против ликвидации сулланского режима, но не был готов к насильственному слому этой системы.

Сулланский режим обладал еще значительной социальной поддержкой. И это были не только просулланси настроенные нобили, заседавшие в сенате. Споры вокруг похорон Суллы показали. что и в городском плебсе имелись сторонники покойного диктатора. Но еще важнее была позиция сулланских ветеранов, превративших похороны в явную политическую демонстрацию. Когда в 70 г. уже под руководством Помпея будут ликвидированы наиболее одиозные стороны сулланской системы, ветеранское землевладение затронуто не будет. Когда в 47 г. Цезарь обещал своим воинам дать землю, он при этом оговорился, что, в отличие от Суллы, он не будет отнимать ее у прежних хозяев и не поселит своих ветеранов рядом с прежними землевладельцами (App. *BC.* II.94). Таким образом, в отличие от Лепида, ни Помпей, ни Цезарь новый аграрный передел не допускали.

И все-таки восстание Лепида показало, что установленный Суллой режим далеко не вечен, что в республике еще есть силы, если не способные, то, несомненно, желающие восстановить досулланские порядки. С выступления Лепида еще в качестве консула, т. е. еще даже при жизни самого Суллы, начался процесс эрозии его режима. Для борьбы с Лепи-

дом сенату пришлось не только прибегнуть к установлению чрезвычайного положения (в самом этом факте не было ничего нового), но и предоставить фактическое командование не тем официальным лицам, которые были поименованы в постановлении (Катул, Клавдий и другие), а не имевшему империя Помпею. Вероятнее всего, в этом случае Помпей формально был назначен легатом Катула. Но очень скоро он, не имевший никакой должности, будет послан на борьбу с Серторием в ранге проконсула. Еще важнее то, как он добился такого решения. Помпей отказался подчиниться приказу Катула распустить армию и потребовал своей отправки в Испанию, а для поддержки требования двинулся к Риму со своими войсками. В сенате его активно поддержал все тот же Филипп (Plut. *Pomp.* 17), в результате чего и было принято угодное Помпею решение. Крушение Римской республики началось, и восстание Лепида сыграло в этом процессе значительную роль.

JULIY B. TSIRKIN (VELIKIJ NOVGOROD)

LEPIDUS'S REBELLION

By the end of Sulla's dictatorship there was an opposition inside the winner's camp. M. Aemilius Lepidus, a consul 78 B.C., also belonged to the opposition.

Immediately upon taking an office he talked out for changing Sulla's rules. He was aimed at uniting around him those opposing to Sulla. Failing to attract Sulla's veterans, he tried to attract Italics, whose land had been confiscated in favour of the former. Lepidus's agitation caused a rebellion in Etruria, and armies of Lepidus and Catulus, two consuls fighting with each other, were sent to crush a rebellion. Instead, Lepidus delivered an ultimatum to the Senate and demanded to cancel Sulla's regime and his acts, and led his army to Rome. Pompey, an actual Commander-in-chief¸ destroyed Lepidus's army at Rome's walls and fought Gallia Cisalpina back. Catulus, acting in Etruria mostly by diplomatic methods, pushed a rebellious leader out of there. Lepidus died trying to invade Sardinia, and the rest of his army evacuated top Spain and joined Sertorius. Thus, the first attempt to liquidate Sulla's regime failed because of objective and subjective factors. In general, Lepidus's rebellion played an important role in the crash of Republican regime in Rome.

С.Н. Ахиев

ПТОЛЕМЕЙ ЦЕЗАРЬ В ПРОПАГАНДЕ ТРИУМВИРОВ[1]

Пропаганда периода 34–31 гг. до н.э. является наиболее изученной частью проблемы воздействия на общественное мнение в период Второй гражданской войны в Риме. Благодаря усилиям таких исследователей, как К. Скотт, М. Чарльзворт, У. Тарн достаточно обстоятельно изучены многие направления политической пропаганды как Октавиана, так и Антония, выявлены и исследованы основные лозунги враждовавших сторон[2]. Достаточно серьезно исследована религиозная подоплека действий Антония и проблема наступления так называемого «золотого века» в пропаганде обеих сторон[3]. Важную роль в этом противоборстве, по мнению многих исследователей, играл Цезарион – родной сын Цезаря и царицы Египта Клеопатры.

Данные источников позволяют утверждать, что инициатива развязывания пропагандистской войны принадлежала Октавиану[4]. Одной из причин агрессивных нападок Октавиана на Марка Антония, как полагают некоторые исследователи, является то обстоятельство, что во время торжественной церемонии (чаще известной как «Александрийские дарения»), Антоний публично подтвердил тот факт, что Клеопатра была женой Цезаря, а Цезарион являлся их законным сыном (Dio Cass. XLIX.41.2). Дион Кассий, автор данного сообщения, далее высказал *личное* мнение, которое было утверждено в качестве аксиомы в современной историографии. Суть фразы заключается в том, что Антоний провозглашал Цезариона сыном Цезаря в противовес Октавиану, так как подчеркивал, что Октавиан является всего лишь приемным, а не кровным сыном диктатора (ὅπως τὸν Καίσαρα τὸν Ὀκταουιανὸν ἐκ τούτου, ὅτι ποιητὸς ἀλλ᾽ οὐ γνήσιος αὐτοῦ παῖς ἦν, διαβάλλοι – Dio Cass. XLIX.41.2).

Мысль о противопоставлении Антонием родного (законного) сына (Цезариона) – приемному (Октавиану) прочно обосновалось в современной исторической литературе именно в контексте пропагандистской войны между триумвирами[5]. В этой же связи предпринимались специ-

---

[1] Статья представляет собой переработанный и дополненный вариант сообщения, с которым автор выступил на международной научной конференции в Белорусском государственном университете (г. Минск) в апреле 2005 г.

[2] См.: *Scott K.* Octavian's Propaganda and Antony's *De Sua Ebrietate* // CPh. 1929. Vol. 24. № 2. P. 133–141; *Scott K.* The Political Propaganda of 44–30 BC // MAAR. 1933. Vol. 11. P. 36–48; *Charlesworth M.P.* Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony // CQ. 1933. Vol. 27. P. 173–175.

[3] См.: *Tarn W.W.* Alexander Helios and the Golden Age // JRS. 1932. Vol. 32. P. 144–149. В отечественной историографии этой проблемой занимался Ю.Г. Чернышов (*Чернышов Ю.Г.* Социально – утопические идеи и миф о «Золотом веке» в древнем Риме. Новосибирск, 1994. Ч. 1. С. 126–132).

[4] Любопытное замечание оставил Плутарх. Он пишет, что Октавиан «ожесточал римлян» против Антония, на что тот выдвигал *ответные* обвинения (*Plut.* Ant. 55. Ср.: *Dio Cass.* XLIX.41. 5). Перипетии переписки между Октавианом и Антонием, взаимные обвинения и оправдания, достаточно подробно освещены в историографии. См.: *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The War of the East against the West // CAH. 1989. Vol. 10. P. 90–98; *Scott K.* The political Propaganda P. 36–48; *Charlesworth M.P.* Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony. P. 172–177.

[5] Ср.: «Согласно пропаганде Антония, Октавиан узурпировал место и титулы другого» (*Tarn W.W., Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 93); «Цезарион, прежде всего, символизировал, что

альные исследования, посвященные Цезариону. Такие известные специалисты, как Ж. Каркопино, Х. Хайнен и др. провели досконально исследование сведений источников о дате рождения Цезариона, о том, являлся ли его отцом Цезарь или им был Марк Антоний, не могла ли Клеопатра родить двоих детей от Цезаря. Но тезис Диона Кассия не подвергался сомнению[6].

Таким образом, можно говорить о существовании в историографии концепции противопоставления Цезариона Октавиану в пропаганде Антония. Сущность ее сводится к тому, что Антоний увязывал происхождение Цезариона и его права на политическое наследие диктатора[7].

Будет неверным утверждение, что в пропагандистской войне 34–32 гг. до н.э. имя Цезариона не играло никакой роли. Однако есть все основания полагать, что значение этого направления противоборства триумвиров, как минимум, преувеличено в современной исследовательской литературе.

Первое, что бросается в глаза в концепции противопоставления Цезариона Октавиану, это механизм реализации «политических прав» кровного сына диктатора в случае их доказательства Антонием. Известно, что даже Октавиан, названный главным наследником Цезаря в его завещании, сумел реализовать свое право только после захвата им Рима в августе 43 г. до н.э. через утверждение в куриатных комициях[8].

Принятие Гая Октавия в род Юлиев, как единодушно подчеркивали Аппиан и Дион Кассий, проходило по установленной римской тради-

---

Октавиан был узурпатором имени и программы Цезаря» (*Huzar E.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 199); «Это ставило под сомнение право самого Октавиана быть преемником имени Цезаря и его политического наследства» (*Кравчук А.* Закат Птолемеев. М., 1973. С. 185); «…это заявление являлось беспрецедентным выпадом против Октавиана, поскольку рождало предположение, будто его собственные притязания на то, что он сам был законным наследником Цезаря, совершенно необоснованны» (*Грант М.* Клеопатра. Последняя из Птолемеев. М., 2003. С. 263 слл.). См. также: *Charlesworth M.P.* Op. cit. P. 176; *Scott K.* The Political Propaganda. P. 37 f., 47; *Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1963. P. 173; *Lindsay J.* Cleopatra. N. Y., 1971. P. 58, 119 f.; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 53.

[6] Начало дискуссии, как кажется, положил Ж. Каркопино в 1934 году в работе: Points de vue sur l'impérialisme romain (P., 1934. P. 141 ff). Эти же мысли исследователь развил позднее в монографии: *Carcopino J.* Passion et Politique chez les César. P., 1958. P. 30–56. Данную точку зрения активно поддержал Дж. Бальсдон, признав неубедительными доводы оппонентов Ж. Каркопино – К. Майкльджона, Г. Фолькмана и др. См.: *Balsdon J.P.V.D.* Rec. in: H. Volkmann. Cleopatra: A Study in Politics and Propaganda. L., 1958 // CR. 1960. Vol. 10. P. 68–71. Ср.: *Meikljohn K.W.* Alexander Helios and Caesarion // JRS. 1934. Vol. 24. P. 191–195; *Volkmann H.* Politik und Propaganda. München, 1953. S. 70 ff.; *Heinen H.* Cäsar und Kaisarion // Historia. 1969. Bd. 18. Hf. 2. S. 181–203. *Jimenez R.L.* Caesar against Rome: The Great Roman Civil War. Westport, 2000. P. 244. Х. Хайнен, жестко критикуя мнение французского исследователя в отношении Птолемея Цезаря, тем не менее отметил, что Октавиан как приемный сын, не был заинтересован в признании Цезариона сыном диктатора (S. 190).

[7] В основу теории, возможно, было положено известное изречение Антония, относящееся к Октавиану: *Et te, o puer, qui omnia eius nomini debes* (Cic. *Phil.* XIII.11. 24–25). Так, по мнению Дж. Крука, для Антония, который прямо связывал имя и политические права, включение Цезариона в род Юлиев означало лишение права Октавиана на клиентелу Цезаря и влияло на преданность к нему ветеранов покойного диктатора (*Crook J.* A Legal Point about Mark Antony's Will // JRS. 1957. Vol. 47. P. 38).

[8] App. *BC.* III.94. Дион Кассий уточняет, что, несмотря на фактическое использование имени Цезаря в 44 г. до н.э., Октавиан получил право на это только после куриатного закона (Dio Cass. XLVI.47. 4–6). На необычные обстоятельства «посмертного» усыновления Октавиана указала П. Сатерн (*Southern P.* Augustus. L., 1998. P. 35).

ции, то есть через куриатные комиции на основании завещания самого Цезаря. Между тем, в отношении Цезариона не было проведено ни одного действия, позволявшего ему (иностранцу) на законных основаниях принять наследство отца (римского гражданина). Более того, известно, что Антоний, доказывая факт признания Цезарем ребенка Клеопатры своим сыном, обращался в сенат (Suet. *Iul.* 52.2), политический орган, правомочный признать Цезариона в качестве законного правителя Египта, но не имевший права санкционировать включение внебрачного сына диктатора в его род.

Нелишне вспомнить, что римское наследственное право в I в. до н.э. основывалось на приоритете агнатического родства над когнатическим (Gaius. *Inst.* I.48–111). Признание кровного родства не давало Цезариону права наследовать имущество и клиентелу отца, что не позволяет говорить о «политических» притязаниях Цезариона (то есть стоявшего за ним Антония).

Второе, на что следует обратить внимание. Судя по описанию процедуры «Александрийских дарений» у Диона Кассия (несколько отличному от описания Плутарха), Антоний не реально назначил детей правителями, но *пообещал* им это (δώσειν ὑπέσχετο – Dio Cass. XLIX.41.1–3. Ср.: Plut. *Ant.* 54). Более того, он послал документ в Рим на ратификацию своих решений (ἐς τὴν Ῥώμην, ἵνα καὶ παρ᾽ ἐκείνων τὸ κῦρος λάβῃ, ἐπέστειλεν – Dio Cass. XLIX.41.4). Если этот документ, как полагают некоторые исследователи, носил антиримский характер, то зачем Антонию понадобилось бы его обнародовать и тем более отправлять на утверждение?

С другой стороны, анализ разрозненных сообщений античных авторов показывает, что Антоний действительно стремился доказать происхождение Цезариона от диктатора. Он неоднократно публично подчеркивал интимный характер взаимоотношений Цезаря и Клеопатры: это и его обращение к сенату (Suet. *Iul.* 52.2), и апелляция к свидетелям – Гаю Оппию и Гаю Матию (ibid.), и публичное объявление во время «Александрийских дарений» (Dio Cass. XLIX.41.2. Ср.: Plut. *Ant.* 54), и довольно необычное упоминание в завещании (Dio Cass. L.3.5).

Если считать политику Антония по легализации статуса Цезариона в римской правовой системе направленной против Октавиана, то следует признать бессмысленность уверений Антония, что подтвердить факт родства между сыном Клеопатры и покойным диктатором могут Гай Матий и Гай Оппий – убежденные сторонники Октавиана. Общеизвестно, что оба вышеуказанных военачальника действительно были близки к Цезарю в последние годы его жизни и, следовательно, могли обладать достоверной информацией о подлинных отношениях диктатора с египетской царицей. Если отбросить сомнительное предположение, что Антоний своим заявлением стремился опорочить Матия и Оппия в глазах Октавиана, то можно с уверенность утверждать, что выход книги Оппия, в которой отрицалось родство Цезаря и Цезариона, был неожиданным для Антония[9].

---

[9] Suet. *Iul.* 52.2. Было высказано предположение, что издание книги Оппием являлось только актом самосохранения, поскольку Октавиан и мысли не допускал о том, что кто-либо будет претендовать на наследство Цезаря *(Lindsay J.* Op. cit. P. 122). Вряд ли речь может идти о «самосохранении». Как показал А. Альфёльди, Оппий играл очень важную роль в карьере Октавиана, выполняя роль одного из руководителей его штаба (*Alföldi A.* Octavians

Не менее странным выглядит и завещание Антония, в котором он якобы подтверждал происхождение Цезариона от Цезаря[10]. Светоний, рассказывая о завещании, осуждает не сам факт «дарений», а то, что тот объявил в нем своими наследниками «даже детей от Клеопатры» (Suet. *Aug.* 17.1). Как показал Д. Крук, Клеопатра, как и ее дети от Антония, считались иностранцами, а, следовательно, не могли по римским законам претендовать на какое–либо имущество Антония и вообще быть его наследниками[11]. Не имело юридической силы и заявление Антония в отношении Цезариона.

В объяснении причин «нелогичного», «противозаконного» поведения Антония в отношении Цезариона, вряд ли можно согласиться с мнением К. Майкладжона, полагавшего, что Антоний стремился использовать имя сына Цезаря в своей пропаганде для воздействия на римлян так же, как его собственный ребенок от Клеопатры (Александр Гелиос) должен был повлиять на сознание жителей Восточного Средиземноморья и Азии в целом[12]. Любопытно, что вопрос о Цезарионе, по свидетельству античных авторов, чаще поднимал вовсе не Антоний (как это следовало бы ему при противопоставлении Цезариона Октавиану), а сам Октавиан, причем делал это публично, стремясь пробудить негодование сограждан действиями коллеги по триумвирату[13]. Представляется, что подоплеку обвинений против Антония следует искать в иной плоскости.

Согласно информации источников, Октавиан действительно ставил в вину Антонию, что тот хотел ввести Цезариона в род Юлиев (Dio Cass. L.1.5. Ср: L.3.5). При этом выделялась явная незаконность действий Антония по легализации статуса Цезариона в римской правовой системе. Фиксируя это нарушение римских законов, Октавиан, вероятно, прежде всего стремился подчеркнуть, как низко пал Антоний, пытаясь ввести в род Юлиев сына иноземной царицы. Согласно пропаганде Октавиана, Антоний уже давно подпал под влияние Клеопатры и фактически стал рабом ее прихотей, ее варварского поведения, сам вел образ жизни, недостойный триумвира и римского гражданина. В свете такой пропаганды попытки Антония придать «законность» рождению

Aufstieg zur Macht // AA. 1975. Bd. 21. H. 1. S. 5. Ср.: *Townend G.B.* C. Oppius on Julius Caesar // AJPh. 1987. Vol. 108. № 2. P. 329). Можно предположить, что Оппий в данном случае выполнял указание Октавиана. На то, что верить Оппию нельзя, указал Х. Хайнен (*Heinen H.* Op. cit. S. 195).

[10] Dio Cass. L.3.5. Ср.: Plut. *Ant.* 58; Suet. *Aug.* 17.1.

[11] *Crook J.* Op. cit. P. 36. Исследователь высказывает сомнение в подлинности завещания Антония. Этой же точки зрения придерживается Дж. Линдсей и М. Грант (*Lindsay J.* Op. cit. P. 348; *Грант М.* Указ. соч. С. 275 сл.). Р. Сайм, напротив, полагает, что завещание было подлинным, хотя оно было настолько выгодно Октавиану, что его можно было бы заподозрить в подделке (*Syme R.* Op. cit. P. 282). Д. Киност подчеркнул, что завещание Антония носило не только имущественный, но и политический характер (*Kienast D.* Op. cit. S. 58).

[12] Исследователь говорит о грандиозном плане примирения Востока и Запада, якобы задуманном Антонием под влиянием Клеопатры (*Meiklejohn K.W.* Op. cit. P. 193). Впрочем, автор допускает, что претензии Антония могли быть преувеличены или даже вымышлены Октавианом в пропагандистских целях (p. 192).

[13] Так, Дион Кассий сообщает, что публичное прочтение завещания Антония с соответствующими ремарками Октавиана произошло не только в сенате, но и в народном собрании (Dio Cass. L. 3.4).

Цезариона воспринимались как противоправные, что подтверждало те слухи, которые распространяли в Риме сторонники Октавиана[14].

Источники, за исключение мнения самого Диона Кассия, не содержат никаких указаний на стремление Антония противопоставить Цезариона Октавиану в борьбе за политическое наследие Цезаря. Представляется, что таких планов и не существовало, по крайней мере, в отношении западной части Римской державы.

Объяснение причин публичных заявлений Антония о статусе Цезариона, вероятно, следует искать в событиях 34 г. до н.э., развернувшихся в Александрии. «Александрийские дарения» являлись, по сути, внешнеполитической программой Антония, направленной на реализацию в новых условиях планов Цезаря по завоеванию Востока[15]. Не случайно Антоний распространял «дарения» на все территории до Индии, то есть не только на недавно захваченную Армению, но и Парфию с Мидией. Одновременно с этим утверждалась и новая внутренняя структура управления Египтом и Ближним Востоком.

Здесь-то, очевидно, и возникает имя Цезариона, которому отводилась не только роль соправителя Клеопатры в Египте: после ее смерти он получал статус верховного правителя в ранге «царя царей». Естественно, что «владыка Востока» должен был иметь божественное происхождение, а с этим у Цезариона было благополучно только по материнской линии. Если на Востоке проблем легитимации Цезариона не возникало, то для римлян формально он был незаконнорожденным. Признание его отцом Цезаря, считавшегося богом и на Востоке, и на Западе, все ставило на место. Вероятно, в этом и заключалось настойчивое стремление Марка Антония внедрить в римское общественное сознание идею кровного родства Птолемея XV – сына Клеопатры–Исиды и Цезаря, обоготворенного постановлением римского сената 1 января 42 г. до н.э[16].

В специальном исследовании, посвященном вопросам взаимоотношений римлян с зависимыми царствами, Д. Браунд неоднократно отмечал, что назначение Клеопатры соправительницей брата, проведенное Цезарем, прямо вытекало из его диктаторских полномочий. В качестве высшего римского магистрата он был просто обязан принять уча-

---

[14] Подробнее см.: *Ахиев С.Н.* Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана // Актуальные вопросы истории. Саратов, 2001. С. 94–101.

[15] Е.В. Смыков полагает, что речь должна идти не о «завоевании», а о «включении в сферу римской гегемонии вполне традиционным способом, при помощи возведения на престол зависимого от Рима правителя, в данном случае – Александра Гелиоса». Чуть ниже исследователь отмечает: «…Антоний-Дионис не имел необходимости завоевывать вновь то, что уже завоевал его божественный прототип» (См.: *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 104). Термин «завоевание» представляется нам вполне уместным. Полагаем, что здесь Антоний, следовал не столько своему божественному прототипу – Дионису, сколько Цезарю, подготовившему поход против Парфии. Да и включение Парфии в сферу римского влияния путем возведения на престол Александра Гелиоса «традиционным способом» не назовешь. Речь идет именно о покорении Парфии вооруженным путем: не считая прямого вторжения в 36 г. до н.э., Антоний, истощая египетскую казну, непрерывно готовил войска для непосредственной атаки этого враждебного царства, и лишь война с Октавианом заставила его отвести легионы от границ Парфии.

[16] См.: *Грант М.* Указ. соч. С. 151. Свадьба Антония и Клеопатры в 37 г. до н.э., столь же незаконная для римлян, как и «священный брак» Цезаря с правительницей Египта, на Востоке узаконивала божественный и царский статус собственных детей Антония от царицы – Александра Гелиоса, Птолемея Филадельфа и Клеопатры Селены (там же. С. 340).

стие в вопросе урегулирования династического кризиса в Египте от имени римского народа[17]. Антоний же, как справедливо заметил М. Рейнхольд, проводя «Александрийские дарения», лишь продолжил эту линию, что вполне объясняет его обращение в сенат с просьбой ратифицировать новую систему взаимоотношений Рима с зависимыми царствами на Востоке[18].

Признание факта родства Цезариона и Цезаря таким образом было направлено не на ущемление статуса Октавиана, как полагают многие исследователи, а на признание римлянами законного статуса Цезариона как верховного правителя Египта и стран Востока[19].

Сторонники противопоставления родного и приемного сыновей Цезаря усматривают еще одно обстоятельство в пользу своего предположения. Октавиан, якобы опасавшийся родного сына диктатора, поспешил уничтожить своего конкурента в борьбе за политическое наследие Цезаря после победы над Антонием и Клеопатрой. Здесь, очевидно, исследователи следуют мнению Плутарха, упомянувшего, что Октавиан видел опасность в «многоцезарстве»[20].

Убийство Цезариона можно объяснить иными обстоятельствами. Цезарион становился полновластным правителем Египта после смерти Клеопатры. Однако итог войны для Октавиана заключался не только в разгроме противника, но и в территориальном приращении – аннексии богатейшего Египта, необходимого для обеспечения потребности в вознаграждении бунтующих ветеранов и солдат действующих легионов. Следовательно, наследники были не нужны и от них поспешили избавиться (имеется в виду не только Цезарион – наследник власти над Египтом, но и Антилл – наследник имени, имущества и клиентелы триумвира).

В заключении следует признать, что сообщения источников о Цезарионе и планах на него Антония и Октавиана настолько скупы, что не

---

[17] Эта обязанность, как полагает исследователь, вытекала из многочисленных завещаний египетских правителей, согласно которым, *Populus Romanus* через своих магистратов на Востоке (в разное время ими были Корнелий Сулла, Помпей Магн и др.) должен был осуществлять опеку над египетскими династами в виду постоянных стычек между членами правящей фамилии в борьбе за власть (*Braund D.* Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. N. Y., 1984. P. 136, 137).

[18] *Reinhold M.* Studies in Classical History and Society. N. Y., 2002. P. 57. Примечательно, что завещание Птолемея XII Авлета оглашалось и утверждалось как раз в сенате, что еще раз подчеркивает тот факт, что именно в этот политический орган и должен был обратиться Антоний за утверждением своих решений по реорганизации управления на Востоке (см.: *Braund D.* Op. cit. P. 136 f.).

[19] Об этом должно свидетельствовать и время первого заявления Антония о родстве Цезаря и Цезариона – 34 г. до н.э. Речь не идет о совместном признание этого факта триумвирами в 43 г. (см.: *Carcopino J.* Passion et Politique chez les César. P. 33 ff.). Вряд ли можно согласиться с утверждением Дж. Бальсдона, что Антоний известил сенат о признание Цезарем сына Клеопатры родным уже в 44 г. (по крайне мере так можно понять фразу «…some time after Caesar's death…» – *Balsdon J.P.V.D.* Op. cit. P. 69). В этом случае было бы трудно понять апелляцию к Оппию и Матию. Появление этой книги в 34/33 г. вполне вписывается в характер взаимоотношений между Октавианом и Антонием как одной из форм реакции на «Александрийские дарения» и политические притязания Марка Антония на Востоке, а также амбиций Октавина в целом.

[20] Plut. *Ant.* 81. Эта точка зрения прослеживается и в новейшей исследовательской литературе. См.: *Southern P.* Op. cit. P. 36; *Heinen H.* Kleopatra und die Caesaren // Die Rom und Caesarfreundschaft der Kleopatra: Gebrauch und Missbrauch eines politischen Instruments. München, 2007. S. 156.

позволяют утверждать что–либо однозначно. Несомненно, имя Цезариона использовалось в пропагандистской войне, но вряд ли это направление являлось столь значимым, как это представляется в современной исторической литературе. Скорее всего, Октавиан стремился еще раз подтвердить, что Антоний, нарушив римские законы, перестал быть римлянином и целиком подпал под власть Клеопатры. И, конечно, не последнюю роль играло желание разрушить планы Антония.

SERGEY N. AKHIEV (SARATOV)

PTOLEMY CAESAR IN PROPAGANDA OF TRIUMVIRI

Modern works on history, devoted to propaganda war of 34–32 B.C., tend to oppose the dictator's son (Caesarion) to his adopted son (Octavian). The theory is that Antony connected Caesarion's origin to his right to be a political successor of the dictator. However, acknowledgement of consignuinity did not entitle Caesarion to inherit his father's property and clientel, that does not allow to talk about Caesarion's (and Antony behind him) "political" claims. Antony's public speeches regarding Caesarion' s status, can be explained by events of 34 B.C. in Alexandria. "The Donations of Alexandria" was, actually, Antony's external policy, aimed at realization Ceasars' plan on invading the East. Simultaneously, a new Egypt and Middle East internal managing structure was stated.

That is where the name of Caesarion appears. He was given a role of a co-ruler with Cleopatra in Egypt, and the status of a superior ruler, "the king of kings", upon Cleopatra's death. It's clear that the supreme ruler of East had to be of divine origin. While in the East there were no problems with Caesarion's legitimacy, for the Romans he remained a bastard. This problem was solved by proclaiming Caesar, deified by the Roman Senate, as his farther. Thus it was aimed not at derogating Octavian's status, but at acknowledging Caesarion's official status as a superior ruler of Egypt and the countries of East.

IV. ИМПЕРАТОРСКИЙ РИМ

Б.С. Ляпустин

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЗНАТНЫХ ФАМИЛИЙ В ПОМПЕЯХ

Уникальный археологический комплекс Помпей позволяет восстановить многие стороны древнеримской действительности, в том числе и хозяйственную жизнь римской фамилии в небольшом городе античной Италии. Правда, с самого начала надо трезво оценивать границы наших возможностей по реконструкции исторических реалий в рамках данной темы, а они весьма ограничены. Даже богатые археологические источники из Помпей в сочетании с эпиграфическими и литературными свидетельствами самого различного характера не позволяют воссоздать цельную картину жизни семей муниципальной знати и ответить на все поставленные вопросы. Кроме того, последовательное развитие города было прервано разрушительным землетрясением 62 г. н.э., от которого он так и не успел оправиться вплоть до своей гибели в 79 г. н.э. Взору археологов открылась картина жизни, еще не вошедшей до конца в нормальное русло. Многие частные и общественные здания, мастерские и лавки находились в стадии ремонта, что не могло не привнести целый ряд новых аспектов, исказить и деформировать экономические отношения, характерные для империи эпохи Принципата. Но, как представляется, несмотря на все эти трудности, все же можно на основе открытого в ходе раскопок материала выделить основные тенденции и направления экономической деятельности знатных фамилий, оказывавших решающее воздействие на все стороны развития небольшого города в Кампании. Исходя из этого, в статье будет предпринята попытка реконструкции наиболее важных аспектов хозяйственной жизни семей помпейской знати в эпоху Поздней республики и Ранней империи.

Жизнь знатных фамилий в городе протекала в стенах атриумного дома, где проживал *pater familias* с подвластными домочадцами и прислугой, в число которых входили и рабы, занимавшиеся ремеслом и торговлей. Раскопки Помпей продолжаются, поэтому точное число строений всех типов, существовавших к моменту гибели города, на сегодняшний день точно назвать невозможно, хотя попытки подсчета общей численности населения и количества строений, исходя из раскопанных площадей, предпринимались неоднократно и всегда приводили к расхождению в цифрах[1]. Так согласно последним подсчетам, проведенным с помощью компьютера, в городе было 818 жилых домов, 890 торговых предприятий, 207 мастерских, да еще около трехсот общественных зданий, храмов и прочих сооружений[2]. Однако лавки при домах были посчитаны дважды: сначала как часть жилого дома, а затем как торговоремесленное заведение. Общее число раскопанных построек не превышает 1435, среди которых обитаемых построек различных размеров с

[1] Численность населения Помпей, которая рассчитывалась по количеству комнат или площади домов, исследователями определялась по-разному: от 20–30 тыс. человек (*Сергеенко М.Е.* Помпеи. М.; Л., 1949. С. 104; *Carrington R.C.* Pompeii. Oxf., 1936. P. 8) до 8–10 тыс. человек (*Eschebach H.* Die städtebauliche Entwicklung des antiken Pompeji. Heidelberg, 1970. S. 61).

[2] Pompei. L'informatica al servizio di una città antica. Analisi delle funzioni urbane. Napoli; Roma, 1988. P. 63–73.

жилыми и хозяйственными сооружениями на всей территории археологического комплекса будет не более 1200[3]. А многокомнатных атриумных домов с обширными перистилями или садами, которые могли принадлежать представителям городской верхушки, можно выделить чуть больше сотни.

В таких строениях обитала, как правило, одна семья, о чем может свидетельствовать устройство в доме ларария. Каждая фамилия имела своих богов-покровителей, изображения которых помещали в ларарии, служившего сакральным символом единства фамилии. В подавляющем большинстве случаев в каждом жилище в Помпеях на первом этаже открыты следы домашнего святилища[4]. Однако не всегда в обширных апартаментах проживала только одна семья. Как известно, в эпоху Империи распространяется практика устройства жилого пространства и на верхних этажах, которыми владели на разных условиях. Существовала практика сдачи различных помещений в аренду, которая получила особенно широкое распространение в Помпеях после разрушительного землетрясения. Так, в надписи из инсулы Арриана Поллиана, открытой на стене дома, собственником которого был Гней Аллей Нигидий Май, сообщалось о сдаче внаем таберны с комнатами наверху, а также всадни-ческих апартаментов и дома (или домов)[5]. Таберна с комнатами предназначалась для небольшой семьи, связанной с торгово-ремесленной деятельностью.

На появление временных, посторонних жильцов на верхних этажах может указывать лестница. Однако наличие таковой могло свидетельствовать не только об аренде помещений. В некоторых случаях лестницы, ведущие в верхние комнаты прямо с улицы, могут косвенно свидетельствовать о возможном существовании наверху независимого жилища. Сколько-нибудь определенно об этом на основе помпейского материала судить сложно, поскольку в Помпеях верхние этажи практически не сохранились. Но некоторый дополнительный материал на этот счет дают раскопки в Геркулануме, где здания сохранились значительно лучше. Так, в большом доме V.14–15 на первом этаже находится домашнее святилище с изображением ларов и змей. А в комнатах на втором этаже с лавкой V.17, которые прежде были составной частью этого большого дома, появился еще один деревянный ларарий, связанный с семьей хозяина лавки. В обширном доме III.13–15 проживало несколько самостоятельных хозяев, и помещения с входом № 13 имело собственное святилище. Кроме этого в задних комнатах на втором этаже, куда вела лестница со двора, обнаружены изображения ларов и богов римского пантеона. Эти примеры свидетельствуют о возможности проживания под одной крышей нескольких самостоятельных семей.

В Помпеях насчитывается около полутора десятков случаев наличия внешних лестниц в структуре больших атриумных домов, и вполне возможно, что некоторые из них вели в жилые комнаты, принадлежавшие еще одной семье, проживавшей под одной крышей обширного жи-

---

[3] *Wallace-Hadrill A.* Houses and Households: Sampling Pompeii and Herculaneum // Marriage, Divorce, and Children in Ancient Rome / Ed. by *B. Rawson*. Oxf., 1991. P. 204–214.

[4] *Boyce G.K.* Corpus of the *Lararia* of Pompeii. Rome, 1937; *Orr D.G.* Roman Domestic Religion: the Evidence of the Household Shrines // ANRW. 1978. Tl 2. Bd. 16.2. S. 1557–1591.

[5] CIL. IV.132: *locantur tabernae cum pergulis suis et cenacula equestria et domus.*

лища[6]. Указания на подобную ситуацию дают также и Дигесты. Так, разбирается случай, когда по завещанию большой двойной дом (*binas aedes*) под общей крышей, покоящейся на одной балке, был поделен между двумя собственниками, и возник вопрос, как новые собственники в самостоятельных жилищах под одной крышей могут использовать общую опору. Папиниан считал, что те части бревна, которые находятся в пространстве каждого собственника, принадлежат каждому в одинаковой мере. Поэтому они не могут вчинять иск друг к другу, если в эту опору вставляются дополнительные балки[7]. Судя по тому, что отношения между наследниками регулировались не узуфруктом, здесь речь с большой долей вероятности могла идти о близких родственниках, возможно, братьях.

В Помпеях также имеются свидетельства на этот счет. Роскошный дом VI.5.1, на основании найденных в атрии печатей, принадлежащих А. Веттию Конвину и А. Веттию Реституту, а также предвыборных надписей на стенах дома (CIL. IV.3509, 7947) определяется как принадлежащий двум братьям-отпущенникам. Также совместно владели огромным домом I.4.5 с тремя перистилями и термами (Дом Кифариста) Л. Попидий Секунд, прозванный Августианом, поскольку входил он в свиту Нерона, и Л. Попидий Амплиат, как это определяется по многочисленным надписям[8]. По-видимому, братья предпочитали не делить отцовское наследство, а совместными усилиями его приумножать. Какими бы мотивами они ни руководствовались, в любом случае для нас важно наличие практики существования под одной крышей большого атриумного дома двух собственников. Только если владелец возводил стену, полностью разделяющую все строение на две части, тогда юристы заключали, что появилось уже два полностью отделенных друг от друга независимых дома (*duae domus*)[9], и по строительным элементам археологи могут проследить возникновение независимых фамилий в отдельных домах. Такая практика в эпоху Империи, судя по формулировке в Дигестах, была весьма распространенной (*ut plerique faciunt*), Таким образом, вырисовывается ситуация, что в подавляющем большинстве случаев в большом атриумном доме проживала одна семья, подчиненная *pater familias*, который мог по-разному распоряжаться отдельными частями строения.

Помпеи как постоянное поселение возникли в VI в. до н.э., но активное их развитие приходится на начало IV в. до н.э., когда оски и самниты вытеснили прежнее население. Ко II в. до н.э. город разросся, и его крепостные стены очертили границы той площади, которая вплоть до гибели города оставалась неизменной. Древнейшие следы торгово-ремесленной деятельности обнаружены археологами на форуме, где под зданием Эвмахии и храмом Веспасиана открыты остатки фундаментов небольших однокомнатных таберн, возникших в IV в. до н.э. Распо-

---

[6] *Wallace-Hadrill A.* Op. cit. P. 220.

[7] Dig. 8.2.36 (*Pap.* 7 quaest.): *Binas quis aedes habebat una contignatione tectas: utrasque diversis legavit. Dixi, quia magis placeat tignum posse duorum esse ita, ut certae partes cuiusque sint contignationis, ex regione cuiusque domini fore tigna nec ullam invicem habituros actionem ius non esse immissum habere.*

[8] *Eschebach H.* Op. cit. S. 118.

[9] Dig. 8.4.6.1 (*Ulp.* 28 ad Sab.): *si dominus pariete medio aedificato unam domum in duas diviserit, ut plerique faciunt: nam et hic pro duabus domibus accipi debet.*

ложенные в ряд однотипные лавки были органичной частью построек форума и служили общественным нуждам[10].

Первые свидетельства активной хозяйственной деятельности владельцев крупных домов в Помпеях появляются значительно позднее. Атриумные дома начинают активно возводить лишь с IV–III вв. до н.э.[11] в так называемый самнитский период (425–80 гг. до н.э.). В это время возникают многие большие дома в центральных, так называемых «аристократических», районах города: VI.1.9–10, 23 (Дом Хирурга), VI.2.3–5, 30–31 (Дом Саллюстия), VI.14.11–13, 15–20 (Дом Орфея или Марка Везония Прима) и др. Первоначально эти дома (как это наиболее полно прослежено на примере Дома Хирурга и Дома Орфея) не имели торговоремесленных помещений. Лишь позже, во II в. до н.э., комнаты, имевшие глухие стены по фасаду дома, были переделаны в лавки, получившие вход с улицы. В Доме Хирурга появляется одна лавка, а в Доме Орфея оборудуют по две лавки с каждой стороны от входа[12]. Симметричное расположение по две или три таберны с каждой стороны от входа в дом получает большое распространение: по две лавки с каждой стороны от входа были оборудованы в самнитский период в строениях VI.14.11–13 (Дом Везония Прима) и VII.7.2.4–5 (Дом Триптолема); в домах VI.2.4 (Дом Саллюстия), VI.6.1.8 (Дом Пансы) лавки сооружаются по три с каждой стороны от входа уже одновременно со строительством атриумного дома[13]. Большая же часть атриумных домов возникает, по всей видимости, во II в. до н.э., и в ряде из них сразу же планируются однокомнатные помещения под таберны (VII.9.46; VII.13.5).

Во II в. до н.э. возникают пристроенные к атриумному дому таберны с задними комнатами (V.2.2 и VII.9.49)[14]. В целом, хотя мы и располагаем фрагментарным материалом по самнитскому периоду, можно сделать вывод, что появление таберн в структуре атриумных домов датируется самое раннее началом II в. до н.э. Причем уже при строительстве (что во многих случаях сохранилось вплоть до гибели города) эти в большинстве своем однокомнатные помещения были сразу же отделены от жилого пространства дома знатной фамилии глухой стеной и с домом никак не сообщались.

Такое расположение таберн весьма примечательно. Оно указывает, с одной стороны, на переход *pater familias* к практике использования городского дома (через подвластных ему членов фамилии) в торговоремесленных целях, что сулило немалый доход, а с другой стороны, на то, как он демонстративно отгораживается от встроенных в его жилище лавочек. В таком подходе домовладыки к организации хозяйственной жизни фамилии получили отражение те противоречивые реалии, которые сложились в эпоху Поздней республики в древнеримском обществе.

---

[10] *Maiuri A.* Pompei. Saggi nell'area del Foro // NS. 1941. P. 371–374; *Gassner V.* Die Kaufläden in Pompeji. Wien, 1986. S. 60.

[11] Необходимо отметить, что вопрос датировки ранних строительных периодов помпейских домов весьма сложен, так как комплексных стратиграфических исследований до сих пор предпринято не было, а датировка по технике строительства не всегда может указывать точное время строительства дома и его последующих перестроек.

[12] *Gassner V.* Op. cit. S. 47–50.

[13] Ibid. S. 53; *Hanno C.* Помпеи. М., 2001. С. 146–147.

[14] *Gassner V.* Op. cit. S. 51, 63.

Согласно утвердившимся в римском обществе нормам, ориентированным на обычаи предков[15], глава знатной фамилии, чей высокий статус и престижность определялись наличием земельной собственности[16], не мог унизить себя участием в мелкой торгово-ремесленной деятельности. Об этом прямо высказался Цицерон: «Торговлю, если она незначительна, надо считать грязным делом»[17]. Поэтому распространяется обычай передачи домовладыкой помещения и оборудования таберны в пекулий подвластным лицам из фамилии (как правило, рабам). Это обеспечивало *pater familias* безупречную репутацию в духе *mos maiorum*, но порождало и проблемы, так как рабский пекулий налагал на хозяина серьезные обязательства перед согражданами, исполнение которых регулировалось законом.

Для разрешения конфликтов, которые возникали в результате самостоятельной деятельности подвластного в лавке, был установлен преторский иск *actio institoria*, который так назывался, потому что поставленного во главе таберны обозначали термином *institor*. Формула *institoria* имела место, когда *pater familias* поручал управлять таберной, входившей в имущество главы семейства, или каким-либо промыслом своему сыну или рабу, или кому-либо постороннему, рабу или свободному[18]. В случае обоснованности предъявленных домовладыке претензий вчиненный иск удовлетворялся в полном объеме (*in solidum*). Главе фамилии предписывалось строго следить за правильностью исполнения институтором своих функций в таберне при совершении операций с покупателями и кредиторами. С этой целью господин обязан был давать управляющему в лавке четкие указания (*praepositio*) и вывешивать в лавке предписания (*proscriptio*), строго регламентирующие полномочия и сферы деятельности, в рамках которых институтор имел право совершать торговые сделки.

Pater familias был обязан строго контролировать деятельность подвластного в таберне, так как за любой проступок институтора он отвечал перед его контрагентами своим имуществом. Причем по другому иску такого рода – *actio tributoria* – удовлетворение в полном объеме иска по сделкам, совершенным рабом, торгующим товарами в таберне, наступало, когда устанавливалось наличие всего лишь осведомленности господина (*scientia domini*) о деятельности раба. Осведомленность предполагает немедленное принятие господином мер к лицу, совершившему проступок. А было волеизъявление (*voluntas*) домовладыки на проведение данных операций или нет, уже никакой роли не играло. Поэтому глава фамилии, передавая пекулий подвластному лицу, стремился расположить его так, чтобы была возможность постоянного контроля за деятельностью институтора, чтобы избежать вчинения исков за неправомерные действия управляющего таберной. С этой целью лавки сооружались в структуре атриумного дома, но изолировались от жилого пространства фамилии. О том, что они не предназначались для сдачи в аренду свободным ремесленникам, говорит и то, что мастерские и лавки простых

---

[15] *Утченко С.Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1986. С. 159.

[16] *Nicolet C.* L'ordre équestre à l'époque républicaine. P., 1966. T. 1. P. 361.

[17] Cic. *De off.* I.151: *Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est.*

[18] Gai. 4.71: *cum quis tabernae aut cuilibet negotiationi filium seruumue aut quemlibet extraneum, siue seruum siue liberum praeposuerit.*

горожан, как это удалось проследить историкам[19], развились из небольшого жилища.

В самнитский период торгово-ремесленная деятельность знати не ограничивалась только пределами городского дома. Одной из самых влиятельных и знатных семей в Помпеях в это время была многочисленная фамилия Попидиев, владевшая обширными городскими домами и сельскими виллами в ближайших окрестностях. Немало ее представителей занимали различные городские магистратуры, начиная с раннего времени[20]. В своих поместьях они активно разрабатывали глинища, о чем свидетельствуют обнаруженные черепицы с оскским клеймом, которое М. Делла Корте восстановил как *Ni. Popi(di) E(pidi) (fili)*[21]. Занимались они, вероятно, и торговлей вином. Правда, обнаруженные амфоры с именем *L. Popidius Ampliatus* (CIL. IV.2658, 2659) датируются уже императорским временем.

Несомненно, Попидии, как и представители других знатных фамилий, руководствовались в своей хозяйственной деятельности теми же идеями, которые развивал в своем трактате Варрон. Он отмечал, что, хотя каменоломни, песчаные карьеры и глинища не относятся к земледелию, «это не значит, что их не надо разрабатывать в том имении, где это удобно, и не надо получать от них дохода»[22]. Таким образом, помпейский материал показывает, что хозяйственная практика италийской знати в эпоху Республики шла в том же русле, что и у представителей сенаторско-всаднических кругов в Риме.

Переход глав знатных фамилий к торгово-ремесленным операциям в рамках городской фамилии знаменовало собой начало нового этапа в экономической жизни Помпей. К существовавшей в городе с IV в. до н.э. торгово-ремесленной деятельности, организованной силами рядовых членов общины, через два века добавилась еще одна такая же сфера деятельности, но организованная уже силами и средствами знатных фамилий в рамках своей городской собственности. Эти данные корректируют точку зрения А. Майюри, который считал, что вплоть до эпохи Августа знатная семья была свободна от «грязного» окружения лавок и арендаторов[23].

Такая форма хозяйственной жизни открыла дорогу неизбежному превращению большого атриумного дома в хозяйственный организм, где частная жизнь фамилии и торгово-ремесленная сферы в конце концов оказались тесно переплетены между собой[24]. Со II в. до н.э. начинается путь к превращению жилища знати, расположенного в аристократическом районе, в архитектурный комплекс, обрастающий различными торгово-ремесленными заведениями. Активно этот процесс шел в по-

---

[19] *Gassner V.* Op. cit. S. 59–60.

[20] *Della Corte M.* Case ed abitanti di Pompei. Napoli, 1965. P. 150–153; *Castrén P. Ordo populusque Pompeianus*. Roma, 1975. P. 207–209.

[21] *Della Corte M.* Op. cit. P. 151.

[22] Varr. *RR*. I.2.23: *neque ideo non in quo agro idoneae possunt esse non exercendae, atque ex iis capiendi fructus*.

[23] *Maiuri A.* L'ultima fase edilizia di Pompei. Roma, 1942. P. 58.

[24] На то, что знатная семья в атриумном доме была окружена широкой группой людей различного социального статуса, что было естественным условием существования фамилии, в свое время указал Эндрю Уоллес-Хедрилл (*Wallace-Hadrill A.* Op. cit. P. 225–226).

следние десятилетия Республики и после установления империи[25]. В итоге к моменту гибели города на центральной улице (*decumanus maximus*) господствовали таберны, возникшие вокруг атриумного дома[26]. Это явление в первую очередь было вызвано активной хозяйственной деятельностью глав знатных фамилий, которые стремились с максимальной выгодой использовать расположение своих жилищ на центральной улице, а не сменой населения после землетрясения 62 г. н.э. на новую торговую «мелкую буржуазию», как считают некоторые историки[27].

Но, конечно, лучше известна хозяйственная деятельность домовладык на последней стадии существования города после землетрясения 62 г. н.э. На раскопанных площадях города открыто чуть больше сотни больших домов, в которых ко времени гибели Помпей в 79 г. н.э. могли обитать знатные и зажиточные горожане. Больше половины имели при себе лавки – как изолированные от жилого пространства, так и соединенные с ним, а также ремесленные мастерские, занимающие площадь от одной комнаты до всего атриумного дома. Однако всестороннему анализу торгово-ремесленной жизни города мешает то, что только примерно для пятой части таберн можно точно определить их назначение. Кроме того, во многих зданиях все еще шли ремонтные и восстановительные работы. Наличие в городе большого количества поврежденных домов облегчало переход недвижимости из одних рук в другие. Ряд семей покинул свои жилища, и их кардинально переоборудовали новые хозяева. Так произошло с Домом Саллюстия (VI.2.4), который был основательно перестроен после 62 г. н.э. Новым хозяином, как это определяется по найденной печати, был А. Коссий Либан (CIL. X.8058.27). Судя по когномену, он был выходцем с Востока, попал в рабство, а затем был отпущен на волю. Используя выгодное расположение дома возле городских ворот, он переделал жилище под постоялый двор и соединил две лавки с внутренними покоями. Однако пекарня была устроена раньше, еще прежними владельцами в конце Республики – начале Империи[28]. Примерно в это же время возникает еще ряд пекарен, связанных с домами знати. В Доме Пансы, который после землетрясения перешел от древнего рода Ариев в собственность не менее знатной фамилии Аллиев[29], хлебопекарни VI.6.4–5 и VI.6.16–21 были устроены вскоре после сулланской колонизации[30]. В это же время пекарня возникла и среди хозяйственных помещений обширного и богато украшенного Дома Лабиринта (VI.11.9–10)[31]. Примеры такого рода можно продолжать и дальше, что подтверждает сделанные ранее выводы.

Но для нас важно то, что после землетрясения, как показали исследования А. Майюри, были оборудованы только четыре новые пекарни: VI.3.3; VII.1.36; VII.2.3–6; VIII.4.26–29[32]. В то же время некоторые из ранее существовавших хлебопекарных мастерских прекратили свое суще-

---

[25] Подробный разбор лавок различных типов см.: *Gassner V.* Op. cit. S. 45–81.

[26] Ibid. S. 85.

[27] *Maiuri A.* L'ultima fase... P. 58.

[28] *Сергеенко М.Е.* Помпеи. С. 221–222; *Maiuri A.* L'ultima fase... P. 98–99; *Overbeck J.* Pompeji in seinen Gebäuden, Altertümern und Kunstwerken. Leipzig, 1884. S. 300–307.

[29] *Fiorelli G.* Descrizione di Pompei. Napoli, 1875. P. 102, 106.

[30] *Overbeck J.* Op. cit. S. 325–326.

[31] Ibid. S. 342.

[32] *Maiuri A.* L'ultima fase... P. 164–165, 167, 168–170, 172–173.

ствование. В помещениях VII.12.11 и VIIосс.9 археологи обнаружили следы от убранных мельничных жерновов: мастерские были переоборудованы в лавки[33]. К моменту гибели города не функционировала и пекарня VI.14.34[34]. А еще ряд пекарен (V.3.8; V.4.1–2; IX.1.3, 33; IX.5.4) работал не в полную силу, так как некоторые мельницы не действовали[35]. Примерно такая же картина наблюдается и в шерстоделательном производстве: в мастерских фуллонов, красильщиков и валяльщиков войлока[36]. В. Гасснер подсчитала, что после землетрясения 62 г. н.э. в Помпеях на шесть сотен лавок приходится появление всего около двух десятков новых заведений[37], что неожиданно весьма немного.

Приведенный выше материал не только позволяет еще раз поставить под сомнение тезис о том, что в последние годы жизни Помпей произошел всплеск торгово-ремесленной деятельности рвущихся к обогащению низших слоев помпейского общества[38]. Главное для нас – это то, что отсутствие существенного увеличения числа таберн ясно свидетельствует, что уже до землетрясения, в конце Республики – начале Империи, знатные и богатые фамилии через активную деятельность своих рабов и отпущенников (в дополнение к издавна представленным в общинном производстве свободным работникам в мелких мастерских) заполнили в экономике Помпей всю сферу торгово-ремесленной жизни города, и места для расширения производства уже не осталось.

Наиболее наглядно это представлено в шерстоделательном и хлебопекарном производстве. Обширный дом Л. Попидия Секунда (I.4.5), представителя старинного аристократического рода, кандидата в эдилы в эпоху Флавиев[39], со всех сторон был окружен табернами и мастерскими и имел при себе две фуллоники (I.4.7 и I.4.26). В последней работал его отпущенник Л. Попидий Дионисий[40], который в предвыборных лозунгах просит голосовать за своего патрона (CIL. IV.1041, 1045). Другой представитель этого знатного рода – Н. Попидий Приск, офицер преторианской когорты – имел обширный дом VII.2.20, также окруженный лавками и мастерскими[41], среди которых выделялась крупная пекарня с четырьмя мельницами (VII.2.22) и фуллоника (VII.2.41). Схожая картина наблюдается и в деятельности Теренция Неона, владельца огромного дома VII.2.1–7 и пекарной мастерской с лавками для продажи выпеченной продукции, которой управлял некий Прокул, которому приписывают и пекарню, расположенную напротив, на другой стороне улицы (IX.3.10–12)[42].

Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает мало информации о формах взаимоотношений хозяина дома с ли-

---

[33] *Fiorelli G.* Op. cit. P. 283, 440.

[34] NS. 1876. P. 195; 1887. P. 221.

[35] NS. 1878. P. 41; 1901. P. 208; *Fiorelli G.* Op.cit. P. 58–59, 367.

[36] Об этом см.: *Ляпустин Б.С.* Развитие шерстоделательного производства в Помпеях в I в. н.э. // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 40–42.

[37] *Gassner V.* Op. cit. S. 25.

[38] *Rostovzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926. P. 72–74; *Maiuri A.* L'ultima fase...P. 163–167. Ср.: *Lepore E.* Orientamenti per la storia sociale di Pompei // Pompeiana. Raccolta di studi per il secondo centenario degli scavi di Pompei. Napoli, 1950. P. 202–208; *Gassner V.* Op. cit. S. 24–25.

[39] *Castrén P.* Op. cit. P. 207–209.

[40] *Della Corte M.* Op. cit. P. 256, 263.

[41] Ibid. P. 150–153.

[42] Ibid. P. 157–160; *Castrén P.* Op. cit. P. 21, 227–228.

цами низкого социального статуса, появившимися в границах знатного дома и стоявшими во главе мастерских. То, что большинство таберн в этот период сообщается с внутренними покоями, свидетельствует о доверительных и близких отношениях, формы которых могут быть разнообразны. Одним из возможных вариантов, как сообщают юридические источники, могло быть использование мастерских на основании узуфрукта (т.е. права пользования и извлечения доходов). Весьма распространенной была ситуация, когда наследнику давалось распоряжение предоставить кому-либо узуфрукт на пользование зданиями таберн и мастерских. При этом фруктуарий был ограничен в своих действиях. Как определяет юрист I в. Нерва-сын, ему запрещено изменять комнаты, менять местами вход и выход, переделывать атрий, но он может украшать строение и проделывать в нем окна[43]. Получив в узуфрукт дом, он мог сдавать его в аренду целиком, но не мог переделывать его при этом под мастерскую или гостиницу[44]. В этом контексте интересна помпейская пекарня VII.2.3–6, которая была соединена с жилыми комнатами через проделанное в стене окно после того, как в нем появился последний владелец[45]. Вероятно, это отражение ситуации описанной Нервой, и говорит либо об арендных отношениях, либо об узуфрукте на пекарню, когда коренную перепланировку хозяин пекарни провести не мог.

Помимо торгово-ремесленной деятельности, в последний период жизни города активизируется и развитие сферы услуг: организация гостиниц и постоялых дворов. Кроме Коссия Либана, постоялый двор с хлебопекарней объединили еще несколько хозяев. Так, пекарня VI.2.6 на Консульской улице отделялась стеной от гостиницы VI.2.3–5. Такое же соединение пекарни и постоялого двора наблюдается в VI.14.31–33; VI.5.15; VI.1.14–16[46]. Всего в Помпеях Г. Эшебах насчитал 37 гостиниц и постоялых дворов (*hospitia et diversoria*). Такое большое количество заведений для путников, когда после землетрясения сократилось число местных жителей, не случайно. Помпеи находились на перекрестке путей, соединявших соседние города Стабии, Нуцерию и Нолу с Неаполем и торговым портом в устье реки Сарно. Поэтому через город непрерывным потоком двигались путешественники и купцы с товарами, которые на стенах гостиниц и кабачков оставили немало надписей, сообщая в них о себе самих и соседних городках, куда они устремлялись (CIL. IV.8660; 8903; 8991 и др.).

Гостиницы сооружались и за стенами города. На вилле № 28 под Помпеями был раскопан постоялый двор с харчевней и пекарней, где находили пищу и кров путешественники и торговый люд. А на вилле № 10 возле дороги была оборудована лавка, где торговали вином и не-

---

[43] Dig. 7.1.13.7 (*Ulp.* 18 ad Sab.): *Sed si aedium usus fructus legatus sit, Nerva filius et lumina immittere eum posse ait: sed et colores et picturas et marmora poterit et sigilla et si quid ad domus ornatum. sed neque diaetas transformare vel coniungere aut separare ei permittetur, vel aditus posticasve vertere, vel refugia aperire, vel atrium mutare, vel virdiaria ad alium modum convertere: excolere enim quod invenit potest qualitate aedium non immutata.*

[44] Ibid. 8: *item si domus usus fructus legatus sit, meritoria illic facere fructuarius non debet nec per cenacula dividere domum: atquin locare potest, sed oportebit quasi domum locare. nec balineum ibi faciendum est. quod autem dicit meritoria non facturum ita accipe quae volgo deversoria vel fullonica appellant.*

[45] *Fiorelli G.* Op. cit. P. 188–189.

[46] Ibid. P. 83–85; NS. 1876. P.195; *Overbeck J.* Op. cit. S. 300–303; *Eschebach H.* Op. cit. S. 133, 130, 127.

хитрыми закусками как для местных деревенских жителей, так и для проезжавших мимо чужаков[47]. Такая ситуация была типичной для Италии. Как сообщает Варрон, по дорогам к морским гаваням двигались торговые караваны из вьючных ослов, на которых везли масло, вино, зерно и другие товары[48]. Автор трактата о сельском хозяйстве, выразитель взглядов и хозяйственной практики староримской знати, советовал землевладельцам воспользоваться выгодной ситуацией для извлечения прибыли и выстроить гостиницу, если имение лежит при дороге и место удобно для путников[49]. Таким образом, и в этой сфере деятельности мы видим отнюдь не практику народившегося слоя новых богачей, а традиционные формы организации хозяйственной жизни знатных фамилий, берущие свое начало еще со времен Республики.

Подводя итог, следует отметить, что в Помпеях представители знати организовывали хозяйственную жизнь фамилии, активно расширяя торгово-ремесленную деятельность, в расчете на получение возможной прибыли в различных формах, через своих рабов и отпущенников. Однако в этом общем для всех русле экономической деятельности можно выделить два направления. Одно из них связано с активной перестройкой домовладения новым хозяином. Пробиваются новые входы, лавки начинают напрямую соединяться с внутренними жилыми помещениями. Такие изменения проводили в последние годы жизни города не только отпущенники, подобные Коссию Либану, но и аристократы, например, из рода Попидиев. Увеличение числа проходов в большой атриумный дом является наглядным свидетельством активной торгово-ремесленной жизни знатной фамилии, которую домовладыка проводил открыто перед глазами своих сограждан, не считая нужным ее как-либо камуфлировать. Знатный дом включил в себя несколько зон: жилую, публичную, хозяйственную, которые существовали бок о бок в тесной связи между собой.

Однако сохранялся и прежний подход к принципам организации хозяйственной жизни в рамках городской фамилии, который ведет начало от строгих нравов предков, когда домовладыка демонстративно дистанцировался от непрестижных форм деятельности, отгораживаясь от таберн глухой стеной и сохраняя только один парадный вход в атрий. Частная жизнь была изолирована от шумной торгово-ремесленной сферы. Правда, живущих по староримским принципам в Помпеях осталось немного – только 11 домов из 58 площадью от 350 до 3000 м^2 сохраняли один вход по фасаду. Наиболее примечательным среди них был дом М. Лукреция Фронтона (V.4.A). Его жилище не было ни обширным, ни многокомнатным, но выделялось замечательным атрием, перистилем и прекрасными фресками третьего стиля. Среди них важное место занимает роспись на мифологический сюжет, взятый из Овидия – Перо кормит грудью осужденного на голодную смерть отца Мико. Картина содержит подпись: «В несчастье стыдливость уступает перед дочерним

---

[47] *Сергеенко М.Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958. С. 185; *Carrington R.C.* Pompeii. Oxf., 1936. P. 116, 124; NS. 1921. P. 436–441.

[48] Varr. *RR.* II.6.5: *Greges fiunt fere mercatorum, ut eorum qui e Brundisino aut Apulia asellis dossuariis comportant ad mare oleum aut vinum itemque frumentum aut quid aliut.*

[49] Varr. *RR.* I.2.23:*...si ager secundum viam et op<p>ortunus viatoribus locus, aedificandae tabernae devorsoriae, quae tamen, quamvis sint fructuosae, nihilo magis sunt agri culturae partes.*

долгом»[50]. Сюжет и текст в духе *mos maiorum* буквально навевают образ сурового ревнителя старины Катона Старшего. Этот образ аристократа, ставящего моральную чистоту выше погони за прибылью, дополняют предвыборные надписи на стене его дома (CIL. IV.7305, 7416, 7979), где соседи, призывая избрать М. Лукреция Фронтона эдилом, называют его сильным и честным, добродетельным и скромным. И такой формы хозяйственной жизни в доме придерживались не только старинные аристократы. Братья-вольноотпущенники Везонии, видимо, подражая знати, точно так же в доме имели один вход в атрий, а жилые покои от хозяйственных помещений были отделены глухой стеной.

Таким образом, экономическая жизнь Помпей со II в. до н.э. вплоть до гибели города характеризовалась активной торгово-ремесленной деятельностью знатных фамилий, которые через своих рабов и отпущенников оказывали большое влияние на темпы и формы хозяйственной жизни муниципия и даже на то, как вели себя выбившиеся в верхние слои общества вольноотпущенники.

BORIS S. LYAPUSTIN (MOSCOW)

ECONOMIC LIFE OF NOBILITY IN POMPEII

Material from Pompeii allows to restore the picture of economic life of nobility in the city, who joined, quite actively, the commercial life of the community, starting from II B.C. There they joined activities of free craftspeople, who worked in small workshops. *Domus*, usually belonging to one family, becomes the center of families' economic life. The number of small shops and workshops around was growing; and they were given, as *peculia*, to individuals, who were under the power of a houseowner. Thus the house became the center of integration between private, public and economic spheres of life. Heads of old Pompeii families were guided by the same ideas, as old Rome families, in their activities. As a result, from the end of Republic to beginning of the Empire, the economic activities, supplemented by the labour of small merchants and craftspeople, encompassed the commercial life of Pompeii, so that after the earthquake of 62 A.D., despite an active change of house owners, there was no important enlargement in the network of *taberna*. The economic life of noble families had different forms, which found their representations in space. In some cases passes from *taberna* to residential area illustrated the fact that there was connection between a family's private life and its merchant-craft activities. In others, *patres familias* in an old Rome style kept segregating commercial and residential areas with a strong wall.

[50] *Hanno C.* Указ. соч. С. 124–126.

Е.В. Сергеева

ТЕРТУЛЛИАН И СЕМЬЯ: К ВНУТРЕННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ЭПОХИ СЕВЕРОВ*

О семейной жизни Тертуллиана и его супруги известно немногое. Впрочем, даже скудные фрагменты, сохраненные раннехристианской традицией – несравненно больше того, что мы знаем о семейном статусе всех прочих лидеров христианского сообщества эпохи Северов. Однако данный очерк – не столько попытка воссоздать подробности семейной жизни великого североафриканского писателя и теолога, сколько возможность поставить некоторые вопросы, касающиеся отношения к семье в раннем христианстве. В современных исследованиях христианство оценивается как особая форма сообщества, идентичность которого строится на вероисповедании, что не было характерно для Средиземноморья, за единственным исключением (иудейское общество)[1]. Не отрицая этого совершенно очевидного факта, следует, тем не менее, задаться вопросом: в какой степени при этом подавляются все прочие формы идентичности, все прочие «социальные измерения», в которых существует человек? Можно ли однозначно утверждать, что не с точки зрения постепенно конструируемой отцами церкви идеальной модели, а в повседневной практике каждого конкретного человека прочие сообщества, и в первую очередь семья, составляют принципиальную оппозицию христианству? Именно в контексте данных вопросов мы и попытаемся представить своего рода портрет Тертуллиана «в семейном интерьере», рассмотреть, каким мужем, каким семьянином предстает в своих трактатах этот неординарный человек[2].

Главный источник наших сведений о взаимоотношениях писателя с супругой – его трактат «К жене», включающий две книги. Трактат принято датировать домонтанистским периодом творчества писателя[3]. Написание обеих частей, по-видимому, разделяет некоторый промежуток времени. Повод к созданию трактата весьма примечателен: христианин обеспокоен тем, что в случае его кончины жена может избрать путь повторного брака. Именно эти опасения заставляют Тертуллиана со всем свойственным ему пылом пытаться наставить жену на путь целомудрия. Появление второй книги трактата свидетельствует о том, что тревоге

---

* В основу данной статьи положены материалы доклада, прочитанного 2 февраля 2007 г. на XV Сергеевских чтениях в МГУ.

[1] *Fowden G.* Religious Communities // Late Antiquity. Cambridge (Mass.); London, 1999. P. 83.

[2] Со времени выхода в свет в 1972 году книги П. Бурдье (русский перевод: *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001) в научной литературе принято подчеркивать, что исследователь осознает существование разрыва между проповедуемой идеальной нормой и социальной практикой. Отдавая дань этой традиции, отметим все же, что в эпоху формирования нового сообщества (а именно такую эпоху и переживало христианство рубежа II–III вв.) не существует ни единой социальной практики, ни единой проповедуемой нормы. В этом смысле возможность анализа комплекса *индивидуальных* убеждений имеет особую ценность.

[3] *Harnack A.* Geschichte der altchristliche Literatur bis Eusebius. T. 2. Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Leipzig, 1897. Bd. 1–2. S. 257–296; *Monceaux P.* Histoire littéraire de l'Afrique crétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. P., 1901. T. 1. P. 193–209.

Тертуллиана не суждено было угаснуть. Вторая книга содержит наставление женщинам, решившимся на повторный брак. Уж если вдова, по любым причинам, не желает оставаться в безбрачии, то ей следует, по крайней мере, избрать в мужья христианина. Тертуллиан пытается показать все сложности, с которыми может столкнуться вдова-христианка, связавшая свою жизнь с язычником. Однако текст прямо обращен к жене и вся риторика автора не способна скрыть тех страхов, если не сказать фобий, которые его переполняют.

Итак, обратимся к трактату. В нем нет ни упоминания имени жены, ни прямых указаний на ее возраст или обстоятельства обращения к христианству, однако для некоторых умозаключений основания все-таки имеются. Прежде всего, к моменту написания трактата супружеские отношения писателя и его жены уже насчитывают немало лет: «Мы прожили достаточно долгую жизнь, помогая друг другу разумным советом», – пишет Тертуллиан (*Ad uxor.* I.1). Трудно сказать, обратились ли супруги в христианство, уже состоя в браке[4]. Представляется вполне вероятным, что да. Довольно уверенно можно предположить, что жена обратилась в христианство вслед за мужем, и ни в коей мере не наоборот. Во-первых, для человека, воспринявшего учение через посредство жены, Тертуллиан слишком неуверен в способности женщин соблюдать твердость в вере. Наставляя жен не выходить замуж за язычников, он в первую очередь имеет в виду свою жену. Им очевидно движет именно неуверенность в *ее* решениях. Во-вторых, писатель вообще крайне негативно относится к идее женского влияния в лоне церкви. Сколько гневных выпадов он адресует женщинам, осмеливающимся, вопреки наставлениям апостола[5], не только учить, но даже крестить (*Praescr. heret.* 41.5; *De bapt.* 17.4–5)! В третьих, Тертуллиан допускает, что, сохраняя брак, еще до обращения заключенный с язычником, женщина способна смягчить или даже обратить его. Но в тексте нет ни следа того, что таким был собственный путь писателя к вере[6].

Текст оставляет довольно отчетливое ощущение, что жена *заметно* моложе мужа. Дело не только в назидательном тоне – для этого вполне достаточно статуса главы семьи. Тертуллиан обращается к супруге как к потенциальной вдовице, причем все еще *весьма* привлекательной. Разумеется, его готовность покинуть супругу отчасти диктуется витающей над христианским сообществом угрозой гонений и решимостью, в случае необходимости, принять мученический венец. Однако фактор возраста не следует скидывать со счетов: если верить демографическим выклад-

---

[4] См.: *Barnes T.D.* Tertullian. A Historical and Literary Study. 2nd ed. Oxf., 1985. P. 58–59, 137–138.

[5] Ср. знаменитое высказывание Павла о женщинах, которым подобает молчать в церквях: I Cor. 14:34–35.

[6] В последние годы стереотипные представления о роли женщин в процессе христианизации подверглись существенному пересмотру. Так заметный резонанс получили статьи Мишель Зальцман и Кейт Купер, которые, полемизируя с некоторыми положениями классической работы Питера Брауна, открыли современную дискуссию по проблеме женского влияния в раннем христианстве. См.: *Brown P.R.L.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // JRS. 1961. Vol. 51. P. 1–11; *Salzman M.R.* Aristocratic Women: Conductors of Christianity in the Fourth Century // Helios. 1989. Vol. 16. P. 207–220; *eadem.* The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge (Mass.); London, 2002. P. 138 ff.; *Cooper K.* Insinuations of Womanly Influence: An Aspect of the Christianization of the Roman Aristocracy // JRS. 1992. Vol. 82. P. 150–164.

кам, нормальный возрастной разрыв для супругов данной эпохи – 10–12 лет. Большинство мужчин впервые вступало в брак в возрасте 27/28–30, большинство женщин – в 18–19 лет[7]. Разрыв не фатальный, но угрожающий психологической стабильности супружеских отношений.

Между тем Тертуллиан-супруг невероятно далек от равнодушия к собственной жене. Будучи уверен в порочности сексуальных отношений, в том числе и освященных браком, он, тем не менее, признает свою неспособность к полному воздержанию. С одной стороны, брак для него – всего лишь уступка слабости человеческой плоти: «Если лучше жениться, то потому только, что разжигаться хуже» (*Ad uxor.* I.3)[8]. В более поздних трактатах он выскажет то же самое в куда более резких выражениях: «…Брак – не что иное, как вид разврата… Брак не уподобляется ли прелюбодеянию, не бывает ли средством удовлетворения тех же желаний? Сам Господь говорил: всякий, кто с вожделением взглянул на женщину, мысленно уже соблазнил ее. Человек, ищущий брака с женщиной, не творит ли того же самого, хотя бы после и женился на ней? Да и женился бы он на ней, прежде чем посмотрел на нее с похотью? Ведь невозможно брать в жены ту, которой не видел и не возжелал…» (*De exhor. cast.* 9).

И все же сам писатель не смог пойти по пути полного воздержания. Вернемся к трактату «К жене». Восхваляя вдовство, Тертуллиан восклицает: «Как же нам… не любить воздержание?! Так насладимся же им при первой возможности, чтобы чистоту, *которую мы не смогли достичь в супружестве*, мы могли соблюдать во вдовстве. Нужно приветствовать случай, освобождающий нас от обязанностей, которые нужда на нас возлагала» (*Ad uxor.* I.7). Уступая слабости плоти, Тертуллиан пытается ввести эту уступку хоть в какие-то сдерживающие рамки: бесстыдная развязность в постели угодна только язычнику, пишет он, «тогда как настоящие христиане исполняют супружеские обязанности с уважением *к самой их необходимости*, скромно и без излишеств, словно на виду у Бога» (I.3). Женщина, в свою очередь, не должна поощрять низменные желания мужа. Увещевая женщин в трактате «О женском убранстве», он взывает: «Вы должны нравиться только своим мужьям, но нравиться им вы можете только в том случае, если не будете стараться нравиться другим…» Женщина не должна бояться, что, не следя за собой, она утратит расположение супруга: «Будьте уверены, благословенные сестры: ни одна жена мужу не кажется безобразной. Она достаточно нравилась, когда он выбирал ее за добрый нрав или прекрасную внешность… Любой муж требует от жены прежде всего целомудрия» (*De cultu fem.* I.4). И вообще, даже собственной добродетели лучше не доверять: «Мы не должны слишком полагаться на собственные силы… Если мы положимся на себя, то наверняка не избежим падения» (II.2). Впрочем, при всем богатстве этого сюжета, представления Тертуллиана о

---

[7] *Hopkins K.* The Age of Roman Girls at Marriage // Population Studies. 1965. Vol. 18. №. 3. P. 309–327; *Lassère J.M. Ubique populus*: peuplement de population dans l'Afrique romaine. P., 1977. P. 487 ff.; *Shaw B.D.* The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations // JRS. 1987. Vol. 77. P. 30–46; *Saller R.P.* Men's Age at Marriage and Its Consequences in the Roman Family // CPh. 1987. Vol. 82.2. P. 21–34.

[8] Ср.: 1 Cor. 7:9.

женской телесной красоте лежат за пределами данной статьи и достойны отдельного рассмотрения[9].

Особенно гневно писатель обрушивается на повторный брак. Казалось бы, Господь решил судьбу человека, освободив его от брачных обязательств: «Воспользуйся, любезный брат, этим случаем, неожиданным, но предоставляющимся весьма кстати, чтобы избавиться тебе навсегда от всякого земного обязательства. Ты более не должник. Ты счастлив, потеряв жену… Посмотри, как близок человек к духовной природе, освободясь по случаю от жены. Он чувствует себя вновь рожденным. Когда молится, он ближе к небу. Он проводит ночи в размышлениях о Священном Писании. Сердце его исполняется блаженства…» (*De exhor. cast.* 10). Таким образом, даже в законном и освященном браке супруг/супруга встает между христианином и Богом, отвлекая на себя душевные силы и порывы души[10]. Насколько сильнее то же самое проявляется в браке, заключенном между христианином (христианкой) и язычником! «Нужно явиться на бдение? Муж назначит в это время свидание в бане. Придет день поста? Муж именно в этот день пригласит друзей на пир. Случится ли крестный ход? Именно в этот день как никогда много хлопот по дому. <…> Сможешь ли ты тайком крестить постель и свое тело или же сплюнуть что-нибудь нечистое? Если ты встанешь ночью помолиться, не сочтут ли тебя колдуньей? Неужели муж не заметит, что ты тайком съедаешь перед каждым приемом пищи? А когда он узнает, что это всего лишь хлеб, то что он в невежестве своем подумает о тебе?» (*Ad uxor.* II.4–5).

И все же, при всем ригоризме своих суждений, Тертуллиан далек от полного осуждения брака. Более того, среди обвинений, бросаемых им в адрес еретиков, прежде всего маркионитов, непризнание брака фигурирует неоднократно (*Adv. Marc.* I.29; IV.23; *Ad Uxor.* I.3; *Praescr. heret.* 33.6 etc.). Истинные христиане, если уж они не выбрали пути целомудрия, могут все же создать брак, отношения в котором Тертуллиан призна́ет идеальными. Эти отношения должны строиться на основании общей веры: «Как же приятно должно быть соединение двух сердец в одинаковой надежде, служении и вере! Поистине, они двое в единой плоти: где одна плоть, там и дух один. Они вместе молятся, вместе преклоняют колена, вместе постятся, взаимно одобряют и поддерживают друг друга. Они равны в Церкви Божьей и на трапезе Божьей, равно делят гонения и отдых, ничего друг от друга не скрывают, друг другом не тяготятся… Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь друг друга превзойти в восхвалениях Бога. Господь радуется, видя их единодушие…» (*Ad uxor.* II.9).

Однако подобная гармония – всего лишь почти недостижимый идеал, к которому должны всячески стремиться истинные христиане,

---

[9] Современная историография по этой проблеме весьма обширна. Ограничимся упоминанием лишь о нескольких книгах, оказавших наибольшее влияние на дальнейшие дискуссии: *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. N.Y., 1988. P. 76 ff.; *Aspregen K.* The Male Women: A Feminine Ideal in the Early Church. Stockholm, 1990; *Rousselle A.* Porneia: On Desire and the Body in Antiquity. Cambridge (Mass.); Oxford, 1993. P. 24 ff.

[10] Апостол Павел, к чьим посланиям восходит данная сентенция, гораздо более прям и категоричен: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Cor. 7:32–33).

избравшие путь супружества. Как правило, брак – это некое бремя, и избавленный от него Богом должен быть благодарен судьбе и не стремиться «отказываться от дарованной свободы, чтобы наложить на себя новые оковы» (*Ad uxor.* I.7). Но какие же причины заставляют человека заключить брачный союз?

Еще в обращении к жене Тертуллиан называет два главных основания брака: «Две человеческие слабости делают брак необходимым: первая и главная – плотское вожделение, а вторая – вожделение мирское» (*Ad uxor.* I.4). Для первого писатель не видит оправдания. К обличению этого порока он возвращается едва ли не в каждом из трактатов. Мирское вожделение также может определять решения как мужчин, так и женщин: «Мирское вожделение имеет источником своим тщеславие, алчность, честолюбие, недовольство малым. Отказываясь от награды небесной, [женщины] хотят быть госпожами чужого дома, наслаждаться богатствами мужа, пользоваться превосходством своим, чтобы привлекать к себе уважение не по собственным заслугам» (I.4.4). Впрочем, мотивы, которыми руководствуются мужчины, не намного лучше, хотя в адрес, так сказать, «соратников по полу», Тертуллиан высказывается не столь резко. О мужском отношении к браку он пишет в трактате «О поощрении целомудрия». Здесь снова звучит мысль о двух важнейших побудительных мотивах брака (*De exh. cast.* 12). Первый – ненасытная похоть плоти. Второй – надобность в дружеской поддержке (*necessitates adminiculorum*). Под такой поддержкой, впрочем, понимаются исключительно домашние заботы: необходимость управления домом, семейством, потребность следить за кладовыми и ключами, прядением шерсти, забота о пропитании, о сбережении расходов. Все эти заботы, возлагаемые на женщину, Тертуллиан отказывается принимать в расчет: «Выходит, по-твоему, что одни только дома женатых людей могут быть хорошо управляемы, и что холостые люди должны непременно разоряться. Но разве евнухи, военные люди и путешественники не обходятся без жен и всегда теряют имущество свое?» По его мнению, если уж человек не может вынести бремени домашних забот, то пусть он заключит брак с духовной супругой: «Избери в подруги вдову, красующуюся религиозным усердием, богатою бедностью своею, облагороженную степенным возрастом».

Позиция Тертуллиана в отношении мирской обоснованности брака оказывается, таким образом, достаточно неожиданной. Парадокс заключается в том, что, отказываясь признать «легитимность» социальных мотивов для заключения брака, писатель оставляет для супружеских уз единственное основание – несовершенство человеческой плоти, не способной противостоять искушению. Любые социальные задачи могут быть решены иным способом, утверждает он. Однако усмирение плотских страстей – дело совсем иное. Хотя в лоне церкви множество тех, кто справился с бременем плоти – скопцов, дев, целомудренных супругов, – для многих эта задача остается непосильной. Более того, это желание телесного единения видится Тертуллиану исходящим от самого Бога, «который, извлекши из мужа вещество для создания жены, вселил в них желание соединиться браком» (*Ad uxor.* I.3.1). Эта неожиданная терпимость к человеческим слабостям открывает нам образ Тертуллиана с совершенно неожиданной стороны и заставляет более пристально рас-

смотреть вопрос об «антисемейных» тенденциях в рамках раннего христианства[11].

Впрочем, писатель не ограничивается двумя рассмотренными основаниями для заключения брака. Есть и третье, которое заслуживает здесь особого внимания. Речь идет о продолжении рода, о детях[12]. Тертуллиан не признает желание иметь детей уважительным поводом для вступления в брак. Прежде всего, он считает несовместимой идею заботы о детях и желание покинуть этот мир, какое, по его мнению, должно быть свойственно любому христианину: «Зачем желать детей, когда имея их, мы желаем им поскорее покинуть наш злосчастный век и быть принятыми у Господа, как того хотел апостол? Хватит с нас забот о своем собственном спасении, если даже не заводить детей!» (*Ad uxor.* I.5). Далее Тертуллиан открыто называет детей бременем, *onera*, причем бременем, от которого люди стремятся всячески избавиться. Язычники этим бременем, то есть детьми, тяготятся, нарушая законы. Отсюда широко распространенная практика абортов и отказа от новорожденных. Христиане, которые, по словам писателя, не имеют с этой практикой ничего общего и осуждают ее как форму убийства, тем не менее, не должны желать потомства. Ибо дети встают между ними и Богом: «Почему же Господь возвестил: “Горе беременным и кормящим” (Matt. 24:19; Luc. 21:23), если не для того, чтобы свидетельствовать: в Судный день тягостным станет бремя детей?» Дети, как и все остальное, связывающее человека с заботами этого мира, помешают христианину с легкостью «подчиниться зову ангельской трубы», перенести гонения и лишения. И уже поэтому желание иметь детей не подобает христианину в той же мере, в какой ему не подобает заключать брак из плотского вожделения или по другим мирским мотивам. Не случайно, обращаясь к примеру Авраама, писатель скажет: Бог повелел Аврааму принести сына в жертву «не для искушения, а для испытания, чтобы через него явить пример своей заповеди, которую собирался впоследствии дать: и близкие не дороже Бога» (*ne qui pignora Deo cariora haberet – De orat.* 8.3).

Впрочем, для подобного отношения Тертуллиана к детям есть и иные причины. Снова обратимся к тексту трактата «О поощрении целомудрия». Детям здесь посвящено немало ярких высказываний. Часть из них вполне созвучна мыслям, уже озвученным при написании трактата «К жене». Так мечта о потомстве недостойна для христианина, который не должен бы думать о завтрашнем дне (*De exhor. cast.* 12). Слова Тертул-

---

[11] О некоторых новых тенденциях в изучении данного аспекта истории раннего христианства см.: *Hunter D.G.* “On the Sin of Adam and Eve”: A Little-Known Defense of Marriage and Childbirth by Ambrosiaster // HThR. 1989. Vol. 82.3. P. 283–299; *Clark E.A.* Antifamilial Tendencies in Ancient Christianity // Journal of the History of Sexuality. 1995. Vol. 5.3. P. 356–380; *Moxnes H.* What is Family? Problems in Constructing Early Christian Families // Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by *H. Moxnes*. L., 1997. P. 13–41; *Ahearne–Kroll, Stephen P.* “Who Are My Mother and My Brothers?” Family Relations and Family Language in the Gospel of Mark // Journal of Religion. 2001. Vol. 81.1. P. 1–25.

[12] Отношение христиан к проблеме продолжения рода достаточно долго оставалось на периферии исследовательских интересов историков церкви, и абсолютное преимущество оставалось за нравственно-богословскими построениями. Только в последние годы ситуация начала постепенно меняться. См.: The Child in Christian Thought / Ed. by *M.J. Bunge*. Grand Rapids, 2001; *Parkin T.* On Becoming a Parent in Later Life: from Augustus to Antonio Agustin via St. Augustine // Childhood, Class and Kin in the Roman World / Ed. by *S. Dixon*. Routledge, 2001. P. 221–236.

лиана весьма язвительны: «Будет желать наследников служитель Божий, который сам же отказался от наследства мирского? И ради того вступит в повторный брак, что не имел детей от первого? Сочтет благом жить дольше, когда сам апостол спешит к Господу? Конечно, более всех готовый к гонениям, самый стойкий в мученичестве, самый неутомимый в делах общины, самый сдержанный при допросах, он, наконец, спокойно умрет, оставив детей, которые, быть может, позаботятся о его похоронах?» Среди этой риторики не остается места никаким иллюзиям об истинной благотворности родительства. Но далее следует еще более сильный ряд аргументов: «Неужто, таким образом они заботятся о процветании государства? Чтобы не обезлюдели города, коли они не породят потомства, чтобы не пришли в упадок законы и торговля, не опустели храмы, чтоб не было недостатка в тех, кто кричат: "Христиан льву!" Видно, желают это слышать те, кто хочет иметь детей». Тертуллиан не допускает и мысли о том, что рождение детей несет в себе хоть что-то хорошее: «*Законы* заставляют людей [заниматься воспитанием], ибо ни один разумный человек *добровольно* не пожелал бы [иметь] детей».

Но дело здесь не в душевной черствости. Для Тертуллиана каждый новый житель этого мира – потенциальный язычник. Отношения в рамках христианской семьи еще не выстроены настолько, чтобы быть уверенным – потомство христианина будет христианским. Как и другие апологеты, сам Тертуллиан пришел к новой вере через разрыв с отеческой религией, а потому лучше других понимал, что ни родительский авторитет, ни верность традициям или семейному долгу не гарантируют, что дети последуют по стопам родителей-христиан. Эта мысль наиболее очевидно проступает в одном из пассажей трактата «О крещении». По мнению Тертуллиана, крещение не подобает совершать в раннем возрасте: в младенчестве дети еще безгрешны, но никому не известно, какой путь они выберут далее. Возможно, отвратившись от христианства, они подвергнут опасности не только свои души, но и души крестных родителей (*De bapt.* 18.4–5).

Таким образом, в основании весьма сурового отношения Тертуллиана к рождению потомства лежит две важнейшие идеи: во-первых, ничто не должно стоять между человеком и Богом. Любая земная привязанность удаляет христианина от идеала. Эта та же идея, что определяет его отношение к браку вообще, даже браку почтенному, христианскому. Во-вторых, каждый человек должен пройти свой собственный, глубоко прочувствованный путь к вере, и дети, даже дети из христианских семей, – не исключение. Христианами не рождаются, ими становятся, делаются (*fiunt, non nascuntur Christiani* – *Apolog.* 18.4), – вот ключевая мысль эпохи. В этой детали, в отношении христианского автора к будущим поколениям, очень ясно просматривается разрыв в нашем восприятии христианства эпохи II–III вв. и самовосприятием христиан того времени. Мы, даже отдавая себе в этом отчет, воспринимаем жизнь первых христиан как начало непрерывной цепи христианских поколений. Для Тертуллиана и его современников его жизнь – это жизнь поколения, не просто первого, а, возможно, единственного, скорее всего – последнего.

Возможно, в контексте всего сказанного, это прозвучит неожиданно, но все же семейная риторика Тертуллиана – это не риторика осужде-

ния и отречения. В ту пору, когда ослабление внутрисемейных связей фиксируется на всем пространстве Средиземноморья, христиане испытывают на себе влияние этого процесса в той же мере, что и все их современники. Однако, в отличие от многих других, следствием этого является создание нового сообщества, принявшего на себя смысловую нагрузку «семьи». Семья христианина – Бог и Церковь. Прочие христиане – братья и сестры. Терминология родства очень частотна в христианских текстах, и тексты Тертуллиана отнюдь не исключение[13].

Весьма показательно, что в полемике с ересями Тертуллиан довольно часто прибегает к критике семейных воззрений оппонентов. Особенно ярко это видно на примере Маркиона, чей отказ признавать законность супружеских отношений постоянно является объектом критики нашего автора. С другой стороны, невоздержанность и многобрачие Апеллеса, делают его, по мнению Тертуллиана, не менее одиозной фигурой в глазах христиан. Примечательно, что для характеристики еретических воззрений Тертуллиан постоянно использует слова, однокоренные слову *adulterium*; измена Богу и христианскому сообществу для писателя – такое же прелюбодеяние, как супружеская измена.

Античная критика неоднократно обрушивала на христиан обвинение в подрыве семейных устоев. Однако, на наш взгляд, вернее говорить не о подрыве, а о переосмыслении семейных связей. Христианская община мыслила себя в категориях семьи, родства. Люди, врастая в новое сообщество, тем не менее, использовали круг понятий, который отражал их представления о наиболее близких, наиболее тесных союзах, к которым может принадлежать человек. И при всем радикализме своих взглядов наш сегодняшний герой, оставаясь истовым христианином, в своей повседневной жизни все же не переставал быть, в первую очередь, просто членом своей семьи.

ELENA V. SERGEEVA

TERTULLIAN AND A FAMILY: TO THE INNER CHRISTIAN POLEMICS OF THE SEVERS' EPOCH

New family conception making was a topical task during the period of Christian society formation. Tertullian rather consequently protested the trends which denied a family but considered the saving of marriage as a temporary concession to human weakness. The family model which he proposed did not imply any social responsibilities beyond church activity.

[13] См.: Constructing Early Christian Families: Family as Social Reality and Metaphor / Ed. by *H. Moxnes*. L., 1997. В этом сборнике статей, опубликованных группой европейских исследователей, история раннего христианства рассматривается в социологической перспективе, а самопрезентация христианского сообщества через образы семьи и родства – как особая социальная метафора. Для затронутой нами темы особое значение имеют следующие статьи из данного сборника: *Moxnes H.* What Is Family? Problems in Constructing Early Christian Families. P. 13–41; *Barclay J.M.G.* The Family as the Bearer of Religion in Judaism and Early Christianity. P. 66–80; *Esler Ph.F.* Family Imagery and Christian Identity in Gal. 5:13 to 6:10. P. 121–149.

Neither common housekeeping, nor children birth could be a reasonable ground for creating a family. Paradoxically, only inability to continence was admitted by him as a good cause to get married.

Tertullian is highly negative about children. In his opinion, they are a barrier between people and God. The writer declares the principle that "Christians are made, not born". It reflects self-perception of early Christians. Tertullian's eschatological expectations together with his own experience of breaking with a paternalistic values determine his attitude to children as to potential pagans, opponents of their own parents. This marginality of self-perception is a specific feature of the Christian mentality during the epoch of Severus.

А.В. Банников

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В РИМСКОЙ ВОЕННОЙ ТАКТИКЕ И ВООРУЖЕНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Причины изменений, произошедших в римском вооружении. Когда речь заходит о римском вооружении эпохи Поздней империи, ряд специалистов считает возможным говорить о революционных изменениях и, более того, о полном разрыве с существовавшей прежде традицией[1]. В.И. Холмогоров полагает, что в IV в. «характерно-римское национальное оружие» совершенно исчезает из употребления[2]. С другой стороны, широкое применение находят виды оружия, заимствованные римлянами в III–IV вв. у восточных народов или германцев[3].

Действительно, если мы сравним римского легионера времен Траяна с легионером конца III–IV в., то разница в вооружении покажется весьма ощутимой: галльский шлем (тип *Weisenau*) уступает место композитным каскам восточного образца, на смену *lorica segmentata*[4] приходят длиннополые кольчуги, полуцилиндрический *scutum* вытесняется круглыми или овальными щитами[5], короткий и широкий *gladius* заменяется длинной и узкой *spatha*[6], а вместо пилума используется обычное копье (*hasta*) и несколько дротиков различной формы[7]. Каковы же были причины, столь сильно модифицировавшие римское вооружение, а следовательно, и всю римскую военную тактику?

Когда мы говорим о переменах в римском вооружении, произошедших во второй половине III – начале IV в., наиболее интересным, несомненно, является вопрос: каким образом произошла замена традиционных для римской армии гладиуса, пилума и большого полуцилиндрического щита на спату, копье и овальный или круглый щит меньших размеров. Попытаемся определить, чем была обусловлена подобная замена.

---

[1] Тем не менее Р. Гроссе утверждает, что по сравнению с эпохой Ранней империи в римском вооружении произошли «весьма малые изменения» (*Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 321).

[2] *Холмогоров В.И.* Диоклетиано-Константиновская реформа и римская армия IV в. н.э. (рукопись). Гл. 11. С. 59 (отдельная нумерация).

[3] Там же. С. 63.

[4] *Lorica segmentata*, получившая столь широкое распространение в конце I–II вв., была на вооружении еще в первой половине III в., но позднее совершенно вышла из употребления (*Feugère M.* Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. P., 1993. P. 151).

[5] Четырехугольный, полуцилиндрический *scutum*, который был основным видом щита римского легионера во II в., использовался еще в первой половине III в., о чем свидетельствуют фрагменты по крайней мере трех щитов и один почти целый экземпляр, обнаруженные в разрушенной персами римской крепости Дура-Европос. Но уже на рельефах колонны Марка Аврелия и триумфальной арки Септимия Севера изображены легионеры с небольшими овальными щитами.

[6] Традиционный меч римского легионера – гладиус – вытесняется спатой уже в конце II в. (*Feugère M.* Les armes... P. 147).

[7] *Pilum*, являвшийся одним из основных видов оружия римского легионера на протяжении предыдущих столетий, использовался еще в середине III в. Множество образцов позднеримских пилумов было найдено вдоль рейнской границы (*Feugère M.* Les armes... P. 168).

Вооружение легионеров конца Республики – начала Принципата было идеально приспособлено к тактическим приемам ведения боя, сформировавшимся у римлян в процессе борьбы за гегемонию в Средиземноморье. *Pila* были приспособлены для метания, но совершенно непригодны для рукопашного боя[8]. Однако для того, чтобы получить максимальный эффект от броска тяжелого пилума нужен был предварительный разбег[9]. Поэтому легионы Поздней республики были чрезвычайно мобильной структурой. Во время боя они не стояли на месте, ожидая приближения противника, а сами атаковали его. После залпа пилумов сразу же следовала рукопашная схватка, во время которой легионеры действовали своими короткими мечами (*gladii*). В отличие от спаты гладиус был наступательным видом оружия. Римская военная доктрина требовала, чтобы солдаты наносили колющие удары, поскольку считалось, что именно такие удары наиболее смертоносны (Veg. I.12)[10]. Длинный меч был для подобного применения совершенно не приспособлен[11].

Вооруженный пилумом и гладиусом, защищенный массивным щитом (*scutum*) легионер конца Республики и первого века Империи являл собой тип универсального бойца, для которого не подходили устоявшиеся понятия, делившие пехоту на тяжелую и легкую. Обычно считалось, что легкая пехота должна была завязывать бой, а от тяжелой требовалось отразить натиск противника и при этом не нарушить своих боевых порядков. Сложившаяся к I в. до н.э. тактика и вооружение римских легионеров позволяли последним выполнять на поле сражения функции как легкой, так и тяжелой пехоты. Эти солдаты были хорошо защищены, чтобы выдерживать натиск тяжеловооруженного противника, и в то же время они были достаточно подвижны даже для того, чтобы преследовать отступающую легкую пехоту. Поэтому легионы могли действовать на поле боя и без поддержки кавалерии или легкой пехоты[12].

---

[8] Цезарь говорит, что в во время сражения его с Ариовистом германцы так стремительно атаковали строй римлян, что последним пришлось отбросить пилумы и, взявшись за мечи, перейти врукопашную (*BG.* I.52). Если бы пилумы можно было использовать как обыкновенные копья, то римляне могли бы встретить натиск германцев, применив обычную тактику линейной фаланги.

[9] По мнению Цезаря, Помпей в битве при Фарсале (48 г. до н.э.) допустил ошибку уже в самом начале сражения, когда приказал своей пехоте оставаться на месте и сохранять строй. Тем самым он отдавал инициативу в руки своего противника, солдаты которого, воспламененные желанием сразиться, должны были атаковать его боевые порядки с удвоенной энергией (*BC.* III.92).

[10] *Caesa enim, quouis impetu ueniat, non frequenter interficit, cum et armis uitalia defendantur et ossibus; at contra puncta duas uncias adacta mortalis est; necesse est enim, ut uitalia penetret quicquid inmergitur. Deinde, dum caesa infertur, brachium dextrum latusque nudatur; puncta autem tecto corpore infertur et aduersarium sauciat, antequam uideat.*

[11] Согласно современным реконструкциям, во время рукопашной атаки римский легионер I в. пригибался, прячась за своим массивным щитом; при этом вытянутый тыльник его шлема прикрывал верхнюю часть спины воина. См. реконструкцию П. Коннолли (*Feugère M.* Casques antiques. Les visages de la guerre de Mycènes à la fin de l'Empire romain. P., 1994. P. 94). В таком положении легионеры вообще не имели возможности для нанесения рубящего удара; для нанесения же колющих ударов короткие *gladii* были наиболее удобны.

[12] Классическим примером использования традиционной римской тактики является битва при Фарсале. Забросав строй помпеянцев пилумами, солдаты Цезаря вступили в рукопашную схватку. Когда Помпей бросил в атаку конницу и легкую пехоту, которые находились на его левом фланге, Цезарь выдвинул против наступавшего противника свой резерв, состоявший из шести когорт легионеров. Этот резерв отразил натиск превосходящих сил кавалерии Помпея и полностью уничтожил его легкую пехоту (Caes. *BC.* III.93).

Тем не менее, в первой половине III в. характерные для римского легионера виды вооружения окончательно выходят из употребления. Объяснить этот факт можно только тем обстоятельством, что кардинальные изменения претерпела сама римская тактика, которой эти виды вооружения были востребованы. Вооружение легионеров копьями (*hastae*), предназначавшимися для ведения ближнего боя, и длинными мечами (*spathae*), более приспособленными для нанесения рубящего, а не колющего удара, свидетельствует в пользу того, что задачей легиона становится не нападение на вражеский боевой порядок, а, напротив, отражение натиска противника. Вегеций, использовавший при написании своего труда различные более ранние источники, в том числе и восходящие ко II в. н.э.[13], сообщает, что тяжелой пехоте следовало принять на себя тяжесть боя и стоять, как железная стена, а после обращения противника в бегство тяжеловооруженные не должны были преследовать его, чтобы не расстроить своих боевых порядков (II.17; III.14; ср.: Amm. XVI.11.20)[14]. При таком неподвижном построении даже у солдат, находившихся в передних рядах, не было никакой возможности эффективно метать свои *pila*[15], а короткие *gladii* оказывались беспомощными против более длинных мечей противника. Тактика легионов стала все больше напоминать традиционную тактику фаланги.

Меняется не только наступательное оружие легионеров. Как мы отметили выше, традиционный римский *scutum* уступил в III в. место небольшому овальному щиту. Э. Нишер, впрочем, склонен полагать, что на вооружении у легионеров какое-то время было два типа щитов: полуцилиндрический (*scutum*) и овальный, подобный щитам, изображенным на рельефах триумфальной арки Севера[16]. По мнению Э. Нишера, последние ряды центурий были вооружены овальными щитами и короткими копьями, так как они не имели возможности пустить в ход пилумы[17], копья же и облегченные щиты были гораздо удобнее для ближнего боя. Это кажется вполне вероятным, поскольку, как мы уже отмечали, полуцилиндрический скутум исчезает только во второй половине III в., а следовательно, какое-то время на вооружении легионеров действительно было два типа щитов.

Таким образом, представляется вполне справедливым, что еще в конце II – начале III в. новая тактика ведения боя потребовала внесения коренных изменений в вооружение римских легионов: теперь лишь первые ряды боевого порядка имели на вооружении пилумы и большие щи-

---

[13] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т. 2. С. 149.

[14] *…Proelium gravis armatura, et tamquam murus, ut ita dicam, ferreus stabat… Et si hostes fugassent, non sequebatur gravis armatura, ne aciem suam ordinationemque turbaret…*

[15] Г. Дельбрюк отмечает, что Тацит почти нигде не говорит о характерном для римлян военном приеме – залпе пилумов (указ. соч. Т. 2. С. 162. Прим. 1). Однако тот же Тацит говорит о разнице между наступательным вооружением легионеров и солдат вспомогательных войск (*...gladiis ac pilis legionarium… spathis et hastis auxiliarium…* – *Ann.* XII.35.16). Э. Нишер в данном случае полагает, что Тацит, не являясь специалистом в военном деле, просто не обратил внимания на этот традиционный для римлян тактический прием (*Nischer E.* Die Zeit des stehenden Heers // *Kromayer J., Veith G.* Heerswesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 550).

[16] *Nischer E.* Op. cit. S. 523.

[17] Ввиду того что в III в. легион окончательно утрачивает на поле боя свою мобильность (*Nischer E.* Op. cit. S. 523).

ты; солдаты задних рядов были вооружены копьями и щитами меньшего размера; длинный меч – *spatha* – совершенно вытеснил короткий *gladius*, и им были вооружены все солдаты как первых, так и последних рядов.

Попытаемся разобраться теперь, каковы были причины изменения традиционной римской тактики ведения боя, повлекшие за собой столь глубокие изменения в вооружении? Уже Цезарь говорит о том, что на солдат оказывают большое влияние нравы тех народов, в стране которых они долго находятся (*BC*. I.44). Римские солдаты в таких случаях сближались с местным населением, перенимали его обычаи, военные приемы и заимствовали некоторые элементы вооружения. Например, когда войска Цезаря столкнулись в Испании с легионами Афрания, выяснилось, что солдаты противника сражаются так, как это было принято у луситан и других испанских племен (Caes. *BC*. I.44)[18].

Однако не только длительные контакты с местным населением провинций способствовали появлению в римском вооружении и тактических приемах чужеродных заимствований. Нельзя не заметить, что уже в течение первых трех веков Империи существенные изменения произошли в системе комплектования армии. Как указывает Т. Моммзен, еще при Августе комплектование легионов производилось по большей части в Италии[19], но и в это время наблюдается тенденция к пополнению легионов провинциалами. Так, египетские и сирийские легионы пополнялись за счет туземного населения Сирии и Египта, а множество галлов и испанцев служило в западных легионах[20]. Поскольку право служить в армии предоставлялось исключительно римским гражданам, Август стал в широких пределах наделять провинциалов римским гражданством, с тем, чтобы они затем несли службу в легионах[21]. В.И. Холмогоров отмечает, что подобная система вела к тому, что «старое требование, чтобы легионер являлся римским гражданином (*civis Romanus*), нередко превращалось в пустую формальность»[22]. По мнению Т. Моммзена, наличие римского гражданства в I в. уже не играло существенной роли для зачисления в состав легионов. Основными требованиями были свободное рождение и городское происхождение[23]. Согласно Э. Нишеру, для пополнения состава армии ежегодно требовалось не более 36 тыс. чел.[24] Но и при достаточно гибком подходе к вопросу укомплектования легионов уже в I в. набор в армию создавал для правительства большие трудности, которые лишь возросли в последующие века[25]. По подсчетам

---

[18] «У неприятельских солдат был особый способ сражения: сначала они набегали с большой стремительностью, смело занимали позицию, не слишком держа при этом строй, сражались небольшими группами и рассыпанным строем; если же их теснили, то они не считали позором подаваться назад и оставлять занятое место. Они привыкли к своего рода варварскому способу сражения от постоянных войн с луситанами и другими варварами, так как на солдат вообще оказывают большое влияние нравы тех стран, где они долго стоят» (перевод М.М. Покровского).

[19] *Mommsen Th.* Die Conscriptionsordnung der römischen Kaiserzeit // Hermes. 1884. Bd. 19. S. 23.

[20] Ibid. S. 25–26.

[21] Ibid. S. 33.

[22] *Холмогоров В.И.* Основные черты развития римской армии в первые века Империи (до середины III века) (рукопись). С. 46.

[23] *Mommsen Th.* Op. cit. S. 34.

[24] *Nischer E.* Op. cit. S. 478. Т. Моммзен дает еще меньшую цифру – 20 тыс. (*Mommsen Th.* Op. cit. S. 22).

[25] *Холмогоров В.И.* Основные черты развития... С. 46.

исследователей, численность населения империи составляла ок. 100 млн чел.[26], и тем не менее армия не получала необходимого количества новобранцев[27]. Это объясняется прежде всего тем, что, хотя теоретически воинскую повинность, как и ранее, должны были нести все граждане, на деле правительство предпочитало вербовать добровольцев и лишь в исключительных случаях прибегало к принудительному набору[28]. Однако добровольцев, поступавших на военную службу, было мало, а моральные качества их были чрезвычайно низки, ибо записывались в армию преимущественно бедняки и бродяги (Tac. *Ann.* IV.4). Несмотря на то, что принудительный набор теоретически должен был давать контингент лучшего качества, тем не менее в действительности дело зачастую обстояло прямо противоположным образом. Как указывает В.И. Холмогоров, какой бы сомнительной ни была ценность «боевых качеств являвшихся добровольцев, императоры, разумеется, предпочитали именно ими пополнять ряды легионов. Принудительный набор давал гораздо худший человеческий материал. Производившие набор римские должностные лица за взятки освобождали от службы годных людей, иногда набирая заведомо неспособных к службе стариков и слабосильных, которых потом, опять-таки за взятку, отпускали»[29]. Подобные трудности, возникавшие при пополнении рядов легионов, вели к тому, что еще при Августе были отмечены случаи, когда в армию привлекали рабов (Dio Cass. LV.31; Plin. *HN.* VII.45). Уже одно только снижение моральных качеств римских солдат не могло не оставить заметного следа в римской тактике ведения боя, а следовательно, не могло не повлиять в конечном итоге и на вооружение легионеров. Тактика, выработанная римлянами к концу Республики, требовала от каждого отдельного бойца личного мужества, физической силы (хотя бы для того, чтобы метать тяжелые *pila*) и умения хорошо обращаться с оружием[30]. В новых условиях, когда критерии отбора новобранцев снизились настолько, что в ряды армии попадали городские люмпены, бродяги или рабы, трудно было добиться практического воплощения в жизнь отработанной в прежний период тактики. Поскольку общая масса личного состава не отличалась высокими моральными качествами, то наиболее приемлемым для ведения боя оказалось построение в виде фаланги: в этом случае в сражении принимали участие, как правило, лишь первые ряды, составленные из офицеров, унтер-офицеров и наиболее надежных и сильных солдат; солдаты,

---

[26] *Дельбрюк Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 166. Прим. 1; *Холмогоров В.И.* Основные черты развития... С. 47. Прим. 2.

[27] Так, император Тиберий объявил сенату о своем желании отправиться в провинции, чтобы произвести набор там, поскольку добровольцев изъявлявших желание служить в армии, не хватает (Tac. *Ann.* IV.4).

[28] Как это, например, произошло после разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу: *Холмогоров В.И.* Основные черты развития... С. 47.

[29] Там же. С. 48. См.: Tac. *Ann.* XIV.18: *...Paedius Blaesus, accusantibus Cyrenensibus... dilectumque militarem pretio et ambitione corruptum...*; *Hist.* IV.14:*...iussu Vitelli Batavorum iuventus ad dilectum vocabatur, quem suapte natura gravem onerabant ministri avaritia ac luxu senes et invalidos conquirendo, quos pretio dimitterent*; ср.: Veg. I.7: *…dum indicti possessoribus tirones per gratiam aut dissimulationem probantium tales sociantur armis, quales domini habere fastidiunt.*

[30] Г. Дельбрюк приходит к мысли о том, что использование традиционной римской тактики было возможно только «при наличии очень хорошо обученных войск» (указ. соч. Т. 2. С. 162).

стоявшие в задних рядах, могли в бою только оказывать давление на передние ряды, поддерживая их таким образом.

Ухудшение моральных качеств личного состава римских легионов было не единственной причиной изменения римской тактики и вооружения. Важную роль сыграла в этом процессе дероманизация легионов в узком смысле слова (т.е. пополнение легионов за счет провинциалов, в ущерб италикам). Со времен правления Веспасиана набор италиков в легионы прекращается почти полностью[31]. Италики несли службу в основном в преторианской гвардии. Как отмечает В.И. Холмогоров, Веспасиан сделал «решительный шаг по пути денационализации римской армии», легионы эпохи правления Флавиев и Траяна превратились в «легионы провинций, правда, романизированных провинций Запада – Испании и Галлии»[32].

Очередной шаг на пути к провинциализации армии сделал Адриан. Начиная с его правления, легионы комплектовались по месту их постоянной стоянки[33]. «Вследствие такой системы комплектования легионы окончательно провинциализировались и всякая национальная связь между ними была утрачена; именно с этого времени уже весьма явственно начинает выступать различие между легионами Запада и Востока....»[34]. Конечно же, дероманизация армии Империи не могла не оказать сильнейшего влияния на вооружение самих легионеров. М. Фожер обратил внимание на то, что поздние изображения пилумов, относящиеся к первой половине III в., встречаются только на погребальных стелах преторианцев и происходят непосредственно из Рима. Это позволило ему предположить, что *pila*, использование которых всегда было чуждо неримлянам, так и остались национальным оружием италийцев[35]. Стало быть, дероманизация армии естественным образом вела к постепенному отказу от традиционной римской тактики с использованием пилумов и замене ее более привычным для народов, вошедших в состав Империи, способом сражения в сомкнутом строю с использованием копий.

Результатом дероманизации (провинциализации) армии явилось то, что италийская оружейная традиция перестала повсеместно определять характер вооружения римского легионера, превратившись лишь в одну из нескольких традиций, которые оказывали на него влияние. Особенно велика была в этом отношении роль балканских провинций – Иллирии и Паннонии. Во второй половине III в. именно за счет них в основном комплектовались верные Риму войска. Следствием этого стало появление на вооружении римской армии плюмбаты[36] и, возможно, полуспаты[37], а к обмундированию добавились паннонские шапки.

---

[31] *Холмогоров В.И.* Основные черты развития... С. 50. Прим. 1.

[32] Там же. С. 51.

[33] Там же. С. 51. Прим. 3.

[34] Там же. С. 52.

[35] *Feugère M.* L'armement du Bas-Empire // L'armée romaine en Gaule. P., 1996. P. 169.

[36] Плюмбата (*plumbata*), или *mattiobarbula* (*martiobarbula*), была новым видом метательного оружия, неизвестным в эпоху Ранней империи. Она представляла собой вид дротика, размером со стрелу, посередине древка которого крепился свинцовый груз. Плюмбата имела оперение, служившее для увеличения скорости ее полета. Согласно расчетам современных исследователей, такой дротик метался на расстояние от 30 до 60 м, а при использовании специального ремня – от 70 до 80 м (*Southern P., Dixon K.R.* The Late Roman Army. L., 1996. P. 114). Применение плюмбат не требовало от солдата большой физической силы или умения, как это было в случае с традиционными римскими пилумами. В то же время благо-

Большое влияние на римское вооружение оказали, конечно же, и события чисто политического и экономического характера. По мнению М. Фожера, военный, экономический и промышленный кризис, который переживали римские провинции в 60–70 гг. III в., положил конец существовавшей прежде системе производства оружия[38]. Перипетии второй половины III в., когда отдельные части единой прежде Империи обособились и, порой на продолжительное время, превратились в независимые и, как правило, враждебные Риму государства, послужили причиной тому, что местные оружейные традиции, выполнявшие ранее вспомогательные функции, получили мощный импульс для быстрого развития – в ущерб собственно римской традиции. На Востоке, всегда испытывавшем сильнейшее парфяно-сасанидское влияние, стали развиваться виды войск, традиционные для этого региона: пехота и конница, вооруженные различными видами стрелкового оружия, а также сверхтяжелая кавалерия, состоявшая из эскадронов клибанариев-катафрактариев[39]. Это способствовало распространению в римской армии композитных шлемов, торакса[40], маники[41] и лука восточного образца. В галльских провинциях, где сильно было германское влияние, произошло заимствование некоторых видов вооружения германцев (боевая секира, наконечник с двумя зазубринами, копье *bebra*). Относительное единообразие, существовавшее в римской армии в первые два века Империи, исчезло совершенно. Уже по одному внешнему виду той или иной воинской части можно было определить, в каком регионе Империи она была сформирована и вооружена. Для того чтобы наглядно представить себе, сколь ощутима была разница в вооружении между войсками восточных и за-

---

даря меньшему весу плюмбаты увеличивалась дальность броска. Кроме того, небольшие размеры позволяли солдатам носить с собой по пять (а может быть, и более) таких дротиков. Плюмбата появилась, по всей видимости, еще в III в. Вегеций говорит, что во времена Диоклетиана плюмбатами были вооружены два иллирийских легиона, которые так и назывались «Маттиобарбулы». Р. Гроссе делает из этого указания Вегеция вполне логичный вывод, что плюмбата была оружием иллирийского происхождения (*Grosse R.* Op. cit. S. 20).

[37] Вегеций является нашим единственным источником, свидетельствующем о том, что наряду с длинным мечом в позднюю эпоху римляне использовали также и короткий меч – полуспату (*semispatha*). На Паннонию, как на родину этого вида оружия указывает один эпизод из рыцарского романа X в. «Валтарий» ("Waltharius"), где говорится, как главный герой Валтер, спасаясь бегством из лагеря Аттилы, вооружается «на паннонский манер»: на левый бок он вешает длинный меч (спату), а на правый – полуспату (*Lebedinsky J.* Armes et guerriers barbares au temps des grandes invasions IV au VI siècles après J.-C. P., 2001. P. 148).

[38] *Feugère M.* L'armement… P. 267.

[39] Армия Зенобии, распространившей свою власть над Египтом и всем Востоком вплоть до Галатии (Zosim. I.50.1), состояла из легковооруженных пехотинцев-лучников (SHA. *Claud.* XXV.7.5: *Omnes saggitarios… Zenobia possidet*) и катафрактариев (Zosim. I.50.3–4). Лициний в борьбе с Константином также полагался на свою панцирную конницу (*Panegyrici Latini.* X(4).24.2–5; Anon. Vales. I.5.16). Важную роль катафрактарии играли и в армии Констанция II (Iul. *Ad Const.* 30.15). Естественно, что для вооружения подобных армий требовались мастера, способные изготовлять необходимое оружие.

[40] Торакс (*thorax*, θώραξ) – особый вид панциря восточного происхождения, который носили прежде всего тяжеловооруженные всадники (катафрактарии). Согласно Гелиодору (IX.15), торакс изготавливался из бронзовых или железных четырехугольных пластинок длиной около 20 см. Пластинки соединялись так, что накладывались одна на другую. Такой панцирь в длину доходил до колен воина. Он был открыт спереди на уровне бедер, чтобы не препятствовать всаднику садиться на лошадь.

[41] Маника (*manica*) представляла собой особые рукава из металлических полос. Изображения этого вида доспеха представлены в *Notitia Dignitatum* на виньетке, изображающей *insignia viri illustris magistri officiorum*.

падных провинций Империи, достаточно сравнить барельефы, изображающие римских солдат на триумфальной арке Галерия, с барельефами на арке Константина. Солдаты на арке Галерия носят конические композитные шлемы, подобные тем, которые можно видеть на сарматских катафрактариях на колонне Траяна. Воины на арке Константина носят шлемы, имеющие явную связь с италийской традицией. Восточные легионеры изображены в длиннополых кольчугах (*loricae squamatae*), в то время как на арке Константина мы замечаем наряду с преторианцами, облаченными в чешуйчатые *loricae*, солдат, либо вообще не носящих ни кольчуг, ни панцирей, либо представленных в традиционных для греко-римской традиции панцирях анатомического типа.

Безусловно, сильнейшее влияние оказала на римское вооружение новая централизованная система производства оружия, введенная в конце III в. Диоклетианом. Как известно, в эпоху Принципата снабжение армии оружием и амуницией происходило двумя путями: большая доля вооружения производилась на оружейных мастерских, расположенных в местах постоянной дислокации легионов, другая изготавливалась гражданскими мастерами и поступала на склады при воинских формированиях[42]. Благодаря тому, что в течение первых двух веков Империи легионы, как правило, не меняли своих стоянок, подобная система снабжения была вполне эффективной. Но во время кризиса III в. она уже не могла функционировать[43]. В последовавший вслед за смертью Александра Севера период анархии большинство военных частей пришло в движение, крупные подразделения, такие как легионы, подвергались дроблению на ряд более мелких (вексилляций), действовавших самостоятельно, вдали от мест своей постоянной дислокации, многие лагеря и форты были оставлены, некоторые временно, другие навсегда. В условиях постоянного передвижения военные были не способны снабжать себя оружием сами и могли рассчитывать только на гражданское производство. Именно поэтому Диоклетианом была создана сеть оружейных мастерских (*fabricae*), охватившая всю Империю. Внимательный анализ перечня мастерских, содержащегося в *Notitia Dignitatum*, позволяет сделать вывод, что, хотя *fabricae* появились при Диоклетиане, большинство из них, если не все, находилось там, где прежде были центры производства оружия[44]. Чаще всего они размещались в крупных городских центрах, дававших им защиту от возможных нападений неприятеля, а также обеспечивавших их сырьем, рабочей силой и, что было особенно важно, средствами коммуникации. Однако некоторые из них находились на местах старых лагерей легионов, как, например, три мастерские в Паннонии, расположенные в Аквинке, Карнунте и Лавриаке[45]. В *Notitia Dignitatum* перечисляются не только сами оружейные мастерские, но также назван и вид военной продукции, производимой в каждой из них. Всего *Notitia* называет 20 мастерских в западной части Империи и 15 – в восточной. Они располагались в тех провинциях, где было сосредоточено большое количество войск, т.е. в прирейнской и приду-

[42] *Feugère M.* Les armes… P. 239; *idem.* L'armement… P. 271.
[43] Ibid. P. 267.
[44] *Southern P., Dixon K.R.* Op. cit. P. 89.
[45] Это является доказательством того, что при легионных лагерях ранее существовали свои оружейные мастерские: *Southern P., Dixon K.R.* Op. cit. P. 89.

найской областях и на всем протяжении восточной границы. Для каждого основного участка границы было два центра по производству вооружения[46]. Это наглядно демонстрирует, что возникновение *fabricae* было не стихийным, а являлось результатом намеренного планирования. Особенно распространенными были мастерские по производству щитов (*scutaria*) и защитного вооружения (*arma*). Они находились как в восточных, так и в западных провинциях. Мастерские, изготовлявшие луки (*arcuaria*) и стрелы (*sagittaria*), находились в западных провинциях. Такое положение объясняется, вероятно, тем, что на Востоке, который традиционно славился своими лучниками, не было нужды в централизованной организации производства луков и стрел. Данный вид оружия изготовлялся местными мастерами в соответствии с местными традициями. На Западе же таких традиций не существовало, поэтому центральное правительство и позаботилось об организации там соответствующих оружейных[47]. Мастерские, производившие вооружение для клибанариев и катафрактариев, располагались большей частью на востоке Империи (ND. Or. IX.22 [*Clibanaria*, *Antiochiae*]; 26 [*Clibanaria*, *Caesarea Cappadociae*]; 28 [*Clibanaria*, *Nicomediae*]; Oc. XI.33). В западной части зафиксировано существование только одной такой оружейной мастерской. Вероятно, это было обусловлено тем, что на Востоке оказалось сосредоточено основное количество подразделений панцирной конницы (14 из 16), созданных в противовес коннице персов.

Оружейные мастерские были сориентированы, как правило, на выпуск строго определенной продукции, однако каноны, в соответствии с которыми она изготавливалась, очевидно, не были определены. Поэтому каждая *fabrica* делала оружие или доспехи в соответствии с местными традициями, и мастерская, находившаяся, например, в какой-нибудь восточной провинции, могла производить чешуйчатые доспехи и композитные шлемы, тогда как мастерская из западной провинции, продолжая греко-римские традиции, изготовляла кольчуги и панцири анатомического типа[48]. Это неизбежно вело к окончательному исчезновению какого-либо единообразия в вооружении, единообразия, поддерживавшегося прежде лишь исключительно доминированием италийской оружейной традиции. Сама армия в результате введения государственных оружейных мастерских еще более утратила свои «национальные» римские черты, полностью превратившись из римской в «имперскую».

Исчезновение тяжелой римской пехоты в конце IV в. Еще более глубокие изменения, знаменующие собой, по сути, начало процесса окончательного разложения старой римской военной системы, происходят в римском вооружении и тактике во второй половине IV в. Наиболее ценным источником, позволяющим нам в общих чертах реконструировать завершающий период существования регулярной армии Империи, несомненно является «Эпитома» Флавия Вегеция Рената. Согласно сообщению Вегеция (I.20), в правление императора Грациана (375–383 гг.) римская пехота перестала носить тяжелое защитное вооружение (шлемы

[46] Ibid. P. 90.

[47] Ibid.

[48] В каких объемах выпускалось оружие и сколь часто оно заменялось, неизвестно. За поставки оружия отвечал вначале префект претория, а потом магистр оффиций (*magister officiorum*) (*Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284–602). Cambridge, 1980. Vol. 2. P. 624).

и панцири). Подобное утверждение кажется целому ряду исследователей настолько невероятным, что многие из них либо отказываются воспринимать его всерьез, либо стараются по-своему истолковать. Г. Дельбрюк решительно отвергает саму возможность того, что сообщенная автором «Эпитомы» информация имела под собой какую-нибудь реальную основу: «Я считаю, что все это описание является лишним доказательством того, что Вегеций был литератором, оторванным от жизни, писавшим свой труд на основании научных источников и черпавшим свои сведения понаслышке… То, что сообщает Вегеций, - лишь пустая услышанная им болтовня… Поэтому все это описание следует отвергнуть, как не имеющее никакой цены»[49]. Впрочем, мнение Г. Дельбрюка представляется излишне категоричным. Во-первых, Вегеций посвятил свое сочинение вполне конкретному читателю – римскому императору. Первая книга, в которой он говорит об отказе от тяжелого защитного вооружения, была написана им по личной инициативе и преподнесена высокому читателю. Трудно представить, чтобы наш автор был настолько небрежен, что в данной ситуации позволил себе черпать свои сведения «понаслышке» и пользовался «пустой болтовней». Книга Вегеция получила высокую оценку, и последующие три книги он писал уже подчиняясь прямому императорскому приказу (II. *Praef*.). Следовательно, рассказ Вегеция не вызвал возражения у его читателя. Во-вторых, хотя, Г. Дельбрюк называет Вегеция «литератором, оторванным от жизни», внимательный анализ текста «Эпитомы» показывает, что Вегеций знал военную среду намного ближе и лучше, чем считает Г. Дельбрюк. Автор «Эпитомы» знаком не только с официальной военной терминологией, но также прекрасно знает военный жаргон, бывший в ходу у рядовых солдат[50]. Вегеций отлично разбирается в оружии и называет около десяти его видов, использовавшихся в современную ему эпоху (I.20; II.14; III.15; IV.11). Некоторые из этих видов нам известны только благодаря упоминанию Вегеция.

Радикальная оценка Г. Дельбрюка, как правило, не поддерживается другими исследователями. Р. Гроссе считает, что слова Вегеция не нужно понимать буквально. Очевидно, в данном случае, речь идет о том, что к концу IV – началу V в. в армии одновременно с уменьшением количества тяжеловооруженных легионов резко возросло количество варварских ауксилий, которые являлись легковооруженной пехотой. Сведения, которые мы можем почерпнуть из текста Аммиана, говорят о том, что подразделения *auxilia* или, по крайней мере, некоторые из них, действительно, считались легковооруженными (XVI.11.9; XX.1.3; XXIV.2.8)[51]. Об этом также свидетельствуют и названия некоторых ауксилий (*auxilia insidiatorum*, *Exculcatores, Petulanti*). Вегеций, хотя и не называет подразделения *auxilia* легкой пехотой, говорит, тем не менее, что вооружение легионеров было более тяжелым (*grauiora arma* – II.3). Однако должны ли мы считать, что отличительным признаком легковооруженной пехоты обязательно было отсутствие панцирей и шлемов? Ауксилиарии времен Траяна, как известно, носили шлемы и легкие кольчуги. Корнуты – одна из самых из-

[49] *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 172–173.

[50] *Richardot Ph.* Hiérarchie militaire et organisation légionnaire chez Végèce // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) rassemblés et édités par *Yann Le Bohec*. P., 1995. P. 413.

[51] XVI.11.9: *auxiliares velites*; XX.1.3: *moto igitur velitari auxilio, Aerulis scilicet et Batavis*; XXIV.2.8: *auxiliares ad cursuram levissimi*.

вестных ауксилий IV в. – судя по названию, носили шлемы, украшенные рогами. Мы видим, что в сражениях ауксилиарии действовали как обычная линейная пехота, а тактические приемы, которые они использовали, не отличались от обычных римских. Так, например, Корнуты и Бракхиаты в битве при Аргенторате выстраиваются черепахой (*in modum testudinis* – Amm. XVI.12.44; ср.: XXIX.5.48; XXXI.7.12). Кроме того, в резерве, где обычно оставляли отборный отряд (*subsidialis robustissimus globus* – Amm. XXXI.7.12), способный остановить наступление противника, мы опять встречаем подразделения *auxilia*[52]. Многие ауксилии считались элитными подразделениями, лучшими во всей армии[53]. Как отмечает О. Шмитт, в тактическом отношении не было никакой разницы между ауксилиями и легионами. Роль подразделений *auxilia* не ограничивалась мелкими стычками. Как и легионы, ауксилии шли плотным строем в открытых сражениях и принимали участие при штурме укрепленных городов[54].

Различия в вооружении и обмундировании между различными типами подразделений обуславливались скорее какими-то Национальными особенностями или традициями солдат, составлявших основную массу того или иного подразделения[55]. Так, например, Корнуты, как мы уже отмечали, носили каски, украшенные рогами, а у Бракхиатов[56] были, по всей видимости, какие-то особые браслеты на запястьях (Ioh. Lyd. *De magistratibus.* I.46). Об этих отрядах Аммиан Марцеллин говорит, что они нагоняли страх уже одним своим видом (*iam gestu terrentes* – XVI.12.43)[57].

А. Пиганьоль также склонен доверять Вегецию и полагает, что отказ от ношения шлемов и панцирей является следствием привлечения в регулярную армию большого количества германских рекрутов, непривычных к тяжелому вооружению[58]. Его мнение полностью поддерживает В.И. Холмогоров, также считающий, что отказ от тяжелого защитного вооружения был следствием прогрессивной варваризации регулярной армии. Как отмечает В.И. Холмогоров, еще анонимный автор *De rebus bellicis* советует своему адресату ввести в употребление панцири из шерсти или из войлока (*De reb. bell.* 16.1). Подобные легкие доспехи, по его мнению, больше соответствовали «потребностям варварских солдат, не

---

[52] Например, Батавов в битве при Аргенторате или при Адрианополе (Amm., XVI.12.45; XXXI.13.8); хотя именно Батавов Аммиан причисляет к *velitare auxilium* (XX.1.3).

[53] Аммиан говорит, что ауксилии Иовии и Викторы, вместе с легионами Иовианов и Геркулианов были лучшими в армии (*quae tunc primas exercitus obtinebant* – XXV.6.3); Юлиан пишет, что он отослал на Восток четыре сильнейших отряда своей армии (τέτταρας ἀριθμούς τῶν κρατίστων πεζῶν – *Ep. Ath.* V.9.280), а из текста Аммиана нам известно, что это были ауксилии (Эрулы, Батавы, Кельты и Петуланты – XX.4.2); Клавдиан в числе подразделений, которые он квалифицирует как *notissima Marti robora*, также называет несколько ауксилий: *Nervii*, *Felices*, *Invicti*, *Leones* (*De bello Gildonico.* 418–423).

[54] *Schmitt O.* Stärke, Struktur und Genese des comitatensischen Infanterienumerus // BJ. 2001 [2004]. Bd. 201. S. 95.

[55] Хотя предполагается, что, обмундирование и вооружение, ауксилиарии, как и остальные солдаты, получали с римских военных складов (*Jones A.H.M.* Op. cit. P. 620).

[56] От лат. *brachium*, «часть руки от локтя до кисти».

[57] Подобные особенности, несомненно, были в вооружении и амуниции и у отдельных легионов; так, например, легион *Mattiarii* получил свое название из-за особых галльских копий (Caes. *BG.* I.26.3); *Lanciarii* были вооружены, пиками (Ioh. Lyd. *De Magistratibus.* I.46); О двух иллирийских легионах Маттиобарбулов мы уже упоминали.

[58] *Piganiol A.* Histoire romaine. L'Empire Chrétien (325–395). P., 1947. T. 4.2. P. 244.

привыкших к тяжелому вооружению»[59]. Поэтому уже к началу V в. металлические шлемы и панцири имелись только на вооружении у тяжелой конницы и некоторых частей императорской гвардии[60]. Но так ли это? Действительно ли отказ от ношения тяжелого защитного вооружения был обусловлен главным образом массированной варваризацией армии и «леностью» германских солдат, непривычных к подобного рода доспехам? Археологические находки свидетельствуют, что германцы в самом деле не имели тяжелого защитного вооружения[61]. Констанций II называет их «вооруженными лишь наполовину» (*levium confidentia proeliorum, quae cum Germanis gessit, semermibus* – Amm. XXI.13.13). И, тем не менее, отметим, что, согласно утверждению Аммиана Марцеллина, Хонодомарий во время битвы при Аргенторате выступает в сверкающих доспехах (*cuius vertici flammeus torulus aptabatur... armorumque nitore conspicuus* – XVI.12.24), а археологические находки показывают, что шлемы и панцири обычно присутствуют не только в захоронениях германских вождей, но и в могилах представителей варварской аристократии[62]. Что же касается рядовых германцев, то, хотя они и сражались без защитного вооружения, это вовсе не означает, что они не стремились его приобрести. При случае они охотно облачались в захваченные у римлян доспехи (Amm. XXXI.5.9; 6; 3). Следовательно, желание обезопасить свою жизнь оказывалось сильнее «непривычки», если даже таковая и играла сколько-нибудь существенную роль. Ко всему прочему добавим, что если верить Вегецию, римская кавалерия, в отличие от пехоты, не только избежала декаданса, но даже, напротив, превзошла все, что было достигнуто в предшествующую эпоху (III.26), благодаря ряду заимствований, в том числе и в области вооружения, которые были сделаны римлянами у готов, аланов и гуннов (II.20). При этом заметим, что в V в. кавалерия превращается в основной вид войск римской армии, и если уж говорить о варваризации, то нельзя упускать из виду того, что она, может быть, даже в большей степени, чем пехоту, должна была затронуть именно кавалерию. Однако всадники продолжали использовать тяжелое защитное вооружение и в IV и в V в., Следовательно, шлемы и панцири не превратились в бесполезные украшения и отказ от них был вызван другой причиной, нежели притоком в армию большого количества германских солдат.

П. Саузерн и К.Р. Диксон полагают, что Вегеций говорит лишь о частях восточных *comitatenses*, понесших тяжелые потери в результате адрианопольского поражения. Даже если эти части и были снова быстро укомплектованы новыми призывниками, потеря большого количества ценного вооружения не могла быть быстро восполнена хотя бы уже потому, что многие оружейные мастерские оказались в зоне, окупированной варварами, рассеявшимися, по словам Аммиана Марцеллина, по северным провинциям вплоть до Юлиевых Альп (XXXI.16.7)[63]. Подобная гипотеза вызывает вполне уместные возражения: во-первых, Вегеций, говоря об императоре Грациане, указал, таким образом, на западную половину Империи и, следовательно, говорил о западно-римской армии; а, во-

[59] *Холмогоров В.И.* Диоклетиано-Константиновская реформа… С. 61

[60] Там же. С. 62.

[61] *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine (284–476). P., 1998. P. 276.

[62] *Périn P., Feffer L.Ch.* Les Francs. P., 1987. T. 2. P. 88; *Todd M.* Les Germains. Aux frontières de l'Empire romain. P., 1990. P. 116.

[63] *Southern P., Dixon K.R.* Op. cit. P. 98.

вторых, «Эпитома» была написана спустя как минимум четверть века после Адрианопольского сражения, и за это время вновь укомплектованные части могли быть давно уже заново вооружены.

М. Фожер полагает, что в данном случае мы имеем дело с литературным клише: Вегеций, оплакивая утрату римлянами былой храбрости и былого умения владеть оружием, скорбит также и об утрате старого вооружения[64]. Понимая, очевидно, несостоятельность подобного довода, М. Фожер в конечном итоге склоняется к мнению П. Саузерн и К.Р. Диксон, отмечая, что на Западе защитное вооружение продолжали носить так же, как и в предшествующий период[65]. Относительно Запада, доказательства М. Фожера опять же не представляются обоснованными. Он ссылается на два изображения IV в., показывающих солдат, облаченных в кольчуги. Однако непонятно, к какому периоду IV в. относятся эти изображения. Ничего не мешает предположить, что они были сделаны в начале или середине IV в. Вторым аргументом М. Фожера являются оружейные мастерские, изготавливавшие кольчуги (*loricariae*), существование которых засвидетельствовано, как мы уже отмечали, в *Notitia Dignitatum*. Довод этот также не может считаться убедительным уже хотя бы потому, что отказ от ношения кольчуг и панцирей, по свидетельству Вегеция, касался только римской пехоты, в кавалерии же их продолжали использовать точно так же, как и в предыдущий период. Археологические данные скорее подтверждают, нежели опровергают свидетельство Вегеция. Как признается сам М. Фожер, на большей части позднеантичных рельефов солдаты изображены без панцирей[66].

Ф. Ришардо, отмечая прекрасную осведомленность Вегеция о состоянии легкой пехоты, склонен доверять ему, полагая, что в результате понесенных потерь и уменьшения численного состава армии, для борьбы с частыми вторжениями варваров потребовались очень мобильные части, которые в любой момент могли быть переброшены из одного района в другой[67]. Малочисленные отряды германцев, не признавая никаких мирных соглашений, постоянно вторгались на римскую территорию с целью грабежа. Традиционная римская тяжелая пехота оказалась якобы малоэффективной в подобной ситуации, поэтому в приграничных провинциях Империи были созданы специальные мобильные отряды, целью которых была борьба именно с малочисленным легковооруженным противником, стремящимся избегать правильного сражения[68]. К таким подразделениям Ф. Ришардо относит *milites Superventores*, находившихся в провинциях Скифии, Аморике и Галлии (*ND. Or.* XXXIX.21; *Oc.* XXXVII.18; *Oc.* V.120), *Praeventores*, стоявших в Мезии II (*ND. Or.* XL.10), а также легион *pseudocomitatenses Insidiatores*, находившийся в Галлии (*ND. Oc.* VII.107). По мнению Ф. Ришардо, в правление императора Грациана число таких отрядов значительно возросло, что и дало Вегецию

---

[64] *Feugère M.* Les armes des Romains… P. 245.

[65] *Feugère M.* L'armement du Bas-Empire… P. 273.

[66] См., например, изображение Стилихона на знаменитом диптихе из Монзы (ок. 395 г. н.э.).

[67] *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine... P. 242–243.

[68] Юлиан, например, использовал для борьбы с небольшими отрядами германцев, грабившими римскую территорию, не регулярную армию, а союзных франков (Zosim. III.7.4–6).

повод говорить об исчезновении тяжелой пехоты[69]. Ф. Ришардо не замечает, однако, что Вегеций говорит не об увеличении числа летучих отрядах разведчиков, а о деградации именно тяжелой легионной пехоты, ослабление которой, как он считает, так губительно отразилось на военной мощи Империи.

Таким образом, приходится констатировать, что не существует единого, сколько-нибудь обоснованного мнения относительно сообщенного Вегецием факта. Определенную ясность в этом вопросе может дать, пожалуй, лишь анализ текста самого Вегеция. Первое, что обращает на себя внимание, это то, что автор «Эпитомы» говорит об отказе от шлемов и панцирей, как о чем-то общеизвестном, не требующем особого пояснения (I.20)[70]. Как мы уже отмечали выше, подобное утверждение не вызвало никаких возражений у императора, к которому обращается Вегеций и, следовательно, оно не показалось ему не соответствующим действительности. Далее, подтверждением того, что ко времени Вегеция тяжелая пехота практически исчезла, является факт стирания различий между самими понятиями «тяжелая пехота» (*gravis armatura*, *armatura*) и «легкая пехота» (*levis armatura*). Вегеций говорит, что в его время легкая пехота называется просто *armatura* (*ferentarii et levis armatura, quos nunc exculcatores et armaturas dicimus* – II.15). Основную массу пехоты, по утверждению Вегеция, составляли в его время щитоносцы (*scutati* – II.15). Он нигде не говорит, что они носили тяжелое вооружение, а, напротив, называет скутатов *expeditissimi* (III.14). Наконец, мы не должны оставлять без внимания и сообщения Иордана, согласно которому Аттила, обращаясь к своим воинам, говорит: «Вам известно, насколько легко вооружение римлян…» (*nota vobis sunt quam levia Romanorum arma – Getica.* 204).

Тем не менее, в тексте «Эпитомы» есть и одно вполне определенное указание, позволяющее сделать вывод, что в каком-то виде тяжелая пехота продолжила свое существование и в современную ее автору эпоху. Вегеций говорит, что в его время, хотя и редко, но все же продолжают использовать тяжелые метательные копья (*spicula*), которые, как он утверждает, ранее давались только тяжеловооруженным пехотинцам (I.20; II.15). Впрочем, в том, что и в Вегециево время оставались какие-то подразделения тяжеловооруженной пехоты, нет ничего удивительного. По всей видимости, в данном случае речь может идти лишь о немногочисленных гвардейских частях, состоявших непосредственно при особе императора. Так, Аммиан Марцеллин говорит, что гвардейцы Грациана носили панцири, «ярко блиставшие золотом и красками» (*arma imperatorii comitatus auro colorumque micantia claritudine iaculatione ponderum densa confringebantur* – XXXI.10.14). Клавдиан же, со своей стороны, упоминает об идущем на параде *discolor legio* (*De quatro consulatu Honorii.* 7), что, по аналогии с сообщением Аммиана, нужно понимать, как легион, облаченный в панцири, раскрашенные разными цветами.

Итак, в вопросе, касающемся использования тяжелого защитного вооружения, мы склонны доверять Вегецию: к концу IV – началу V в. тяжелая римская пехота, если еще и не прекратила своего существования, то численно сократилась настолько, что перестала играть на

---

[69] *Richardot Ph.* La fin de l'armée romaine... P. 244.

[70] *…Pedites [tamen] constat esse nudatos…*; далее о драконариях и сигниферах: *…quorum et capita nuda esse constat et pectora…*

полях сражений сколько-нибудь заметную роль. Место легионной пехоты заняли теперь легковооруженные отряды, сражавшиеся, как правило, различными видами оружия дальнего боя. Основную массу римской пехоты составляли, как мы уже отмечали, скутаты, вооруженные метательными копьями германского происхождения – бебрами (*bebrae*), которых у каждого из них было по две или даже по три штуки (*binas etiam ac ternas in proeliis portant* – Veg. I.20)[71]. Кроме варварских бебр, в начале V в. более широко, чем в IV в., стали использоваться плюмбаты. Вегеций говорит, что ими вооружены почти все воины современной ему армии (II.15)[72]. Второй многочисленной группой войск в армии начала V в. стали лучники. Вегеций призывает императора обучать стрельбе из лука четвертую или даже третью часть новобранцев, чтобы воины могли метать стрелы, как с коня, так и в пешем строю (*ut sive in equo, sive in terra sagittare doceant* – I.15). Гораздо более широкое распространение чем раньше получили арбалеты, манубаллисты (*fustibalos arcuballistas et fundas describere superfluum puto, quae praesens usus agnoscit* – Veg. IV.22) и, очевидно, другие небольшие метательные машины. Возможно, именно ими были вооружены подразделения так называемых балистариев, о которых Аммиан упоминает лишь однажды[73].

Попробуем теперь найти ответ на вопрос, насколько широко использовалось тяжелое защитное вооружение в дограциановскую эпоху. Обратим внимание, что, реконструируя в своем трактате *legio antiqua*, Вегеций причисляет к тяжеловооруженной пехоте лишь «принципалов» или офицерский и унтер-офицерский состав. Именно они образовывали в сражении фронт боевого порядка, выстраиваясь вокруг знамен и перед ними (II.15)[74]. За тяжеловооруженными принципалами Вегеций размещает вооруженную различным метательным оружием легкую пехоту (II.15). Во время боя легковооруженные, выступив из-за рядов тяжелой пехоты, пытались обратить противника в бегство с помощью дротиков и стрел. В случае неудачи они отступали на свои места. Тогда принципалы принимали на себя всю тяжесть вражеского удара и стояли, как «железная стена» (*murus ferreus* – II.17; III.14). Построение, очень похожее на то, о котором говорит нам Вегеций, мы находим и у Аммиана. Согласно утверждению последнего, опытный полководец выстраивает в первых рядах более сильных солдат (т.е. тяжеловооруженных), за ними легкую пе-

---

[71] Вегеций является нашим еединственным источником, говорящим о бебрах; к сожалению, он не поясняет, в чем была особенность этих копий; по мнению М. Фожера, бебры, вероятно, имели наконечник с двумя зазубринами, получивший широкое распространение, начиная с IV в.; такой наконечник был опасен тем, что при извлечении его из тела зазубрины разрывали края раны; Стилихон на диптихе из Монзы держит в руке копье именно с таким наконечником. (*Feugère M.* Les armes des Romains… P. 237).

[72] Отметим, что Аммиан вообще нигде не упоминает об этом виде оружия.

[73] *Notitia Dignitatum* называет семь отрядов балистариев: *balistarii* - легион *pseudocomitatensis* в Галлии (*ND. Oc.* VII.97); *milites balistarii*, стоявшие в Бодобрике (*Bodobrica*) под командованием *dux Mogontiacensis* (*ND. Oc.* XLI.23); *balistarii seniores* - легион *comitatensis* на Востоке (*ND. Or.* VII.8 = 43); *balistarii iuniores* - легион *comitatensis* во Фракии (*ND. Or.* VIII.15 = 47); *balistarii Dafnenses* (*ND. Or.* VIII.14 = 46); *balistarii Theodosiaci* – легион *pseudocomitatensis* на Востоке (*ND. Or.* VII.21 = 57); *balistarii Theodosiani iuniores* - легион *pseudocomitatensis* в Иллирике (*ND. Or.* IX.47). Любопытным является тот факт, что 2 легиона балистариев были созданы в правление Феодосия I (379–395 гг.), т.е. в период, когда последствия битвы при Адрианополе были наиболее ощутимы.

[74] *Sed ante signa et circa signa nec non etiam in prima acie dimicantes principes uocabantur, (hoc est ordinarii ceterique principales). Haec erat grauis armatura…*

хоту, потом метателей дротиков и позади всех различные вспомогательные войска, чтобы при необходимости они пришли на помощь (XIV.6.17)[75]. Фронт войска образовывали, согласно Аммиану, антепиланы, гастаты и ординарии, которые должны были стоять «подобно несокрушимой стене» (*antepilanis hastatisque et ordinum primis velut insolubili muro fundatis* – XVI.11.20). Выходит, что даже «тяжеловооруженные легионы» не были в прямом смысле слова «тяжеловооруженными».

Вообще же о наличие у солдат полного комплекта тяжелого вооружения мы с уверенностью можем говорить только в тех случаях, когда речь идет о войсках, находившихся в армии самого императора (*comitatus imperatorius*). Так, например, Аммиан Марцеллин, описывая триумфальную процессию Констанция в Риме, говорит о строе пехотинцев, облаченных в сверкающие шлемы и панцири (XVI.10.8)[76]. Таким образом получается, что ношение тяжелого защитного вооружения уже в середине IV в. было своего рода привилегией, недоступной для основной массы рядовых солдат[77]. В этом нет ничего удивительного, поскольку эффективное снабжение армии вооружением за счет государства может быть осуществлено только при наличии мощной экономической базы. В противном случае поставки оружия станут нерегулярными, а обеспечиваться им будут, как правило, лишь немногие элитные подразделения[78]. Следовательно, мы можем сделать вывод, что единственной причиной исчезновения тяжеловооруженной римской пехоты была экономическая неспособность государства поддерживать ее существование, и чем больше усугублялся экономический кризис, в пучину которого необратимо сползала Западная Римская империя, тем менее вооруженной и боеспособной оказывалась ее армия[79].

ANDREY V. BANNIKOV (SAINT PETERSBURG)

ON THE PROBLEM OF CHANGES IN THE ROMAN MILITARY TACTICS AND ARMS IN THE EPOCH OF THE LATER EMPIRE

---

[75] …*Utque proeliorum periti rectores primo catervas densas opponunt et fortes, deinde leves armaturas, post iaculatores ultimasque subsidiales acies, si fors adegerit, iuvaturas.*

[76] *Ordo geminus armatorum clipeatus atque cristatus corusco lumine radians, nitidis loricis indutus.*

[77] О плохом состоянии вооружения галльской армии, например, мы можем судить благодаря сообщению Зосима, который говорит, что Юлиан, найдя в одном из городов старое оружие, приказал починить его и раздать солдатам (Zosim. III.3.2).

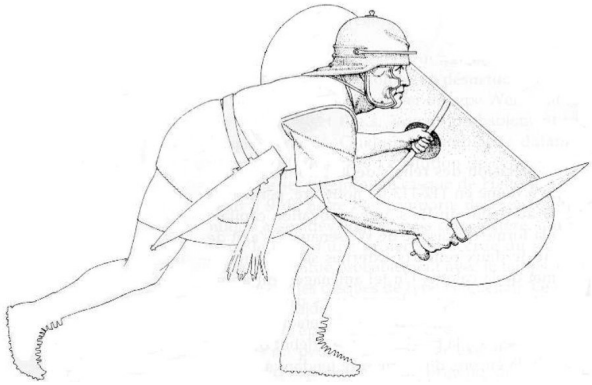
[78] Так, например, автор «Стратегикона» в книге XII, посвященной пехоте, предписывает давать полный комплект защитного вооружения (панцири и наколенники) тем бойцам, которые стоят в первом, втором и последнем рядах, т.е. офицерам и унтер-офицерам: лохагам, декархам и урагам (Mauricius. *Strategicon.* XII.4). В то же время допускается такая ситуация, когда даже бойцы первых рядов могли не иметь ни панцирей, ни наколенников (ibid. XII.16).

[79] В качестве примера демонстрирующего печальное экономическое состояние Западной Римской империи приведем мнение Г. Вольфрама, полагающего, что весь годовой доход Западной империи был вдвое меньше военного бюджета Восточной (*Wolfram H.* Byzanz und die Xantha Ethne (400–600) // Das Reich und die Barbaren / Hrsg. von *Ev. Chrysos* und *A. Schwarcz.* Wien; Köln, 1989. S. 239. Anm. 29).

The Roman legionary's arms changed very much in the epoch of the Later Empire in comparison with the ones existing in the time of the Republic and the Principate. The radical changes came about as well in the military methods used by the Romans in battlefield: the phalanx defensive tactics replaced the traditional legion tactics of combined action when *pilum* volley anticipated hand-to-hand fighting. The main causes of all these changes consisted of the provincialisation of the Roman army and the modification of the system of arms' production happened during the crisis of the Empire in the III A.D. The Roman arms changed still more at the end of the IV A.D.; the changes not only altered entirely the air of the Roman army but in fact marked the beginning of the process of the regular troops' disappearance as an institute.

Иллюстрации к статье А.В. Банникова

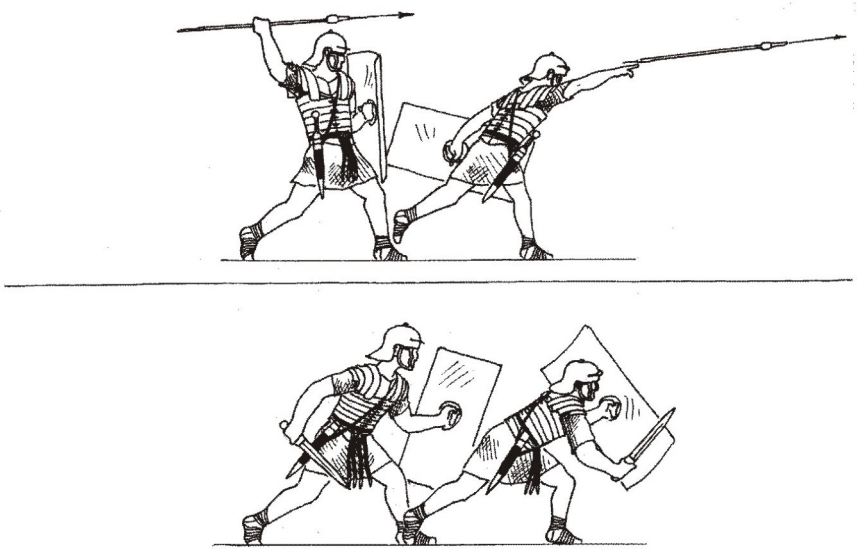
Римский легионер
сер. III в. н.э.



Римский легионер
во время атаки

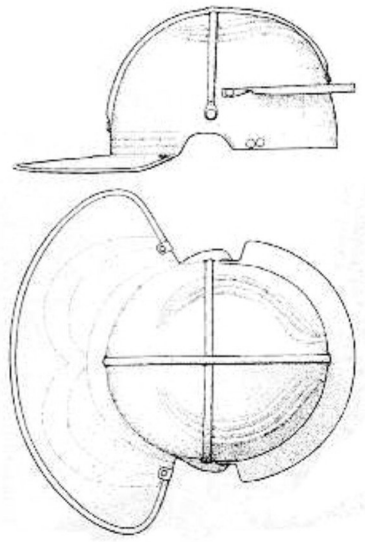
Иллюстрации к статье А.В. Банникова

Взятие Ктесифона



Тактические приемы римских легионеров

Иллюстрации к статье А.В. Банникова



Римский шлем типа Weisenau

Воины Септимия Севера

Воины Марка Аврелия

Воины Галерия

А.В. Козленко

ПЛЮМБАТА В РИМСКОЙ АРМИИ IV–VI ВВ.

Название *plumbata*, которое мы встречаем в источниках (Veget. *Ep.* I.17; II.15, 16; III.14; Anon. *Bell.* X; XI), является сокращением от полной формы *hasta plumbata*, т.е. дротик, вес которого увеличен свинцовым грузилом. Вегеций использует в качестве синонима этого названия слово *mattiobarbula* (*Ep.* I.17). Почти наверняка оно происходит от испорченного *martiobarbula*, т.е. «марсова колючка», и является солдатским прозвищем этого оружия[1]. Об изначальном присутствии в названии впоследствии утраченной буквы *r* свидетельствует греческое написание этого слова – μαρτζοβάρβουλον (Maur. *Strat.* XII.5; 12; 16; 19; 20). Предположение М. Бишопа о возможности происхождения слова маттиобарбула от имени германского племени маттиаков (*mattiaci* – Tac. *Ann.* XI.20; *Germ.* 29) или от военной части маттиариев (*Mattiarii iuniores; seniores* – ND. Occ. V) является ошибочным, поскольку одно грамматически не выводимо из другого[2]. Более интересной является гипотеза Х. Михаэску, который выводит μαρτζοβάρβουλον от гипотетического корня *mattea* и обнаруживает его присутствие в румынском *maciuca* и греческом μαζούκα «палица»[3]. Единожды упомянутое Маврикием название ῥιπτάρια (*Strat.* XII.16) происходит от греческого глагола ῥίπτω «бросать» и, по всей видимости, также является примером солдатского прозвища оружия, данного по специфике его применения.

Первые письменные свидетельства о плюмбате появляются в анонимном трактате «О военных делах» и сочинении Вегеция «Краткое изложение военных дел», датируемых последним десятилетием IV – началом V в.[4] Вегеций сообщает любопытную подробность о происхождении названия и об истории распространения плюмбаты. Согласно его данным, в правление императоров Диоклетиана и Максимиана (286–305 гг.) иллирийские легионы Иовианов и Геркулианов приобрели столь большую опытность в обращении с этим оружием, что по его имени получили прозвище Маттиобарбулов. В дальнейшем императоры всячески их отмечали и предпочитали всем другим легионам (*Ep.* I.17). Под упомянутыми военными частями подразумеваются скорее всего легионы *I Iovia* и *II Herculia*, в конце IV в. все еще размещавшиеся на территории Иллирика: один в Новиодуне, а другой в Трезмисе (ND. Or. XXXIX)[5]. Поскольку упомянутое Вегецием прозвище Маттиобарбулов в названиях легионов нигде более не аттестовано, уместно предположить, что оно существовало лишь среди современников и со временем оказалось утраченным. Соответственно, информация, которую здесь излагает Вегеций, непосредст-

---

[1] *Dixon K.R., Southern P.* The Late Roman Army. L., 1996. P. 114; *Bennett B.A.* Plumbatae from Pitsunda (Pityus), Georgia, and some observations on their probable use // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1991. Vol. 2. P. 59.

[2] *Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Roman Military Equipment. From Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993. P. 162.

[3] *Kolias T.* Byzantynische Waffen. Wien, 1988. S. 176.

[4] *Barnes T.D.* The Date of Vegetius // Phoenix. 1979. Vol. 33. P. 254–257.

[5] *Ritterling S.* Legio // RE. 1925. Bd. 24. Sp. 1407; 1467.

венно восходит к традиции III в.[6] Подобная датировка этого фрагмента хорошо согласуется с нижней хронологической планкой дошедших до нас археологических находок плюмбат и может служить рубежом для отсчета времени начала их распространения в римской армии[7].

В описании Вегеция плюмбата является дальнобойным метательным оружием. Служившие в римском легионе тяжеловооруженные воины, помимо традиционной экипировки, снаряжались пятью плюмбатами, которые они носили на внутренней стороне щита (*Ep.* II.15). Солдаты использовали плюмбаты как наступательное оружие при первом натиске и как оборонительное при нападении противника. Постоянные упражнения позволяли им достигать такой опытности в обращении с оружием, что враги и их кони поражались прежде, чем дело доходило до рукопашного боя, и даже прежде, чем подходили на расстояние полета дротика или стрелы (*Ep.* I.17). Таким образом, в одно и то же время воины на поле боя сочетали в себе качества тяжелой пехоты и стрелков (*Ep.* III.14). Застрельщики, в начале боя сражавшиеся перед строем, также имели плюмбаты на вооружении. Отходя с началом рукопашной назад под прикрытие своих, они продолжали обстреливать противника. Плюмбаты при этом бросались ими по высокой траектории, поверх голов своих впередистоящих (*Ep.* III.15). Вегеций специально оговаривает необходимость вооружения плюмбатами стоявших в задних рядах строя триариев (Ep. III.15). Он также рекомендовал своим читателям использовать плюмбаты в осадном деле – как при защите стен от нападений противника, так и при штурме вражеских укреплений (*Ep.* IV.21; 29).

Еще одним источником по истории плюмбаты является «Стратегикон» Маврикия, написанный в конце VI в.[8] Автор относит плюмбаты или мардзобарбулы (μαρτζοβαρβούλοι) к снаряжению как легковооруженных (*Strat.* XII.5; 12; 19; 20), так и тяжеловооруженных (*Strat.* XII.2; 4; 6; 16) пехотинцев. Первые используют их в рассыпном строю в начальной фазе боя, вторые – с переходом к рукопашной при нанесении первого удара. При переходе с места на место мардзобарбулы возят на телегах вместе с дротиками, стрелами и другим метательным вооружением (*Strat.* XII.6; 19). На поле боя солдаты переносят их в специальном кожаном футляре, где их помещается сразу несколько штук (*Strat.* XII.5). Описанная Маврикием очередность применения оружия – вначале тяжеловооруженные пехотинцы, положив копья на землю, метают мардзобарбулы, затем, подпустив противника вплотную, бросают копья и только после этого берутся за мечи (*Strat.* XII.16) – хорошо согласуется с вегециевым описанием плюмбаты как метательного оружия первого удара, предназначенного для поражения противника на большой дистанции, вне досягаемости его обстрела (*Ep.* I.17). Описанным Вегецием обычаям употребления этого оружия также хорошо соответствует указание Маврикия вооружать мардзобарбулами воинов, стоящих в задних рядах, с тем, чтобы в ходе сражения они могли метать их в противника по настильной траектории, поверх голов впередистоящих (Veget. *Ep.* II.16; III.14; Maur. *Strat.* XII.12).

---

[6] *Jones T.B.* Ueber die Quelle der Erlauterung der Suda zu den Legionsnamen Ioviani und Herculiani // AJPh. 1936. Vol. 57. P. 333.

[7] *Bennett B.A.* Op. cit. P. 61.

[8] *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 39–43.

Описание внешнего вида и способа применения плюмбаты составил также анонимный автор трактата «О военных делах», живший на рубеже IV и V в.[9] Согласно его собственным словам, плюмбата – «это род дротика (*iaculi*)… Изготовляется он из рейки (*ex ligno*, т.е. из древка), сделанной в виде стрелы (*sagittae*), в которую основательно втыкается приготовленный в форме рогатины (*venabuli*) наконечник… В верхней части этого самого дротика прикрепляются ради скорости перья; разумеется, над этими же самыми перьями оставлено такое пространство, насколько смогут обхватить пальцы держащего» (*Bell.* X, пер. А.К. Нефёдкина). Ниже по тексту Аноним упоминает также свинцовое грузило (*plumbum*), которое прикрепляется в месте соединения железного наконечника и древка, и от которого оружие получило свое наименование. Авторское нововведение состоит в предложении увеличить длину грузила и впаивать в свинец шипы, которые могли бы угрожать ногам солдат противника в тех случаях, когда плюмбата, не поразив цели, падала на землю (X.2; XI). Специально отмечается тот факт, что метание плюмбаты производится «не толчком лука или баллисты», но простым размахом руки (*manus impetu*) с небольшого расстояния (*comminus vadit* – X.1).

Этим описаниям плюмбаты соответствует ряд сделанных археологами находок предметов римского военного снаряжения. Большинство представляет собой наконечник на тонком железном стержне, место соединения которого с древком закрывалось вытянутой свинцовой насадкой округлой веретенообразной формы. Некоторые экземпляры для насадки на древко имели короткую втулку, иногда расщепленную в нижней части. Другие заканчивалась плоским хвостовиком, который должен был вставляться в специальный пропил на древке и закрепляться на месте заклепкой. Ввиду хрупкости такого соединения свинцовая муфта должна была играть роль дополнительного элемента крепления наконечника[10]. Деревянная часть большинства находок не сохранилась. Диаметр отверстия в свинцовых насадках, а также небольшой обломок хвостовой части древка плюмбаты из Роксетера позволяют установить первоначальную его толщину: около 1 см.[11] В свинцовом грузиле плюмбаты из Олимпии был найден конусовидный металлический колпачок, изначально прикреплявшийся к древку при помощи заклепки. Вероятно, эта деталь играла роль своеобразной прокладки и должна была содействовать более тесному сцеплению деревянной и металлической части снаряда.

Сейчас известно не менее пяти десятков экземпляров находок, распространенных как в западной, так и в восточной части империи и датируемых III–VI вв.[12] Наконечник большинства из них имеет плоскую форму и треугольные очертания с широко разведенными в стороны боковыми зубцами, что хорошо соответствует описанию «формы рогатины» Анонимного Реформатора (*Bell.* X). Данную форму имеют находки плюм-

---

[9] *Cameron A.* The Date of Anonymus *De Rebus Bellicis* // De Rebus Bellicis. Pt. 1. Aspects of the *De Rebus Bellicis*. Papers Presented to Professor E.A. Thompson / Ed. by *M.W.C. Hassall.* Oxf., 1979. P. 7–9.

[10] *Sherlock D.* Plumbatae – A Note on the Method of Manufacture // De Rebus Bellicis. P. 102.

[11] *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 261.

[12] *Degen R.* Plumbatae. Wurfgeschosse der Spatantike // Helvetia Archaeologica. 1992. Bd. 23. S. 141–144.

бат из Роксетера, Каттерика (Великобритания), Майнца, Аугста, (Германия), Аквилеи (Италия), Фенекпусты (Венгрия) и т.д. Несколько особняком стоят три экземпляра из Пицунды (Грузия), имевшие плоский наконечник лавролистной формы. Реже встречается массивная четырехгранная форма наконечника, представленная находками из Ричборо (Британия), Хрушики (Австрия), Сискии (Сербия). Наиболее редкой является массивная трехгранная форма наконечника с короткими направленными вниз зубцами, засвидетельствованная в экземпляре из Эннса (Австрия) и Интерцисы (Венгрия)[13]. Стержень большинства находок имеет четырехгранную форму. В некоторых экземплярах нижняя часть стержня завита в виде спирали для обеспечения более надежной сцепки со свинцовой муфтой грузила. Наряду с четырехгранной формой широко распространена также округлая.

Размеры находок варьируются от 98 мм экземпляра из Донкастера до 275 мм экземпляра из Сискии. Между этими крайними пределами выделяются 3 группы: первую составляют наконечники с длиной от 98 до 118 мм (7 экземпляров); вторую – находки с размерами от 135 до 162 мм (13 единиц); третью – экземпляры от 186 до 220 мм (5 штук). Отдельно стоят находки из Олимпии и Сискии, особо крупные размеры которых (255 и, соответственно, 275 мм) выводят их за пределы данной классификации[14]. Соответственно изменяется масса оружия. Если экземпляры из Страсбурга и Аугста, относившиеся к первой и второй группе по классификации Т. Фоллинга, имели массу, соответственно, 130 и 147 г., то экземпляр из Олимпии весил вдвое больше – 350 г. Поскольку известно, что в конце IV в. солдаты носили пять плюмбат в специальном кармане на внутренней стороне щита (Veget. *Ep.* I.17), а впоследствии из-за возросшей длины и тяжести оружия для переноски стали использовать специальный футляр (Maur. *Strat.* XII.6; 19), вероятно, справедливым является предположение Т. Фоллинга, что более крупные и, соответственно, массивные экземпляры, соответствуют более позднему времени[15].

Существует несколько возможных способов реконструкции внешнего вида и технологии использования плюмбаты. Р. Робинсон предположил, что плюмбата происходит от снабженных свинцовым грузилом римских пилумов II–III вв., таким образом, ее конструкция ничем не отличалась от устройства обычного дротика и техника ее использования на поле боя полностью соответствовала технике метания легкого копья. Проделав ряд опытов с реконструкцией плюмбаты из Роксетера, длина железной части которой составляла 110 мм, он нашел, что оптимальная длина должна была составлять 94 см. При этом дальность ее броска превышала 50 м, что для дротика являлось неплохим результатом[16].

Последующие исследования источников и проведенные практические эксперименты с репликами оружия внесли некоторые коррективы. Критики обратили внимание на рисунок плюмбаты, прилагавшийся к датируемому 1542 г. рукописному мюнхенскому кодексу *De Rebus Bellicis* (Cod. Monacensis lat. 10291. F 72). Данное изображение должно было

---

[13] *Volling Th.* Plumbata – mattiobarbulus – martzobarboulon. Bemerkungen zu einem Waffenfund aus Olympia // Archäologischer Anzeiger. 1991. S. 295.

[14] *Volling Th.* Op. cit. S. 289.

[15] Ibid. S. 288.

[16] *Коннолли П.* Указ. соч. С. 261.

восходить к оригинальным рисункам Анонимного Реформатора, которыми было снабжено его произведение (*Bell.* I.10). На нем изображен довольно короткий дротик с массивной металлическим наконечником и стабилизатором из перьев в хвостовой части. Если пропорции метательного снаряда на рисунке соблюдены верно, то длина наконечника с металлическим стержнем и длина древка должны соотноситься в примерно равной пропорции. Зная, что длина железной части плюмбаты в среднем составляет 150 мм, можно предположить, что общая длина снаряда должна составлять примерно полметра и вряд ли превысит 60 см – стандартный диаметр щита. Об этом как будто говорит и Анонимный Реформатор, когда утверждает, что конструкция древка плюмбаты подобна древку стрелы (*Bell.* X.1). Ф. Баркер, разрабатывавший эту идею, провел несколько экспериментов с изготовленной им укороченной версией реконструкции плюмбаты из Роксетера. При длине древка 591 мм и общей длине плюмбаты 610 мм, брошенная рукой, она летела на расстояние 27,5 м, а брошенная при помощи специального ремня аментума – на 64–73 м[17].

Сторонников идеи Ф. Баркера смущала незначительная дальность метания изготовленной им укороченной реконструкции. Радиус полета в 27,5 м значительно уступал дальности метания дротика и расходился с представлением источников о плюмбате как об оружии первого удара, предназначенном для поражения противника с дальней дистанции. При этом предположение о том, что плюмбату метали при помощи ремня, явно противоречило указанию Анонима, который прямо утверждает, что ее метают без технических приспособлений, просто «броском руки» (*Bell.* X.1). Пытаясь восстановить технологию метания плюмбаты, Дж. Игл обратил внимание на слова Анонима о том, что на древке позади оперенья остается место достаточное для того, чтобы ухватиться пальцами (*Bell.* X.3). Он предположил, что техника броска плюмбаты отличалась от техники броска обычного дротика. В то время, как обыкновенный дротик держали за середину древка и метали, сгибая руку в локте, плюмбату, по мнению Дж. Игла, брали за хвостовую часть и бросали снизу вверх полным махом руки. При такой технике метания наилучшие результаты демонстрировала модель, общая длина которой составляла 51 см. При относительно небольших размерах дальность ее броска составляла 61,3 м, а высота подъема – до 14 м, что соответствует рекомендациям Вегеция к применению этого оружия при осаде городов (*Ep.* IV.21; 29). Подобный способ позволял задним рядам пехотного строя в ходе боя бросать плюмбаты через головы передних бойцов, не боясь при этом задеть своих, а для врагов делал ее грозным оружием[18].

Особенность конструкции плюмбаты составляет наличие свинцового грузила, которым снабжено ее древко. Оно в несколько раз увеличивает массу снаряда и вносит значительные изменения в траекторию его полета. Исследования баллистики метательных снарядов показывают, что сила и дальность их броска зависят главным образом от сопротивления воздуха. При полете вследствие трения снаряда о воздух происходит постепенный расход первоначальной энергии выстрела, потеря

---

[17] *Barker Ph.* The Plumbatae from Wroxeter // De Rebus Bellicis. P. 99.

[18] *Eagle J.* Testing Piumbatae // Roman Military Equipment. The Sources of Evidence. Ed. by *C. van Driel-Murray.* Oxf., 1989. P. 247–253.

которой происходит тем быстрее, чем больше площадь его поверхности. Энергию выстрела можно увеличить путем наращивания скорости броска, однако физические возможности человека являются ограниченными, и без использования механических приспособлений добиться значительного приращения силы таким образом не удастся. Еще одним способом повысить количество энергии является увеличение массы метательного снаряда, но вследствие сопряженного с этим увеличения его объема сопротивление воздуха при этом также будет возрастать. Будучи ограничены этими природными закономерностями, античные инженеры при попытке разработать более эффективный вид метательного оружия оказывались перед необходимостью найти такой способ наращивания массы оружия, который при этом не сопровождался бы существенным увеличением его размеров[19].

Одним из возможных ответов на эту техническую загадку являлось использование для изготовления метательных снарядов материалов большей плотности. Так, например, ядра пращи, обычно изготавливавшиеся из глины или камня, стали отливать из свинца, плотность которого в 10 раз превосходит глину и в 5 раз камень. Отлитое из свинца стандартное ядро пращи весом в 40 г имело площадь поверхности в 2,6 раз меньшую по сравнению с аналогичным каменным и в 3,4 раза по сравнению с глиняным ядром. В полете такое ядро испытывало меньшую силу сопротивления воздуха, соответственно, максимальная дальность метания свинцового ядра составляла 352 м, что было больше по сравнению с 232 м каменного и 200 м глиняного ядра[20]. Кроме того, более тяжелое свинцовое ядро в конечной точке полета сохраняло большее количество полученной им энергии броска – 42 % от первоначального количества в сравнении с 23 % у каменного и 19 % у глиняного ядра[21]. Соответственно, даже на излете такое оружие при попадании в цель было способно нанести мощный удар, способный убить или травмировать противника. Вегеций описывает ранения, нанесенные ядром пращи как наиболее тяжелые из всех других (*Ep.* I.16; Ср.: Arr. *Tact.* 15.2). Цельс в медицинском трактате дает инструкции по извлечению свинцовых ядер, разрывающих мягкие ткани и далеко проникающих в плоть раненных (*Med.* V.26; VII.55).

Прибавлением свинцового грузила к древку стрелы или дротика античные конструкторы оружия пытались увеличить сохранение энергии выстрела и, соответственно, увеличить дальность броска и силу наносимого удара. Плиний Старший (*NH.* X.50.97; XII.85) сообщает, что арабы охотятся на крупных птиц при помощи снабженных свинцовым грузилом стрел (*plumbatis sagittis*). Солин (*Coll.* 33.15), живший два века спустя, приписывает им также и дротики подобной конструкции (*plumbatis iaculis*). В Германии при раскопках лагеря Хальтерн были обнаружены два трехлопастных наконечника от стрел со свинцовыми грузилами описанного типа. Оба наконечника имели стандартные для своего типа размеры 45 и 48 мм., однако благодаря накладкам их масса увеличилась с обычных для наконечников такого типа 5 г до 19 г и 45 г. Эти

[19] *Baatz D.* Schleudergeschosse aus Blei – eine waffentechnische Untersuchung // Saalburg Jahrbuch. 1990. Bd. 45. S. 59.

[20] Ibid. S. 61.

[21] Ibid.

находки приписываются входившим в состав римской армии вспомогательным отрядам лучников восточного происхождения[22]. На надгробных стелах II–III вв. часто изображены воины, вооруженные пилумом с особой шарообразной насадкой в верхней части рукояти. Обычно эту деталь изображения интерпретируют как свинцовое грузило, которое предназначено для увеличения массы оружия. Иногда вместо одной на пилуме можно видеть две насадки, по всей видимости, это оружие принадлежит людям, отличавшимся необыкновенной физической силой[23].

Появление плюмбаты происходит вследствие развития той же тенденции к увеличению массы оружия для усиления энергии его броска. Однако если пилум, снабженный свинцовым грузилом, можно было метнуть лишь на 20 м[24], причем, на этой дистанции он пробивал насквозь щит и укрывшегося за ним щитоносца (Veget. *Ep.* I.20; II.15), то облегченная за счет уменьшения размеров древка и массивности железной части наконечника плюмбата летела на 50–60 м[25], что сравнимо с дальностью броска легкого дротика[26]. От последнего плюмбату отличают меньшие размеры и особая техника метания, при которой воин брал древко пальцами за хвостовую часть и бросал его плечевым махом руки, как бросают метательную дубинку или палицу. Древко плюмбаты при этом становилось продолжением руки метателя и увеличивало рычаг броска, а свинцовое грузило сообщало снаряду дополнительную кинетическую энергию. Тем самым, при размерах меньших, чем у дротика, плюмбата получала больший начальный запас энергии, что позволяло бросать ее на расстояние, по крайней мере не уступающее дистанции метания дротика. Причем если дротик на излете практически полностью растрачивал сообщенную ему начальную энергию броска и даже при попадании в цель не мог нанести ей сколько-нибудь заметных повреждений, то плюмбата даже на предельной дальности своего полета сохраняла запас энергии, достаточный для того, чтобы поразить жертву.

При подобных технических характеристиках плюмбата по преимуществу должна была использоваться в качестве массового оружия первого удара. С расстояния в 60 м солдаты одну за другой выбрасывали в сторону атакующего противника пять плюмбат и после этого брались за копье или меч (Maur. *Strat.* XII.16). Результаты специально проведенных экспериментов показали, что тренированный солдат тратит на выполнение этих операций лишь несколько секунд[27]. При проведении тренировок с метанием дротиков римские инструкторы добивались скорости выполнения упражнения и силы броска (Veget. *Ep.* I.4.14–17; Arr. *Tact.* 36.3–4; 40.7; 41–43). В начале сражения войска обрушивали на противника настоящий шквал из «огромного множества снарядов» (Arr. *Contra alan.* 25). Конечно, при таком бросании сложно обеспечить высокую точность попаданий. Юлий Африкан (*Kest.* I.1.80–81) сообщает, что

---

[22] *Volling Th.* Plumbatae sagittae? Anmerkungen zu Waffenfunden aus dem augusteischen Lager von Haltern // Boreas. 1991–1992. Bd. 14–15. S. 296.

[23] *Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Op. cit. P. 65. Fig. 2, 50, 85.

[24] *Junkelmann M.* Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment. Mainz, 2000. S. 191.

[25] *Eagle J.* Op. cit. P. 250.

[26] *Connolly P.* The Reconstruction and Use of Roman Weaponry in the Second Century B.C. // Journal of Roman Military Equipment Studies. 2000. Vol. 11. P. 45.

[27] *Sumner G.* Roman Army. Wars of Empire. L., 1997. P. 105.

лишь один из десяти брошенных римским солдатом дротиков поражает цель. При этом речь в трактате идет о ситуации тренировки, в боевых условиях процент промахов будет, несомненно, значительно выше. Скорее всего, на одно удачное попадание приходились десятки, если не сотни промахов[28]. Образ поля битвы, усеянного метательными снарядами, достаточно часто встречается в описаниях античных историков (Caes. *BC*. III.53; Suet. *Iul*. 68; Anon. *Bell*. 10). При этом следует отметить, что даже удачное попадание дротика в цель не обязательно означало ранение или гибель противника. В условиях, когда воин использует деревянный щит и одет в металлический доспех и шлем с нащечниками и назатыльником, открытой для поражения остается не более 10 процентов поверхности тела[29]. Кроме того, именно в начальной фазе боя, когда обстрел противника достигал максимальной степени интенсивности, воины использовали специальное построение *fulko* с поднятыми вверх и сдвинутыми щитами (Maur. *Strat*. XII.1; Iul. Afr. *Kest*. I.1.69–73; Dio Cass. LXXV.6). Какой же смысл в использовании оружия, которое лишь бессильно бряцает по щитам, не нанося противнику существенного ущерба?

Расширение использования метательных снарядов на поле боя и увеличение их значения при проведении тренировок происходит вследствие приспособления римлян к тактике противников. Германцы, готы, сарматы и персы в основном представляли собой метателей дротиков и лучников, пеших и конных, использовавших на поле сражения преимущественно маневренную тактику метательного боя (Hdt. VI.7; VII.2.2; SHA. XIX.11.8; Procop. *Bel. Vand*. I.8.27; *Bel. Goth*. II.25.4). Защищенность воина при этом часто приносилась в жертву маневренности, которая позволяла обрушивать на тяжеловооруженные римские легионы множество метательных снарядов и легко уходить из-под ответного обстрела. Важным преимуществом противников римлян являлось обладание более дальнобойным оружием, которым тесно выстроенные легионы могли расстреливаться с предельных дистанций. Поражающее действие такого обстрела было, вероятно, довольно незначительным, а эффективность достигалась за счет ослабления стойкости противника и его уверенности в собственной силе[30]. Адекватным ответом со стороны римлян явилось использование метательных снарядов, обладавших большей, чем у противника дистанцией выстрела и силой поражения. Как уже отмечалось ранее, плюмбата бросалась на расстояние, равное дальности полета дротика. Но если дротик на предельной дистанции оказывался совершенно бессилен, то плюмбата даже на излете сохраняла достаточно энергии для того, чтобы поразить свою жертву и вывести ее из строя. В частности, на это свойство плюмбаты указывает Вегеций, когда говорит, что римляне «ранили врагов и их коней прежде, чем дело доходило до рукопашного боя, и даже прежде, чем они подойдут на расстояние полета дротика или стрелы» (*Ep*. I.17).

Широкий зазубренный наконечник плюмбаты наносил тяжелую рану не защищенному доспехом противнику или его лошади. Чтобы за-

---

[28] *Wheeler E.L.* Firepower: Missile Weapons and the “Face of Battle” // Electrum. 2001. Vol. 5. P. 176–177.

[29] *Gabriel R.A., Metz K.S.* From Sumer to Rome: The Military Capabilities of Ancient Armies. L., 1991. P. 70–75.

[30] *Goldsworthy A.K.* The Roman Army at War 100 B.C.–A.D. 200. Oxf., 1996. P. 185, 188.

щититься от обстрела, противник мог или, прекратив бой, отойти на безопасную для себя дистанцию, или, закрывшись щитом, перейти в контратаку. В последнем случае при сокращении дистанции и, соответственно, вводе в дело метателей из глубины строя, интенсивность обстрела должна была возрастать. За те 15–20 секунд, которые потребуются воину со щитом для того, чтобы пробежать расстояние 60 м, римская когорта, выстроенная по 70 человек по фронту и 8 человек в глубину, выпустит в воздух 2800 снарядов. При ширине строя 71 м плотность обстрела будет составлять 39 снарядов на один метр, что примерно соответствует «дождю» или «туче», о которых пишут источники (Dio Cass. LXXV.6; LXXVI.6). Л. Уилер предполагает, что наступающие, на головы которых начнет падать этот «дождь», должны будут инстинктивно стремиться закрыться от него, опуская голову в плечи и поднимая выше щит. Поскольку выполнить эти действия на бегу практически невозможно, следствием попытки защититься от обстрела станет лишь нарастающий беспорядок в рядах атакующих, которые должны будут как минимум замедлить движение, а в некоторых случаях вовсе остановиться. В этой ситуации можно или, наращивая интенсивность обстрела, сбить наступательный порыв противника и совершенно удержать его от атаки, или, воспользовавшись его замешательством и начавшимся беспорядком в его рядах, перейти в контратаку и обратить противника в бегство[31]. Короткое древко плюмбаты и техника бросания, не требующая большого пространства, позволяли задним рядам строя осуществлять обстрел противника также и во время рукопашной схватки. Чтобы не задеть своих впередистоящих, снаряды посылались вверх под большим углом. Из-за высокого угла падения плюмбата вонзалась в цель сверху вниз, под углом от 30 до 70 градусов, что позволяло поразить голову, шею и плечи укрывшегося за щитом воина[32]. В то время, когда все внимание сражающихся было обращено на противника, сыпавшиеся сверху снаряды были особенно опасны, потому что «их нельзя было ни видеть, ни от них уклониться» (Amm. Marc. XXXI.13.2; 10.8).

Надежную защиту от метательных снарядов предоставляли лишь щит и металлический доспех[33]. Стремясь усовершенствовать плюмбату, римляне в конце IV в. стали экспериментировать с формой ее наконечника. Задачей античных инженеров было обеспечить усиление проникающих способностей плюмбаты без потери ее прочих качеств. Одним из описанных Античным Реформатором изобретений являлась *plumbata mamillata*, «закругленный и в острие опущенный наконечник», которой «был способен легче проникать в щиты и им подобные препятствия» (*Bell.* 11). Прилагательное *mamillata* в названии метательного снаряда явно соотносится с *mamilla* и, очевидно, попало сюда за сходство ключевого элемента его конструкции с формой женской груди. Ф. Баркер, комментируя текст Анонима, предположил, что речь идет о свинцовом грузе, округлая, веретенообразная форма которого натолкнула автора трактата на удачное сравнение[34]. Однако в тексте источника есть прямое указание на то, что свинцовое грузило и оперение у плюмбаты ма-

[31] *Wheeler E.L.* Op. cit. P. 181.
[32] *Eagle J.* Op. cit. P. 250.
[33] *Gabriel R.A., Metz K.S.* Op. cit. P. 70–75.
[34] *Barker Ph.* Op. cit. P. 97.

миллаты ничем не отличаются от аналогичных деталей обычной плюмбаты и, следовательно, не они определяют уникальность конструкции, давшую имя метательному снаряду. Вероятно, ближе к истине оказался М. Бишоп, предположивший, что прилагательное *mamillata* соотносится с вытянутой и закругленной конфигурацией наконечника (*rotundum et in acumen deductum ferrum*), которому Аноним предлагает придавать конусовидную форму[35].

Эксперименты, проведенные с репликами дротиков с плоскими и широкими наконечниками, показали, что при попадании в щит они или рикошетировали в сторону, или застревали в его деревянной основе. Тот же тест, проведенный с наконечником пирамидальной формы, позволил установить, что дротик с подобным наконечником при весе всего 0,73 кг пробивает фанерный щит толщиной 10 мм.[36] Аналогичные испытания с разной формы наконечниками плюмбаты не проводились, однако археологический материал свидетельствует, что развитие этого вида вооружений шло по пути постепенного наращивания его длины, веса и проникающей способности. Хорошо датируемая IV в. металлическая часть плюмбаты из Аугста при длине 130 мм имела массу 0,09 кг, аналогичная находка из Страсбурга при длине 147 мм весила 0,13 кг[37]. Обеим находкам соответствует тип широкого наконечника. Сходные размеры трех современных им плюмбат с пирамидальными наконечниками (Хрушика – 109 мм, Ричборо – 147 мм, Сиския – 150 мм), предполагают ту же весьма скромную массу. Заметным исключением из этого ряда является четвертая находка пирамидального наконечника из Олимпии, которая, как своей длиной – 255 мм – так и своей массой – 344 г – значительно превосходит другие находки. Т. Фоллинг полагает, что ее следует датировать V–VI вв., когда происходит увеличение размеров и массы оружия и для его переноса воины начинают использовать специальный колчан[38]. Подобное увеличение габаритов оружия наряду с распространением бронебойной формы наконечника должно было значительно увеличить его проникающие возможности. Так, известно, что во время африканской кампании 530 г. плюмбата, брошенная копьеносцем Велизария Иоанном Армянским, пробила шлем племянника вандальского короля Гейзериха и нанесла ему смертельную рану, от которой он вскоре умер[39].

Отсутствие надежных археологических данных не позволяет детально проследить путь последующей эволюции плюмбаты. Вероятно, она происходила в том же направлении и была связана с дальнейшим увеличением длины металлической части оружия и соответствовавшей ей длины древка. При этом должна была изменяться техника метания плюмбаты, эволюционировавшая в сторону более традиционных для дротика способов. По мере ассимиляции особенных черт, отличавших конструкцию плюмбаты от всех других метательных снарядов, она сливается с другими разновидностями утяжеленного дротика. При этом название μαρτζοβάρβουλον отделилось от дротика и перешло на иной род оружия, который с ранней плюмбатой объединяло наличие свинцового грузила на коротком древке. Византийская терминология использует это слово уже в значении «палица»[40].

---

[35] *Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Op. cit. P. 162.
[36] *Connolly P.* Op. cit. P. 44–45.
[37] *Volling Th.* Op. cit. S. 295.
[38] Ibid. S. 295–296.
[39] *Eagle J.* Op. cit. P. 247.
[40] *Kolias T.* Op. cit. S. 177.

ALEXEY V. KOZLENKO (MINSK, BELARUS)

PLUMBATA IN THE ROMAN ARMY IV–VI A.D.

Plumbata, *mattiobarbula* and μαρτζοβάρβουλον were the names of a javelin with a lead weight. It was a part of standard military equipment of Late Roman soldiers. Vegetius, Maurice and Anonymous Reformer describe the *plumbata* as a throwing weapon with a range of throw superior to the javelin. Archaeological remains of *plumbata* looks like small barbed head on the iron stem and barrel shaped lead weight. Their length could vary from 98 mm to 275 mm long and weight from 130 gm to 350 gm. Modern reanactors reconstructed *plumbata* as a shot javelin with special way of usage. It was held in the tail and throw away by untwisting. Due to the good weight respecting to the small size, the energy consumption during the *plumbata* flight was smaller than that of the javelin. It helps to use the *plumbata* as the effective weapon of the first strike and explains Vegetius's recommendations to this weapon as well.

Иллюстрации к статье А.В. Козленко

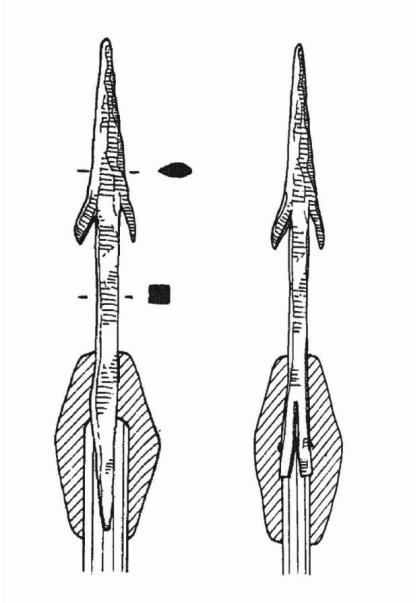


Рис. 1. Конструкция плюмбаты

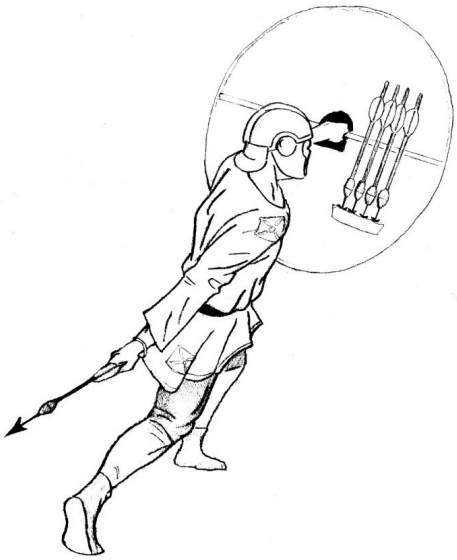


Рис. 2. Способ метания плюмбаты

И.А. Копылов

ЭТНИЧЕСКИЙ ОБЛИК АРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ВАНДАЛЬСКОЙ АФРИКЕ (V–VI ВЕКА)*

Светлой памяти Норайра Бадамовича Тер-Акопяна (15.01.1926–25.01.2007)

Вторжение вандалов в Африку в 429 г. не оказало сколько-нибудь существенного влияния на этническую ситуацию в Римской Африке, хотя и явилось началом новой эпохи в политической и духовной жизни этой части римского мира. Однако несомненно, что сами завоеватели, находясь в тесном контакте с местным смешанным романо-пуническим и романо-берберским населением, подвергались определенному этнокультурному воздействию с его стороны. Это влияние проявлялось прежде всего в инфильтрации романского элемента в институты власти образовавшегося на территории Римской Африки Королевства Вандалов и Аланов. На это в свое время обратили внимание К. Куртуа[1] и С. Костанца[2], которые, в свою очередь, отметили факт присутствия афроримлян в королевском палации (*palatium*) и в свите короля (*aula regis*), а также указали на преобладание римского элемента среди различных должностных лиц. Однако в историографии почти не обращалось внимания на значительное присутствие афро-римлян в лоне арианской церкви вандалов, которая по умолчанию считалась своего рода этноконфессиональной группировкой с преобладанием германского элемента. В этом отношении с историко-этнографической точки зрения представляет интерес исследование динамики развития арианской церкви вандалов, начиная с периода, когда она представляла собой одну из «национальных» церквей германцев, и вплоть до того времени, когда она стала государственной конфессией с определенной долей романского элемента среди епископата, клира и мирян.

Арианское учение возникло между III и IV в., когда александрийский пресвитер Арий, желая особо подчеркнуть идею монотеизма, пришел к отрицанию изначальной божественной природы Иисуса Христа. Эта идея была осуждена на Первом Вселенском соборе в 325 г. в Никее как еретическая. Однако во второй половине IV в., в период правления императора Констанция, а затем Валента, именно арианство обрело покровительство на государственном уровне. В этот период оно было распространено миссионерами среди живших в лимитрофных зонах германских народов, в первую очередь готов. Впоследствии арианство стало своего рода выразителем религиозной и национальной идентичности германских народов в варварских королевствах, в первую очередь в остроготской Италии и свево-визиготской Испании. Но именно в Африке

* Автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность за помощь в редактировании текста статьи Гиви Васильевичу Цулая (Институт Этнографии РАН).

[1] *Courtois C.* Les Vandales et l'Afrique. P., 1955.

[2] *Costanza S.* "Uuandali-Arriani" e "Romani-Catholici" nella Historia Persecutionis Africanae Provinciae di Vittore di Vita // Oikoumene: Studi paleocristiani pubblicati in onore del Concilio Ecumenico Vaticano II. Catania, 1964. P. 223–241.

арианство стало мощным орудием прозелитизма среди афро-римского населения и средством укрепления влияния власти вандальского короля.

Наиболее полно интересующая нас проблема может быть решена с привлечением данных «Истории вандальских гонений», написанной епископом Виктором из Виты[3]. В этом памятнике полностью приведены два эдикта вандальского короля Хунериха, провозглашающего себя на государственно-идеологическом уровне преемником римских императоров-ариан[4]. Арианская церковь, таким образом, объявляется государственной конфессией, а африканская ортодоксальная церковь – еретической; существование последней не имеет законного основания и признается терпимым злом. Определения арианских соборов в Селевкии и Аримине (359 г.) признавались основными документами канонического права, на основании которого, по мысли вандальского короля, должны были регламентироваться отношения между двумя церквями (в частности, король Хунерих в своем эдикте подчеркивает, что ортодоксальные епископы защищали те вероучительные положения, которые были опровергнуты на соборах в Селевкии и Аримине: *in Ariminensi concilio vel apud Seleuciam amputatum est* – Vict. Vit. III.5).

На юридическом уровне германский король рассматривался испанским правоведом А. д'Орсом[5] как преемник римского наместника, от имени которого он издавал эдикты. Несомненно, выводы А. д'Орса, сделанные им относительно правовых основ власти вестготского короля, можно распространить и на Вандальскую Африку[6]. Исходя из вышесказанного, арианскую церковь следует рассматривать не в узкоэтническом, а в государственно-идеологическом контексте, как *religio legitima*, объединяющей под своей эгидой приверженцев, принадлежавших к различным этническим группам. При этом, на наш взгляд, для объяснения характера вандальского арианства (как и германского арианства вообще) представляется приемлемой концепция С.А. Токарева, рассматривавшего религию как форму социальной связи, взаимостягивания (интеграции) единоверцев и взаимоотталкивания (сегрегации) иноверцев. Главным и определяющим С.А. Токарев считал не содержание верований, а определенную форму взаимоотношения людей[7].

Анализируя этнический облик арианской церкви вандалов, необходимо прежде всего выделить собственно вандальский компонент. Од-

---

[3] Victor Vitensis. *Historia Persecutionis Africanae Provinciae Sub Geiserico et Hunirico regibus Wandalorum* (далее – Vict. Vit.). Биографию Виктора можно восстановить лишь на основе косвенных данных. Так, можно заключить, что он был пресвитером при карфагенском епископе Евгении и имел доступ как к документам Карфагенской епархии, так и к архивам вандальских королей. Выводы на эту тему излагают в своих работах следующие исследователи: *Courtois C.* Victor de Vita et son œuvre. Alger, 1954. P. 7–11; *Marrou H.-I.* La valeur historique de Victor de Vita // Les cahiers de Tunisie. 1967. P. 57–60. P. 205–208; *Mandouze A.* Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. V. 1: Prosopographie de l'Afrique chrétienne (303–533). P., 1982. Col. 1175–1176.

[4] *Vismara G.* Gli editti dei re vandali // Studi in onore di G. Scherillo. Milano, 1972. Vol. 2. P. 849–878.

[5] *D'Ors A.* Estudios Visigoticos. T. 2: El Codigo de Eurico. Edición, Palingenesia, Indices por *Alvaro d'Or*s. Roma; Madrid, 1960.

[6] О правовой регламентации власти вандальского короля подробнее см.: *Копылов И.А.* Правовые основы власти вандальского короля: к вопросу о соотношении римских и германских элементов // Jus antiquum = Древнее право, 2004, № 2 (14). С. 166–182.

[7] *Токарев С.А.* Еще раз о религии как социальном явлении (ответ моим критикам) // СЭ. 1981. № 1. С. 51.

нако следует отметить, что вандалы, начиная со своего вступления в Испанию в 409 г., не представляли в этническом отношении гомогенной массы, являясь конгломератом разных этнических групп. Как свидетельствуют данные хроник, в эту племенную коалицию, помимо собственно вандалов и аланов, входили также вестготы, свевы и даже испаноримляне[8]. Еще Иордан писал о многолетних стычках между вандалами и визиготами, начиная со времени Гебериха, который повел свои войска на владения короля вандалов Визимара, происходящего из рода Астингов[9]. Вполне вероятно, что в результате этих столкновений некоторые готы могли переметнуться на сторону вандалов. Пребывая на территории Испании, как сообщает испанский хронист Идаций, варварские народы по жребию (*sorte*) разделили провинции для поселения. Галецию заняли вандалы и свевы, Лузитанию и Картахену – аланы, а Бетика досталась вандалам-силингам. Таким образом, вандалы и свевы, живя в пределах одной провинции, находились в тесном взаимодействии между собой[10].

После гибели Атаульфа королем вестготов стал Валлия. Придя к власти, он обратил против себя аланов и вандалов-силингов, сосредоточенных в пределах Бетики[11]. Позже в результате кровавой резни вандалы-силинги были практически истреблены готами[12], поэтому те вандалы, о которых ведет свое повествование Виктор – это по существу вандалы-астинги, включающие в себя правящий род, ближайшее окружение короля, войско и некоторую часть арианского клира. Идаций также сообщает о длительной войне между вандальским королем Гундерихом и свевским королем Гермерихом, имевшей место около 419 г.[13] Но самая важная информация содержится во фрагменте «Хроники» Идация, где говорится о переправе вандалов из Бетики в Африку. Как сообщает хронист, Гейзерих желал осуществить переправу в союзе с неким свевом Геремигарием, однако по пути к переправе задумал немного отступить назад, отправившись в грабительский рейд в сторону Лузитании. Добравшись до Мериды и совершив акт святотатства, выражавшийся в разграблении базилики, посвященной св. Евлалии, Геремигарий

---

[8] *Moralez Belda F.* La marina vándala: los Asdingos en España. Barcelona, 1969.

[9] Перевод Е.Ч. Скржинской: «В начале своего правления, стремясь расшириться в сторону [земель] племени вандалов, Геберих [пошел] против их короля Визимара. Последний происходил из поколения Астингов, отличного среди них [вандалов] и показывающего себя как воинственнейший род» (Иордан. *О происхождении и деяниях гетов (Getica).* СПб., 2000. С. 83).

[10] *Aera CCCCLVII subversis memorata plagarum grassatione Hispaniae provinciis barbari ad pacem ineundam, Domino miserante conversi sorte ad inhabitabdum sibi provinciarum dividunt regiones: Gallaeciam Vandali occupant et Suevi sita in extremitate oceani maris occidua: Alani Lusitaniam et Carthaginisnsem provincias et Vandali cognomine Silingi Baeticam sortiuntur* (Hydat. *Chron.* 49).

[11] *Ataulfus a patricio Constantio pulsatus, ut relicta Narbona Hispanias peteret, per quendam Gothum apud Barcilonam inter familiares fabulas iugulatur. Cui succedens Vallia in regno cum patricio Constantio pace mox facta Alanis et Vandalis Silingis in Lusitania et Baetica sedentibus adversatur* (ibid. 60).

[12] *Vandali Silingi in Baetica per Valliam regem omnes extincti* (ibid. 67).

[13] *Inter Gundericum Vandalorum et Hermericum Suevorum reges certamine orto Suevi in Nerbasis montibus obsidentur a Vandalis* (ibid. 71).

отправился на корабле по реке Ана, поймав, как ему казалось, попутный юго-восточный ветер, но попал в кораблекрушение и погиб[14].

Что же касается аланов, то они настолько были истреблены готами в кровопролитных сражениях, что после гибели аланского короля Аддака институт королевской власти был упразднен (*abolito regni nomine*), а те немногие аланы, которые уцелели, вошли в союз с вандалами, перейдя под эгиду короля Гундериха[15]. Характерно, что Идаций в этом фрагменте воспользовался термином *patrocinium*, который имел исключительно юридическую нагрузку, обозначая, прежде всего процессуальное покровительство, защиту, охрану. Этот факт позволит возразить тем исследователям, которые считают, что аланы тем самым «слились» с вандалами и были ассимилированы ими[16].

Очень большой интерес вызывает также наличие некоторого числа испано-римлян, интегрированных в вандальскую знать. Проспер Аквитанский приводит сообщение о «четырех испанских мужах» (*quattuor Hispani viri*[17]). Их имена были Пасхазий, Проб, Аркадий и Евтихиан; они имели титул *clari*. Своей преданной службой они заслужили у короля Гейзериха признание и любовь. Король пытался склонить их к арианству, чтобы сделать их еще более преданными себе, но испанцы отказались от этого шага, за что были сначала внесены в проскрипции, а затем казнены[18].

Таким образом, племенная коалиция вандалов и аланов вовсе не исчерпывается собственно вандалами и аланами. В это сообщество, помимо представителей других варварских народов, входили даже испано-римляне, имевшие довольно высокий социальный статус. Становится понятным и указание епископа Поссидия Каламского, писавшего, что в Африку вторглись огромные вражьи полчища вандалов и аланов, а с ними также готов и других варваров, хорошо вооруженных и опытных в войнах[19]. Таким образом, он хорошо понимал этническое многообразие

---

[14] *Gaisericus rex de Baeticae provinciae litore cum Vandalis omnibus eorumque familiis mense Maio ad Mauritaniam et Africam relictis transit Hispaniis. Qui priusquam pertransieret, admonitus Heremigarium Suevum vicinas in transitu suo provincias depraedari, recursu cum aliquantis suis facto praedantem in Lusitania consequitur. Qui haud procul de Emerita, quam cum sanctae martyris Eulaliae injuria spreverat , maledictis per Gaisericum caesis ex his quos secum habebat, arrepto, ut putavit, euro velocius fugae subsidio in flumine Ana divino brachio praecipitatus interiit. Quo ita extincto mox quo coeperat Gaisericus enavigavit* (ibid. 90).

[15] *Alani, qui Vandalis et Suevis potentabantur, adeo caesi sunt a Gothis, ut extincto Addace rege ipsorum pauci, qui superfuerant, abolito regni nomine Gunderici regis Vandalorum, qui in Gallaecia resederat, se patrocinio subjugarent* (ibid. 68).

[16] *Gaggero G.* Gli Alani nel Nord Africa // L'Africa Romana. Atti dell'XI convegno di studio (Cartagine, 15–18 dicembre 1994) /A cura di *M. Khanoussi, P. Ruggeri, C. Vismara*. Ozieri, 1996. P. 1637–1642.

[17] *Per idem tempus quattuor Hispani viri Arcadius, Paschasius, Probus et Eutychianus dudum apud Gisiricum merito sapientiae et fidelis obsequii cari clarique habebantur. Quos rex ut dilectiores sibi faceret in Arrianam perfidiam transire praecepit. Sed illi hoc facinus constantissime respuentes excitato in rabidissimam iram barbaro primum proscripti, deinde in exsilium acti, tum atrocissimis suppliciis excruciati, ad postremum diversis mortibus interempti inlustri martyrio mirabiliter occubuerunt* (Prosp. *Chron.* 1329).

[18] *Gil Egea M.E.* Los Hispanos de Genserico: de la colaboración a la traición // L'Africa Romana: Atti del XIV convegno di studio, Sassari, 7–10 dicembre 2000 / A cura di *M. Khanoussi, P. Ruggeri, C. Vismara*. Sassari, 2002. P. 2291–2298.

[19] *Verum brevi consequenti tempore divina voluntate et potestate provenit, ut manus ingens diversis telis armata et bellis exercitata, immanium hostium Vandalorum et Alanorum commixtam*

вандальско-аланской племенной коалиции. Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на этническую разнородность этой коалиции, вандальский компонент был доминирующим. Здесь мы сталкиваемся с явлением этноориентированной корпоративности, которая сплачивала этнически разнородные племена вокруг одного, которое более ярко несло в себе главную идею сплочения, и наиболее последовательно реализовывало цели этого сплочения[20].

Что касается численности вторгшихся в Африку варваров, то следует обратить внимание на колоссальный дисбаланс между численностью вандалов и населением римских провинций Африки. Следует напомнить, что население Римской Африки в эпоху наибольшего демографического подъема достигала 6–7 миллионов человек, и у нас нет никаких серьезных оснований полагать, что вандальское вторжение смогло сколько-нибудь серьезным образом занизить эту цифру[21]. Тогда становится понятной чудовищная жестокость, с которой королевский двор проводил свою политику по отношению к римскому населению. Осознание завоевателями огромного дисбаланса между варварами и романским населением обуславливало две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, вандальская знать стремилась на определенном этапе заручиться поддержкой со стороны местного населения, с другой – желая во что бы то ни стало сохранить контроль над подвластными территориями, король и его окружение не останавливались перед кровавыми репрессиями.

Следует особо обратить внимание на то, что противоречия между вандалами и романизованным населением были во многом искусственны и насаждались сверху по законодательной инициативе вандальского короля. Процессы сближения и консолидации вандальской и римской знати были неизбежны, хотя проходили по вероисповедному, а не по национальному принципу, и были обусловлены разными механизмами. В одном случае мы имеем дело с объединением вандалов, исповедующих христианство в его никейской форме, с афро-римской муниципальной знатью, и этот процесс происходил на почве совместного отправления управленческих функций в муниципиях. С другой стороны, мы наблюдаем и обратный процесс – сближение афро-римлян, вступивших в арианство и добившихся высших церковных чинов, с вандальским арианским клиром. Это объединение, в свою очередь, происходило не вокруг муниципия, а вокруг королевского двора. Эти процессы, еще раз подчеркиваю, были неизбежны, так как малочисленность вандалов в соче-

---

secum habens Gothorum gentem, aliarumque diversarum personas, ex Hispaniae partibus transmarinis, navibus Africae influxisset et irruisset (Possid. *Vita Aug.* XXVIII).

[20] *Буданова В.П.* Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность // Общности и человек в средневековом мире. Москва; Саратов, 1992. С. 48.

[21] У. Френд воспринимал некритически сообщение Виктора о том, что города во время, когда писалась «История гонений», населялись либо очень редкими жителями, либо вообще никем (*Sed et urbes quam plurimos aut raris aut nullis habitatoribus incoluntur* – Vict. Vit. I.8; см.: *Frend W.H.C.* The Donatist Church. A Movement of Social Protest in Roman North Africa. Oxf., 1971. P. 62). Впоследствии эта устоявшаяся точка зрения была радикально пересмотрена Ф. Кловером (*Clover F.M.* Carthage and the Vandals // Excavations at Carthage. Michigan, 1982. Vol. 7. P. 19), а также К. Лепелле, который собрал в своих исследованиях многочисленные археологические данные (*Lepelley C.* Peuplement et richesses de l'Afrique romaine tardive // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. P., 1989. T. 1. P. 17–33.)

тании со стремлением заручиться поддержкой афро-римской служилой знати (без которой дальнейшее самоутверждение было невозможным) приводила к полной утрате национальной идентичности. Этому способствовала сильная романизация, начавшаяся задолго до вторжения в Африку, еще со службы в римских войсках в качестве федератов. Не случайно Прокопий недвусмысленно указывает на глубокую романизацию вандалов[22].

Именно стремление сохранить национальную идентичность, поощряемое сверху, в сочетании со стремлением отгородиться от афроримского общества и принятием арианской веры как своего рода идеологии, позволяющей отличить «вандала» от «римлянина», приводила к противоречиям и столкновениям не только между вандалами и романизованным африканским населением, но и в среде самих вандалов. Этот процесс наиболее ярко и полно, с наибольшей остротой проявляется только на страницах «Истории» Виктора Витенского.

Принятие рядом германских племен арианской формы Христианства является общеизвестным фактом. Однако внутренняя организация арианской церкви как среди вандалов, так и у других племен (бургундов, готов и пр.) изучена явно недостаточно[23]. Между тем этот вопрос имеет для нас большое значение, поскольку, если церковная организация Западной Римской империи была тесно связана с городским управлением, то епархии германских церквей были связаны не с муниципальной структурой, а с этническими группами.

Формирование трехчинной иерархии у варварских народов можно отнести к середине IV в., когда римские императоры-христиане взяли на себя задачу по христианизации и евангелизации различных *exterae gentes*, живущих как в лимитрофных зонах, так и внутри Империи. Часто инициаторами христианизации варварских народов были не императоры, а Церковь, что видно на примере церковной политики папы Целестина (422–432). Когда обнаружилось, что в Британии почти все христианские общины оказались заражены пелагианством в результате еретической деятельности некоего Агриколы, сына пелагианского епископа Севериана, папа Целестин послал в Британию епископа Оксерского Германа, который занялся духовным просвещением британских хри-

---

[22] «В*се вандалы* (курсив мой. – *И. К.*) ежедневно пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого лучшего и вкусного производит земля и море. Все они по большей части носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах, на ипподромах и среди других удовольствий, особенно увлекаясь охотой. Они наслаждались хорошим пением и представлениями мимов; все удовольствия, которые ласкали слух и зрение, были у них весьма распространены. Иначе говоря, все, что у людей считается наиболее привлекательным, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, богатых водой и деревьями, часто между собой устраивали они пиры и с большой радостью предавались всем радостям Венеры» Перевод А.А. Чекаловой. (Прокопий Кесарийский. *Война с готами. Война с вандалами. Тайная история.* М., 1993. С. 252–253).

[23] Существенное исключение представляет капитальная монография М. Меслена (*Meslin M.* Les Ariens d'Occident. P., 1967), а также ряд исследований М. Симонетти по латинскому арианству, из которых особо следует отметить статью об «арианском» факторе в римско-варварских отношениях: (*Simonetti M.* L'incidenza dell'Arianesimo nel rapporto fra Romani e barbari // Passaggio dal mondo antico al Medio Evo dal Teodosio a san Gregorio Magno. Roma, 1980).

стиан[24]. Миссия епископа Германа также положила начало христианизации Ирландии, а ее продолжением стала апостольская деятельность посвященного в епископы Германом в 432 г. св. Патрика[25].

В некоторых случаях варвары сами приезжали к епископу, как это было в случае с королевой маркоманнов Фритигиль, которая приехала в Медиолан, чтобы быть окрещенной самим Амвросием, хотя и не успела застать легендарного медиоланского епископа в живых (Paulin. *Vita Ambr. 36*). Но с самого начала церковные учреждения у варварских народов были отличны от тех, что сложились на территории Империи. Если епископы епархий, находящихся в пределах Империи и имеющих организационную структуру, заданную империей, были прежде всего епископами городских общин (*civitates*), то варварские епископы были епископами «народов» (*gentes*), и, исходя из этого, варвары не имели церковных епархий, привязанных к конкретной территории[26]. Такое же положение вещей сохранилось и после арианизации готов. Так, «апостол готов» Ульфила был назначен епископом именно готского народа, как об этом свидетельствует письмо арианского епископа Медиолана Авксентия[27].

Что касается иерархии, то на раннем этапе у германцев-ариан очень трудно судить о значении такого термина, как *sacerdos*, который в латинской христианской литературе очень рано стал означать «епископ»[28]. Р.У. Матизен сомневается, нужно ли понимать под ними епископов или пресвитеров, поскольку функции высшей церковной иерархии были тогда очень слабо разграничены[29]. Обращает на себя внимание то, что эти *sacerdotes* всегда проявлялись группами и никогда поодиночке и что их постоянное присутствие в свите короля напоминает аналогичную ситуацию, когда арианские епископы находились в свите вандальского короля.

Неразличение понятий *sacerdos* и *presbyter* на ранних этапах развития арианских церковных структур можно видеть на примере надписи CIL. XII.431, где упоминается некий арианский пресвитер Отия (судя по всему, вестгот), посвятивший церковь святым Феликсу, Агнессе и Евлалии в некоем поселении (*oppidum*), что по каноническим меркам является странным, поскольку церковь мог освящать только епископ. Для Вестготского государства в Тулузе тоже не зафиксировано наличие арианских епископских кафедр. Так, Сидоний, говоря об отказе Эвриха учредить никейские кафедры, не обмолвился о том, существовали ли уже арианские епископства (Sid. Apol. *Ep.* VII.VI.6).

---

[24] *Agricola Pelagianus Severiani episcopi Pelagiani filius, ecclesias Britanniae dogmatis sui insinuatione corrumpit. Sed ad insinuationem Palladii diaconi papa Caelestinus Germanum Autisidorensem episcopum vice sua mittit et deturbatis haereticis Britannos ad catholicam fidem dirigit* (Prosp. *Chron.* 1301).

[25] *Задворный В.Л.* История Римских Пап. Т. 1: От св. Петра до св. Симплиция. М., 1995. С. 212.

[26] *Mathisen R.W.* Barbarian Bishops and the Churches *in barbaricis gentibus* during the Late Antiquity // Speculum. 1997. 72/3. P. 668.

[27] *Episcopus est ordinatus… sacerdos Christi ordinatus, ut regeret… gentem Gothorum* (Auxent. *Ep.* 56).

[28] *Bévenot M. Sacerdos* as understood by Cyprian // Journal of Theological Studies. 1979. Vol. 30. P. 413–429.

[29] *Mathisen R.W.* Op. cit. P.681.

Sacerdotes входили также в свиту короля, и возможно, образовывали некую коллегию, напоминавшую «пресвитериум» (πρεσβυτήριον) паннонских готов времен св. Саввы Готского[30]. Что касается отсутствия четких граней между пресвитерами и епископами среди готских ариан, то будет уместно привести свидетельство Идация, сообщающего о некоем Аяксе, отпавшем от православия, ставшего арианским «старейшиной» (*senior*) и впоследствии проявившем себя жестоким гонителем православия и «врагом божественной Троицы»[31]. Не совсем понятно, почему Идаций употребил столь нейтральный термин, который даже не свидетельствует о принадлежности Аякса к клиру. Можно лишь предположить, что Аякс был пресвитером; во-первых, потому, что само слово *senior* равнозначно греческому πρεσβύτερος; во-вторых, потому что есть вероятность, что Аякс был членом «пресвитериума» (и именно в этом смысле он может быть обозначен как *senior*) при вестготском короле Теодрорихе II и занимался, видимо, миссионерской деятельностью среди свевов. Эта миссия, надо полагать, удалась, поскольку свевы обратились в арианство и оставались арианами до обращения в православие вестготов[32].

У нее нет данных, которые помогли бы проследить дальнейшее развитие церковной иерархии у вестготов, где завершающим этапом было бы превращение «епископов-пресвитеров», стоящих во главе «народа» (*gens*) в епископов «римского» типа, управляющих городской общиной (*civitas*). Но, во всяком случае, вестготские епископы в точном смысле этого слова упоминаются уже в эпоху Леовигильда, последнего арианского короля, которого можно с некоторой натяжкой сравнить с вандальским Хунерихом, учитывая его желание арианизировать испанскую церковь. Арианский «собор», прошедший при дворе короля (поскольку арианских кафедр в Испании не было), выработал постановление о постепенном обращении ортодоксальных епископов в арианство. Однако эта инициатива не удалась; в частности, известен случай, когда арианином отказался стать Масона, епископ Мериды, который был православным готом. Тогда Леовигильд назначил арианским епископом Мериды Сунну (*Vita Masonae*. V). Перед нами – первый случай создания параллельной кафедры; аналогом этому можно считать разве что назначение Кирилы арианским епископом Карфагена при наличии действующего православного епископа города – Евгения.

Что касается вандалов, то мы не располагаем в отношении них столь подробными данными, однако у нас нет никаких оснований заключать, что развитие их церковной иерархии проходило по-другому. Как мы увидим ниже, их обращение в арианство фактически совпало с обращением свевов и было, судя по всему, связано с миссионерской деятельностью арианского «старейшины» Аякса. Вероятно, до своего вторжения в Африку вандалы имели такую же рыхлую церковную орга-

---

[30] Известно, что после мученичества св. Саввы его мощи были отправлены наместником Юнием Сораном в Каппадокию по воле коллегии пресвитеров (διὰ τοῦ θελήματος τοῦ πρεσβυτηρίου – *Vita Sabae*. VIII). Интересно, что в тексте «Жития св. Саввы» упоминаются только пресвитеры (их звали Гутфикас и Сансалас), тогда как данных о епископах нет (ibid. IV).

[31] *Ajax… effectus apostata et senior Arrianus, inter Suevos regis sui auxilio hostis catholicae fidei et divinae Trinitatis emergit* (Hydat. *Chron.* 232).

[32] *Mathisen R.W.* Op. cit. P. 684.

низацию, возглавляемую *sacerdotes*, сочетавшими в себе функции епископов и пресвитеров. До своего обращения в арианство вандалы, исповедуя никейскую веру (как мы увидим ниже, многие вандалы так и остались православными), в церковном отношении были тесно связаны с паннонскими готами, иерархически подчиняясь «коллегии пресвитеров». Лишь после своего утверждения в Африке вандалы сформировали у себя церковные структуры, копирующие структуры африканской церкви, с четко выделенной трехчинной иерархией и монашеством. Основным источником, на основе которого мы можем сформировать более или менее полную картину, является «История» Виктора.

Традиционно считается, что преобладание христианства арианского толка в среде германцев (и вандалов в том числе) было обусловлено субъективными причинами *par excellence*. Однако Исидор Севильский, автор «Истории готов, вандалов и свевов», основываясь на данных Идация, недвусмысленно указывает, что вандалы (а также свевы) изначально приняли христианство в ее никейской форме и лишь затем обратились в арианство. Это произошло в 426 г., приблизительно за два года до переправы вандальского флота в Африку. Инициатором обращения целого народа в арианство стал новоиспеченный король Гейзерих (вскоре после смерти короля Гундериха, его сводного брата), который «как говорят, первым сделался отступником от католической веры, перейдя в арианскую ересь»[33]. На это свидетельство почти не обращалось внимания в литературе, более того, Л. Шмидт считает, что вандалы являлись арианами, уже придя в Испанию[34].

Однако когда же вандалы могли быть обращены в ортодоксальное христианство? Мы можем предположить, что это могло произойти во время их размещения в Паннонии, где в 335 г. император Константин разрешил им поселиться в качестве федератов. Ю.К. Колосовская, автор известной монографии по истории Паннонии, особо подмечает достаточно интенсивное распространение христианства в данном регионе к этому времени, когда в позднеимператорских виллах и в состоявших из вилл укрепленных поселениях единственным зданием общественного назначения в IV в. была базилика, а многие представители провинциальной администрации уже были христианами. Южные и западные города Паннонии упоминаются в источниках IV в. как центры епископских кафедр[35].

Также исследовательница обращает внимание на христианские памятники в городах и на лимесе, принадлежавшие германским и сарматским народам из числа принимаемых на службу Империи племен. В числе этих памятников были и эпитафии, содержащие ошибки в латинском языке[36]. Безусловно, в числе этих христианизированных варварских племен могли быть и вандалы, которые, как выходит, были православными более 90 лет, пока, судя по всему, не заимствовали арианство от вестготов. Примечательно, что определенный процент вандалов (в том числе и из числа королевской свиты и даже из числа родных детей коро-

---

[33] *Geisericus <…>, qui ex catholico effectus apostata in Arrianam primus fertur transisse perfidiam* (Isid. *Historia Gothorum Wandalorum Sueborum.* 74).

[34] *Schmidt L.* Geschichte der Wandalen. Leipzig, 1901. S. 191.

[35] *Колосовская Ю.К.* Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 204.

[36] Там же. С. 206.

ля) продолжал исповедовать православие, о чем свидетельствуют ряд мест у Виктора, как-то: постановление Гейзериха о том, что из числа его свиты и его сыновей только ариане имеют право быть назначаемы на различные государственные посты, рассказ о мученичестве вандалов-православных из королевской свиты (в частности, об Армогасте, прокураторе имения сына короля[37]) и, наконец, публичное обвинение в адрес епископа Евгения в том, что он якобы изгнал из своей церкви людей с внешностью вандалов. Этот эпизод комментируется многозначительным высказыванием Виктора, что «велико было число наших католиков, которые выглядели точно так же, как и эти вошедшие, потому что они служили в свите короля»[38].

Весьма любопытно также то, что некоторые вандалы, исповедовавшие ортодоксальное христианство, состояли даже в клире. В частности, Виктор упоминает диакона Муритту, который обличал отступничество мирянина Эльпидофора, обладавшего высоким служебным положением, перешедшего в арианство и ставшего гонителем. Правда нельзя с точностью утверждать, что Муритта является именно германским именем, однако некоторые исследователи считают, что это имя имеет один корень с готским *Murila* (один из вестготских епископов, VI в.), однако заключает в себе продуктивный суффикс *–itt* по аналогии с такими готскими мужскими именами, как *Nevitta*, *Fravitta*[39].

Судя по истории Виктора, ряды арианской церкви пополняло много предателей-перекрещенцев, каким был некий Эльпидофор, который ранее был крещен в православной вере епископом Евгением Карфагенским. Именно Эльпидофор и подобные ему отступники составили костяк паствы арианской церкви в вандальском королевстве. В конечном итоге, верхушка арианской церкви стремилась арианизировать и саму ортодоксальную церковь афро-римлян. Это, в частности, пытался сделать епископ Антоний, попытавшийся насильно крестить по арианскому обряду карфагенского епископа Евгения, находящегося в то время под арестом.

В целом относительно паствы арианской церкви Виктор предоставляет весьма скудный материал, и это довольно легко объясняется. Арианская церковь для него – сообщество предателей, перекрещенцев и гонителей, и поэтому недостойна повышенного внимания. Арианские клирики, равно как и миряне, попадают в поле зрения Виктора лишь тогда, когда они предстают перед нами как гонители либо когда сами становятся жертвами гонений, как, например, епископ Юкунд. В связи с этим становится понятной фрагментарность сведений, сообщаемых Виктором об арианской церкви, и этого нельзя не учитывать.

Данные «Истории» Виктора являются абсолютно уникальными в том, что касается структуры арианского клира, потому что только на

---

[37] *Ipso enim Geisericus praeceperat tempore suadentibus episcopis suis, ut intra aulam suam filiorumque suorum nonnisi Arriani per diversa ministeria ponerentur. Inter alios ventum est tunc ad Armogastem nostrum* (Vict. Vit. I.43).

[38] *Quia ingens fuerat multitudo nostrorum catholicorum in habitu illorum incedentium, ob hoc quod domui regiae serviebant* (Vict. Vit. II.8).

[39] *Förstemann E.* Altdeutsche Namenbuch. Bonn, 1901. Bd. 1. S. 1116; *Kaufmann H.* Ergänzungsband zu E. Förstemann Personennamen. München; Hidesheim, 1968. S. 255.

материале этого источника мы можем получить ясное представление об институциональном устройстве арианской церкви.

Как свидетельствует Виктор, помимо епископа, иерархию арианской церкви составляли, пресвитеры и диаконы. Все они были наделены достаточно широким кругом полномочий. В частности, епископы и пресвитеры ариан могли распоряжаться военной силой, мобилизуя военные отряды для разгона православных богослужений, запрещенных королевским законодательством[40]. Показательно, что и у готов в период существования Тулузского вестготского государства арианские *sacerdotes* могли принимать участие в военных кампаниях, как это видно на примере сообщения Григория Турского, где фигурируют арианские клирики, находившиеся вместе с вестготским войском, занявшим Рион. Захватив церковь, они совершали там обряды крещения[41].

Огромное влияние имели также арианские диаконы. В частности, арианский диакон Маривад, которого очень почитал Хунерих, начал кампанию против Сатура, прокуратора имения сына Гейзериха, Хунериха, который тогда еще был принцем[42].

Таким образом, данные Виктора позволяют заключить, что институционально арианская церковь была приспособлена не к традиционному военно-племенному устройству у вандалов (вероятно, уже исчезнувшему к середине V в.), как полагал А.Р. Корсунский, а ныне считает американский исследователь У. Самралд, а к иерархии господствующей ортодоксальной африканской церкви, чтобы составить последней конкуренцию и вытеснить ее с занимаемых позиций.

Что касается круга источников по арианскому епископату, то в этом отношении наиболее информативными следует признать материалы «Истории» Виктора и «Жития Фульгенция». Как свидетельствуют данные Виктора, арианские епископы, возглавлявшие арианский клир, назначались для проповеди в определенные военные округа и были вынуждены совершать инспекционные поездки (Ps.-Ferrand. *Vita Fulgentii.* IX), причем в своих действиях они были абсолютно независимы от короля.

Как сообщает Виктор, главный епископ арианской церкви назывался патриархом, что, вероятно, было указанием на желаемую «вселенскость» арианской церкви вандальской Африки. Мы не встретим подобного наименования в практике других германских арианских церквей. Этот «патриарх», как мы видим на примере Кирилы, был правой рукой короля в решении религиозных вопросов (так, Виктор называет одновременно и короля Хунериха, и епископа Кирилу инициаторами мас-

---

[40] *Quodam tempore paschalis sollemnitas agebatur: et dum in quodam loco, quae Regia vocitatur, ob diem paschalis honoris nostri sibimet clausam ecclesiam reserarent, compererunt Arriani. Statim quidam presbyter eorum, Anduit nomine, congregatam secum armatorum manum ad expugnandam turbam accendit innocentium* (Vict. Vit. I.41).

[41] *Haud secus et Reontio villa est, in qua cum esset ecclesia catholica, advenientibus Gothis, ad suam sectae inmunditiam eam transtulerunt. Est aurem secus eam domus magna. Cumque adveniret vigilia paschae, hic cum haereticorum sacerdotibus parvulos in ecclesia nostra tinguebant, ut, negato scilicet sacerdoti aditu baptizandi, facilius ad hanc sectam populus implicaretur* (Greg. Tur. *Gloria confessorum.* 47).

[42] *Novimus et alium ea tempestate, nomine Saturum. Qui cum lucidum esset membrum ecclesiae Christi et pravitatem Arrianorum libertate catholica frequenter argueret (fuit hic procurator domus Hunirici), convenitur accusante Marivado quondam diacono, quem Hunericus infaustus singulariter honorabat, ut fieret Saturus Arrianus* (Vict. Vit. I.48).

штабных гонений против православной церкви[43]), а также председательствовал на арианском соборе. Православные клирики отвергали саму возможность наличия этого титула у ариан, доказывая, что подобный «патриарх» является самозванцем[44].

О том, что между вандальским арианским духовенством и арианскими клириками Восточной Римской империи существовала хорошо налаженная связь, мы узнаем только из «Истории» Виктора. Это подтверждается эдиктом короля Хунериха, где он, номинально восстановив карфагенский епископат в своих правах, вслед за этим просит императора Зенона предоставить такие же права арианским епископам Востока (Vict. Vit. II.4). Знаменательно, что, когда Хунерих решает передать имущество умерших православных епископов королевскому фиску, его приближенные ответили ему, что в случае, если он сделает это, то против арианских епископов во Фракии и других провинциях Востока последуют репрессивные меры[45].

Показывая необычайную активность арианских епископов, Виктор замечает, что «в своей кровожадной жестокости арианские епископы, пресвитеры и клирики превзошли самого короля и [всех] вандалов»[46]. Показательно, что «арианские клирики» здесь отделены от вандалов, что говорит о том, что этнически они либо принадлежали к романизованному населению Северной Африки, либо были выходцами из Восточной Римской Империи, приехавшими в Карфаген согласно договору между Хунерихом и Зеноном, как это видно из эдикта Хунериха, текст которого полностью передан Виктором из Виты (Vict. Vit. II. 3–6).

Для того, чтобы ясно представить себе соотношение вандальских и римских элементов в арианской церкви вандалов, необходимо систематизировать данные об этническом составе арианских клириков, рассмотрев соответствующие указания в имеющихся нарративных источниках:

1) Арианские клирики, носящие вандальские имена:

Abragila – арианский пресвитер (или епископ), дискутировавший с Фульгенцием, епископом г. Руспе (совр. Монастир в Тунисе) по вопросу о природе Святого Духа (Ps.-Ferrand. *Vita Fulg.* XXI). Ф. Вреде полагает, что имя Абрагила не было вандальским и что нет основания причислять его

---

[43] В частности, Виктор рассказывает о некоем епископе Квинциане, увидевшем в своем видении бесчисленные стада овец, которых затем резали мясники и бросали в стоящие рядом два котла с кипящей водой. Толкуя это видение, Виктор высказал мнение, что эти два котла могут символизировать либо два города – Сикку Венерию и Лары, с которых начались полномасштабные гонения Хунериха, либо двух зачинщиков гонений – короля Хунериха и арианского епископа Кирилу (*Sed et Quintianus honorabilis episcopus vidit se super quendam montem stare, de quo conspiciebat gregem innumerabilium ovium suarum, et in medio gregis duae erant ollae nimium bullientes. Aderant autem ovium occisores, quarum carnes ollis bullientibus demergebant. Et cum ita fieret, omnis illa magnitudo consumpta est gregis. Reor ego illas duas ollas [Sicca Veneria et Laribus] duas esse civitates, in quibus multitudo prima fuerat congregata, e quibus initium sumpsit, aut Huniricum regem et Cyrilam episcopum ejus* – Vict. Vit. II.22).

[44] *…notarius regis respondit: patriarcha Cyrila dixit aliquos. Superbe et illicite sibi nomen usurpatum nostri detestantes dixerunt: legatur nobis quo concedente istud sibi nomen Cyrila adsumpsit* (ibid. II.54).

[45] *Suggerunt ei domestici regis dicentes: si istud firmaverit praeceptio vestra, nostri episcopi in partibus Thraciae et aliis refionibus constituti peiora incipient pati* (ibid. II.7).

[46] *Nam illo tempore crudelius Arrianorum episcopi, presbyteri et clerici quam rex et Wandali saeviebant* (ibid. III.42).

к арианам[47]. Однако Э. Фёрстеманн[48] этимологически возводит это имя к германскому *abar* «сильный» (готское *abrs*) и *gisil* (впоследствии стянувшееся в *gîl*) «ключ»/«потомок», «отпрыск». Н. Вагнер рассматривает это имя как составное из *abra* («сильный», по слабому склонению) и имени собственного *Agila*[49].

Anduit – пресвитер из некоего местечка под названием Регия (не локализовано), где он, будучи во главе вооруженного отряда, руководил избиением верующих, собравшихся на православном богослужении. О нем упоминает Виктор из Виты (I.13). Имя этимологизируется как восходящее к корням *and* «против» и *wiðu* «лес».

Cyrila – арианский «патриарх». Его имя представляет собой «гибридное» сочетание греческого имени Κύριλλος (от греч. κύριος «господин») и характерного германского окончания *–ila*. Известен своей активной деятельностью, председательствовал на соборе 484 г. в Карфагене, перед началом которого пытался оспорить у православных титул патриарха (ibid. II.22; 53–55). К. Куртуа[50] опровергает устоявшуюся точку зрения, согласно которой Кирила мог быть уроженцем африканского города Куикуль (совр. Джемиля), как это якобы должно следовать одной надписи (*Natale domni Ciru[lae pr]idie kal(endas) [oc]tobres* – CIL. VIII.10904). Согласно К. Куртуа, реконструкция надписи произвольна, и ничто не позволяет датировать ее вандальским временем. Подавляющее большинство исследователей считает Кирилу вандалом, однако не может не вызвать интерес гипотеза С. Костанцы, полагавшего, что по своему этническому происхождению Кирила мог принадлежать к пунийцам или ливио-берберам, и пассаж из «Истории» Виктора, где Кирила отказывается говорить по-латыни, чтобы не вступать в контакт с ортодоксальными епископами, исследователь рассматривает в несколько ином ключе, считая, что родным языком для Кирилы мог быть пунический либо берберский[51]. По мнению ряда исследователей, пунический язык, на многие века пережив падение Карфагена, продолжал сохраняться в обиходном общении среди романизованного населения Римской Африки, а в вандальскую эпоху его значение даже возрастает[52].

Marivadus – диакон, упоминавшийся Виктором из Виты как свидетель на судебном разбирательстве против прокуратора Сатура, исповедовавшего ортодоксальной христианство (*accusante Marivado quondam diacono… ut fieret Saturus Arrianus* – Vict. Vit. I.48). Он также являлся адресатом одного из трактатов епископа Вигилия из Тапса, где на основании примеров из Священного Писания обосновывалось сущностное единство и равночестность ипостасей Троицы. В этом трактате в целях конспирации имя адресата было зашифровано как Варимад (*Vari-*

---

[47] *Wrede F.* Über die Schprache der Wandalen. Ein Beitrag zur germanischen Namen- und Dialektforschung. Strassburg, 1886. S. 9.

[48] *Förstemann E.* Op. cit. S. 12.

[49] *Wagner N.* Namen von Germanen bei Fulgentius von Ruspe: Abragila – Eterpamara – Pinta – Scarila // Beiträge zur Namenforschung. 1982. Bd. 17. S. 361–368.

[50] *Courtois C.* Victor de Vita et son œuvre: Étude critique. Alger, 1954. P. 54.

[51] *Costanza S.* Op. cit. P. 240.

[52] *Millar F.* Local Cultures in the Roman Empire // JRS. 1968. Vol. 58. P.126–151; *Adams J.N.* Latin and Punic in Contact? The Case of the Bu Njem Ostraca // JRS. 1994. Vol. 84. P. 89–105.

madus)[53]. Его имя является двучленным и предположительно состоит из корней *marha – «лошадь» и *badwo – «борьба»[54].

Pinta – арианский епископ, один из оппонентов Фульгенция (Ps.-Ferrand. *Vita Fulg.* XXI). Значение его имени не известно, однако Н. Вагнер усматривает некую связь с западнофламандским *pint* «игла», «острие»[55]. При этом большинство исследователей склонно считать, что это имя не является германским, что может говорить об определенном негерманском (сарматском, иллирийском, протославянском) влиянии на вандальскую ономастику[56].

2) Арианские клирики, носящие греческие и латинские имена:

Antonius – епископ, обладающий широким спектром полномочий, один из наиболее деятельных исполнителей антицерковных гонений Хунериха (Vict. Vit. III.42–46; 53–54). Имеет латинское имя, мало распространенное в Римской Африке, и, на наш взгляд, это вряд ли случайно. Вполне вероятно (хотя у нас на этот счет нет прямых доказательств), что Антоний был уроженцем Восточной Римской Империи (вероятнее всего – Фракии), приехавшим в Африку согласно вышеупомянутому договору между Зеноном и Хунерихом. С. Костанца считает его происходящим из среды романизованного населения Римской Африки, во всяком случае, не вандалом[57].

Jucundus – в эпоху Хунериха – «патриарх» арианской церкви вандалов, предшественник Кирилы; в годы правления Гейзериха – пресвитер (таким образом, среди ариан, также как и в ортодоксальной церкви, епископы выбирались из числа пресвитеров). Приговорен к сожжению Хунерихом за то, что якобы провоцировал мятеж, поддерживая враждебную королю группировку, состоящую из некоторых членов королевской семьи – *domus regia* (Vict. Vit. II.13–16). Носит типичный латинский *cognomen*. О его происхождении ничего ясного сказать нельзя. Л. Шмидт полагает, что Юкунд был вандалом, носившим, однако, латинское имя, и в этом отношении он противопоставляется мирянам Эльпидофору и Фастидиозу (под последним подразумевается адресат одного из богословских трактатов Фульгенция), о которых точно известно, что они были афро-римлянами, обратившимися в арианство[58]. С. Костанца не делает никаких выводов об этнической принадлежности Юкунда, ограничиваясь лишь констатацией того, что тот носил латинское имя[59].

Clementianus – арианский монах, тайный адепт манихейства (Vict. Vit. II.1). О его этническом происхождении ничего не известно.

---

[53] *Dudum dilectissimi fratres, in Neapoli, urbe Campaniae constitutus, cujusdam Varimadi Arianae sectae diaconi propositionibus, a quodam studioso ac religiosissimo viro mihi oblatus, rustico quidem sermone respondens, in uno corpore simul de unitate Trinitatis libellos digessi* (Vig. Taps. *Contra Marivadum*. Praef.).

[54] *Wrede N.* Op. cit. S. 70; *Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911. S. 161, 163.

[55] *Wagner N.* Op. cit. S. 365–368.

[56] *Courtois C.* Les Vandales et l'Afrique. P. 222, 225, 228; *Mandouze A.* Prosopgraphie de l'Afrique chrétienne (303–533). P., 1982. P. 876; *Negro P.G.* Il nominativo singolare dei sostantivi in nasale in vandalico // Cinquant'anni di ricerche linguistiche: problemi, risultati e prospettive per il terzo millenio. Atti del IX Convegno Internazionale di Linguisti (Milano 8–10 ottobre 1998). Alessandria, 2001. P. 431–443.

[57] *Costanza S.* Op. cit. P. 225.

[58] *Schmidt L.* Op. cit. S. 192.

[59] *Costanza S.* Op. cit. P. 225.

Felix – единственный арианский клирик, носящий латинское имя, об этнической принадлежности которого есть точные указания. В «Житии Фульгенция» этот пресвитер назван варваром (*natione barbarus* – Ps.-Ferrand. *Vita Fulg.* IX). Вопрос об этнической принадлежности Антония и Юкунда остается открытым.

Из вышеприведенных данных «Истории» Виктора из Виты и «Жития Фульгенция» по причине отрывочности этих сведений нельзя сделать четких выводов относительно точного соотношения вандальского и римского элементов среди клириков арианской церкви. Однако бросается в глаза тот факт, что наиболее активными церковными деятелями являются именно епископы и клирики, носящие латинские имена; многие из них, как, к примеру, Антоний, играют очень большую роль в проведении в жизнь религиозных мероприятий вандальского короля, некоторые (например, Юкунд), даже находятся во главе церкви. Особняком стоит вопрос о Кириле, чья этническая принадлежность четко не определена. Если вышеназванные клирики принадлежали к романизованному населению Африки, то это говорит о высокой степени инфильтрации римского элемента в арианскую церковь вандалов, но даже если все они (включая Антония и Юкунда) – вандалы, то это свидетельствует о высокой степени романизации Вандалов. В правление Хунериха арианская церковь окончательно перестает быть замкнутой в узкоэтнических рамках и становится ориентированной на широкомасштабный прозелитизм среди афро-римского населения. Как следствие, это повлекло за собой трансформацию институциональных основ, что выражалось в копировании церковных учреждений ортодоксальной церкви. На это, правда, обращает внимание К. Куртуа, но не делает отсюда никаких выводов[60].

По этой же причине можно предположить, вопреки доводам Л. Шмидта[61], К. Куртуа[62] и А.Р. Корсунского[63], что вандалы очень рано стали отказываться от богослужений на германском языке, хотя бы потому, что арианство в Северной Африке отличалось особой миссионерской агрессивностью и было ориентировано в первую очередь на романизованное население Африки. Когда православные епископы потребовали, чтобы арианский епископ Кирила дал им ответ, по чьему соизволению он принял на себя титул патриарха, тот притворился, что не понимает их, так как не знает латыни. Это – излюбленный аргумент сторонников тезиса о наличии литургической практики на вандальском языке. Однако этот фрагмент говорит лишь о сохранности языка в быту; к тому же мы приводили выше утверждение С. Костанцы, полагающего, что вряд ли можно здесь с уверенностью сказать, какой язык имеется в виду. Более того, как мы видим далее из рассматриваемого нами пассажа, ортодоксальные епископы ответили Кириле: «Мы знаем, что ты всегда открыто изъяснялся по-латыни, ты только не оправдывайся, ведь это именно ты разжег пожар этого гонения»[64].

---

[60] *Courtois C.* Les Vandales et l'Afrique. P. 225.

[61] *Schmidt L.* Op. cit. S. 192.

[62] *Courtois C.* Op. cit. P. 223.

[63] *Корсунский А.Р.* Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе // Средние Века, 1981. Вып. 44. С. 53.

[64] *Conversique nostri Cyrilae dixerunt: propone quod disponis. Cyrila dixit: nescio latine. Nostri episcopi dixerunt: semper te latine esse locutum manifesto novimus; modo excusare non debes, praesertim quia tu hujus rei incendium suscitasti* (Vict. Vit. II.18).

Некоторые исследователи полагают, что вандалы использовали в богослужебных целях готскую Библию, ссылаясь на один пассаж из трактата Сальвиана Марсельского «О домостроительстве Божием». Однако для того, чтобы показать натянутость подобного аргумента, приведем эту знаменитую цитату из трактата Сальвиана. Как пишет массилийский пресвитер, «неспроста мы оказались побеждены, ведь они обратились к лучшему [источнику] помощи, нежели мы. Пока мы гордились своим оружием и войсками, со стороны врага нам шла навстречу Книга Божественного Закона. Вандалы, сеющие страх и смятение, прибегли к такой защите, что противопоставили нам Божественное Красноречие, а письмена священного Свитка, словно Само Божество, отверзает им уста против идущих на них противников»[65]. Однако Сальвиан ничего здесь не говорит о том, на каком языке написана эти библейские свитки, которые вандалы носили с собой во время сражений. В 1911 г. П. Глауэ и К. Хельм опубликовали папирусный фрагмент двуязычной готско-латинской Библии, найденный в Египте[66]. По мысли Ф. Рюля, эта Библия могла попасть в Египет в результате византийской военной экспедиции в вандальскую Африку ок. 468 г., когда император Лев I безуспешно пытался завоевать Карфаген[67]. Однако гораздо более вероятно, что этой Библией пользовались готские федераты, служащие в византийской армии. Не исключено также то, что кодекс мог привезти в Египет какой-нибудь пилигрим, совершавший паломничество по святым местам[68]. В любом случае, присутствие латинского текста позволяет предполагать, что эта Библия происходила откуда-либо из западных областей бывшего Римского мира, вероятнее всего, из остготской Италии. Сам двуязычный характер текста указывает на то, что литургия совершалась на двух языках, и чтение Евангелия во время литургии происходило сначала на готском, затем на латыни. Такая ситуация была вполне приемлема и для остготской Италии, где латинский язык продолжал оставаться доминирующим и сохранял свое значение даже для арианской церкви. Мы можем также предположить, что двуязычная литургия, по крайней мере, на первых порах, совершалась и в вандальской церкви; по крайней мере, совершенно отбросить гипотезу о «вандальском» происхождении кодекса мы не можем.

Другим указанием на двуязычный характер вандальской арианской литургии (по крайней мере, на начальном этапе) служит литургический возглас *frôja arme* («Господи помилуй», лат. *Domine miserere*, греч. Κύριε ἐλέησον), зафиксированный в памятнике, носящем название «Собеседование блаженного Августина с Пасцентием арианином» (*Collatio beati*

---

[65] *Non inmerito itaque victi sumus: ad meliora enim se illi subsidia contulere quam nostri. Nam cum armis nos atque auxiliis superbiremus, a parte hostium nobis liber divinae legis occurrit. Ad hanc enim praecipue opem timor et perturbatio tunc Wandalica confugit, ut seriem nobis eloquii caelestis opponeret et adversum venientes aemulos suos sacri voluminis scripta quasi ipsa quodammodo divinitatis ora reseraret* (Salv. *De Gub. Dei* VII. XI.46).

[66] *Glaue P., Helm K.* Das gotisch-lateinische Bibelfragment der Großherzoglichen Universitätsbibliothek Gießen // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1910. Bd. 2. S. 1–38.

[67] *Rühl F.* Zur Herkunft des lateinisch-gotischen Bibelfragmentes // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums. 1911. Bd. 12. S. 85–86.

[68] *Henss W.* Leitbilder der Bibelübersetzung im 5. Jahrhundert. Die Praefatio im Evangelienkodex Brixianus und das Problem der gotisch-lateinoschen Bibelbilinguen // Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse. 1973. Bd. 1. S. 3–100.

Augustini cum Pascentio arriano). Это произведение датируется периодом между 430 и 450 г. и приписывается Вигилию из Тапса, хотя в действительности написано неизвестным автором. Здесь инсценируется диспут Августина и некоего сенатора (*vir spectabilis*) Пасцентия, происходивший в доме Аниciев в Гиппоне[69]. Х. Тифенбах установил, что интересующее нас выражение состоит из вокатива *frôja* и императива *arme*; эти формы соответствуют графическому написанию готского **frauja armai*, где первое слово происходит от германского исходного *frawja- «Господь», второе – от исходного *armên «иметь милость»[70]. Мы не можем, однако, с точностью судить, шла ли речь в источнике о вандалах, или о готах, находившихся в Африке до 435 г. в качестве федератов императорских войск и исповедовавших готское арианство, не ориентированное на прозелитизм[71]. Однако вполне возможно, что двуязычие вандальской арианской литургии сохранялась определенное время в Африке, по крайней мере, до времени правления Хунериха, когда арианская церковь окончательно взяла курс на миссионерство среди романизованного населения Африки.

Переходя к характеристике арианского епископата, заметим, что арианские епископы имели колоссальное влияние при королевском дворе и могли навязывать королю любое решение. Именно они в свое время внушили королю Гейзериху издать указ, предоставляющий только арианам право занимать государственные должности, однако и долгое время после этого среди должностных лиц было много православных[72].

Не лишне сказать, что именно арианские епископы во главе с Кирилой, как видно из текста эдикта Хунериха, включенного Виктором в «Историю», были инициаторами проведения смешанного арианоправославного собора, на котором ортодоксальные епископы были обязаны обосновать принципы своей веры с опорой на Священное Писание (*consensu sanctorum episcoporum nostrorum* – Vict. Vit. II.39). И, конечно же, арианские епископы пресекали всякие попытки вандальских королей заручиться поддержкой влиятельных православных епископов или представителей сенаторского сословия. Но особенно важным представляется то обстоятельство, что арианские епископы могли выдвигать претендента на королевскую власть из числа королевской фамилии (*domus regia*). Так, Хунерих, казнив своего брата Теодориха и членов его семьи, заподозрив его и его жену в попытке захвата королевской власти и низложения правящего короля, приговорил к сожжению также и епископа Юкунда, бывшего в тот момент патриархом ариан, за то, что он особен-

---

[69] *Mandouze A.* Prosopographie de l'Afrique chrétienne (303–533). P., 1982. P. 628, 827–829.

[70] *Tiefenbach H.* Das wandalische Domine miserere // Historische Schprachforschung. 1991. Bd. 104/2. S. 251–268; *Panieri L.* Rivisitando i verbi deboli germanici della III classi // Linguistica e Filologia. 2000. Vol. 12. P. 25–46. Что касается самого вандальского языка, от которого не осталось практически никаких свидетельств, то неоднократно отмечалось, что, на взгляд стороннего наблюдателя, он идентифицируется с готским. Здесь уместно привести замечание Прокопия, указывающего, что «готы, вандалы, висиготы и гепиды говорят на одном языке, называемом готским» (Γότθοι… καὶ Βανδίλοι καὶ Οὐσίγοτθοι καὶ Γήπαιδες… Φωνή τε αὐτοῖς ἐστι μία, γοτθικὴ λεγομένη – Procop. *Bell. Vand.* I.II.5).

[71] Детальная характеристика готского арианства в Африке времен Августина содержится в монографии У. Самралда. См.: *Sumruld W.* Augustine and the Arians. New Haven; London, 1994.

[72] *Ipso enim Geisericus praeceperat tempore suadentibus episcopis suis, ut intra aulam suam filiorumque suorum nonnisi Arriani per diversa ministeria ponerentur* (Vict. Vit. I.43).

но почитался в семье Теодориха и именно благодаря его покровительству эта семья могла оказаться у власти[73]. Все это говорит о слабости королевской власти, противоречиях в ее среде и общей рыхлости социального устройства.

Данные Виктора касательно арианской церкви имеют особенную ценность для нас еще и потому, что в них показана арианская церковь в своем историческом развитии, а не как раз и навсегда данное. Вандальские короли не могли не считаться с удельным весом православных епископов в общественной и муниципальной жизни африканских провинций, которые фактически взяли на себя роль муниципальных магистратов, поддерживавших экономическую и финансовую жизнь городских общин, а их поместные соборы во многом копировали заседания городских сенатов[74]. Поэтому в начале своего правления короли пополняли свой фиск (королевскую казну) за счет грабительских репрессий против епископов, имеющие внушительные накопления в личной и церковной собственности[75]. Но затем, поняв бесперспективность подобных мер, они стремились создать параллельную структуру в лице формирующейся арианской церкви, иерархи которой должны были по идее обладать сходными полномочиями. Со временем, по замыслу вандальских королей, арианская церковь должна была поглотить учреждения православной церкви, «ассимилируя» их за счет принимавших арианское крещение епископов, пресвитеров и богатых высокопоставленных мирян, причем арианские епископы нередко действовали путем угроз и шантажа.

Уже на первых этапах своего существования арианская церковь в Африке стала богатейшим собственником недвижимости, благодаря конфискациям главнейших православных церквей и базилик, проведенным вандальскими королями в пользу арианской церкви. По сообщениям Виктора, Гейзерих конфисковал главную базилику Карфагена, где покоились мощи известных мучениц Перпетуи и Фелицитаты, а также базилику с мощами сциллийских мучеников и другие. Все они были приспособлены для отправления арианского культа[76]. Арианским священнослужителям был передано фамильное имение, где жила семья будущего епископа Фульгенция, как об этом сообщает биограф Фульгенция, диакон Ферранд (Ps.-Ferrand. *Vita Fulg.* I), причем присвоение арианской церковью земельных имений североафриканской знати было повсеместным явлением.

---

[73] *Adstante vulgo in media civitate pro gradibus plateae novae episcopum suae religionis, nomine Iucundum, quem patriarcham vocitabant, praecepit incendio concremari, ob hoc quod in domo Theodorici germani regis acceptissimus habebatur, cujus forte suffragio memorata domus regnum poterat optinere* (Vict. Vit. I.5).

[74] В настоящее время в мировой историографии является уже общепризнанным тот факт, что на рубеже античности и средневековья епископ становится фактически правителем города; см. в первую очередь: *Guillou A.* L'évêque dans la société méditerranéenne des VI–VIIe siècle. Un modéle // Bibliothèque de l'École des Chartes. P., 1973. T. 131. P. 5–13; *Dagron G.* Le christianisme dans la ville byzantine // Dumbarton Oaks Papers. 1977. P. 19–21.

[75] *Quanti tunc ab eis praeclari pontifices et nobiles sacerdotes diversis poenarum generibus extincti sunt, ut traderent si quid auri vel argenti proprium vel ecclesiasticum haberent* (Vict. Vit. I.5)

[76] *Et ut de necessariis loquar, basilicam majorem, ubi corpora sanctarum martyrum Perpetuae atque Felicitatis sepulta sunt, Celerinae vel Scillitanorum et alias, quas non destruxerant, suae religioni licentia tyrannica mancipaverunt* (ibid. I.8).

У ариан в вандальской Африке существовало и монашество, что отрицается в литературе. Даже У. Самралд отказывает арианам-вандалам в существовании монашества[77]. Между тем у Виктора приведен пример, что Хунерих, объявив настоящую охоту на манихеев в провинциях своего королевства, обнаружил многих тайных адептов манихейства среди своих, арианских пресвитеров и диаконов. Арестован был также и арианский монах по имени Клеменциан, имевший на бедре татуировку: «Манихейский ученик Иисуса Христа»[78]. Ариане также стремились арианизировать православное монашество, о чем свидетельствует прилагаемое к «Истории» Виктора «Мученичество святых монахов монастыря города Капса», где игуменом был авва Либерат.

Таким образом, мы приходим к выводу, что арианская церковь в этническом отношении была довольно неоднородной. Ее костяк составили клирики вандальского происхождения, но основным контингентом были, видимо, отступники от никейской веры. Они несли в арианскую церковь свой богослужебный опыт, участвовали в формировании арианского богослужебного канона, организованного под влиянием канона православного, а также применяли в новых условиях управленческий опыт епископов-администраторов. Помимо этого, как свидетельствуют данные «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, изначально вандалы принадлежали к ортодоксальной церкви и только потом обратились в арианство. Многие вандалы и в дальнейшем оставались приверженцами ортодоксальной церкви, за что и пострадали в годы арианских гонений.

В отличие от ортодоксальной церкви, где епархии были тесно связаны с городом, арианские епархии не имели такой связи, в результате чего источники свидетельствуют не о епископах какого-либо города, а о епископах народов (*gentium*) или области (*regionum*). Эти архаичные черты были частично унаследованы вандалами, что проявлялось в наличии совета епископов при короле. Однако очень скоро арианская церковь вандалов стала приобретать структуры, характерные для ортодоксальной церкви Африки, что было обусловлено значительной романизацией варваров.

IVAN A. KOPYLOV (MOSCOW)

ARIAN CHURCH IN VANDAL AFRICA: ETHNICAL CHARACTER AND STRUCTURE

The Vandal Arian Church in North Africa is often regarded as a kind of ethnical religious group with prevailing of the German element. But in reality the situation was more complicated. In this case the investigation of the dynamics of Arian Church development is of the special interest.

---

[77] *Sumruld W.* Op. cit. P. 158.

[78] *De quibus repertus est unus, nomine Clementianus, monachus illorum, scriptum habens in femore: Manichaeus discipulus Christi Iesu* (Vict. Vit. II.1).

Arian Church was not uniform in its ethnical aspect. Its backbone was formed by the clerics of Vandal origin, but the Roman apostates from Nicene Faith were the main contingent of it. They were ready to share their liturgical skills, they took part in the forming of Arian liturgical canon organized under the influence of the Nicene canon, and also they put into practice their experience as eparchial rulers and administrators. Apart from that, Isidorus of Sevilla in his "Historia Gothorum Wandalorum Sueborumque" testifies that from the very beginning the Vandals belonged to the Nicene faith and then converted to Arianism. A considerable amount of Vandals later remained followers of the Catholic Church. That is why many of them became martyrs during the Arian persecutions in Vandal Africa, as bishop Victor of Vita shows in his work entitled "History of Vandal Persecutions".

Unlike Catholic Church, where the dioceses were strictly connected with Roman provincial cities (*municipia*), Arian eparchies did not have such connection; thereby the sources do not tell us about bishop of certain city, but about bishop of peoples (*gentium*) or regions (*regionum*). This archaic peculiarities were partially inherited by Vandals, which became apparent on the presence of the bishop council at the curt of the Vandal King. But soon Arian Church of Vandals adopted many features typical for Catholic Church of Africa, which was stipulated by considerable Romanization of Vandals.

V. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

М.В. Скржинская

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ПАМЯТНИКАХ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди множества разнообразных изображений на предметах прикладного искусства, найденных при раскопках античных городищ и некрополей на северных берегах Черного моря, можно выделить немногочисленную группу ваз, терракот и ювелирных изделий, на которых воспроизведены знаменитые во всем эллинском мире скульптуры. Среди них особый интерес для истории искусства представляют вольные трактовки произведений Фидия. На двух дорогих керамических вазах, привезенных из Афин в Пантикапей, запечатлены несколько фигур, находившихся на фронтонах Парфенона.

Большая гидрия с полихромными и частично позолоченными фигурами изготовлена в середине IV в. до н.э. В ее декор включена сцена спора Афины и Посейдона за обладание Аттикой, и для центральных фигур использована средняя часть западного фронтона Парфенона. Около позолоченного оливкового деревца, которое обвивает змей Эрихтоний, изображена Афина, ударяющая в землю копьем, чтобы выросла олива, а с другой стороны дерева – Посейдон, вызывающий трезубцем появление соляного источника. Остальные персонажи отличаются от композиции на Парфеноне (рис. 1)[1].

Центральные фигуры восточного фронтона Парфенона воспроизведены на кратере рубежа V–IV вв. до н.э. из кургана Бакса (рис. 2). Картина на этом огромном, к сожалению, не полностью сохранившемся, сосуде занимает важное место среди источников, используемых для реконструкции декора Парфенона. Изобразив апофеоз Геракла, вазописец представил олимпийских богов, принимающих героя на Олимп. Образцом для фигур Зевса, Афины и Геры послужили статуи Фидия с восточного фронтона Парфенона. В центре нарисован сидящий на роскошном троне Зевс с посохом в руках. К нему подлетает Ника, венчающая бога венком, рядом с ней стоит Афина в высоком шлеме, с эгидой на груди; она держит копье и касается рукой большого щита, стоящего у ее ног. С противоположной стороны от Зевса находится Гера в пышном венке из цветов. Фрагментарно сохранившаяся мраморная статуя Геры подтверждает верный общий контур статуи на рисунке. Роспись этой вазы помогает окончательно решить вопрос, как Фидий представил Зевса, и опровергнуть предположение, что бог изображался стоящим. Ценность рассматриваемой вазы заключается еще и в том, что на ней сохранились самые ранние из дошедших до нас копий работ Фидия. Вероятно, вазописец также использовал известные статуи для изображения остальных

[1] См.: *Вальдгауэр О.* Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных ваз. СПб., 1914. С. 114; *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1951. С. 142–144; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 37.

олимпийских богов на верхнем фризе своей многофигурной композиции, украшавшей кратер[2].

На протяжении многих веков статуя Афины Партенос, выполненная Фидием из золота и слоновой кости, вызывала восхищение всех ее видевших в Парфеноне. Скульпторы, вазописцы, коропласты и ювелиры воспроизводили ее с большей или меньшей точностью на своих произведениях. Несколько изделий подобного рода найдено при раскопках в Северном Причерноморье. Это небольшая мраморная статуэтка Афины из Ольвии[3], рельефная голова богини на двух золотых подвесках из кургана Куль-Оба[4] и на позолоченных терракотовых медальонах из Нимфея, Пантикапея и из святилища на азиатской части Боспора[5]. Подобные медальоны, использовавшиеся скорее всего в качестве вотивов, найдены при раскопках и в других частях греческой ойкумены[6].

Наиболее точная копия на парных золотых височных подвесках сделана ювелиром, который в первой половине IV в. до н.э. видел оригинал и, в отличие от автора ольвийской статуэтки, воспроизвел все детали работы Фидия (рис. 3). Оба рельефа отличаются один от другого лишь небольшим поворотом лица богини, как того требовала симметрия этих двух украшений, и, по признанию всех современных ученых, передают сейчас лучшее и наиболее близкое к оригиналу изображение головы Афины Партенос. Ювелир с большим мастерством воспроизвел величественное лицо статуи, слегка повернутое в сторону от зрителя, а также парадный шлем, который на прочих копиях представлен более обобщенно. Тройной гребень шлема украшен фигурами сфинкса между двумя крылатыми конями, а на отогнутых нащечниках помещены грифоны, что соответствует описанию прославленной статуи у Павсания (I.24.5–6) и более обобщенным изображениям на других античных копиях[7]. Рельефы на терракотовых медальонах в целом мало отличаются от изображения на подвесках, но уступают в проработке деталей.

Золотые серьги из некрополя Пантикапея дают еще один пример использования ювелиром в качестве образца головы статуи выдающегося скульптора (рис. 4). Мастер, работавший в середине IV в. до н.э., украсил свое изделие подвеской в виде женской головки с безукоризненно правильными чертами лица[8]. Это явно изображение какой-то богини, о

---

[2] *Shefton B.* The Baksy Krater. Once More and Some Observations on the East Pediment of Parthenon // Kotinos Festschrift to Erika Simon. Meinz am Rhein, 1992. P. 245–247.

[3] *Фармаковский Б.В.* Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия // ИАК. 1905. № 14. С. 69–93; *Саверкина И.И.* Греческая скульптура. Л., 1986. С. 54–55.

[4] ДБК. Табл. 19, 1; *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. СПб., 1995. № 87. С. 198.

[5] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи и ее окрестностях в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 79. Рис. 2; *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. С. 35. Рис. 13, 1; *Онайко Н.А.* Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. С. 394; *Завойкин А.А.* Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 94–95.

[6] *Robinson D.M.* Excavations at Olynthos. Baltimore, 1952. Vol. 14. P. 235–240; *Ridgway B.S.* Images of Athena on the Akropolis // Goddes and Polis. The Panathenaic Festivals in Ancient Athens / Ed. by *J. Neils*. New Jersey, 1992. P. 133. Fig. 58.

[7] *Колобова К.С.* Указ. соч. С. 126–127; *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Судьба Парфенона. М., 2000. С. 115. Рис. 33, 34, 36.

[8] ДБК. Табл. 7, 11; *Уильямс Д., Огден Д.* Указ. соч. № 103.

чем говорит и ее облик, и тот факт, что на женских украшениях того времени присутствовали лишь мифологические персонажи.

Все детали головки богини тонко и тщательно гравированы. Ее голову венчает роскошная диадема с изображением пальметт и цветов лотоса, в уши вдеты серьги в виде шестилепестковых розеток с подвесками, а шею обвивает ожерелье из круглых бусин с подвеской в виде головы быка. Лепестки цветов и листьев на диадеме и серьгах заполнены зеленой и синей эмалью, на глаза нанесено белое и синее эмалевое покрытие, видимо, отражающее разноцветные камни, которые греки вставляли в глаза ценных храмовых статуй. Та же скульптура послужила образцом для золотой подвески к ожерелью из кургана близ села Большая Белозерка Запорожской области[9]. У богини те же правильные черты лица, такие же прическа и ожерелье со сходной подвеской; отличается лишь форма диадемы, но ее декор состоит из тех же элементов. Похоже, что это работа того же ювелира, который при изготовлении иного вида украшения увенчал голову богини диадемой иного вида. В изделиях подобного типа голова и диадема изготавливались по-отдельности[10], и мастеру, имевшему разные заготовки, нетрудно было делать разные варианты своих работ. То, как одни и те же детали могли использоваться в различных произведениях, хорошо видно на двух найденных в Пантикапее лекифах с рельефными фигурами мастера Ксенофанта[11].

По предположению М.В. Русяевой, ювелир скопировал голову статуи Геры, сделанную Поликлетом между 420 и 417 гг. до н.э. для храма богини в окрестностях Аргоса[12]. Павсаний, видевший эту огромную статую, писал (II.17.4), что она, как и Афина Фидия, была сделана из золота и слоновой кости; богиня сидела на троне и ее голову украшала диадема с фигурами Харит и Гор. Поликлет прославился изображениями идеальных лиц богов и атлетов[13], что отражено на упомянутых серьгах и подвеске. Букраний же, включенный в ожерелье богини, может напоминать о ее культе в образе коровы. Диадему, как мы видели, ювелир представил по-разному, и не пытался на мелких предметах передать декор большой статуи. Возможно, он взял за образец какую-то иную статую школы Поликлета. Надо полагать, что владелицы подобных украшений видели в них облик прекрасной богини и относили его к той, которой более всех поклонялись.

При всей тонкости и изысканности рассмотренных украшений, они все же не были уникальными. Понравившиеся покупателям вещи могли быть повторены несколько раз по имевшейся у мастера модели. Это подтверждается находками сделанных греческими ювелирами великолепных золотых обкладок горитов в Северном Причерноморье и в Македонии; среди них имеются выполненные с одной матрицы четыре идентичных экземпляра из так называемой чертомлыцкой серии с изображениями эпизодов из жизни Ахилла и два с одинаковыми батальными

---

[9] Київський музей історичних коштовностей. Київ, 1974. С. 57. Рис. 50; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. N. Y., 2001. № 95.

[10] *Higgins R.A.* Greek and Roman Jewellery. L., 1961. P. 128.

[11] *Скржинская М.В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 125–126.

[12] *Русяева М.В.* Золоті прикраси у вигляди голови Гери // Археологія. 1994. № 1. С. 104–105.

[13] *Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 184–185.

сценами[14]. Височные подвески с головой Афины предназначались для парадного праздничного женского наряда и, наверное, сначала были выполнены для участницы афинских празднеств. Ведь известно, что на убор женщин, шедших в торжественной процессии и исполнявших определенные ритуалы, тратились немалые деньги (Paus. I.29.16), а в украшения праздничных костюмов включались золотые изделия, о чем упоминается в речи Демосфена «Против Мидия» (XXI.22).

На главных афинских праздниках обыкновенно присутствовали эллины из разных государств, в том числе и из Северного Причерноморья[15]. Увидев понравившуюся им вещь, они могли заказать копию у местного ювелира. Это подтверждается тем, что в Пантикапее обнаружено немало ценных предметов прикладного искусства, исполненных афинянами по индивидуальному заказу боспорян. Наиболее яркий пример – дорогой лекиф со сценой охоты, имеющий выполненную автором надпись «Ксенофант афинянин сделал». Указание на афинское происхождение мастера говорит о том, что эта работа с самого начала задумана для вывоза за пределы Аттики, потому что на произведениях, предназначенных для своей родины, происхождение художника не указывалось. Так, на статуях Праксителя в Афинах было написано лишь его имя, а на скульптурах, стоявших в других государствах, указывалось также афинское происхождение их автора[16].

Украшения типа подвесок с головой Афины прикрепляли к диадемам или к калафам так, как это встречается в погребении жрицы, похороненной в своем нарядном одеянии в кургане Большая Близница. Ее голову венчал золотой калаф с фигурами амазонок, сражающихся с грифонами, а к нему на петельках крепились височные подвески с изображением Фетиды, везущей доспехи Ахиллу. Форма этих подвесок и припаянные к ним петельки для подвешивания идентичны подвескам с головой Афины.

Приведенные аргументы не позволяют согласиться с мнением А.С. Русяевой, что подвески с головой Афины – уникальное произведение, выполненное по заказу царя Левкона I для подарка скифскому царю[17]. Вряд ли царь пожелал бы выбрать подобный сюжет для подарка, так как детальное изображение произведения Фидия не представляло для скифов особого интереса. В то же время многие боспоряне имели возможность познакомиться с прославленными афинскими памятниками и даже считали это одной из целей своих поездок в Афины (Isocr. XVII.1). Поэтому копии со статуи Фидия на ювелирных изделиях и глиняных вотивах могли вызвать у них не только живые ассоциации с оригиналом, но и желание рассказать о нем на родине и привезти подарок с его изображением. Приобретенные на Боспоре греческие украшения оказались в уборе знатной скифянки не на том месте, куда их изначально предназначали; судя по месту находки, упомянутые височные подвески вместе с серьгами так называемого роскошного стиля служили

---

[14] *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981. С. 72. Рис. 50; С. 76–85. Рис 53–59.

[15] *Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 134–138.

[16] *Guarducci M.* Epigrafia greca. R., 1974. T. 3. P. 398.

[17] *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. С. 385.

нагрудным украшением[18], но для такой цели, если бы она была первоначальной, ювелир изготовил бы иное крепление.

Известно, что скифы покупали в греческих городах Северного Причерноморья множество украшений, привезенных сюда из разных центров Эллады. Курган Куль-Оба находится недалеко от Керчи, так что подвески с изображением Афины вместе с серьгами роскошного стиля были приобретены в Пантикапее, а головка богини из кургана в Запорожской области могла появиться у скифов в результате их контактов с Ольвией. Но даже если эти украшения считать дарами греков, откупавшихся от угроз скифов, то ясно, что упомянутые вещи были изготовлены главным образом для праздничного убора гречанок.

В греческом мире большой известностью пользовалась статуя Кибелы, стоявшая в ее афинском храме Метрооне. Скульптуру сделал Фидий (Paus. I.3.5) или его ученик Агоракрит (Arrian. *Peripl.* 11). Многочисленные каменные и глиняные статуэтки Кибелы эллинистического времени, по мнению современных ученых, представляют вольные копии этой статуи. В отличие от более ранних изображений Кибелы, сидевшей на небольшой скамейке, ее стали изображать на роскошном троне, украшенном резьбой, а иногда и рельефными фигурами[19]. Голова богини часто увенчана калафом; как и прежде, ее необходимыми атрибутами оставались львенок, обычно лежавший на коленях, и большой тимпан, ритмичные звуки которого непременно сопровождали ритуалы в честь Кибелы. Подобные статуэтки сначала привозили в города Северного Причерноморья, а затем местные коропласты освоили их производство, повторяя установившийся тип изображения этой богини[20].

В эллинистический период излюбленной темой работ скульпторов и коропластов стали дети. Мастера делали вольные копии с бронзовых и мраморных скульптур, получивших широкое признание в греческой ойкумене. К числу таких статуй относился мальчик, хватающий за шею гуся. В III в. до н.э. Герод описал восхищение женщин, рассматривающих скульптуры перед храмом Асклепия на острове Кос (IV.31–33, перев. Г. Церетели):

> А гусят-то, о Мойры, мальчик как душит!
> Не знай я, что стоит передо мной камень,
> Подумала б, что гусь загоготать может.

Плиний Старший в «Естественной истории» (XXXIV.84) упомянул скульптуру мальчика с гусем, исполненную Боэтом. Такое имя носили несколько скульпторов, живших в эллинистический период. Видимо, статуя принадлежала современнику Герода Боэту из Карфагена, автору позолоченной бронзовой статуи мальчика в аргосском храме Геры, о котором написал Павсаний (V.17.4). Лучшие мраморные повторения мальчика с гусем находятся в Глиптотеке Мюнхена и в Капитолийском музее,

---

[18] *Власова Е.В.* Куль-Оба // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13. С. 49.

[19] См. такие фигуры, например, на терракоте из Ольвии: *Русяева А.С.* Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 106. Рис. 52.

[20] Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. САИ. Г 1–11. Табл. 12, 7; 16–18; 34, 3; 37, 3; 42.

а терракотовые статуэтки такого вида были распространены во многих греческих городах, в том числе и в Северном Причерноморье. Таковы, например, подобные статуэтки эллинистического времени из Пантикапея и Мирмекия[21].

Изображения на местных монетах дают возможность узнать, какие особо почитавшиеся статуи богов находились в Ольвии, Херсонесе и в Пантикапее. Древнейшая из них — Аполлон в характерном для архаического времени уборе; рядом с богом стояли его атрибуты, большой лук и стрела, что можно представить по ольвийской монете II в. н.э.[22] Эта скульптура, выполненная ионийским мастером в середине VI в. до н.э., на многие столетия стала в Ольвии почитаемым кумиром.

На монетах Херсонеса можно различить по крайней мере две статуи Артемиды, верховной богини этого государства. Специальная статья об этом была написана А.Н. Зографом в 1922 г., и с тех пор его наблюдения повторяются и развиваются в исследованиях о Херсонесе[23]. Скульптурная композиция, представляющая богиню в традиционном для всех греков образе охотницы, была выполнена в период раннего эллинизма. Богиня в коротком хитоне показана в стремительном движении: она поражает копьем лань, и это отражает ее эпитет ἐλαφοκτόνος («убивающая оленя») из песни хора в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (ст. 1113). Монеты, воспроизводившие эту скульптуру (рис. 5), чеканили с III в. до н.э. вплоть до поздних выпусков римского времени; сама же скульптура, по мнению В.А. Анохина, появилась в Херсонесе в последних десятилетиях IV в. до н.э.[24] Другая статуя олицетворяла Артемиду Деву как покровительницу и защитницу города. Во II в. до н.э. по заказу херсонеситов эту скульптуру выполнил опытный мастер пергамской школы. Он представил богиню стоящей в длинном одеянии с башенной короной на голове, в одной руке она держала копье, а в другой лук, свой постоянный атрибут. Сначала на монетах появился только профиль Девы в башенной короне, а в римское время стали воспроизводить всю статую целиком[25].

Уникальные материалы сохранились в коллекции археологических находок из Пантикапея. Там обнаружена поврежденная крупная мраморная статуя Диониса (рис. 6)[26] и монеты с ее изображением, которые выпускались в Пантикапее, Горгиппии и Фанагории в I в. до н.э.[27], причем последние помогают представить, как выглядели утраченные части скульптуры.

Эта статуя, выполненная на рубеже V–IV в. до н.э. хорошим мастером круга Праксителя, была сделана по заказу боспорян для их святи-

---

[21] *Силантьева Л.Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки Пантикапея. САИ. Г 1–11. 1974. Табл. 38, 1; *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 68, 69, 72. Прим. 45.

[22] *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 37.

[23] *Зограф А.Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // Изв. РАИМК. 1922. № 2. С. 337–360; *Русяева А.С., Русяева М.В.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 117.

[24] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 26, № 77–81; 88–93; 133–137; 191, 200, 201, 258–260, 270–272, 280–282, 285, 292, 293.

[25] *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 354. Табл. 31, 8; *Анохин В.А.* Указ соч. № 199, 247, 304–307.

[26] *Соколов Г.И.* Указ. соч. С. 37. № 16.

[27] *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 161. Табл. 3, 50, 51; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 201, 207, 209.

лища Диониса, находившегося у подножия горы Митридат[28]. Бог был представлен безбородым кудрявым юношей в коротком хитоне и плаще, в одной руке он держал тирс, а в другой — кисть винограда; у ног находилась пантера, его священное животное. Монеты, выпущенные через несколько столетий после появления статуи, показывают, что она пользовалась особым почетом. Недаром именно ее, а не другие изваяния бога, имевшиеся на Боспоре (КБН. 24), изображали на местных деньгах.

В греческих городах на северном краю ойкумены находилось множество каменных и бронзовых скульптур, но лишь очень немногие сохранились до нашего времени в более или менее хорошей сохранности. В основном же об этих произведениях известно по незначительным фрагментам и надписям на уцелевших пьедесталах. Из последних можно узнать, что афинские скульпторы Пракситель и Стратонид исполняли заказы для ольвиополитов, а Поликрат — для херсонеситов (IOSPE. I². № 271, 406; НО. № 66)[29].

Рассмотренные изображения бронзовых и мраморных скульптур, украшавшие монеты, позволяют восстановить общий облик нескольких статуй наиболее почитавшихся богов в античных городах Северного Причерноморья и показать, что для их исполнения приглашали выдающихся мастеров. Эти изваяния находились в святилищах на протяжении многих лет и становились святынями, которыми по праву гордились местные жители. Они также были осведомлены о статуях, ставших знаменитыми во всем греческом мире. Тем, кто совершал путешествия в Элладу, удавалось видеть их воочию, но большинство знало об этих произведениях по рассказам, которые могли иллюстрироваться вольными копиями на достаточно распространенных памятниках прикладного искусства.

M.V. SKRZHINSKAJA (KIEV, UKRAINA)

MONUMENTAL SCULPTURE IN DEPICTIONS ON THE MONUMENTS OF DECORATIVE ART FROM THE ANCIENT STATES OF NORTHERN BLACK SEA REGION

The article deals with founded during the excavations in the Northern Black Sea region ancient decorated vases, terra-cotta statues and jewelries which saved the design of some famous statues by Phidius, Policletus and Boetus. On the local coins there are images of gods' statues which were in the sanctuaries in Olbia, Chersonesos and Panticapaeum. On request of these towns the statues were created by the skilled masters from Athens and Asia Minor.

[28] *Давыдова Л.И.* К вопросу об иконографии статуи Диониса из Пантикапея в коллекции Эрмитажа // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы конференции. Керчь, 2001. С. 431–433.

[29] *Кобылина М.М.* Скульптура // АГСП. М., 1984. С. 212–214.

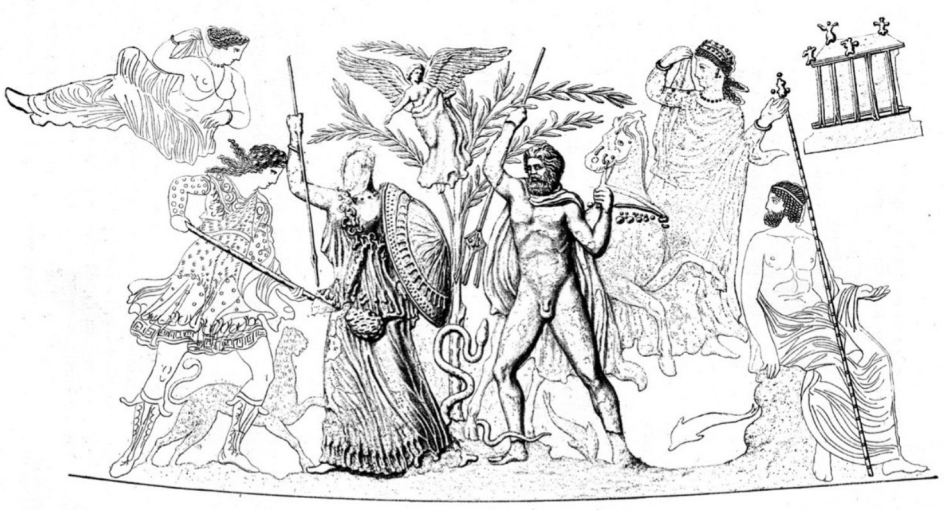


Рис. 1. Сцена спора Афины и Посейдона.
Прорисовка картины на гидрии из Пантикапея

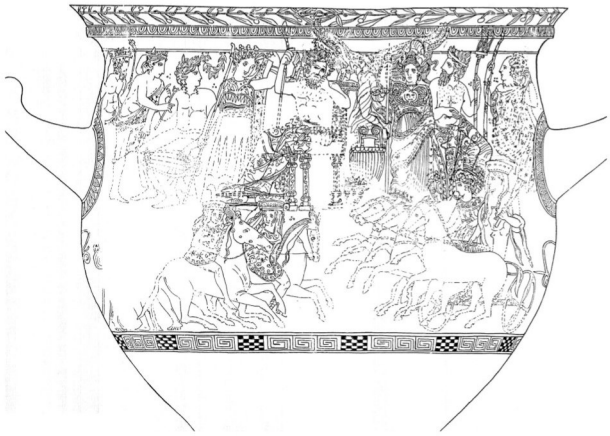


Рис. 2. Зевс, Афина, Гера и другие олимпийские боги. Прорисовка картины на кратере из кургана Бакса

Рис. 3. Голова Афины. Золотые височные подвески из кургана Куль-Оба

Иллюстрации к статье М.В. Скржинской

Рис. 5. Артемида, убивающая лань. Херсонесская монета

Рис. 6. Мраморная статуя Диониса из Пантикапея

Рис. 4. Голова богини. Золотые серьги из некрополя Пантикапея

Н.Б. Чурекова

ГЕРАКЛЕЯ И ХЕРСОНЕС: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ *

Проблема взаимоотношений метрополии со своими колониями является одной из самых сложных, она постоянно находится под пристальным вниманием исследователей и вместе с тем многие ее аспекты еще далеки от разрешения. Контакты эти сводятся к нескольким наиболее важным моментам: отношениям в области политики, экономики, религии и культуры. Если с двумя последними сферами дело обстоит более или менее ясно, то в области политической и экономической возникает множество проблем. Естественно, что греки с присущей им полисной психологией стремились к автономии и автаркии. Между тем, ряд примеров греческой колонизационной практики показывает, что далеко не всегда вновь основанный выселок становился политически и экономически независимым и приобретал статус полиса[1]. В ряде случаев, когда мы имеет богатую нарративную традицию, определить этапы и характер связей с метрополией не составляет труда, по большей части это касается афинской колонизационной деятельности.

Иначе обстоит дело с большинством колоний Северного Причерноморья. Как известно, этот регион интересовал жителей Балканской Греции в основном в качестве рынка сырья и сбыта продукции, поэтому и источники, которыми мы располагаем, весьма специфичны, в основном это периплы. Естественно, что связи метрополий с колониями в этих источниках не нашли практически никакого отражения, в лучшем случае называется «материнский город» того или иного поселения. Не является исключением и одна из самых крупных греческих колоний в Понте – Херсонес. Несмотря на то, что многие авторы так или иначе его упоминают, сведений о ранней истории города в античной традиции не содержится. Все, что мы можем почерпнуть из сочинений античных авторов, это данные об основании поселения гераклеотами и делосцами (Ps.-Skymn. 826–831[2]).

Задачей настоящей работы является как раз попытка определить характер взаимоотношений Херсонеса со своей метрополией Гераклеей на раннем этапе истории апойкии. При этом, прежде чем начать рассматривать эти связи, необходимо выяснить причину выведения Гераклеей колонии в Таврику, что заставляет вновь обратиться к вопросу о времени и обстоятельствах основания Херсонеса.

Предположение о том, что на месте будущего Херсонеса существовало более раннее поселение, одними из первых высказали Э. Миннз и

* Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3665.2007.6.

[1] Например, эмпории Фасоса, испанский Эмпорион, Навкратис и др.; см.: *Кац В.И.* Эмпорий Херсонес // АМА. 1990. Вып. 7. С. 101–102; *Боузэк Я.Г.* Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурнх отношений, и их параллели в других странах периферии греческого мира // Материалы XI международной конференции Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006. С. 34–35.

[2] *Diller A.* The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxf., 1952.

М.И. Ростовцев[3]. Их догадка базировалась на немногочисленных материалах архаического времени[4], которые были известны в основном по недокументированным раскопкам уже в то время. Эти материалы, вследствие малочисленности, долгое время либо игнорировались[5], либо объяснялись существованием здесь эмпория (фактории) или якорной стоянки, предшествующей дорийской колонизации[6].

В последнее время стало абсолютно ясно, что постоянное поселение на мысе Карантинной бухты существовало уже в архаику[7]. Вместе с тем архаического материала из Херсонеса не так уж и много, в сравнении с другими колониями Северного Причерноморья. Это одна из причин дискуссий о дате основания Херсонеса. Другая причина кроется в проблемах датировки этого раннего материала, прежде всего керамики.

Первую группу составляет ионийская «полосатая» (среди которой доминируют кувшины различных типов, чаши-килики, и крышки от лекан). М.И. Золотарев, обобщивший наиболее ранние находки из Херсонеса, предложил датировать эту группу последней четвертью VI – второй четвертью V вв.[8] Однако ревизия этих материалов позволила не только частично пересмотреть датировку[9], но и усомниться в их ионийском происхождении. А.В. Буйских в недавней работе, подробно анализируя весь комплекс архаической керамики из Херсонеса, пришла к выводу, что значительная часть сосудов, относимая ранее к ионийскому импорту, должна быть причислена к какому-то местному производству, имитирующему стиль ионийской керамики[10]. К тому же, среди той керамики, которую все-таки можно отнести к ионийской, нет ни одного фрагмента, уверенно датирующегося последней четвертью VI в. Ряд экземпляров захватывают конец VI в., но при этом их верхняя хронологическая граница – первая половина V в. Таким образом, А.В. Буйских датирует эту группу керамики началом – первой половиной V в.

---

[3] *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 497, 515; *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 63.

[4] См.: *Белов Г.Д.* Ионийская керамика из Херсонеса // Тр. ГЭ. 1972. Т. 13. С. 23; *Зедгенидзе А.А* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. № 156. С. 69.

[5] *Жебелев С.А.* Возникновение Херсонеса Таврического // Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1953. С. 74–81.

[6] *Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 53, 75; *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 95; *Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 177; *Зедгенидзе А.А.* О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. № 159. С. 27; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 58.

[7] Материалы некрополя, находящегося в Северном районе Херсонеса, один из участков которого функционировал во второй и в третьей четвертях V в., однозначно на это указывают – здесь зафиксированы детские погребения в амфорах. См.: *Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н.* Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 1993. Вып. 9. С. 140.

[8] Здесь и далее даты до н.э. *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 4–14.

[9] А.А. Зедгенидзе в одной из работ предприняла попытку анализа архаического материала и пришла к выводу, что он имеет более позднюю датировку. См.: К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3. С. 52–53.

[10] *Буйских А.В.* Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 268–274.

К другой группе принадлежит расписная чернофигурная керамика. Самым древним, относящимся к третьей четверти VI в., по предположению М.И. Золотарева, является фрагмент крышки леканы с изображением пантер и птиц[11], предположительно беотийского производства[12]. К наиболее ранним относятся и фрагменты мелкофигурных аттических килик ов, которые датируются рубежом VI–V вв., и венчики кратеров с изображением бутонов лотоса[13]. Последние, впрочем, продолжали бытовать до начала IV в.[14] Все остальные фрагменты чернофигурной керамики следует причислить к более позднему времени – не ранее рубежа VI–V вв.[15]

Еще одной группой материала является керамическая тара, представленная как целыми формами, так и крупными фрагментами и профильными частями хиосских, лесбосских, протофасосских и самосских амфор. Количественно среди них преобладает Хиос[16]. М.И. Золотаревым все фрагменты хиосских амфор отнесены ко II и III типам (по классификации В. Грейс и И.Б. Брашинского) и соответственно датированы не позднее середины V в.[17] Однако в другой своей работе он относит обломки хиосских амфор ко II–IV типам все по той же классификации и датирует их второй половиной VI–третьей четвертью V в.[18] Вполне закономерно по этому поводу замечание А.В. Буйских[19] о том, что эти фрагменты хиосских амфор не имеют дополнительной окраски тулова, ручек и венчиков, а значит они не могут принадлежать к раннему типу хиосских пухлогорлых амфор и должны датироваться более поздним временем – не ранее 500 г.[20]

К первой половине V в. причисляют профили амфор Самоса и круга Самоса[21] или Милета[22]. Этим же периодом датируются фрагменты красноглиняных лесбосских амфор и сосуд с утраченным дном, также

---

[11] *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика. С. 19; *он же.* К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 100–102.

[12] Ср.: *Boardman J.* Olbia and Berezan: The Early Pottery // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. by *G.R. Tsetskhladze*. Stuttgart, 1998. P. 204; *Буйских А.В.* Указ. соч. С. 275.

[13] *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Древнейший Херсонес. Доклад на V Международном симпозиуме по древней истории Причерноморья. Вани, 1987. С. 9; *Зедгенидзе А.А.* К вопросу об удревнении… С. 52.

[14] См.: *Зедгенидзе А.А.* Аттическая краснофигурная керамика… С. 69.

[15] О датировке фрагментов килик ов круга мастера *Haimon* и лекифов мастерской *Beldam* см.: *Зедгенидзе А.А.* О времени основания Херсонеса… С. 27; *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика... С. 19; *Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. L., 1997. P. 149.

[16] *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика. С. 14.

[17] Там же. С. 15.

[18] *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 105.

[19] *Буйских А.В.* Указ. соч. С. 266.

[20] Ср.: *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 15–16; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва; Саратов, 2003. Табл. 4–6.

[21] *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика… С. 15–16; *Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н.* Указ. соч. С. 122. Табл. 1, *2–3*.

[22] *Монахов С.Ю.* Указ. соч. С. 34–35. Табл. 19, *2, 4;* 20, *3*.

отнесенный М.И. Золотаревым к продукции Лесбоса[23]. Между тем, этот сосуд следует, скорее, относить к продукции какого-то неизвестного центра и датировать не ранее V в.[24]

К концу VI – началу V вв. М.И. Золотарев отнес амфору одного из ионийских, по его мнению, центров. Между тем, по всей видимости, именно она С.Ю. Монаховым и Э.Н. Абросимовым была атрибутирова как «протофасосская» с той же датировкой[25]. В свою очередь, А.В. Буйских предположила, что эта амфора на сложнопрофилированной ножке должна быть соотнесена не с сосудами третьей серии данного типа, а с сосудами пятой серии, и датироваться в пределах первой половины – середины V в.[26] В таком случае нижняя дата ранних амфорных типов, представленных в Херсонеса не выходит за пределы начала или первой четверти V в., причем основная часть сосудов, в том числе происходящих из раннего некрополя, вообще датируется в пределах первой половины этого столетия[27].

Итак, археологический материал позволяет предполагать основание Херсонеса не ранее начала V в. Но в новейшей историографии предлагается точная дата его основания – 528/527 г.[28] Именно в этом году, по мнению Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева, Делос и Гераклея могли совместно основать Херсонес (Ps.-Skymn. 826–831). К этому выводу исследователи пришли, анализируя информацию, содержащуюся в античной традиции. Так Геродот и Фукидид сообщают о первом очищении Делоса афинским тираном Писистратом (Hdt. I.64; Thuc. I.8.1; III.104.1). Приняв за дату этой акции 528 г., исследователи, ссылаясь на данные археологических раскопок, проводимых французскими археологами, говорят о том, что Писистрат очистил сакральную зону не только от погребений, но и от тамошних обитателей. Получив поддержку оракула в Дельфах, делосцы вместе с гераклейцами отправились в Тавриду[29].

Далее приводится сообщение Аристотеля о том, что политические трения начались в Гераклее сразу после ее основания (Arist. *Pol.* V.5.3.1304b). Гераклейская знать, отправившаяся в изгнание, по-видимому, основала Каллатис. Потом изгнанники собрались вместе и, вернувшись на родину, упразднили народовластие, при этом демократы, естественно, были лишены каких-то прав, среди которых исследователи

---

[23] *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика… С. 15–16. Табл. XIX.

[24] Ср.: *Буйских А.В.* Указ. соч. С. 266.

[25] На что, не без оснований, обратила внимание А.В. Буйских (указ. соч. С. 266). К сожалению, не очень качественные чертежи М.И. Золотарева и отсутствие инвентарного номера в публикации С.Ю. Монахова и Э.Н. Абросимова не дают стопроцентной уверенности, что речь идет об одном и том же сосуде. См.: *Буйских А.В.* Указ. соч. С. 266.

[26] *Буйских А.В.* Указ. соч. С. 266–267.

[27] Там же. С. 267.

[28] См. об этом: *Vinogradov Ju., Zolotarev M.* La Chersonese à la fin de l'époque archaïque // Pont-Euxin vue de les grecques. P., 1990; *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 1998. Вып. 9; *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный... В одной из последних работ к этой проблеме обратился И.Е. Суриков. Принимая точку зрения Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева, он согласен с тем, что очищение Делоса произошло во время «третьей тирании» Писистрата, однако датирует он это событие более ранним временем, а именно ок. 546 г. И, таким образом, примерно к этому времени исследователь относит основание Херсонеса (О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 72–79), что абсолютно не согласуется с археологическим материалом из Херсонеса.

[29] *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса… С. 41.

называют и право на земельную собственность. Лишившиеся земли гераклейцы согласно оракулу основали Херсонес[30].

Конечно, в этом построении имеет место известная доля допущений, так как ни один источник не говорит нам о том, какой хронологический промежуток заняла смена власти сначала олигархии на демократию, а затем опять демократии на олигархию. При этом представляется весьма спорным тезис о том, что демократы (или кто-либо другой) могли лишиться права земельной собственности. Как известно, даже изгнание не всегда сопровождалось лишением имущественных и гражданских прав.

Кроме того, представляется несколько умозрительным и вывод о том, что остров Делос был очищен Писистратом и от покойников, и от живых. Исследователи полагали, что афинский тиран произвел очищение Делоса дважды, о чем якобы сообщает Фукидид: «…Когда афиняне в эту войну[31] произвели очищение Делоса и все гробницы были увезены с острова…» (Thuc. I.8.1, здесь и далее перевод Г.А. Стратановского) и в другом пассаже – «…Писистрат очистил Делос, однако не весь, но лишь часть, на которую открывался вид из святилища…» (III.104.1). Не говоря уже о том, что очищение острова следует относить к 426/5 г. до н.э., нельзя не заметить, что в обоих случаях речь идет лишь об очищении острова от могил. Говоря о втором очищении Делоса, Фукидид опять-таки сообщает лишь об удалении с острова гробниц; единственное отличие от первого раза состоит в том, что «…на этот раз был очищен весь остров…» (Thuc. III.104.1). И только во время третьего очищения Делоса афинянам показалось недостаточным удалить с острова только захоронения, о чем прямо говорит Фукидид: «…очищение (второе. – *Н. Ч.*), которое они совершили, как они считали правильно, удалив с острова гробницы покойников,… теперь казалось афинянам недостаточным. Большинство делосцев поселилось в Атрамиттии в Азии, который им предоставил Фарнак, другие же направились кто куда захотел» (Thuc. V.1).

Геродот, в свою очередь, также говорит об очищении острова лишь от могил. Даже то, что зону вокруг святилища занимали жилища, раскопанные французскими археологами, на работы которых ссылаются Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев, не дает основания полагать, что в результате действий Писистрата в 528 г. делосцы были вынуждены искать новую родину. Напротив, делать это им пришлось после третьего очищения Делоса в 422 г.

Что касается возможностей Гераклеи вывести Херсонес в 528 г., то здесь, как представляется, также есть несколько противоречивых моментов. Как известно, Гераклея была основана где-то в 560–550 гг. (Ps.-

---

[30] *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса… С. 42.

[31] Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев относят это свидетельство Фукидида к первому очищению Делоса тираном Писистратом (Херсонес изначальный… С. 118), как будто из контекста повествования афинского историка (Thuc. I.8.1) не совсем ясно, о какой войне идет речь. Между тем, под «этой войной» Фукидид понимает Пелопоннесскую войну (см., напр.: *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Oxf., 1991. Vol. 1. P. 30, *ad loc.* Thuc. I.8.1). Таким образом, очевидно, что в рассуждения исследователей закралась досадная ошибка. На самом деле в первом (I.8.1) и втором (III.104.1) случае речь идет об одном и том же очищении Делоса в 426/5 г. до н.э. (*Classen J.* Thukydides. 6. Aufl. B., 1963. Bd. 1. S. 28 f.; *Hornblower S.* Op. cit. P. 517–526), при этом Фукидид обращается к более раннему случаю, вспоминая как происходило очищение острова при Писистрате.

Skymn. 1016–1019)[32], примерно через двадцать лет, около 540 г., Гераклеей был выведен Каллатис[33]. Встает вопрос, каким образом и с какой целью Гераклея, просуществовавшая к тому времени сама совсем недолго, за такой короткий срок (в период с 550 по 528 гг.) могла вывести сразу две колонии?

Как бы то ни было, в начале V в. на месте Херсонеса уже существовало постоянное поселение. Неизвестны ни его название, ни статус. Отсутствие следов сельской округи говорит о том, что прокормить себя продуктами собственного хозяйства колонисты не могли. Для торговли с местным населением это также не очень пригодное место: во-первых, враждебное таврское окружение, к тому же никаких следов торговой деятельности греков в горном Крыму, то есть в собственно Таврике, не найдено; во-вторых, Гераклейский полуостров отрезан рядом горных хребтов от степного Крыма, поэтому ввоз и вывоз товаров оттуда был затруднен. Между тем, для посреднической морской торговли место это наиболее подходящее, так как находится на пересечении морских торговых путей. Однако не следует забывать, что освоение греческими мореходами краткого южного маршрута плавания по Черному морю следует относить к более позднему времени, а именно ко второй половине V в.[34] Как известно, до этого плавание осуществлялось каботажным способом. Вероятнее всего, жители поселения у Карантинной бухты жили тем, что оказывали услуги в предоставлении гаваней проходящим кораблям.

Не совсем понятно, было ли это поселение основано Гераклеей. Имеется только два аргумента в пользу подобного утверждения. Первый – это известное сообщение Псевдо-Скимна, второй – присутствие имен гераклеотов на серии остраконов.

Коллекция остраконов из Херсонеса, по признанию специалистов, одна из богатейших[35]. Насчитывает она, по разным оценкам, до 45 остракa. Впервые они были опубликованы Э.И. Соломоник, и ею же было высказано мнение, что в Херсонесе применялся суд черепков[36]. Эту гипотезу поддержали и развили Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев, предположившие, что остракизм применялся в политической жизни колонии с самого начала V в. Использование столь радикальной меры на новом месте жительства, находящемся на территории, окруженной враждебными варварами, объясняется следующим обстоятельством: «В Таврику выселился этнически смешанный контингент гераклейцев, в котором над ионянами превалировали мегаряне и беотийцы, но который был спаян едиными «партийными», то есть демократическими узами…». Направленный против демагогов остракизм должен был предотвратить повторение ошибок недавнего прошлого, произошедших после основа-

---

[32] Л.А. Пальцева датирует основание Гераклеи 560 г. (Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 197); С.Ю. Сапрыкин – 554 г. (Указ. соч. С. 16); 550 г. называют Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев (Херсонес изначальный. С. 98. Примеч. 40.)

[33] *Пальцева Л.А.* Указ. соч. С. 203. Более поздним временем – 520 г. – датирует основание Каллатиса Э.Д. Фролов (Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 202).

[34] См., напр.: *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 168; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 55.

[35] См.: *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 446.

[36] *Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121 сл.

ния Гераклеи, которая также была выведена при численном превосходстве мегарян[37]. В свою очередь, и И.Е. Суриков согласен с тем, что в Херсонесе применяли остракизм[38].

На первый взгляд, с этим мнением трудно спорить. Однако надписи на острака можно интерпретировать и иначе. По нашим собственным наблюдениям, определенное число надписей на острака может быть отнесено к владельческим меткам (большая часть имен с патронимиками и их сокращений располагается на донышке сосудов[39], что как раз традиционно для общегреческой эпиграфики). Дж. Хайнд также видит в надписях на керамике владельческие метки[40]. К числу остраконов для голосования В.П. Яйленко причисляет только 12 граффити (исключив из каталога, представленного Ю.Г. Виноградовым, граффити с владельческими метками, а также надписи неясного содержания), причем он ставит под сомнение датировку, предложенную Ю.Г. Виноградовым, и относит комплекс остраконов к дорийскому Херсонесу последней четверти V в.[41] Таким образом, вопрос о датировке и назначении херсонесских остраконов пока не может быть решен.

Между тем, явные изменения в облике поселения происходят только в последней четверти V в., и это уже непосредственно связано с гераклейской колонизацией. Именно в это время интересы Гераклеи сосредоточились в Юго-Западном Крыму. Как уже указывалось, примерно к данному времени относится освоение греками краткого пути через Понт, к тому же товарное производство Гераклеи именно теперь стало требовать обширных рынков сбыта, что стимулировало развитие ремесленного производства и поиск таких рынков. Не случайно начало амфорного производства в Гераклее приходится на последнюю четверть – конец V в., а с конца V в. гераклейские амфоры подвергались систематическому клеймению[42].

Изучение гераклейского импорта первой половины IV в. по материалам Северного Причерноморья показало, что более всего он проникал на территорию Ольвийского полиса и Херсонеса и в меньшей степени на Боспор[43]. Как представляется, связано это во многом со спецификой отношений Гераклеи с Боспорским государством. Гераклея не случайно выступила в войне Боспора с Феодосией на стороне последней. Ряд исследователей объясняет это необходимостью защиты Гераклеей своей колонии Херсонеса от агрессии Боспора[44]. Но насколько реальна была такая угроза? Не правильнее ли объяснять участие Гераклеи в этой вой-

---

[37] *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического… С. 38–39; *они же.* Херсонес изначальный… С. 124–125.

[38] *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 450–455.

[39] См.: *Vinogradov Ju., Zolotarev M.* Op. cit. P. 118–119.

[40] *Hind J.* Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister- and Daughter-Cities of Heracleia) // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998. P. 141–146.

[41] *Яйленко В.П.* Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья. К выходу книги: *Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1997. 703 S. 40 Taf. // РА. 2000. № 3. С. 186–187.

[42] См.: *Монахов С.Ю.* Указ. соч. С. 124.

[43] *Кац В.И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // АМА. 1979. Вып. 4. С. 189. Табл. 6.

[44] См., напр.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 58. О причинах войны подробнее см.: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 74.

не ее торговыми интересами? Вне всяких сомнений, Гераклею привлекали местоположение и уникальная гавань Феодосии. Руководствовались ли при этом гераклеоты необходимостью вывоза своего вина или потребностью ввоза хлеба с Боспора, остается только догадываться, но, вероятно, заинтересованность Гераклеи в хлебе играла не последнюю роль в сложных взаимоотношениях с Боспором и с Афинами, которые были не менее заинтересованы в боспорском хлебе. Со второй половины IV в. картина меняется – ввоз гераклейского вина на Боспор увеличивается[45].

Что касается Херсонеса, то он долгие годы оставался своего рода «аванпостом» интересов Гераклеи в этом регионе. Видимо, для успешной реализации своих интересов Гераклея политически и экономически контролировала Херсонес, на что указывает целый ряд факторов.

Данных, подтверждающих существование гражданской общины херсонеситов в V в., на сегодняшний день нет. Наоборот, в перипле Псевдо-Скилака, который датируется 30-ми годами IV в., Херсонес определен как эмпорий (§ 68). Правда, как совершенно справедливо заметил В.И. Кац, непонятно какой смысл в этот термин вкладывал сам Псевдо-Скилак[46]. Как показали последние исследования, Псевдо-Скилак не всегда корректно определял политический статус поселений. В третьей части его труда, где описываются районы севернее, южнее и восточнее собственно Эллады (§§ 66–112), содержатся безусловные ошибки[47]. Однако, как уже говорилось выше, нельзя не заметить, что, описывая Северное Причерноморье, автор употребляет термин «эмпорий» только применительно к Херсонесу. Некоторые исследователи даже полагают, что Псевдо-Скилак четко разграничивал термины «эмпорий» и «полис»[48]. В данном случае есть все основания доверять сообщению Псевдо-Скилака, тем более, что имеются и другие косвенные свидетельства того, что Херсонес в рассматриваемое время был эмпорием.

Одним из доказательств отсутствия полисного статуса у Херсонеса в это время является достаточно позднее возникновение у него хоры. Если исходить из того, что Херсонес был основан в первой четверти V в., то получается, что до времени освоения Маячного полуострова (видимо, именно здесь находилась первая хора херсонеситов[49]) прошло примерно 100–160 лет.

Если признать вслед за некоторыми исследователями, что выпуск монеты имеет принципиальное значение для определения полисного статуса[50], то только в первом десятилетии IV в. появляются признаки суще-

---

[45] *Кац В.И.* Экономические связи… С. 184–185.

[46] *Кац В.И.* Эмпорий Херсонес. С. 99.

[47] См.: *Flensted-Jensen P., Hansen M.H.* Pseudo-Skylax: Use of the Term Polis // More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1996. P. 153.

[48] Например: *Кац В.И.* Эмпорий Херсонес. С. 100–101.

[49] См., напр.: *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 27; *Доманский Я.В.* К предыстории Херсонеса Таврического // АМА. 1974. Вып. 2. С. 46; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 63. Есть веские основания полагать, что возникшие здесь во второй четверти IV в. наделы являлись продуктом деятельности первых граждан собственно Херсонеса.

[50] Как считают, например: *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Вып. 9. С. 83; *Hansen M.H.* The Copenhagen Inventory of Poleis

ствования гражданской общины Херсонеса. Наиболее древняя серия херсонесского серебра (на аверсе изображение головы Девы в кекрифале и демотикон, на реверсе – рыбы и палицы) датируется приблизительно 390–370 гг.[51] Нельзя не заметить применения единой весовой системы для чеканки монет, а также общности монетной типологии Херсонеса и Гераклеи. Некоторые исследователи склонны объяснять это тем, что Херсонес и в это время являлся эмпорием Гераклеи. В подтверждение приводятся монеты Керкинитиды середины IV в., которые по стилю и фактуре напоминают херсонесские, при этом предполагается, что Керкинитида в это время уже входила в состав Херсонесского государства[52]. Однако, как известно, Керкинитида с самого основания была полисом[53], и нам не известно, какой статус она имела в Херсонесском государстве. Поэтому сходство монетных типов Гераклеи и Херсонеса, возможно, следует объяснять просто тесными связями между метрополией и колонией.

Любопытен также тот факт, что все надписи, содержащие государственные постановления херсонеситов, относятся ко времени не ранее III в.[54] Логично было бы предположить отсутствие у Херсонеса политической автономии до этого времени. Однако за пределами Херсонеса известен целый ряд эпиграфических памятников, где употребляется демотикон херсонеситов. Показательна в этом отношении одна ольвийская проксения первой половины IV в., данная некоему херсониту Пирралию (НО. № 3). Нет ни одного упоминания общины херсонеситов и для V в.

Таким образом, о Херсонесе как о независимом полисе можно говорить только с первой четверти, а то и с первой половины IV в. До этого он экономически и политически зависел от своей метрополии Гераклеи. Вполне вероятно, что выражалось это в инкорпорировании Херсонеса в Гераклейский полис. По всей видимости, это был не единственный эмпорий, входивший в государство гераклеотов. В период освоения хоры и подчинения мариандинов Гераклея основала целый ряд эмпориев. Однако Херсонес находился на значительном расстоянии и был как бы ее «заморским владением», что должно было вызвать необходимость создания новой схемы взаимоотношений. Главную роль при этом играли торговые интересы гераклеотов. Не случайно наиболее активно гераклейский импорт поступает в Херсонес до середины IV в. Видимо, с этим связано и относительно позднее появление херсонесской хоры. Однако меняющаяся система международных отношений в Понтийском регионе, да и политическая ситуация в самой Гераклее повлияли на модель взаимоотношений Гераклеи с Херсонесом. Метрополия более была не в состоянии контролировать быстро растущий и набирающий экономический потенциал город, что, конечно же, сказалось на изменении политического статуса Херсонеса.

---

and the Lex Hafniensis de Civitate // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.; N. Y., 1997. P. 13.

[51] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16. С. 242; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 134–135.

[52] *Кац В.И.* Эмпорий Херсонес. С. 108.

[53] *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 141–143.

[54] См., напр.: *Пальцева Л.А.* Херсонес Таврический в V–I вв. до н.э. Л., 1988. С. 39.

NATALIA B. CHUREKOVA (SARATOV)

MODEL OF RELATION BETWEEN MOTHER-CITY AND COLONY: HERACLEIA AND CHERSONESOS

The problem of relation between mother-city and the colony is one of the most difficult and at the same time its many aspects are still far from resolved. The problem of the present work is to determine character of the relationship between Chersonesos and its mother-city Heracleia at an early stage of apojkia history. Up to the first half of IV B.C., Chersonesos was economically and politically dependent on Heracleia . The leading role thus was played by the trading interests of the citizens of Heracleia. Not coincidently, the biggest amount of import form Heracleia came to Chersonesos until the first half of IV B.C. Probably, because of it, chora of Chersonesos has appeared rather late in the last quarter of V B.C. Later on, Heracleia could not control the quickly growing and increasing economic potential of Chersonesos and that led to the change in the political status of the latter.

Г.А. Ломтадзе

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕКИХ СОСУДОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

При работе с материалами эллинистического некрополя Ольвии мое внимание привлекли две столовые импортные амфоры, происходящие из раскопок Б.В. Фармаковского 1896 года[1].

Первая была найдена в могиле № 25 (рис. 1, *1*). Она имеет вытянутую форму с овоидными очертаниями, высокое горло и воронковидный профилированный венчик. Туловище сосуда каннелировано. Ручки не сохранились, но в местах их крепления с горлом и плечиками амфорами сохранились круглые ротели. Лак черный, не очень высокого качества. На горле с обеих сторон накладной глиной и белой краской исполнен орнамент в виде гирлянд из копьевидных подвесок. На плечиках помещен пояс орнамента в виде волны, исполненный гравировкой. В центральной части тулова между орнаментом в виде поясков из точек расположен неширокий фриз. На нем изображены пальметты и точечные розетки, исполненные белой краской. Высота сосуда 63,6 см, диаметр 30,5 см, диаметр венчика 21,5 см, диаметр ножки 14,8 см.

Вторая подобная амфора происходит из могилы № 39 (рис. 1, *2*). Форма сосуда в целом аналогична предыдущему. Роспись же ее несколько отличается от амфоры из могилы № 25. На плечиках помещена более сложная композиция: с одной стороны, как и у предыдущей амфоры, находится пояс в виде волны, а с другой стороны – пояс из точечных розеток и птичек, исполненных белой краской. Отличается и орнамент на фризе в центральной части тулова. В данном случае это венки и пальметты. Высота амфоры составляет 64,4 см, диаметр тулова 32,9 см, диаметр венчика 21,2 см, диаметр ножки 14,9 см.

Комплекс находок из погребения 25, включающий в себя большой набор различных категорий керамики, надежно датируется в пределах конца II – начала I вв. до н.э. В погребении 39 находок было встречено немного, но синхронность его с предыдущим не вызывает сомнений[2].

Находки амфор рассматриваемого нами типа весьма редки. Амфора, практически аналогичная вышеописанному сосуду из ольвийского погребения № 39, хранится в коллекции Музея Античного Искусства в Берлине (рис. 2, *2*). Попала она туда из Ольвии через торговца древностями Мафрогодато. Тулово ее также каннелировано. Горло украшено с обеих сторон гирляндами из копьевидных подвесок. На фризе слабо видны изображения венков, на плечах – гравированный орнамент в виде волны. В отличие от наших сосудов, у берлинской амфоры сохранились плоские в сечении ручки[3].

---

[1] *Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии // ОАК за 1896. СПб., 1896. С. 205–206.

[2] Полностью комплексы опубликованы в статье: *Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. 2007. Вып. 1.

[3] Altes Museum, V.I. 5012 (амфора не опубликована). Хочется выразить признательность хранителю собрания ваз Урсуле Кестнер за возможность работы в Берлине с коллекциями из Ольвии.

Еще одна близкая по форме и декору амфора была приобретена Б.В. Фармаковским у жителей с. Парутино в 1909 г. (рис. 2, *1*) и находится в собрании Государственного Эрмитажа[4]. Если форма этого сосуда и близка нашим амфорам, то характер декора отличается большей роскошью. Горло и плечи украшены орнаментом в виде вертикальных лепестков, выполненных гравировкой, белой краской и жидкой глиной. В верхней части тулова присутствуют два расписных фриза. На верхнем выполнен ряд изображений, в том числе изображение т.н. богини "Rankenfrau", букрания, пальметт в окружении грифонов. Средняя часть тулова амфоры украшена фризом с изображениями птиц, розетт и точечного орнамента. Нельзя не заметить, что птицы, изображенные на фризе эрмитажной амфоры и на плечах амфоры из погребения № 39, явно выполнены «одной рукой». Такие же птицы были изображены на чернолаковом флаконе – бальзамарии, приобретенном Б.В. Фармаковским в Парутино в том же году, что и амфора[5].

Еще две амфоры рассматриваемого нами типа, также происходящие из Ольвии, хранятся в Одесском археологическом музее[6]. Форма тулова этих амфор практически не отличается от описанных выше, роспись же имеет свои особенности. На одной из них[7] горло орнаментировано так же, как и у большинства предыдущих экземпляров – гирляндой из копьевидных подвесок, исполненной белой краской и жидкой глиной. Роспись плеч тоже достаточно стандартна – волнообразный гравированный орнамент. В центре же тулова располагается широкий фриз с сюжетной росписью. На фризе изображена сцена гоплитодрома (бег в полном вооружении). Между бегущими фигурами помещены треножники. Изображение было выполнено гравировкой, белой краской и жидкой глиной. Высота амфоры 59 см, диаметр тулова 31,5 см, диаметр венчика 18,5 см, диаметр ножки 15,6 см.

На второй амфоре роспись почти не сохранилась[8]. Горло ее было украшено пальметтами, исполненными белой краской и жидкой глиной. На тулове также располагался фриз. Сейчас слабо различимы лишь треножник и колонна, изображенные под ручками. И.Г. Шургая предполагал, что росписи и не было изначально, т.е. мы имеем дело с заготовкой[9]. Это представляется маловероятным, поскольку нам вообще не известна практика импорта подобных «заготовок». Высота этой амфоры 59 см, глубина вместилища 49 см, диаметр тулова 30,6 см, диаметр венчика 21 см, диаметр ножки 13,5 см. Все вышеописанные амфоры сделаны из светло-коричневой хорошо отмученной глины с блестками слюды. Лак на амфорах тусклый, не очень высокого качества.

---

[4] *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 97–100. Рис. 132–134; *Шургая И.Г.* Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья // СА. 1971. № 3. С. 198. Рис. 6; АГСП. М. 1984. С. 230–231. Табл. CXLIV, *11*; *Aleksandropoulou A.* Gnathia- und Westabhangkeramik. Eine vergleichende Betrachtung. Münster, 2002. S. 163–164. Taf. 8.

[5] *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии. С. 100. Рис. 135.

[6] *Шургая И.Г.* Указ. соч. Рис. *4–5*.

[7] ОАМ. А-24905.

[8] ОАМ. III, 2622.

[9] *Шургая И.Г.* Указ. соч. С. 196–197.

Бросается в глаза безусловная взаимосвязь орнаментов и сюжетов на амфорах из разных музеев. Причем полностью аналогичные росписи отсутствуют, сходными являются лишь отдельные детали (волнообразный пояс, изображения птиц и т.д.). Детали эти создают такое впечатление, что они были выполнены «одной рукой». Вышесказанное позволяет предположить, что часть сосудов произведена не только в одном центре, но и в одной мастерской.

Амфоры, хранящиеся в Историческом музее и Берлинском *Alten Museum*, отличаются от прочих более вытянутыми пропорциями и более лаконичной росписью. Исходя из общей тенденции развития античной керамики (прежде всего, амфор различных типов), от приземистых к вытянутым формам, можно предположить, что амфоры из Эрмитажа и Одесского музея несколько древнее. По крайней мере, их можно датировать не позднее второй половины II в. до н.э.

Несомненный интерес вызывает уникальная стеклянная амфора из Ольвии (рис. 2, *3*)[10], хранящаяся в Берлинском музее[11]. Этот сосуд имеет аналогичную нашим сосудам морфологию. Высота ее 59,6 см, диаметр 22,4 см, т.е. метрически она также близка нашим экземплярам. На тулове этой амфоры расположен неширокий позолоченный фриз с растительным орнаментом. В отличие от рассматриваемого нами типа сосудов, берлинская амфора имеет слив в нижней части тулова в виде позолоченной полуфигуры сатира. В месте крепления ручек к плечам расположены позолоченные маски. Издательница датировала амфору в пределах второй половины II – начале I в. до н.э.[12].

Итак, рассматривая приведенные аналогии, можно сделать вывод о том, что мы имеем дело с серией сосудов, произведенных в одном центре во II – начале I в. до н.э. Все они были найдены или приобретены в Ольвии. В других частях античной ойкумены подобные амфоры нам не известны.

В фондах Одесского археологического музея[13], помимо вышеописанных, обращают на себя внимание еще две близких по морфологии группы амфор. Первая включает сосуды с чернофигурной росписью по светлому фону. Одна из ваз сохранилась полностью[14]. Она имеет веретенообразное тулово, длинное узкое горло и ножку в виде высокого кольцевого поддона[15]. Амфора изначально была изготовлена со сквозным отверстием в дне. Глина амфоры светло-коричневая, с содержанием слюды.

Горло сосуда украшено горизонтальными и вертикальными полосами черного лака, такими же полосами украшены ручки сосуда. На тулове располагаются сюжетные росписи. На одной стороне – квадрига, управляемая Эротом, на другой – Эрот на коне преследует бегущего Эро-

---

[10] *Platz-Horster G.* Die Berliner Glasamphora aus Olbia // Journal of Glass Studies. 1995. Vol. 37.

[11] Antikensammlung Berlin. Inv. 30219, 254.

[12] *Platz-Horster G.* Die Glasamphora aus Olbia // Die Antikensammlung. Altes Museum, Pergamonmuseum. B., 1998. S. 86–87. Kat. № 44.

[13] Благодарю сотрудников Одесского археологического музея за любезно предоставленную возможность работы с коллекциями из Ольвии.

[14] ОГИМ. 26640.

[15] *Штерн Э.Р.* К вопросу об эллинистической керамике // ЗООИД. 1910. Вып. 28. С. 163. Табл. I, *1*; *Шургая И.Г.* Указ. соч. С. 191–192.

та[16]. Высота амфоры 59,5 см, диаметр тулова 31,8 см, диаметр венчика 15,7 см, диаметр ножки-поддона 11,5 см.

Еще от двух подобных сосудов сохранились только фрагменты. Фриз одной из них украшен изображениями дельфинов в окружении растительного орнамента[17]. Эта амфора, судя по сохранившимся свинцовым скобам, в древности подвергалась ремонту. От нее также сохранилась крышка с аналогичной росписью.

От второй сохранилась часть тулова с фризом, на котором изображены пальметты с окружающими их грифонами[18]. Оба этих сосуда были изготовлены из светло-коричневой глины с серым закалом в центре черепка и частицами слюды.

Обращает на себя морфологическое сходство этих сосудов с чернолаковыми амфорами из Исторического музея. Есть общее и в росписи этих ваз, например, трудно не заметить сходства в трактовке грифонов фрагментов амфоры из Одесского музея и эрмитажного сосуда. Но при этом заметны и отличия. Чернолаковые сосуды изготовлены из светло-коричневой, иногда розовой плотной глины без видимых примесей.

Вторая интересная группа сосудов из Одесского музея – это полихромные амфоры, изготовленные в местных, ольвийских мастерских[19]. Метрические параметры их меньше предыдущих[20]. При этом форма их, несомненно, подражает публикуемым нами ольвийским чернолаковым амфорам.

Все предыдущие исследователи считали, что этот эллинистический тип керамики ведет свое начало от т.н. позднепанафинейских амфор. Хочется отметить, что форма подобных высоких столовых амфор возникла еще в IV в. до н.э. и была связана не только с призовыми сосудами. Подобные амфоры производились, по крайней мере, в Аттике[21] и в Южной Италии[22], возможно, и в Малой Азии.

Место производства наших сосудов требует отдельного рассмотрения. На подобные амфоры в свое время обратил внимание еще Рос-

---

[16] Подобный сюжет не имеет аналогий. К сожалению, роспись сохранилась фрагментарно и качество ее, видимо, изначально не было высоким, что не позволяет уверенно атрибутировать изображение.

[17] ОАМ. III/1897. Фрагмент опубликован: *Штерн Э.Р.* Указ. соч. С. 164. Табл. I, 4; *Шургая И.Г.* Указ. соч. С. 192. Рис. 2, 2а.

[18] ОАМ. III/1896. Фрагмент опубликован: *Штерн Э.Р.* Указ. соч. С. 165. Табл. II, *3*; *Шургая И.Г.* Указ. соч. С. 192–193. Рис. 3, 3а.

[19] *Зайцева К.И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // Тр. ГЭ. 1962. 7.

[20] Нами была обмерена амфора ОГИМ А-24903. Высота ее составляет 43 см, глубина вместилища 36 см, диаметр тулова 24,8 см, диаметр венчика 15,7 см, диаметр ножки 10,5 см.

[21] *Kopcke G.* Golddekorierte attische Schwarzfirniskeramik des vierten Jarhrhunderts v. Chr. // MDAI. 1964. Bd. 79. S. 72–73. B. 26–27. Справедливости ради надо отметить, что автор данной работы также называет эти амфоры «амфорами панафинейской формы». Это название является не совсем точным, поскольку панафинейские амфоры не были первичны и не являлись в данном случае предметом подражания. Скорее наоборот, для призовых амфор использовалась наиболее удобная и популярная форма столовых амфор, и единственным отличием первых являлась сюжетная роспись, включавшая агонистические сюжеты и изображение Афины.

[22] Verlustdokumentation der Staatlichen Museen zu Berlin Antiken Sammlung. Skulpturen–Vasen–Elfeinbein und Knochen–Goldschmuk–Gemmen und Kameen. 2005. Bd. 5.1. S. 142. Kat. Nr. F. 3248.

товцев, назвавший их «агонистическими погребальными амфорами»[23]. Единственная специальная работа, уже упомянутая ранее, посвященная этому типу керамики, была опубликована более 30 лет назад[24]. В ней автор определял эту группу как сосуды, сделанные на заказ для погребального ритуала. Исследователем были подробно рассмотрены сосуды из Одесского археологического музея. В результате им было выдвинуто предположение, что часть этих амфор производилась в Александрии, а часть – в Пергаме в пределах второй половины III в. до н.э.

Предыдущие исследователи относили часть чернофигурных амфор из Одесского музея к александрийскому производству, связывая их с «вазами Гадра»[25]. На сегодняшний день представляется, что эта связь не вызывает сомнений. По последним исследованиям т.н. «вазы Гадра» производились в мастерских Александрии и Крита[26]. Обращает на себя внимание то, что при сходстве стиля росписи и глины, из которой производились эти сосуды, морфологическая традиция, в которой выполнены амфоры из Одесского музея, практически не известна в Александрии и Крите.

Помимо наиболее распространенного варианта «ваз Гадра» с росписью красно-коричневой краской по светлому ангобу, известны также чернолаковые гидрии и амфоры, часто упоминаемые вместе с этим типом эллинистической керамики[27]. В последнее время появились данные о том, что они также производились в округе Александрии в эллинистическое время[28]. При этом, как уже говорилось выше, исследуемые нами ольвийские сосуды имеют свою, специфичную форму. В других регионах близкие по морфологии амфоры известны только в более ранний период[29]. В этом контексте весьма интересны изображения подобных амфор на стене расписного склепа в некрополе Мариссы[30] и в одном из богатых фракийских погребений на территории Болгарии[31]. То есть подобная форма погребальных сосудов была известна в Причерноморье и Средиземноморье,

---

[23] *Ростовцев М.И.* Александрийская эллинистическая амфора // Памятники Музея изящных искусств. М., 1912. С. 64.

[24] *Шургая И.Г.* Указ. соч.

[25] *Штерн Э.Р.* Указ. соч. С. 170–171; *Шургая И.Г.* Указ. соч. С. 193–194.

[26] *Enklaar A.* Chronologie et Peintres des hydries de Hadra // BABesch. 1985. 60; *idem.* Les hydries de Hadra II: Formes et ateliers // BABesch. 1986. 61; *Boussac M.-F.* Sceaux sur des hydries de Hadra // Études alexandrines 1. 1998; *Ballet P., Boussac M.-F., Enklaar A.* Les hydries de Hadra// Études alexandrines 5. 2000.

[27] *Adriani A.* Annuaire du Musée Gréco-Roman (1935–1939). Alexandrie, 1940. Pl. XLVIII, *7*; *idem.* Annuaire du Musée Gréco-Roman (1940–1950). Alexandrie. 1952. Fig. 16. Pl. LV, *1*; *Guerrini L.* Vasi di Hadra. Tentativo di sistemazione cronologica di una classe ceramica // Studi Miscellanei, 1964, 8. P. 12–14. Tav. II, XVI, *B 11*; *Enklaar A.* La ceramiques fine nellénistique d'Alexandrie // BCH. 1998. Suppl. 33. P. 265–267. Fig. 3–5; *Rotroff S., Oliver A.* The Hellenistic Pottery from Sardis: the Finds through 1994 // Archaeological Exploration of Sardis, 2003. P. 54–55. Pl. 25.

[28] *Enklaar A.* Les vases cinéraires. Secteur 5 de la fouille du pont de Gabbari // Études alexandrines 7. Necropolis 2. 2002. Vol. 2. P. 398–399. Fig. 14–17.

[29] *Aleksandropoulou A.* Gnathia- und Westabhangkeramik. Eine vergleichende Betrachtung. Münster, 2002. P. 161–163. Taf. 8.

[30] *Peters D.D., Thiersch H.* Painted Tombs in the Necropolis of Marissa (Marêshah). L., 1905. Pl. V.

[31] *Цанова Г., Гетов Л.* Тракийска гробница при Мъглиж // Археология. 1973. № 2. София. С. 26. Рис. 11–14. В некоторых случаях, издатели видят в этих изображениях панафинейские амфоры. Но при внимательном рассмотрении рисунков бросается в глаза отличие росписи этих сосудов от классических призовых амфор.

по крайней мере, в III–II вв. до н.э. При этом еще раз обратим внимание на то, что подобные сосуды пока известны только в Ольвии.

Исходя из всего вышесказанного, напрашивается вывод о существовании специфичного типа эллинистических расписных погребальных амфор, производившихся в Александрии или в другом, но связанным с этим полисом центром производства, специально для импорта в Ольвию Понтийскую в III – нач. I в. до н.э. Оттуда же, видимо, поступала и другая керамика, примером чего может служить уже упоминавшийся выше бальзамарий, купленный Б.В. Фармаковским в Ольвии, и миниатюрная чашка, выполненная в том же стиле[32]. Конкретные причины этого не характерного для античной торговли факта установить пока сложно. Возможно, существовали особые связи между этими двумя полисами. С другой стороны, этот тип керамики может маркировать какую-то социальную прослойку ольвийского населения. Но эти выводы уже выходят за рамки данного исследования.

GEORGY A. LOMTADZE (MOSCOW)

ONE GROUP OF THE HELLENISTIC VESSELS FROM THE NECROPOLIS OF OLBIA

The article is devoted to one type of amphoras found in the Olbia necropolis. Two amphoras were found in1896 in the graves 25 and 39. The amphoras has stretched ovoid body, high throat and funnel-shaped offset rim. The leg is high and moulded. The body is ribbed. The handles are not preserved. At the places of handles' attachments there are round rotelles. Glaze is black.

The shape of our vessel is characteristic for the Hellenistic period. Two amphorae of this type are known among finds from Olbia. The identical amphora storage in Antiken Sammlung in Berlin was bought in Olbia. The second one, which is Pseudo-Panathenaic, painted in black-figure style and dated to the II B.C. is preserved in the State Hermitage Museum. This vessel was found in the course of excavations of the Olbian necropolis in 1901. A glass amphora from Olbia preserved in Berlin in Antiken Zammlung is of great interest as well. This vessel has the same shape (even in details) and is dated to the second half of the II – the beginning of the I B.C.

Some facts let us speak about existence of specific type hellenistic painted funeral amphoras made in Alexandria or in other cities, but connected with this policy is the center of manufacture, specially for import in Olbia Pontica in III–I B.C.

[32] *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии… С. 100. Рис. 135–136. Обратим внимание, что амфора, чашка и бальзамарий были приобретены одновременно, что позволяет предположить их происхождение из одного комплекса, скорее всего, из погребения, разграбленного местными жителями.

Иллюстрации к статье Г.А. Ломтадзе

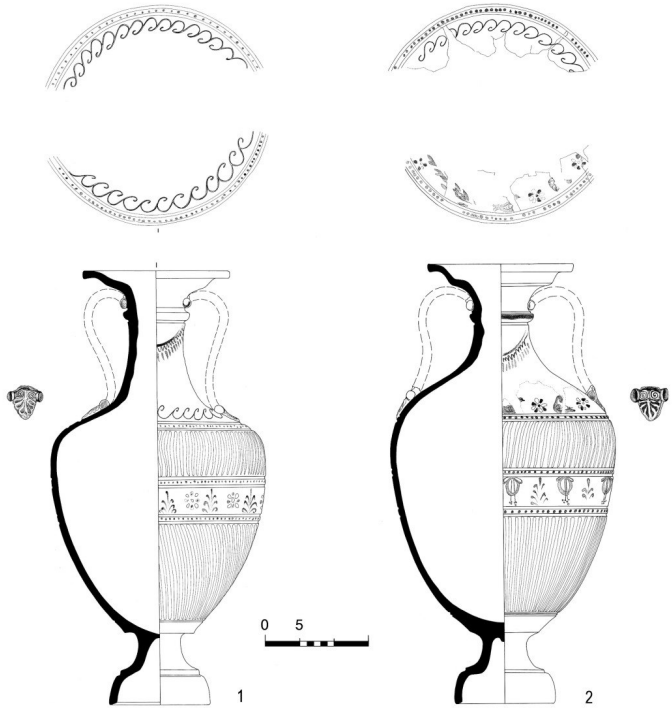


Рис. 1. Чернолаковые амфоры из собрания Государственного исторического музея (1, 2)

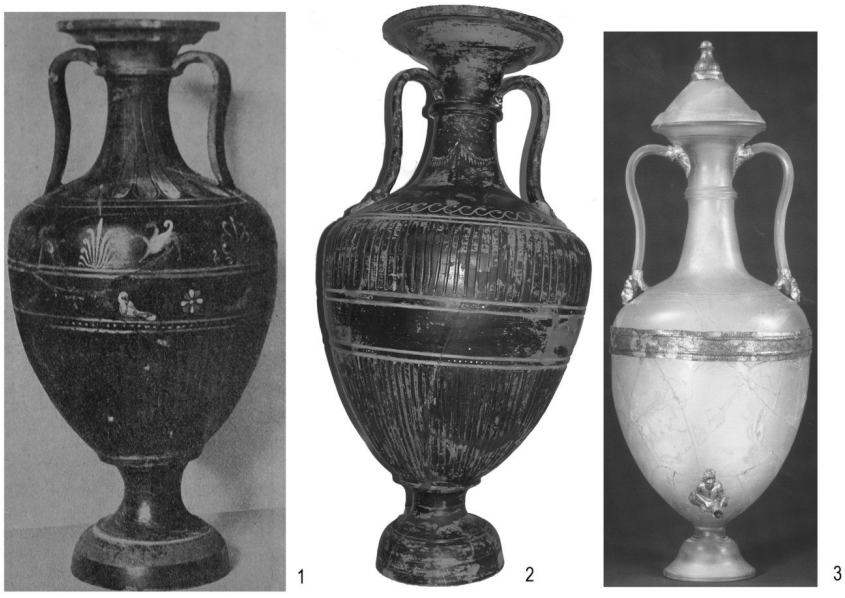
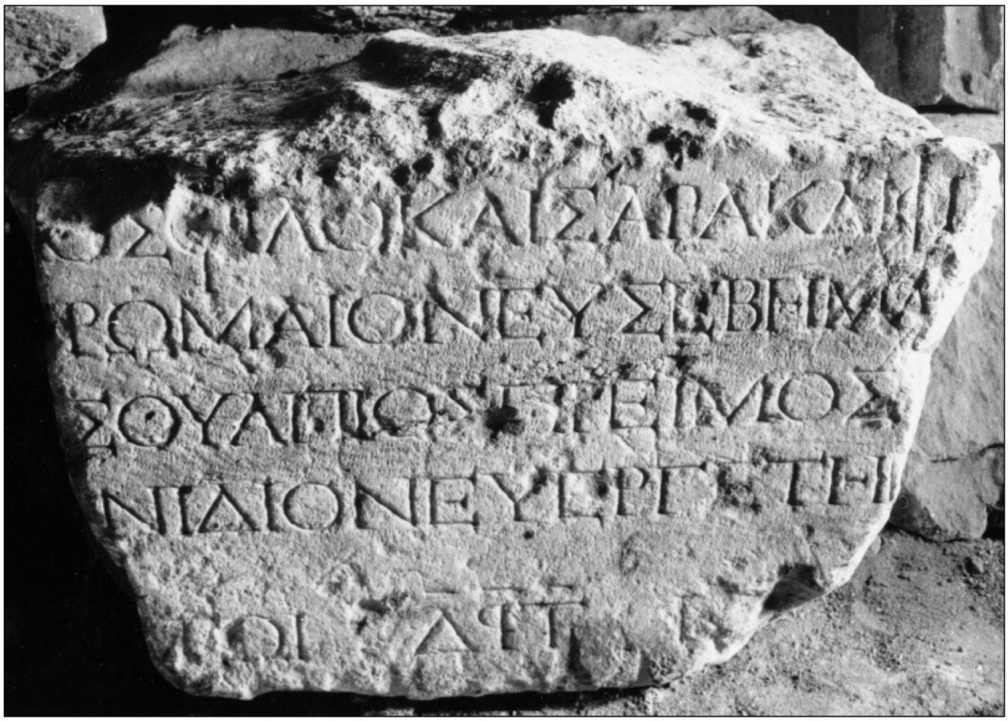


Рис. 2. Сосуды из собрания Эрмитажа (1) и Берлинских музеев (2, 3)

Иллюстрации к статье В.Н. Парфенова



Надпись КБН.43

[Τιβ.᾽ Ιούλιον Σαυρομάτην
υἱον βασιλέως ῾Ρησκουπόριδ]-
ος, φιλοκαίσαρα καὶ φι[λο]-
ρώμαιον, εὐσεβῆ, Μά[ρκο]-
ς Οὔλπιος Πρεῖμος [τὸ]-
ν ἴδιον εὐεργέτη[ν]
[ἐν] τῶι δqτ᾽ ἔ[τει].

В.Н. Парфенов

БОСПОРСКАЯ МИССИЯ МАРКА УЛЬПИЯ ПРИМА

Как справедливо отметил В.П. Толстиков, «несмотря на … усилия нескольких поколений историков, археологов, эпиграфистов, пытающихся буквально по крупицам, как некое мозаичное панно, воссоздать историю Боспора, мы и сегодня вынуждены с сожалением признать, что в этой «исторической картине» все еще слишком много лакун и «темных мест». Сказанное в полной мере относится к военно-политическому разделу истории Боспорского царства»[1]. Предлагаемая вниманию читателя заметка является попыткой заполнить одну из таких лакун.

В Корпусе боспорских надписей имеется одна, которая, на первый взгляд, достаточно стандартна, маловыразительна и особого внимания исследователей никогда не привлекала. Она, в отличие от многих других, сравнительно неплохо сохранилась (утрачены две верхние строки с царским именем и отчеством, но они надежно восстанавливаются). Зато оставшаяся часть в реконструкции текста практически не нуждается. Речь в надписи идет о том, что некий Марк Ульпий Прим в 394 году боспорской эры поставил статую царя Савромата, «своего благодетеля»[2]. Переводя боспорскую хронологию на современное летосчисление, издатели КБН датировали сооружение статуи 97 г. н.э. К сожалению, и в данном случае, как и во многих других, дата определена не вполне точно: эта черта КБН, благожелательно отнесенная рецензентами *ad leviora vitia editionis*, была сразу же отмечена за рубежом[3], но далеко не всегда учитывается отечественными исследователями.

До недавних пор личность Марка Ульпия Прима интереса исследователей не вызывала, скорее всего, потому, что все выглядело достаточно ясным: В.В. Латышев, а за ним и М.И. Ростовцев сочли, что он является одним из трех боспорских военачальников (единственным из них, чье имя не сохранилось), посвятивших «богам, дарующим победу», надпись в честь того же царя Савромата, которому Прим поставил статую. Более того, они же предположили, что все трое были родными братьями[4]. В течение нескольких десятилетий авторитета этих выдающихся исследователей было вполне достаточно, чтобы эта гипотеза, основанная на весьма шатком фундаменте, приобрела значение чуть ли не очевидного факта.

Однако уже издатели Корпуса справедливо указали, что восстановление несохранившегося в надписи 32 имени третьего лица как Πρεῖμος «нельзя считать доказанным» (КБН. С. 32), что сразу же ставит

---

[1] *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 41.

[2] «Тиберия Юлия Савромата (*его статую*), сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, Марк Ульпий Прим (*поставил*) своего благодетеля в 394 году» (КБН. 43).

[3] *Nadel B., Oświecimski S.* In inscriptiones Bosporanas nuperrime editas adnotationes aliquot // Eos. 1966. T. 56. Fasc. 1. S. 225. К чести издателей КБН-альбома, следует заметить, что в нем даты приводятся корректно, в том числе и в данном случае. См.: Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб., 2004. С. 345.

[4] См.: IOSPE. II. 26=КБН. 32; IOSPE. II. 187=КБН. 43. *Ростовцев М.И.* Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората // ВДИ. 1990. № 1. С. 176 сл.

под сомнение всю конструкцию Латышева – Ростовцева. К сожалению, в известной мне литературе, в том числе и в работе В.П. Яйленко, обычно критически относящегося к авторитетам, эта идея развития не получила[5].

В настоящей работе доказывается, что Марк Ульпий Прим (КБН. 43) не имеет отношения не только к надписи КБН. 32, сделанной в честь победы царя Савромата над скифами, но и к боспорской правящей элите вообще. Если данное предположение справедливо, то эта надпись необычайно интересна тем, что проливает свет и на римско-боспорские отношения конца I в., и на резкий поворот во внешней политике Рима буквально в первые месяцы принципата Траяна.

Начнем с попытки установить личность нашего героя. Греческое Πρῖμος (Πρεῖμος) является транслитерацией латинского *cognomen* Primus[6]. В энциклопедии Паули–Виссова зафиксировано 12 латинских носителей этого имени[7], но среди них ни одного Марка Ульпия. Что же касается Ульпиев вообще, то среди известных науке представителей различных сословий и профессий, имеющих это имя, также нет ни одного, имеющего *cognomen* Прим[8]. Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день такое сочетание всех трех римских имен не только имеется на Боспоре и вообще в Северном Причерноморье единственный раз, но и вообще является уникальным.

Из современных исследователей на личность Марка Ульпия Прима обратил внимание С.В. Дьячков, который предположил, что «Ульпий Прим не был уроженцем Боспора» и, опираясь на датировку этой надписи в Корпусе 97-м годом, отнес его к числу ветеранов, получивших «гра-

---

[5] См.: *Яйленко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // НЯДМАКАСП. С. 32 слл. Надпись КБН. 43 здесь обойдена вниманием исследователя.

[6] *Pape W., Sendebusch W.* GDH. Bd. 3. S. 1250, 1254; OLD. P. 1457.16. В боспорской ономастике имя Прим будто бы встречается, кроме данного случая, еще один раз (КБН. 498). Надгробная известняковая стела с рельефом содержит плохо сохранившуюся лаконичную надпись:

Πρῖμε Διο[κ]λεί-
[δ]ου, χαῖρε.

Издатели КБН отмечают, что, хотя прежде этот текст относили к концу I в. н.э., в принципе «датировка надписи по характеру письма невозможна ввиду плохой ее сохранности» (с. 310). Транслитерация имени здесь отличается точным следованием латинскому оригиналу, тогда как в первом случае имеет место ионизм: Πρεῖμος вместо Πρῖμος. Почему явный грек (сын Диоклида) вдруг носит латинское имя и насколько оправдана ранняя датировка надписи, остается только догадываться. Кроме того, я не располагаю информацией, подтверждающей точность указания составителей КБН о том, что стела была доставлена в Одессу именно из Керчи. См.: КБН. С. 310; КБН-альбом. С. 345. Таким образом, делать далеко идущие выводы на основе этой надписи было бы неосторожно и, наверное, права Е.В. Савостина, которая вообще не включила Прима, сына Диоклида, в свою сводку римских имен из Пантикапея: по ее данным, среди римских имен, фигурирующих в античных надписях Северного Причерноморья, Прим встречается только в КБН. 43. См.: *Савостина Е.В.* Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. № 4. С. 129–145; здесь – С. 142. Табл. 9.

[7] *Hanslik R., Saria B., Enßlin W.* Primus // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1995–1997. Знамениты, правда, не эти двенадцать, а как раз тринадцатый: вовремя принявший сторону Веспасиана, скандально известный Марк Антоний Прим. См.: *Rohden P., von.* M. Antonius Primus // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 2635–2637; *Hanslik R.* M. Antonius Primus // KP. 1964. Bd. 1. Sp. 414; *Syme R.* Primus, Marcus Antonius // OCD^2. P. 877.

[8] См.: *Mayer-Maly Th., Lippold A.* Ulpius // RE. 2 R. 1961. Hbd. 17. Sp. 570–572; *Fitz J., Bonaria M.* Ulpius // RE. 1965. Spplbd. 10. Sp. 1031 f., 1113. Наиболее близкое соответствие – М. Ульпий Примиан, префект Египта в начале правления Септимия Севера (PIR. B., 1898. Pars 3. P. 462. № 561).

жданство, *praenomen* и *nomen* Траяна еще в то время, когда тот был наместником в Германии»[9].

К проблеме датировке надписи еще придется вернуться ниже, тогда как предположение о даровании Приму римских гражданских прав Траяном в бытность того легатом Верхней Германии необходимо отвергнуть сразу: подобные вольности были допустимы самое позднее в период Второго триумвирата, когда «новые граждане» получали римское гражданство и соответствующие имена не только от триумвиров, но и от их наиболее видных приверженцев[10]. В эпоху же Империи монопольным правом дарования отставным военным (морякам или ауксилиариям) римского гражданства обладал только император. Поэтому отнести Марка Ульпия Прима к ветеранам вспомогательных частей римской армии или флота, ушедшим в отставку при Траяне, невозможно уже в силу слишком ранней для этого датировки надписи.

Следовательно, Марк Ульпий Прим не был ни знатным боспорцем, ни отставным римским военным. Остается единственный вариант: он мог быть только вольноотпущенником императора Траяна, получившим свободу, *praenomen* и *nomen* своего господина еще до того, как тот стал преемником Нервы, и прибывшим на Боспор с каким-то важным поручением своего патрона[11].

Еще более примечателен тот факт, что Марк Ульпий Прим, в котором есть все основания видеть доверенное лицо и представителя римского императора, поставил статую царя Савромата, именуя его при этом «своим благодетелем» (ἴδιος εὐεργέτης). В боспорской эпиграфике достаточно примеров совсем иного рода, когда местные правители величают повелителя Рима «правителем всей земли и всего моря», «своим спасителем и благодетелем» (πάσης γῆς καὶ πάσης θαλάσσης ἄρχων, ἑαυτῆς σωτὴρ καὶ εὐεργέτης) (КБН. 1046), «владыкой всего Боспора» (κύριος τοῦ σύμπαντος Βοσπόρου) (КБН. 1047), «благодетелем всего Боспора» (του σύμπαντος Βοσπόρου εὐεργέτης) (КБН. 47), «благодетелем самого (царя) и его царства» (ἴδιος (sc. βασιλέως) καὶ τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας εὐεργέτης) (КБН. 52). Противоположное явление, даже если учесть, что, допустим, из соображений престижа Траян не мог поставить статую Савромата I от собственного имени, может свидетельствовать лишь о чрезвычайной заинтересованности Рима в позиции Боспорского царства по какой-то крупной проблеме.

Можно не сомневаться в том, что проблема эта была из области внешней политики. Известно, что интерес Рима к Северному Причерноморью всегда возрастал, когда римлянам надо было решать крупные внешнеполитические проблемы в этом и прилегающих к нему регионах

---

[9] *Дьячков С.В.* Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир и Византия. К 70-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 1997. С. 65. Ср.: *Дьячков С.В.* Римские граждане на Боспоре // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 246.

[10] См.: *Cuntz O.* Legionare des Antonius und Augustus aus dem Orient // JÖAI. 1929. Bd. 25. S. 70–81; *Fink R.O.* Roman military records on papyrus. Cleveland, 1971. P. 165. Nr. 36.

[11] С.В. Дьячков (Римские граждане в Северном Причерноморье. С. 65) в доказательство того, что имя Прим было популярно «среди военных, перегринов и отпущенников», ссылается на статью Лили Росс Тэйлор (*Taylor L.R.* Freedmen and Freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome // AJPh. 1961. Vol. 82. № 2. P. 125). Однако в цитируемом месте этой статьи выражена несколько иная мысль: «The most common Latin *cognomina* – Faustus, Felix, Fortunatus, Ianuarius, Primus, for instance, are also frequent as names of slaves, but these names, especially the first three, are common for freedmen's sons».

античного мира[12]. В случае с Траяном долго искать такую проблему не надо – в начале его принципата таковой была в первую очередь подготовка войны против дакийского царя Децебала[13]. Суть миссии Марка Ульпия Прима должна была заключаться в первую очередь в том, чтобы блокировать усилия Децебала по формированию антиримской коалиции и, напротив, обеспечить участие Боспора в планируемой войне на стороне Рима[14].

Вполне вероятно, что полномочия Прима были более широкими и касались всего комплекса римско-боспорских отношений. Нумизматический материал дает возможность предположить, что новый император поручил римскому дипломату, в роли которого выступал его отпущенник, объяснить Савромату I, чем отныне намерен руководствоваться Рим в своей политике вообще и в отношении Боспора в частности. Аргументация, несомненно, была сочтена настолько убедительной, что на аверсе боспорских сестерциев 98 г. и последующих лет вдруг появляется императорский портрет с соответствующей титулатурой, так что эти монеты «свидетельствуют о какой-то новой политике Рима по отношению к Боспорскому царству, проводимой императором Траяном в самом начале его царствования»[15]. Выше на страницах той же статьи Н.А. Фролова приходит к более определенному выводу: изменения в монетном деле Боспора, начиная с 98 г., были вызваны усилением нажима со стороны Рима, что, в свою очередь, объясняется подготовкой и проведением военных кампаний против даков[16]. Тип боспорских статеров, правда, остался прежним, с портретом царя на аверсе и императора на реверсе, однако именно с 98 г. в них резко, с 63–70% до 50%, падает содержание золота[17].

Таким образом, устами Марка Ульпия Прима Траян потребовал от Савромата достаточно серьезных мер по поддержке военных усилий Рима в бассейне Дуная и без обиняков дал понять, что положение дел в Боспорском царстве впредь будет контролироваться более жестко. Однако железный кулак Рима был в данном случае облачен в бархатную перчатку.

В силу того, что подлинная цель визита Прима и реальное содержание переговоров были, разумеется, секретны, то внешней стороной миссии римского представителя, вероятно, было выражение благосклонности к боспорскому царю со стороны нового императора, включавшее традиционные дипломатические дары и, вероятно, предоставление рим-

---

[12] См.: *Фролова Н.А.* Боспор и Рим в конце I начале II в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. № 2. С.139; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причероморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 60; *Шукин М.Б.* На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 50 сл.; *Толстиков В.П.* Указ. соч. С. 55; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 64 сл.; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь, 2006. С. 152; *Bichir Gh.* Les Sarmates au Bas-Danube // Dacia. 1977. T. 21. P. 167–198.

[13] На эту тему см.: *Парфенов В.Н.* Домициан и Децебал: нереализованный вариант развития римско-дакийских отношений // АМА. 2006. Вып. 12. С. 222 слл.

[14] Известно, что царь даков пытался привлечь на свою сторону даже Парфию (Plin. *Ep.* X.74.1), так что Боспорское царство и его соседей он явно не обошел вниманием.

[15] *Фролова Н.А.* Монетное дело Савромата I (93–123 гг.) // НЭ. 1999. Т. 16. С. 147.

[16] Там же. С 144 сл.

[17] *Смекалова Т.Н.* Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // ДБ. 2001. Т. 4. С. 337.

ского гражданства избранным представителям местной элиты[18]. В этом же ряду находится и сооружение по инициативе Прима статуи Савромата I., который, судя по тому, что дедикант именует его «своим благодетелем», явно не обидел личного представителя Траяна.

В заключение имеет смысл вернуться к проблеме датировке надписи Прима. Год δqτ (394 г. б.э.) соответствует 97/98 г. н.э., точнее, периоду от начала октября 97 г. по конец сентября 98 г. Однако полномочный представитель Траяна никак не мог прибыть на Боспор до начала принципата этого императора, а *dies imperii* Траяна – 28 января 98 г.[19], так что надпись однозначно не может быть датирована 97 г. Представляется, что реальный срок пребывания Прима на Боспоре должен быть ограничен временем от начала навигации 98 г. и до октября того же года, т.е. до наступления следующего, 395 г. боспорской эры.

Может, правда, возникнуть вопрос: достаточно ли было времени пребывания Прима на Боспоре (может быть, считанных дней), чтобы заказать статую, изваять ее и установить? Здесь надо учитывать, что, судя по скромным размерам уцелевшей части постамента (49x49x32 см), она была сделана, скорее всего, из мрамора. В отличие от бронзовых статуй, которые сооружались на заказ и достаточно продолжительное время, мраморные требовали меньших затрат времени и труда[20]. В конце концов, они могли ваяться царским скульптором или скульпторами и впрок, с расчетом на будущего заказчика, так что Прим мог просто посетить мастерскую и выбрать понравившийся ему экземпляр. В таком случае время требовалось лишь на изготовление постамента с надписью, выбор места для установления и самой церемонии. Как бы ни обстояло дело в действительности, вполне правомерен вывод: Марк Ульпий Прим в исключительно короткий срок успешно осуществил свою миссию, неопровержимым свидетельством чему служит надпись КБН. 43.

VICTOR N. PARFENOV (SARATOW)

MARCUS ULPIUS PRIMUS MISSION AN DEN BOSPORUS

Der Autor weist nach, dass Mark Ulpius Primus aus den Inschriften CIRB. 43, der eine Statue des bosporischen Kaisers Sauromates I. aufstellte, weder bosporischer Aristokrat war, der die römische Bürgerschaft erhielt, noch ein Veteran der römischen Armee. Diese Person konnte nur ein Freigelassener und von Kaiser Traianus Bevollmächtigter sein, der 98 n. Chr. in diplomatischer Mission an den Bosporus kam. Sie bestand in erster Linie darin, das Bosporanische Reich als Verbündeten Roms für einen Krieg zu gewinnen, den Traianus gegen den dakischen Kaiser Decebalus beginnen wollte. Allein die Anzahl der Inschriften zeigt, dass der Auftrag des Kaisers erfolgreich ausgeführt wurde.

---

[18] См.: *Парфенов В.Н.* Ульпии на Боспоре: кто есть кто? // БЧ. 2008. Вып. 9. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria.* С. 211–214.

[19] *Hanslik R.* M. Ulpius Traianus // RE. 1965. Splbd. 10. Sp. 1045; *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 1990. S. 122

[20] Выражаю свою признательность М.Ю. Трейстеру за ценную консультацию по этому поводу.

VI. АНТИЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.А. Ладынин

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ЦАРЕ АМАСИСЕ И ЕЕ ЕГИПЕТСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ

В статье «Наследство Геба» О.Д. Берлев сделал исключительно верное замечание о том, что последний – 44-й – год правления Амасиса (Ἄμασις; ср.: Manetho, ed. W.G. Waddell. Frag. 68–69a: Ἄμωσις; frag. 69b: Amosis; егип. IaH-ms[-sw], «[Бог] Ях родил [его]»; 526/525 г. до н.э.[1]) стал в восприятии египтян того времени своего рода аналогом 1913-го года в нашей отечественной истории, т.е. последним годом перед резкой сменой исторических эпох, которая произошла при завоевании Египта персами[2]. Основания для такого вывода можно найти как в известном тексте на обороте «Демотической хроники», содержащем сообщение о кодификации Дарием I египетских законов по состоянию на пресловутый рубежный 44-й год Амасиса (P. Bibl. Nat. 215 verso. Col. C. 6, 11[3]; ср.: Diod. I.95.4 – о Дарии I как последнем великом законодателе Египта и блюстителе его древних законов, удостоившемся за это божеских почестей), так и в труде Геродота, информаторы которого суммировали для него продолжительность египетской истории, начиная с династий царей-богов и заканчивая как раз царствованием Амасиса (Hdt. II.43; ср. III.10 – начало рассказа о завоевании Египта Камбисом, открывающееся как раз упоминанием о смерти Амасиса на 44-году его царствования; ср. с данными Манефона: Manetho, ed. W.G. Waddell. Frag. 68[4]; Диодор отводит Амасису 55 лет, очевидно, искажая исходную цифру 44 года – I.68.6 – и опять же суммирует свою сводку египетской истории «с древнейших времен… до смерти Амасиса»: 69.1). Вместе с тем известно, что

---

[1] О хронологии царствования Амасиса см.: *Parker R.A.* The Length of Reign of Amasis and the Beginning of the Twenty-Sixth Dynasty // MDAIK. 1957. Bd. 15 (Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. H. Junker). S. 208–212; *Beckerath J. von.* Chronologie der pharaonischen Ägypten. Mainz, 1997 (Münchener ägyptologische Studien, 46). S. 87–88. Бог Ях – лунное божество, почитавшееся в Гермополе в Среднем Египте (напр.: *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976. С. 84), притом что Геродот «выводит» Амасиса из города Сиуф в Саисском номе (о граффити, кажется, подтверждающем эту версию, и полемике о локализации данного города см.: *Lloyd A.B.* Herodotus, Book II. Commentary 99–188. Leiden, 1988 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/3). P. 211–212, *ad Hdt.* II.172).

[2] *Берлев О.Д.* Наследство Геба // Подати и повинности на древнем Востоке. СПб., 1999. С. 6: «…Год 44 Амасиса, этот “1913” год эпохи фараонов, т.е. последний год естественного мирного развития страны…». Позднее полностью идентичный смысл «1913 года» примет на себя в одной из надписей храма Эдфу эллинистического времени Год 18 Нектанеба II = 342/341 г. до н.э., последний год его царствования на юге Египта, когда север страны уже был захвачен Артаксерксом III, и, соответственно, последний год правления последнего подлинного египетского царя: *Meeks D.* Le grand texte de donations au temple d'Édfou. Le Caire, 1972 (Bibliothèque d'études de l' Institut français d'archéologie orientale, 59). P. 133; *Lloyd A.B.* Egypt, 404–332 B.C. // CAH². 1994. Vol. 6: The Fourth Century B.C. P. 358–359.

[3] *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig, 1914 (Demotische Studien, 7). S. 30–32.

[4] Frag. 69a–b понижают продолжительность царствования Амасиса до 42 лет, увеличивая при этом царствование Априя до 25 – очевидно, присчитывая к нему, притом с ошибкой, возможно, восходящей к Геродоту (Hdt. II.161), годы, проведенные Априем в осаде в его укрепленном пункте в Дафнах; ср. с более точным повышением продолжительности царствования Априя до 22 лет у Диодора: I.68.1; *Ладынин И.А.* Дафны в библейской и египетско-христианской традиции о финале царствования Априя (кон. 570–нач. 560-х гг. до н.э.) // ВДИ. 2004. № 3. С. 9. Прим. 24.

Амасис оказывается одним из самых колоритных персонажей повествования Геродота о Египте (II.162–184) и героем по крайней мере одного демотического литературного произведения – т.н. «Сказки об Амасисе и мореходе», записанной все на том же обороте «Демотической хроники» (P. Bibl. Nat. 215 verso. Col. A)[5].

Мы еще обратимся к более конкретному анализу этих свидетельств, а пока укажем лишь, что в большей своей части они отмечены симпатией к Амасису и показывают его достаточно целостный позитивный образ. Соответственно, коль скоро финал царствования Амасиса был в восприятии египтян рубежом двух эпох, вряд ли будет натяжкой сказать уже *a priori*, что свидетельства об этом царе должны содержать в себе попытку обобщить впечатления о том, что представляли собой последние десятилетия накануне этого рубежа – причем с позиций тех, кто оценивал этот период однозначно положительно.

Вместе с тем с неизбежностью встает вопрос о средствах такого обобщения и конкретных текстуальных формах, в которые оно вылилось. Пожалуй, самой распространенной формой осмысления событий нашего 1913 г. и того, что за ним последовало, стали мемуарные произведения современников этих лет самого разного социального происхождения и занятий. Однако именно этот жанр в нашем его понимании, возможно, в связи с особой нагрузкой, лежавшей на частных автобиографиях в восприятии египтян[6], был им неизвестен. Соответственно, осмысление прошлого оказывалось для них доступно при помощи двух средств – исторической традиции в чистом виде и произведений, лежащих на грани истории и художественной литературы.

Что касается исторической традиции древних египтян в строгом «специализированном» смысле этого слова, едва ли мы можем сказать о ней что-либо конкретное за исключением того, что она в принципе была. Важнейший дошедший до нас ее памятник – это, конечно, труд Манефона, от большей части которого сохранился лишь перечень имен царей и продолжительности их правлений. Однако и отдельные эксцерпты, сохранившиеся в целостном виде (прежде всего, благодаря цитированию Иосифом Флавием в связи с гиксосским завоеванием Египта: Manetho, ed. W.G. Waddell. Frag. 42, 50 = Ios. *Contr. Ap.* I.14. §§ 75–92; 15–16. §§ 93–105), а также стойкая и сложившаяся в эллино-римской среде, с ее развитой исторической традицией, репутация Манефона именно как историка убеждают в том, что его произведение все же не сводилось к цар-

---

[5] *Spiegelberg W.* Op. cit. S. 26–28; см. английский перевод Р. Ритнера: The Literature of Ancient Egypt: An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry / Ed. by *W.K. Simpson*. 3rd. ed. New Haven, 2003. P. 450–452; русский перевод и комментарий А.В. Эдакова: Сказки древнего Египта. М., 1998. С. 146–149, 294–299.

[6] Древнеегипетские автобиографические надписи помещались в гробницах и/или на статуях усопших и были призваны фиксировать события их жизни как особую составляющую их индивидуальности, которая, по определенным мотивам, не могла быть сохранена в гробничных изображениях: *Большаков А.О.* Человек и его двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Среднего царства. СПб., 2000. С. 206–207 (с существенным пояснением, по поводу которого можно лишь сожалеть, что пока оно не получило подробного обоснования и развития в публикации не столь острого характера: ВДИ. 2004. № 4. С. 208–209; недавно А.О. Большаков в научном докладе на Петербургских египтологических чтениях 2007 г. высказал также мысль, что автобиографии, по крайней мере в Египте III тыс. до н.э., вообще составлялись только людьми, в течение своей жизни взаимодействовавшими с царем и, ввиду сакральности его статуса, желавшими унести память об этом в инобытие).

скому списку, а было связным повествованием о делах соответствующих правителей[7]. Соответственно, при его создании Манефон заведомо должен был пользоваться источниками более подробными, чем известные нам египетские царские списки, и более достоверными, чем устная или письменная художественная традиция о делах древности: какими именно, нам остается лишь догадываться[8].

Что касается традиции об Амасисе, то в случае с уже упомянутой «Сказкой об Амасисе и мореходе» дело совершенно ясно: перед нами художественное произведение, юмористически и весьма удачно пародирующее приемы текстов более «серьезных» жанров. Достаточно сказать, что эта сказка открывается аллюзией на типичный для официозных текстов типа *Königsnovelle*[9] мотив совещания царя с вельможами, безуспешно отговаривающими его от опасности: в данном случае Амасис заявляет им о своем желании выпить «египетского *колоби*-вина» и, не внимая их предостережениям: «Тяжело это, пить египетское *колоби*-вино», – твердо решает напиться и претворяет это решение в жизнь. Далее в сказке выплывает еще один типичный для классических литературных произведений мотив, а именно появление при царском дворе мудреца: когда на следующий день, страдая от похмелья[10], царь оказывается не в состоянии заниматься делами, он призывает к себе жреца Нейт Наентисотема, чтобы тот развлекал его своими рассказами[11]. О

---

[7] См. по этому поводу полемику: *Сущевский А.Г.* Сообщение Геродота о царских списках египтян // Ассириология и египтология. СПб., 2000. С. 147 (мнение о произведении Манефона как о списке царей без повествовательных фрагментов об их деяниях); *Немировский А.А.* Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 135–136, прим. 124 (оспаривание данного мнения с аргументами, принятыми и нами, в связи с цитатами Иосифа Флавия); недавно повествовательный характер труда Манефона был признан в работе: *Gozzoli R.B.* The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millenium B.C. (ca. 1070–180 B.C.). Trends and Perspectives. L., 2006 (Golden House Publications in Egyptology, 5). P. 208–213, 224; см. также классическую монографию: *Helck W.* Untersuchungen zu Manetho und den ägyptishen Königslisten. B., 1956.

[8] По всей вероятности, речь должна идти о каких-то архивах и исторических произведениях, сохранявшихся и передававшихся (с закономерными искажениями), скорее всего, в храмовых центрах (где к ним должен был получить доступ и Манефон: Ioseph. *Contr. Ap.* I.14. §§ 73, 82, 91; 26. § 228; 31. § 287) и не тождественных известным нам иероглифическим царским спискам, царским военным надписям и т. п.; о последних см.: *Redford D.B.* Pharaonic King-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sence of History. Missisauga, 1986 (Society for the Study of Egyptian Antiquities' Publications, 4).

[9] *Hermann A.* Die ägyptische Königsnovelle. Glückstadt; Hamburg; New York, 1938; *Spalinger A.* Aspects of the Military Documents of Ancient Egyptians. New Haven; London, 1982 (Yale Near Eastern Researchs, 9). Passim, *inter alia* p. 101–103; *Gozzoli R.* Op. cit. Part One: Royal Inscriptions. Passim; p. 234–235 (применительно к «Сказке об Амасисе и мореходе», в которой исследователь также опознает пародию на *Königsnovelle*).

[10] См. о соответствующем слове (букв. «удар, побитие, ранение»): Сказки древнего Египта. С. 297; *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис (Hdt. III.1–2; Athen. XIII.560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. // АМА. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 34. Прим. 3.

[11] В классической среднеегипетской литературе рассказами развлекают царя Хуфу его сыновья в сказках папируса Весткар; в этом же произведении появление мудреца при дворе имеет место во вставной новелле (рассказе царевича Бауфра) о Снофру и – в более серьезном контексте – непосредственно при дворе Хуфу, к которому царевич Хардедеф приводит мудреца *неджеса* Джеди, возвещающего ему будущее его династии; в «Пророчестве Неферти» жрец «*ба* Исиды» (т.е. Сириуса) Неферти является ко двору царя Снофру, желающего провести время с пользой и удовольствием, и также возвещает ему будущее. В

дальнейшем нам судить не приходится, так как именно с началом рассказа Наентисотема о мореходе текст «Сказки» обрывается – при том, что она оказывается единственным бесспорно египетским ретроспективным свидетельством об Амасисе. Менее очевидным, чем определение жанра этого текста, оказывается классификация античных свидетельств об Амасисе с точки зрения их зависимости от египетских первоисточников и жанровой специфики последних.

Из всех античных авторов наиболее обширный комплекс сведений об Амасисе передает, конечно, Геродот, хотя свидетельства об Амасисе можно найти также у Диодора Сицилийского, Плутарха, Полиена, Афинея, Элиана и некоторых других авторов[12]. Своего рода «логос в логосе», посвященный Амасису и восходящий к египетским первоисточникам, у Геродота образуют сведения о приходе Амасиса к власти в борьбе с его предшественником Априем (II.161–163, 169), несколько новелл, демонстрирующих его мудрость и хитроумие (172–174), сведения о состоянии Египта в его царствование (177), а также находящееся уже за пределами «египетского логоса», в III-й книге Геродота описание персидского завоевания Египта (III.10 sqq.) с рассказами о погребении Амасиса и участи его семьи (10–16) и об убийстве Камбисом Аписа (27–29)[13]. Единство всего этого комплекса сведений проявляется в общем для них положительном отношении к Амасису, как хитроумному и дальновидному царю, и враждебности к низложившим его персам. «Египтизирующий» характер этих сведений устанавливается либо потому, что получить их Геродоту без посредничества египетских информаторов было неоткуда (а их измышление было бы для него ничем не мотивировано), либо по наличию в его рассказе параллелей с египетскими источниками или отчетливо египетских мотивов (помимо сюжетов, к которым мы еще обратимся, такая параллель четко вырисовывается в рассказе о том, как Амасис сумел избежать уничтожения персами своей мумии: III.16[14]). Сведения об от-

---

демотическом цикле сказок о Сатни-Хаэмуасе роль мудреца, которого царь призывает, чтобы тот помог ему дать должный ответ нубийскому царю (см. ниже), играет сын Хаэмуаса Са-Осирис (воплощенный Хор); похоже, аналогичная коллизия имела место в новоегипетской «Сказке об Апопи и Секененра»; как мы увидим, в античной рецепции традиции об Амасисе эта ситуация с участием греческого мудреца Бианта повторится применительно к отношениям с нубийским царем, как и в сказках о Сатни-Хаэмуасе. Как видно, топос появления мудреца при царском дворе в египетской литературе распадается на два инварианта: мудреца призывает желающий поразвлечься царь, а тот, вопреки ожиданию, сообщает ему нечто необычайно серьезное, касающееся будущего страны; мудрец должен помочь царю в сугубо серьезном деле нахождения удачного ответа на задание-загадку, предложенное сильным чужеземным правителем и грозящее, в случае его невыполнения, бедствиями (ответ, по законам данного фольклорного мотива, состоит в предложении чужеземцу в свою очередь совершить нечто неисполнимое, но представленное как необходимое условие выполнения его задания). См. переводы указанных текстов и отсылки к связанным с ними работам: Повесть Петеисе III: Древнеегипетская проза / Пер. и комм. М.А. Коростовцева. М., 1978; Сказки и повести древнего Египта / Пер. и комм. И.Г. Лившица. Л., 1979 (репр. 2004; «Литературные памятники»); The Literature of Ancient Egypt... Понятно, что в случае «Сказки об Амасисе и мореходе» мы имеем дело с первым инвариантом данного топоса.

[12] *Pietschmann.* Amasis (2) // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 1745–1747; *Lloyd A.B.* Op. cit. P. 174 ff.; *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис…

[13] *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис… С. 33. Прим. 2 (с отсылками к литературе); *Gozzoli R.* Op. cit. P. 185–186 (с подтверждением нашего мнения о том, что данное сообщение – вымысел египетской антиперсидской пропаганды).

[14] Сожжение живого человека или мертвого тела именно в качестве предельно суровой расправы, полностью лишающей казненного надежд на посмертное существование,

ношениях Амасиса с эллинским миром (его «филэллинстве»: II.177–182) могут в значительной мере восходить и к греческой традиции (например, прочно вошедший в нее топос о посещении Египта Солоном[15]), хотя, при внимательном рассмотрении, и в них можно обнаружить некоторые неожиданные детали. Из античных свидетельств об Амасисе помимо труда Геродота особый интерес представляет зафиксированная Плутархом легенда о его состязании в мудрости с эфиопским царем с помощью греческого мудреца Бианта (*Sap. Conv.* 6 = *Mor.* 151a–e) – по причине, о которой мы скажем ниже.

В какой мере египетскую традицию об Амасисе, отразившуюся в труде Геродота и у других античных авторов, можно назвать не просто исторической, а именно историко-литературной? На самом деле, приблизительный ответ на этот вопрос может быть дан уже *a priori*. В сущности, Геродот не скрывает и сам, что источником его сведений о египетской истории, в том числе о времени XXVI династии, было общение с сопровождавшими его египтянами. Вопрос о том, в какой мере его спутники в Египте принадлежали к местной элите, не может получить однозначного мотивированного ответа; однако несомненно, что определенные идеологические установки, присутствующие в свидетельствах об Амасисе (прежде всего, в связи с его вступлением на престол и легитимацией его власти), судя по степени их ответственности и политической актуальности, могли быть выработаны только в элитарной среде[16]. Соответственно, трудно представить, чтобы возникшая таким образом тра-

---

угадывается в судьбе неверной жены *хери-хеба* Убаинера в сказках папируса Весткар (P. Westc. 4.9–10), в сведениях надписи Туту из гробницы в Ахетатоне о расправах Эхнатона со своими противниками (*Перепелкин Ю.Я.* История древнего Египта. СПб., 2000. С. 307), в сообщениях Манефона о сожжении нубийским царем Шабакой Бокхориса (frag. 66, 67a; о возможности прямой параллели между этим эпизодом и рассказом Геродота о судьбе тела Амасиса см.: *Gozzoli R.* Op. cit. P. 184).

[15] *Lloyd A.B.* Op. cit. P. 221; *idem.* Herodotus, Book II. Introduction. Leiden, 1975 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/1). P. 55.

[16] См., например, крайне скептическое мнение о чисто «туристическом» знакомстве Амасиса с египетской традицией: *Федотов В.В.* Сведения античных авторов об обитателях Африки в связи с античными концепциями общественного развития // Мероэ. М., 1989. Вып. 4. С. 209. Прим. 8 (с. 214: «По остроумному замечанию Г. Масперо, вероятность разговора Геродота со жрецами аналогична вероятности того, что современного туриста поведет вокруг Собора Парижской богоматери архиепископ Парижа»). Неуместная чрезмерность подобного скепсиса очевидна, так как «египетский логос» Геродота содержит неоспоримые следы восприятия им элитарной культурной традиции Египта. Достаточно сказать, что его собственно исторические сведения, на первый взгляд, полные анахронизмов, при внимательном рассмотрении оказываются сгруппированы по внутренне связным и расположенным в хорошо мотивированной последовательности блокам (*Gozzoli R.* Op. cit. P. 172–173), которые могли оформиться только в рамках египетского, причем заведомо не массового, представления о прошлом. Достаточно вероятно и то, что прием Геродота – заметной фигуры в культурно-политической жизни Эллады, весьма вероятно, связанной с окружением Перикла и, к тому же, появившейся в Египте спустя сравнительно немного времени после попытки его освобождения от персов Инаром при содействии Афин (см. о связи этих и ряда других моментов с трудом Геродота: *Суриков И.Е.* «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151) – и в самом деле был организован на качественно ином уровне, чем рядовая «турпоездка». В рамках такого предположения станет понятна и подчеркнуто «филэллинская» репутация Амасиса в традиции о нем: независимо от ее соответствия исторической реальности (которое вполне вероятно и само по себе), она могла быть акцентирована не только греками, но и египтянами, стремившимися продемонстрировать давность их дружественных контактов с эллинским миром.

диция осталась бы без письменной фиксации. Между тем, чисто историческая традиция египтян (о которой, как уже говорилось, мы можем судить лишь очень неуверенно) была слишком специализированным и относящимся прежде всего к более давним эпохам знанием. Напротив, реминисценции о времени Амасиса, оформленные как литературные произведения, носили бы более злободневный характер и в пересказе египетских информаторов вполне могли стать известны греческим авторам.

Вместе с тем понятно, что литературный характер египетских прототипов античных свидетельств об Амасисе может быть установлен вполне достоверно только путем поиска в этих свидетельствах следов специфически египетских литературных сюжетов или приемов. Надо сказать, что такой поиск увенчивается положительными результатами. Выше мы уже упомянули фрагмент «Пира семи мудрецов» Плутарха, где идет речь о «состязании в мудрости» Амасиса и эфиопского царя, ценой победы в котором должны были стать города у Элефантины: последней из задач эфиопского царя, с которой Амасис не смог справиться сам, было повеление выпить море. В ответ на него греческий мудрец Биант дал Амасису совет для начала потребовать у эфиопа «запереть все реки, впадающие в море, пока царь будет его пить, – потому что ведь речь шла о том море, которое есть, а не о том, которое прибудет» (пер. М.Л. Гаспарова; Plut. *Sap. Conv.* 6 = *Mor.* 151b). Совершенно очевидно сходство этой легенды с одним из сюжетов второго цикла демотических сказаний о Сатни-Хаэмуасе и Са-Осирисе: требованием нубийского царя к царю Египта прочесть запечатанное и спрятанное на теле посланца письмо, не распечатав его, которое было исполнено благодаря маленькому Са-Осирису (P. dem. BM. 604. 2.29–4.24)[17]. Сам мотив задач, которые адресуются египетскому правителю превосходящим его в силе и претендующим на власть над его страной чужеземным владыкой, появляется в египетской литературе еще во II тыс. до н.э. в «Сказке об Апопи и Секененра»: именно такой задачей оказывается знаменитое требование гиксосского царя Апопи унять нильских гиппопотамов, не дающих ему спать (P. Sall. 1.1.8–2.8)[18]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с бродячим сюжетом египетской литературы, который экстраполировался на разные исторические ситуации и в связи с Амасисом был реплицирован в античную традицию. Несомненно, что экстраполяция этого сюжета на время Амасиса могла исходить только от самих египтян: именно в их, а не в греческой исторической памяти присутствовало представление о Нубии как враге Египта, причем превосходящем его по мощи, которое восходило к эпохе суверенитета напатских царей XXV династии над ливийскими правителями Египта (кон. VIII – первая пол. VII в. до н.э.) и проявилось в целом ряде сюжетов демотической традиции (прежде всего, в порожденном как раз средой ливийской военной знати «Эпосе о Петубасте»[19]).

---

[17] См. новейший перевод Р. Ритнера в: The Literature of Ancient Egypt... P. 476–481.

[18] См. перевод Э.Ф. Венте в: The Literature of Ancient Egypt... P. 69–70.

[19] Об исторических импликациях этого эпического цикла см.: *Kitchen K.A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.). Warminster, 1986. P. 398, 455–465; в сказании о панцире Инара противником коалиции правителей Дельты во главе с положительным героем эпоса Пему, находящимся под покровительством царя Петубаста, оказывается Урдамане, т.е. последний царь XXV династии Танутамон: *Большаков А.О., Сущевский А.Г.* Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3. С. 20 (со ссылкой на сообщение О.Д. Берле-

Еще один египетский мотив мы встречаем несколько неожиданным образом в сюжете, который, казалось бы, должен был происходить из греческой среды, а именно в переданной Геродотом легенде о браке Амасиса и уроженки Кирены Ладики. Согласно этой легенде, взяв ее в жены, Амасис никак не мог сойтись с нею на супружеском ложе до тех пор, пока та не приняла обет посвятить статую Афродите в ее киренском святилище (Hdt. II.181). Между тем совершенно те же трудности возникли у попавшего в немилость к фараону морехода Хорсаусира, о котором в уже упоминавшейся демотической сказке рассказывал Амасису мудрец Наентисотем; учитывая явно египетскую специфику этого произведения (в частности, пародирование заведомо актуального только для египетской «аудитории» приема *Königsnovelle*), логичнее истолковать это схождение как результат египетского влияния на греческую традицию, а не наоборот, и в таком случае мы обнаруживаем еще один египетский литературный мотив, экстраполированный на биографию Амасиса и в итоге зафиксированный Геродотом[20]. Кроме того, с некоторой долей неуверенности можно попробовать связать с приемом *Königsnovelle* сообщение Геродота об участи побежденного Амасисом его предшественника Априя. Согласно Геродоту, после решающей победы над Априем, Амасис взял его в плен и оставил в живых, содержа некоторое время в царском дворце; однако затем, из-за ропота своих приближенных, считавших это несправедливым и опасным, выдал Априя им на расправу (II.169[21]; ср.: Diod. I.68.5 – сообщение о том, что Априя удушили после решающего сражения при «Мареа», без указания, сколь долгое время прошло со времени его поражения до расправы над ним, а также ее конкретного виновника; Athen. XIII.560e – указание, что Априя убили). С исторической реальностью в рассказе совпадает, по-видимому, сообщение Геродота о погребении убитого Априя в царской гробнице: сходная деталь содержится в повествовании иероглифической Элефантинской стелы о финале борьбы между Амасисом и Априем (стк. 18), и это схождение существенно как надежный маркер египетской первоосновы всего рассказа Геродота о приходе Амасиса к власти. Вместе с тем характерный для *Königsnovelle* мотив совещания царя со своими вельможами можно усмотреть в такой подробности Геродота, как противоречие между Амасисом и его окружением по поводу участи Априя. Казалось бы, против та-

---

ва). Очевидно, что экстраполяция топоса адресованной египетскому царю задачи чужеземного правителя на образ Амасиса и в связи с нубийскими реминисценциями должна была произойти в течение нескольких десятилетий после его царствования, когда в условиях персидского владычества оформлялась египетская традиция о нем, зафиксированная античными авторами, начиная с Геродота. Как представляется, такое проявление данного топоса мыслимо только уже после сложения его «магистральной» для египетской традиции версии, отразившейся в сказаниях о Сатни-Хаэмуасе; в таком случае мы, помимо прочего, получаем основания для вывода о значительно более раннем, чем принято считать, сложении прототипа одного из демотических литературных произведений (обычно их оформление связывается со временем Птолемея II: *Kitchen K.A.* Op. cit. P. 461 и note 163; ср. ниже наше прим. 25).

[20] В исходном египетском прототипе данного сюжета речь необязательно шла о браке Амасиса именно с Ладикой; подключение к этому сюжету супруги фараона – гречанки могло быть инспирировано традицией, современной Геродоту, для которой филэллинская репутация Амасиса по понятным причинам имела особое значение.

[21] *Ладынин И.А.* Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса о вавилонском вторжении в Египет в 568/567 гг. до н.э. // Восток (Oriens). 2004. № 3. С. 24.

кого допущения говорит то, что Амасису, вопреки обычному итогу такой ситуации, не удается настоять на своем, а приходится уступить своим приближенным. В то же время в типичных примерах египетских военных текстов смысл данного приема состоит в том, что царь отстаивает перед вельможами решение, в котором присущие ему лучшие личные качества (прежде всего, доблесть воина) совмещаются с практической целесообразностью (хотя последнее не всегда акцентируется в тексте). В случае с казнью Априя в изложении Геродота эти два момента как бы распадаются: Амасис отстаивает решение, показывающее его душевное благородство, в то время как его окружение требует того, что хотя и жестоко, но, несомненно, разумно с политической точки зрения. То, что уступка Амасиса в данном случае не является проявлением слабости и, в общем, не ставит под сомнение проявленные им положительные качества, на наш взгляд, позволяет предположить, что данное сообщение Геродота отражает своего рода инверсию египетского приема *Königsnovelle*. Однако уже двух приведенных нами схождений топосов, которые не вызывают сомнений, достаточно, чтобы уверенно констатировать воздействие египетской литературной традиции на сведения античных авторов об Амасисе.

Характерная черта литературно-исторической традиции, в отличие от традиции собственно исторической, заключается в том, что ее целью является не точная фиксация событий прошлого, а создание на их основе определенных художественных образов, что оправдывает определенные вольности в обращении с фактическим материалом (см. наше прим. 19 о степени достоверности мотива вражды между Египтом и Нубией в сюжете об Амасисе и Бианте). Два наиболее вопиющих отступления от исторической реальности, допущенные в традиции об Амасисе, несомненно, еще на уровне ее египетского прототипа, – это купирование компрометирующих его фактов в истории его прихода к власти (прежде всего, использования им в своих целях направленного против Априя вавилонского вторжения в Египет в 567 г. до н.э.)[22] и вместе с тем введение антиперсидского и, судя по всему, совершенно фиктивного мотива кощунств Камбиса в Египте, включая убийство им Аписа[23]. Эти искажения продиктованы, конечно, не художественными соображениями, а идеологической тенденцией традиции об Амасисе: примеры такого рода можно найти еще в официозных текстах эпохи Нового царства (например, в совершенно фиктивном рассказе о коронации Хатшепсут еще при жизни ее отца в текстах ее храма в Дейр эль-Бахри: Urk. IV.241–265[24]), да и рассказ Элефантинской стелы Амасиса о финале его борьбы с Априем содержит очень сходные купюры. Иной характер носит анахронизм, содержащийся в легенде о помощи Бианта Амасису при «состязании в мудрости» с эфиопским царем: еще с сер. VII в. до н.э., со времени объединения Египта Псамметихом I, отношения с Напатско-Мероитским государством не составляли проблемы, и ситуация, в которой его

[22] *Ладынин И.А.* Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса.

[23] См. выше прим. 13.

[24] Из текстов о божественном происхождении Хатшепсут и о ее восшествии на престол // История древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. пособие / Под ред. *В.И. Кузищина*. М., 2002. С. 65–69.

правитель мог бы навязывать фараону свою волю, была немыслима[25]. Выше (прим. 19) мы уже предположили, что легенда об Амасисе и Бианте могла возникнуть как вариация сюжета о вражде Египта и Напаты, который актуализировался в традиции, независимой от рассказов об Амасисе и, видимо, сложившейся существенно раньше них. Собственно говоря, именно популярность этой традиции и могла быть единственным поводом для экстраполяции этого сюжета на Амасиса, коль скоро по своему смыслу он не придавал его образу никаких существенно позитивных черт. Вместе с тем образ Амасиса, созданный совокупностью описанных нами приемов, нельзя назвать чисто художественным уже потому, что в нем предстает правитель, деятельность которого (или по крайней мере ее оценка) на время формирования этого образа еще сохраняла политическую актуальность. Соответственно, помимо чисто фактографического компонента, сформированного при помощи синтеза реминисценций о реальном Амасисе и проекции на него литературных мотивов, данный образ должен включать в себя и определенную политическую концепцию, «дешифруемую» исходя из категорий египетской идеологии сер. I тыс. до н.э.

В связи с этим особое значение имеют короткие новеллы об Амасисе, следующие в изложении Геродота за рассказом о его приходе к власти. Как известно, первая из них рассказывает о том, как, отлив статую бога из золотой лохани для омовения ног, Амасис добился этим примером уважения египтян к своему царскому сану, несмотря на незнатность его происхождения (II.172); далее следует рассказ о склонности Амасиса к развлечениям, которую он оправдывал невозможностью все время находиться в напряжении, сопутствующем государственным делам (здесь рассказ Геродота подходит довольно близко к мотивам уже известной нам «Сказки об Амасисе и мореходе» – II.173); наконец, третья новелла рассказывает о том, как Амасис, став царем, оказывал покровительство только тем святилищам, оракулы которых в свое время изобличали его в кражах у его соседей (II.174).

На первый взгляд, важнейшей особенностью в этих новеллах является подчеркивание незнатности Амасиса и отсутствия его родства с саисским царским домом, а также его легкомыслия, в том числе в религиозной сфере. Чтобы вполне оценить значение такой расстановки акцентов, а также еще одного «смыслового слоя», который, при своей чисто египетской специфике, отходит в этих новеллах на второй план, необходимо оценить исходную на момент переворота Амасиса ситуацию, скла-

---

[25] При Псамметихе II ок. 593 г. до н.э. против нее была совершена масштабная кампания, в ходе которой египетские войска продвинулись, возможно, вплоть до Напаты: *Sauneron S., Yoyotte J.* La campagne nubienne de Psammétique II et sa signification historique // BIFAO. 1952. T. 50. P. 157–207; *Goedicke H.* The Campaign of Psametik II against Nubia // MDAIK. 1981. Bd. 37. S. 187–198. Надо заметить, что именно после этого успеха в Египте проходит целая кампания по уничтожению имен напатских царей XXV династии на их памятниках: *Yoyotte J.* Le martelage des noms royaux éthiopiens par Psammétique II // RdÉ. 1951. T. 8. P. 215–239; *Kitchen K.A.* Op. cit. P. 406; *Gozzoli R.* Op. cit. P. 95. Note. 36; 101. Можно предположить, что именно в этих условиях военного триумфа Египта над Напатой произошла окончательная и достаточно резкая переоценка всего времени XXV династии, исходно считавшейся легитимным царским домом высшего статуса. В таком случае это время можно считать оптимальным для кристаллизации негативного образа нубийского царя – превосходящего врага Египта. В своей магистральной версии это нашло отражение в демотических произведениях, а в «побочной» – в сюжете об Амасисе и Бианте.

дывавшуюся в Египте на протяжении всего III Переходного периода и, видимо, во многом сохранившуюся в саисское время. Как известно, передача властных полномочий по наследству не только в царском доме, но и в домах номархов и родах вельмож была распространенной практикой едва ли не во все периоды древнеегипетской истории; однако лишь в нач. I тыс. до н.э. в Египте складывается замкнутое сословие военной знати, возглавляемое родами предводителей часто не египетского, а ливийского происхождения (см. характеристику этого сословия – Hdt. II.164–166[26]). К этим родам переходит власть на уровне как отдельных номов (прежде всего, в Нижнем и Среднем Египте), так и всей страны: таково было происхождение XXII и XXIII ливийских династий, ряда других царских домов, не попавших в перечень Манефона, а также, повидимому, и саисского дома (XXIV и XXVI династии), к которому и принадлежали предшественники Амасиса[27]. В известной мере плодом самосознания этой военной знати (хотя и подвергшимся кодификации в пору, когда ее реальное политическое влияние уже ушло в прошлое) стал цикл сказаний о Петубасте, по существу, представляющий собой уникальный для египетской литературы пример героического эпоса[28]. В этом литературном комплексе показательна не только ориентация его героев на своего рода «рыцарские ценности», но и, по существу, имплицитно заложенная в нем мысль, что и военная деятельность, и власть в стране являются принадлежностью сословия знати. Можно сказать, что принадлежность к древней династии, оцениваемая именно в категориях знатности происхождения, должна была стать к сер. I тыс. до н.э. не менее важным критерием легитимности власти правителя, чем древняя идея его рождения от сакрального брака.

Еще одним императивом этого же времени, который выражен наиболее явно в сравнительно поздней «Демотической хронике», но даже в ней отнесен к событиям IV в. до н.э. и, несомненно, сложился еще раньше, оказывается безусловное и ничем не ограниченное покровительство царя храмам. В концепции «Демотической хроники» отступления от этой модели поведения, хотя бы по соображениям государственной необходимости (как при мобилизации экономики страны для войны при фараоне Тахосе ок. 361/0–359/8 гг. до н.э.), влечет за собой гнев богов и утрату царем власти[29].

Понятно, что реальные политические условия, в которых могли сложиться подобные представления, соответствовали децентрализации страны и упадку общеегипетской царской власти, что, по существу, мы

---

[26] *Lloyd A.B.* Herodotus, Book II. Commentary 99–188. P. 180–182; *Сущевский А.Г.* Возможность объяснения термина «каласирий» на материале двух демотических папирусов // Древний и средневековый Восток. М., 1988. С. 90–97. Отметим, что социально-политическая структура египетского общества первой половины I тыс. до н.э., в особенности воздействие на нее ливийской традиции, представленной именно военной знатью, изучена на редкость плохо.

[27] См. в целом о политической истории этого времени: *Kitchen K.A.* Op. cit.; с возможными коррективами в части династической истории: *Beckerath J. von.* Op. cit. S. 94–99 (с отсылками к литературе).

[28] *Большаков А.О., Сущевский А.Г.* Указ. соч. С. 18–25.

[29] *Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // JSSEA. 1983. Vol. 13. P. 64, 66, 68–71; *Ладынин И.А.* «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н.э. // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Матер. международ. науч. конф.). М., 2002. С. 165–167.

и наблюдаем в Египте вплоть до прихода к власти XXVI династии. На самом деле, даже ее воцарение не привело к полному изменению этой ситуации, а первым правителем, который попытался ее окончательно переломить при помощи ряда реформ, был, по-видимому, именно Амасис[30]. В этой связи общая тенденция новелл, которые зафиксировал Геродот, оказывается предельно ясной: они пытаются разбить стереотип, согласно которому легитимность власти царя определяется его происхождением из военной знати, следованием выработанной системе ценностей этой среды и императивом безусловного покровительства храмам.

Данный вывод можно обосновать подробнее на основе разбора лежащих в основе этих новелл специфически египетских категорий, образующих то, что мы назвали их «вторым смысловым слоем». Так, мы уже имели случай сказать[31], что пресловутый рассказ о статуе бога, перелитой из золотой лохани для омовения ног, следует, по-видимому, трактовать, исходя из того, что в представлениях египтян из золота сотворена плоть богов, а также рожденного от божества и наделенного сакральностью царя (P.Westc. 10.11, 18, 25: золотая плоть трех детей жены жреца Реджедет от бога Солнца – будущих царей V династии)[32]. Соответственно, мораль этого рассказа состоит в том, что после вступления царя на престол не имеет значения, кем он был (так сказать, какую конкретную «форму» имела его «золотая плоть») до этого; принципиально важно, что самим успехом обретения им власти он выявил свою связь с божеством и личную сакральность[33] и вправе рассчитывать на отношение к себе исходя из этого.

Что касается новеллы об отношении Амасиса к храмовым оракулам, нужно иметь ввиду, что в I тыс. до н.э., с упадком царской власти, неотделимой в Египте от функции ритуального взаимодействия между миром людей и богами[34], необычайно повысилась роль разного рода «посредников», позволяющих людям вступать в независимый (или, по крайней мере, менее зависимый) от царя контакт с божественными силами (роль культовых изображений, священных животных, оракулов). В какой-то мере этим снижением роли царей в ритуале (и самой их способности к его эффективному совершению, о чем можно было судить по упадку страны, соответствующему сокращению помощи от богов «в об-

---

[30] *Эдаков А.В.* Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время // ВДИ. 1988. № 1. С. 112–126.

[31] *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис… С. 37. Прим. 13.

[32] *Берлев О.Д.* «Золотое имя» египетского царя // Ж.-Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1978. С. 53; см. наши замечания о характере царской сакральности в египетских представлениях, несколько расходящиеся с мнением О.Д. Берлева: *Ладынин И.А.* Сакрализация царской власти в древнем Египте в кон. IV – нач. II тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М., 2005. Ч. 1. С. 79–81.

[33] *Otto E.* Legitimation des Herrschers im pharaonischen Ägypten // Saeculum. 1969. Bd. 20. S. 394–396; ср. непосредственно в связи с Амасисом на материале его Элефантинской стелы в связи с его противостоянием с Априем и в сопоставлении с некоторыми фрагментами стелы Пианхи: *Ладынин И.А.* Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. // Петербургские египтологические чтения – 2005. СПб., 2006. С. 97–100.

[34] См. превосходный раздел монографии А.Е. Демидчика, по сути дела, описывающий религиозную ситуацию всей египетской древности III–II тыс. до н.э.: *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 14–27 (глава I – «Младшее солнце – бог ритуала»).

мен» на ритуал) должен был мотивироваться и императив покровительства царей храмам, как мы уже сказали, актуальный в позднее время.

«Отбор» Амасисом среди египетских святилищ наиболее действенных в контакте с богами (понятно, что пресловутое уличение его в краже было возможно только при реальном приведении в действие сил божества[35]) можно понять как демонстрацию им, во-первых, самóй способности к такому отбору и, стало быть, адекватному суждению о «качестве ритуала», характеризующей его как легитимного сакрального царя, и, во-вторых, того, что для авторов новеллы пресловутых «посредников», популярных в Позднем Египте, для эффективного контакта с богами недостаточно – помимо них, необходимо участие в нем сакрального царя. Иными словами, вопреки кажущейся несерьезности этих новелл, мы, похоже, сталкиваемся в них с четкой концепцией личной легитимности сакрального царя, приобретаемой им в силу рождения от божества и выявляемой успехом в удержании власти и совершении ритуала, которая противополагается сложившейся в ливийское время концепции сословно-династийной легитимности царей, и, по-видимому, была призвана предоставить Амасису свободу в деятельности по давно насущной централизации страны. Показательно, что вслед за этими новеллами у Геродота идет явно восходящее к египетской традиции[36] описание плодов этой деятельности – процветание Египта при Амасисе (II.177), четко увязанное с его реформами (как известно, Геродот говорит о введении Амасисом жесткого государственного контроля над доходами населения, предусматривавшего, при отсутствии у какого-либо лица легальных источников дохода, смертную казнь).

Разумеется, смысл зафиксированных Геродотом новелл не стоит ограничивать этими идеологическими тенденциями. Они также решают и художественную задачу создания общего положительного образа Амасиса, синтезированного такими двумя мотивами, как его хитроумие и склонность к простым человеческим радостям. Следует учесть, что, как мы уже говорили, этот образ создавался как основа представления о целой исторической эпохе, оцениваемой, в отличие от наступившего за ним периода персидского владычества, исключительно положительно. То, что подобный образ «египетского Брежнева» заслужил итоговую положительную оценку, причем не только в народной, но и в элитарной среде, которая, как мы говорили, и должна была инициировать традицию об Амасисе, весьма показательно для характеристики, если можно так сказать, «национального характера» египтян сер. I тыс. до н.э.

Свидетельства Геродота в сопоставлении с известной нам демотической сказкой об Амасисе позволяют придти к довольно определенному выводу о том, что представляли собой посвященные этому царю литера-

---

[35] См. о судебных оракулах в Египте, в т.ч. в I тыс. до н.э.: *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н.э. Л., 1960. С. 67–90 (глава III – «Судебные оракулы»).

[36] В частности, оно содержит упоминание о том, что в это время регулярно разливался Нил, а в Египте было 20 тыс. «населенных городов» – явная передача египетского термина dmi, в равной мере относящегося и к собственно городам, и к сельским поселениям (*Перепелкин Ю.Я.* История древнего Египта. С. 427–428), при том что сама эта цифра, близкая данным Диодора (I.31.7: 18 тыс. городов и деревень, с отсылкой к египетским «священным записям» – записям иератическим письмом? Ср. с другими, сходными античными данными: *Берлев О.Д.* Наследство Геба. С. 23. Прим. 1), вполне может восходить к реальным египетским кадастровым данным.

турные произведения. Несмотря на то, что «Сказка об Амасисе и мореходе» дошла до нас во фрагментарном виде, можно сказать довольно определенно, что ее содержание было ограничено одним эпизодом, имевшим место при дворе Амасиса, и создающим, в классических традициях египетской литературы, своего рода «рамку» для вставного и явно довольно обширного рассказа мудреца Наентисотема о мореходе. Маловероятно, чтобы это произведение описывало целый ряд эпизодов из жизни Амасиса, и, вне всяких сомнений, оно не ставило себе целью полное описание его царствования или сколько-нибудь значительного его этапа. По-видимому, зафиксированные Геродотом краткие рассказы, в которых мы усматривали определенную идеологическую концепцию, представляют собой своего рода резюме именно таких ограниченных по своему охвату литературных новелл, в центре которых находился образ Амасиса; таким образом, традиция о нем должна была состоять из целой их серии. Помимо этих новелл, действие которых могло быть совершенно независимо от какого-либо конкретного момента в течение царствования Амасиса, традиция о нем должна была содержать по меньшей мере два произведения, посвященные совершенно определенным событиям – его приходу к власти и финалу его царствования с последовавшим за ним персидским вторжением в Египет.

Последняя деталь весьма существенна для определения того, когда именно рассматриваемый нами цикл об Амасисе должен был возникнуть. «Проамасисовская» традиция в изложении Геродота оказывается одновременно и антиперсидской, и это показывает, что окончательно она могла оформиться только после персидского завоевания. В то же время даже в труде Геродота присутствует, хотя и занимает более скромное место, мотив, в рамках которого образ Амасиса оказывается одиозным, а персидское вторжение, напротив, оценивается позитивно, как справедливое возмездие за узурпацию им власти у Априя. Это содержащаяся в начале III книги Геродота легенда о дочери Априя царевне Нитетис, якобы посланной Амасисом в качестве наложницы персидскому царю (см. нашу публикацию, посвященную этому сюжету, а также примыкающее к установленному нами его египетскому изводу сообщение Полиэна, оставшееся, по досадной случайности, вне поля нашего зрения: Polyaen. *Strat.* VIII.29; ср.: Hdt. III.2–3; FGrH. 613. Frag. 1 = Athen. XIII.560f[37]). Мы уже отмечали, что мотив хитроумия Амасиса – один из синтезирующих для позитивной традиции о нем – подвергается в этом сюжете довольно злой инверсии: Амасис посылает Нитетис персидскому царю взамен собственной дочери, которую тот у него требовал, но в итоге таким образом он сам себя наказывает[38].

Египетское происхождение этой легенды, по целому ряду признаков, не вызывает сомнения; более того, эта легенда хорошо соотносится с восприятием персидского завоевания не как прискорбного конца египетской государственности, а, напротив, как восстановления Египта после периода безвременья, якобы пришедшегося на царствование Амасиса. Такая оценка персидского завоевания закрепилась в Библии и в ближневосточной традиции, уже в I тыс. до н.э. воспроизведенной араб-

[37] *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис... Особенно с. 35, 40.
[38] *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис... С. 36–37.

ским историком ибн Абд ал-Хакамом. Однако очевидно, что возникнуть она могла только внутри некоей группировки египетской элиты VI в. до н.э., которую достаточно легко отождествить с уцелевшими сторонниками Априя[39].

В связи с наличием этой «проперсидской» традиции можно заметить следующее. Во-первых, она, как и противостоящая ей позитивная традиция об Амасисе, должна была, скорее всего, оформиться также в виде литературных произведений: в частности, в основе легенды о Нитетис с высокой степенью вероятности угадывается литературная новелла. Во-вторых, как мы видели, в рамках позитивной традиции об Амасисе подчеркивается тот момент, что легитимность его власти не зависела от его происхождения и родства с саисским домом, а носила персональный характер. После персидского завоевания, когда вооруженная борьба между Амасисом и Априем уже стала давним прошлым, это вряд ли имело бы смысл иначе, как в рамках полемики с точкой зрения, оспаривающей легитимность Амасиса, т.е., скорее всего, как раз с «проперсидской» традицией сторонников Априя.

Таким образом, произведения об Амасисе оказываются плодом не только стремления египтян подвести итог своей истории накануне персидского завоевания, но и достаточно напряженного противоборства внутри египетской элиты уже под властью персов. Однако сам факт того, что данная полемика с ее важнейшими нюансами отразилась в интересующей нас традиции, вносит еще одно важное уточнение в связи с датировкой последней: принадлежащие к ней произведения должны были появиться в ближайшие годы или, по крайней мере, десятилетия после завоевания Египта персами, когда противостояние партий сторонников Амасиса и Априя еще не утратило свою остроту.

Вместе с тем литературная полемика между этими партиями была зафиксирована Геродотом спустя, по крайней мере, 70–80 лет после персидского завоевания Египта, в конце 450–440-х гг. до н.э. Детальность ее изложения «отцом истории», прежде всего, служит еще одним аргументом в пользу ее письменной, т.е. литературной фиксации. В ином случае за столь длительный период ее устного бытования в египетской среде она бы неизбежно обросла серьезными искажениями. При этом степень подробности, с которой сведения этой литературной традиции были сообщены Геродоту, показывает, что именно во времена его пребывания в Египте там оказались актуальны и востребованы реминисценции о персидском завоевании и его кануне. Их актуализация именно в сер. V в. до н.э., спустя примерно 80 лет после установления владычества персов, вполне объяснима. Как раз в правление Ксеркса в 480–460-е гг. до н.э., после первого антиперсидского восстания в Египте, рушится относительная гармония, существовавшая прежде между египтянами и их завоевателями: персидский царь отказывается от принятия египетского

[39] *Ладынин И.А., Немировский А.А.* Поход Навуходоносора II на Египет 567 г. до н.э. в сведениях египетской и ветхозаветной традиций (Предварительные замечания) // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Матер. международ. науч. конф.). М., 2004. С. 74–76 (с подробными отсылками к источникам, в т.ч. фрагментам библейских книг Иеремии и Иезекииля и публикации: *Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам.* Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М., 1985. С. 51–52); *Ладынин И.А.* Легенда о египетской царевне Нитетис… С. 38–39.

царского сана, прекращает осуществлять храмовое строительство в Египте и, возможно, усиливает лежащее на нем налоговое бремя. В 460–454 гг. до н.э. в Египте происходит и терпит поражение антиперсидское восстание Инара, к руководству которым, по мнению ряда исследователей, могли быть причастны потомки саисского царского дома и которое получило поддержку Афин (более того, по одному из исследовательских суждений, именно рассказ о нем в оставшейся ненаписанной части труда Геродота должен был как бы уравновешивать присутствие «египетского логоса» в его первой части и в известной мере служил его *raison d'être*)[40]. Очевидно, что начало активной борьбы против персов должно было актуализировать для представителей местной элиты (причем, уже безотносительно к их прежней принадлежности к «партиям» сторонников Априя или Амасиса) воспоминания о независимом Египте и обстоятельствах его крушения, а также заставить египтян перечитывать соответствующие литературные произведения.

IVAN A. LADYNIN (MOSCOW)

THE CLASSICAL TRADITION ON AMASIS AND HIS EGYPTIAN LITERARY PROTOTYPES

The paper deals with the Classical tradition on Pharaoh Amasis, basically with famous Herodotus' account on him (II.162–182, III.2–3, 10–16, 27–29) but also with some adjacent minor sources (for instance, with an interesting evidence by Plutarchus: *Sap. Conv.* 6 = *Mor.* 151a–e). A number of symptomatic affinities (Hdt. II.181 on Amasis' marriage to Ladice pairing the Demotic *Story of Amasis and a Seaman* of P. Bibl. Nat. 215 verso. Col. A; the aforesaid evidence by Plutarchus on Amasis' aided by the Greek wiseman Bias 'competing in wit' with an Ethiopian king, the pairing a similar episode of the demotic Second Cycle of Setna Khaemuas, P. dem. BM. 604. 2.29–4.24; Hdt. II.169 on Amasis advised by his courtsmen to put Apries to death seeming to be an inverse Königsnovelle typical for Egyptian literature) seem to show that the Classical tradition on Amasis was not only of Egyptian inspiration but also backed by a cycle of apologetic stories about him, governed by the laws of Egyptian literary genre and probably shaped in small pieces similar to the *Story of Amasis and a Seaman*. The initial ideological message of these stories was to position Amasis as a legitimate ritual king, irrelevantly of his non-royal descent (Hdt. II.172 on the golden wash-basin recast by Amasis into a statue of god being especially tell-tale to this effect, due to its obvious allusion to gold being gods' flesh in Egyptian notions and to its possible hint that Amasis' royal and divine nature were hidden under a plebeian out-appearance till time came), and at the same time to highlight his favourable human features. Initially those stories were inspired by his

[40] См. сводки источников и литературы по восстаниям 480-х гг. до н.э. и Инара: *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 132–136, 179–183; *Briant P.* Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996. P. 541, 562–564, 591–594, 985, 989–990, 998–999; о месте «египетского логоса» и гипотетического повествования о восстании Инара в т.н. фронтонной композиции труда Геродота см.: *Суриков И.Е.* Указ. соч. С. 144.

partisans confronting the partisans of Apries, who attacked Amasis as usurper and tried to legitimate Cambyses' invasion by his fictitious descent from Apries through his daughter and Cambyses' alleged mother Nitetis (Hdt. III.1–2; Athen. XIII. 560d–f; see our publication in the previous issue of *Ancient World and Archaeology*). However, by Herodotus' time this confrontation of Apries' and Amasis' parties must have given way to the common intention and need of Egyptians to shape a positive image of the latest native Pharaoh juxtaposed to the harsh Persian rule under Xerxes I and Artaxerxes I. Besides, Amasis' *hellenophilia* might have been intended to present to Herodotus a favourable account of lasting friendly contacts between Egypt and Greek city-states and to provide for their eventual support to the cause of Egyptian independence (given Herodotus came to Egypt not so long after Inaros' defeat and was himself a person of some influence in Pericles' 'team').

Christine Kossaifi

LES *IDYLLES* BUCOLIQUES DE THEOCRITE: UNE POETIQUE DU BONHEUR

Les *Idylles* de Théocrite témoignent dans leur diversité même d'une vive conscience du chaos qui règne dans le monde et de la souffrance désabusée qui ronge l'individu[1]: comme Camus le fera dire à Caligula, «les hommes meurent et ils ne sont pas heureux»[2]. Comment retrouver le bonheur perdu et la joie de vivre ? Par la magie de la poésie, répond Théocrite dans ses *Idylles* bucoliques[3]: l'ἀσυχία, la paix du corps et de l'esprit, s'incarne dans la syrinx de Pan, le dieu-bouc primitif en qui fusionnent animalité et spiritualité. En chantant ses peines d'amour dans une nature complice, le pâtre retrouve l'antique harmonie qui l'unissait au cosmos et au divin. En façonnant les contours subtils de ce qui deviendra le mythe bucolique, le poète explore l'âme humaine et affirme son talent. La *paix* bucolique prend ainsi une double dimension, existentielle et esthétique.

Une nature complice

Le pâtre vit en symbiose avec une nature familière qu'il connaît, qu'il aime et qui lui donne des repères spatiaux stables et rassurants. L'ombre des arbres, la fraîcheur des sources, le tendre tapis de verdure, la luminosité solaire, la grotte des Nymphes, le chant des oiseaux, éléments traditionnels du *locus amoenus*[4], forment un cadre «aimable et non grandiose»[5] qui lui offre la douceur du bonheur dans l'écrin de verdure d'un lieu clos; c'est un «tendre gazon» (*VI* 45) auprès d'une fontaine (v. 3), un «orme» à l'ombre généreuse près des statues de Priape et des Nymphes (*I* 21–22), un antre habillé de lierre et de fougère (*III* 14) «près d'un pin» (v. 38). Des rivières et des sources irriguent ce paysage dans lequel serpentent des chemins pierreux, à l'image de celui dont Simichidas «fait chanter toutes les pierres au choc de (ses) chaussures» (*VII* 26). Une simple notation, visuelle ou auditive, suffit pour dessiner le cadre, que le poète n'éprouve pas le besoin de décrire plus

---

[1] Sur cet aspect chez Théocrite, cf. C. KOSSAIFI, *Recherches sur la poétique de Théocrite* (abrégé: *recherches…*), p. 165–194, thèse d'université, Bordeaux III, publiée aux Presses Univ. du Septentrion, 1998, p. 246–262 et, pour une approche générale, p. 5–6; cf. également P. LEVEQUE, *Le monde hellénistique*, Paris, A. Colin, «Agora», 1992 [1969], p. 123–206, consacré à «l'ultime mutation de l'hellénisme spirituel»; M.C. AMORETTI et F. RUZE, *Le Monde grec antique*, Classiques Hachette, Paris, 1978, p. 264; E.R. DODDS, *Les Grecs et l'irrationnel*, Paris, Flammarion 1977 [1959], p. 239–241 (le repli de l'individu au sein de cénacles philosophiques et religieux privés).

[2] Camus, *Caligula*, acte I, scène 4.

[3] Nous considérons comme bucoliques les *Idylles I*, *III* à *VII*, *X* et *XI*, à l'exclusion des *Idylles VIII*, *IX* et *XXVII*, inauthentiques; cf., à ce sujet, A.S.F. GOW, *Theocritus* II, Cambridge Univ. Press 1952 (2e éd.), p. 170–71, 195 et 485. Nous ne partageons pas la thèse de J. IRIGOIN, qui considère les *Idylles VIII* et *IX* comme «(faisant) partie du recueil original sous la forme même où elles nous sont transmises», in «Les Bucoliques de Théocrite. La composition du recueil», p. 39–42, *Q.U.C.C.*, 19, 1975, p. 27–44.

[4] Cf., par exemple, Homère, *Od.* V 63-74 (grotte de Calypso), IX 182–3 (grotte du Cyclope), XIII 34 (bois sacré d'Athéna en Phéacie), Eur., *Cyclope*; cf. aussi, Vitruve, *De Architectura*, VII 5. Sur la nature mythique et rhétorique d'un tel paysage, cf. E.R. CURTIUS, *La littérature européenne et le Moyen Age latin*, chapitre 10, «le paysage idéal», Presses Universitaires de France, 1956 (trad. J. Bréjoux).

[5] A. BONNAFE, *Nature et sacré. Homère, Hésiode et le sentiment grec de la nature*, collection de la maison de l'Orient Méditerranéen, n° 15, série littéraire et philosophique, 3, 1984, p. 157 (à propos d'Homère).

précisément. Toutefois, cette simplicité de moyens ne signifie pas artificialité de la nature et cette «pauvreté descriptive», que C. Cusset semble reprocher à Théocrite[6], nous paraît relever plutôt d'une technique «impressionniste» où l'art de l'esquisse est au service de l'analyse psychologique. Il ne s'agit pas de décrire la nature dans sa permanence, mais de transcrire par des touches bucoliques les impressions qu'elle produit dans la conscience des personnages[7].

Ces notations poétiques permettent en effet à Théocrite de suggérer un sentiment ou un état d'esprit; le paysage bucolique n'est pas seulement «un pur objet poétique», comme l'a montré C. Cusset[8]; il est aussi un moyen d'exploration de l'âme humaine, offrant un riche répertoire d'images qui concrétisent des caractères et qui tissent tout un réseau d'interpénétrations, voire de dépendances, entre l'homme et la nature[9]. Ainsi, dans l'*Idylle XI*, Polyphème, désireux de chanter la beauté de sa Galatée, trouve naturellement dans la réalité pastorale qui est la sienne les éléments de comparaison dont il a besoin: «toi plus blanche à voir que le lait caillé, plus tendre que l'agneau, plus fringante que la génisse, plus luisante que le raisin vert»[10], λευκοτέρα πακτᾶς ποτιδεῖν, ἁπαλωτέρα ἀρνός / μόσχω γαυροτέρα, φιαρωτέρα ὄμφακος ὠμᾶς (*XI* 20–21). Porté par ses sentiments, le Cyclope se laisse aller à l'exagération amoureuse, tandis que, par la structure de la phrase et sa formulation qui rappelle Anacréon ou Sappho[11], par le jeu des sonorités et des homotéleutes, ainsi que le rythme mélodieux soutenu par le chiasme médian, le poète transcrit l'excitation lyrique et l'état amoureux causé par l'impact du regard, ποτιδεῖν; les comparaisons disent à la fois la fière beauté de Galatée et l'impossibilité de l'amour de Polyphème qui ne parvient pas à dompter l'orgueilleuse arrogance de cette femme assimilée à la génisse rebelle, μόσχω γαυροτέρα: l'évocation du raisin vert, ὄμφακος ὠμᾶς, oppose le rêve du Cyclope (Galatée, à la belle peau luisante, peut, comme le raisin encore vert, mûrir, changer et se laisser cueillir[12]) à la réalité (Galatée, raisin vert impropre à la consommation, se refuse à celui qui la poursuit). Sur la vision naïve du personnage qui se réfère à des réalités triviales[13] se superpose le regard amusé d'un poète érudit qui caractérise par un écho intertextuel subtil le glissement du raffinement lyrique au prosaïsme pastoral: le chant sap-

---

[6] «Fonctions du décor bucolique dans les *Pastorales* de Longus» (abrégé: «fonctions…»), in *Lieux, décors et paysages de l'ancien roman des origines à Byzance*, p. 169, Bernard POUDERON (éd.), coll. Maison de l'Orient et la Méditérranée, 34, série littéraire et philosophique 8, p. 163–176.

[7] Sur cet aspect, cf. C. KOSSAIFI, «*Un temple aux vivants piliers*. La nature dans les *Idylles* bucoliques de Théocrite», *Connaissance hellénique*, 103, avril 2005, p. 61–71; 104, juillet 2005, p. 18–31 et 105, octobre 2005, p. 61–73, principalement le n° 103, p. 67–71.

[8] «Nature et poésie dans les *Idylles* de Théocrite», in *La nature et ses représentations dans l'antiquité*, CNDP 1999, p. 153.

[9] Sur cet aspect, cf. C. KOSSAIFI, *Recherches…*, p. 165–194.

[10] Traduction Ph. E. LEGRAND, *Les Bucoliques Grecs*. 1. *Théocrite*, Paris, C.U.F., «Les Belles Lettres», 1967, p. 75.

[11] Cf. Anacréon, 417 ou 488, in D. L. PAGE (ed.), *Poetae Melici Graeci* (abrégé *PMG*), Oxf., 1962, et Sappho, fr. 156 Voigt. La formulation évoque aussi le Cyclope de Philoxène, *PMG* 821.

[12] Sur la femme-grappe à vendanger, cf. Aristophane, *Paix*, v. 1338–1339; A.S.F. GOW et D.L. PAGE (ed.), *The Garland of Philip and some contemporary epigrams*, Cambridge, 1968, 2402, 3218–3219.

[13] Démétrius, dans son étude *Sur le Style*, 163–166, oppose d'ailleurs le «charme», χάρις, des «noms à la belle sonorité», comme chez Sappho, à l'effet ridicule de «noms qui sont ordinaires et communs»; Hunter suggère qu'il avait peut-être à l'esprit ces vers du Cyclope, in *Theocritus. A Selection*, Cambridge University Press, 1999 (abrégé: *Theocritus*), p. 230.

phique «à la mélodie plus douce que la lyre», πάκτιδος ἀδυμελεστέρα, s'estompe chez Théocrite devant la «blancheur plus éclatante que le lait caillé», λευκοτέρα πακτᾶς[14], de celle qui porte déjà le lait dans son nom, Galatée… La nature devient ainsi jeu littéraire en même temps que moyen de caractérisation psychologique pour dessiner humoristiquement le portrait d'un Cyclope à la fois ridicule et émouvant.

C'est donc dans leur réalité quotidienne que les pâtres trouvent le moyen de dire, voire de conceptualiser leurs sentiments. Vivant en symbiose avec la nature, c'est également en elle qu'ils prennent logiquement leurs critères d'analyse poétique. Thyrsis et le chevrier, dans l'*Idylle I*, par exemple, jugent la qualité de leur art par référence à la douceur de la nature: «il est doux, chevrier, le murmure de ce pin, qui chante là à côté de ces sources; non moins doux le chant de ta syrinx», ἁδὺ τι τὸ ψιθύρισμα καὶ ἁ πίτυς, αἰπόλε, τήνα / ἁ ποτὶ ταῖς παγαῖσι μελίσδεται, ἁδὺ δὲ καὶ τύ / συρίσδες (*I* 1–3). Et le chevrier répond: «plus doux, ô berger, est ton chant que le bruit de cette eau, qui là s'égoutte du haut de ce rocher», ἅδιον, ὦ ποιμήν, τὸ τεὸν μέλος ἢ τὸ καταχές / τῆν' ἀπὸ τᾶς πέτρας καταλείβεται ὑψόθεν ὕδωρ (v. 7–8). En quelques touches suggestives qui sollicitent les sens, Théocrite évoque le lieu de la rencontre et crée une atmosphère. La première sensation est auditive: charmée par une douceur inconnue, ἁδύ, l'oreille *perçoit* un bruissement, ψιθύρισμα, murmure sensuel[15] que la conjonction de coordination καί associe au pin, rapproché, par la place des mots, de l'interlocuteur, le chevrier, qui restera anonyme, mais qui se trouve symboliquement inséré entre le substantif, ἁ πίτυς, et le déictique, τήνα, comme pour souligner la relation fusionnelle qui l'unit à l'arbre de Pan. Après avoir ancré le dialogue dans la réalité en nous montrant le pin, Théocrite nous fait *voir* les sources (v. 2), puis *entendre* la mélodie de la syrinx du chevrier, συρίσδες, aussi douce, ἁδύ, que la douceur de miel[16] du pin, *μελίσδεται*. Le chevrier répond sous forme de chiasme en renchérissant par un comparatif sur la douceur du chant poétique *et* de la nature: la roche ruisselante est implicitement assimilée à la syrinx dont elle imite la cascade de notes, tout en restant, comme le pin et les sources, une réalité concrètement marquée par l'emploi réitéré du déictique qui fait entrer le lecteur dans l'intimité des personnages. Par le champ lexical de la musicalité et l'anaphore de l'adjectif ἁδύ, concept essentiel de sa poétique, Théocrite fait fusionner nature et poésie[17]: le paysage bucolique est un chant vivant qui s'incarne dans la mélodie de la syrinx, en une relation fusionnelle de l'homme et de la nature que suggère l'assimilation finale du chant de Thyrsis à celui de la mythique cigale[18], τέττιγος (…) φέρτερον ᾄδεις (v. 148). Ainsi s'éclaire le message existentiel du poète: parce qu'il est étroitement uni à ce paysage à la fois poétique et sacré, comme le suggère le

---

[14] Cf. aussi la réécriture que fera Longus dans ses *Pastorales*, 1, 17, 3 (τὸ πρόσωπον ὅτι λευκότερον ἀληθῶς καὶ τοῦ τῶν αἰγῶν γάλακτος).

[15] Sur la sensualité du murmure, cf. *Id. II*, v. 141.

[16] Ainsi se trouve annoncée la douceur de miel de la syrinx de Daphnis, μελίπνουν (v. 128), l'allusion fonctionnant comme symbole poétique (les poètes sont souvent nourris de miel ou ont la bouche pleine de miel); sur cet aspect, cf. HUNTER, *Theocritus…*, p. 105–106.

[17] Cf. C. KOSSAIFI, «*Un temple…*», n° 104, principalement p. 18–23 et C. CUSSET, «Nature et poésie dans les *Idylles* de Théocrite», *op. cit.*, p. 148–149.

[18] Sur le mythe de la cigale, symbole du chanteur tout entier voué à son art, cf. Platon, *Phèdre* 258e–259d, qui en est l'inventeur (cf. P. FRUTIGER, *Les mythes de Platon*, Paris, 1930, p. 233 et V. GOLDSCHMIDT, *Les dialogues de Platon*, Paris, 1948, p. 324), Callimaque, fr. 1 Pf.…

terme πίτυς, que Théocrite a préféré à πεύκη[19] et qui évoque la nymphe Pitys aimée de Pan, le pâtre-poète, prophète de la nature, peut seul sentir et dire la présence du sacré qui irrigue le quotidien[20] et nourrit le chant bucolique.

Cette élaboration littéraire de la nature va de paire avec une confusion des règnes végétal, animal et humain, caractéristique du mythe bucolique qui idéalise les relations de l'homme et de l'animal en une étroite interpénétration. Le pâtre est uni à son troupeau en un lien à la fois moral et affectif. Soucieux de son bien-être, il veille à ce qu'il ne manque de rien, même si les bêtes ne lui appartiennent pas. Ainsi, Corydon n'hésite pas à mener le troupeau qu'il garde «là où pousse tout ce qu'il y a de bon» (*IV* 24–25) ou à «donner une botte d'herbe tendre» à une génisse amaigrie (v. 18) dont il déplore sincèrement la souffrance. De même, avant d'être amoureux de Galatée, le Cyclope prenait plaisir à cueillir du feuillage vert, bien tendre pour ses agnelles (*XI* 73–74)[21]. Car c'est dans les soins quotidiens qu'il dispense à ses bêtes que le pâtre goûte le bonheur, comme Daphnis, le prestigieux bouvier de l'*Idylle I*, le rappelle en des vers dont la formulation évoque celle de l'épigramme funéraire: Δάφνις ἐγὼν ὅδε τῆνος ὁ τὰς βόας ὧδε νομεύων, / Δάφνις ὁ τὼς ταύρως καὶ πόρτιας ὧδε ποτίσδων (*I* 120–121). Outre une certaine jouissance narcissique qui rapproche Daphnis d'Hippolyte, comme le dit Hunter[22], il nous semble que l'anaphore de Δάφνις et de ὧδε souligne également l'amertume extrême du bouvier nostalgique de son bonheur passé et victime des tourments qu'Aphrodite lui inflige contre son gré, le privant ainsi de sa liberté et de la paix simple qu'il trouvait dans une vie en symbiose avec la nature et les animaux[23]; mais, comme souvent dans les *Idylles* bucoliques, la lecture existentielle n'épuise pas le sens qui ne prend toute sa richesse que dans une interprétation poétique: par le jeu sur les genres qui ouvre l'idylle sur l'épigramme, la tragédie ou l'élégie[24] et par l'élaboration rythmique et sonore, Théocrite fait de Daphnis un poète callimachéen[25], tout en lui donnant l'envergure d'un maître à penser. D'ailleurs Thyrsis se présente implicitement comme son disciple quand il introduit son chant par une formulation qui évoque celle de Daphnis: Θύρσις ὅδ' ὡξ Αἴτνας, καὶ Θύρσιδος ἁδέα φωνά

---

[19] Théocrite n'utilise ce terme en *VII* 88 (à propos de Comatas) et *XXII* 40.

[20] Sur cet aspect à propos de Virgile, cf. l'analyse de D. MILLET-GERARD, *Le chant initiatique. Esthétique et spiritualité de la Bucolique*, Genève, éd. Ad Solem, 2000.

[21] Cf. Virgile, *Bucoliques II* 69–72, avec la différence que Théocrite insiste davantage ici sur la composante existentielle de la paix bucolique, alors que Virgile, dans sa réécriture du passage, met plus nettement l'accent sur la dimension poétique (la vigne à tailler, la corbeille à tresser). Constituer une réserve de feuillages pour nourrir ses bêtes pendant l'hiver est par ailleurs une prescription importante que Virgile répète deux fois dans ses *Géorgiques*, III 300–1 et 320–1.

[22] L'auteur renvoie aux v. 1078–79 et 1363–6 de l'*Hippolyte* d'Euripide, in *Theocritus*, p. 99–100.

[23] Cf., à propos de sa mort, les v. 71–75 (deuil des animaux sauvages et domestiques) et *VII* 74–77 (thrène cosmique de la nature).

[24] Outre cette formulation épigrammatique, Daphnis s'exprime également en héros tragique (procédé de l'*adynaton*, v. 132–136), en poète élégiaque (thrène sur sa mort, v. 115–118), tout en trouvant parfois des accents épiques (appel et adieu à Pan, v. 123–130).

[25] Selon Callimaque, un poème doit en effet être varié (πολυειδία) comme l'était l'œuvre de Ion de Chios (cf. *Iambe XIII*) et bref pour pouvoir être sculpté jusque dans ses moindres détails grâce à un patient travail sur les vers et les sonorités, capable de donner à la σύνθεσις λέξεως la texture musicale qui fait sa beauté (πόνος déjà valorisé par Philétas, fr. 10, v. 3–4 Powell); cf. *Aitia* 1, 5–6 et 23–24 Pf., *Hymne à Apollon*, v. 110–112, épigramme 27, v. 3–4 (sur Aratos de Soles)… Sur ces aspects, cf. C. KOSSAÏFI, *Recherches…*, p. 40–52 (variété) et 22–26 (brièveté et travail poétique).

(«Je suis Thyrsis d'Aitna, Thyris à la voix douce»[26], v. 65), tout en rappelant, à travers la notion de douceur, ἁδέα, le lien étroit qui unit le pâtre à l'art et à la nature[27], au point que les frontières qui séparent l'humain de l'animal ont tendance à s'effacer.

En effet, comme il est habitué à vivre chaque jour avec son troupeau, le chevrier n'hésite pas à reproduire le comportement de ses bêtes, comme Comatas, si heureux d'avoir remporté l'agon qui l'oppose à Lacon qu'il se voit «sauter jusqu'au ciel» (*V* 144). Inversement les animaux ont une affection réelle pour leur berger auquel ils témoignent des sentiments presque humains. Les vaches d'Aigon, dans l'*Idylle IV*, le «regrettent en mugissant», μυκώμεναι (…) ποθεῦντι (v. 12), et «ne veulent plus brouter», οὐκέτι λῶντι νέμεσθαι (v. 14): G.W. Lawall[28] voit dans cette relation fusionnelle du pâtre et de ses bêtes une image de l'amour et un moyen d'étude psychologique de l'âme humaine, tandis que R. Hunter[29] y lit une dévalorisation de Corydon incapable de comprendre que les vaches ont tout simplement faim! Ces analyses divergentes soulignent les riches possibilités de lectures plurielles qu'offre l'œuvre de Théocrite, construite avec tant de finesse qu'elle permet les approches les plus variées. En effet, l'interprétation de Lawall s'appuie sur la sensibilité des bêtes capables de communiquer avec leur pâtre par la musique, comme l'a montré J. Duchemin[30], tandis que Hunter met l'accent sur l'humour du poète.

Cette ambivalence se retrouve dans la hiérarchie bucolique qui place les pâtres – à l'exception du porcher que Théocrite élimine de sa poésie[31] – sur une échelle qui va du plus raffiné au plus grossier. Tout en haut se trouve le bouvier; fin musicien et habile poète, il est l'être «le plus évolué»[32] et le plus prestigieux, à l'image du mythique Daphnis de l'*Idylle I*. Maître de lui et de ses sentiments, il sait se montrer convivial et respectueux d'autrui, comme en témoigne l'agon qui oppose «Daphnis le bouvier» à Damoitas, dans l'*Idylle VI*, mais, étant un être entier, il s'investit parfois de toute son âme, à l'image de Daphnis qui refuse l'amour de la fille jusqu'à la mort. Tout en bas se tient le chevrier, en étroit contact avec la nature, marchant «nu-pieds», νήλιπος (*IV* 56), même dans la montagne, spontané, parfois bestial, comme Comatas dans l'*Idylle V*. Maladroit en amour, il est souvent qualifié de δύσερως, *incapable d'aimer*, l'adjectif constituant un reproche dans la bouche de Galatée (*VI* 7) et même une injure quand Priape, ironique, se moque de

---

[26] Le texte marque une disjonction nette entre Thyrsis et sa voix que Ph.E. LEGRAND ne rend pas dans sa traduction: «et douce est la voix de Thyrsis», le concept d'ἁδύ se trouve incarné dans l'organe vocal qui devient autonome par rapport au chanteur pour devenir symbole concret de la musicalité des vers.

[27] L'idylle, comme nous l'avons dit *supra*, s'ouvre sur l'adjectif ἁδύ.

[28] In *Theocritus' Coan Pastorals*, Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1967.

[29] *Theocritus…*, p. 134. L'auteur évoque aussi l'interprétation psychologique erronée que fait Corydon du mal-être des vaches, en «(assimilant) la situation à celle de l'*eros* humain» et il renvoie à ce qu'il appelle «the 'pathetic fallacy'».

[30] In *La houlette et la lyre. Recherches sur les origines pastorales de la poésie* (I. *Hermès et Apollon*), Paris, Les Belles Lettres, 1960, p. 107–108; cf. aussi N. KAZANTZAKI, *Le Christ recrucifié*, p. 156–157 (livre de poche).

[31] La disparition du porcher, si important chez Homère, comme en atteste le personnage d'Eumée, peut s'expliquer par le symbolisme négatif du porc et surtout par le fait qu'il n'a pas de lien avec Pan, le dieu essentiel des *Idylles* bucoliques de Théocrite, comme nous le verrons.

[32] C. MEILLIER, «la fonction thérapeutique de la musique et de la poésie dans le recueil des 'Bucoliques' de Théocrite», p. 166, in *B.A.G.B.*, 2, juin 1982, p. 164–186.

Daphnis (*I* 86). Quant au berger, il est placé au milieu de l'échelle et n'a pas de caractéristique propre: il peut être élevé au rang du bouvier, comme Thyrsis dans l'*Idylle I*, ou rabaissé au niveau du chevrier, comme Lacon dans l'*Idylle V*. Ce schéma de base est bien sûr susceptible de nombreuses variations, en fonction de l'idée que Théocrite veut exprimer. Pour dévaloriser un personnage, il montre un bouvier indigne de son rang; c'est ainsi que, dans l'*Idylle IV*, il se moque des prétentions artistiques et du désir de gloire d'Aigon, qui néglige ses vaches et méconnaît le bonheur bucolique pour une chimère. A l'opposé, certains chevriers, à l'exemple de Lycidas ou de Comatas dans l'*Idylle VII*, ont su entrer en consonance avec la nature d'une façon tellement harmonieuse qu'ils atteignent un statut poétique, voire mythique[33]. En jouant sur les codes bucoliques, Théocrite a des ambitions plus élevées que celles d'un simple jeu de masques: loin de se réduire à la mascarade bucolique, telle que l'a définie R. Reitzenstein[34], sa poésie éclaire les multiples facettes de l'âme humaine, tourmentée par les désirs, avilie par les souffrances, soumise à la mort; à cette quête perpétuelle du bonheur, elle apporte une réponse, celle de la paix bucolique dont l'image est artistiquement très élaborée et qui se synthétise dans la figure de Pan.

Pan ou la double facette du bonheur bucolique

Complice des sentiments des personnages, bruissante d'une vie mystérieuse, la nature est le lieu du bonheur et du chant, mais elle est aussi le réceptacle du divin. Habitée par les Nymphes, les «Satyres (et les) Pans[35] qui ont de vilaines pattes», comme le dit le vieux de l'*Idylle IV* (v. 62–63), elle est le domaine de Pan, la divinité majeure des *Idylles* bucoliques, sur laquelle jurent tous les pâtres[36], parce qu'elle est pour eux un repère essentiel et un compagnon qui comprend et partage leurs désirs. Ainsi Lacon affirme «par Pan, dieu des rivages», τὸν Πᾶνα τὸν ἄκτιον (*V* 14), qu'il n'a pas volé la toison de Comatas. Loin de faire allusion à une statue ou à un temple particuliers, comme le croit Gow[37], l'épithète ἄκτιος renvoie à l'aspect marin de Pan[38], le rusé fils d'Hermès capable, par le fumet d'un repas de poissons, de séduire Typhon pour mieux le perdre[39], mais elle évoque aussi la technique particulière que, selon Oppien[40], les pêcheurs utilisent pour capturer par ruse les sargues qui se rapprochent des côtes, à l'époque de la canicule: ils se déguisent en chèvres, dont l'odeur attire ces poissons, puis ils jettent à la mer «de la farine d'orge rôtie avec de la viande de chèvre» et ils n'ont plus

---

[33] Sur cet aspect, cf. C. KOSSAIFI, *Recherches…*, p. 234–239.

[34] In *Epigramm und Skolion*, Giessen, 1893, cité et critiqué par Ph. E. LEGRAND, *Etude sur Théocrite* (abrégé: *Etude*), Fontemoing, Paris, 1968 [1898], p. 142–150.

[35] La céramographie et la littérature théâtrale du Ve siècle font parfois allusion à cette pluralité des Pans (cf. S ad *IV* 62–63) et Nonnos de Panopolis dans ses *Dionysiaques*, dénombrera quatorze Pans issus du Pan primordial et deux fils d' Hermès et de Nymphes. Pour plus de précisions, cf. A.S.F. GOW II, p. 91 et Philipe BORGEAUD, *Recherches sur le dieu Pan*, Bibliotheca Helvetica Romana XVII, 1979, p. 75.

[36] Pan apparaît dans les *Epigrammes II, III* et *V* (surtout v. 5–6) et dans les *Idylles I* 3, 16–18, 123–129, où il est même appelé ἄναξ, «souverain»; *IV* 47, 63; *V* 14, 58, 141; *VI* 21; *VII* 103–114. Le poème figuré *Syrinx* lui est consacré. Le serment «par Pan» se trouve aussi dans l'*Oaristys* [*Id. XXVII*], v. 21, 36, 51.

[37] II, p. 97.

[38] Il est honoré par les pêcheurs: cf. *A. P.* VI 11–16; 179–187; 196; X 10.

[39] Il quitte son repère et Zeus le foudroie. La Souda se réfère à une version proche selon laquelle Pan capture Typhon dans un filet de pêcheurs.

[40] *Halieutiques* IV 348 ss. Cf. Ph. BORGEAUD, p. 172–173.

qu'à lancer leurs filets pour attraper en masse les sargues qui se sont dirigés vers cette odeur qui les enchante. La séduction de Pan a)/ktioj est aliénante comme celle que Lacon utilise contre Comatas, qu'il tente de séduire en lui vantant les charmes de son côté (v. 31–34) pour l'obliger à le rejoindre dans l'espoir de remporter sur lui une victoire symbolique et d'avoir ainsi un avantage psychologique dans l'agon qui va l'opposer au chevrier. Le serment par Pan ἄκτιος n'est pas innocent: il renvoie au dieu de la ruse, à celui qui règne sur les *chèvres*, qui les protège et les chasse à sa guise, maître d'elles comme Lacon voudrait être maître du *chevrier* Comatas[41]… Pan est donc une réalité, matérielle et psychologique, dans le monde bucolique théocritéen qu'il marque de son empreinte mystérieuse et sauvage.

Fréquentant surtout la terre aride de la dure Arcadie grecque[42], Pan est une divinité primitive qui unit en elle l'animal, l'humain et le divin. Dieu thériomorphe, il est le seul à «monter les chèvres», αἰγιβάτης[43], au contraire des autres divinités pastorales qui, dans leur évolution, ont perdu leurs antiques caractéristiques animales[44], tel, par exemple, Apollon, peut-être à l'origine un dieu rat guérisseur, qui a pu aussi être associé au loup[45], mais qui s'est progressivement «humanisé», spiritualisé en quelque sorte, pour devenir plus simplement le protecteur des champs et des animaux, le maître du chant et de la poésie, connaissant aussi bien le pâturage où paissent ses bêtes, νομός, que les règles de «l'air» musical νόμος[46]. Il en va de même pour Hermès qui passe en général pour le père de Pan à qui il a d'ailleurs donné sa ruse malicieuse et son habileté à tirer profit des ressources de la nature[47]. Dieu des ovins et des «pauvres hères»[48], porteur de la ῥάβδος[49], immortalisé dans l'attitude du criophore, il aurait pu occuper la place de Pan dans les idylles bucoliques de Théocrite, d'autant plus qu'il «peut emprunter, par

---

[41] Cette analyse est tirée de notre article sur les dieux dans les *Idylles* bucoliques, dans lequel le lecteur trouvera d'autres exemples de cette étroite interrelation, parfois allusive, entre Pan et les pâtres, p. 62-64, in «les dieux dans les *Idylles* bucoliques de Théocrite. Bonheur et souffrance», *R.E.A.*, 104, 2002, n° 1–2, p. 61–83.

[42] Sur la façon négative dont les Grecs percevaient l'Arcadie, cf. Ph. BORGEAUD, p. 15–69.

[43] Cf. Théocrite, *Epigr.* V (= *A.P.* IX 433), Nicarchos (*A.P.* VI 31).

[44] Cf., par exemple, Déméter à tête de cheval en Arcadie ou l'antique Zeus-loup suggéré par les rites secrets du Lycée: cf. P. LEVEQUE et L. SECHAN, *Les Grandes divinités de la Grèce* (A. Colin, L'Ancien et le Nouveau, deuxième édition augmentée, Paris,1990), p. 87–88 (Zeus) et p. 135–136 (Déméter).

[45] P. LEVEQUE et L. SECHAN, *op. cit.*, voient dans l'épithète Σμινθεύς, qui qualifie parfois Apollon, la trace d'un ancien dieu rat guérisseur (p. 216) qui complèterait la fonction bénéfique de son fils Asclépios, à l'origine un dieu taupe; ils signalent des «analogies remarquables» avec le dieu indien Rudra (p. 237). En ce qui concerne les liens d'Apollon avec le loup, «bien attestés» dans le culte, cf. p. 206 et note 72, p. 219. Notons cependant que l'épithète de Λύκειος / Λύκιος n'a pas un sens clair puisque, outre *destructeur de loups*, elle peut signifier *dieu de Lycie* ou *dieu de la lumière*, soulignant ainsi la complexité de cette divinité. Cf. Call, fr. 1 et la note de C. TRYPANIS *ad hoc* (Loeb Classical Library).

[46] Apollon νόμιος apparaît ainsi à la fois «pasteur et musicien»; cf., à ce sujet, J. DUCHEMIN, p. 235–253.

[47] Cf. l'*Hymne homérique à Hermès* (vol des vaches d'Apollon, invention de la lyre…). Pour Pan, fils d'Hermès, cf. aussi Platon, *Cratyle* 408 c; *A.P.* XVI 229. Chez Pindare (fr. 100), il est fils d'Apollon.

[48] L'expression est de J. Duchemin, *op. cit.*, p. 203. Sur Hermès νόμιος, cf. *H. Hom. à Hermès* 567–71, Aristophane, *Thesm.* 977–8, etc.

[49] Dans l'imagerie homérique, il ne semble jamais tenir la μάστιξ du bouvier que lui a remise Apollon (*H. Hom. à Hermès*, v. 497). Cf., à ce sujet, G. SIEBERT in *LIMC*, tome V, vol. 1, p. 288 (col. 2).

métamorphose, les traits d'un bouc»[50]. Mais, s'il peut, accidentellement, devenir bouc, il ne l'est pas par nature. Seul Pan est à la fois homme et bête, tout en restant véritablement dieu. Il apparaît ainsi comme l'archétype mythique de l'homme dans toute sa complexité puisqu'à l'élément proprement *humain* il unit l'*animalité* de pulsions parfois inconscientes et la spiritualité de cette musique *divine* par laquelle il sublime consciemment son désir. Selon l'analyse de J. Hillman[51], l'aspect physique repoussant de Pan, ses accès de fureur et la peur «panique» qu'il peut provoquer sont à l'image de notre bestialité innée, parfois mal contrôlée; mais son désir pour Syrinx, sublimé par la musique, nous apprend aussi comment dominer cette violence. En Pan se dessinent les trois facettes qui, selon la psychanalyse freudienne, structurent une personnalité: le *ça* (transcrit, au niveau du mythe, par l'image du *bouc*), le *moi* (correspondant à l'aspect *humain* de Pan) et le *surmoi* (suggéré par sa nature *divine*). Parce qu'il est l'image vivante de l'harmonieuse relation qu'entretiennent en lui l'homme, le dieu et l'animal, Pan peut devenir un modèle pour les pâtres.

Il leur propose un bonheur simple dans la jouissance de l'instant, en les invitant à satisfaire leur désir sans complications psychologiques et, au besoin, par la violence, comme il le fait lui-même[52]**.** En effet, dans ce monde primitif, les relations amoureuses restent frustes et la logique bestiale, à l'image de ce que le bouc fait aux chèvres: «je désire, donc je prends». C'est ainsi que «le vieux» de *l'Idylle IV*, «excité», ἐκνίσθη (v. 59), par la «belle aux sourcils noirs», satisfait son désir en «ayant commerce avec elle», ἐνήργει (v. 61). Les verbes employés mettent en avant l'acte sexuel et soulignent la réduction du partenaire à un simple objet de plaisir[53]. De la même façon, la relation que Comatas a entretenue avec Lacon associe implicitement[54] la violence qu'il a fait subir à son compagnon, ἐπύγιζον (*V* 41), aux bêlements des chèvres que le bouc «perce», ἐτρύπη (v. 42). Le vocabulaire utilisé, et particulièrement le verbe τρυπάω-ῶ rapproche clairement le chevrier Comatas de son modèle divin, Pan, qui aime à reproduire au niveau humain les gestes animaux; comme le dit Priape, «le chevrier, quand il voit les chèvres se faire saillir, a les yeux qui brûlent de ne pas être lui-même bouc» (*I* 87–88), c'est-à-dire pleinement animal, jouissant de la simple satisfaction de son désir, sans souffrances ni complications psychologiques, comme Pan «qui monte les chèvres». Comatas évoque à nouveau ce rapport bestial dans l'agon où il savoure le plaisir de se sentir dieu et maître d'un Lacon réduit à l'attitude passive de la femme. C'est du moins ce que suggèrent les verbes κατελαύνειν

---

[50] Ph. BORGEAUD, p. 102 et note 206 où l'auteur renvoie à Lucien, *D. Deor.* 22; schol. Theocr. *VII* 109; Serv., *Ad Verg. Aen.* II 44.

[51] *Pan et le cauchemar*, Imago, Paris 1972; traduction française 1979.

[52] Sur la violence redoutée des assauts sexuels de Pan, cf. Euripide, *Hélène*, v. 190 et Callimaque, fr. 689 Pf. (τρύπανον αἰπολικόν); cf., à ce sujet, l'analyse de Ph. BORGEAUD, p. 116–117. Pour l'art, cf. le cratère de Boston 10. 185 (in BEAZLEY, *Der Panmaler*, Berlin, 1931, 9–11, pl. 2 et 4).

[53] HUNTER, *Theocritus*, p.143, va même jusqu'à penser à la zoophilie et, s'appuyant sur l'endroit où l'acte a lieu (une étable, v. 61) et sur la «comparaison avec les Satyres et les Pans, fameux pour leurs pratiques bestiales», il propose de voir dans la belle un animal de la ferme.

[54] Nous ne partageons pas l'approche de K.H. STANZEL qui, même dans ce contexte, souligne la nette distinction entre les sexualités humaine et animale et ne voit dans le rapprochement du bouc et des chèvres avec Comatas et Lacon qu'un «simple parallèle», in *Liebende Hirten. Theokrits Bukolik und die alexandrinische Poesie*: Teubner, Stuttgart und Leipzig, 1995, p. 90.

(v. 116) qui, dans son sens érotique, n'est utilisé que pour évoquer un rapport avec une femme[55], et ποτικιγκλίσδειν (v. 117), à la connotation féminine[56]. Ainsi, si, comme le dit Stanzel (p. 93), «cet acte unique est pour Comatas un moyen de manifester sa supériorité et sa force masculine», il est surtout l'image du bonheur simple, voire fruste, que propose Pan: jouir de sa virilité en faisant abstraction de tout sentiment. Lacon lui-même partage cette conception de la vie puisqu'il évoque avec plaisir les moments où, «sur les fleurs», il «souille», μολύνει, l'enfant (v. 87), objet soumis à son désir. De même, Simichidas chante un amour purement physique, sans complications sentimentales, comme celui qui l'unit à la courtisane Myrto[57] et qui lui apporte la satisfaction d'un désir aussi naturel que celui qui saisit «les chèvres, au printemps», ὅσον εἴαρος αἶγες ἔρανται (*VII* 97), et il érige cette conduite en règle de vie pour son ami Aratos, tourmenté par son amour malheureux pour Philinos.

Quand le pâtre refuse ce bonheur bestial qui apaise le corps mais laisse l'esprit insatisfait, il fait encore comme Pan qui, en fabriquant la flûte qui porte son nom, a su sublimer «son désir brûlant», πόθοιο πυρισμαράγου (*Syrinx*, v. 8): il n'a pas pu posséder Syrinx, pas plus que Pitys ou qu'Echo, mais, en exhalant sa plainte en sons aigus et douloureux, il fait de sa souffrance un chant poétique et, «par ses doux accents», ἁδὺ μελίσδοις[58], il charme et il enchante. Aussi la syrinx est-elle «double», à l'image du dieu qui, dans la mythologie hellénistique[59], l'a conçue et façonnée. Elle peut exprimer l'ardeur du désir et le plaisir de séduire, «(distillant)» alors «une bonne ivresse; faisant fusionner la terre, la mer, le ciel étoilé dans le tissu de son harmonie, elle relie l'homme aux dieux, soutient l'univers, donne le rythme»[60]. Mais quand ressort la violence de la frustration, elle se fait plaintive, douloureuse, funèbre et peut même «apparaître parfois comme un instrument de communication avec l'au-delà»[61]. C'est pourquoi, quand le pâtre est torturé par un amour qui ne s'apaise pas, il lui reste le chant de la syrinx, comme un cri vers les dieux, musique jaillie de son corps possédé par un désir trop intense, mélodie qui dit la souffrance et qui reconstruit le réel dans l'imaginaire de l'art, comme une promesse de paix. Née de Pan, la syrinx est la preuve concrète de la présence du dieu dans le monde des pâtres; elle rythme leurs concours musicaux (cf. *I* 3), les aide à dépasser un vécu douloureux et les fait fusionner avec la nature dont elle est issue. Elle

---

[55] Cf. H.G. LIDDELL, R. SCOTT, H. STUART JONES, R. MACKENZIE, *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1968 [9e éd], s.v. κατελαύνω, 3 κ. γυναικός et J. HENDERSON, *The Maculate Muse. Obscene Language in Attic Comedy*: Second Edition, New-York–Oxford 1991, p. 162. Le verbe est utilisé aussi par Aristophane et se retrouve sous sa forme simple, ἐλαύνειν, dans l'*Idylle III*, v. 2.

[56] Cf. J. HENDERSON p. 179.

[57] Le nom de Myrto suggère en effet la courtisane, le myrte étant une métaphore connue: cf. J. TAILLARDAT, *Images d'Aristophane*: Paris 1965, p. 75–76; cf. aussi HEADLAM, à propos d'Hérondas, I 89 et II 76, et C. KOSSAIFI, «L'Onomastique bucolique dans les *Idylles* de Théocrite. Un poète face aux noms», p. 352–3, in *R.E.A* 104 (juin 2002), p. 349–361.

[58] *Syrinx*, 17; la même expression se trouve dans l'*Idylle VII*, v. 89, à propos de Comatas (ἁδὺ μελισδόμενος).

[59] Le mythe de Syrinx, comme tous les schémas narratifs relatifs à Pan, a été élaboré à l'époque hellénistique. Dans la mythologie classique, c'est Hermès qui invente la syrinx: cf. *Hymne homérique à Hermès* v. 512, Euphorion, cité par Athénée IV 82, p. 184 a, Ps. Apollodore III 10, 2.

[60] Ph. BORGEAUD, p. 181, qui souligne l'ambiguïté de cette musique, à la fois instrument d'apaisement et de folie panique.

[61] Ph. BORGEAUD, p. 129.

est promesse de bonheur, un bonheur d'autant plus véritable qu'il est nourri de la souffrance.

Pan, qui unit en lui bestialité naturelle et spiritualité artistique[62], apparaît donc comme l'archétype du monde bucolique, lieu de douceur et de tensions, de bonheur et de souffrance, que Théocrite synthétise dans la figure de Daphnis, le mythique bouvier de l'*Idylle I.* Heureux de s'occuper de ses bêtes et de jouer de la syrinx, chéri de Pan, des Nymphes et des Muses, Daphnis vivait heureux avant d'être victime d'Aphrodite et d'Eros. Tourmenté par un amour qu'il refuse, il choisit une mort initiatique[63] qui fait de lui un symbole poétique[64] et une hypostase de Pan[65], à qui, à l'instant de sa mort, il lègue sa «syrinx que lie l'épaisse cire, à l'haleine de miel», πακτοῖο μελίπνουν / ἐκ κηρῶ σύρριγα (v. 128–129); par ce don, dont la portée symbolique est suggérée par le double sens de l'adjectif μελίπνους[66], il caractérise le plaisir esthétique et émotionnel de cette musique qui détend le corps par sa «bonne odeur» et apaise l'âme par ses «doux accents». En offrant sa syrinx à Pan, Daphnis lui donne son souffle vital[67], il se dénude symboliquement pour s'offrir à l'eau qui va le prendre et, en effet, comme le chante Thyrsis, «il (entre) dans le courant; le tourbillon engloutit l'homme qui était aimé des Muses, celui qui n'était pas détesté des Nymphes», χώ Δάφνις ἔβα ῥόον· ἔκλυσε δίνα / τὸν Μοίσαις φίλον ἄνδρα, τὸν οὐ Νύμφαισιν ἀπεχθῆ (v. 140–141). L'expression ἔβα ῥόον, très ambiguë[68], assure au thème de l'eau une large survie dans la littérature pastorale[69] et donne à Daphnis un statut mystérieux qui l'impose comme une figure essentiellement bucolique dont Théocrite a façonné la légende[70] pour en faire un initiateur et un symbole. En effet, s'il a choisi Daphnis comme inventeur de la poésie bucolique, de préférence à Ménalcas, dont le destin, la figure et la fonction sont pourtant semblables[71], c'est aussi pour son lien étroit avec la nature et, plus précisément, le laurier, δάφνη, qui lui a donné son nom, Δάφνις[72]. Or le

---

[62] Pour plus de détails, cf. notre étude, «les dieux…», p. 62–74.

[63] Sur la portée initiatique de la mort de Daphnis, cf. notre étude, «Daphnis et Daphné. Mythe et poésie dans l'*Idylle I* de Théocrite», p. 134–137 et 139–143, in *B.A.G.B.*, 1, 2005, p. 113–144.

[64] C'est pourquoi, dans le premier couplet de l'agon qui l'oppose à Lacon (*V* 80–81), Comatas se dit «plus chéri des Muses que le chanteur Daphnis». Les souffrances de Daphnis, devenues proverbiales (cf. *V* 20: «si je te crois, que j'aie à supporter les souffrances de Daphnis»), étaient d'ailleurs le sujet du chant qui a rendu Thyrsis célèbre (*I* 19).

[65] Sur cet aspect, cf. C. KOSSAIFI, «Daphnis et Daphné…», p. 129–143.

[66] Μελίπνους peut signifier *aux doux accents* (cf. Limenius, Powell, *Coll. Al.*, p. 149. 13: μελίπνοον αὐδάν) ou *à la douce odeur* (cf. *A.P.* VI 231: μελίπνους λίβανος). Cf. A.S.F. Gow II, p. 27 *ad I* 128.

[67] Sur cet aspect, cf. C. MEILLIER, *op. cit.*

[68] Cf. le commentaire de GOW II, p. 30–31 et HUNTER, p. 67.

[69] Sur cet aspect, cf. F. LAVOCAT, «Espaces arcadiques. Esquisse pour une hydrographie pastorale», *Etudes Littéraires*, 34, 1–2, 2002, p.153–167.

[70] Sur l'originalité de la version théocritéenne obscure même aux commentateurs anciens de Théocrite, cf. C. KOSSAIFI, «Daphnis et Daphné…», p. 123 avec références, notes 69.

[71] Sur Ménalcas, qui passe pour avoir été l'amant de Daphnis, cf. S 8. 53 d 55, 9 *arg.*; fr. 2 Powell et Cléarque, *Erotica*, fr. 32 Wehrli (= Ath. 14. 619 c–d). R.L. HUNTER, *Theocritus…*, p. 66, rappelle d'ailleurs que Ménalcas et Daphnis ont été «les premiers inventeurs rivaux» de la poésie bucolique. Pour Daphnis inventeur de la poésie bucolique, cf. Diodore de Sicile, 4. 84 et les références que nous avons données dans notre étude, «Daphnis et Daphné…», p. 113, note 1.

[72] Il serait né ou aurait été exposé dans un bosquet de lauriers, ἐν δάφνῃ, d'après Elien, *H. V.* 10. 18.

laurier est la plante d'Apollon[73] et cette allusion fonctionne comme un contre-modèle: face à la «grande» poésie que symbolise ce dieu, Théocrite entend dresser l'humble poésie du βουκόλος Daphnis, comme, à l'intérieur même du monde bucolique, il oppose symboliquement le chevrier Comatas, poète de Pan, à l'apollinien Lacon, dans l'*agon* de l'*Idylle V*[74]. Par le personnage de Daphnis, Théocrite concrétise la dimension essentiellement poétique du monde bucolique, dans lequel tous les pâtres chantent ou jouent de la syrinx, en gardant leurs bêtes elles-mêmes sensibles à la musique[75]. En façonnant cette figure, il donne à l'univers bucolique la dimension d'un mythe dont la spécificité réside à la fois dans la relation particulière de l'homme avec la nature et les dieux (Daphnis est uni au laurier et il est chéri de Pan et des Nymphes) et dans l'élaboration stylistique du contenu (Daphnis, aimé des Muses, enchante par le chant de sa syrinx). Chaque *idylle,* amoureusement polie, éclaire une facette de cet univers, jouant sur des contrastes de caractères ou de tonalités qui sont autant d'invites à la création littéraire.

Le monde bucolique se construit en effet sur un ensemble de codes et de symboles qui visent à créer l'image du bonheur dans la simplicité *naturelle* d'un environnement complice. Il s'agit d'un univers à part, dans lequel, comme le disait Scaliger, «les choses n'entrent (…) que si elles acceptent d'être parlées dans le langage du monde des bergers, que si elles savent s'adapter à ce système de l'imaginaire»[76]. C'est par l'artifice de l'*art* que se construit cette *nature*[77], moyen d'exploration de l'âme humaine en même temps que «laboratoire de poésie totale»[78] et de recherches sur le langage et le pouvoir des mots. Comme le remarque Harry Berger Junior, «le 'naturel' dans la poésie bucolique est déjà un artifice tissé» qui vise à «attirer l'attention du lecteur sur l'art avec lequel le poète prétend être naturel et non sur son 'naturel'»[79]. Les *Idylles* bucoliques de Théocrite se construisent ainsi sur un incessant mouvement de balancier et une perpétuelle tension entre réalisme[80] et symbolisme[81], mimétisme et analogie[82], ce dont témoigne

---

[73] Sur la légende de Daphné, métamorphosée en laurier pour échapper à la poursuite d'Apollon, cf. Ovide, *Mét.* I 531 ss; cf. aussi [Apollodore] *Biblio.* I, 7, 9; Hygin, *Fables* 203; Pausanias, VII, 20, 2 et X, 5, 3; Parthénios, *Narr. Amat.* 15.

[74] Nous avons analysé en détail cet agon que gagne logiquement Comatas, dont Théocrite a fait le chevrier et le poète de Pan; nous nous permettons donc de renvoyer le lecteur à notre étude: «Le poète de Pan. Les raisons de la victoire de Comatas dans l'*Idylle V* de Théocrite», *R.E.G.*, 115, 1, 2002, p. 75–109.

[75] Nous avons déjà évoqué cette réalité, bien analysée par J. DUCHEMIN, *op.cit.;* cf. aussi C. KOSSAIFI, *Recherches…*, p. 195–202.

[76] In G.B. CONTE, *Saggio in Ovidio*, Rimedi contro l'amore, a cura di Caterina Lazzarini, Venise, 1986, p. 46, note 5.

[77] Sur cette dialectique de l'art et de la nature, fondamentale dans la littérature bucolique, cf., par exemple, R. HUNTER, *Theocritus*, p. 193.

[78] L'expression est de J.-P. NERAUDAU, à propos des *Bucoliques* de Virgile, Les Belles Lettres, «Classiques en poche», 1997, p. XXXII. Cf. aussi C. SEGAL, *Poetry and Myth in Ancient Pastoral. Theocritus and Virgil*, Princeton Univ. Press, 1981, p. 4–5, qui voit dans la poésie bucolique une distillation du processus de création poétique.

[79] In «The Origins of Bucolic Representation. Disenchantment and Revision in Theocritus' Seventh Idyll», p. 34, *Classical Antiquity*, III, 1, 1984, p. 1–39.

[80] Cf. Ph.E. LEGRAND, *Etude*, p. 150: «les idylles à personnages rustiques semblent bien avoir été véritablement ce pour quoi on les prend d'ordinaire: des tableaux de la vie de campagne» (à l'issue de son étude de la thèse de Reitzenstein, p. 141–150).

[81] Cf. la théorie de la mascarade bucolique, développée par E. REITZENSTEIN, appliquée à Virgile par HERRMAN, *Les Masques et les Visages dans les* Bucoliques, Bruxelles, 1930.

l'humour raffiné du poète, qui s'exprime, par exemple, dans l'ambigu sourire de Lycidas, καὶ μ' ἀτρέμας εἶπε σεσαρώς / ὄμματι μειδιόωντι, γέλως δέ οἱ εἴχετο χείλευς, que Hunter[83] paraphrase ainsi: «avec une moquerie imperturbable et un œil souriant, il parla et un sourire flottait sur ses lèvres» (*VII* 19–20). Par le jeu de l'intertextualité et les effets d'échos érudits, Théocrite assimile Lycidas à Dionysos, qui, dans *l'hymne* homérique qui porte son nom, atteste de sa supériorité divine sur les brigands qui l'ont capturé par l'indéfinissable esquisse du sourire qui fait pétiller son regard sans même effleurer ses lèvres, ὁ δὲ *μειδιάων* ἐκάθητο / ὄμμασι κυανέοισι (v. 14–15). La calme supériorité de Lycidas s'exprime dans son sourire, qui caractérise aussi sa malice, ἁδὺ γελάσας (v. 42 et 128), tout en évoquant implicitement son attachement à la douce musicalité des vers. A ce raffinement poétique s'oppose son apparence physique de chevrier dont les traits sont appuyés jusqu'à la caricature, tandis que le sourire «satyrique» du personnage, σεσαρώς[84], souligne sa dimension panique, donc sa part de bestialité. Cette ambiguïté permet les lectures les plus diverses, qui vont d'une approche réaliste à une analyse ironique[85]. Il s'instaure ainsi, entre le poète, ses imitateurs et ses lecteurs, un dialogue dans lequel l'œuvre devient autonome jusqu'à permettre les réactions et les réécritures les plus variées, dont témoigneront les multiples formes de la pastorale européenne.

Ἀσυχία bucolique et catharsis poétique

L'écho rencontré par l'œuvre de Théocrite s'explique certes par cet érudit mélange des genres et des tons, mais surtout par le fait que chacun des concepts poétiques callimachéens qui constituent la texture poétique et théorique des *Idylles* se met au service d'une philosophie de la vie: en centrant l'univers bucolique sur des *pâtres* qui *chantent* leurs peines d'*amour*, tout en gardant leurs bêtes dans une *nature* complice, habitée par le *primitif Pan*, il apporte une réponse à la souffrance existentielle de l'homme; pour être heureux, il faut retrouver le contact perdu avec la nature et avec ses instincts, symbolisés par Pan. C'est ainsi que Simichidas, dans son chant de réponse à Lycidas, invite son ami Aratos à se détacher de Philinos pour reconquérir sa liberté perdue et goûter «la paix» retrouvée, ἄμμιν δ' ἀσυχία τε μέλοι (v. 126), en laissant libre cours à son désir, sous le regard bienveillant du dieu-bouc que Simichidas invoque à dessein (v. 103–114). Ce n'est pas en effet un hasard si Théocrite a placé la seule occurrence du terme d'ἀσυχία, pourtant essentiel dans sa poétique[86], dans un chant qui

---

[82] Cf. K.J. Gutzwiller, *Theocritus' Pastoral Analogies. The Formation of a Genre*, Univ. of Wisconsin Press, 1991.

[83] Page 157; l'auteur renvoie à Longus, *Daphnis et Chloé*, 1, 4, 2: μειδίαμα περὶ τὴν ὀφρύν, à propos des statues des Nymphes.

[84] Ce terme, qui évoque la malice ou le mépris, dérive, d'après Elien, III 40 (cf. aussi scholie à *Rép.* 337a, éd. Greene) de σαίρω, et suggère la dimension panique du personnage, que LAWALL (*op. cit.*, p. 80–84) assimile à un satyre et en qui E.L. BROWN va jusqu'à voir Pan lui-même («The Lycidas of Theocritus' *Idyll 7*», *Harvard Studies in Classical Philology*, 1981, p. 59–100), tandis que F. WILLIAMS y trouve une incarnation d'Apollon en personne («A Theophany in Theocritus», *Classical Quarterly*, 1971, p. 137–145)… Cf. la synthèse de HUNTER, p. 148–149.

[85] Le lecteur trouvera de nombreuses références dans l'étude de L. PLAZENET, «Théocrite: idylle 7», *Antiquité Classique*, LXIII, 1994, p. 77–108. L'auteur insiste sur l'ironie du poète; pour Lycidas, elle montre comment «l'insistance de la description physique constitue un signal adressé à la méfiance du lecteur» (p. 78).

[86] Pour la place de l'ἀσυχία dans les *Idylles* de Théocrite, cf. C. KOSSAIFI, *Recherches…*, p. 272–286 et *passim*.

associe étroitement traditions pastorales et amour[87]: ainsi, la flagellation avec des scilles, évoquée aux vers 106–108, sert à lutter contre la stérilité animale, mais la «fouettée» de Pan a aussi «probablement un sens érotique» (p. 112); de même les démangeaisons causées par les orties (v. 109–110) suggèrent «l'excitation amoureuse» mais se «réfèrent» également à la «pratique pastorale» qui consiste à fouetter avec des orties les mamelles des chèvres qui refusent la saillie pour leur faire produire du lait (p. 107). Les réalités rustiques et les comportements amoureux s'éclairent mutuellement, comme si les unes ne pouvaient se comprendre sans les autres. Mais, par ce jeu de l'interpénétration des symboles et par la formulation érudite des idées, Simichidas laisse entendre qu'il ne méconnaît pas la complexité de la psychologie humaine: son chant propose une autre réponse à la souffrance que cause Eros et il fonctionne comme un contre-miroir à celui de Lycidas, qui est une invite à sublimer par la poésie la douleur que cause Eros, «le doux-amer», γλυκύπικρον[88], à l'universel pouvoir. C'est ce que faisait le Cyclope de l'*Idylle XI* qui, en chantant sa Galatée, «menait paître son amour», ἐποίμαινεν τὸν ἔρωτα (v. 80), qui s'apaisait grâce à ce «remède», φάρμακον (v. 1)[89]. Car la syrinx, symbole de poésie, apporte l'ἀσυχία, la paix, en transcendant la puissance négative de l'amour: en elle Pan s'unit aux Muses pour faire de la souffrance une mélodie poétique qui apaise. C'est ce que suggère Lycidas quand, dans son chant, il évoque Comatas allongé «sous le pin ou l'yeuse» et faisant «douce musique», τὺ δ' ὑπὸ δρυσὶν ἢ ὑπὸ πεύκαις ἁδὺ μελισδόμενος κατεκέκλισο, θεῖε Κομᾶτα (*VII* 88–89). Par le travail sur les mots, ἐξεπόνασα (v. 51), créateur de cette douceur enchanteresse, ἁδύ (v. 89), que la brièveté de la forme, τὸ μελύδριον (*ibid.*), met en valeur, Lycidas parvient à dépasser la circularité de son désir pour entrer dans un «monde de tranquillité et de calme»[90]; en effet, pour échapper à «l'ardent amour (qui le) consume», θερμός γὰρ ἔρως αὐτῶ με καταίθει (v. 56), et le «brûle», ὀπτεύμενον (v. 55), il se projette dans le futur où il imagine son désir satisfait et il rêve à la fête qu'il organisera pour l'heureuse arrivée d'Agéanax à Mytilène (v. 63–82): le réel se trouve reconstruit par le désir et sublimé par le chant qui s'ouvre au mythe pour transcrire le parcours psychologique de Lycidas, qui va de la souffrance à l'apaisement, de la lamentation des «chênes», qui pleurent les tourments mortels de Daphnis (v. 73–77), au «pin» ou à «l'yeuse», qui abritent la «douce musique» de Comatas (v. 83–89). Par le chant, celui de Tityre tout autant que le sien, Lycidas retrouve sa liberté perdue et guérit vraiment de son amour. Comme le remarque G.B. Walsh[91], son poème est réellement «un remède au désir et il est efficace car il prend la place de l'amant absent dans le cœur du poète». Au contraire de Polyphème qui trouve son apaisement dans la prise de conscience de la réalité et de la consistance du monde extérieur, Lycidas construit son bonheur, il épure sa passion par la poésie et,

---

[87] Nous empruntons à Ph. BORGEAUD, p. 106–114, l'analyse de ce passage.

[88] L'expression est de Sappho, fr. 1302, Lobel-Page (l'amour est «une créature douce-amère contre laquelle on ne peut rien»); la même vision se retrouve chez Posidippe, *A. P.* V 134 et Méléagre, *A. P.* XII 109.

[89] L'idylle est d'ailleurs adressée à Nicias, poète et médecin ami de Théocrite, dont nous avons gardé deux hexamètres de sa réponse (*SH* 566); cf. aussi la réaction humoristique de Callimaque, *ép. 46* et notre analyse, *Recherches…*, p. 277–281.

[90] G.W. LAWALL, p. 10; cf. aussi l'analyse de L. PLAZENET, p. 93–94.

[91] «Seeing and Feeling: a Representation in Two Poems of Theocritus», p. 12, in *Classical Philology*, 80, 1985, 1, p. 1–19.

dans un univers bucolique apaisé, au sein d'une nature tranquille et agréable, il goûte cette «harmonie spirituelle»[92] gagnée par le chant sur l'amour. Ainsi, tout comme Comatas, le divin chevrier dont il chantait le destin, il symbolise l'ἀσυχία et, pâtre-poète, il façonne un univers de beauté…

C'est donc par la douceur et la puissance magique des mots[93], servies par l'énumération, la musicalité d'un adjectif ou le rythme mélodieux des phrases, que Théocrite transcrit la beauté plastique du monde bucolique, dont il concrétise la quintessence dans l'image du jardin. Celui de Phrasidamos, à la fin de l'*Idylle VII*, est un lieu d'harmonie qui sollicite les sens sans les contraindre; «tout favorise le voluptueux état d'âme où la méditation confine à la somnolence»[94] et soutient la rêverie poétique de Simichidas dont l'état de quiétude se synthétise dans une notion de bien-être qui englobe tout le paysage, πάντα (v. 143), et qu'une odeur suffit à suggérer, ὦσδε (*ibid.*, avec répétition du verbe). Le jeu des antithèses, des chiasmes et des parallélismes, soutenu par l'ordre signifiant des mots[95], concrétise ce bonheur bucolique, tandis que les allusions aux Nymphes de Castalides (v. 148), à Chiron et Héraclès (v. 149–150) ou à Polyphème (v. 151–152) lui donnent une dimension mythique. Lieu de l'ἀσυχία où le réel est vécu à travers le filtre de la mémoire et des sens, le jardin de Phrasidamos est aussi une recomposition littéraire, «un univers artificiel et original»[96], qui prétend recréer la nature par l'art, comme le suggèrent les détails descriptifs choisis par Théocrite et utilisés également comme images de la création poétique[97], ce qui lui confère une portée générique.

La même dimension, philosophique et poétique, se retrouve dans la coupe du chevrier de l'*Idylle I*, symbole d'un *art de vivre* qui est en même temps un *art poétique*. Les trois saynètes qui la décorent disent en effet la souffrance[98] de la vie et le possible bonheur bucolique. Le premier décor (v. 32–38) représente une femme divinement belle, courtisée par deux hommes qui s'épuisent à la séduire et qu'elle regarde tour à tour, «en souriant», γέλαισα (v. 36), comme Aphrodite face à Daphnis, γελάοισα (v. 95). Dans ce jeu immémorial de la séduction, qui dit le pouvoir de la féminité et la dimension agonistique de la virilité, s'exprime la puissance destructrice des divinités de l'amour, qui libèrent les pulsions animales de l'homme en éveillant le désir. Le vieux pêcheur de la deuxième saynète (v. 39–45), qui s'efforce de tirer, non sans peine, sa subsistance de la mer, témoigne, jusque dans le réalisme

---

[92] L'expression est de C. SEGAL, p. 218.

[93] Sur le pouvoir des noms et la justesse magique des mots, cf. Gorgias, *Hélène* et l'analyse d'ensemble de George B. WALSH, *The Varieties of Enchantment. Early Greek Views of the Nature and Function of Poetry*, Uni. Of North Carolina Press, Chapell Hill and London, 1984, surtout p. 63–79 (Eschyle) et p. 81–86 (Gorgias); cf. aussi les remarques de Cratès de Mallos (connues à travers la critique de Philodème, *Περὶ ποιημάτων V*, col. 21.25–26.18, éd. C. JENSEN, *Philodemos über Gedichte, fünftes Buch*, 1923) et l'étude d'Elisabeth ASMIS, «Cratès on Poetic Criticism», *Phoenix* 46, 1992, p. 138–169.

[94] Ph.E. LEGRAND, *La poésie alexandrine*, Petite Bibliothèque Payot, 1924, p. 91: «ces «bruits familiers, (ces) spectacles restreints (…) occupent les sens sans les faire travailler»; cf. aussi l'analyse de R. L. HUNTER, *Theocritus*, p. 192.

[95] Sur cet aspect, cf. le commentaire linéaire de R. HUNTER, *Theocritus*, p. 191–199.

[96] L. PLAZENET, p. 106.

[97] Cf., entre autres, G.W. LAWALL, p. 102–106; P. KYRIAKOU, *Homeric Hapax Legomena in the Argonautica of Apollonius Rhodius*, Stuttgart, 1995, p. 216–231; R. HUNTER, *Theocritus*, p. 193.

[98] Nous avons analysé les composantes du πόνος telles qu'elles apparaissent ici dans notre article de réponse à A. LOUPIAC, intitulé «Notula theocritea. La coupe du chevrier dans l'*Idylle I* de Théocrite», p. 119–122, *B.A.G.B.*, 1, 2006, p. 119–126.

pictural de l'*ekphrasis*, de l'esclavage du travail qui maltraite le corps et asservit l'esprit. Le troisième décor illustre la portée positive du πόνος poétique, métaphoriquement transcrit dans l'activité de «tressage» de l'enfant, «figure de la poésie bucolique»[99]. En effet, ignorant la menace que constituent les deux renards avides, l'un de piller le raisin mûr qu'il doit garder (v. 48–49), l'autre de mettre à sac son déjeuner (v. 50–51), le jeune garçon s'absorbe dans sa tâche, tout à la joie de «tresser une belle cage à sauterelles», «maison»[100] poétique d'où s'échappe le chant symbolique des insectes capturés. Unissant le jonc à l'asphodèle, il met le réel au service de son plaisir au lieu d'en être la victime; il lui donne un sens au lieu de le subir, au contraire des deux jeunes hommes ou du vieux pêcheur; il ne le nie pas, comme la jeune femme condamnée par son insensibilité et sa beauté mêmes à n'être que le reflet – amélioré mais artificiel – du réel. C'est pourquoi il est le seul à être heureux et à goûter la paix intérieure. Guidé par le désir et le plaisir de tresser sa cage, il sait laisser sa place à ce désir dont il fait le moteur de la création artistique. En cela il se rapproche de Lycidas et, comme lui, il est un symbole du poète, qui, en façonnant l'harmonieuse beauté du monde bucolique et en créant l'illusion du naturel, retrouve l'innocence de l'enfance[101] et le bonheur perdu. Pour être heureux, il suffit en effet de s'adonner à la poésie, en tressant les fils variés d'une inspiration puisée dans l'ondoyante diversité du réel, tout au plaisir de sculpter des vers et de traiter de thèmes nouveaux, plus humbles que ceux qu'a développés Homère. La modeste coupe du chevrier, ancrée dans le monde bucolique, αἰπολικόν, tire sa beauté, θάημα (v. 56), de cette nouvelle source d'inspiration qui lui donne sa pureté, sa «virginité», νεοτευχές (v. 28), ἄχραντον (v. 60)[102], tandis que la symbolique du décor végétal qui l'embellit promet l'immortalité dionysiaque au poète capable de chanter les souffrances de la vie. Le lierre s'unit en effet à l'acanthe pour délivrer le même message: l'art concrétisé par cette coupe, la poésie qui la fait exister survivent au temps qui passe, enfantent et, en même temps, dépassent la circularité vitale qui, en un perpétuel recommencement, conduit sans cesse l'humanité de la naissance à la dégénérescence: à l'*opora* bucolique du jardin de Phrasidamos (*VII* 143) fait écho l'*opora* artistique de la troisième saynète et «la vigne richement chargée, καλὸν βέβριθεν ἀλωα, de grappes» (*I* 46) évoque le prunier dont «les rameaux surchargés, καταβρίθοντες, s'affaissent à terre» (*VII* 146) pour offrir à Simichidas une même opulence magnifiée par l'art du poète.

---

[99] L'expression est de A. LOUPIAC, à propos de πλέκειν in «Notula Vergiliana: les coupes d'Alcimédon (*Buc. III*, 34–47), emblème des interrogations de Virgile?», p. 131, *B.A.G.B.*, 2, 203, p. 130–135.

[100] Dans ce contexte hautement symbolique, nous nous permettons de rappeler que la langue arabe désigne le couplet poétique par le terme *baït*, 'maison'.

[101] Le poète est en effet semblable à un enfant; cf. Callimaque, fr. 1. 6 (παῖς ἄτε) et l'analyse de F. CAIRNS, «Theocritus' First Idyll: the Literay programme», p. 102–105, in *Wiener Studien*, 97, 1984, p. 89–113.

[102] Virgile, qui a bien saisi l'importance de ce détail, emblème de la *nouvelle* poésie (cf. Callimaque, *Hymne II*, 111), répète ce vers 60 à deux reprises dans sa troisième bucolique (v. 43 et 47).

КРИСТИН КОССАИФИ (СЕВР, ФРАНЦИЯ)

БУКОЛИЧЕСКИЕ «ИДИЛЛИИ» ФЕОКРИТА: ПОЭТИКА СЧАСТЬЯ

Феокрит в буколических «Идиллиях», тщательно подбирая каждое слово и каждый звук, пытается отыскать мотив подлинно человеческого счастья. Поэт выстраивает сложный мир вселенной, где человеческое, животное и божественное сливаются в едином образе Пана, который, проживая на лоне природы, ощущает полное счастье жизни. Действующей силой поэтического творения является Эрос. Он причиняет душевную боль, которая выкристаллизовывается в жемчужины поэтического творчества. Все это преображает личность, даже из циклопа делая поэта. Поэзия Феокрита, исходя из концепции Каллимаха, является искусством жить счастливо, где реальность может нанести раны, но не способна убить.

Christophe Cusset

VARIATIONS SUR L'IMAGE DU CHIEN DANS L'*ALEXANDRA* DE LYCOPHRON

L'une des caractéristiques principales du poème obscur de Lycophron, l'*Alexandra*, réside dans le traitement particulier des noms propres, qu'ils soient toponymes, théonymes ou anthroponymes: pour la majeure partie d'entre eux en effet, les noms propres sont évités par le poètes et remplacés par des descriptions définies plus ou moins alambiquées ou des métaphores liées souvent à un épisode plus ou moins connu tirés de la vie de ces personnages ou lié aux lieux de l'action[1]. Par voie de conséquence, l'absence fréquente de noms propres explicites dans le texte de Lycophron, en tant que mode de désignation détaché de tout contexte, rend la dénomination d'un personnage ou d'un lieu labile et instable: les noms propres se modifient pour un même référent en fonction du contexte même de leur utilisation. Ces détournements onomastiques sont bien sûr loin d'être sans intérêt pour le poète en ceci qu'ils participent à la fois de la construction discontinue du sens et de la plasticité du signifiant poétique. Mais, pour le "simple" lecteur, ces détournements onomastiques sont des obstacles à l'identification des personnages et des lieux, obstacles plus ou moins difficiles à franchir puisqu'ils relèvent de l'énigme et doivent *a priori* revêtir un aspect ludique.

Un principe corollaire à cette instabilité de la dénomination est la polysémie introduite par la métaphore (surtout animale) qui est dans l'oeuvre de Lycophron l'un des moyens les plus employés pour remplacer le nom propre. Dans la mesure où en effet une métaphore animale n'est pas attachée à un référent individuel unique, il devient possible pour un signifiant métaphorique de renvoyer à plusieurs personnages qui peuvent partager des qualités identiques leur valant cette même désignation métaphorique. On peut pour mesurer les effets de cette pratique poétique prendre l'exemple du chien qui est l'un des animaux les plus cités du poème avec treize occurrences.

Pour commencer, on peut passer assez vite sur deux occurrences du terme κύων qui semblent ne pas être véritablement métaphoriques et qui ne semblent pas renvoyer à un nom propre (à moins que notre lecture du texte énigmatique ne soit ici défaillante); ce sont les deux occurences qui désignent le monstre marin envoyé par Poséidon pour châtier Laomédon et dévorer la jeune Hésionè. La première occurrence est cependant assez remarquable, car elle apparaît au tout début de la prophétie de Cassandre, dès la première phrase, dans une association avec un lion, lui métaphorique, qui représente Héraclès; cette association installe un certain trouble initial puisque les noms relevant du même registre animal ne sont pas tous à com-

[1] Sur ces questions de détournement du nom propre, cf. C. CUSSET, "Le bestiaire de Lycophron: entre chien et loup", *Anthropozoologica*, 33–34, 2001, p. 61–72; *id.*, "Dit et non-dit dans l'*Alexandra* de Lycophron", in M.A. HARDER, R.F. REGTUIT, G.C. WAKKER (ed.), *Beyond the Canon*, (Hellenistica Groningana, 11) Louvain–Paris, 2006, p. 43–60; *id.*, "Le détournement des noms propres chez Lycophron", *Lalies* 27, 2007 (à paraître); E. SISTAKOU, "Breaking the name codes in Lycophron's *Alexandra*" in C. CUSSET et E. PRIOUX (ed.), *Lycophron: éclats d'obscurité*, Saint-Etienne (à paraître).

prendre de la même manière; le chien vient donc perturber la lecture que l'on peut faire du lion (vers 32–34)[2]:

καὶ πρόσθε μὲν πεύκῃσιν οὐλαμηφόροις
τριεσπέρου λέοντος, ὅν ποτε γνάθοις
Τρίτωνος ἠμάλαψε κάρχαρος κύων.
"…Autrefois aussi par les pins porte-troupes
Du lion des trois soirs, qu'entre ses mâchoires, un jour,
Le chien aux crocs acérés de Tritôn élimina[3]".

D'un trimètre à l'autre, le zoonyme métaphorique accompagné d'une épithète obscure s'oppose au zoonyme propre qualifié par une épithète concrète; l'emploi propre semble venir se substituer à l'emploi métaphorique, à l'image de l'élimination évoquée par le texte poétique. Mais la mise en relation du propre et du métaphorique dans l'action même accomplie par le chien de Triton instaure un trouble dans la lecture pour la délimitation précise des sphères de l'humain, de l'animal et du monstrueux: cela remet en question la mention finale de ce chien, qui pourrait bien être plus métaphorique qu'il n'en a l'air.

Si l'on considère toutefois qu'il n'y a pas de métaphore pseudonyme ici, on est un peu plus gêné, lorsque l'on passe au registre intermédiaire (entre le monstre et l'humain) de la femme – registre intermédiaire justement parce que son premier spécimen participe lui-même à la fois de l'humain et du monstrueux. Il s'agit deux autres occurrences qui servent à désigner Scylla, la fille de Phorcys, autre monstre marin, mi-animal mi-femme. La première occurrence est située aux vers 44–46:

ὁ τὴν θαλάσσης Αὐσονίτιδος μυχοὺς
στενοὺς ὀπιπεύουσαν ἀγρίαν κύνα
κτανὼν ὑπὲρ σπήλυγγος ἰχθυωμένην,
ταυροσφάγον λέαιναν.
"– Lui, celle qui de la mer ausonienne scrutait
Les étroits tréfonds, la chienne sauvage
Qui pêchait du haut de sa grotte, il la tua,
La lionne égorgeuse de taureaux…"

La différence entre cet exemple et le précédent est que le monstre en question a cette fois un nom bien connu qui est délibérément laissé de côté. Toutefois, il est possible que ce nom propre absent soit présent "sous les mots" selon une pratique anagrammatique assez commune dans le texte de Lycophron[4]. En effet la structure syntaxique emboîtante du passage laisse à penser qu'il y a une construction particulière de la matière poétique; il se

[2] Nous laissons ici de côté la seconde occurrence au vers 471 qui n'apporte rien d'autre que l'épithète γλαῦκος renvoyant le "chien" au monde marin: d'une certaine manière, c'est pourtant indiquer que le terme kuvwn ne désigne pas un chien au sens habituel du terme.

[3] Les traductions sont de C. Chauvin.

[4] Cf. les recherches que j'ai menées à ce sujet dans "Le bestiaire de Lycophron: entre chien et loup", *Anthropozoologica*, 33–34, 2001, p. 61–72 et les propos théoriques sur les anagrammes dans J. STAROBINSKI, *Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure*, Paris, 1971 et F. BADER, *Anagrammes et allitérations*, Paris–Louvain, 1993.

pourrait bien en effet que le nom de Scylla (SKULLA), tout en étant absent, serve de “mannequin” à ce qui pourrait être un cryptogramme théronymique:

ὁ τὴν θαλάσσης Αὐσονίτιδος μυχοὺς
Στενοὺς ὀπιπεύουσαν ἀγρίαν **ΚΥ**να
Κτανὼν **Υ**πὲρ σπή**Λ**υγγος ἰχθυωμένην,
ταυροσφάγον **Λ**έαιν**Α**ν.

C’est bien là en effet un mannequin parfait du cryptogramme et une résolution ordonnée de l’anagrammatisation, même si elle a lieu en deux temps avec la répétition initiale (Σ–ΚΥ–ΚΥΛΛΑ). Aussi faut-il bien voir ici dans l’utilisatin de κύων un cas de pseudonyme métaphorique, même si on n’est pas très loin ici de la description définie étant donnée l’abondance des détails qui viennent préciser ce que fait cette “chienne”[5]. La présence du cryptogramme est bien la marque de cette valeur pseudonymique. Il est probable que la référence au chien ait été suggérée par la paronymie entre Scylla et σκύλαξ qui désigne souvent le jeune chiot[6] et qui est peut-être d’ordre étymologique[7].

Un second élément me semble devoir être ici retenu: c’est l’association de deux animaux pour parvenir à nommer et / ou décrire le personnage de Scylla, comme si le premier était insuffisant. De fait, du point de vue de l’anagramme, le seul terme kuvwn est insuffisant (d’où l’effet de répétition). L’insuffisance tient aussi à la nature même du référent: il s’agit d’un personnage monstrueux, hybride[8] qui ne peut donc se laisser, même métaphoriquement, enfermer dans un seul animal; il y a donc, par le biais de l’apposition, une hybridation qui s’opère entre la chienne et la lionne pour dire plus justement le personnage sans le nommer. Ce faisant, nous retombons de la métaphore pseudonyme dans la description définie, puisque la métaphore, normalement globalisante même si elle est insuffisante, ne suffit pas ici à dire “Scylla”; il y a une sorte d’interaction neutralisante entre l’anagrammatisation et la métaphore pseudonyme. D’ailleurs, on remarque que l’on pourrait supprimer le terme κύνα du schéma anagrammatique et que le cryptogramme pourrait néanmoins être restitué.

La situation est un peu différente avec la seconde occurrence (vers 668-669):

ποία Χάρυβδις οὐχὶ δαίσεται νεκρῶν;
ποία δ’ Ἐρινύς, μιξοπάρθενος κύων;
“Quelle Charybde ne festoyera pas sur leurs cadavres?
Quelle Erinye, chienne mêlée de nymphe?”

---

[5] On remarque que ces différents qualificatifs (adjectifs et partipices: ὀπιπεύουσαν, ἀγρίαν, ἰχθυωμένην, ταυροσφάγον) restent extérieurs à la résolution de l’anagramme.

[6] Voir les exemples ci-après de ce mot chez Lycophron.

[7] Ce lien a été proposé dès l’Antiquité et se trouve assez explicitement chez Homère (*Odyssée*, 12, 85 sqq): voir C. CALAME, *Le récit en Grèce ancienne*, Paris, 2000 (2e ed.), p. 243. Ce lien étymologique n’est pas remis en cause par P. CHANTRAINE (*DELG*, 1999, *s.v.* σκύλαξ), qui ne donne néanmoins pas de justification de cette étymologie. On pourrait établir aussi un rapprochement avec le verbe σκύλλω “déchirer”.

[8] Voir la seconde occurrence ci-après et le composé μιξόθηρος qui désigne Scylla au vers 650.

Dans ce passage, une opposition se met d'emblée en place: onymat / pseudonymat. En effet Charybde est nommée par son nom propre, comme elle le sera à nouveau au vers 743. Scylla, qui lui est toujours associée, ne subit pas le même sort: au contraire, deux équivalences successives sont ici proposées; la première est un pseudonyme théonymique, Ἐρινύς, servant souvent à désigner toute sorte de divinité infernale autre que l'Erinye elle-même[9]. Mais ce premier substitut est imparfait: car il est paradoxalement imprécis et source de confusion trop grande dans son association même à "Charybde". Il ne s'agit pas en effet de former un nouveau couple (au risque de "tomber de Charybde en Erinye"), mais bien de renvoyer à Scylla; la solution proposée par Lycophron est ici l'apposition d'un second pseudonyme, métaphorique et relevant du monde animal, qui renvoie à la première mention de Scylla dans le texte (cf. *supra*) et donne véritablement la clé du premier pseudonyme; l'adjectif μιξοπάρθενος qui accompagne ici le terme κύων est bien venu pour désigner le caractère hybride du personnage (ainsi que celui de sa désignation); ce terme redouble, et complète de manière opposée, une précédente qualification donnée au vers 650 de la même Scylla: μιξόθηρ. Il faut vraiment aller chercher aux quatre coins du texte les éléments qui permettent de reconstituer le personnage référent ainsi que son nom.

Cet exemple est donc tout à fait révélateur du fonctionnement de la métaphore pseudonymique dans le texte de Lycophron: ce phénomène de substitution des noms propres oblige le lecteur à une lecture active et manipulatrice du texte; le texte éclaire le texte et il faut une circulation constante pour rétablir les noms sous les mots.

Deux autres personnages (vraiment) féminins sont nommés par la métaphore du κύων. Le premier est, bien sûr, Hélène (vers 86–87)[10]:

> Λεύσσω θέοντα γρυνὸν ἐπτερωμένον
> τρήρωνος εἰς ἅρπαγμα Πεφναίας κυνός.
> *"Je vois courir un brandon ailé*
> *Vers le rapt de la ramière, de la chienne de pephnaïenne…"*

La même désignation est reprise aux vers 850–851:

> Καὶ πάντα τλήσεθ' εἵνεκ' Αἰγύας κυνὸς
> τῆς θηλύπαιδος καὶ τριάνορος κόρης.
> *"Et tout cela, il le supportera pour la chienne aïgyenne*
> *Pour la fille trigame aux enfants femelles."*

Deux remarques doivent être faites à propos de la première occurrence: tout d'abord, comme dans le cas de Scylla, une double métaphore, mettant en œuvre une hybridation métaphorique, essaie de dire quelque chose d'indicible du personnage référent dont le nom reste caché; ces redoublements métaphoriques peuvent laisser entendre que, malgré tout, le nom propre a peut-être du bon dans l'économie de la langue. Mais

[9] C'est par exemple le cas pour la Sphinge dans les *Phéniciennes* d'Euripide, vers 1018–1029 (passage auquel Lycophron semble emprunter quelques éléments ici). Cf. A. HURST–G. PADUANO–M. FUSILLO, *Licofrone. Alessandra*, Milan, 1991, p. 234.

[10] Voir déjà sur ce passage C. CUSSET, *art. cit.*, 2001, p. 69.

c'est aussi indiquer que le personnage ne peut se réduire justement à un simple nom; la métaphore, dans son approximation poétique, pourrait suffire pour nommer, même de manière globalisante et imparfaite, le personnage; mais ce personnage est présenté dans un contexte; il n'est pas qu'un nom que l'on peut introduire en toute facilité dans un récit; il a une épaisseur que la métaphore redoublée tente, peut-être imparfaitement, de rendre, là où le nom propre resterait purement conventionnel.

Hélène est donc ici à la fois colombe et chienne: les deux noms se font échos aux deux extrémités du vers. L'association des deux animaux appelle une seconde remarque: si la colombe connote aisément la féminité dans ce qu'elle a de fragile et de vulnérable (notamment lorsqu'elle est présentée comme une proie), ainsi que la pureté de la blancheur, il semble *a priori* que la chienne invite à de tout autres conclusions; on sait en effet quel usage péjoratif est fait de l'animal depuis Homère[11]; toutefois, il faut garder ici une certaine prudence, car cette chienne est qualifiée de Péphnaïenne, c'est-à-dire originaire d'une localité de Laconie, Péphnos. Or les chiennes de Laconie avaient une excellente réputation, comme le rappellent divers auteurs[12]. Mais il faut peut-être aussi revoir en sens inverse les connotations attachées à la colombe qui semble bien aussi pouvoir évoquer une prostituée et donc être autant péjorative que la chienne[13].

Mais l'ambiguïté est levée par la seconde occurrence: certes Hélène y est qualifiée de "chienne d'Aigys" du nom d'une autre cité de Laconie, mais l'apposition du vers suivant ote tout doute quant à la valeur péjorative de la métaphore animale: celle qui multiplie les époux ne peut pas être autre chose qu'une fille de mauvaise vie[14]!

Il n'y a pas cependant que les femmes qui soient désignées par le terme κύων dans le poème de Lycophron. Les hommes peuvent l'être également, mais, curieusement, c'est toujours ici au pluriel. Dans un premier cas, ce pluriel ne représente que deux personnes (vers 439-441):

Δοιοὶ δὲ ῥείθρων Πυράμου πρὸς ἐκβολαῖς

---

[11] Cf. *Iliade* 3, 180; 6, 344, 356 etc. Voir A. SCHNAPP-GOURBEILLON, *Lions, héros, masques. Les représentations de l'animal chez Homère*, Paris, 1981, p. 161–169.

[12] Cette remarque est empruntée à G. LAMBIN, *L'Alexandra de Lycophron*, Rennes, 2005, p. 51, n. 39 , qui cite, Pindare, fr. 106 SM, Sophocle *Ajax*, 7–8, Aristote, *Histoire des Animaux*, 608a 27–28, Callimaque *Hymne à Artémis*, 93–97.

[13] Cf. V. GIGANTE LANZARA, *Licofrone. Alessandra*, Milan, 2000, note au vers 131 p. 210, qui souligne bien le caractère ambigu de cette métaphore.

[14] C'est d'ailleurs la même caractéristique de l'infidélité qui fait traiter un second personnage féminin de "chienne". Il s'agit d'Aigaleia, l'épouse adultère de Diomède (vers 610–613):

Τροιζηνίας δὲ τραυμα φοιτάδος πλάνης
ἔσται κακων τε πημάτων παραίτιον,
ὅταν θρασειὰ θουρὰς οἰστρήσῃ κύων
πρὸς λέκτρα.
"La blessure de la Trézénienne sera d'une errance égarée
Et de pénibles maux, pour une part, la cause,
Quand une impudente coureuse se piquera, la chienne,
De coucheries."

A l'évidence il y a dans ce passage un travail sur l'assonance du groupe tr / qr avec constitution d'un inventaire phonologique important. La raison de ce travail poétique n'apparaît pas encore. Y a-t-il une évocation de la ville de Troie où Diomède avait osé frapper la déesse pendant une bataille (cf. *Iliade*, 5, 534–340) ? Il ne semble pas y avoir de rapport avec le nom de Diomède, ni avec celui de sa femme. Sur la tradition concernant la femme de Diomède, voir A. HURST–G. PADUANO–M. FUSILLO, *op. cit.*, p. 226.

αὐτοκτόνοις σφαγαῖσι Δηραίνου κύνες
δμηθέντες . . .
“Deux chiens de Déraïnos, vers l’embouchure
Des courants du Pyrame, domptés
En égorgements réciproques, darderont leur ultime cri…”

Il s’agit ici de deux prophètes ou devins appelés “chiens de Dèraïnos”, c’est-à-dire d’Apollon, nommé d’après un lieu de culte situé près d’Abdère en Thrace, soit parce qu’ils étaient les interprètes fidèles du dieu, comme un bon chien qui suit son maître, soit à cause de leur querelle fratricide, qui n’est pas sans rappeler celle d’Etéocle et Polynice. Il s’agit des deux fils de Mantô[15], Mopsos et Amphilochos: en principe, seul le premier est fils d’Apollon; le second est fils d’Alcméon. L’association de deux noms propres dans un pluriel collectif est fatale au nom propre ainsi qu’à l’identité, à la vie propre des personnages.

Les autres exemples où des hommes sont impliqués et désignés métaphoriquement comme κύνες, sont collectifs. Il s’agit soit des Achéens (vers 581 et 1266), soit des Phéniciens (vers 1291). Ces occurrences nous entraîneraient trop loin pour notre propos. Mais il reste encore deux cas assez surprenants, où la métaphore animale pseudonyme sert non plus de substitut anthroponymique, mais météorologique et toponymique. Il s’agit tout d’abord d’un vent de Thrace (vers 924–926):

οὓς τῆλε Θερμύδρου τε Καρπάθου τ’ ὀρῶν
πλάνητας αἴθων Θρασκίας πέμψει κύων,
ξένην ἐποικήσοντας ὀθνείαν χθόνα.
“(les chefs rhodiens)
que, loin de Thermydron et des monts de Carpathos,
L’ardent chien Thraskias enverra coloniser,
Errants, un lointain pays étranger.”

On voit aussitôt la différence de traitement entre les personnages précédents et le présent phénomène météorologique: dans ce dernier cas, l’image animale ne vient pas se substituer au nom propre qui est donné et indique en même temps une origine géographique[16]. Il me semble que la raison de cette différence est le recours à un phénomène de personnification du vent, décrit comme un guerrier[17] à la description duquel est empruntée la désignation αἴθων κύων qui neutralise finalement la substitution pseudonymique.

Le second exemple concerne un fleuve pour lequel il n’y a plus de métaphore, mais une métamorphose en chien (vers 961–962):

Ὧν δὴ μίαν Κριμισσὸς, ἰνδαλθεὶς κυνὶ
ἔζευξε λέκτροις ποταμός.
“Oui, elles dont sous la ressemblance d’un chien, Krimissos,
Le fleuve, soumit l’une en ses couches.”

---

[15] Mantô est la fille de Tirésias.

[16] C’est donc une sorte de toponyme météorologique (ou un météoronyme fondé sur le lieu).

[17] Cf. V. GIGANTE LANZARA, *op. cit.*, p. 357.

Dans cet exemple, on constate que Lycophron refuse explicitement de recourir à la métaphore qui était pourtant possible. Le participe ἰνδαλθεὶς renvoie l'image du chien à elle-même, et l'analogie animale n'a plus qu'une valeur de transformation d'apparence, sans engager aucunement une dénomination.

Ces deux derniers exemples où le pseudonyme métaphorique est laissé délibérément de côté mettent en question le statut du nom propre: un toponyme a-t-il vraiment le même statut qu'un anthroponyme ? Car, pourquoi le jeu pseudonymique n'est-il possible qu'avec les noms de personne ? Est-ce lié au fait que seules les personnes sont susceptibles de se modifier et de n'être plus adéquates au nom qu'elles portent , par opposition à une (plus grande) permanence des lieux ?

Pour en finir avec le chien, il faut prendre en compte le terme σκύλαξ[18] qui concurrence κύων notamment pour les désignations métaphoriques de personnages masculins. La première occurrence concerne néanmoins encore une femme (vers 314–315):

Οἴμοι δυσαίων, καὶ διπλᾶς ἀηδόνας
καὶ σὸν, τάλαινα, πότμον αἰάζω, σκύλαξ.
"Oh, malheur de ma vie ! sur deux rossignols
Et sur ton sort je me lamente, pauvre chienne."

On retrouve dans cet exemple un phénomène de métamorphose qui débouche, contrairement à l'exemple du fleuve précédent, sur une métaphore pseudonyme. Il s'agit en effet d'Hécube qui fut lapidée pour avoir aveuglé le roi thrace Polymnestor, puis fut métamorphosée en chienne; cet épisode de métamorphose n'est pas absent du texte de Lycophron, mais il est rapporté plus loin (vers 334: Μαίρας ὅταν φαιουρόν ἀλλάλης δομήν) moyennant le nom propre de la chienne d'Erigoné, Maira. Ici, par anticipation, c'est bien la métaphore pseudonyme qui est employée et qui ne sera justifiée donc que par la suite du texte. La triple apostrophe a ici une valeur programmative et proleptique: Cassandre commence par lancer une lamentation sur ses deux soeurs, Laodicè et Polyxène, ainsi que sur sa mère, avant d'évoquer le sort qui leur sera réservé. Ce rapport entre pseudonyme métaphorique et histoire personnelle laisse entendre que tout nom a la valeur d'un récit, d'un micro-récit selon le terme de C. Calame[19]: ici ce n'est pas la métamorphose en chienne qui est un malheureux destin, mais ce qui précède et que désigne sans entrer dans les détails le simple terme πότμον. On remarque que les deux désignations métaphoriques (le rossignol et la chienne) se font écho à la clausule du vers de ce distique: curieuse famille que celle où une chienne donne naissance à des rossignols, tandis que Cassandre se présentera pour finir comme une hirondelle (vers 1460)[20].

Le terme σκύλαξ est d'ailleurs employé dans un vers qui a une forte puissance musicale et la multiplication des diphtongues produit une plainte

[18] C'est en effet pour désigner le jeune chien que ce terme est en général employé, notamment chez Homère: *Odyssée*, 9, 289; 12, 86 etc.

[19] C. CALAME, *op. cit.*, p. 243.

[20] Voir les exemples d'hybridation *supra*.

tout au long du trimètre, plainte qui trouve sa conclusion dans l'apostrophe finale.

Le dernier exemple concerne un homme, qui est en lien direct avec le fleuve Krimissos que nous avons déjà rencontré plus haut à propos de la métamorphose en chien. Le passage ici fait immédiatement suite à celui cité plus haut (vers 962–964):

ἡ δὲ δαίμονι
τῷ θηρομίκτῳ σκύλακα γενναῖον τεκνοῖ
τρισσῶν συνοικιστῆρα καὶ κτίστην τόπων.
"*elle, pour ce génie*
Mêlé de bête, enfante d'un chiot bien-né,
Colonisateur et fondateur de trois lieux."

Ce fils désigné par la métaphore du chien est Egeste, le fondateur de la ville de Ségeste en Sicile. Le refus de la métaphore pseudonyme pour le père fluvial s'opère donc à la génération suivante pour son fils: Lycophron joue ici habilement du sens secondaire fréquent du terme σκύλαξ qui peut désigner aussi un enfant, mais il est normal que le père métamorphosé en chien donne naissance à un chiot. Il est assez probable que la micro-biographie que donne l'apposition du vers 964 (συνοικιστῆρα καὶ κτίστην), avec l'insistance sur le groupe στη, serve à compléter l'anagrammatisation du nom d'Egeste dans ces vers; le nom féminin de la mère d'Egeste, apparaît à l'incipit du vers 968 pour donner de l'écho au nom qui n'est ici que suggéré[21].

L'image du chien permet donc d'avoir une vision assez complète de la manière dont Lycophron se sert des animaux dans son poème pour soutenir l'ambiguïté et la richesse du discours poétique. Si certaines occurrences continuent de renvoyer au référent animal, le plus souvent, sans aucune distinction particulière, le zoonyme a une valeur métaphorique qui lui vaut d'être le substitut d'un nom propre, le plus souvent d'un anthroponyme: c'est alors le contexte, en grande partie elliptique, qui permet de justifier la métaphore pseudonyme. Cette pratique liant la désignation à un contexte s'oppose à la désignation rigide du nom propre détachée de tout contexte et exempte de toute variation temporelle. Au contraire, la métaphore animale n'est jamais arrêtée ni particularisée; elle est toujours susceptible d'être appliquée à tel ou tel individu. Le chien, fidèle ami de l'homme comme on sait, se caractérise aussi spécialement par son aptitude à changer de maître onomastique en toute occasion.

[21] Le dernier exemple du terme skuvlax est plus problématique (vers 991–992):
ὅταν θανὼν λήταρχος ἱερείας σκύλαξ
πρῶτος κελαινῷ βωμὸν αἱμάξῃ βρότῳ.
En effet l'identification du personnage n'est pas certaine; il pourrait s'agir du fils enfanté par Cassandre à la suite de son viol par Ajax. Assurément le terme skuvlax a bien ici la valeur d'une métaphore pseudonyme, mais le nom échappe.

КРИСТОФ КЮССЭ (ЛИОН, ФРАНЦИЯ)

ВАРИАЦИИ ОБРАЗА СОБАКИ В «АЛЕКСАНДРЕ» ЛИКОФРОНА

Одной из особенностей поэмы Ликофрона «Александра» является необычное обращение автора с именами собственными, которые он либо совсем не употребляет, либо заменяет сложными метафорами, связанными как правило с каким-то эпизодом жизни персонажа. Для рядового читателя подобное «злоупотребление» оказывается значительной преградой в понимании текста. Метафора, связанная с животным, может не иметь прочной связи с описываемым персонажем. Поэтому она может применяться ко многим действующим лицам. Именно такой метафорой является образ собаки, который в поэме употребляется чаще всего – 13 раз. В статье разбираются все случаи упоминания собаки (κύων, σκύλαξ). Автор приходит к выводу, что данная метафора была подходящей, чтобы поддерживать двусмысленность самой поэмы.

А.В. Мосолкин

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ «АЛЕКСАНДРА» ЛИКОФРОНА (СТТ. 1226–1280)*

Содержанием поэмы «Александра», которая была написана эллинистическим поэтом Ликофроном, вероятно, современником Каллимаха[1], является пророчество Кассандры, которое та произнесла в присутствии единственного свидетеля – сторожа, охранявшего ее в заточении. Это обширное произведение (1474 строки) еще в античности стало известно благодаря своей невнятности, а сам поэт, с легкой руки Стация, был наречен «темным» (*Silv.* V.3.156 sq.). Сама по себе поэма является, если говорить современным языком, продуктом ума более ученого, нежели поэтического.

Дискуссия, развернувшаяся по поводу подлинности стихов 1226–1280 «Александры» Ликофрона, вовсе не нова, но в высшей степени интригующа. Никакие иные строки этого загадочного произведения не вызывали столько полемики. Начало же спора было положено в 1800 г., когда английский политик Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806 гг.) в переписке с первым издателем Лукреция Гилбертом Уэйкфилдом (1756–1801 гг.) впервые высказал предположение о поздней вставке этих строк в текст «Александры». По сути, спор этих двух людей определил дальнейшее развитие дискуссии. В 1813 г. эта переписка была опубликована, что сподвигло Б. Нибура выдвинуть гипотезу, что поэма написана иным «Ликофроном», признавая, тем самым, правоту Фокса.

Суть длящегося уже два столетия спора можно свести к следующему вопросу: насколько рано легендарный рассказ об основании Рима мог стать сюжетом для сочинений эллинских писателей? Отсюда следует череда иных проблем: как рано появляются первые свидетельства существования данного цикла мифов? К какому времени относятся первые контакты эллинов и жителей Лация? Наконец, когда римляне стали столь могущественными, чтобы им посвящать такие возвышенные строки (1229–30), как γῆς καὶ θαλάσσης σκῆπτρα καὶ μοναρχίαν λαβόντες, т.е. «над землей и над морем скипетр и единоначалие / получившие»? Не более ли эта фраза соответствует тому Риму, каким он стал после битвы при Киноскефалах?

Чтобы разрешить эту проблему, были предложены три варианта ответов. 1. Унитарии полагают, что Ликофрон действительно жил в начале III в. до н.э. и загадочная фраза о полной власти Рима над морем и землей каким-то образом отражает политическую (или

* Эта статья была бы просто невозможна, если бы не помощь коллег и друзей, которые содействовали советом, книгами или участием. Хочу особо отметить Ст. Уэст (Оксфорд), которая взяла на себя труд прочитать статью на русском языке и дала немало важных рекомендаций, Н. Хорсфолла (Оксфорд), который будил мысль письмами и статьями, а также Е. Илюшечкину (Москва), А. Брилля (Бостон), Дм. Маринушкина (Фонтенбло), которые помогли копиями книг и поддерживают старой дружбой.

[1] См., например: *Hutchinson G.O.* Hellenistic Poetry. Oxf., 1988. P. 258.

литературную?) реальность того времени. 2. Фрагмент 1226–80 был написан и вставлен много позднее. 3. Вся поэма была написана во время или после Македонских войн; такое предположение получило название «гипотеза о втором Ликофроне»[2].

Сама фрагментарность наших знаний об истории раннего Рима способствует этой интриге. Мы не располагаем почти никакими письменными источниками той поры, которые полностью сохранились до нашего времени. Вот почему для решения самой крохотной задачи необходимо заново перелопачивать весь массив сохранившихся источников, которые могут таить в себе новые нераскрытые намеки. Так, к примеру, вышеупомянутые строки 1229–30 ставят всякому исследователю вопросы о достоверности первого договора между Карфагеном и Римом в 509 г. до н.э. (Polyb. III.22), о точности сведений Полибия, относящихся к строительству первого римского флота, и многие, многие другие.

К сожалению, на страницах отечественных изданий проблемы, связанные со стихами 1226–80, не получили подобающего им места. Таким образом, данная публикация является попыткой хоть в какой-то степени устранить это недопустимое недоразумение.

Греческий текст, представленный в данной статье, в целом опирается тойбнеровское издание Л. Маскиалино, но с учетом и других изданий:

Scheer Ed. Lycophronis Alexandra. B., 1881. Vol. 1.
Holzinger C. von. Lycophron. Alexandra. Leipzig, 1895.
Mair A.W., Mair G.R. Callimachus, Lycophron, Aratus. L., 1921.
Kinkel G. Lycophronis Alexandra. Lipsiae, 1880.
Mooney G.W. Lycophron. Alexandra. L., 1921.
Mascialino L. Licofrón. Alejandra. Barcelone, 1956.
Mascialino L. Lycophronis Alexandra. Leipzig, 1964.
Fusillo M., Hurst A., Paduano G. Licofrone. Alessandra. Milano, 1991.
Gigante Lanzara V. Licofrone. Alessandra. Milano, 2000.
Lambin G. L'Alexandra de Lycophron. Rennes, 2005.

[2] *Fraser P.M.* Lycophron on Cyprus // Report of the Department of Antiquities. Cyprus, 1979. P. 341–342.

Γένους δὲ πάππων τῶν ἐμῶν αὖθις κλέος
μέγιστον αὐξήσουσιν ἄμναμοί ποτε
αἰχμαῖς τὸ πρωτόλειον ἄραντες στέφος,
γῆς καὶ θαλάσσης σκῆπτρα καὶ μοναρχίαν
λαβόντες. οὐδ' ἄμνηστον, ἀθλία πατρίς,
κῦδος μαρανθὲν ἐγκατακρύψεις[3] ζόφῳ.
τοιούσδ' ἐμός τις σύγγονος λείψει διπλοῦς
σκύμνους λέοντας, ἔξοχον ῥώμῃ γένος,
ὁ Καστνίας τε τῆς τε Χειράδος[4] γόνος,
βουλαῖς ἄριστος οὐδ' ὀνοστὸς ἐν μάχαις.
ὃς πρῶτα μὲν Ῥαίκηλον[5] οἰκήσει μολὼν
Κισσοῦ παρ' αἰπὺν πρῶνα καὶ Λαφυστίας
κερασφόρους γυναῖκας. ἐκ δ' Ἀλμωπίας
παλιμπλανήτην δέξεται Τυρσηνία
Λιγγεύς[6] τε θερμῶν ῥεῖθρον ἐκβράσσων ποτῶν,
καὶ Πῖσ' Ἀγύλλης θ' αἱ πολύρρηνοι νάπαι.
σὺν δέ σφι μίξει φίλιον ἐχθρὸς ὢν στρατόν,
ὅρκοις κρατήσας καὶ λιταῖς γουνασμάτων
νάνος, πλάναισι πάντ' ἐρευνήσας μυχὸν
ἁλός τε καὶ γῆς. σὺν δὲ δίπτυχοι τόκοι
Μυσῶν ἄνακτος, οὗ ποτ' Οἰκουρὸς δόρυ
γνάμψει Θέοινος γυῖα συνδήσας λύγοις,
Τάρχων τε καὶ Τυρσηνός, αἴθωνες λύκοι,
τῶν Ἡρακλείων ἐκγεγῶτες αἱμάτων.
ἔνθα τράπεζαν εἰδάτων πλήρη κιχών,
τὴν ὕστερον βρωθεῖσαν ἐξ ὀπαόνων,
μνήμην παλαιῶν λήψεται θεσπισμάτων.
κτίσει δὲ χώραν ἐν τόποις Βορειγόνων
ὑπὲρ Λατίνους Δαυνίους[7] τ' ᾠκισμένην,

[3] *Scheer*: ἐγκατακρύψει.
[4] *Scheer; Fusillo M., Hurst A., Paduano G.*: Ταχειράδος.
[5] *Scheer*: Ῥάκηλον.
[6] *Scheer, Lambin*: Λυγκεύς.
[7] *Scheer*: Λακίου Δαυνίου; *Holzinger*: Σαυνίους.

Снова великую славу рода моих
Стариков некогда умножат потомки:
Копьями они добудут венок, первую часть добычи,
Над землей и над морем скипетр и единоначалие
Получат. О несчастная родина! Забытую,
Увядшую славу ты не спрячешь во мраке запада.
[Ведь] некий мой родственник оставит после себя вот эту пару
Детенышей-львов – род, выдающийся своей силой,
Он – дитя Кастнии и Хейрады,
Наилучший в советах и не презренный в бою.
Прибыв, он сначала заселит Райкэл
Близ крутого утеса Киссы и лафистийских
Женщин, украшенных рогами. Из Алмопии
Блуждающего то тут, то там приютит Тирсения:
Лингей, выбрасывающий на берег поток теплых вод,
Писа и лесистые долины Агиллы, богатые баранами.
С его войском смешает свое дружеское, бывшее враждебным,
Вымолив себе победу на коленях и давая клятвы,
Карлик-Нан, в блужданиях обследовавший все недра
Моря и земли. А вместе с ним и оба отпрыска
Предводителя мисийцев, – чье копье некогда Стерегущий дом
Бог вина согнет, опутав тело ивовыми ветвями, –
Та́рхон и Тирсен, огненно-рыжие волки,
Рожденные от Геракловых потомков.
Там он найдет стол, наполненный яствами,
Который впоследствии спутники съедят,
И он вспомнит о древних пророчествах.
Он заселит страну во владениях рожденных под Бореем,
Лежащую за пределами латинов и давниев,

πύργους τριάκοντ' ἐξαριθμήσας γονὰς
συὸς κελαινῆς, ἣν ἀπ' Ἰδαίων λόφων
καὶ Δαρδανείων ἐκ τόπων ναυσθλώσεται,
ἰσηρίθμων θρέπτειραν ἐν τόκοις κάπρων·
ἧς καὶ πόλει δείκηλον ἀνθήσει μιᾷ
χαλκῷ τυπώσας καὶ τέκνων γλαγοτρόφων.
δείμας δὲ σηκὸν Μυνδίᾳ Παλληνίδι
πατρῷ' ἀγάλματ' ἐγκατοικιεῖ θεῶν·
ἃ δή, παρώσας καὶ δάμαρτα καὶ τέκνα
καὶ κτῆσιν ἄλλην ὀμπνίαν κειμηλίων,
σὺν τῷ γεραιῷ πατρὶ πρεσβειώσεται,
πέπλοις περισχών, ἦμος αἰχμηταὶ κύνες,
τὰ πάντα πάτρας συλλαφύξαντες πάλῳ,
τούτῳ μόνῳ πόρωσιν αἵρεσιν, δόμων
λαβεῖν ὃ χρῄζει κἀπενέγκασθαι δάνος.
τῷ καὶ παρ' ἐχθροῖς εὐσεβέστατος κριθεὶς
τὴν πλεῖστον ὑμνηθεῖσαν ἐν χάρμαις πάτραν
ἐν ὀψιτέκνοις ὀλβίαν δωμήσεται,
τύρσιν μακεδνὰς ἀμφὶ Κιρκαίου νάπας
Ἀργοῦς τε κλεινὸν ὅρμον Αἰήτην μέγαν
λίμνης τε Φόρκης Μαρσιωνίδος[8] ποτὰ
Τιτώνιόν τε χεῦμα, τοῦ κατὰ χθονὸς
δύνοντος εἰς ἄφαντα κευθμῶνος βάθη,
Ζωστηρίου τε κλιτύν, ἔνθα παρθένου
στυγνὸν Σιβύλλης ἐστὶν οἰκητήριον,
γρόνῳ βερέθρῳ[9] συγκατηρεφὲς στέγης[10].

[8] *Scheer*: Φούκης Μαρσιώτιδος.
[9] *Scheer*: γρώνῃ βέρεθρον; *Fusillo M., Hurst A., Paduano G.*: γρώνης.
[10] *Scheer*: στέγῃ.

Тридцать осадных башен, отсчитав потомков
Огромной свиньи, которую от Идейских холмов
И из дарданских мест привезет на корабле,
Которая станет кормилицей такого же количества поросят при рождении,
И ее скульптурное изображение некоему городу будет принесено в дар,
Изваянное из меди, а также вскормленных молоком детей.
Построив храм Миндии Палленской,
Он поместит полученные в наследство изображения богов.
Им, отвергнув супругу, детей
И другое крупное владение из имущества,
А также старому отцу он окажет честь,
Окружив одеждами, в то время как копьеносные собаки,
Совместно сожрав на родине все, доставшееся по жребию,
Ему одному они предоставят свободу выбора, из дома
Взять то, что нужно, и унести дар.
Даже врагами за это признанный самым благочестивым,
Торжественно превыше всего воспетую в боях родину
Счастливую он построит своими поздними потомками,
Башню рядом с лесистыми поросшими высокими стволами долинами Цирцея,
Рядом со знаменитой якорной стоянкой «Арго» на большом Ээте,
С водами Форкийского озера марсов,
С Титоновым течением, под землю
В невидимые глубины погружающейся бездны,
С холмом Зостерия, там девы
Сивиллы находится угрюмое жилище,
Покрытое сводами выеденной в скалах пещеры.

1226–1231. Общее предсказание грядущей славы римского народа. В предыдущих строках поэмы (1214–1225) речь идет о Навплие и Идоменее. Согласно Аполлодору, Навплий, решив отомстить за смерть сына Паламеда, побуждал жен эллинов изменить своим мужьям. Среди прочих – Меду, жену Идоменея, с Левком. Левк впоследствии убил Меду и ее дочерей, став тираном на Крите (*Epit.* VI.8–10). И. Цец, автор схолий к «Александре», добавляет, что Идоменей, отправляясь в Трою, предоставил Левку, которого в младенчестве подбросили царю Крита, царство и дом. А по возвращении Идоменей лишил отступника зрения (*Schol. ad. Lycophr.* 1218). Таким образом, торжественный зачин «римского фрагмента» следует сразу после описания траурных событий на Крите. Ст. Уэст заметила[1], что ст. 1214–1225 гораздо лучше согласуются со ст. 1281–1282, нежели со ст. 1226 слл. (пер. И.Е. Сурикова):

«Всех в яме он (sc. Навплий) убьет рукой нечистою,
Как в яме той Онкейской, их замучавши.
…
Невзгоды эти страшные падут на тех,
Что родину мою опустошить хотят».

Эд. Шеер сложившееся несоответствие пытался разрешить таким способом: ст. 1214–1225 он помещает сразу после ст. 1173, а по завершении «римского фрагмента» ставит знак лакуны, и, тем самым, развитие сюжета поэмы становится более последовательным (см.: *Scheer.* 1212–1213). Впрочем, поддержки такая перетасовка у других издателей (кажется, лишь за исключением М. Фузилло) не получила.

Следует заметить, что некоторые намеки на грядущее величие римского народа мы встречаем в греческой литературе еще более ранней: Hom. *Il.* XX.307–308; *In Vener.* 196–197; Hesiod. *Theog.* 1011–1016; Stesich. PMG. 205. Но подлинность всех этих фрагментов вызывала большое подозрение как в античной литературе (см.: Dion. Hal. *AR.* I.53; Strabo. XIII.1.53), так и в современной[2]. Таким образом, если мы согласимся со скептиками, то получается, что предсказание военной мощи Рима в «Александре», очевидно, является хронологически первым в античной литературе.

---

[1] *West St.* Notes on the Text of Lycophron // CQ. 1983. Vol. 33. P. 122–123; *eadem.* Lycophron Italicised // JHS. 1984. Vol. 104. P. 131.

[2] О Гомере: *De Sanctis G.* Storia dei Romani. Firenze, 1979. Vol. 1. P. 202–203; *Galinsky K.* Aeneas, Sicily and Rome. Princeton, 1969. P. 27; The Iliad: A Commentary. Vol. 5. Ed. by *M.W. Edwards.* Cambr., 1991. P. 326–327. О Гесиоде: Hesiod. *Theogony* / Edited with Prolegomena and Commentary by *M.L. West.* Oxf., 1966. P. 433–436; *Cornell T.* Rome and Latium to 390 B.C. // CAH². 1989. Vol. VII.2. P. 253; *Solmsen F.* "Aeneas Founded Rome with Odysseus" // HSCPh. 1986. Vol. 90. P. 96–98; *Fraschetti A.* The Foundation of Rome. Edinburgh, 2005. P. 11–12. См. также: *Perret J.* Les origines de la légende troyenne de Rome (281–31). P., 1942. P. 159; *Heurgon J.* Rome et la méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. P., 1969. P. 225; *Galinsky K.* Op. cit. P. 149; *Momigliano A.* The Origins of Rome // CAH². 1989. Vol. VII.2. P. 57, 91. О Стесихоре: *Horsfall N.* Stesichorus at Bovillae? // JHS. 1979. Vol. 99. P. 35–43; *idem.* Some Problems in the Aeneas Legend // CQ. 1979. Vol. 29. P. 375–376. *Cornell T.* La leggenda della nascita di Roma // Roma. A cura di *A. Carandini* e *R. Cappelli.* R., 2000. P. 46; *Braccesi L.* Il mito di Enea in occidente // ibid. P. 58 sqq.

1226. πάππων τῶν ἐμῶν: слово πάππος относится к обиходному языку и имеет значение нежной привязанности в отличие от πατροπάτωρ[3]. Оно встречается у Ликофрона также в стт. 152, 319, 364, 1341. Юлий Поллукс в «Ономастиконе» сообщает, что πάππος являлся комическим персонажем древней комедии (IV.143: τὰ δὲ κωμικὰ πρόσωπα τὰ μὲν τῆς παλαιᾶς κωμῳδίας). Тем самым торжественность выражения κλέος μέγιστον противопоставляется простонародным словечком.

1227. ἄμναμοι: Юлий Поллюк вместе с чрезвычайно поэтичными (σφόδρα ποιητικά) словами ἶνις («дочь», «сын») и κέλωρ («сын»), особенно поэтичным (καὶ ἔτι μᾶλλον) называет ἄμναμοι (III.19). У Ликофрона встречается также: 144, 872, 1338.

1228. αἴχμαις τὸ πρωτόλειον ἄραντες στέφος: К. Хольцингер полагает (S. 337), что здесь автор обыгрывает происхождение слова *Quirites* от сабинск. *quiris* («копье»). См.: Ovid. *Fasti*. II.477. При сравнении со ст. 1233 (см. ниже) такая игра слов выглядит вполне правдоподобной. Нельзя ли поэтому здесь усмотреть сходство с «Энеидой» (*tertiaque arma patri suspendet capta Quirino* – VI.859)? Но, с другой стороны, комментируемый стих очень схож со стт. 298–9, где Ликофрон говорит о военной доблести греков, сраженных Гектором: πολλοὺς δ' ἀριστεῖς πρωτόλειά θ' ῾Ελλάδος / αἰχμῇ φέροντας («Многих самых знатных мужей и первую добычу Эллады/ Захватив с боем»). Таким образом, скорее, это заставляет увидеть в ст. 1228 некий устойчивый поэтический оборот, нежели намек на знание этимологии слова *Quirites*.

1229–30. γῆς καὶ θαλάσσης σκῆπτρα καὶ μοναρχίαν / λαβόντες: изначально в поэтической речи под σκῆπτρον подразумевалась палка для опоры, откуда и произошло более узкое значение «скипетр» как символ власти (напр.: Hom. *Il*. IX.99), а также тот «скипетр», что держали во время собрания, обращаясь к царю (ibid. I.234 sqq.). В прозе употребляется βακτηρία[4]. Ср.: Eur. Frag. 495.20. TGF[2], Nauck: κοὐ δεῖ τύραννα σκῆπτρα καὶ θρόνους λαβεῖν; Soph. *Oed. Colon*. 425: ὃς νῦν σκῆπτρα καὶ θρόνους ἔχει (а также ст. 1354). В отличие от единственного использования σκῆπτρα в тексте «Александры» несколько раз встречается μοναρχία: 1218, 1383, 1445.

Именно эта строка и вызвала наибольшие споры по поводу датировки всего «римского пассажа». Долгое время сторонники экстраполяции сомневались в правомочии называть Рим носителем власти над сушей и морем до первой Пунической войны. Но в 1942 г. А. Момильяно убедительно показал на более ранних примерах – эпиграммах на Филиппа V (*Anth. Gr*. IX.518; 526; VI.171; XVI.6), что выражение γῆς καὶ θαλάσσης σκῆπτρα καὶ μοναρχίαν / λαβόντες вполне могло относиться и к тем государствам, что никак не претендовали на сколько-нибудь значительное могущество и, таким образом, эта фраза является лишь метафорой, не отражающей истинного положения дел. Исходя из этого, исследователь полагал, что вся «Александра» была написана между 272 и 264 гг. до н.э., то есть во время между победой над Пирром и началом войны с Карфагеном. Дата 264 г. до н.э. обусловлена тем, что в «Александре» нет никакого указания на эту масштабную для своего времени войну[5]. Впрочем,

---

[3] См.: *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1968. Vol. 1–3. s.v. πάππα.

[4] Ibid. s.v. σκήπτομαι.

[5] *Momigliano A.* "Terra marique" // JRS. 1942. Vol. 32. P. 53–64.

с этим утверждением А. Момильяно стоит поспорить, так как в стт. 1226–80 вообще речь не идет о каких-либо исторических событиях и нет даже никаких на них намеков.

1231. ἐγκατακρύψεις: составное слово, которое, по-видимому, впервые было введено именно Ликофроном. **ζόφῳ**: помимо своего основного значения «мрак» (напр.: Hom. *Il.* XV.191) еще имеет значение «запад» (напр.: ἤδη γὰρ φάος οἴχεθ' ὑπὸ ζόφον – Hom. *Od.* III.335; ποτὶ ζόφον ἠερόεντα – Hom. *Il.* XII.240; Γαδείρων τὸ πρὸς ζόφον – Pind. *Nem.* IV.69), откуда, кстати, и произошло название западного ветра «зефир»[6]. Полагаю, что автор опять демонстрирует игру слов: слава троянских потомков не только не канет во мраке, но и расцветет именно на западе, т.е. в Италии. Ср. со знаменитой строкой Стесихора: Αἰνήας σὺν τοῖς ἰδίοις ἀπαί<ρ>ων εἰς τὴν Ἑσπερίαν («Эней со своими домочадцами отправляется в Гесперию» – PMG. 205). Просто удивительно, что остальные переводчики не обратили на это внимание, ориентируясь, по-видимому, на ст. 1127: μαρανθὲν αὖθι ληθαίῳ σκότῳ («[*sc.* поклонение не] угаснет в темноте забвения»). У Ликофрона это слово встречается лишь однажды.

1232. ἐμός τις σύγγονος: вот какую родословную приводит Гомер (*Il.* XX.215–240): у Дардана, сына Зевса, родился Эрихтоний, от которого произошел Трос. От Троса произошли три сына: Ил, Ассарак и Ганимед. От Ила – Лаомедон, одним из сыновей которого был Приам. У Асарака же родился Капис, от которого родился Анхис, отец Энея. Следуя описанию Гомера, Трос оказывается прапрадедом как Кассандре так и Энею. Несколько иная родословная представлена у Аполлодора (III.12.1 sqq.): у Дардана, сына Электры и Зевса, родились сыновья Ил и Эрихтоний. От Эрихтония произошли Ил, Ассарак и Ганимед. От Ассарака родился Капис, от которого, в свою очередь, произошел Анхис, отец Энея. Одним же из сыновей Ила, сына Эрихтония, был Подарк, прозванный Приамом. Таким образом, Эрихтоний – прадед Кассандры и прапрадед Энея. Как бы не разнились обе родословные, но все же Эней вполне был для Кассандры τις σύγγονος.

1232–33. λείψει διπλοῦς / σκύμνους λέοντας: совершенно очевидно, что под двумя львятами автор подразумевает Ромула и, возможно, Рема. По-видимому, первым сочинителем, который ввел список «буферных» царей для заполнения лакуны между двумя событиями – падение Трои и основание Рима – был Кв. Фабий Пиктор, первый римский автор, написавший примерно в конце второй Пунической войны историю Рима. Такая необходимая выдумка римского анналиста имела смысл лишь после того, как Эратосфен несколько ранее провел подсчеты и стало очевидно, что Ромул никак не мог быть ни сыном, ни даже внуком Энея: они оказались разделены примерно четырьмя столетиями. Но из этого ни в коей мере нельзя делать вывод, что автор этих строк «Александры» писал *до* Пиктора, так как скучное перечисление безликих царей, помещенных для того лишь, чтобы заполнить временну́ю лакуну, по-видимому, никак не входило в поэтические цели. Так, например, еще даже Невий и Энний называли Ромула внуком Энея: *Naevius et Ennius Aeneae ex filia nepotem Romulum conditorem urbis tradunt* (Serv. *Ad Aen.* I.273 = Frag. 27. FPL. W. Morel). Ср.: Plut. *Rom.* 2; Dion. Hal. *AR.* I.72.1–2, 5–6, 73.2–3. Впрочем,

[6] *Chantraine P.* Op. cit. s.v. ζόφος.

сама неопределенность глагола λείψει не позволяет наверняка утверждать о какой степени родства идет речь. Сходное выражение встречается у Эсхила (λέοντος σκύμνον – frag. 452. TGF. 3. Radt), Еврипида (σκύμνοι λεότνων – *Suppl.* 1223) и Аристофана (*Ran.* 1431–32).

1233. ἔξοχον ῥώμῃ γένος: сумрачный автор, очевидно, здесь позволяет опять себе шутку: игра слов при одинаковом написании ῥώμη («сила») и Ῥώμη («Рим»). Поэтому можно перевести: «род, выдающийся силой» и «род, выдающийся Римом». Впрочем, Э. Филлипс (а за ним и Ж. Ламбэ) полагает, что такая игра слов невозможна: речь, таким образом, должна идти о случайном совпадении. Свое суждение исследователь строит на том основании, что Ликофрон нигде не называет Тибр, хотя называет всякие речушки, и такое умолчание, по мнению Э. Филлипса, было умышленным и красноречивым, так как Ликофрон придерживался этрусской версии происхождения Рима[7]. Но подобное предположение представляется достаточно сомнительным по двум соображениям. Во-первых, Дионисий Галикарнасский в рассказе об Энее (*AR.* I.46–64) также нигде не обмолвился о Тибре, что, разумеется, никак не может свидетельствовать о каком-то умысле автора. Во-вторых, игра словами, сокрытие очевидных имен в криптограммах и пр. – все это, по-видимому, достаточно типично для всего текста «Александры». См., например, ст. 1228, 1231, а также стт. 44–47, где «спрятано» имя Σκύλλα[8].

1234. ὁ Καστνίας τε τῆς τε Χειράδος γόνος: два эпитета Афродиты. И. Цец утверждает (403), что слово Καστνία произошло от κάσις («брат»). По свидетельству Стефана Византийского (s.v. Κάστνιον), гора Кастний находится близ города Аспенда, что в Памфилии (ныне город Белкис). Древний комментатор (*Diegeseis in Iambos.* Frag. 200. Pfeiffer) сообщает, что в Аспенде Афродите Кастниетиде (Καστνιῆτις) в жертву приносят свинью (ср.: Strabo. IX.5.17; Dion. Perieg. 852). И связан этот обычай с Мопсом, предводителем памфилийцев, который на охоте дал богине обет. Вероятно, в расширенном варианте этого мифа охота проходила неподалеку от самой горы Кастний. Эпитет Κάστνια встречается только в «Александре». Помимо данного случая – еще в ст. 403: τὴν Καστνίαν δὲ καὶ Μελιναίαν θεόν[9]. Второй эпитет – Хейрада – не имеет никаких внятных объяснений. Схолиаст предлагает другой вариант написания и указывает (1234) следующее: «Афродита Кастния и Тавхира (Ταύχειρα) названа так вследствие того, что захватывает по желанию» (τὸ χειροῦσθαι διὰ τῆς ἐπιθυμίας)[10]. Впрочем, что это объяснение дает? Более того, по-видимому, все же Цец объясняет эпитет не Тавхира, а Хейрада. А. Хурст, вслед за Э. Шеером, предпочитает Ταχειράδος; это написание хуже засвидетельствовано в рукописях, но имеет объяснение: «та, которая связывает без промедления» (ταχύς и εἰράς). 28 августа 2008 г. на конференции в г. Гронингене (Голландия) Кр. Кюссэ высказал предположение, что быстрота Афродиты намекает на скорость распространения римской власти. Впрочем, неясность эпитета столь очевидна, что количество гипотез может быть сколь угодно большим.

---

[7] *Phillips E.D.* Odysseus in Italy // JHS. 1953. Vol. 73. P. 61; *Lambin G.* P. 177.

[8] *Cusset Ch.* Variations sur l'image du chien dans l'*Alexandra* de Lycophron // AMA. 2008. Вып. 13. С. 383–391.

[9] *Adler.* Kastnia // RE. 1919. Bd. 20. Sp. 2345.

[10] *Fusillo M., Hurst A., Paduano G.* P. 56.

1235. βουλαῖς ἄριστος οὐδ' ὀνοστὸς ἐν μάχαις: по мнению В. Гиганте Ланзара, οὐδ' ὀνοστός («не презренный») – выражение гомеровское[11]. Ср.: δῶρα μὲν οὐκέτ' ὀνοστὰ διδοῖς («нет, дары не презренные хочешь ты дать», пер. Н.И. Гнедича – Hom. *Il.* IX.164; ср.: Stat. *Theb.* VIII.297). У Вергилия эта фраза звучит наоборот: наилучший в бою и не бесполезный в советах (об Энее: *optimus armis* – *Aen.* IX.40; про Дранка: *consiliis habitus non futtilis auctor* – XI.339). Не является ли это еще одной аллюзией на «Энеиду»? Ср. также с описанием Амфиарая: ἀμφότερον μάντιν τ' ἀγαθὸν καὶ δουρὶ μάχεσθαι (Thebaïs. Frag. 10. Ed. A. Bernabé).

1236–1241. Описание маршрута Энея. Следует обратить внимание на то, что автор из всего маршрута Энея называет только лишь район Македонии, полностью игнорируя остальные места, которыми столь богата легенда об Энее. Приведу несколько вариантов пути героя, которые сохранились у античных авторов. Гелланик (Dion. Hal. *AR.* I.47.6), Гегесианакт, Гегесипп (ibid. I.49.1): Троя – Паллена (где Эней, веротяно, умирает). Ариайт (ibid.): Троя – Фракия – Аркадия (местечки Орхомен и Остров, основан город Капии). Агатилл Аркадский: Троя – Аркадия (Неса) – Италия (ibid. I.49.2). Дионисий Галикарнасский: Троя – Паллена – Делос – Кифера – Закинф – Левкада – Амбракий – Эпир – Сицилия – Италия г. Лаврент (ibid. I.49.4–53.3). Ливий (I.4): Троя – Македония – Сицилия – Лаврентская область. Вергилий: Троя – Эн – Делос – Парос – Наксос (*Aen.* III, passim).

Вероятно, в основе маршрута Энея лежит заинтересованность того или иного античного автора в том, чтобы знаменитый сын Анхиса был именно в том районе либо откуда выходил сам сочинитель, либо к которому он имел какое-то отношение.

Поэтому можно заключить, что автор нашего пассажа, кажется, единственный, кто проявил полное беспристрастие к развитию легенды об Энее. По-видимому, поэт всего лишь воспользовался какой-то более ранней версией мифа, возможно, Гелланика, украсив ее лишь какими-то антикварными подробностями.

1236. ῾Ραίκηλον. Схолиаст дает следующее пояснение к этой строке: «Теон в комментариях к Ликофрону этот город называет Энеады: "После падения Трои Эней прибыл во Фракию и основал город Энеады (Αἰνείας), где похоронил своего отца". [Стефан Византийский в статье ῾Ράκηλος пишет]: "Ракэл – город в Македонии". [Евстафий в *Comment. ad Od.* II.84 пишет]: "Энос (Αἶνος) еще и город[12], который Ликофрон называет Райкэл (῾Ραίκηλον)"». К строке 1232 Цец дает еще такое дополнение: «Город Райкэл в честь Энея стал называться Энос».

Таким образом, существовали два города, чье имя было сходно с именем троянского героя: один из них находился во Фракии на берегу реки Хебр (*Hebrus*, совр. р. Марица – Hdt. V.22; VII.59) и назывался Энос (*Aenus*, совр. г. Энез), а второй – в Македонии на берегу Фермейского залива и назывался Энея (*Aineia*, совр. г. Неа Миханиона). Схолиаст называет оба города, не внося ясность, куда именно прибыл Эней и какой из двух городов нам следует связать с Райкэлом. Единственное упоминание загадочного города Райкэл (῾Ραίκηλος) встречается только у Аристо-

[11] *Gigante Lanzara V.* Op. cit. P. 401.

[12] Евстафий говорит выше, что αἶνος еще имеет значение «похвальное слово», «замысел» и «пословица».

теля в «Афинской политии» (15.2): «Сначала Писистрат основал поселение около Фермейского залива, в местечке, которое называется Рекел, а оттуда переехал в окрестности Пангея» (пер. С.И. Радцига), из чего явствует, что под этим названием автор понимал македонскую Энею. Об обоих городах по литературным источникам нам известно не слишком много.

1. Фракийский Энос. Источники: Hom. *Il.* IV.51–520 (βάλε δὲ Θρῃκῶν ἀγὸς ἀνδρῶν Πείρως ᾽Ιμβρασίδης ὃς ἄρ᾽ Αἰνόθεν εἰληλούθει – «его [*sc.* Диора] поразил предводитель фракиян, / Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший» [пер. Н.И. Гнедича]. На что античный комментатор «Энеиды» резонно замечает, что, следовательно, город был основан раньше того, как там оказался Эней после падения Трои – Serv. *Aen.* III.16); Strabo. VII. Frag. 51, 58; Scyl. 67 (Αἶνος πόλις καὶ λιμήν); Antiph. *De caede Herodis.* 20, 22 etc.; Thuc. IV.28; Scymn. 696 (μετὰ τὴν Μαρώνειαν δὲ κεῖτ᾽ Αἶνος πόλις); Steph. Byz. (s.v. Αἶνος – πόλις Θρᾴκης); Athen. VIII.44.4; Mela. II.28 (*eximia est Aenos ab Aenea profugo condita*).

2. Македонский город Энея. Источники: Hdt. VII.123; Scymn. 627–628 (τὴν ἄκραν Αἴνειαν); Scyl. 66 (Αἴνεια Ἑλληνίς); Strabo. VII. Frag. 21.24; Dion. Hal. *AR.* I.49; Steph. Byz. (s.v. Αἴνεια – πόλις Θρᾴκης, со ссылкой на Теона); Liv. XLIV.10.7; XLV.30.4[13].

По-видимому, для комментирования этой строки александрийский комментатор I в. до н.э. Теон является ключевой фигурой, так как он единственный, кто связывает город Райкэл с Фессалией, а не Македонией. Этому факту может быть дано два объяснения. Во-первых, могла произойти путаница, основанная на близком звучании двух городов. Вероятно, что подобная же ошибка произошла по поводу могилы Полидора, которую Вергилий помещает в Македонии (*Aen.* III.13–68), а Плиний – во Фракии (*os Hebri, oppidum Aenos liberum cum Polydori tumulo – NH.* IV.43). Во-вторых, что мне кажется более предпочтительным, ошибся не Теон, а Цец. Ведь в сохранившейся цитате из комментариев первого автора никак не следует, что Райкэл находится во Фракии: это пояснение делает Цец. Комментарий Теона вполне мог лишь сообщать, что существует еще один город, где умер Анхис[14].

1237. Κισσοῦ: гора Кисс (ныне г. Хортиатис) в Македонии располагалась неподалеку от одноименного города. См.: Strabo. VII. Frag. 21, 24; Nicand. *Ther.* 804. Расстояние между Энеей и «крутыми утесами Киссы» (высота около 800 м) около 25 км.

1237–38. Λαφυστίας κερασφόρους γυναῖκας: «лафистийские» (т.е. «пожирающие»; ср.: *Alex.* 215; 791) – эпитет служительниц Диониса, которого часто изображали с рогами (напр.: Eur. *Bacch.* 100, 921). Схолиаст пишет (1237), что Дионис получил это прозвище в честь горы Лафистий в Беотии (по свидетельству Павсания, в 20 стадиях, т.е. примерно в 3,6 км от г. Корония – IX.34.5; город по сию пору сохранил свое древнее название). Впрочем, по его мнению, так называли вакханок еще и в Македонии.

---

[13] *Hirschfeld.* Aineia // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 1009–1010. Очень ценным подспорьем является издание атласа Бэррингтона (Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. by *R.J.A. Talbert.* Princeton, 2000).

[14] О Теоне см.: *Wendel C.* Theon (9) // RE. 1934. 2 Rh. Hbd 10. Sp. 2054; особ. Sp. 2056; *Wilson N.G.* Theon (1) // The Oxford Classical Dictionary. 1996, Oxf. Ed. by *S. Hornblower* and *A. Spawforth.* P. 1503.

Именно к такой интерпретации склоняет в тексте «Александры» слово «близ».

К. Хольцингер замечает, что ряд имен Диониса также указывает на кровожадность бога: ἀγριώνιος, ὠμηστής, ὠμάδιος, ἀνθρωπορραίστης (ср.: Hom. *Il.* XI.176). Изначально это был, вероятно, один из эпитетов Зевса (Hdt. VII.197; Paus. I.24.2, IX.34.5). Слово κερασφόρος встречается у Еврипида применительно к Ио (*Ph.* 248, на что указывают схолии к Ликофрону – 209), а у Лукиана – к Дионису (*Bacch.* 2).

1238. ἐκ δ' Ἀλμωπίας: Стефан Византийский пишет, что название местности в Македонии «Алмопия» произошло от имени гиганта Алмопа, сына Посейдона (s.v. Ἀλμωπία; ср.: Thuc. II.99). Любопытно, что сама Алмопия находится уже в глубине Балканского полуострова и, таким образом, не имеет выхода к морю (до г. Киссы около 100 км). Это дало повод Н. Хорсфоллу предположить, опираясь на рукописные разночтения, что речь идет не о местности Алмопия, а о городе Алмониа (Ἀλμωνία), который Цец помещает недалеко от горы Кисс (πλησίον Κισσοῦ ὄρους)[15]. Такой вариант чтения разрешил бы данную проблему, если бы не то, что никакого иного упоминания города Алмониа у античных авторов мы не встречаем. Как бы то ни было, иных следов пребывания Энея в стране Алмопия не зафиксировано ни в каких источниках. Поэтому, скорее всего, автор строк воспользовался этим редким топонимом в качестве синонима Македонии, что является для поэта весьма характерной особенностью.

1239–41. Эней достигает Италии, но оказывается вовсе не в Лации, как следовало бы ожидать, а в Этрурии. Этрурия очерчена с севера на юг полностью: самая северная точка – современная река Арно, самая южная – город Черветере.

1239. Τυρσηνία: здесь подразумевается Этрурия. См.: Dion. Hal. *AR.* I.25.5; *Schol. in Hesiod. Theog.* 1013; *Schol. in Lycophr.* 1239, 1351.

1240. Λυγγεύς: реку Лингей Хольцингер соотнес с рекой Арн (ныне Арно)[16]. Свое мнение исследователь основывает на игре слов: 1. = λιγύς (т.е. лигурийская); 2. λίγξε (т.е. «шумит»; ср.: Hom. *Il.* IV.125), так как в районе Пизы две реки – Арно и Аузер (ныне Серкьо) – сливались в один поток, уровень воды становился выше и течение быстрее. Но исследования последних лет поставили под сомнение утверждение, что река Аузер впадала в Арн[17]. О реке Арно см.: Strabo. V.2.5; Ps. Arist. *De mir. ausc.* 837b; Liv. XXII.2.2; см. также любопытное замечание Дионисия, что в Италии в изобилии встречаются источники с теплыми водами, которые весьма благотворны для здоровья (*AR.* I.37.5). См. также: Plin. *NH.* II.227.

1241. Ἀγύλλης: город Агиллу упоминает Дионисий, сообщая, что при Тарквинии Древнем он был переименован в Цере (I.20.5; III.58.1; ныне Черветери). См. также: Diod. Sic. XV.4.3; Strabo. V.2.3; V.2.8. Города Пиза (расположенная в устье реки Арно) и Цере у Вергилия называются союзниками Энея (*Aen.* X.179, 183; Serv. *Ad Aen.* X.179).

1239. παλιμπλανήτην: *hapax.* Единственный рукописный вариант πάλιν πλανήτην (т.е. «блуждающий в обратную сторону»). Хольцингер предлагает читать παλιμπλανής.

---

[15] *Horsfall N.* Some Problems in the Aeneas Legend // CQ. 1979. Vol. 29.2. P. 379.

[16] *Holzinger.* S. 339. См. также: *Philipp.* Lingeus // RE. 1926. Hlbd. 25. Sp. 714.

[17] См., например: Barrington Atlas of the Greek and Roman World. P. 597. Map 41.

1241. πολύρρηνοι: словарь Суда поясняет, что это означает «владеющие многими животными» (s.v. πολύρρηνες). Ср.: ὤλεσεν ἄνδρας / Μοῖρα πολύρρηνον πατρίδα ῥυομένους (Aesch. *Epigr.* VII.255.1–2). О том, что Италия удобна для скотоводства, см.: Dion. Hal. *AR.* I.37.3.

1242. σὺν δέ σφι = αὐτῷ.

1244. νάνος: имеется в виду Одиссей. Парадоксально, но исследователи, будучи единодушными в том, что под этим словом подразумевается Одиссей, не сходятся во мнении, почему же греческий герой назван таким странным именем. Предположение, что это именно Одиссей, основывается на свидетельствах, которые можно объединить в три группы.

1. Мы располагаем рассказами античных авторов, согласно которым Одиссей – или, по крайней мере, его сыновья – был в Италии и даже в одной компании с Энеем, своим бывшим врагом: Hesiod. *Theog.* 1011–1016; Hellan. FGrH. 4. Frag. 84; Plut. *Rom.* 2; Hor. *Carm.* III.29.8; Prop. II.32.4. Впрочем, у Гелланика возможен вариант чтения: εἰς Ἰταλίαν ἐλθόντα μετ' Ὀδυσσέα («отправился в Италию после Одиссея») и εἰς Ἰταλίαν ἐλθόντα μετ' Ὀδυσσέως («отправился в Италию вместе с Одиссеем»). Страбон пишет, что недалеко от Анция находится храм Афины, где показывают чашу, принадлежавшую Одиссею (V.3.6).

2. В «Илиаде» есть строка, которая могла спровоцировать образованного автора назвать Одиссея νᾶνος, т.е. «карлик». Во всяком случае, составитель схолий указывает, что, согласно «Илиаде», Одиссей был на голову ниже Агамемнона (*Il.* III.193). Впрочем, это может указывать не столько на низкий рост Одиссея, сколько на значительный рост Агамемнона.

3. Самому Ликофрону была известна традиция (восходящая, возможно, к Феопомпу – FGrH. 115. Frag. 354), согласно которой Одиссей был похоронен в Этрурии. В той части «Александры», где речь идет о скитаниях Одиссея, сообщается следующее: «Гора Перга, что у тирренцев, мертвеца примет после того, как он будет предан огню в Гортине» (*Alex.* 805–806).

Впрочем, была высказана еще одна гипотеза. Дионисий приводит текст Гелланика, который упоминает некоего Нана, являвшегося, в свою очередь, вождем пеласгов (FGrH. 4. Frag. 4[18]). Логограф пишет, что «в его (*sc.* Нана) правление пеласги… захватили город Кротону во внутренней части страны» и т.д. Таким образом, по-видимому, имеется некая географическая связь между Наном у Гелланика и Одиссеем в «Александре» (805): ведь Кротона у первого и есть Гортина у второго, что могло позволить автору стиха 1244 использовать игру слов[19].

Наконец, среди союзников Энея и Аскания фигурирует еще один персонаж – некто Ланоий (Lanoïos), который, возможно, был героем из восточной Сицилии; он перебрался в Лаций и основал Лавиний[20]. Но как связать Ланоия с «наном», пока неясно.

---

[18] К слову сказать, в русском переводе «Римских древностей» (М., 2005. Т. 1) в указанном месте допущена опечатка: вместо «Навас» следует, конечно же, читать «Нанас».

[19] О ст. 805–806 см.: *Philipp H.* Perge (1) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 694. *Schade G.* Lykophron's 'Odyssee' *Alexandra* 648–819. B.; N. Y., 1999. S. 205. См. также: *Holzinger.* S. 340; *Fusillo.* P. 295; *Dury-Moyaers G.* Éneé et Lavinium. Bruxelles, 1981. P. 70; *Briquel D.* Les pélasges en Italie. Recherches sur l'histoire de la légende. P., 1984. P. 150 s.; *Lambin.* P. 179.

[20] *Manganaro G.* Una biblioteca storica nel ginnasio di Tauromenion e il P. Oxy. 1241 // PP. 1974. Vol. 29. P. 389 ff.

1243–44. Неожиданная и противоречивая, на первый взгляд, строка, где победитель Нан-Одиссей выступает в роли коленопреклоненного просителя союза у побежденного Энея. Но здесь стоит вспомнить строку «Энеиды», где в роли просящего перед Тархоном, царем этрусков, выступает уже сам Эней (X.153–154): *immiscetque preces, haud fit mora, Tarchon / iungit opes foedusque ferit* («[sc. Эней,] к речи прибавив мольбы, – Тархон, ни мгновенья не медля, / С ним союз заключил»; пер. С. Ошерова). Таким образом, можно предположить, что в мольбах Одиссея нет для него ничего уничижительного и именно они привели его к заключению союза с Энеем.

1245–1249. Другими союзниками Энея, кроме Нана-Одиссея, выступают сыновья Телефа, правителя Мисии, и внуки Геракла – Тархон и Тирсен[21]. Тархон являлся легендарным основателем Тарквинии, а Тирсен – герой-эпоним тирренцев, то есть этрусков (см.: Hdt. I.94; Apollod. I.9.19, II.5.9; Dion. Hal. *AR*. I.27–28; Verg. *Aen*. VIII.505–507, 603–607, X.153; Strabo. V.2.2; Serv. *Ad Aen*. X.198). Это, кажется, единственное свидетельство в античной литературе, когда собираются вместе три героя: Геракл в лице своих внуков, Эней и Одиссей.

1245. σὺν δέ: *sc.* σφι μίξουσι στράτον.

1246–1247. οὗ ποτ' Οἰκουρὸς δόρυ κ.т.л.: эллинское войско, направляясь к Трое, заблудилось и было вынуждено высадиться на берегах Мисии. Царь мисийцев Телеф выступил против иноземцев, но был вынужден отступить перед Ахиллесом. А убегая, запутался в побегах виноградной лозы и был ранен (Apollod. *Epit*. III.17; Lycophr. 211–214; *Schol. in Lycophr*. 211).

1246. Οἰκουρός ... Θέοινος: подразумевается Дионис, и именно он оказывается ответственным за рану Телефа. Ср.: ст. 212, где называются иные эпитеты Диониса.

1247. λύγοις: = *Vitex Agnus-castus* (прутняк, «монаший перец», «Авраамово дерево»). См.: Hom. *Od*. IX.427; X.166. Но схолии (213) поясняют, что под словом λύγος все же нужно понимать побег виноградной лозы.

1248. αἴθωνες λύκοι: кроме Тархона и Тирсена, «волками» у Ликофрона оказываются Ахиллес (246), Геракл (871), аргонавты (1309), Кастор и Поллукс (504) и пр.[22]

1250–1252. Речь идет о загадочном предсказании, на основании которого троянцы должны были плыть на запад до тех пор, пока не съедят столы. Пророчество было дано то ли Сивиллой из Иды (Dion. Hal. *AR*. I.55.4), то ли в Додоне (ibid.), либо Анхисом (Verg. *Aen*. VII.124–127), либо гарпией Келено (ibid. III.255–257). Традиция представляет нам два варианта, что это были за столы: 1) у Дионисия Галикарнасского (*AR*. I.55.3: ἐπὶ τοῦ δαπέδου σέλινα) и И. Цеца (*Schol. ad Lycophr*. 1232: τραπέζας σελινίνας) сообщается, что троянцы постелили на земле сельдерей; 2) в Dion. Hal. *AR*. I.55.3 (ἴτρια καρποῦ πεποιημένα πυρίνου); Strabo. XIII.608 (ἄρτου μεγάλου); Verg. *Aen*. VII.111 (*adorea liba*, что является, вероятно, просто пересказом сложившегося предания); *Schol. ad Lycophr*. 1232 (ἐκ τῶν σκληροτέρων μερῶν τῶν ἄρτων), 1250 (ἄρτοις ἀντὶ τραπεζῶν ἐχρήσαντο) говорится, что это были хлебные лепешки. В данном случае автор совершенно нейтрален.

---

[21] К. Хольцингер в этих строках видит противоречие с 1351 sqq. (op. cit. S. 340).
[22] См.: *Gigante Lanzara V*. Op. cit. P. 204–205.

1253–1260. Описание основания первого поселения в Италии Энеем и по прибытии принесение в жертву свиньи, привезенной из Трои.

1253. ἐν τόποις Βορειγόνων: здесь опять, вероятно, игра слов. 1. Буквальное прочтение: «рожденные под Бореем», «боригоны», т.е. «северный народ» (ср.: Βορέας, βόρειος). 2. Намек на слово «аборигины», которые, согласно некоторым античным писателям, были древнейшим племенем, населявшим территорию Лация (Dion. Hal. *AR.* I.9–10; Strabo. V.3.2, 4). Тем самым автор здесь предлагает совершенно неожиданную и остроумную этимологию слова «аборигины», над которым безутешно бились древние антиквары. Таким образом, «аборигины» это не обитатели гор (ὄρος), не бездомные скитальцы (*aberrare*) и не те, кто жил в указанном месте изначально (*ab origine*), а потомки северного ветра, т.е. Борея[23].

Автор смотрит на «боригонов» примерно с юго-востока, если буквально воспринимать сообщение, что они находятся за землями давнов (территория Апулии) и латинов. Возникает весьма парадоксальная ситуация: высадился Эней в Этрурии (1239–41), поселение основывает у «боригонов», которых предание связывает с латинами, но которых сам автор помещает за пределами латинов. Как кажется, поэт не проявлял интерес к географической последовательности. Выбор топонимов обуславливается не ученым педантизмом, а всего лишь знанием заковыристых наименований описываемого района. Пристальное внимание к одному объекту у него компенсируется полным отсутствием внимания к другим: с одной стороны, к примеру, описание Македонии, а с другой, – совершенное умолчание иных мест, куда традиция щедро направляла Энея.

1255. πύργους τριάκοντ': следует понимать как тридцать поселений. Это упоминание твердынь, связанных с тридцатью поросятами, кажется совершенно удивительным. Дело в том, что нам знаком лишь один внятный вариант последующих действий, который был связан с числом тридцать. Согласно этой традиции, город Альба Лонга был основан сыном Энея Асканием через тридцать лет после прибытия к берегам Лация (см.: Pictor. Frag. 4 Peter; Cato. Frag. 13 Peter; Varro. *RR.* II.4.18; *LL.* V.144 sqq.; Liv. I.3.4). Этот рассказ был широко известен, что и заставило схолиаста эмоционально признать, что автор этой строки несет вздор. Но все же есть еще одно свидетельство, где фигурирует эта цифра. Речь идет о т.н. списке *populi Albenses*, который приводит Плиний (III.69; ср.: Just. XX.1.12). Эти народы, количеством как раз тридцать, получали мясо на Альбанской горе во время какой-то церемонии (*feriae Latinae*?), которая выражала племенную солидарность[24]. Но мы не знаем наверняка, является ли этот список подлинным. Представляется заманчивым связать загадочные твердыни в «Александре» с не менее загадочным списком у Плиния. Но, по всей видимости, слова поэта здесь не стоит воспринимать буквально. Ему, очевидно, была знакома та традиция, согласно которой жители Альбы Лонги вывели позднее тридцать городов. См.: Dion. Hal. *AR.* I.56.4, 66.1, III.31.4; Liv. II.18.3.

---

[23] О Борегонителях см.: *De Sanctis G.* Op. cit. Vol. 1. P. 182.

[24] *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1970. P. 43; *Cornell T.J.* The Beginnings of Rome. L.; N. Y., 1995. P. 266; *Carafa P.* I *populi* federati del Lazio // Carandini A. La nascita di Roma. Torino, 1997. P. 610–617.

1256. συὸς κελαινῆς: чрезвычайно любопытное упоминание этой самой «черной свиньи», никак не вяжущееся со всей известной нам традицией, согласно которой свинья эта была белая, а гора, у которой она опоросилась, была длинной, чем и объяснялось наименование будущего города – *Alba Longa*. Изменение в «Александре» цвета жертвенного животного никоим образом теперь не объясняет этимологию города. Совершенно невероятно также, чтобы автор этих строк не понимал весь смысл необходимого цвета. Он явно потому-то и изменил окрас свиньи, что *понимал* смысл названия Альба Лонга. Является ли это своего рода шуткой? Впрочем, нельзя исключить, что слово κελαινός в данном случае означает не окрас животного, а служит лишь метафорой: черная в смысле «ужасная» или даже «огромная». Ведь свинья, которая произвела на свет 30 поросят, должна и в самом деле быть *ужасно огромной*! См., например: Lycophr. 554 (φηγοῦ κελεινῆς; то, что дуб именно огромный, а не черный, см.: Dion. Hal. *AR*. XX.15.1: φηγὸς ἀμφιλαφής), 1169 (φάσγανον κελαινόν; то, что меч огромный, а не черный, см.: Apoll. Rhod. I.1250, IV.696: μέγα φάσγανον), 1336 (ὑπὲρ κελαινὸν Ἴστρον; об «огромности» Истра говорит Геродот в IV.47: πεντάστομος, а также [IV.48] μέγιστος [*sc.* Ἴστρος] ποταμῶν πάντων τῶν ἡμεῖς ἴδμεν), 1425 (κελαινὴν δίψαν). Следует добавить, что Вергилий также называет *ingens sus* (*Aen*. VIII.43). Тогда отчего же автор строк игнорирует ту традицию, с которой он должен бы быть знакомым? Выскажу предположение, что он объясняет не слово *Alba*, а слово *longa*. Возможно, такая этимология может показаться нам слишком неуклюжей, но она вполне могла оказаться подходящей для сочинителя, который так любит заковыристую игру слов.

Стоит обратить внимание, что у Вергилия Эней свинью обнаруживает (*Aen*. VIII.43 sqq.), а у Ликофрона троянский беглец везет ее аж из Троады. По-видимому, автор «римского фрагмента» отразил какую-то более древнюю традицию, чем Вергилий. Последний же был вынужден изменить уже устоявшийся сюжет, так как в его повествовании Эней путешествует слишком долго, чтобы из Трои везти жертвенное животное.

1256–57. ἀπ' Ἰδαίων λόφων καὶ Δαρδανείων ἐκ τόπων: Дионисий Галикарнасский сообщает, что к спутникам Энея, которые заняли одну из вершин Иды, присоединились беглецы из города Дардана (I.47.1–2). Именно от этих мест Эней и начал свое плавание (I.46.3 sqq.; Strabo. XII.4.6; XIII.1.7; Verg. *Aen*. III.5.6).

1258. θρέπτειραν: слово, позаимствованное, по всей видимости, из словаря Еврипида (*Tr*. 195; Hesych. s.v. θρέπτειρα).

1259–60. Ср.: Porph. H. 359.1–2. По свидетельству Варрона, Эней в Лавинии посвятил свинье и поросятам медное изображение, сохранившееся до времени римского антиквара (*RR*. II.44.18): *huius suis ac porcorum etiam nunc vestigia apparent iamne, quod et simulacra eorum ahenea etiam nunc in publico posita*[25].

γλαγοτρόφων: *hapax*.

1261. σηκὸν Μυνδίᾳ Παλληνίδι: о посвящении дара храму Афины Миндии есть упоминание у Ликофрона (950). См.: *Schol. ad Lycophr*. 930. О храме Афины Палленской, находившемся между Афинами и Мара-

[25] О роли свиньи во всей этой истории, а также подборку иллюстраций см.: *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965. P. 271 ff.

фоном, см.: Hdt. I.62; Eur. *Heracl.* 849–50; Polyaen. I.21.1; Гесихий утверждает, что таково прозвище Афины на Халкидике (s.v. Παλληνίας). Когда Эней вышел на берег Италии, то первое, что он увидел, был храм Афины (Verg. *Aen.* III.521 sqq.). Афина (*Tritonia Pallas*) дала мудрость Навту, который уговорил троянцев плыть к Лацию (ibid. V.700 sqq.). По прибытии в Италию Эней велит тевкрам нести ветви Паллады во время посольства к Латину (ibid. VII.154 sqq.). О храме Афины см.: ibid. XI.477; Strabo. 264[26].

1263–70. Согласно варианту предания, который приводит Диодор, Эней по договору с греками получил право вынести что-то одно из Трои. В отличие от остальных, которые предпочли драгоценности, он нес на плечах своего престарелого отца Анхиса. Удивленные греки позволили взять что-то еще, тогда Эней предпочел взять изображения отеческих богов. Обескураженные таким благочестием, враги разрешили Энею увезти с собой все, что тот пожелает (Diod. VII. Frag. 4. Ср.: Verg. *Aen.* II.699 sqq.; Ael. *VH.* III.22; Serv. *Ad Aen.* II.636). Такое поведение Энея и наделило его прозвищем *pius* (*sum pius Aeneas* – Verg. *Aen.* I.378). Впрочем, некоторый намек на благочестие Энея встречается уже в «Илиаде» (XX.298–299), где Посейдон говорит, что герой приносит богам «приятные жертвы». М. Фузилло полагает, что, опираясь на свидетельство т.н. *Tabula Iliaca Capitolina*, мы можем заключить, что о благочестии Энея знал Стесихор[27]. С этим мнением нельзя согласиться по той простой причине, что изображение на таблице вовсе не должно было соответствовать тексту поэмы. Хотя, разумеется, Стесихор именно знал об этом, так как был знаком с гомеровской традицией. Но это никак не вытекает из подбора картинок Илионской таблицы.

1263. παρώσας… τέκνα: В. Гиганте Ланзара полагает, что этот сюжет у Ликофрона резко противоречит рассказу Гелланика, согласно которому Эней увозит отца, отчих богов, жену Креусу, детей Аскания и Эврилеона и самое ценное имущество (Dion. Hal. *AR.* I.46.4)[28]. Но вряд ли это так. Во-первых, то, что Эней все-таки увез с собой все вышеперечисленное, не противоречит тому, что он изначально это отверг ради спасения отца. Во-вторых, в стт. 1268–69 прямо сообщается, что греки позволили Энею взять то, что он пожелает.

1263. τέκνα: из предыдущих стихов (1232–33) ясно, что у Энея два сына, один из которых – Ромул. Но предание сохранило несколько имен детей Энея, кроме Аскания. Сервий называет – как варианты имени Асканий – Дардана и Леонтодама (*Ad Aen.* IV.159), а схолиаст из Вероны – Еврибата (*Ad Aen.* II.717). Вообще, как кажется, именно ранние предания сообщают о нескольких сыновьях Энея (см., например, у Гелланика в Dion. Hal. *AR.* I.46.4, 47.5; у Агатилла Аркадского в Dion. Hal. I.49.2), а Дионисий, не называя источник, даже упоминает дочерей (I.54.2). Таким образом, по всей видимости, первым, кто стал утверждать, что у Энея был единственный сын Асканий, был Фабий Пиктор (Pictor. Frag. 1 Beck, Walter).

---

[26] О культе Минервы в Лавинии см.: *Torelli M.* Lavinio e Roma. Roma, 1984. P. 19 ff.; *Ross Holloway R.* The Archaeology of Early Rome and Latium. L.; N. Y., 1994. P. 129 ff.

[27] *Fusillo M., Hurst A., Paduano G.* P. 297.

[28] *Gigante Lanzara V.* Op. cit. P. 404.

1268. τούτῳ μόνῳ: по свидетельству Софокла, кроме Энея смог покинуть Трою еще и Антенор (Soph. Frag. 11. TGF. 4. Radt), который вместе с Энеем выступал за то, чтобы спор из-за Елены разрешился бы мирно. Вероятно, первым римлянином, который связал Энея и Антенора, был Катон (Frag. 42. Peter). По мнению Р. Огилви, такое упоминание у Катона имело политическую подоплеку, так как в 184 г. до н.э. венеты, которых называли потомками тех, кто пришел с Антенором, мирно вошли в состав Римской республики[29]. См. также: Verg. *Aen.* I.242–249; Liv. I.1.1 (который был как раз из Падуи, что была, согласно преданиям, основана Антенором).

1266. αἰχμηταὶ κύνες: в гомеровском эпосе не только эллинские воины называются словом αἰχμηταί (*Il.* II.543; 846; XII.419; *Od.* XI.559), но и троянские (*Il.* I.152).

1271–72. Предсказание грядущего торжества Рима, который станет наследником города, основанного самим Энеем, т.е. Лавиния.

1273–80. Описание этого района, очерченного с юга Кумами, с севера – озером Фукин, а с запада – горой Цирцеей, не соответствует каким-либо политическим реалиям истории Рима того времени, когда жил автор «Александры».

1273. μακεδνάς: у Гомера в единственном месте встречаются именно высокоствольные тополя: φύλλα μακεδνῆς αἰγείροιο (*Od.* VII.106).

Κιρκαίου: гора Чирчео находится примерно в 100 км на юго-восток от Рима (см.: Theophr. *Hist. plant.* V.8.3; Strabo. V.3.6; Plin. *HN.* III.56; Verg. *Aen.* VII.799). Ливий сообщает, что город Цирцеи был основан колонистами из Рима при Тарквинии Гордом для защиты Города от нападений (I.56.3).

1274. Αἰήτην μέγαν: современный залив Гаэта находится примерно в 50 км на юг вдоль по побережью от горы Чирчео.

1275. λίμνης τε Φόρκης: ныне равнина Фучино (примерно в 100 км на восток от Рима), так как в 1875 г. озеро Фучино было полностью осушено. Сервий, сообщая о маррубиях, которые жили на этом озере, говорит, что они происходили от морского бога Форка (*Ad Aen.* X.388).

1276. Τιτώνιόν τε χεῦμα к.т.л.: скорее всего, реку Титоний следует отождествить с рекой Питоний. По свидетельству Плиния (*NH.* XXXI.41; II.224), Питоний брал свой исток в горах, где обитало племя Пелигнов, пересекал земли марсов, Фуцинское озеро, а после исчезал в подземной впадине (*in specus mersa*), чтобы через девять миль появиться у города Тибура. Судя по всему, столь необычное течение реки и стало причиной того, что Ликофрон поменял имя Питоний на Титоний, что должно было вызывать в памяти читателя знаменитый рассказ о низвержении титанов в Тартар (Hesiod. *Theog.* 717 sqq. Стоит еще отметить, возможно, как совпадение, что Титаны были спрятаны в Тартаре «под туманной *тьмой*» ὑπὸ *ζόφῳ* ἠερόεντι [ibid. 729], что перекликается со стихом 1231 «Александры»). Таким образом автор опять придумывает новую и неожиданную этимологию.

1278. Ζωστηρίου τε κλιτύν: имеются в виду Кумы. Таким образом, это самое дальнее место, которое даже не относится к области Лация. Как известно, Сивилла получала пророчества через Аполлона, у которого в

[29] *Ogilvie R.M.* Op. cit. P. 35–36.

Кумах находился храм (Verg. *Aen.* VI.9–12). Сам же Аполлон получил свое прозвище из-за мыса Зостера (ныне мыс Кавоури, примерно в 23 км на юг от Афин), где, по сообщению древних авторов, Лето во время родов распустила пояс (Paus. I.31.1; Euphron. Frag. 95 Powell; Steph. Byz. s.v. Ζωστήρ).

στυγνὸν Σιβύλλης… οἰκητήριον: ср.: *praesidet* (sc. Aeneas) *horrendaeque procul secreta Sibyllae* («и к пещере идет – приюту страшной Сивиллы», пер. С. Ошерова – Verg. *Aen.* VI.10).

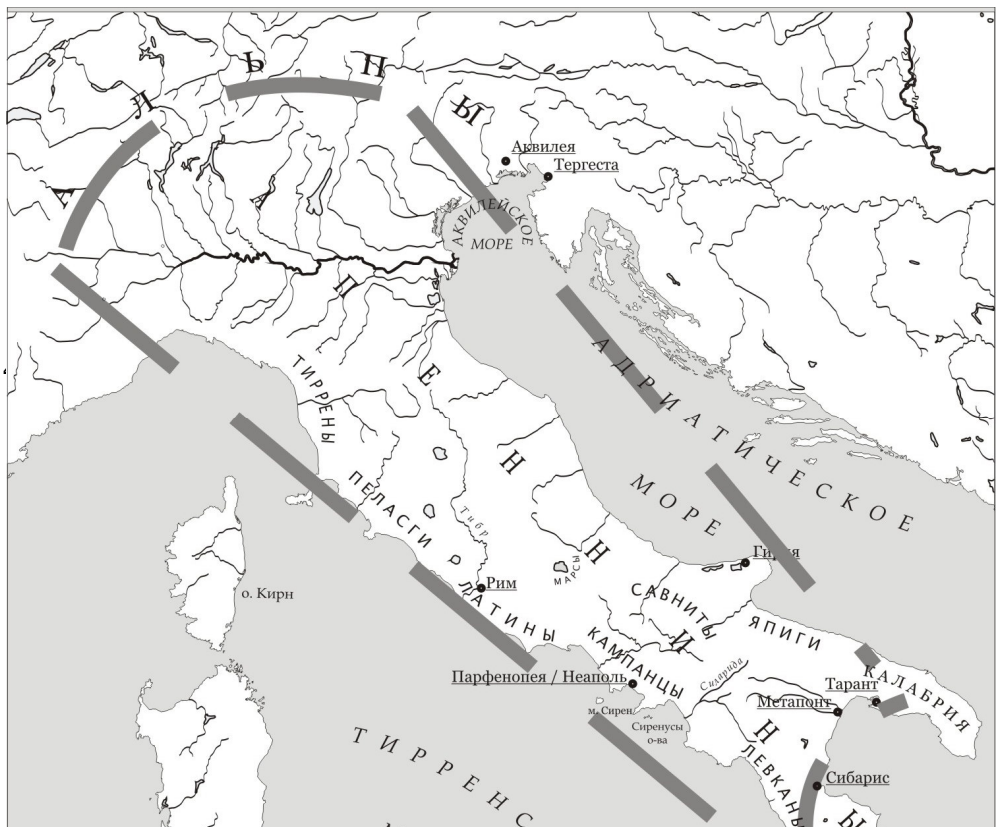
1280. Ср.: *cavum conversa cuspide montem / impulit* (sc. Aeolus) *in latus* («он обратным концом копья ударяет / в бок пустотелой горы» – Verg. *Aen.* I.81–82).

ALEXEY V. MOSOLKIN (SARATOV)

A HISTORICAL COMMENTARY ON LYCOPHRON'S *ALEXANDRA* (VV. 1226–1280)

The contents of vv. 1226–80 of "Alexandra" which was created by Hellenistic poet Lycophron (III B.C.) is obscure prophecy of Cassandra about the first settlement establishing by Aeneas on the territory of Etruria, the foundation of Rome by Romulus and Remus and the coming glory of the City throughout the land and the sea. This passage describes the Aeneas' itinerary from Troy to Italy via Rhaecelus (1236–41), of alliance with nanos-dwarf, who was probably Odysseus (1242–45) and also with the sons of the king of the Mysians – Tarchon and Tyrsenus (1245–49). The myths which were traditionally connected, with Aeneas are an event of the tables which were eaten by Aeneas and his fellows (1250–52), sign of sow giving birth to thirty piglets: it implied the foundation of thirty settlements (1255–60) and the receiving the name *pius* (1263–70).

The inconsistency between this Roman panegyric and the anxious contents of the poem as a whole make(s) the scholars to suppose that this fragment is a later conjecture. This article is a historic commentary on this intriguing fragment.


АЛЬПЫ
Аквилея
Тергеста
АКВИЛЕЙСКОЕ МОРЕ
АПЕННИНЫ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНЫ
ПЕЛАСГИ
ЛАТИНЫ
Тибр
Марсы
Рим
о. Кирн
САВНИТЫ
ЯПИГИ
КАЛАБРИЯ
КАМПАНЦЫ
Парфенопея / Неаполь
Сибарис
Тарант
Метапонт
м. Сирен
Сиренусы о-ва
ТИРРЕНСКОЕ
ЛЕВКАНЫ

Е.В. Илюшечкина

ИТАЛИЯ В ОПИСАНИИ ДИОНИСИЯ ПЕРИЭГЕТА (стт. 339–383): ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ*

В стихотворной периэгезе Дионисия Александрийского (II в. н.э.) повествование об Апеннинском полуострове (стт. 339–383) занимает центральную часть раздела, посвященного описанию Европы (стт. 270–446). Особое место в рассказе об Италии отведено «прославленному Риму, великому дому моих правителей» (ст. 355) и Тибру, «самой царственной из всех рек» (ст. 353), описание которых представляет собой краткий энкомий в честь столицы империи. Своим композиционным решением Дионисий косвенно указывает на главенствующее положение императорской власти.

По словам Периэгета, с севера на юг полуостров прорезают Апеннинские горы, разделяющие Италию на две половины (стт. 339–344). Известно, что современное уподобление на карте силуэта Италии форме «сапожка» возникло лишь в XIV в. (ср. замечание Франческо Петрарки в одном из писем 1344 г. другу-юристу Джованни де Федульфису)[1], в то время как для античной эпохи характерным было сравнение очертаний Италии с треугольником (Polyb. II.14.4) или четырехсторонней фигурой (Strabo. V.1.2). Скорее всего, и Дионисий представлял очертания Италии аналогичным образом: в виде четырехсторонней фигуры с широким основанием у Альпийского хребта и суженой стороной у Мессинского пролива[2].

Каталог италийских племен и народов Дионисий начинает с северо-запада и, мысленно двигаясь вдоль побережья согласно принципу перипла, доводит перечень до крайней северо-восточной точки, в области современной Венеции (стт. 347–349: тиррены/этруски и пеласги, стт. 350–356: латиняне, ст. 357: кампанцы, ст. 362: луканы и бруттии, ст. 375–377: самниты, марсы, ст. 379: япиги). Лишь однажды Дионисий нарушает привычный порядок номенклатуры греческих колоний, когда упоминает сперва Метапонт (ст. 368), а затем Кротон (ст. 369) и Сибарис (ст. 373).

Ниже приводятся греческий текст отрывка Дионисия с русским переводом и построчный историко-филологический комментарий[3].

---

* За дружескую помощь и техническую поддержку при составлении карты хотела бы искренне поблагодарить Владимира Леуса и Алексея Мосолкина.

[1] *Amato E.* Introduzione // Dionisio di Alessandria. Descrizione della Terra abitata / A cura di *E. Amato*. Milano, 2005. P. 107. Nota 143.

[2] Известны также сравнения очертаний Италии с формой дубового листа (Plin. *NH.* III.43; Solin. 2.20) или плюща (*Schol. ad Arat.* 236).

[3] Греческий текст дан по последнему критическому изданию поэмы: Dionysiou Alexandreos Oikumenes periegesis (ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΩΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΗΓΗΣΙΣ. Κριτική ἔκδοση) / Ed. *Is.O. Tsavari*. Ioannina, 1990.

Μέσσῳ δ' ἀμφοτέρων παραπέπταται Αὐσονὶς ἄκρη,
πουλυτενής· τὴν μέν τε μέσην ὄρος ἄνδιχα τέμνει
ὀρθόν, ἅτε στάθμῃς ἰθυμμένον· οὐκ ἂν ἐκεῖνο
ἴδρις μωμήσαιτο σοφῆς ὑποεργὸς Ἀθήνης·
ὅν ῥά τε κικλήσκουσιν Ἀπέννιον· ἐκ δὲ βορείης
Ἄλπιος ἀρχόμενον Σικελὴν ἐπὶ πορθμίδα λήγει.
Πολλὰ δέ μιν φῦλ' ἀμφί, τά τοι ῥέα πάντ' ἀγορεύσω,
ἀρξάμενος πλευρῆς ζεφυρίτιδος ἐκ βορέαο·
Τυρσηνοὶ μὲν πρῶτ' ἐπὶ δέ σφισι φῦλα Πελασγῶν,
οἵ ποτε Κυλλήνηθην ἐφ' ἑσπερίην ἅλα βάντες,
αὐτόθι ναιήσαντο σὺν ἀνδράσι Τυρσηνοῖσιν.
Τοῖς δ' ἐπὶ μέρμερον ἔθνος ἀγαυῶν ἐστι Λατίνων,
γαῖαν ναιετάοντες ἐπήρατον, ἧς διὰ μέσσης
Θύμβρις ἑλισσόμενος καθαρὸν ῥόον εἰς ἅλα βάλλει,
Θύμβρις ἐϋρρείτης, ποταμῶν βασιλεύτατος ἄλλων,
Θύμβρις, ὃς ἱμερτὴν ἀποτέμνεται ἄνδιχα Ῥώμην,
Ῥώμην τιμήεσσαν, ἐμῶν μέγαν οἶκον ἀνάκτων,
μητέρα πασάων πολίων, ἀφνειὸν ἔδεθλον.
Τῇ δ' ἐπὶ Καμπανῶν λιπαρὸν πέδον, ἧχι μέλαθρον
ἁγνῆς Παρθενόπης, σταχύων βεβριθὸς ἀμάλλης,
Παρθενόπης, ἣν πόντος ἑοῖς ὑπεδέξατο κόλποις.
Πρὸς δὲ νότον, μάλα πολλὸν ὑπὲρ Σειρηνίδα πέτρην,
φαίνονται προχοαὶ Πευκεντίνου Σιλάροιο·
ἄγχι δὲ Λευκανοὶ καὶ Βρέντιοι ἄνδρες ἔασι,
τοσσάτιον ναίοντες, ὅσον Λευκὴν ἐπὶ πέτρην.
Κεῖθεν δ' ἐς βορέην Ζεφύρου παραφαίνεται ἄκρη·
τῇ δ' ὑπὸ Λοκροὶ ἔασιν, ὅσοι προτέροις ἐτέεσσιν
ἦλθον ἐπ' Αὐσονίην, σφετέρῃς μιχθέντες ἀνάσσῃς,
τῶν καὶ νῦν γένος ἐστὶν ἐπὶ προχοῇσιν Ἄληκος.
Τοὺς δὲ μεθ' ἑξείης Μεταπόντιοι· ἐγγύθε δέ σφεων
ἱμερτὸν πτολίεθρον ἐϋστεφάνοιο Κρότωνος,
ναιόμενον χαρίεντος ἐπ' Αἰσάρου προχοῇσιν,
ἔνθα κεν αἰπὺν ἴδοιο Λακινιάδος δόμον Ἥρης.
Ἔστι δέ τοι κἀκεῖθι, Διὸς μέγα χωσαμένοιο,
δειλαίη Σύβαρις, ναέτας στενάχουσα πεσόντας,
μηναμένους ὑπὲρ αἶσαν ἐπ' Ἀλφειοῦ γεράεσσιν.
Σαυνῖται δ' ἐπὶ τοῖσι μέσην χθόνα ναιετάουσι
καὶ Μαρσῶν θοὰ φῦλα· Τάρας δ' ἁλὸς ἐγγύθι κεῖται,
ἥν ποτ' Ἀμυκλαίων ἐπολίσσατο καρτερὸς Ἄρης.
Ἑξείης δ' ἐπὶ τοῖσι Καλαβρίδος ἤθεα γαίης,
φῦλά τ' Ἰηπύγων τετανυσμένα μέσφ' Ὑρίοιο
παραλίης, Ὑρίου, τόθι σύρεται Ἀδριὰς ἅλμη
πόντον ἐς ἀγχίπορον Ἀκυλήϊον ἔνθα νένασται
ἄστυ Τεγεστραίων, μυχάτου ἐπὶ πείρασι πόντου.
Τόσσα μὲν Αὐσονίην περιβόσκεται ἔθνεα γαῖαν.

«Авсонийский край далеко протянулся между двумя другими [полуостровами, *sc.* Пиренейским и Балканским], (340) посреди его разрезает надвое прямая гора, словно выровненная шнуром плотника: [искусный] помощник мудрой Афины не смог бы найти здесь изъяна. Ее (*sc.* эту горную гряду) называют Апеннины; начинаясь от северных Альп, она заканчивается у Сикелийского пролива. (345) Много племен [живет] вокруг [Апеннин], я назову их все с легкостью, начав с северо-западной стороны: первые – тиррены, за ними – племена пеласгов, которые некогда, отправившись от Киллены к Гесперийскому морю, поселились здесь бок о бок с тирренами. (350) После них – предприимчивый народ славных латинян, населяющий прекрасную землю, через которую протекает Тибр, неся свой чистый поток в море, светлоструйный Тибр, самая царственная из всех рек, Тибр, который разделяет на две части [для всех] желанный Рим, (355) прославленный Рим, великий дом моих повелителей, матерь всех городов, чертог благоденствия.

За Римом находится плодородная долина кампанцев, где [расположено] святилище непорочной Парфенопы, устланное снопами [пшеницы], – Парфенопы, которую море приняло в свое лоно. (360) К югу, довольно далеко за мысом Сирен, появляется течение Певкентинской Силариды; рядом [обитают] мужи левканы и бреттии, занимающие [земли] до [самой] Левкопетры. К северу оттуда возникает мыс Зефирий; (365) на нем – локрийцы, что в прежние времена пришли в Авсонию, смешавшись с своими госпожами, остальная их часть и теперь еще живет у устья Галека.

Следующие за ними – метапонтийцы; рядом с ними – [для всех] желанный укрепленный город, обнесенный стеной Кротон, (370) расположенный в устье прекрасного Айсара, там же ты мог бы увидеть высоко вздымающийся храм Геры Лакинийской. Расположен здесь также несчастный Сибарис – ставший причиной великого гнева Зевса – [Сибарис,] оплакивающий [своих] погибших жителей, неправедно негодовавших из-за наград на [играх у реки] Алфея. (375) За ним населяют внутренние земли савниты и быстрые племена марсов; у моря лежит [город] Тарант, который некогда укрепил могучий Арес Амиклейский. Следом за ним находятся поселения Калабрийской земли и племена япигов, раскинувшиеся вплоть до приморского [города] Гирия́, (380) [той] Гирии, где адриатические волны втекают в соседнее море Аквилеи – там, у кромки глубочайшего моря лежит город тергестийцев. Так много народов находят пристанище в Авсонийской земле».

339–340. Μέσσῳ δ' ἀμφοτέρων: гомеровское выражение, помещенное здесь – также как и у Гомера – в начало стиха (ср.: Hom. *Il.* III.426; VII.277).

Αὐσονὶς ἄκρη: «край Авсонида», метонимическое архаизирующее название Италии, характерное для словоупотребления эллинистических поэтов (ср. Αὐσονία: Lycophr. 593, 615, 702, 922, 1355; Apoll. Rhod. IV.553, 660), хотя именно в этой форме встречается крайне редко (ср.: IG. XIV.2067, 2137), ср. похожую форму Αὐσονίην γαῖαν в конце «италийского» экскурса Дионисия, в ст. 383.

Αὐσονίς: производное от грецизированной формы имени аврунков (*Aurunci*), автохтонного населения прибрежных областей юго-западной Италии между реками Лирис и Вультурн (Serv. *Ad Aen.* VII.727); с другой стороны, существуют свидетельства об ассимиляции авсонов с жителями Лация (Ps.-Scymn. 228–229; Serv. *Ad Aen.* VIII.328), а Гекатей Милетский локализует авсонов в Кампании (FGrH. 1. Frag. 61 = Steph. Byz. s.v. Νῶλα, F 62 = Steph. Byz. s.v. Καπύα)[4]. Однако в поэме Дионисия «авсонами» названы жители всего Апеннинского полуострова (ср.: ст. 78, 366, 383 и др.). Родоначальником авсонов считался царь Авсон, сын Одиссея и Кирки (по другой версии мифа – Атланта и Калипсо – Eust. *Ad Dion. Per.* 78)[5]. О различных названиях Италии (Гесперия, Авсония, Саторния) сообщает Гелланик Лесбосский (FGrH. 4. Frag. 111 = Dion. Hal. *AR.* I.35.3).

παραπέπταται Αὐσονὶς ἄκρη / πουλυτενής: фраза повторяет практически дословно стт. 98–99 поэмы Дионисия (Αὐσονίων παραπέπταται... ἰσθμὸς / πουλυτενής, «разворачивается перешеек авсонов, далеко расспростершийся»), в которых речь также идет об Апеннинском полуострове, и где композит πουλυτενής «далеко протянувшийся» занимает ту же метрическую позицию в начале стиха.

340–342. ὄρος ὀρθὸν... ἰθυμμένον: см. ниже замечания к ст. 343 (об Апеннинах).

ἄνδιχα: наречие «надвое, пополам» встречается ниже в ст. 354, а также в ст. 890 в составе того же словосочетания ἄνδιχα τέμνει при описании горной цепи Тавра; ἄνδιχα употребляется в качестве синонима к наречию διάνδιχα (Dion. Per. 315, 1070, 1084), а в данном месте – в том же значении, что и у Гомера и Аполлония Родосского (Hom. *Il.* I.97; Apoll. Rhod. II.575).

στάθμης: (разночтение схолиев: ἐκ στάθμης) туго натянутая веревка, окрашенная суриком или мелом и употреблявшаяся плотниками, чтобы наметить прямую линию (подробное описание см.: Eust. *Ad Od.* V.245).

Это слово встречается уже у Гомера, где στάθμη применяется при работе корабельного мастера: ὥς τε στάθμη δόρυ νήϊον ἐξιθύνει τέκτονος ἐν παλάμῃσι δαήμονος, ὅς ῥά τε πάσης εὖ εἰδὴ σοφίης ὑποθημοσύνῃσιν' Αθήνης, «Словно правильный снур корабельное древо ровняет / Зодчего умного в длани, который художества мудрость / Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины» (*Il.* XV.410–412)[6]. Из этого отрывка видна прямая связь

---

[4] См. также: *Cancellieri M.* Ausoni et Ausonia // Enciclopedia Vergiliana. Roma, 1984. Vol. 1. P. 420–422.

[5] См. также: *Hülsen.* Ausonia // RE. Hbd. 4. 1896. Sp. 2561.

[6] Текст «Илиады» дан в русском переводе Н.И. Гнедича, «Одиссеи» – в переводе В.А. Жуковского, од Пиндара – М.Л. Гаспарова, «Аргонавтика» Аполлония Родосского –

дионисиевого пассажа с текстом Гомера (ср.: Apoll. Rhod. I.18–19: οἱ...ἀοιδοὶ Ἄργον Ἀθηναίης καμέειν ὑποθημοσύνῃσι, «...певцы прославляют корабль, возглашая, / Что его выстроил Арг по советам богини Афины»)[7].

ἰθυμμένον: этот глагол употреблен пять раз в гомеровской «Одиссее» в составе формулы, связанной со словом στάθμη (ἐπὶ στάθμην ἴθυνε, *Od.* V.245, XVII.341, XXI.44, XXI.121, XXIII.197), что в контексте поэмы Дионисия вновь подчеркивает его аллюзию на гомеровский образец.

σοφῆς ὑποεργὸς' Ἀθήνης: моделью для этого выражения послужила, вероятно, одна из характеристик Арга, строителя корабля Арго, из поэмы Аполлония Родосского: θεᾶς ὑποεργὸς' Ἀθήνης (I.226)[8].

οὐκ ἂν ἐκεῖνο ἴδρις μωμήσαιτο σοφῆς ὑποεργὸς Ἀθήνης: все сравнение вызывает в памяти пассаж Арата, особенно в отношении использованных глагольных форм: οὔ κεν Ἀθηναίης χειρῶν δεδιδαγμένος ἀνὴρ / ἄλλῃ κολλήσαιτο κυλινδόμενα τροχάλεια / τοῖά τε καὶ τόσα πάντα περὶ σφαιρηδὸν ἐλίσσων, «Даже Афиной самой наставленный в деле работник / Лучше бы сладить не смог столь огромные вместе колеса, / Все их на ось насадив и дружно заставив вращаться» (*Phaen.* 529–531 Martin). Указание на χεῖρες Ἀθηνᾶς (ibid. 529) или ὑποεργὸς Ἀθήνης (Apoll. Rhod. I.226) можно рассматривать в качестве метафоры для обозначения отлично выполненной работы – Дионисий стремится, тем самым, подчеркнуть исключительно прямую, по его мнению (ὄρος ὀρθὸν... ἰθυμμένον – Dion. Per. 340–341), линию Апеннин.

343–344. ὃν ῥά τε κικλήσκουσιν...: (ср. выше ст. 205: ἣν ῥά τε κικλήσκουσι) по поводу формульного выражения ср.: Hom. *Il.* II.813: τὴν ἤτοι ἄνδρες Βατίειαν κικλήσκουσιν, «Смертные... нарицают его Ватиеей» (см.: *Tsavari.* Op. cit. P. 58) и Arat. *Phaen.* 245: ὃν ῥά τε καὶ σύνδεσμον ὑπουράνιον καλέουσιν, «получивший название "Узел небесный"».

Ἀπέννιον: (форма ед. ч. с удвоением согласного **ν**, *sc.* ὄρος, или τὸ Ἀπένιον – Eust. *Ad Dion. Per.* 340) наименование горной цепи, которая, согласно Дионисию, протянулась по всей стране – от Альпийского хребта на севере (Ἄλπιος ἀρχόμενον, ст. 344) до Сикелийского (совр. Мессинского) пролива на юге (Σικελὴν ἐπὶ πορθμίδα, ст. 344) – и разделила Италию пополам (ср. аналогичное описание Апеннин: Strabo. II.5.29, V.1.3; Plin. *NH.* III.48; Mela. II.58; Ptol. *Geogr.* III.1.44, 45).

В соответствии с географическими представлениями Дионисия о картине мира Апеннины делят Италию, словно меридиан «север–юг», на две части, подобно тому, как горы Тавра разрезают своей параллелью надвое северную и южную Азию (ст. 638 sq., 890). Такое расположение Апеннин у Дионисия заставляет думать, что в целом схематическое очертание Италии напоминает четырехстороннюю фигуру (ср.: Strabo. V.1.2) с широким основание у Альпийского хребта и сужающимися к югу

Г.И. Церетели, «Явления» Арата – А.А. Россиуса (Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Пер. и комм. *А.А. Россиуса.* М., 1992), «География» Страбона – Г.А. Стратановского.

[7] Ср.: *Amato E.* Op. cit. P. 108. Nota. 145.

[8] *Anhut E.* In Dionysium Periegetam Quaestiones criticae. Diss... Regimonti. 1888, P. 11; *Tsavari Is.O.* Op. cit. P. 58; *Raschieri A.A.* Dionigi d'Alexandria. Guida delle terre abitate / A cura di *A.A. Raschieri.* Alessandria (Italia), 2004. P. 77.

сторонами (или фигуру треугольника, наподобие описанной у Полибия: II.14.4)[9].

344. Σικελὴν ἐπὶ πορθμίδα: (ср. то же формульное выражение в ст. 80) современный Мессинский пролив; поэтическая форма πορθμίς (ср.: Eur. *Hipp.* 752) вместо πορθμός обусловлена требованиями метра (Eust. *Ad Dion. Per.* 80).

345–346. ἀγορεύσω...: ср. словоупотребление Гомера: ἀληθέα πάντ' ἀγορεύσω (*Od.* III.254; XVI.61).

ἀγορεύσω... ἀρξάμενος...: схожим образом Страбон описывает сначала всю Италию с севера на юг, а затем возвращается к ее северо-западной части и перечисляет живущие в ней народности, начиная с приальпийских областей (Strabo. V.4.1 sqq.).

ἀρξάμενος πλευρῆς ζεφυρίτιδος ἐκ βορέαο: выражение дословно повторяется Периэгетом при описании прикаспийских племен и народов, ст. 727. Начав перечисление италийских народов с северо-западной точки, Дионисий продвигается к югу вдоль западного побережья Италии, доходит до южного мыса Левкопетры и от него продолжает мысленное движение к северу вдоль восточного побережья Апеннинского полуострова.

347–349. Τυρσηνοί: (также в ст. 294, 349) словом «тирсены/тиррены» обозначаются в данном случае этруски, населявшие в древности северо-западную часть Италии. Дионисий достаточно точно локализует этот народ: в качестве западных соседей этрусков Периэгет называет кельтов (ст. 294); на севере область этрусков ограничена, вероятно, Альпами; земли к юго-востоку от этрусков населяют пеласги (во многом схожая картина в географической поэме Пс.-Скимна (II в. до н.э.) (Ps.-Scymn. 217–221 Marcotte).

φῦλα Πελασγῶν... Κυλλήνηθεν: известно свидетельство Пс.-Скимна о пеласгах, пришедших в Италию из материковой Греции (Ps.-Scymn. 217–219 Marcotte). Основываясь на свидетельстве Эфора, Страбон также передает, что пеласги были «изначально аркадцами», что вполне согласуется со сведениями из пассажа Дионисия (Ephor. FGrH. 70. Frag. 113 = Strabo. V.2.4 и *Schol. in Dion. Per.* 348; Frag. 142 = Strabo. VII.7.10); ср.: Eust. *Ad Dion. Per.* 347: φασὶ δὲ ἀνέκαθεν Ἀρκάδες γενέσθαι τοὺς Πελασγούς, «Говорят, что пеласги по происхождению аркадцы». Таким образом, вероятным источником Дионисия в данном случае мог быть Эфор[10]. Следуя этой версии, Дионисий метанимически зашифровал название Аркадии, упомянув находящуюся там гору Киллену: Κυλλήνηθεν «от/с Киллены» (ср.: *Schol. in Dion. Per.* 348: Κυλλήνη ὄρος Ἀρκαδίας; Eust. *Ad Dion. Per.* 347: ἀπὸ τῆς κατὰ Ἀρκαδίαν Κυλλήνης), что противоречит опрометчивому утверждению К. Бродерсена, что Киллена в данном случае означает порт на западном побережье Пелопоннеса[11].

---

[9] Ср.: Édition critique de la *Périégèse* de Denys / Par *P. Counillon*, these de 3e cycle, Université de Langue et Lettres de Grenoble 3, 1983. P. 197 (далее ссылка на это издание – *Counillon*).

[10] Подробнее см.: *Briquel D.* Les Pelasges en Italie. Recherches sur l'histoire de la légende. Rome, 1984. P. 63–67; *Amato E.* Op. cit. P. 108–109.

[11] *Brodersen K.* Dionysios von Alexandria. Das Lied von der Welt / Zweisprachige Ausgabe von *Kai Brodersen*. Hildesheim; Zürich; New York, 1994. S. 131.

ἑσπερίην ἅλα: ср. выше ст. 45 и 58, где этим словосочетанием обозначено все Средиземное море, в то время как в данном случае – лишь его западная часть по отношению к Греции/Аркадии.

350. μέρμερον ἔθνος ἀγαυῶν Λατίνων: выражение для обозначения жителей Лация или самого Рима (Eust. *Ad Dion. Per.* 350); ср.: Ps.-Scyl. 8 (о землях латинян).

μέρμερον: ср. изначальное значение слова у Гомера («грозный, страшный, тяжелый», только в «Илиаде», например: VIII.453; X.289 и др.), Гесиода (*Theog.* 603), Ликофрона (*Alex.* 949), Никандра (*Ther.* 248); в отношении людей ср.: Plato. *Hipp. Ma.* 290e («ловкий»); см. также: Eust. *Ad Dion. Per.* 350.

352–354. Θύμβρις... Θύμβρις... Θύμβρις: пример трехчастной анафоры.

«Самая царственная из всех рек» (βασιλεύτατος, ст. 353), Тимбр (т.е. Тибр) делит «желанный Рим», (ἱμερτὴν Ῥώμην, ст. 354), «Рим прославленный» (Ῥώμην τιμήεσσαν, ст. 355) на две части (ἄνδιχα), что подчеркнуто в тексте симплокой (двойным повторением) имени города (Eust. *Ad Dion. Per.* 350)[12].

Θύμβρις: (Θύβρις как вариант чтения в издании периэгезы Г. Бернхарди, 1828) в античной литературе это имя носило несколько рек, однако, чаще всего имелся в виду римский Тибр (Plut. *Rom.* 1.1 etc.; *AP.* 9.352; Herodian. I.11)[13]. Примечательны также частые упоминания сходного варианта *Thybris* в латинских поэтических текстах (например: Verg. *Aen.* II.782; III.500; VIII.330; Ovid. *Met.* XV.432; *Fast.* III.524; VI.714; Lucan. VI.810 и др.), которые уже античные комментаторы приписывали особенностям поэтического языка (ср.: Serv. *Ad Aen.* VII.31: *Tiber… in poemate Thybris vocatur*).

καθαρὸν ῥόον: характеристика Тибра как чистой реки очевидно идеалистична, поскольку чаще всего античные источники говорят о мутновато-желтом цвете вод Тибра (особенно в его нижнем течении, см.: Verg. *Aen.* VII.31; Hor. *Od.* I.2.13; II.3.8; *Sat.* II.1.8 и др.)[14].

εἰς ἅλα: т.е. в Тирренское море; об истоках Тибра у Периэгета нет информации, однако, другие античные свидетельства передают, что они находились в этрусских и умбрских Апеннинах (Strabo. V.2.1; Dion. Hal. *AR.* I.9; Plin. *NH.* III.53).

καθαρὸν ῥόον εἰς ἅλα βάλλει: фраза повторяется дословно в дальнейшем, при описании реки Ириды, ст. 783. Ср. выражение из «Аргонавтики» (Apoll. Rhod. II.401: Φάσις… εὐρὺν ῥόον εἰς ἅλα βάλλει; II.744: …εἰς ἅλα βάλλων).

ἐϋρρείτης: гомеровский эпитет «светлоструйный» (*Il.* VI.34: Σατνιόεντος ἐϋρρείταο παρ᾽ ὄχθας, «на брегах светлоструйной реки Сатниона», *Od.* XIV.257: Αἴγυπτον ἐϋρρείτην, «воды светлоструйного потока Египта») неоднократно используется Дионисием в отношении рек: в ст. 848 (о реке Ксанф), 984 (о реке Тигре), 1152 (о Ганге).

---

[12] *Hunter R.* Aspects of technique and style in the *Periegesis* of Dionysius // Des Géants à Dionysos. Mélange offerts à F. Vian / Éd. par *D. Accorinti* et *P. Chuvin*. Alessandria, 2003. P. 352.

[13] Подробнее об истории этого названия см.: *Philipp H.* Tiber // RE. 2. Reihe. Hbd. 11. 1936. Sp. 792–804.

[14] *Bernhardy G.* Geographi Graeci Minores ex recensione et cum annotatione Godofredi Bernhardy. Vol. 1. Dionysius Periegetes graece et latine cum vetustis commentariis et interpretationibus ex recensione et cum annotatione G.B. Pars prior et posterior. Lipsiae, 1828 (Nachdruck: Hildesheim; New York, 1974). P. 608; *Amato E.* Op. cit. P. 111.

ποταμῶν βασιλεύτατος ἄλλων: в действительности, Тибр не является самой крупной рекой Италии. Однако использование гомеровского *hapax legomenon* в качестве эпитета (Ἀτρείδη,.. σὺ γὰρ βασιλεύτατός ἐσσι «Агамемнон: державнейший ты между нами» – Hom. *Il.* IX.69) – это пример очередной идеализации и вариации Дионисия на тему эпического языка, что особенно подходит к контексту восхваления столицы империи.

ἱμερτήν: (ср. ниже в ст. 369 – о Кротоне, а также в ст. 537 и 845) эпитет восходит к еще одному гомеровскому *hapax legomenon*: ἱμερτὸν Τιταρησσόν, «Титаресий веселый», *Il.* II.751 (ср.: *Hom. hymn. Cer.* 417; *Hom. hymn. Merc.* 510; *Hom. hymn. Ven.* 2 и 3; Hesiod. *Theog.* 576–577: στεφάνους... ἱμερτούς; Pind. *Ol.* VI 8: ἐν ἱμερταῖς ἀοιδαῖς; *Pyth.* III.99; IX.75; см. также выражение Аполлония Родосского: ἱμερτὴ Πιτύεια – IV.565).

ἀποτέμνεται: пример обыгрывания Периэгетом словоупотребления Арата (περιτέμνεται как *terminus technicus* при описании геометрических фигур, Arat. *Phaen.* 49–50 Martin), отмеченный уже исследователем текста «Явлений» Маасом[15], причем Дионисий использует этот глагол в географическом значении.

354–356. Ῥώμην/ Ῥώμην: пример симплоки – стилистической фигуры повторения в смежных стихах, у которых одинаковые начало и конец при разных серединах.

Ῥώμην τιμήεσσαν: заимствование из Каллимаха (*Hymn.* 4.218: Ἥρα τιμήεσσα, πολὺ προὔχουσα θεάων «Гера, моя госпожа, средь богинь высочайшая саном!», пер. С.С. Аверинцева)[16].

ἐμῶν μέγαν οἶκον ἀνάκτων: очередной пример дионисиевой *imitatio cum variatione* при описании города Рима, представляющая собой параллель к стиху Каллимаха из эпилога к «Причинам» (Frag. 112.8 Pfeiffer: χαῖρε, Ζεῦ, μέγα καὶ σύ, σάω δ' [ὅλο]ν οἶκον ἀνάκτων «Славься, великий Зевс, и да храни в целости дом (моих) повелителей»), в котором александрийский поэт воздает хвалу царскому дому Птолемеев[17].

ἐμῶν ἀνάκτων: Евстафий Солунский подчеркивает в своем комментарии к периэгезе Дионисия, что в позднегреческих текстах слово ἄναξ никогда не относилось к римским консулам, но подразумевало обычно императора (Eust. *ad Dion. Per.* 350). Далее Евстафий ошибочно идентифицирует этого императора с Нероном или Августом. Поскольку в данном случае Дионисий говорит от первого лица (ἐμῶν), содержание этих стихов позволяет, казалось бы, установить более или менее точную дату создания географической поэмы. Однако, учитывая произвольность гипотезы Евстафия о написании поэмы в I в. н.э., следует все же согласиться с убедительными доказательствами и выводами позднейших ученых о датировке произведения II в. н.э. [18].

---

[15] *Maass E.* Aratea. B., 1892. P. 257–258.

[16] *Counillon P.* La *Périégèse de la terre habitée* et l'Hymne *à Délos* de Callimaque // REA. 2004. Vol. 106.1. P. 193.

[17] *Hunter R.* Op. cit. P. 344; *Counillon P.* Op. cit. P. 193.

[18] На основании обнаруженных Г. Лойе в конце XIX в. в тексте периэгезы акростихов подавляющее большинство исследователей относит творчество Дионисия к периоду правления императора Адриана (117–138 гг.); подробнее к вопросу о датировке поэмы см.: *Илюшечкина Е.В.* О двух акростихах в географической поэме Дионисия Периэгета // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2003. С. 100-103; *она же.* Еще раз о датировке поэмы Дионисия

μητέρα πασάων πολίων: пример стилистического приема тмесис (разделение слова), здесь – как перифрастическое выражение для μητρόπολις («метрополия, столица»), для которого, возможно, послужила образцом одна из строк Пиндара: μεγαλὰν πολίων ματρόπολιν «[быть Фере] матерью больших городов» (Pind. *Pyth.* IV.19–20).

τὸ ἕδεθλον: обычно означает «основание, почва, опора» в качестве синонима ἔδαφος (Eust. *Ad Dion. Per.* 350), а здесь выступает в значении «храм, святилище»; излюбленное словоупотребление александрийских поэтов (ср.: Call. *Hymn.* 2.62, 72; IV.228; Frag. 12.4, 162.1 Pfeiffer; Apoll. Rhod. IV.331, 630; Lyc. *Alex.* 987, 800: ἐδέθλιον). Дионисий использует вместе с ним традиционный эпитет **ἀφνειόν** «богатый, обильный» (ср.: Hom. *Il.* II.825 и др.; Hes. Frag. 134.2; Pind. *Ol.* VII.1; Apoll. Rhod. I.57), который встречается в его тексте по отношению к городам еще лишь раз (ст. 258: ἀφνειὴν... πόλιν – об Александрии), а в большинстве случаев относится к людям (стт. 564, 734, 955, 1004).

357. Καμπανῶν λιπαρὸν πέδον: расхожее мнение о плодородии Кампании известно по многим античным источникам, например: Plin. *NH.* III.60; Strabo. V.4.3 и др.

357–359. μέλαθρον: «кровельная балка, кровля», здесь – синекдоха (обозначение целого через его часть), в поэтическом языке используется со времен Гомера (*Il.* II.414, о дворце Одиссея: *Od.* XVIII.150; XIX.544; XXII.239); ср.: Aesch. Frag. 160 Radt; Aristoph. *Av.* 1247; *Thes.* 41, 874; Lycoph. *Alex.* 770.

ἁγνῆς Παρθενόπης... Παρθενόπης: по одной из версий мифа, Парфенопа – одна из Сирен, бросившаяся вместе с сестрами в море после того, как мимо их острова смог беспрепятственно проплыть корабль Одиссея (Hom. *Od.* XII.167 sqq.). Эпаналепсис (стилистический прием, предполагающий простое удвоение слова) имени Парфенопы, возможно, обыгрывает гомеровскую анафору в рассказе об Одиссее (Hom. *Od.* XII.189–191: ἴδμεν... ἴδμεν).

Согласно преданию, на побережье, куда волнами прибило тело Парфенопы, местные жители соорудили и посвятили ей культовое святилище (Tim. FGrH. 566. Frag. 98 = *Schol. in Lycophr.* 732; см. также комментарий к этому пассажу: Jacoby Bd. IIIb. S. 580 f.; ср.: Arist. *Mir.* 103; Lycoph. *Alex.* 717–718; Strabo. I.2.13, 18; V.4.7; Eust. *Ad Hom. Od.* XII.167)[19]. Позже рядом со святилищем был основан город, названный в честь Сирены Парфенопеей (позднее переименованный в Неаполь) (Strabo. V.4.7; Ovid. *Met.* XIV.101; Plin. *NH.* III.62; Sil. Ital. XII.33; Solin. II.9; Steph. Byz. s.v. Νεάπολις). Можно также предположить, что выражение Дионисия μέλαθρον ἁγνῆς Παρθενόπης («святилище непорочной Парфенопы») метафористически указывает на город Парфенопею.

Евстафий передает другую версию мифа, в которой Парфенопа предстает в образе девы, влюбившейся во фригийского юношу Метиоха; презирая себя за слабоволие, она обрезает волосы и бежит в Кампанию, превратившись с помощью Афродиты в птицу (Eust. *Ad Dion. Per.* 358); схожая версия в *Schol. In Dion. Per.* 358, где Парфенопа выступает в качестве уроженки о-ва Самоса, ср. фрагменты греческого романа «О Ме-

---

Периэгета // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. Вып. 9. СПб., 2005. С. 94–99.

[19] См. также: *Pais E.* The Temple of the Sirens in the Sorrentine Peninsula // AJA. 1905. Vol. 9. P. 1–8.

тиохе и Парфенопе» (P. Berol. 2179, P. Berol. 7927, P. Berol. 9588), датированные II в. н.э.[20].

ἁγνῆς: гомеровский эпитет «непорочный, праведный» (*Od.* V.123; XVIII.202 и др.), употребляемый в основном по отношению к богам: Артемида (см. вышеназванные места из «Илиады»), Деметра (*Hom. hymn. Cer.* 203, 439), Персефона (Hom. *Od.* XI.386; *Hom. hymn. Cer.* 337), Аполлон (Pind. *Pyth.* IX.64).

P. Николаи предлагает вместо этого чтения принять вариант ἁγνόν (т.е. отнести эпитет к святилищу), подтверждаемый некоторыми рукописями и текстом перевода Присциана (*domus Parthenopes castissima*)[21]; однако этому предложению Николаи противоречит чтение Евстафия Солунского: ἁγνὴν τὴν Παρθενόπην (Eust. *Ad Dion. Per.* 358).

360. Σειρηνίδα πέτρην: редко встречающаяся форма топонима, представляющая собой *hapax legomenon* Дионисия; ср. аналогичные формы: Ps.-Scymn. 225 (Σειρηνίδες… νῆσοι); Tzetz. *Chil.* I.341 (πέτρας… Σειρηνίδας).

Три необитаемых острова Сирен упомянуты также Страбоном (V.4.8). Географ описывает их местоположение неподалеку от длинного и узкого мыса Сиренусса в Кумском (совр. Неаполитанском) заливе; впрочем, в античную эпоху споры о местоположении островов Сирен велись на протяжении нескольких веков (ср.: Eratosth. I A 12 Berger = Strabo. I.2.12; Arist. *Mir.* 103).

Клавдий Салмазий, французский ученый и эрудит XVII в., полагал, что используемое Дионисием словосочетание Σειρηνὶς πέτρα обозначает не мыс, а острова Сирен, т.е. Сиренуссы[22].

361. Πευκεντίνου Σιλάροιο: (совр. р. Селе), «Певкентинская Силарида» – река, которая впадает двумя рукавами в современный Салернский залив и служит границей между Луканией и Кампанией (Strabo.V.4.13; Plin. *NH.* III.71).

Πευκεντί(ν)ου: этим прилагательным Дионисий одновременно указывает на певкентинов, населявших области рядом с рекой или ее истоками (*Schol. in Dion. Per.* 360), добавляя ради метра дополнительную **ν**, иначе следовало бы ожидать написания Πευκέντιον (Eust. *Ad Dion. Per.* 358).

Певкентинов Дионисия можно сопоставить с самнитским племенем певкетиев Псевдо-Скилака (Πευκετιεῖς, διήκοντες ἀπὸ τοῦ Τυρσηνικοῦ πελάγους εἰς τὸν Ἀδρίαν («…певкетии, живущие от Тирренского моря до Адриатического» – Ps.-Scyl. 15; ср.: *Schol. in Dion. Per.* 375, где упоминаются савниты у реки Силариды) или с пикентинцами Страбона, которые населяли Тирренское побережье за Кампанией и областью самнитов (μετὰ δὲ τὴν Καμπανίαν καὶ τὴν Σαυνίτιν ἐπὶ μὲν τῇ Τυρρηνικῇ θαλάττῃ τὸ τῶν Πικέντων ἔθνος οἰκεῖ, μικρὸν ἀπόσπασμα τῶν ἐν τῷ Ἀδρίᾳ Πικεντίνων («за Кампанией и страной самнитов, вплоть до берегов Тирренского моря, обитает племя пикентинцев – незначительная ветвь пикентинцев, живущих на Адриатическом море» – Strabo. V.4.13).

362–363. Λευκανοὶ καὶ Βρέντιοι: греческие формы названий двух южноиталийских племен (*Lucani*; выбранная Дионисием форма этнонима

---

[20] Ancient Greek Novels. The Fragments / Ed. *S.A. Stephens, J.J. Winkler*. Princeton, 1995. P. 72–100.

[21] *Nicolai R.* [Рец.:] *Is.O. Tsavari.* Histoire du texte de la Description de la terre de Denys le Périégète. Jannina, 1990; Dionysiou Alexandreos Oikumenes periegesis (ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΩΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΗΓΗΣΙΣ. Κριτική ἔκδοση) / Ed. *Is.O. Tsavari.* Ioannina, 1990 // RFIC. 1992. Vol. 120. P. 483.

[22] *Salmasius Cl.* Plinianae exercitationes in Solini. Utrecht, 1689². P. 45.

Βρέντιοι представляется более древней по сравнению со встречающейся у большинства греческих авторов формой Βρέττιοι с двойным τ[23]; ср. также: Βρύττιοι – App. *BC.* IV.43; V.19; Βρούττιοι – Ptol. *Geogr.* III.1.9; *Bruttii* Liv. VIII.24 и др.).

Первоначально бреттии/бруттии, как и левканы/луканы, продвинувшись с севера Италии, обосновались во внутренних областях современной Калабрии; в дальнейшем бреттии отделились от левканов (Strabo. V.3.1; VI.1.2), а при разделении провинций в период правления Августа область бруттиев была включена с Луканией в общий административный округ (Plin. *NH.* III.71).

Λευκὴν ἐπὶ πέτρην: тмесис (стилистический прием, состоящий в разъединении морфем одного слова) «Белая скала», мыс на южной оконечности Апеннин (совр. Капо делл'Арми), известный древним мореходам, прежде всего, как один из прибрежных ориентиров (ср.: Thuc. VII.35; Strabo. V.1.3; VI.1.7; Plin. *NH.* III.74; Ptol. *Geogr.* III.1.9) и называемый иногда *Bruttium promontorium* (Plin. *NH.* III.5; Mela. II.68). Ср. описание местоположения племен левканов и бреттиев у Дионисия с пассажем Страбона: τῶν Λευκανῶν καὶ Βρεττίων διεξιόντα τελευτᾷ πρὸς τὴν Λευκόπετραν, «(*sc.* Апеннины,) проходя через (центр области) левканов и бреттиев, оканчиваются у Левкопетры» (Strabo. V.1.3).

После того, как Дионисий упоминает Левкопетру – самую южную точку в его схематичном очертании Апеннинского полуострова, – он мысленно начинает продвигаться к северу вдоль восточного побережья Италии.

364. Ζεφύρου... ἄκρη: (совр. Капо Бруццано или Капо Спартивенто) ради метра Дионисий использует трехсложное название мыса вместо привычной формы с четырьмя слогами Ζεφύριον (так у Strabo. VI.1.7; Ptol. *Geogr.* III.1.10. См.: Eust. *Ad Dion. Per.* 364; ср.: *Schol. in Dion. Per.* 361). По имени мыса Зефирий получил свой эпитет южноиталийский город Локры (Эпи)зефирские (Eust. *Ad Dion. Per.* 364).

365–367. Λοκροί: в контексте Дионисия имеются в виду жители города, а не сам город (ср. Ps.-Scyl. 13; Ps.-Scymn. 312–317 Marcotte, с комментариями, P. 187–188).

Упоминание Периэгетом неподалеку от колонии локрийцев мыса Зефирий может служить обыгрыванием античного названия Λοκροὶ Ἐπιζεφύριοι (Hecat. FGrH. 1. Frag. 83; Hdt. VI.23 и др.) или Λοκροὶ Ζεφύριοι (ср.: Λοκρῶν... οἵ τ' ἀργίλοφον πὰρ Ζεφυρίου κολώναν ν[αίονθ' ὑπὲ]ρ Αὐσονία[ς ἄκρας], λι[παρὰ πόλ]ις («богатый город локрийцев, живущих у беловерхого утеса Зефирия на краю Авсонийской земли» – Pind. Frag. 140b Snell; ср.: Pind. *Ol.* X.13: πόλιν Λοκρῶν Ζεφυρίων «Зефирские Локры» и др.)[24].

σφετέρης μιχθέντες ἀνάσσης: Дионисий в данном случае следует версии Аристотеля об основании Локр (F 547 Rose): Аристотель передает местное предание о том, что в состав колонистов, которые основали Локры, входили изгнанные вернувшимися с войны мужьями свободные женщины из сицилийской метрополии, их рабы и дети, рожденные от совместных браков с ними (также в: *Schol. in Dion.* 361; в достоверности

[23] *Counillon P.* Op. cit. P. 200; *Amato E.* Op. cit. P. 118.

[24] Подробнее см.: *Costamagna L., Sabbione C.* Una città in Magna Grecia: Locri Epizefiri. Reggio Calabria, 1990.

аристотелевской версии сомневается Тимей из Тавромения: Tim. FGrH. 566 Frag. 12 Jacoby = Polyb. XII 5, 7)[25].

μιχθέντες ἀνάσσης: из нескольких рукописей периэгезы и текста комментария Евстафия известно чтение πεισθέντες ἀνάσσῃ (или ἀνάσσῃς) вместо μιχθέντες. С одной стороны, у этого варианта есть объяснение, что, якобы, речь идет тогда о договоре с Римом (Eust. *Ad Dion. Per.* 364: ἄνασσαν τὴν Ῥώμην νοοῦντες, «подразумевая под „госпожой" Рим»), с другой – он вызвал дополнительное, смешанное, разночтение μιχθέντες ἀνάσσῃ (так у Присциана, ст. 360: *reginam propriam venere secuti*). По мнению Р. Николаи, однако, чтение μιχθέντες ἀνάσσῃ неудовлетворительно, поскольку не опирается на исторические свидетельства[26].

367. Ἄλικος: (совр. Аличе, или Фьюмара Портильола; см.: *Raschieri A.A.* Op. cit. P. 79) по реке Галек в Бруттии (упомянутой впервые у Фукидида: III.99) проходила граница между областью локрийцев и Регием (Tim. FGrH. 566. Frag. 43b = Strabo VI.1.9; Avien. 515; Prisc. 361).

368. Μεταπόντιοι: Дионисий локализует метапонтийцев между Локрами и Кротоном, в то время как археологически колония Метапонт засвидетельствована на побережье севернее Сибариса (ср.: Hdt. IV.15.1–2; Ps.-Scyl. 14; Arist. *Mir.* 108; Ps.-Scymn. 326–329 Marcotte; Strabo. VI.1.15; Eust. *Ad Dion. Per.* 368)[27].

369–371. Κρότωνος: ахейская (эолийская) колония, основанная в VIII в. до н.э.; ср.: Ps.-Scyl. 13; Ps.-Scymn. 323–325 Marcotte; Dion. Hal. *AR.* II.59.3; Strabo. VI.1.12[28].

Кротон славился своими атлетами: город имел большое число олимпийских победителей (Strabo. VI.1.12; *Schol. in Dion.* 369; Eust. *Ad Dion. Per.* 369)[29]. Кротонцы пытались даже конкурировать с общеэллинскими играми в Олимпии (Tim. FGrH. 566. Frag. 44 = Athen. XII.522a), устроив игры в честь Геры Лакинии, на которые собирались все италики (Arist. *Mir.* 96).

ἐϋστεφάνοιο Κρότωνος: схолиаст, так же как и Евстафий, объясняет смысл прилагательного ἐϋστέφανος («увенчанный») многочисленными наградами, полученными кротонцами за победы в панэллинских играх (*Schol. in Dion. Per.* 369; Eust. *Ad Dion. Per.* 369).

Салмазий, однако, полагает, что в выражении ἐϋστεφάνοιο Κρότωνος Дионисием используется гомеровский эпитет с формантом εὐ- в значении «обнесенный стеной, укрепленный», т.е. в том же значении, что и у Гомера (ἐϋστεφάνῳ ἐνὶ Θήβῃ, «в опоясанных башнями Фивах», *Il.* XIX.99), Пиндара (Ἰλίῳ μέλλοντες ἐπὶ στέφανον τεῦξαι, «возносили стены венца над Илионом», *Ol.* VIII.32) и Анакреонта (νῦν δ' ἀπὸ μὲν στέφανος πόλεως ὄλωλεν, «города стены – венец его; ныне они погибли», пер. С. Ошерова, Frag. 46 Page)[30].

---

[25] См. также: *Coccaro Andreou F.* I moltiplici livelli de lettura della *Periegesi della Terra abitata* di Dionisio d'Alessandria // Primum Legere. Annuario delle Attività della Delegazione della Valle del Salerno dell'A.I.C.C. *I* / A cura di *E. Amato*, *F. D'Avino*, *A. Esposito*. Salerno, 2002. P. 105–133.

[26] *Nicolai R.* Op. cit. P. 483; об основании Локр см. также: *Amato E.* Op. cit. P. 114–118.

[27] Ср. также: *Mayer M.* Metapontium // RE. 1932. Bd. 15. Sp. 1327.

[28] *Giangiulio M.* Ricerche su Crotone arcaica. Pisa, 1989. *Passim*, особ. 131 s.

[29] Подробнее см.: *Morgan C.* Athletes and Oracles. The Transformation of Olympia and Delphi in the Eighth Century B.C. Cambr., 1990. P. 172–178.

[30] *Salmasius Cl.* Op. cit. P. 46.

Αἰσάρου: в древности Кротон стоял на реке Айсар, названной по имени некоего охотника Айсара (Eust. *Ad Dion. Per.* 369); ср.: Theocr. *Id.* IV.17; Strabo. VI.1.12. В настоящее время русло современной реки Эсаро изменилось, и она впадает в Тарентский залив, севернее античного Кротона[31].

αἰπὺν Λακινιάδος δόμον Ἥρην: на мысе Лакинион (совр. Капо делле Колонне) располагалось знаменитое святилище Геры Лакинии, основанное, согласно мифологической традиции, Гераклом во искупление совершенного им убийства местного правителя Лакиния (Serv. *Ad Aen.* III.552)[32]; по другой версии, основание храма, как и колонии Кротон, связано с коринфской Керкирой (*Schol. in Theocr.* IV.32 sq.; ср.: Diod. IV.32 sq.; Lycophr. 856)[33]. Сервий также передает вариант мифа, по которому храм стал даром богине Гере от нереиды Фетиды (*Ad Aen.* III.552); аналогичная версия сохранилась у Ликофрона, где, однако, Фетида посвящает Гере огороженное место (ὄρχατος, «ограда; сад»), или священную рощу (857; *Schol. in Lycophr.* 857), предшествующую постройке дорического храма архаического или классического времени[34]; ср. также: Ps.-Scyl. 13; Strabo. VI.1.11; Liv. XXIV.3; Eust. *Ad Dion. Per.* 371.

372–374. Σύβαρις: ахейская (эолийская) колония, основанная в VIII в. до н.э. на одноименной реке.

Сибариты также проводили собственные священные игры по типу панэллинских Олимпийских игр, проходивших раз в четыре года рядом с храмом Зевса на реке Алфей (ср.: Heracl. Pont. Frag. 49 Wehrli = Athen. XII.552a; Ps.-Scymn. 340–356 Marcotte); в 511/510 г. до н.э. Сибарис был разрушен кротонцами[35]. Ср.: Herod. VI.127.1; Tim. FGrH. 566. Frag. 50; Diod. XII.9.2; Strabo. VI.1.13; Eust. *Ad Dion. Per.* 373.

375. Σαυνῖται... καὶ Μαρσῶν... φῦλα: упомянутые здесь савниты (греческая форма италийского этнонима «самниты», ср.: Eust. *Ad Dion. Per.* 375) вели свое происхождение от сабинян и обитали во внутренних областях южной Италии (Ps.-Scyl. 15; Diod. XX.64 и др.; Strabo. V.4.12)[36].

Марсы изначально также принадлежали к самнитскому племени, однако в IV в. до н.э. образовали отдельный союз вблизи Фуцинского озера (Diod. XX.101; Strabo. V.3.13; Liv. VIII.29; IX.45; ср.: *Schol. in Dion. Per.* 375, где марсы локализованы у реки Сибарис).

Указывая эти два италийских племени, Дионисий мысленно отступает от прибрежной линии и намечает внутренние области центральной и южной Италии.

376–377. Τάρας... ἦν ποτ' Ἀμυκλαίων ἐπολίσσατο καρτερὸς Ἄρες: «Тарант, который некогда укрепил могучий Арес Амиклейский» – упоминая Ареса Амиклейского (т.е. Лаконского), Дионисий здесь имеет в виду ос-

---

[31] Подробнее см.: *Gallo L.* Ambienti e paesaggio in Magna Grecia: le fonti letterarie // Ambiente e paesaggio nella Magna Grecia. Atti del quarantaduesimo convegno di Studi sulla Magna Grecia (Taranto, 5–8 ott. 2002). Taranto, 2003. P. 107–132, особ. 119–121.

[32] Ср.: *Roscher W.H.* Hera (1) // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von *W.H. Roscher*. Leipzig, 1884–1890. Bd. 1. Sp. 2086–2087; *Raschieri A.A.* Op. cit. P. 79.

[33] См. также: *Giangiulio M.* Op. cit. P. 121–130.

[34] *Giannnelli G.* Culti e miti della Magna Grecia. Firenze, 1963. P. 135-151; *Edlund I.E.M.* The Sacred Geography of Southern Italy in Lycophron's *Alexandra* // Opuscula Romana. 1987. Vol. 16.2. P. 48.

[35] *Philipp H.* Sybaris // RE. 2. Reihe. Hbd 7. 1931. Sp. 1002–1011, здесь – Sp. 1008; *Giangiulio M.* Op. cit. P. 270–271.

[36] *Ростовцев М.И.* Самниты // *Ростовцев М.И.* Miscellanea: Из журналов Русского Зарубежья (1920–1939). СПб., 2004. С. 137–151.

нование спартанцами в VIII в. до н.э. южноиталийской колонии Тарант; греческая колония, как и одноименная река, названы в честь героя Таранта (Eust. *Ad Dion. Per.* 376)[37]. Ср.: Hdt. I.24.1–2; III.136.1; III.138.2; Ephor. FGrH. 70. Frag. 216 = Strabo. VI.3.3; Ps.-Scyl. 14; Ps.-Scymn. 330–333 Marcotte; Diod. XV.66; Paus. X.10.8.

378–379. Καλαβρίδος ἤθεα γαίης... φῦλα τ' Ἰηπύγων: «поселения Калабрийской земли и племена япигов» – обобщающее имя Καλαβρία (латинская форма *Calabria*) в античный период носила вся юго-восточная часть Апеннинского полуострова от Таранта до Апулии (т.е. Япигии). Италийские племена, населявшие эту часть полуострова, как правило, назывались япигами, мессапами и саллентинцами, но не калабрийцами. В конце VII в. н.э. название «Калабрия» было перенесено на юго-западную часть Италии, которая прежде носила имя «Бреттий»[38].

379–380. μέσφ' Ὑρίοιο παραλίης, Ὑρίου... : данный топоним не следует путать с поселением *Hyria* во внутренних областях Калабрии между Брундизием и Тарантом (о нем: Hdt. VII.170; Strabo. VI.3.6; Plin. *NH.* III.100)[39]. Здесь Дионисий имеет в виду *Hyrion*, расположенный на давнийском побережье к западу от мыса Гарган (совр. Гаргано), напротив Диомедовых островов (Strabo. VI.3.9: Οὔριον; Ptol. *Geogr.* III.1.14: Ὕριον), однако Периэгет использует женскую форму этого имени (согласованного с παραλίης) (Eust. *Ad Dion. Per.* 378). По поводу эпаналипсиса ср. аналогичный пример повтора в географическом контексте одного из гимнов Каллимаха: Κρεῖον δ' εἰς ὄρος ᾠκίσατο, Κρεῖον ὄρος («И ушел в Крейских горах обитать, / В Крейских горах» – Call. *Hymn.* 5.40–41)[40].

380. Ἀδριὰς ἅλμη: указывая город *Hyria/-on*, Дионисий намечает южную границу Адриатического моря (ср.: ст. 92 sq.), а называя город Тергеста (ст. 382), обозначает крайний северный пункт этого моря[41]. Ср.: Ps.-Scyl. 14, где мыс Гарган и λιμὴν' Ὑδρούς схожим образом образуют границу между Адриатическим и Ионическим морями.

381. πόντον... Ἀκυλήϊον: этим именем обозначена самая северная часть Адриатического моря (ср.: Eust. *Ad Dion. Per.* 378 и 389: ὁ Ἀκυλήϊος κόλπος) у Аквилеи, крупного италийского города, расположенного на Адриатическом побережье (Ἀκυληΐα: у большинства греческих авторов, ср. Strabo IV.6.9; V.1.8; Ἀκουιληΐα: Ptol. *Geogr.* III.1.29; VIII.8.6). Топоним «Аквилея» представляет собой, вероятно, грецизированную форму (ἀκύλας) местного названия, производного от латинского слова *aquila* («орел») (Eust. *Ad Dion. Per.* 378).

382. ἄστυ Τεγεστραίων: т.е. город Те(р)геста (совр. Триест), древняя восточная граница Италии (также у Strabo. VII.5.2; Plin. *NH.* III.127–128; однако, по Птолемею, Тергеста уже относится к Истрии – Ptol. *Geogr.* III.1.27). Форму Τεγεστραίων вместо Τεργεσταίων Периэгет употребляет, скорее всего, ради метра[42], хотя известны и другие свидетельства, пере-

---

[37] Ср.: *Wuilleumier P.* Tarent, des origins à la conquéte romaine. P., 1939. Passim, особ. P. 29–33; *Kingsley B.M.* The Reclining Heroes of Taras and their Cult // CSCA. 1979. Vol. 12. P. 201–220; см. также: *Malkin I.* Myth and Territory in the Spartan Mediterranean. Cambr., 1994. P. 115–142; *Burgers G.-J.L.M.* Constructing Messapia Landscapes. Amsterdam, 1998. P. 191–194; *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004. С. 320–321.

[38] *Hülsen.* Calabria // RE. Hlbd. 5. 1897. Sp. 1325–1326.

[39] *Bernhardy.* Op. cit. P. 616.

[40] *Tsavari Is.O.* Op. cit. P. 61.

[41] *Göthe A.* De fontibus Dionysii Periegetae (Diss... Göttingen). Gottingae, 1875. P. 26.

[42] *Raschieri A.A.* Op. cit. P. 81.

дающие эту форму: Τέγεστρα (Artemidor. y Steph. Byz. s.v.; Marin. y Ptol. *Geogr.* I.15.4).

μυχάτου (также в ст. 924)**:** нерегулярная форма превосходной степени прилагательного μύχιος «глубокий; внутренний», используемая александрийскими поэтами (ср.: Call. *Hymn.* 3.68; Apoll. Rhod. I.170; Nic. *Ther.* 11).

383. τόσσα… ἔθνεα… : традиционное формульное выражение, характерное для дидактической манеры (ср.: Dion. *Per.* 56, 320, 330, 363, 612, 627, 679, 761, 797, 960, 1034, 1062, 1166) – в данном случае, завершающее описание Италии.

EKATERINA V. ILYUSCHECHKINA (MOSKAU)

BESCHREIBUNG ITALIENS IN DER *PERIEGESE* DES DIONYSIOS VON ALEXANDRIA (vv. 339–383)

Der Aufsatz stellt einen historisch-philologischen Kommentar zu einem Abschnitt aus dem geographischen Lehrgedicht des Dionysios von Alexandria (genannt auch Periegetes, 2. Jh. n. Chr.) dar, der der Beschreibung Italiens gewidmet ist.

Der Abschnitt über die Apenninenhalbinsel (vv. 339–383) steht im Zentrum der dionyseïschen Beschreibung Europas (vv. 270–446). Ein besonderer Platz in der Passage über Italien gehört dem „ersehnten Rom, dem Prachthaus meiner Gebieter“ und dem Tiber, „dem König vor allen den Flüssen“, deren Beschreibung als ein *Encomion* zu Ehren der Hauptstadt des Imperiums betrachten werden kann. Auf diese Weise wird durch den Kompositionsaufbau indirekt auf die zentrale Stellung der Kaisermacht verwiesen.

Nach Dionysios wird die Halbinsel von Nord nach Süd von den Apenninen durchschnitten, wodurch Italien in zwei Hälften geteilt wird (vv. 339–344). Es ist bekannt, dass der heutige Vergleich des Umrisses Italiens mit einem „Stiefel“ erst im 14. Jh. entstanden ist (Amato (2005) 107. Nota 143), während für die Antike kennzeichnend war, die Silhouette Italiens mit einem Dreieck (Polyb. II.14.4) oder mit einer vierseitigen Figur (Strabo. V.1.2) zu vergleichen. Wahrscheinlich stellte sich Dionysios Italien auf ähnliche Weise vor: Als eine vierseitige Figur mit einem breiten Boden an den Alpen und einem verengten Teil an der Straße von Messina (vgl. auch die Vergleiche des Umrisses Italiens mit der Form eines Eichenblattes – Plin. *NH.* III.43; Solin. 2.20, oder eines Efeublattes – *Schol. ad Arat.* 236).

Die Aufzählung der italischen Völker und Stämme beginnt Dionysios von einem Punkt im Nordwesten, bewegt sich in Gedanken weiter entlang der Küste (wie in einem Periplus) und kommt so zum nordöstlichsten Punkt Italiens, neben dem heutigen Venedig (vv. 347–349: Tyrrhener und Pelasger, vv. 350–356: Latiner, v. 357: Kampaner, v. 362: Lukaner und Bruttier, vv. 375–377: Samniten und Marser, v. 379: Japiger). Nur einmal verstoßt Dionysios gegen die übliche Aufzählung der griechischen Kolonien, als er zuerst Metapontium (v. 368), und erst danach Kroton (v. 368) und Sybaris (v. 373) erwähnt.

Сведения об авторах

Ахиев Сергей Николаевич (Саратов) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира СГУ. Область научных интересов: история и идеология позднереспубликанского Рима; история римского права. Эл. адрес: responsum@list.ru

Банников Андрей Валерьевич (Санкт-Петербург) – к.и.н., ст. преп. кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. Область научных интересов: позднеримская армия, средневековые латинские манускрипты, агиография. Эл. адрес: banav@mail.ru

Габелко Олег Леонидович (Казань) – д.и.н., доц. кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета КГУ. Область научных интересов: история, археология, эпиграфика, нумизматика, историческая география эллинистических государств Малой Азии и Причерноморья. Эл. адрес: gabelko@mail.ru

Дементьева Вера Викторовна (Ярославль) – д.и.н., проф. кафедры всеобщей истории ЯрГУ, научный руководитель и директор научно-образовательного центра ЯрГУ. Область научных интересов: история римской республики, римское республиканское право, историография античной истории. Эл. адрес: vv_dementieva@mail.ru

Илюшечкина Екатерина Викторовна (Москва) – к.и.н., науч. сотр. ИВИ РАН. Область научных интересов: классическая филология, античная география, новолатинская литература. Эл. адрес: cath_eliana@mail.ru

Козленко Алексей Владимирович (Минск, Беларусь) – ст. преп. Минского института управления. Область научных интересов: античная военная история, археология. Эл. адрес: aerarium2000@mail.ru

Коптев Александр Викторович (Хельсинки, Финляндия) – д.и.н. Эл. адрес: koptev@elisanet.fi

Копылов Иван Александрович (Москва) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ. Область научных интересов: античное христианство, Великое переселение народов, история Римской Африки, история арианства. Эл. адрес: ivan.a.kopylov@gmail.com

Короленков Антон Викторович (Москва) – к.и.н. Область научных интересов: начальный этап гражданских войн в Риме I в. до н.э., творчество Саллюстия. Эл. адрес: sallust@list.ru

Коссаифи Кристин (Севр, Франция) – преподаватель академии Орлеан-Тур. Область научных интересов: эллинистическая поэзия и ее связи с римской элегической поэзией, буколическая поэзия Феокрита, буколический миф. Эл. адрес: Christine.Kossaifi@ac-orleans-tours.fr

Кузьмин Юрий Николаевич (Самара) – к.и.н., доц. Самарского филиала МГПУ. Область научных интересов: Македония, Антигониды, просопография. Эл. адрес: yurimac@yandex.ru

Кюссэ Кристоф (Лион, Франция) – профессор *Ecole Normale Supérieure Lettres et Sciences Humaines*. Область научных интересов: эллинистическая поэзия (Ликофрон, Феокрит, Арат, Аполлоний Родосский, Каллимах), история науки (Александрия), греческая и римская новая комедия. Эл. адрес: Christophe.Cusset@ens-lsh.fr

Ладынин Иван Андреевич (Москва) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира МГУ. Область научных интересов: история эпох чужеземного владычества в Египте Позднего времени, древнеегипетская идеология царской власти, обоснование власти правителей в эпоху эллинизма, взаимодействие египетской и античной культур, проблемы исторической географии и хронологии древности. Эл. адрес: ladynin@mail.ru

Ломтадзе Георгий Альбертович (Москва) – к.и.н., науч. сотр. Государственного Исторического музея. Область научных интересов: история и археология Боспора, античная торговля, керамический импорт. Эл. адрес: gylomtadze@mail.ru

Ляпустин Борис Сергеевич (Москва) – к.и.н., доц. кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(у)МИД РФ. Область научных интересов: экономическая история древнего Рима; история культуры древнего мира. Эл. адрес: bsl51@mail.ru

Мосолкин Алексей Владиславович (Саратов) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира СГУ. Область научных интересов: история основания Рима и литературная традиция; начало римской историографии. Эл. адрес: mosolkin@mail.ru

Парфенов Виктор Николаевич (Саратов) – д.и.н., проф., зав. кафедрой истории древнего мира СГУ. Область научных интересов: военно-политическая история Рима. Эл. адрес: vparfenov@list.ru

Рунг Эдуард Валерьевич (Казань) – к.и.н., доц. кафедры истории и связей с общественностью Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. Область научных интересов: греко-персидские отношения; межгосударственные отношения и дипломатия в классической Греции; идеология греков классического периода. Эл. адрес: eduard_rung@mail.ru

Сергеева Елена Валентиновна (Новгород Великий) – к.и.н., доц., зав. кафедрой всеобщей истории Новгородского государственного университета. Область научных интересов: раннее христианство, проблемы христианской идентичности, ранняя агиография, христианство и семья, античные религии и христианство. Эл. адрес: e.sergejeva@mail.ru

Сивкина Наталья Юрьевна (Нижний Новгород) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Область научных интересов: Греция и Македония в период эллинизма, правление Филиппа V. Эл. адрес: siny@uic.nnov.ru

Сидорович Ольга Витольдовна (Москва) – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира РГГУ. Область научных интересов: история архаического и республиканского Рима, римская историческая традиция. Эл. адрес: varro52@mail.ru

Синицын Александр Александрович (Саратов) – к.и.н., доц. кафедры истории древнего мира СГУ. Область научных интересов: история и литература классической Греции. Эл. адрес: aa.sinizin@mail.ru

Скржинская Марина Владимировна (Киев, Украина) – д.и.н., ст. науч. сотр. отдела средних веков Института истории Украины АН Украины. Область научных интересов: античные письменные источники о Северном Причерноморье, культура и искусство VI–I вв. до н.э. Эл. адрес: kij@bk.ru

Сморчков Андрей Михайлович (Москва) – к.и.н. доц. кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ. Область научных интересов: религия и политика архаического Рима. Эл. адрес: smorchkovtuber@yandex.ru

Суриков Игорь Евгеньевич (Москва) – д.и.н., ведущий науч. сотр. отдела древней истории ИВИ РАН. Область научных интересов: политическая и культурная история архаической и классической Греции. Эл. адрес: isurikov@mail.ru

Химин Михаил Николаевич (Санкт-Петербург) – аспирант Академии художеств факультета истории и теории искусства. Область научных интересов: древнегреческая мифология, иконография троянских героев. Эл. адрес: himin@mail.ru

Циркин Юлий Беркович (Новгород Великий) – д.и.н., проф. кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета. Область научных интересов: древняя Испания, политическая история Рима, мифология и религия Древнего Средиземноморья, финикийская культура.

Чурекова Наталия Борисовна (Саратов) – к.и.н., асс. кафедры истории древнего мира СГУ. Область научных интересов: история и археология Северного Причерноморья, греческая колонизация, отношения колонии и метрополии. Эл. адрес: nat-churekova@list.ru

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ
Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

Выпуск 13

Редакционная коллегия:
доктор ист. наук В.Г. Борухович, канд. ист. наук В.И. Кац,
доктор ист. наук В.И. Кащеев, канд. ист. наук Ю.Н. Кузьмин,
доктор ист. наук Е.А. Молев, доктор ист. наук С.Ю. Монахов (зам. отв. редактора), канд. ист. наук А.В. Мосолкин (отв. секретарь),
доктор ист. наук В.Н. Парфенов (отв. редактор),
канд. ист. наук А.А. Синицын, канд. ист. наук Е.В. Смыков,
доктор ист. наук И.Е. Суриков, доктор ист. наук Э.Д. Фролов

Обложка *А.К. Филиппов, А.И. Жемков*
В оформлении использовано изображение детали фронтонной композиции храма Ара делла Регина в Тарквинии. Терракота, 4 в. до н.э. Тарквиния, Национальный музей.
Оригинал-макет подготовил *Л.В. Ланник*

Подписано в печать 26.12.08. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Букман Олд Стайл. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,44(28,25). Уч.-изд. л. 25,12. Тираж 300 экз.

ООО Издательство «Научная книга».
410054, г. Саратов, ул. Б.-Садовая, 127.
Лицензия ИД-№000125 от 30 августа 1999 г.